
3 1761 08143631 3

Исторія Византійской Имперіи

Ѳ. И. Успенскаго.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

ИЗДАНІЕ
БРОКГАУЗЪ-ЕФРОНЪ.
С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Акц. Общ. Брокгаузъ-Ефронъ. С.-Петербургъ, Прачешный пер., д. № 6.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЕРВАГО ТОМА ИСТОРІИ ВИЗАНТІЙСКОЙ ИМПЕРІИ.

ПЕРІОДЪ II (518—610).

Отъ Юстиніана I до Ираклія.

Стран.

Глава IV.

Глава V.

Глава VI.

Глава VII.

Глава VIII.

Глава IX.

Глава X.

Глава XI.

ПЕРІОДЪ III (610—716).

Ираклій и его преемники.

Глава I.

Глава II.

Указатель картъ, таблицъ и рисунковъ въ текстѣ.

Карты.

Таблицы.

Рисунки въ текстѣ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Я весьма сожалѣю, что поздно приступилъ къ печатанію работы, которую задумалъ не менѣе 25 лѣтъ назадъ. Часто возникаетъ сомнѣніе, удастся ли довести дѣло до конца, такъ какъ приближаюсь къ предѣлу жизни. Въ продолженіе сорокалѣтнихъ занятій разными отдѣлами Византіи я имѣлъ случай останавливаться на многихъ вопросахъ, и многіе отдѣлы обрабатывались въ разное время и съ разными цѣлями. Но когда наступила пора суммировать доселѣ приготовленное, оказалась въ разныхъ отдѣлахъ разность настроенія и неодинаковость общей идеи. Происходитъ ли это отъ условій возраста, или отъ условій постепеннаго расширенія кругозора?—Къ сожалѣнію, я не рѣшаюсь отвѣтить на этотъ вопросъ, т.-е. боюсь погрѣшить противъ дѣла. Несомнѣнно, 20 лѣтъ назадъ я говорилъ смѣлѣй, дѣлалъ болѣе обобщеній и заключеній, не такъ остороженъ былъ въ приговорахъ: теперь мнѣ часто приходилось смягчать выраженія, сглаживать рѣзкость мысли, передѣлывать цѣлыя главы, чтобы подогнать ихъ къ новому настроенію. Къ пользѣ ли это для дѣла?—Опять не могу высказаться положительно. Есть, однако, нѣкоторыя подробности, на которыхъ должно отразиться съ пользой то обстоятельство, что слишкомъ замедлилось появленіе въ печати моей работы. Съ 1895 г. живя въ Константинополѣ, я имѣлъ случай изучать людей, предками которыхъ создавалась исторія Византіи, непосредственно знакомиться съ памятниками и вникнуть въ психологію константинопольскаго патріархата, который во многомъ несетъ отвѣтственность за то, что большинство подчиненныхъ культурному вліянію Византіи народностей доселѣ находится въ столь жалкомъ положеніи. Такъ какъ

духовенство и монашество всегда занимали первенствующее мѣсто въ исторіи Византіи, то, конечно, немаловажное значеніе имѣетъ то обстоятельство, въ какомъ освѣщеніи излагать церковныя дѣла. Можетъ-быть, не живя столько времени среди грековъ и не изучая непосредственно жизнь патріархата, было бы невозможно и мнѣ отрѣшиться отъ теоретическихъ построеній и фикцій, которыми насъ такъ обильно надѣляютъ въ школѣ. Между тѣмъ реальный взглядъ на вселенскій патріархатъ, бросающій отлученія на славянскіе народы, нарушающіе его филетическую политику, въ высшей степени благовременно установить намъ какъ для русской церковной политики, такъ и для нашего народнаго самоопредѣленія, хотя бы въ виду того соображенія, что не за горами тотъ моментъ, когда онъ политическимъ ходомъ вещей и успѣхами католической и протестантской пропаганды будетъ доведенъ до положенія александрійскаго или іерусалимскаго патріархата, т.-е. когда потеряетъ почти весь Балканскій полуостровъ и значительную часть восточныхъ каѳедръ. Затѣмъ, только продолжительное пребываніе на Востокѣ и соединенныя съ тѣмъ путешествія по Малой Азіи, Сиріи и Палестинѣ могли для меня выяснить историческія судьбы Византійской имперіи, которая для своего существованія связана болѣе съ Востокомъ, чѣмъ съ Западомъ. Разумѣю не только то, что какъ константинопольская имперія, такъ и замѣнившая ее турецкая, главными своими матеріальными силами (военными людьми и доходами) обязана Востоку и всегда зависѣла отъ преданности восточныхъ провинцій, но и дѣйствительныя традиціи и историческіе факты. Ни одинъ изъ славянскихъ государей не совладалъ съ заманчивой мыслью основать въ Европѣ имперію на мѣстѣ греко-византійской; ни одно изъ европейскихъ княженій, основанныхъ въ Европѣ послѣ IV крестоваго похода—будь во главѣ его франки или мѣстные греки—не имѣло продолжительной исторіи и не привлекло къ себѣ народныхъ симпатій, а между тѣмъ въ Никейской имперіи сохранилась и созрѣла идея возстановленія Византійской имперіи въ XIII вѣкѣ. Урокъ исторіи долженъ быть строго провѣренъ и взвѣшенъ тѣми, кто въ настоящее время ожидаетъ дѣлежа наслѣдства послѣ «опасно больного» на Босфорѣ.

Такъ какъ настоящее изданіе не можетъ быть разсматриваемо какъ коммерческое предпріятіе и не вызвано ни служебными, ни карьерными цѣлями, то нахожу умѣстнымъ объяснить здѣсь, что фирма «Брокгаузъ-Ефронъ» своимъ согласіемъ издать «Исторію Византійской имперіи» въ томъ видѣ, въ какомъ она появляется передъ публикой въ настоящее время,

не мало повліяла на мое окончательное рѣшеніе приступить къ приготовленію текста для изданія, т.-е. рѣшиться на предпріятіе, къ осуществленію котораго всегда находились трудно устранимыя затрудненія.

Поступающая въ руки читателя книга не имѣетъ цѣлью замѣнить существующія старыя и новыя исторіи Византіи. Это не есть исчерпывающее изложеніе всѣхъ событій, входящихъ въ кругъ болѣе чѣмъ тысячелѣтней имперіи, — она заключаетъ поэтому не шесть или семь томовъ, а три. Не конкурируя и не пытаясь замѣнить изданныя исторіи Византіи, я, однако, питаю завѣтную мысль дать соотечественникамъ цѣльную систему въ такой области, которую считаю наиболѣе важной послѣ отечественной исторіи для національнаго самосознанія культурнаго русскаго обывателя. Съ этой цѣлью и въ желаніи быть общедоступнымъ, я не полагалъ необходимымъ дать большой научный аппаратъ ни въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ, ни въ концѣ главъ. Ссылки на пособія и цитаты источниковъ допускались въ той мѣрѣ, въ какой считалось необходимымъ, чтобы пытливый читатель не лишенъ былъ возможности при желаніи овладѣть тѣмъ матеріаломъ, который былъ въ распоряженіи автора: источники указываются тамъ, гдѣ даются оригинальные выводы на основаніи спеціальнаго ихъ изученія; пособія показаны руководящія, по которымъ легко найти указанія на литературу предмета. Не давать большихъ подстрочныхъ примѣчаній —это было условіе и со стороны издателя, которое я нашелъ имѣющимъ основанія. Можетъ-быть, я много привелъ мѣстъ въ русскомъ переводѣ изъ документовъ и литературныхъ произведеній описываемаго времени, но мнѣ всегда казалось, что это всего лучше вводитъ въ эпоху и передаетъ настроенія общества.

Авторъ пытался приложить все стараніе, чтобы этотъ трудъ, результатъ продолжительной, настойчивой и—да будетъ позволено присоединить—небезуспѣшной научной дѣятельности русскаго профессора, былъ достоинъ своей цѣли и предмета. Я родился въ 1845 г. и могу закончить это послѣднее научное предпріятіе къ семидесятилѣтнему періоду жизни, когда человѣку свойственно подводить итогъ всему пережитому и суммировать результаты своей дѣятельности. Легко понять, что мнѣ хотѣлось дать такое чтеніе въ руки русскаго читателя, которое, съ одной стороны, своей строгостью и серьезностью давало бы ему идею о продуманной и тщательно взвѣшенной системѣ, а съ другой —оставило бы добрую память объ авторѣ, который, рѣшаясь издать въ свѣтъ составленную имъ исторію Византіи, подчинялся внутреннему влеченію, исходящему изъ того убѣ-

жденія, что утвержденіе знаній о Византіи и выясненіе нашихъ къ ней отношеній въ высшей степени обязательно для русскаго ученаго и не менѣе полезно какъ для образованія, такъ и для направленія на вѣрный путь русскаго политическаго и національнаго самосознанія. Пусть читатель вдумается въ содержаніе главъ, посвященныхъ южнымъ славянамъ, и поищетъ тамъ иллюстрацій къ переживаемымъ нынѣ печальнымъ событіямъ на Балканскомъ полуостровѣ!

Въ заключеніе нѣсколько словъ по отношенію къ рисункамъ въ текстѣ и таблицамъ. Большинство иллюстрацій заимствовано изъ собраній Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ, и лишь небольшая часть взята изъ изданій, поименованныхъ въ Указателѣ. Въ частности считаю долгомъ выразить искреннюю благодарность г. Омону въ Парижѣ за любезное разрѣшеніе снять фотографіи съ Cod. Paris. 510, равно г. Милле за доставленіе фотографій изъ богатаго собранія Hautes Études для слѣдующихъ томовъ.

Ө. Успенскій.

Константинополь.
Октябрь 1912 г.

ВВЕДЕНІЕ

СХОДСТВА И РАЗЛИЧІЯ ВЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ РАЗВИТІИ ЗАПАДА И ВОСТОКА.

Въ наукѣ давно уже назрѣла потребность выразить въ простыхъ и общедоступныхъ формахъ разнообразіе историческихъ явленій. Къ этому приводитъ не только извѣстное свойство ума отыскивать сходства и различія въ наблюдаемыхъ фактахъ и размѣщать ихъ по опредѣленнымъ категоріямъ, къ этому настоятельно побуждаетъ также до колоссальныхъ размѣровъ разрастающійся историческій матеріалъ. Можно приходить въ ужасъ предъ мыслью о томъ удручающемъ количествѣ фактовъ, съ какимъ придется имѣть дѣло нашимъ потомкамъ. Историческій матеріалъ нарастаетъ съ каждымъ поколѣніемъ, изобрѣтающимъ новыя средства для увеличенія и разработки его, но еще болѣе онъ развивается по внутреннему содержанію и по объему, захватывая погибшія цивилизаціи и открывая погребенные подъ землей историческіе памятники. Настоитъ поэтому серіозная потребность произвести родъ хозяйственнаго инвентаря въ полученномъ нами отъ предковъ историческомъ наслѣдствѣ, освободить наши склады отъ обветшалыхъ предметовъ и годныя къ употребленію вещи распредѣлить по отдѣламъ и группамъ.

Указанная потребность сознана въ наукѣ, и многіе заняты въ настоящее время группировкой матеріала по его цѣнности и внутреннему значенію. Являются многочисленныя попытки объяснить смыслъ историческихъ фактовъ, отыскать причинную связь между событіями, указать общія схемы развитія народовъ. Эти попытки сопровождались весьма важнымъ и успокоительнымъ пріобрѣтеніемъ, дающимъ возможность безъ страха и опасенія смотрѣть на

умноженіе историческаго матеріала; онѣ показали: 1) что въ области безмѣрно накопившихся фактовъ и наблюденій надъ жизнью человѣческихъ обществъ существуютъ извѣстнаго рода послѣдовательность и закономѣрность, которая заставляетъ думать объ общихъ законахъ, управляющихъ всемірной исторіей; 2) что колоссальное накопленіе историческихъ фактовъ не затемняетъ, но разъясняетъ существо этихъ общихъ законовъ. Такимъ образомъ, есть полное основаніе надѣяться, что количество фактовъ, какъ бы оно ни могло въ будущемъ возрасти, не поработитъ человѣческаго ума, ибо наука постепенно пріобрѣтаетъ средства распознавать существенное и несущественное въ разнообразіи явленій, давать цѣну однимъ и отбрасывать другіе факты, употреблять въ дѣло тѣ, которые служатъ проявленіемъ общихъ законовъ историческаго развитія, и только отмѣчать остальные. Однимъ словомъ, получается въ томъ успокоительный выводъ, что, хотя исторія до безконечности раздвигается по своему объему, но въ то же время она сокращается по своему содержанію, въ смыслѣ подведенія разнообразныхъ фактовъ къ единству идеи.

Мы уже отвыкли относиться къ исторіи какъ къ сборнику болѣе или менѣе занимательныхъ фактовъ изъ военной и дипломатической жизни народовъ, и насъ болѣе теперь не удовлетворяютъ картинныя описанія; мы ждемъ отъ исторіи разъясненія законовъ развитія человѣческаго общества, отвѣта на вопросъ о томъ, какъ зарождаются въ человѣчествѣ новыя понятія, идеи и учрежденія, отчего крѣпнутъ и слабѣютъ народы. Широкія требованія къ исторіи достаточно оправдываются уже и тѣмъ, что историческіе вопросы нынѣ разрабатываются учеными археологами, антропологами, историками искусства, юристами и экономистами, и что историкъ не можетъ строить своей системы безъ знакомства съ обширнымъ кругомъ наукъ, подготовляющихъ матеріалъ для его выводовъ.

Далеко не всѣ отдѣлы всемірной исторіи одинаково разработаны. И прежде всего существуетъ громадная разница въ этомъ отношеніи между западно-европейской и восточно-европейской исторіей. Изученіе послѣдней шло гораздо медленнѣе; во всѣхъ отдѣлахъ исторіи, которые не имѣютъ ближайшаго отношенія къ Западу, господствуетъ много произвольнаго и не обоснованнаго на тщательной обработкѣ матеріала, который къ тому же не вполнѣ общедосту-

пенъ, а частью и не изданъ. Вслѣдствіе этого постепенно получавшія въ наукѣ преобладаніе теоретическія построенія о ходѣ всемірной исторіи оказываются не совсѣмъ пригодными къ разъясненію событій восточно-европейской исторіи. Сказаннымъ объясняется необходимость особой главы, которая должна служить введеніемъ въ исторію Византіи.

Представляетъ ли собой византійская исторія медленный процессъ упадка и разрушенія, лишена ли она всякой оригинальности, смѣны идей, борьбы за идеалы, или же, напротивъ, можно усматривать въ ней проявленіе тѣхъ же законовъ, подъ вліяніемъ которыхъ жили и другіе народы и государства? Есть ли исторія Византіи неправильно развивавшійся членъ всемірной исторіи, или же, напротивъ, она представляетъ собой органически развивающееся тѣло. Отрицательный взглядъ на Византію высказывался многими даже изъ тѣхъ, кто спеціально занимается ея исторіей. Меньшинство, и то только въ позднѣйшее время, начало указывать въ Византіи такія стороны, которыя могутъ характеризовать живой и развивающійся организмъ. Признаки развитія и смѣны идей обнаружены какъ въ литературѣ, такъ и въ искусствѣ, въ обычаяхъ и учрежденіяхъ. Мало-по-малу народилась потребность выразить въ опредѣленной формулѣ отношеніе византійской исторіи къ всемірной и показать, какое же мѣсто принадлежитъ Византіи въ исторіи человѣчества.

Чтобы намѣтить искомую формулу, необходимо прибѣгнуть къ сравненіямъ и сопоставленіямъ, а для этого важно указать тотъ кругъ историческихъ явленій, гдѣ между сравниваемыми фактами были бы наибольшая связь и взаимоотношеніе. Само собой разумѣется, легче поддаются анализу факты западно-европейской исторіи, какъ факты вполнѣ установленные и объясненные какъ по ихъ значенію и вытекающимъ изъ нихъ послѣдствіямъ, такъ и по преемственной связи и зависимости одного отъ другого. Это въ особенности можно сказать о начальномъ періодѣ среднихъ вѣковъ или о тѣхъ столѣтіяхъ, когда новые народы постепенно занимали территоріи древняго Рима и полагали начатки своей государственности. Исходные моменты западно-европейской исторіи, иначе говоря, начальный періодъ средней исторіи занималъ вниманіе многихъ европейскихъ ученыхъ, и выводы послѣднихъ даютъ готовый матеріалъ для нашихъ цѣлей. Остановимся на этихъ выводахъ.

Существуетъ научная теорія, по которой какъ характеръ нынѣшней французской націи, такъ и особенности политическаго устройства и быта французовъ объясняются преемствомъ отъ народа, который жилъ прежде нихъ на почвѣ Франціи. Это были кельты или галлы, давшіе и странѣ имя Галліи. Имѣется весьма живая характеристика этого племени въ сочиненіи Юлія Цезаря, который 9 лѣтъ провелъ между галлами, успѣлъ хорошо узнать ихъ и написалъ исторію своихъ войнъ съ ними. Онъ описываетъ галловъ какъ народъ въ высшей степени легкомысленный, падкій до новостей, всегда дѣйствующій подъ первымъ впечатлѣніемъ. Болѣе всего они увлекались собой, отличались необыкновеннымъ національнымъ тщеславіемъ, заносчивостью и хвастливостью. Война была любимымъ ихъ занятіемъ, они вели войну для войны и военной славы. Бывало, раненный галлъ самъ расширялъ рану, чтобы она казалась шире. Военное дѣло и искусство говорить громкія фразы—самыя выразительныя черты галловъ. Въ политическомъ устройствѣ ихъ древніе указываютъ такія черты, которыя сближаются съ французскими. Галльское сословіе военныхъ людей или всадниковъ (equites) напоминаетъ рыцарей, брейры или племенные князья, содержащіе многочисленную дружину, иногда доходящую до 10.000, сходны съ средневѣковыми баронами. Кліентельныя отношенія одного племени къ другому похожи на феодальную зависимость; могущественный классъ духовенства, владѣющаго свѣтскою властью, напоминаетъ римское папство. Всѣ эти черты дали происхожденіе теоріи, которая объясняетъ многіе факты французской исторіи заимствованіями отъ кельтовъ. Заключенія о близкомъ сродствѣ нынѣшнихъ французовъ съ древними кельтами сдѣлались, можно сказать, общимъ мѣстомъ. И тѣмъ любопытнѣе эта научная, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ, и политическая теорія, что прямой физіологической преемственности между этими двумя народами нельзя установить.

Какъ бы то ни было, самая блестящая характеристика французовъ, какую можно только указать, сдѣлана подъ вліяніемъ Цезаря. Такова страница Токвиля, „Старый порядокъ и революція“: „Изъ всѣхъ явленій французской исторіи наиболѣе страннымъ и наиболѣе необыкновеннымъ кажется самъ французскій народъ. Былъ ли когда на свѣтѣ народъ болѣе исполненный контрастовъ и болѣе способный вдаваться въ крайности, болѣе руководящійся чувствами и менѣе

принципами, стоящій то много выше, то много ниже общаго уровня человѣчества, народъ столь неизмѣнный въ главныхъ своихъ чертахъ, что его легко можно узнать въ разсказахъ Цезаря, и столь перемѣнчивый въ своихъ ежедневныхъ помыслахъ и наклонностяхъ, что нерѣдко онъ самъ для себя становился неожиданнымъ зрѣлищемъ, и самъ, не менѣе иностранцевъ, принужденъ изумляться при видѣ собственныхъ дѣлъ своихъ; народъ болѣе привязанный къ своему дому и къ своимъ привычкамъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, болѣе способный все измѣнять и идти на край свѣта, коль скоро онъ вышелъ изъ обычной своей колеи; непокорный по самой своей натурѣ и уживающійся съ произвольнымъ и насильственнымъ правленіемъ одного лица гораздо охотнѣе, чѣмъ съ разумнымъ и свободнымъ правленіемъ лучшихъ гражданъ; никогда не свободный настолько, чтобы нельзя было поработить его, и никогда не порабощенный такъ, чтобы онъ не могъ свергнуть съ себя иго; не знающій границы ни въ рабствѣ, ни въ свободѣ; годный на все, но стоящій на высшей степени совершенства только въ военномъ дѣлѣ; народъ, болѣе преклоняющійся передъ случаемъ, передъ силой, передъ успѣхомъ и блескомъ, чѣмъ предъ истинной славой; болѣе способный къ героизму, чѣмъ къ добродѣтели; къ геніальности, чѣмъ къ здравомыслію; къ составленію колоссальныхъ замысловъ, чѣмъ къ совершенію великихъ предпріятій: самая блестящая и самая опасная нація въ Европѣ, поперемѣнно возбуждающая къ себѣ удивленіе, ненависть, жалость, страхъ, но никогда не равнодушіе“.

Нѣтъ сомнѣнія, что эта блестящая характеристика французовъ, въ значительной долѣ подсказанная Цезаремъ, представляетъ собой извѣстное научное увлеченіе; во всякомъ случаѣ, Токвиль и тѣ историки, которые слѣдуютъ его направленію, видятъ во французской исторіи развитіе тѣхъ основныхъ народныхъ началъ, которыя характеризуютъ древнихъ кельтовъ. Ни вліяніе Рима, ни германскія поселенія въ Галліи, ни католическая церковь не имѣютъ съ этой точки зрѣнія существеннаго значенія въ построеніи французской исторіи и французскихъ учрежденій.

Такова сила фактовъ, представляющихся наблюденію при сравненіи кельтовъ съ французами, что передъ ними не устоялъ высочайшій авторитетъ прошлаго вѣка въ исторической наукѣ, Моммсенъ. Въ его характеристикѣ древнихъ кельтовъ можно между строками

читать приговоръ современнымъ французамъ. „При многихъ солидныхъ и еще болѣе блестящихъ качествахъ кельтская нація лишена той глубокой нравственной основы, на которой зиждется все великое и прекрасное въ человѣческомъ развитіи. Кельты сильны двумя качествами: военнымъ дѣломъ и краснымъ словомъ. Такія свойства хорошаго солдата и плохого гражданина объясняютъ намъ тотъ историческій фактъ, что кельты поколебали всѣ государства, но сами не основали ни одного. Что̀ бы они ни начинали, все расплывалось, какъ весенній снѣгъ, и нигдѣ имъ не суждено было создать своей культуры. Въ сильномъ круговоротѣ всемірной исторіи, который безжалостно сокрушаетъ всѣ народы, не крѣпкіе и не гибкіе подобно стали, кельты не могли долго держаться. Судьба ихъ—исчезнуть, подобно дрожжамъ будущаго развитія, въ политически превосходящей ихъ національности“.—Можно легко догадываться, что отрицательныя качества кельтовъ у Моммсена противополагаются положительнымъ свойствамъ германской націи, которая, какъ болѣе крѣпкая и гибкая, дала перевѣсъ германскимъ народнымъ началамъ въ новой исторіи. Такимъ образомъ, въ общихъ чертахъ легко предугадать главныя теченія, господствующія въ наукѣ по отношенію къ западной исторіи. Особенности кельтскаго характера многихъ подкупаютъ въ пользу того мнѣнія, что французская исторія со всѣми ея отличіями въ вѣрованіяхъ, въ военномъ дѣлѣ, въ правѣ, въ сословныхъ отношеніяхъ и т. п. можетъ быть объяснена изъ быта кельтовъ. Придерживающіеся такого воззрѣнія, которое пріобрѣтаетъ характеръ національной французской теоріи, нашли себѣ весьма сильную поддержку въ выводахъ романской школы, по которой сущность средневѣковаго историческаго развитія сводится въ главныхъ чертахъ къ исторіи романизаціи новыхъ народовъ.

Рядомъ съ этимъ направленіемъ стоитъ другое, которое усматриваетъ основныя черты всего строя западной исторіи, не исключая и французской, въ особенностяхъ быта и характера жизни древнихъ германцевъ. Къ счастью для этой школы, которую можно назвать нѣмецкой, знаменитый римскій историкъ Тацитъ (между 98—100 гг. христіанской эры) описалъ германцевъ не только въ подробностяхъ ихъ быта, но, что еще важнѣе, съ замѣчательнымъ сочувствіемъ и восхваленіемъ ихъ народныхъ чертъ. Въ высшей степени любопытно то, что у Тацита дѣйствительно можно находить такія свойства быта

германцевъ, которыя прямо могутъ быть примѣнены къ нѣмцамъ среднихъ вѣковъ. Особенно имѣется въ виду описаніе дружиннаго быта. „Окружать себя толпой избранныхъ юношей считается достоинствомъ, украшеніемъ во время мира, охраной на войнѣ. Почеть и слава не только въ своемъ колѣнѣ, но и у сосѣднихъ народовъ тому, кто отличается числомъ и храбростью дружины. Во время сраженія для предводителя считается позоромъ не превосходить всѣхъ храбростью, и для дружины постыдно отставать отъ предводителя. Ибо ожидаетъ безславіе и позоръ на всю жизнь того, кто остался на полѣ сраженія живымъ, потерявъ предводителя. Защищать и оборонять его, своими подвигами возвеличивать его славу считается священною обязанностью. Предводители сражаются изъ-за славы, дружина—за предводителя. Если родное племя цѣпенѣетъ въ продолжительномъ мирѣ и праздности, знатные юноши стремятся къ тѣмъ, которыя ведутъ войну, ибо не любъ этому народу покой, въ опасностяхъ легче пріобрѣтается слава, да и нельзя иначе содержать большую дружину, какъ насиліемъ и войной. Дружинники получаютъ отъ предводителя коня и кровавую побѣдоносную фрамею, жалованьемъ не пользуются, но имѣютъ готовое содержаніе и помѣщеніе“.

Приведенное мѣсто—находка для тѣхъ, кто пожелалъ бы генетически объяснить происхожденіе средневѣковыхъ учрежденій: отношеніе сеніора къ вассалу, рыцарство и вообще тотъ характеръ личныхъ отношеній, которымъ такъ отличается средневѣковое устройство.

Изъ предыдущаго можно усмотрѣть, что исторія французовъ и германцевъ основаніями своими покоится на двухъ теоріяхъ: съ одной стороны, что романизованные кельты опредѣлили характеръ французовъ, а съ другой—что тацитовскіе германцы заключаютъ въ себѣ существенные элементы для объясненія германской исторіи. Въ смыслѣ исторической эволюціи эти національныя школы представляютъ въ себѣ сильно уязвимыя мѣста. Если существенныя особенности средневѣковаго строя даны формами жизни кельтовъ или германцевъ, то зачѣмъ понадобился длинный періодъ развитія въ 8 или 9 вѣковъ, чтобы этимъ формамъ развиться въ средневѣковый феодализмъ. Почему же сеніоры и вассалы съ наслѣдственными привилегіями и съ присягой на вѣрность частному лицу появляются въ

X вѣкѣ? Наконецъ, существуетъ такая научная теорія, которая вообще не придаетъ существеннаго значенія индивидуальнымъ отличіямъ и характеристикамъ народовъ; въ основѣ ея лежитъ мысль, что всѣ народы проходятъ одинаковыя стадіи развитія. Сравнительно-историческій методъ, берущій аналогіи въ разныхъ мѣстахъ и изъ различныхъ эпохъ, принесъ уже много важныхъ научныхъ результатовъ и сталъ примѣняться во всѣхъ ученыхъ литературахъ. Для дальнѣйшихъ цѣлей нашихъ онъ имѣетъ особенную важность, и потому позволимъ себѣ указать существенные выводы, добытые представителями этого направленія.

Прежде всего, говорятъ приверженцы упомянутаго направленія, нужно считать большой ошибкой то мнѣніе, по которому исторія развитія европейскаго человѣчества обрывается съ паденіемъ Западной римской имперіи и вновь начинается черезъ нѣкоторый періодъ времени въ исторіи ново-европейскихъ народовъ. Эти новые народы не принесли съ собой никакихъ культурныхъ элементовъ, которыхъ бы не было въ Римской имперіи. Все, что представляли они въ себѣ оригинальнаго и самобытнаго, въ общемъ было слишкомъ слабо и неустойчиво и не могло противостоять правильно организованнымъ и хорошо приспособленнымъ общественнымъ формамъ римской жизни. Напрасно, далѣе, думаютъ, что Римъ душилъ и тѣснилъ своихъ подданныхъ. Напротивъ, императорскій періодъ благопріятствовалъ развитію провинцій, вызвалъ въ нихъ богатую производительность и торговлю и сослужилъ высокую воспитательную роль для новыхъ народовъ. Эти послѣдніе, осѣвъ въ предѣлахъ имперіи, воспользовались готовыми формами общежитія и стали къ нимъ примѣняться. Типическія особенности западной исторіи, напримѣръ, феодализмъ, рыцарство, зависимый трудъ земледѣльца и т. п. были подготовлены римскимъ развитіемъ, а не даны кельтами или германцами. Это направленіе, придающее главное значеніе въ ново-европейскомъ развитіи римскому вліянію и отрицающее всякіе перерывы въ исторической эволюціи, имѣетъ особенный интересъ по своимъ прикладнымъ выводамъ. Исторія западно-европейскаго развитія и западной культуры признается всеобщимъ типомъ, съ которымъ должны сообразоваться всѣ историческіе народы. Одинаковый напоръ варваровъ на рейнскія и дунайскія границы долженъ сопровождаться и одинаковыми послѣдствіями на Востокѣ и Западѣ. Вся

историческая эволюція ново-европейской исторіи направляется однимъ и тѣмъ же путемъ и проходитъ тѣ же стадіи. Съ этой точки зрѣнія и феодализмъ есть всеобщій законъ, котораго не можетъ миновать ни одинъ историческій народъ.

Не трудно понять, что германская и кельтская теоріи основываются, по существу, на весьма несложныхъ наблюденіяхъ. Въ X в. во всѣхъ западныхъ государствахъ наблюдается одинъ общій укладъ внутренней жизни: деревня и помѣщичья усадьба находятся между собой въ тѣхъ же зависимыхъ отношеніяхъ въ Германіи, равно во Франціи и въ другихъ странахъ; помѣщикъ вездѣ одинаково стремится стать государемъ. Въ этой тенденціи мы видимъ утвержденіе того порядка вещей, который извѣстенъ подъ именемъ феодализма, и который дѣйствительно служитъ самымъ существеннымъ и всеобщимъ признакомъ западнаго развитія. Господство и всеобщность феодализма на Западѣ въ средніе вѣка, несомнѣнно, было главнымъ мотивомъ для западныхъ ученыхъ въ построеніяхъ ими всей своей исторіи. Извѣстія Тацита о германской дружинѣ, объ особомъ обрядѣ вступленія въ дружину, наконецъ, о вѣрности членовъ дружины своему предводителю такъ хорошо гармонировали съ отношеніями вассала къ сеніору, съ обрядомъ посвященія въ рыцари и проч., что естественно было видѣть начатки средневѣковыхъ учрежденій у германцевъ временъ Тацита. Точно также представляемая Цезаремъ картина политической борьбы у кельтовъ, въ которой болѣе могущественные князья, владѣя тысячами военныхъ людей, достигали принципата, и въ которой кліентельныя отношенія цѣлыхъ племенъ и сословій такъ напоминаютъ феодальную зависимость цѣлыхъ территорій, естественно должна была подкупать въ пользу предположенія, что основы феодализма скрываются въ быту кельтовъ, описанныхъ Цезаремъ. Что касается романской теоріи, объясненіе характерныхъ явленій западно-европейскаго развитія въ ней исходитъ изъ признанія всеобщности нѣкоторыхъ историческихъ законовъ.

Представители романской теоріи или романисты настаиваютъ на томъ положеніи, что новые народы не могли ничего противопоставить римской культурѣ и невольно подчинились тѣмъ условіямъ быта, которыя находили среди романизованныхъ населеній Италіи, Галліи, Испаніи и частью Германіи. Ничего не противопоставивъ романскому вліянію, новые народы ничего своего не привнесли въ

исторію. Римъ естественнымъ путемъ пришелъ бы къ той формѣ быта, какая характеризуетъ средніе вѣка. Такое положеніе весьма пригодно къ устраненію крайностей упомянутыхъ національныхъ теорій, но само по себѣ оно также не объясняетъ всего разнообразія явленій въ исторіи. Въ основу этого положенія поставленъ законъ естественнаго развитія европейскаго человѣчества. Въ той мѣрѣ, какъ новые народы воспринимали плоды римской образованности, они становились гибкимъ и послушнымъ матеріаломъ, который былъ формируемъ романизмомъ по его собственнымъ склонностямъ.

Если поставимъ вопросъ шире и будемъ вести рѣчь о всемірной исторіи, то найдемъ, что указанныя теоріи удовлетворительны для объясненія лишь частныхъ исторій, а не всеобщей. Успѣхами изученія всеобщей исторіи мы обязаны исключительно западнымъ ученымъ. Понятно, что западно-европейскія теоріи имѣютъ и у насъ широкое примѣненіе, вліяя на разработку даже нашей собственной исторіи. Нужно ли говорить, что національныя теоріи представляютъ собой выраженіе національныхъ и политическихъ тенденцій; можно ли сомнѣваться, что въ оцѣнкѣ факторовъ, вліяющихъ на развитіе европейской исторіи, западная наука дала преобладаніе тѣмъ, которые выражаютъ западныя народныя начала? Но, конечно, не трудно доказать, что западная исторія не вполнѣ одно и то же, что европейская исторія, а тѣмъ болѣе не всеобщая, и что въ послѣдней могутъ оказаться важными такіе факторы, которые не имѣютъ принципіальнаго значенія въ первой. Если мы пожелаемъ установить общія схемы новоевропейскаго развитія, то должны будемъ отнестись съ одинаковымъ вниманіемъ къ фактамъ западно- и восточно-европейской исторіи, иначе наше построеніе будетъ односторонне и невѣрно. Такъ, если бы мы, желая указать особенности историческаго развитія славянскаго племени, собрали для этого матеріалъ только въ польской исторіи, то наша теорія была бы не вѣрна въ томъ отношеніи, что исторіи другихъ славянъ могутъ представлять такія стадіи развитія, какихъ нѣтъ у поляковъ.

Западная историческая наука въ своихъ построеніяхъ отправляется изъ двухъ, собственно говоря, наблюденій: одно дано изученіемъ Западной римской имперіи и отношеній ея къ новымъ народамъ, другое получается изъ исторіи германцевъ, французовъ, англичанъ и др. послѣ эпохи великаго переселенія; но этихъ наблюденій

не достаточно для заключеній объ общихъ законахъ европейскаго развитія. Кто считаетъ ихъ достаточными, тотъ смотритъ на народы не-германской и не-романской расы какъ на ненужный служебный придатокъ, съ которымъ не стоитъ много церемониться. Въ западныхъ историческихъ системахъ нѣтъ мѣста наблюденіямъ надъ исторіей Византійской имперіи и ея отношеній къ новымъ народамъ и надъ исторіей грековъ и славянъ, персовъ, арабовъ и другихъ восточныхъ народовъ послѣ паденія Западной имперіи. Самымъ очевиднымъ и безспорно важнѣйшимъ наслѣдіемъ, завѣщаннымъ древнимъ міромъ среднимъ и новымъ вѣкамъ, нужно признать самый фактъ существованія въ Европѣ романскихъ народностей. Нынѣшніе итальянцы, французы, испанцы и румыны не суть, конечно, потомки старыхъ римлянъ, но они и не германскіе готы и лангобарды, не франки и не свевы и вестготы, это олатыненные, т.-е. романизованные германцы. Что разлагающійся якобы Римъ императорской эпохи заключалъ въ себѣ громадный запасъ жизненныхъ силъ, это видимъ изъ того, что новые народы не выказали сопротивленія культурному римскому вліянію, и всѣ были увлечены потокомъ романизаціи. Нельзя думать, что романизація была распространяема только оружіемъ и насиліемъ; нѣтъ, римская власть давала и преимущества, которыми не могли не дорожить новые народы. Не вся сила римской политики заключалась въ знаменитомъ девизѣ: divide et impera, т.-е. умѣй раздѣлить интересы подвластнаго населенія, и тогда легко будетъ управлять. Стало уже извѣстно, что Римъ многимъ и поступался въ пользу подвластныхъ населеній, стараясь сдѣлать мало замѣтной утрату національной свободы и переходъ подъ чуждую власть. Принято говорить, что заслуга римской имперіи состоитъ въ томъ, что она романизовала новые народы. Это значитъ, что имперія открывала новымъ народамъ доступъ къ тѣмъ благамъ культуры, которыя были выработаны совокупными усиліями эллино-римскаго міра; это значитъ, что Римъ предоставлялъ своимъ подданнымъ свободный доступъ къ образованію, къ почетнымъ должностямъ и поощрялъ ихъ предпринимать административныя, экономическія и политическія реформы въ ихъ собственныхъ областяхъ. Галлія и Испанія давали Риму императоровъ, выставляли ученыхъ и поэтовъ. Латинскій языкъ становится господствующимъ языкомъ образованныхъ сословій въ провинціяхъ; римская вѣра смѣняетъ

народныя вѣрованія, жертвенникъ Рима и Августа дѣлается политическимъ и религіознымъ центромъ въ городахъ варварскихъ. Римское право и римская система землевладѣнія безъ особенной борьбы завоевываютъ себѣ твердое положеніе въ варварскихъ земляхъ. Но нужно быть осторожнымъ при оцѣнкѣ области дѣйствія романизаціи. Римскія постройки, театры, бани и т. п. памятники римской пластики, архитектуры и живописи находятся по всей области римскаго политическаго вліянія до Трира, Страсбурга и Майнца. Здѣсь были опорные пункты, здѣсь стояли легіоны, на долю которыхъ падаетъ значительная часть успѣховъ распространенія римскаго языка у германцевъ. Прочно также было римское вліяніе на Дунаѣ, и тѣмъ любопытнѣе слѣды его на Балканскомъ полуостровѣ, что римское здѣсь господство было не такъ продолжительно. Итакъ, романизація должна быть признана могущественнымъ факторомъ исторіи западныхъ народовъ; но она, во-первыхъ, не въ состояніи объяснить строй западно-европейской исторіи, во-вторыхъ, она не простирается на всю Европу.

Въ то время, какъ Западъ въ лицѣ нынѣшнихъ романскихъ и романизованныхъ народовъ воспринималъ и усваивалъ себѣ разнообразныя вліянія Рима, Востокъ обнаружилъ значительное упорство въ этомъ отношеніи, выставивъ противъ романизаціи потокъ мѣстныхъ особенностей: особую культуру, языкъ, право, словомъ, національныя особенности. На первомъ мѣстѣ стоитъ, конечно, Греція, хотя и слабая политической силой, но гордая своей старой культурой, нѣкогда возобладавшей даже въ Римѣ, имѣвшая свой развитой языкъ и вѣковыя историческія традиціи. Рядомъ съ Греціей нужно поставить восточныя римскія провинціи: Малую Азію, Сирію, Палестину, Месопотамію и Египетъ. Не въ томъ, конечно, нужно искать причину ослабленія романизаціи въ названныхъ областяхъ, что онѣ меньше подвергались прямымъ воздѣйствіямъ латинскаго языка или римскаго права, а въ томъ, что греки, египтяне, сирійцы и другіе народы оказались въ состояніи выдержать борьбу съ романскимъ теченіемъ, выставивъ въ отпоръ ему не менѣе жизненныя національныя культурныя теченія. Въ той же степени была неудачна романизація въ отношеніи къ тѣмъ славянамъ, которые входили въ сношенія съ имперіей. Славянамъ предстоялъ выборъ между римско-католическими вліяніями и противоположными имъ; что выборъ ихъ

склонился не въ пользу романизма, этимъ, съ одной стороны, опредѣлился характеръ ихъ исторіи, съ другой намѣчились особенности историческаго развитія цѣлой половины европейскаго человѣчества.

Восточная имперія, отдѣлившись отъ Западной, прежде всего отмѣчаетъ свои историческія тенденціи принятіемъ греческаго языка своимъ оффиціальнымъ языкомъ, этимъ уже дано было внѣшнее выраженіе преобладанію эллинскихъ элементовъ надъ романскими. Далѣе, Восточная имперія разрѣшаетъ проблему, которой не удалось разрѣшить Западной,—она ужилась съ новыми варварскими элементами, вступивъ съ ними въ такой родъ соединенія, который не удался на Западѣ. Наконецъ, Восточная имперія по своему этнографическому составу и по своимъ учрежденіямъ представляетъ въ себѣ протестъ противъ того утвержденія, что типъ, по которому сложилась западно-европейская исторія, есть универсальный типъ. И, конечно, было бы ошибочно строить теоріи историческаго развитія народовъ, исходя исключительно изъ фактовъ западной исторіи и пренебрегая восточно-европейской, т.-е. цѣлой половиной подлежащаго изученію матеріала. Восточная имперія перестаетъ быть продолженіемъ римской съ VII и въ особенности съ VIII вѣка, она становится съ тѣхъ поръ представительницей византинизма. На этой ступени развитія она можетъ быть сравниваема съ римской имперіей Карла Великаго; какъ послѣдняя образовалась изъ сочетанія національныхъ германскихъ началъ и романскихъ элементовъ, такъ и Византійская имперія произошла изъ взаимодѣйствія греко-римскихъ и разнообразныхъ варварскихъ элементовъ. Формальный параллелизмъ главныхъ фактовъ западно-европейской и византійской исторіи можетъ подкупить въ пользу того мнѣнія, что формы западнаго развитія вполнѣ соотвѣтствуютъ восточнымъ. Но стоитъ обратить вниманіе на подробности, и дѣло получаетъ совсѣмъ иной видъ.

Въ отношеніяхъ новыхъ народовъ къ имперіи нужно различать двоякаго рода случаи: или варвары насильно врывались въ имперскія области и располагались въ нихъ на временное или постоянное жительство, или же поселеніе совершалось по взаимному соглашенію и договору. Въ послѣднемъ случаѣ народъ свободно располагался или въ завоеванной имъ области, или въ такой, которая ему была указана императорскимъ правительствомъ на извѣстныхъ условіяхъ. Главной задачей имперіи въ томъ и въ другомъ случаѣ было

установить съ варварами болѣе или менѣе сносный родъ сожительства, сосѣдства или союза. Отъ фактическаго порабощенія новыхъ народностей, неудержимо напиравшихъ на рейнскія и дунайскія границы, имперія отказалась уже въ IV в. Самымъ критическимъ моментомъ нужно считать начало V в., когда Востокъ и Западъ одинаково находились въ рукахъ варварскихъ предводителей. Это было время правленія дѣтей Ѳеодосія Великаго, Аркадія и Гонорія, но во главѣ стояли Руфинъ и Стилихонъ. Тогда въ первый разъ готы начинаютъ смѣлыя нападенія на Италію. Аларихъ и Атаульфъ въ 410 г. взяли Римъ и сдѣлались обладателями имперіи, тогда же другіе варвары прорываются за Рейнъ и овладѣваютъ Галліей. Аларихъ не остается въ Римѣ („варвары боялись городовъ, какъ могилъ"), Атаульфъ униженно проситъ императора дать ему руку сестры его и указать, какимъ образомъ готы могутъ служить интересамъ Рима. А Ѳеодорихъ Великій писалъ императору: „Богу угодно было, чтобы я научился правительственной наукѣ въ вашей имперіи. Наше королевство—подражаніе вашему; мы превосходимъ другіе народы тѣмъ, что подражаемъ вамъ". Имперія нѣсколько разъ лежала у ногъ варварскихъ побѣдителей задолго еще до такъ называемаго паденія Западной имперіи, но престижъ имени римской имперіи наводилъ чары на завоевателей и гналъ ихъ изъ побѣжденнаго Рима. Съ этой точки зрѣнія отношенія одинаковы какъ на Востокѣ, такъ и на Западѣ. Разница та, что, лишенный преимущества быть столицей имперіи, Римъ съ половины V в. теряетъ свой престижъ, и на томъ мѣстѣ, гдѣ была имперія, начинаютъ зарождаться этнографическія группы, которымъ предстояло выработать формы политической жизни. Между тѣмъ, столица Восточной имперіи пережила крушеніе Рима и должна была на Востокѣ и Западѣ продолжать по отношенію къ варварамъ дѣло имперіи. Несмотря на сильный потокъ романизаціи, увлекшій своимъ теченіемъ новые народы, Западъ теряетъ связь со своимъ центромъ и переноситъ историческій пульсъ на окраины, въ кельто-германскія и германскія области. На Востокѣ Константинополь оставался политическимъ, культурнымъ и религіознымъ центромъ, къ которому постоянно притекали свѣжія силы, и у котораго никто не могъ оспаривать его первостепеннаго значенія. Задача обновленія древней имперіи принятіемъ новыхъ народовъ разрѣшилась на Востокѣ гораздо благопріятнѣе, чѣмъ на Западѣ. Въ этомъ отношеніи

главнѣйше имѣется въ виду славянская колонизація. Византійская имперія не только нашла способъ воспринять въ себя новые этнографическіе элементы, т.-е. поставить варваровъ въ такое положеніе, въ которомъ бы они съ наибольшей пользой служили цѣлямъ имперіи, но еще представила опытъ согласованія романизма и эллинизма съ началами, воспринятыми отъ новыхъ народовъ.

Около времени паденія Западной имперіи на Востокѣ былъ составленъ особый законникъ, въ которомъ римскія правовыя воззрѣнія согласованы и примѣнены къ потребностямъ восточныхъ провинцій имперіи. Въ VIII в. составленъ другой законодательный памятникъ, въ которомъ не столько римское право примѣнено къ потребностямъ славянскихъ населеній, сколько передѣланъ законъ о сельскомъ сословіи согласно съ новыми началами, внесенными въ имперію новыми подданными. Оба названные памятника имѣютъ общее значеніе; они показываютъ, съ одной стороны, какія преграды выставилъ Востокъ романизаціи, съ другой—оба они служатъ выраженіемъ византинизма и показателемъ заключающихся въ немъ понятій. Такъ называемый сирійско-римскій законникъ, открытый въ 1880 году, имѣлъ широкое распространеніе на Востокѣ отъ VI до XIV вѣка. Если припомнимъ, что въ томъ же VI вѣкѣ Юстиніанъ предпринялъ задачу редактировать старое римское законодательство и собрать объясненія римскихъ юристовъ, и если результаты его дѣятельности—Пандекты и кодексъ—не получили абсолютнаго примѣненія въ Византійской имперіи, то виной тому былъ, между прочимъ, указанный выше сирійскій законникъ. Онъ составилъ собой непреодолимую преграду для распространенія Юстиніанова кодекса, такъ какъ былъ болѣе практиченъ, а главное примѣненъ къ потребностямъ и интересамъ восточныхъ народовъ. Такимъ образомъ, распространенію римскаго права на Востокѣ была положена преграда въ концѣ V вѣка.

Подобная же переработка римскаго права въ интересахъ разноплеменнаго состава имперіи наблюдается и въ послѣдующіе періоды. Особенный интересъ въ этомъ отношеніи имѣютъ слѣды славянскаго обычнаго права въ византійскомъ законодательствѣ. Въ законодательствѣ VIII вѣка являются совершенно неожиданныя и трудно объяснимыя изъ римскаго права новшества: свободное крестьянское сословіе и свободное мелкое землевладѣніе. Законъ примѣненъ къ

потребностямъ населенія, живущаго въ общинѣ и владѣющаго общинной землей. Эти новшества въ греческомъ законодательномъ памятникѣ, изданномъ византійскимъ императоромъ, характеризуютъ византинизмъ и показываютъ, что въ немъ заключены и славянскія правовыя воззрѣнія, и слѣды славянскаго быта.

Итакъ, отдавая должное романизаціи въ процессѣ образованія западно-европейской государственности, мы, съ другой стороны, не можемъ не придавать значенія византинизму, какъ организующему началу историческаго развитія на юго-востокѣ Европы. Будемъ справедливы и согласимся, что, если романизмъ формируетъ франкское государство и лежитъ важнымъ факторомъ въ имперіи Карла В. и Оттоновъ, если римскія правовыя воззрѣнія оказываютъ очень сильное дѣйствіе во всей исторіи Запада, то, съ своей стороны, византинизмъ становится идеаломъ славянскаго царства, къ которому стремятся передовые славянскіе народы; съ Юга византинизмъ доходитъ до Кіева и Москвы, по византійскимъ началамъ складывается историческая жизнь восточно-европейскихъ народовъ. Въ связи съ византинизмомъ стоитъ распредѣленіе Европы на двѣ половины: православную и католическую. Словомъ, византинизмъ есть историческій принципъ, дѣйствія котораго обнаруживаются въ исторіи народовъ Юга и Востока Европы; этотъ принципъ заправляетъ развитіемъ многихъ народовъ до настоящаго времени и выражаетъ особый складъ вѣрованій и политическихъ учрежденій, и, можно думать, особый видъ организаціи сословныхъ и земельныхъ отношеній.

Когда мы обсуждаемъ какое-либо событіе политической, военной или дипломатической исторіи, всегда можемъ, разложивъ его на составныя части, доискаться, до нѣкоторой степени, причинъ, давшихъ ему извѣстное направленіе. Такъ, можемъ указать нѣкоторыя причины неуспѣха Франціи въ войнѣ съ Пруссіей, или до нѣкоторой степени объяснить неудачный походъ Наполеона I на Россію, или, наконецъ, намѣтить, хотя бы въ общихъ чертахъ, причины нашихъ неудачъ въ войнѣ съ Японіей. Но гораздо труднѣе дается пониманіе фактовъ, относящихся до внутренней исторіи. Здѣсь гораздо сложнѣе составные элементы, меньше замѣтна личная иниціатива; здѣсь, наконецъ, не такъ легко опредѣлить причины, производящія то или иное сочетаніе фактовъ. Разумѣемъ народные вѣрованія, обычаи,

формы общественной жизни, умственное движеніе, прогрессъ и упадокъ и т. п. Сколько, въ самомъ дѣлѣ, данныхъ нужно принять въ соображеніе, чтобы объяснить себѣ, почему Франція такъ быстро оправилась послѣ безпримѣрной въ лѣтописяхъ войны?

И между тѣмъ фактамъ и явленіямъ, относящимся до исторіи культуры, нельзя не придавать рѣшительнаго преимущества тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о сравнительной оцѣнкѣ развитія двухъ половинъ Европы. Убѣдительная сила ихъ заключается въ томъ, что сравненію могутъ подвергаться факты одной и той же категоріи, и притомъ не въ одной, а въ послѣдовательныхъ стадіяхъ развитія, отъ первичной формы до вполнѣ законченной. Можно сравнивать философское и религіозное движеніе на Западѣ и Востокѣ, искусство и литературу, наконецъ, формы общественности и государственное и церковное устройство.

Мы возьмемъ для сравненія рядъ фактовъ, относящихся къ развитію общественности на Западѣ и Востокѣ; это дастъ намъ случай высказать нѣсколько соображеній по поводу того историческаго направленія, которое переноситъ центръ тяжести въ исторіи на изученіе экономическихъ факторовъ народнаго хозяйства. Названное направленіе или школа оказала большую услугу въ особенности тѣмъ, что выяснила первоначальныя основанія, на которыхъ покоится средневѣковой общественный и политическій складъ. Сведя эти основанія къ неумолимому закону политической экономіи, она придала, какъ кажется, слишкомъ важное значеніе этому закону въ ущербъ наблюденіямъ, получаемымъ изъ исторіи Восточной Европы.

Западныя лѣтописи, законодательства и частные акты открываютъ одно замѣчательное явленіе средневѣковой жизни, которое одинаково повторяется во всѣхъ слояхъ общества. Болѣе слабые въ экономическомъ отношеніи, равно какъ ниже другихъ стоящіе по своимъ гражданскимъ правамъ люди, дабы избѣжать разнаго рода житейскихъ невзгодъ, поголовно стремятся отыскать себѣ защитника въ лицѣ богатаго и сильнаго сосѣда. Это весьма распространенный актъ коммендаціи, которымъ лица низшихъ сословій и состояній принимали на себя добровольную, повидимому, зависимость, на самомъ же дѣлѣ вступали въ кабалу. Одни вступали въ зависимость къ королю, другіе—къ частнымъ лицамъ. Кто искалъ защиты, тотъ

обязывался къ послушанію и разнаго рода повинностямъ и службѣ; кто обѣщалъ защиту, тотъ давалъ согласіе оберегать интересы защищаемыхъ. Этотъ обычай былъ такимъ общераспространеннымъ и такъ согласовался съ условіями жизни, что тогдашніе законы, повидимому, не допускали иного состоянія, какъ зависимое. „Каждый, говорится въ одномъ распоряженіи Карла Великаго, имѣетъ право послѣ смерти своего господина рекомендовать себя другому". Или еще: „Всѣмъ дозволяется держать въ своей коммендаціи свободныхъ людей". Люди благороднаго происхожденія и вообще привилегированные классы также не были свободны отъ этого акта коммендаціи съ тою лишь разницей, что, когда знатный германецъ вступаетъ въ личную зависимость короля и даетъ ему присягу на вѣрность, онъ выигрываетъ этимъ, ибо получаетъ большія преимущества по военной службѣ, на его долю перепадаетъ много благъ по управленію провинціями, по почетнымъ назначеніямъ и т. п. Точно также пользуются уже отъ него преимуществами и выгодами и тѣ лица, которыя находятся у него въ коммендаціи.

Таково всеобщее явленіе, происхожденіе и послѣдствія котораго въ высшей степени важны для всей исторіи западнаго развитія. Въ сферѣ земельныхъ отношеній оно постепенно направляется къ тому, чтобы подвести все крестьянское населеніе въ зависимое отъ помѣщика-землевладѣльца состояніе. На всемъ пространствѣ Европы, куда простиралась романизація, къ VIII вѣку складывается одинъ и тотъ же типъ соціальный и экономическій: помѣщичья усадьба и кругомъ нея зависимыя отъ помѣщика крестьянскія селенія, жители которыхъ находятся въ коммендаціи у помѣщика, отбывая разныя натуральныя и денежныя повинности въ его пользу.—Часто бывали случаи отпущенія на волю; изъ этого ясно, что существовало и обратное теченіе въ жизни, которое возводило людей къ свободѣ; но обстоятельства времени были такъ неблагопріятны, что свободный опять долженъ былъ искать себѣ господина и защитника. „Если тебѣ случится— говорится въ одномъ памятникѣ—для защиты своихъ правъ гражданскихъ прибѣгнуть подъ покровительство церкви или кого найдешь удобнымъ, то имѣешь къ тому полную свободу".

Въ объясненіи этой черты западнаго развитія ученые не сходятся. Они приписываютъ ее національной особенности германцевъ, другіе—кельтовъ, третьи объясняютъ вліяніемъ римской политиче-

ской и экономической системы. Римская земельная система императорской эпохи характеризуется господствомъ крупнаго владѣнія. Въ каждомъ значительномъ римскомъ хозяйствѣ одна часть земли выдѣлялась подъ помѣщичью усадьбу, а другая была раздѣляема на мелкіе участки, которые были сдаваемы въ арендное содержаніе. Управленіе хозяйствомъ и крестьянскимъ населеніемъ было поручаемо надзирателю, такъ какъ самъ помѣщикъ жилъ въ городахъ и въ свою виллу рѣдко заглядывалъ. Устройство римской помѣщичьей усадьбы (лат. villa) сдѣлалось образцомъ для средневѣковаго хозяйства. Право собственности на землю принадлежитъ помѣщику, въ фактѣ обработки чужой земли лежитъ идея зависимости. Кто сѣлъ на чужую землю и сталъ обрабатывать ее, тотъ вступилъ въ зависимое положеніе къ владѣльцу земли. Такимъ образомъ, римскій патронатъ смѣняется въ занимающій насъ періодъ коммендаціей.

Но вопросъ нѣсколько измѣнится, если обратить вниманіе на то обстоятельство, что въ основаніи общаго стремленія къ кабалѣ со стороны отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ классовъ лежатъ условія экономической тягости и недостатка средствъ къ осуществленію гражданскихъ правъ. Тѣ, которые относятъ указанное явленіе на счетъ римскаго вліянія, правы лишь въ томъ отношеніи, что усмотрѣли сходство въ организаціи римской виллы и средневѣковой помѣщичьей усадьбы, но едва ли вѣрно предположеніе о генетической связи той и другой системы. Одинъ изъ видныхъ представителей этой школы, англичанинъ Сибомъ [1]), который послѣдовательно провелъ свою теорію отъ начала исторіи до XIX вѣка, нашелъ въ актѣ коммендаціи и въ системѣ римской виллы оправданіе современнаго аграрнаго строя Англіи. Онъ написалъ ученую книгу, въ которой доказываетъ, что весь процессъ соціальнаго развитія, который только можно прослѣдить по памятникамъ, состоитъ въ постепенномъ освобожденіи земледѣльца отъ крѣпостной зависимости къ господину, доказывая, что, чѣмъ дальше идти въ глубь исторіи, тѣмъ дѣло было хуже. За 2000 лѣтъ исторія знаетъ одинъ типъ крестьянскаго сословія—зависимый отъ помѣщика и сидящій на чужой землѣ; эволюція же заключается въъ томъ, что узы зависимости постепенно ослабѣваютъ и къ XIX вѣку почти повсемѣстно разрушаются.

[1]) **Seebom**, „Village Community". Въ „Журн. Мин. Нар. Просв." за 1911 г. (мартъ и апрѣль) помѣщена статья по этому вопросу профессора П. Г. Виноградова.

Позволимъ себѣ здѣсь историческую справку. Періодъ великихъ потрясеній и переворотовъ, истребленія или изгнанія цѣлыхъ народовъ, тотъ періодъ, когда кочующій военный станъ не могъ располагаться въ занятой странѣ на продолжительное время, а часто долженъ былъ уступать ее новому болѣе сильному кочующему войску—ужели возможно смотрѣть на этотъ періодъ какъ на смѣну одной земельной системы другою? Въ эпоху переселенія народовъ исторія имѣетъ дѣло съ кочующими войсками, у которыхъ соціальныя отношенія строились, конечно, не на поземельномъ владѣніи. Организація германскаго войска основывалась на родовыхъ отношеніяхъ; изъ нихъ же должна быть объясняема и исторія ихъ послѣ переселенія. Но всего труднѣе было бы примирить занимающую насъ систему съ тѣмъ наблюденіемъ, почерпаемымъ изъ средневѣковыхъ памятниковъ, что актъ коммендаціи есть переходъ изъ свободнаго состоянія въ несвободное, что, слѣдовательно, былъ довольно значительный контингентъ свободныхъ состояній, который терялъ свою свободу посредствомъ коммендаціи.

Кто не слыхалъ о германской маркѣ, т.-е. о нѣмецкой свободной деревенской общинѣ, представляющей семейнородовую и территоріальную административную и судебную единицу? Въ исторіи германской марки слѣдуетъ искать объясненія того порядка вещей, который побуждалъ свободнаго человѣка жертвовать своей независимостью; здѣсь же, съ другой стороны, находитъ себѣ примѣненіе тотъ экономическій законъ, который требовалъ „соединенія хозяйственныхъ силъ“, организаціи крупныхъ хозяйственныхъ предпріятій, „подчиненія большихъ массъ свободныхъ мелкихъ землевладѣльцевъ волѣ одного крупнаго собственника“.

У насъ въ 40-ыхъ годахъ прошлаго вѣка община была открыта Гакстгаузеномъ, у нѣмцевъ подобное же открытіе сдѣлалъ Мауреръ. Онъ выяснилъ, что марка есть свободная нѣмецкая община. Она была основой соціальной жизни германцевъ и много времени послѣ эпохи переселенія, въ марковомъ устройствѣ жилъ многочисленный классъ свободныхъ земледѣльцевъ. Члены марки составляли между собой союзы по общинному владѣнію землей, по отбыванію государственныхъ повинностей и составляли изъ себя цѣлыя селенія или деревни. „Свободныя деревни, говоритъ Мауреръ, первоначально были весьма распространены повсюду. Эти деревни стали постепенно утрачивать

свободу по мѣрѣ того, какъ отдѣльные члены переходили въ несвободное состояніе". Исторія разложенія крестьянской общины въ Германіи весьма поучительна, съ точки зрѣнія тѣхъ разрушительныхъ силъ, которыя стремились къ раздробленію, ослабленію и подчиненію ея. Для Европы въ настоящее время это имѣетъ скорѣе научный и историческій интересъ, у насъ же въ Россіи—интересъ современности, ибо и въ законодательствѣ, и въ наукѣ, и въ литературѣ вопросъ объ общинѣ играетъ важную роль.

Процессъ разрушенія германской марковой системы составляетъ такое отдаленное прошлое, что о немъ можно говорить съ полнымъ безпристрастіемъ. Съ экономической стороны мелкому землевладѣнію былъ нанесенъ сильнѣйшій ударъ измѣненіями въ условіяхъ сельскаго хозяйства, послѣдовавшихъ при Каролингской династіи. Въ большихъ помѣстьяхъ духовныхъ и свѣтскихъ землевладѣльцевъ по собственному почину Карла В. начинаетъ практиковаться система большихъ запашекъ, расчистки лѣсовъ, поднятія новинъ, требовавшая болѣе сложныхъ орудій обработки и вызывавшая искусственную организацію хозяйства съ помощью труда зависимаго населенія. Было бы несправедливо утверждать, что крестьянская община не нашла въ самой себѣ средствъ приспособленія къ измѣнившимся условіямъ. Замѣчаются частныя и соединенныя предпріятія крестьянъ, относящіяся къ увеличенію запашекъ и обработкѣ незанятыхъ земель, которыя могли бы развиться до крупныхъ размѣровъ, если бы само правительство не положило тому предѣла. Съ другой стороны, происходитъ измѣненіе въ старой системѣ поселеній небольшими погостами или отдѣльными хуторами: крестьяне скучиваются въ большихъ деревняхъ. Эти явленія въ германской маркѣ вызывались, конечно, необходимостью конкуренціи съ большими производствами продуктовъ въ богатыхъ усадьбахъ. Но артельныя предпріятія въ общинѣ не могли быть такими успѣшными, какъ у сосѣдняго землевладѣльца, располагавшаго капиталомъ, громаднымъ количествомъ рабочихъ рукъ и усовершенствованными орудіями. Расширялась колонизаціонная дѣятельность марки, но съ основаніемъ новыхъ хозяйствъ не выигрывала экономическая ея сила. Въ концѣ концовъ, оказалась бѣдность, потомъ пошли недоимки, долги. Свободный членъ марки былъ вынужденъ выходить изъ общины и вступать въ зависимое положеніе къ богатому сосѣду. Это направленіе въ общественной

жизни должно быть сведено къ своимъ первоначальнымъ и простымъ причинамъ: крайняя бѣдность и невозможность пропитанія, недостатокъ защиты отъ притѣсненій сильныхъ сосѣдей, тяжелыя подати, воинская повинность и, наконецъ, притѣсненія отъ мѣстнаго сеньера землевладѣльца, который творитъ неправый судъ. Таковы были обстоятельства, точно указываемыя въ тогдашнихъ кабальныхъ и запродажныхъ актахъ, которыя приводили къ коммендаціи.

Весь строй государства приближался къ тому состоянію, въ которомъ не оставалось мѣста другимъ формамъ быта, кромѣ зависимости. Въ самой деревенской общинѣ этотъ процессъ выразился въ обнищаніи однихъ и въ непомѣрномъ обогащеніи другихъ. На счетъ обѣднѣвшей массы возвышаются богатые крестьяне, которые становятся во главѣ общины и вліяютъ на дѣла ея. Было нарушено равенство въ земельныхъ надѣлахъ, вслѣдствіе чего пострадалъ принципъ равенства между членами марки. Сосѣдніе землевладѣльцы стали увеличивать свои помѣстья пріобрѣтеніемъ участковъ въ общинной землѣ, а члены деревенской общины не въ состояніи были дать отпора ихъ притязаніямъ. Какъ скоро среди марки появлялась помѣщичья усадьба, эта послѣдняя необходимо должна была стремиться къ широкимъ хозяйственнымъ предпріятіямъ, основывающимся на организаціи зависимаго труда и капитала. Тогда въ маркѣ появлялись господская усадьба и зависимая отъ нея земля, рабы и крѣпостные крестьяне, сидящіе на землѣ помѣщика. Этимъ рѣшалась навсегда участь свободной деревенской общины. Переходъ марковаго устройства въ зависимое происходилъ иногда съ соблюденіемъ всѣхъ законныхъ условій, т.-е. члены общины вступали въ отдѣльные договоры съ землевладѣльцемъ, и вся марка правильно и законно входила въ помѣщичью усадьбу. Отмѣченный соціальный процессъ происходилъ на глазахъ исторіи, своего большаго напряженія онъ достигаетъ въ VIII и IX вѣкахъ. Для существа дѣла, конечно, безразлично, какъ относится къ нему та или другая научная школа: какъ къ обычаю германской защиты, или кельтской кліентелы, или какъ къ перешедшей въ средневѣковую Западную Европу системѣ устройства римской виллы. Для насъ гораздо важнѣе та наглядная понудительная сила экономическихъ условій, которая разрушительно дѣйствовала на мелкое землевладѣніе. И нужно замѣтить, что современники не только видѣли, какъ складываются земельныя и соціальныя отношенія,

но и понимали, какіе изъ того послѣдуютъ результаты. Въ законахъ и распоряженіяхъ Карла Великаго очень выразительно отмѣчены жалобы бѣдныхъ людей на хищничество сильныхъ, которые отнимаютъ у нихъ участки и лишаютъ свободы. Каролинги пытались защитить слабыхъ противъ сильныхъ, запрещали „графамъ, викаріямъ и судьямъ скупать имущества бѣдныхъ подъ обманнымъ предлогомъ, тѣмъ болѣе отнимать насильно и похищать его"; высказывали желаніе, чтобы „графы не понуждали свободныхъ людей къ рабскому труду"; объявляли недѣйствительными кабальныя записи, по которымъ свободные люди отдавали себя въ коммендацію. Но императорскія предписанія не достигали цѣли. Посылаемые въ провинцію ревизоры (миссы) доносили, что „безчисленное множество народа находится въ угнетеніи, лишено имущества и свободы, и что графы и другіе чиновники дурно исполняютъ законы". Но теперь уже дознано, что серіозной и рѣшительной борьбы съ возникающей земельной аристократіей, о злоупотребленіи которой здѣсь говорится, Каролинги не предприняли. Карлъ и самъ былъ заботливый хозяинъ, и въ его собственныхъ помѣстьяхъ происходили тѣ же порядки, что у другихъ крупныхъ собственниковъ [1]).

Къ тому же результату, т.-е. къ уравненію свободныхъ земледѣльцевъ съ рабами и подведенію того и другого состоянія въ классъ крѣпостныхъ крестьянъ—вело усиленіе служилаго сословія, какъ военнаго, такъ придворнаго и административнаго. Это сословіе выросло и окрѣпло на пожалованіяхъ населенными землями. При Карлѣ Великомъ оно начинаетъ только заявлять свои политическія сословныя тенденціи, а при его преемникахъ безъ помѣхи осуществляетъ ихъ. Землевладѣлецъ стремится быть придворнымъ и административнымъ органомъ, послѣдніе выбирались непремѣнно изъ землевладѣльцевъ. Государственная служба, въ особенности военная, вознаграждалась земельными пожалованіями (бенефиція). Дальнѣйшее соціальное преобразованіе совершается подъ вліяніемъ помѣщичьихъ притязаній служилаго сословія. Въ общихъ чертахъ оно развивалось подъ вліяніемъ системы бенефицій. Слово „бенефиція" латинскаго происхожденія и сравнительно поздно замѣнилось германскимъ феодъ или фьефъ (feodum, fevum = fief). Извѣстно, что бенефиція сначала обозначала

[1]) Monum. Germaniae Historica. Capitularia ed. Boretius (Capitul. de villis и Capit. Aquisgranense).

временное и отчуждаемое владѣніе. Она пережила довольно длинный періодъ въ этомъ состояніи непрочнаго владѣнія, зависѣвшаго отъ доброй воли жаловавшаго; бенефиція пріобрѣтаетъ значеніе важнаго соціальнаго фактора тогда, когда она дѣлается наслѣдственною въ одномъ родѣ. Тогда на почвѣ бенефиціальнаго владѣнія начинается образованіе крупныхъ помѣстій, развивающееся въ двухъ направленіяхъ: съ одной стороны, округляются пожалованныя земли, съ другой уничтожается черезполосица въ видѣ мелкихъ крестьянскихъ участковъ, владѣльцамъ которыхъ было не подъ силу бороться съ крупнымъ сосѣдомъ. Въ особенности церковь пріобрѣтала громадныя земельныя владѣнія этимъ путемъ, такъ какъ церковная собственность и люди, принадлежащіе церкви, пользовались освобожденіемъ отъ государственныхъ податей и повинностей. Какъ мы видѣли, Каролинги старались пріостановить паденіе мелкой поземельной собственности и поддержать свободныхъ поселянъ. Но вмѣшательство правительственной власти имѣло роковое значеніе для крестьянской общины. Каролинги одной рукой возстановляли общину, другой же наносили ей тяжкіе удары. Извѣстно, что до развитія городовой жизни, до того времени, какъ торговля и промышленность сдѣлались важнымъ общественнымъ факторомъ, земледѣліе служило единственнымъ рессурсомъ въ финансовой системѣ государства. Въ половинѣ VIII в. произошло измѣненіе въ военномъ дѣлѣ, пѣхота перестаетъ играть первую роль, потребовалась военная служба на конѣ, вслѣдствіе чего значительно повысились расходы по военной службѣ. Государству негдѣ было взять людей, бывшихъ въ состояніи нести конную службу; рессурсъ, изъ котораго брались земельныя пожалованія, изсякъ; крестьянская община подорвана въ своихъ средствахъ. Тогда Каролинги рѣшились позаимствоваться церковными земельными владѣніями и провели знаменитую секуляризацію (отчужденіе церковныхъ имуществъ). Это была радикальная мѣра, приведшая многіе монастыри въ бѣдность и возвратившая государству чуть ли не треть всей тогдашней Франціи. Но въ виду того, что эта мѣра была вызвана военными потребностями времени, она и послужила главнѣйше для военныхъ цѣлей. Отнимаемыя отъ церкви земли поступали въ бенефиціи свѣтскимъ лицамъ— съ тою лишь разницей противъ предыдущей практики, что теперь бенефиція жаловалась за военную службу и подъ условіемъ обязательнаго ея исполненія. Начало, положенное Карломъ Мартеломъ

и Пипиномъ, было примѣняемо Карломъ В. и сыномъ его, Людовикомъ. И всякій разъ, когда государство ощущало потребность въ людяхъ или въ деньгахъ, оно снова обращалось къ тому же источнику и снова раздавало участки церковныхъ земель служилымъ людямъ. Виновникомъ этой радикальной мѣры, положившей на Западѣ основаніе феодализму, считается Карлъ Мартелъ. Ближайшіе его потомки смотрѣли на его поступокъ какъ на величайшую несправедливость, за которую побѣдитель арабовъ и спаситель всего западнаго христіанства осужденъ въ загробной жизни на вѣчное мученіе. Есть средневѣковой разсказъ („Видѣніе Евхерія“), въ которомъ повѣствуется, что разъ къ орлеанскому епископу, по имени Евхерію, явился во снѣ ангелъ и повелъ его обозрѣвать загробныя пространства. Въ аду они замѣтили Карла Мартела, и ангелъ объяснилъ, что франкскій король наказанъ за вредъ, причиненный имъ церкви. Проснувшись, Евхерій сообщилъ объ этомъ св. Бонифацію и аббату С.-Дени, Флодоарду. Всѣ трое отправились къ гробницѣ Карла и, когда открыли ее, тѣла не нашли, а видѣли только огненнаго змѣя, вылетѣвшаго изъ гробницы. Тогда всѣ убѣдились, что Карлъ дѣйствительно мучился въ аду.—Важно въ этомъ разсказѣ то, что онъ появился въ IX вѣкѣ и составленъ съ цѣлью устрашить дѣтей Людовика Благочестиваго, желавшихъ снова наложить руку на церковныя имущества.

Правовое значеніе бенефиціи совпадаетъ съ актомъ коммендаціи. Что коммендація дѣлала съ крестьянской общиной, подчиняя свободныхъ людей власти помѣщика, то же дѣлала бенефиція съ владѣющими классами. Именно, здѣсь нарождаются рядомъ съ бенефиціей сюзеренныя и вассальныя отношенія. Припомнимъ, что Каролинги воспользовались раздачей бенефицій для военныхъ цѣлей. Давая бенефицію служилому человѣку, король требовалъ отъ него коммендаціи, вслѣдствіе которой становился сюзереномъ или сеньеромъ, а получившій бенефицію—вассаломъ. Эти новыя слова, сюзеренъ и вассалъ, характеризуютъ VIII и IX вѣка. Всякій свободный могъ быть вассаломъ, но, съ другой стороны, нѣтъ такого высокаго общественнаго положенія, которое бы не было совмѣстимо съ именемъ вассала. Въ 757 г. баварскій герцогъ Тассило далъ вассальную присягу королю Пипину, скоро затѣмъ такую же присягу даетъ князь славянскаго племени бодричей. Актъ вступленія въ вассальныя отношенія заключался въ

слѣдующемъ. Желавшій сдѣлаться вассаломъ долженъ былъ при торжественномъ собраніи вассаловъ своего будущаго сюзерена дать ему присягу на вѣрность, для чего являлся съ непокрытой головой и безъ оружія, преклонялся предъ будущимъ сюзереномъ и цѣловалъ ему руку; послѣдній возлагалъ руку на его голову и, выслушавъ присягу на вѣрность, надѣлялъ его бенефиціей. Съ тѣхъ поръ устанавливались личныя отношенія вѣрности между сюзереномъ и вассаломъ, эти отношенія были выше всякихъ другихъ. Главнѣйше вассалъ обязывался къ военной службѣ по требованію и въ интересахъ сеньера; количество людей, съ которыми онъ долженъ былъ являться на войну, зависѣло отъ большей или меньшей доходности бенефиціи; затѣмъ вассалъ долженъ былъ обращаться къ суду сеньера во всѣхъ случаяхъ, когда у него возникали дѣла съ вассалами того же сеньера. Но, за исполненіемъ этихъ обязанностей, вассалъ былъ вполнѣ независимъ въ своихъ владѣніяхъ; тамъ онъ былъ сюзереномъ, ибо могъ имѣть собственныхъ вассаловъ и подвассаловъ. Въ VIII вѣкѣ узы сеньората и вассалитета еще были не прочны; бенефиція жаловалась временно, всякое нарушеніе обязательствъ могло сопровождаться отнятіемъ бенефиціи и расторженіемъ вассальныхъ отношеній. Натурально, что сильно заявляла себя тенденція достигнуть пожизненности и наслѣдственности въ правѣ владѣнія бенефиціей, и эта тенденція увѣнчалась успѣхомъ при дѣтяхъ Карла Великаго (843).

Отношенія вассала къ сеньеру не создавали еще феодализма, а только обусловливали его развитіе. Это развитіе направлялось двумя путями. Съ одной стороны, присяга на вѣрность, даваемая вассаломъ сеньеру, не исключала присяги на вѣрность королю, но уже въ первой заключалось предрасположеніе къ умаленію важности второй. Король прямо и непосредственно могъ опираться только на вѣрность прямыхъ своихъ вассаловъ; непосредственно же отъ короны давались далеко не всѣ бенефиціи. Могъ наступить моментъ, когда всѣ сеньеры обратятся въ сословіе, преслѣдующее сословные, а не государственные интересы; тогда король окажется безъ подданныхъ, ибо сеньеріальная система знаетъ подчиненіе вассала сеньеру, а не подданнаго своему государю. Тенденція же прямыхъ королевскихъ вассаловъ обратиться въ замкнутое сословіе завершается въ X вѣкѣ. Къ этому времени становятся наслѣдственными государственныя должности,

устанавливается наслѣдство бенефицій, и сословіе сеньеровъ становится крѣпкимъ и замкнутымъ, преслѣдующимъ сословные интересы. Королевская власть все болѣе стушевывается, а на мѣсто ея вырастаетъ административная и судебная власть сеньеровъ. Связи между королемъ и подданными рушатся, и на мѣсто ихъ возникаютъ связи между мѣстнымъ феодальнымъ владѣтелемъ и зависимымъ отъ него населеніемъ. Большія области, управляемыя наслѣдственными администраторами, обращаются въ замкнутыя въ себѣ территоріи съ отдѣльнымъ судомъ сюзерена, съ своей финансовой системой, съ своими денежными знаками, съ своимъ войскомъ, наконецъ, съ своимъ мѣстнымъ государемъ. По подобію первыхъ образуются меньшія территоріи съ независимыми владѣльцами.

Вотъ результатъ, къ которому пришло западно-европейское развитіе въ X вѣкѣ. Характеризовать его можно немногими словами. Сверху донизу постепенно понижающаяся лѣстница іерархическихъ ступеней. Верхніе слои держатся узами сеньерата и вассалитета, нижніе находятся въ полномъ подчиненіи феодальной знати, которая раскинула свои корни по всей территоріи, подвергшейся вліянію романизаціи.

Нѣсколько прекрасныхъ страницъ въ III т. „Исторіи цивилизаціи во Франціи" Гизо, посвященныхъ описанію феодальнаго замка и земледѣльческаго населенія кругомъ его, даютъ яркую картину средневѣковой жизни, которая переноситъ въ новый и чуждый намъ міръ отношеній. Никто не будетъ отрицать, что въ феодализмѣ мы имѣемъ самый выразительный и самый существенный признакъ западной исторіи. По разнообразію факторовъ, входящихъ въ его образованіе, по постепенности, съ которой обнаруживаются въ немъ экономическіе, соціальные и политическіе элементы, наконецъ, по глубинѣ вліянія на всѣ общественныя отношенія какъ частнаго, такъ и публичнаго права, феодализмъ представляетъ въ себѣ много важнаго матеріала для сравненія.

Въ областяхъ, зависѣвшихъ въ своемъ развитіи отъ Византіи, несомнѣнно, должны были дѣйствовать на организацію общественной жизни тѣ же экономическіе факторы, что и въ областяхъ съ преимущественнымъ римскимъ вліяніемъ. Но результатъ тамъ и здѣсь оказался не одинаковъ. Въ Византійской имперіи отъ VIII вѣка и до турецкаго завоеванія наблюдается постоянно раздѣленіе земледѣльческаго сословія на два класса: свободный и зависимый. Первый

сидѣлъ на своихъ земляхъ и лично отбывалъ денежныя и натуральныя повинности, не исключая и военной; второй обрабатывалъ чужую землю и находился въ разныхъ степеняхъ зависимости отъ духовныхъ и свѣтскихъ землевладѣльцевъ. Этимъ опредѣляется основной фонъ картины восточно-европейскаго экономическаго и соціальнаго развитія.

Говоря выше о преградахъ къ распространенію романизаціи на Востокѣ, мы ссылались на Крестьянскій законъ, изданный въ VIII вѣкѣ. Этотъ законъ долженъ послужить точкой отправленія въ исторіи экономическаго развитія на Востокѣ. Кратко говоря, въ этомъ законѣ находимъ отмѣну римскихъ правовыхъ воззрѣній на патронатъ: въ немъ нѣтъ и помина о помѣщичьей усадьбѣ и зависящемъ отъ нея крестьянскомъ населеніи (patrocinium vicorum — servi и adscriptitii). Этого мы не найдемъ въ тогдашнихъ западныхъ законодательствахъ. Но самымъ смѣлымъ и неожиданнымъ нововведеніемъ въ Крестьянскомъ законѣ оказываются свободное крестьянское сословіе и мелкое землевладѣніе. Законъ по существу своему есть земскій полицейскій уставъ и трактуетъ объ обычныхъ проступкахъ въ земледѣльческомъ быту: о воровствѣ, потравахъ, увѣчьѣ, порчѣ межевыхъ знаковъ и т. п. Но по духу своему и главному содержанію онъ примѣненъ къ потребностямъ населенія Византійской имперіи, живущаго въ общинѣ и управляющагося своимъ обычнымъ правомъ. Замѣтимъ здѣсь къ слову, что почти всѣ статьи этого закона встрѣчаются въ древнемъ русскомъ законодательномъ памятникѣ, въ Уставѣ Ярослава.

Славянская община Восточной имперіи не напоминаетъ ли германскую марку въ западной исторіи? Конечно, да. Здѣсь мы получаемъ явное сходство факторовъ и съ этимъ вмѣстѣ намѣчаемъ основу, по которой должно идти дальнѣйшее развитіе. Судьбы восточнаго соціальнаго развитія, однако, направляются не тѣмъ путемъ, какимъ шло западное, и это тѣмъ любопытнѣй, что экономическая среда, дѣйствовавшая разрушительно на марку, угрожала благосостоянію и византійской общины. Мы видѣли, что въ VIII в. для германской марки былъ самый критическій моментъ, и что Каролинги, хотя и понимали значеніе совершавшихся событій, не нашли нужнымъ или возможнымъ оказать поддержку сельской общинѣ, вслѣдствіе чего мелкая поземельная собственность была поглощена крупной.

Такой же критическій моментъ наблюдается въ Византійской имперіи. Здѣсь онъ обнаруживается нѣсколько позже, чѣмъ на Западѣ, именно въ X и XI вѣкахъ. Весьма живую, скажемъ даже, бьющую въ глаза картину представляютъ относящіеся сюда современные источники: частные и оффиціальные акты. Сословіе властелей или динатовъ, какъ они называются въ греческихъ памятникахъ, въ X вѣкѣ оказалось весьма опаснымъ врагомъ крестьянской общины и мелкаго землевладѣнія. Пользуясь своимъ положеніемъ воеводъ, судей, сборщиковъ податей, эти властели обнаруживали очень вредное дѣйствіе на крестьянскую общину, главнымъ образомъ, вслѣдствіе своего помѣщичьяго права. Они разоряли крестьянскіе дворы, производили вымогательства при сборѣ податей, въ голодные и неурожайные годы выдавали крестьянамъ пропитаніе за высокіе проценты или подъ залогъ имущества. Такой порядокъ вещей побуждалъ мелкихъ землевладѣльцевъ продавать свои участки, закладывать или уступать по завѣщанію и по частнымъ актамъ. Словомъ, нужда гнала свободныхъ людей въ кабалу, которая на Западѣ выражается актомъ коммендаціи. И на Востокѣ крестьяне вступали въ зависимое положеніе къ помѣщику, закладывались за него и переходили въ разрядъ барщинныхъ и крѣпостныхъ. Опасность угрожала столько же отъ властелей, сколько и отъ того элемента, который выросъ въ самой общинѣ, и который у насъ окрещенъ именемъ „кулакъ“. Богатые крестьяне среди самой общины, пользуясь дурнымъ экономическимъ положеніемъ сосѣдей, скупали за безцѣнокъ земли и обращали въ батраковъ тѣхъ, кто недавно былъ хозяиномъ. Вотъ на это-то зло и были обращены заботы императоровъ Македонской династіи. Цѣлый рядъ очень любопытныхъ мѣропріятій вскрываетъ намъ законы этихъ императоровъ. Рядъ мѣръ былъ направленъ къ тому, чтобы поставить само сельское населеніе въ возможность бороться съ экономическимъ зломъ; другой рядъ мѣръ предупреждаетъ дѣйствіе разрушительныхъ элементовъ, т.-е. направленъ противъ самихъ властелей и кулаковъ. Чтобы предупредить распаденіе общины, законъ установилъ неотчуждаемость земельнаго имущества у общины. Всякій разъ, когда освобождался крестьянскій участокъ за смертью владѣльца, или когда крестьянинъ хотѣлъ добровольно освободиться отъ своего земельнаго надѣла, на первое мѣсто по праву предпочтительной покупки выступали члены

той же общины или волости. При этомъ законъ указываетъ 5 категорій лицъ и отношеній въ сельской общинѣ, и только послѣ отказа всѣхъ членовъ этихъ пяти категорій участокъ могъ поступить въ чужія руки. Упомянутыя категоріи важны для насъ въ томъ отношеніи, что показываютъ, какъ слагалась и какъ была организована община въ X вѣкѣ. Если освобождался крестьянскій участокъ, то право на покупку его признавалось за слѣдующими лицами: 1) ближайшіе родственники, 2) домохозяева той же общины, 3) другіе обыватели общины (бобыли, захребетники), 4) соплательщики и 5) члены союзныхъ общинъ. Если никто изъ лицъ названныхъ категорій не согласится на покупку, тогда имущество отдается вольному покупщику. Можно думать, что эти случаи были весьма рѣдки. Что касается мѣръ, прямо направленныхъ противъ властелей, онѣ заключались въ слѣдующемъ. Властели часто ссылались на законъ 40-лѣтней давности: кто докажетъ, что онъ 40 лѣтъ владѣлъ землей, законъ противъ него былъ безсиленъ. Византійское правительство отмѣнило 40-лѣтнюю давность, такъ что если бы крестьяне стали искать правъ на землю и подтвердили свой искъ свидѣтельскими показаніями, то властели изгонялись, не взирая на давность владѣнія. Далѣе было обнаружено, что многія купчія крѣпости на землю составлялись фальшиво, въ угоду богатымъ, межевые планы фабриковались помѣщиками въ прямой ущербъ для крестьянской общины,— правительство не остановилось передъ тѣмъ, чтобы объявить эти акты недѣйствительными, когда дѣло шло о крестьянской землѣ. Наконецъ, радикализмъ правительства дошелъ до того, что оно возложило круговую отвѣтственность за несостоятельность общины на крупныхъ землевладѣльцевъ данной мѣстности. Помѣщики были обязаны круговой порукой охранять интересы мелкаго землевладѣнія.

Прежде чѣмъ дѣлать заключенія о слѣдствіяхъ, достигнутыхъ подобными распоряженіями, остановимся на характеристикѣ мотивовъ и чувствъ, которыми диктовались подобные законы. Это, въ самомъ дѣлѣ, рѣдкія въ исторіи мѣры; Западъ не можетъ представить и тѣни подобія имъ. Вотъ, напримѣръ, вступленіе къ одному изъ законовъ, изданныхъ въ 934 году (Романомъ Лакапиномъ). „Есть люди, которые, отрицаясь отъ своей духовной природы и Создателя, заботятся только о земныхъ благахъ и временномъ благополучіи. Отъ такихъ людей, съ жадностью гоняющихся за богатствомъ, и

подверженныхъ страсти стяжанія, происходятъ всѣ бѣдствія: отсюда всякія замѣшательства, отсюда всѣ несправедливости, отсюда великія и долгія страданія и стоны бѣдныхъ. Но за бѣдныхъ стоитъ самъ Господь, говоря въ Писаніи: ради мученія бѣдныхъ и воздыханія убогихъ Я возстану. Если же самъ Богъ, возведшій насъ на царство, возстаетъ на отмщеніе убогихъ, то какъ можемъ мы пренебречь своимъ долгомъ, когда именно отъ однихъ очей царскихъ бѣднякъ ждетъ себѣ здѣсь утѣшенія. Ради того, имѣя намѣреніе поправить, что было недавно совершено или дерзко предпринято противъ отдѣльныхъ лицъ, мы издаемъ настоящій законъ, который послужитъ къ устраненію и искорененію ненасытной страсти любостяжанія, такъ, чтобы отнынѣ уже никто не былъ лишаемъ своего, и чтобы бѣдный не испытывалъ преобладанія сильныхъ".—А вотъ что говорится о такихъ же мѣрахъ Константина Порфиророднаго: „Онъ видѣлъ, что жадность людей ненасытныхъ распространяется все болѣе, что сильные люди прокрались въ средину провинцій и селъ и угнетаютъ тамъ несчастныхъ крестьянъ, что властели посредствомъ насилія и различныхъ хитрыхъ уловокъ пріобрѣли себѣ многія помѣстья. Что же дѣлаетъ мудрый государь? Онъ опредѣлилъ, что всѣ богатые, со времени его провозглашенія самодержавнымъ государемъ (944) пріобрѣтшіе покупкою, дареніемъ или насиліемъ помѣстья и поля въ селахъ, должны быть изгнаны безъ всякаго вознагражденія".

Самымъ радикальнымъ государемъ, принявшимъ суровыя мѣры противъ властелей, былъ, несомнѣнно, царь Василій II Болгаробойца, современникъ Владиміра Св. Вотъ одно мѣсто изъ его закона: „Не мало были мы обременяемы жалобами бѣдныхъ по поводу 40-лѣтней давности и, много разъ путешествуя и проходя области царства нашего, собственными глазами видѣли совершающіяся ежедневно въ отношеніи къ нимъ обиды. Развѣ не можетъ властель, обидѣвшій бѣднаго, долгое время пользоваться своей силой и благосостояніемъ, а потомъ еще передать то и другое своимъ наслѣдникамъ? Что же можетъ въ такомъ случаѣ помочь бѣдному время? Развѣ не возможенъ такой случай, что патрикій, магистръ или военный чинъ, обогатившійся на счетъ бѣднаго, будетъ имѣть своими потомками тоже властелей, иногда находящихся въ родствѣ съ царями и поддерживающихъ въ продолженіе 70 или 100 лѣтъ силу своего рода

и свое благосостояніе?—Не должны ли мы сами вступиться, обуздать сильныхъ, поддержать бѣдныхъ въ принадлежащихъ имъ правахъ, которыя у нихъ злымъ образомъ бываютъ отнимаемы или же похищаемы обманомъ? Когда богатые властели посредствомъ покупки вторгаются въ сельскія общины, и когда потомъ ихъ наслѣдники вмѣстѣ съ имѣніемъ въ продолженіе нѣсколькихъ поколѣній получаютъ по наслѣдству силу и вліяніе своихъ предковъ, то, конечно, бѣдному нѣтъ возможности возбудить искъ о возвращеніи отнятаго у него насиліемъ или обманомъ".

Сдѣланныя выдержки краснорѣчиво свидѣтельствуютъ, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ тѣмъ же экономическимъ явленіемъ, которое наблюдается на Западѣ въ VIII и IX вѣкахъ. Тамъ и здѣсь рѣшался многознаменательный соціальный вопросъ: быть ли мелкой земельной собственности, или предоставить дѣло естественному процессу и воспользоваться крупнымъ землевладѣніемъ для государственныхъ цѣлей. Въ первомъ смыслѣ вопросъ рѣшенъ на Востокѣ, во второмъ—на Западѣ. Византійскіе цари не только намѣтили процессъ въ началѣ его развитія, но и изучили его во всѣхъ подробностяхъ и вступили въ упорную борьбу съ высшей чиновной и служилой аристократіей. Каролинги же дѣйствовали безъ надлежащей энергіи и не приложили сердца къ интересамъ изнемогавшей сельской общины. Послѣ Карла В. на Западѣ соціальный процессъ совершился безвозвратно въ интересѣ помѣстнаго сословія. На Востокѣ благодаря указаннымъ выше мѣрамъ крестьянская община была предохранена отъ разрушенія. Задержавъ соціальную эволюцію на первой, т.-е. на экономической стадіи, византійскіе цари несомнѣнно предупредили тѣмъ развитіе того порядка вещей, который послѣдовалъ на Западѣ: въ Византіи не могло развиться сеньератныхъ и вассальныхъ отношеній, не могло образоваться феодальной системы. Византійская община не только пережила экономическій кризисъ, но была поставлена въ такое положеніе законодательными памятниками X вѣка, что ея будущность была вполнѣ обезпечена, и никакія разрушительныя силы не могли сломить ее до турецкаго завоеванія. Сельская община служила государству, удовлетворяя его расходы и защищая его противъ внѣшнихъ враговъ.

Приведенные факты общественнаго развитія, будучи сведены къ конечнымъ результатамъ, даютъ для Запада крупное землевладѣніе

и сословныя притязанія помѣстной и служилой аристократіи; для Востока же—господство свободнаго мелкаго землевладѣнія и подчиненіе государственному принципу интересовъ помѣстнаго и служилаго сословія.

Къ подобнымъ же выводамъ можно приходить на основаніи сопоставленія фактовъ и явленій, характеризующихъ другія стороны жизни романизованныхъ и чуждыхъ романизаціи народовъ. Таковъ рядъ фактовъ, обусловившихъ развитіе императорской власти на Востокѣ и усиленіе сословныхъ, классовыхъ и территоріальныхъ тенденцій на Западѣ; таковъ же рядъ фактовъ, стоявшихъ въ связи съ развитіемъ церковной власти и устройствомъ церкви на Западѣ и Востокѣ.

Судьбы германской марки и славянской общины даютъ случай сдѣлать нѣсколько прикладныхъ выводовъ. Изученіе крестьянской общины въ Византіи есть задача глубокой важности не только съ точки зрѣнія византинизма и постиженія законовъ развитія всемірной исторіи, но во имя ближайшихъ намъ интересовъ. Для Запада это вопросъ археологическій, давно разрѣшенный и сданный въ архивъ; у насъ же это вопросъ современный, онъ занимаетъ и наше законодательство и обсуждается въ журналахъ и газетахъ. Исходъ, который онъ частью получилъ, частью получитъ въ ближайшемъ будущемъ въ законодательномъ и административномъ порядкѣ, не можетъ не интересовать насъ, ибо отъ этого зависитъ ближайшее экономическое и соціальное развитіе Россіи. Что крестьянская община у насъ разрушается, это ясно для всякаго, кто хоть слегка знакомъ съ литературой вопроса. Но слѣдуетъ ли придумать средства къ предупрежденію этого и стоитъ ли придти на помощь крестьянской общинѣ,—на этотъ счетъ высказываются положительныя и отрицательныя мнѣнія. Большинство нашихъ теорій относительно этого вопроса современности опирается на слѣдующія данныя: а) на примѣръ, наблюдаемый въ западной исторіи, причемъ этотъ примѣръ разсматривается какъ неизбѣжный законъ экономической эволюціи; б) на свѣдѣнія о русской общинѣ, полученныя изъ памятниковъ и современныхъ описаній. Что касается перваго, то едва ли можно смотрѣть, какъ на роковую неизбѣжность, на тѣ явленія, которыя послѣдовали въ соціальномъ развитіи Запада VIII и IX вѣковъ. Можно задать себѣ вопросъ: какъ бы направилась соціальная эволюція, если бы на Западѣ были примѣнены

законы царей Македонской династіи, а на Востокѣ въ X и XI вв. были императоры Каролингской династіи? Что касается нашихъ представленій объ общинѣ, выносимыхъ на основаніи наблюденій надъ современной дѣйствительностью, здѣсь тоже мы не стоимъ на правильной дорогѣ, такъ какъ у насъ недостаетъ ни перспективы, ни историческаго изученія, переносящаго центръ тяжести на первичныя стадіи развитія. Въ самомъ дѣлѣ, мы дѣлаемъ заключенія объ общинѣ на основаніи того, что она представляетъ послѣ эпохи крѣпостного права, послѣ реформъ эпохи освобожденія, и лишены средствъ возсоздать строй древнѣйшей общины. Въ этомъ отношеніи организація общины по памятникамъ византійскаго законодательства X вѣка и по позднѣйшимъ византійскимъ и южно-славянскимъ писцовымъ книгамъ даетъ въ высшей степени любопытный вкладъ въ исторію вопроса. Живучесть общины зависѣла главнѣйше отъ слѣдующихъ условій: 1) отъ неотчуждаемости общинныхъ земель, 2) отъ громаднаго излишка общинной земли противъ той, которая была раздѣлена на дворовые участки. Этотъ излишекъ иногда превосходилъ въ нѣсколько разъ (въ 4) то количество, которое находилось въ подворномъ владѣніи, и составлялъ общинный экономическій рессурсъ про черный день. Масса охотниковъ могла всегда находить пріемъ въ общинѣ въ качествѣ припущенниковъ, арендаторовъ и бобылей, вкупаться въ общину, снимать въ аренду ея земли и увеличивать тѣмъ экономическія средства ея. Наконецъ, 3) живучесть общины зависѣла отъ того, что она была обширнымъ и хорошо организованнымъ цѣлымъ: по памятникамъ видно, что община состояла иногда изъ 30 или 40 деревень; такимъ образомъ, экономическая и платежная слабость одной деревни была восполняема другой, насиліе богатаго сосѣда надъ однимъ членомъ вызывало отпоръ со стороны другихъ.—Эти свойства древней общины нужно принимать во вниманіе при соображеніяхъ о томъ, случайное ли явленіе наша община, или особенность восточно-европейскаго развитія?

Нельзя думать, что отмѣченныя здѣсь различія въ историческомъ развитіи Запада и Востока Европы имѣютъ лишь случайное и преходящее значеніе, или что они ограничиваются только нѣкоторыми историческими періодами. Должно, напротивъ, думать, что эти различія относятся къ самому существу исторіи Западной и Восточной Европы, находя себѣ объясненіе въ характерѣ, темпераментѣ и много-

численныхъ физическихъ и культурныхъ особенностяхъ населенія. Подобныя особенности характера не разъ были отмѣчены византійскими писателями. Такъ, одинъ просвѣщенный грекъ, жившій въ эпоху господства латинянъ въ Константинополѣ, послѣ четвертаго крестоваго похода, высказалъ слѣдующее разсужденіе о взаимныхъ отношеніяхъ латинскаго Запада и Востока [1]): „Намъ не слѣдъ теперь предаваться унынію, будемъ стремиться къ добродѣтели и украшать себя образованностью. Тогда мы по сущности и справедливости будемъ властвовать надъ нашими повелителями. Захвативъ крѣпости и замки, они думаютъ повелѣвать посредствомъ насилія, отнимая у насъ имущества и лишая жизни. Но такая власть не надежна и не прочна, ибо не оправдывается ни природными, ни благопріобрѣтенными свойствами. Никто же не скажетъ, что львы, леопарды или волки властвуютъ надъ людьми, хотя они когтями и зубами достигаютъ того же, что и наши побѣдители. И никогда не удастся имъ вполнѣ господствовать надъ нами, хотя бы они присвоили себѣ всѣ наши стяжанія, хотя бы оставили насъ нагими, или коснулись бы самой плоти нашей".

Противоположности между западной и восточной культурой выражены слѣдующимъ образомъ у писателя XII вѣка, Никиты Акомината [2]): „Латиняне считаютъ раемъ ту страну, въ которой суждено намъ жить. Завидуя намъ, они всегда злоумышляютъ противъ нашего рода и строятъ намъ ковы. По обстоятельствамъ прикидываясь друзьями, въ душѣ ненавидятъ насъ, какъ злѣйшіе враги. Между ними и нами утвердилась величайшая пропасть различія, насъ раздѣляетъ самая рѣзкая противоположность убѣжденій. Чрезвычайно гордые и надменные, они пользуются для своихъ цѣлей мягкостью нашего нрава, приниженностью и скромностью".

Нельзя, кромѣ того, не принять въ соображеніе, что занимающій насъ вопросъ о различіяхъ въ историческомъ развитіи Запада и Востока столько же объясняется разностями въ историческихъ факторахъ, сколько личной иниціативой, субъективными тенденціями, а равно цѣлями и побужденіями, управляющими волей историческихъ дѣятелей и классовъ общества. Если бы мы вычеркнули изъ исторіи

1) Λάμπρος, „Μιχαὴλ Ἀκομινάτου τὰ σωζόμενα", II, p. 207—208; моя книга, „Образованіе второго Болгарскаго царства". Прилож., стр. 65—66.

2) Nicetas Acominatus, p. 391, 537, 761.

эти послѣдніе элементы, а всю историческую эволюцію приписали бы неизбѣжнымъ и неумолимымъ силамъ, дѣйствующимъ какъ законъ и организующимъ человѣческія общества съ тою же свободою, съ какой скульпторъ создаетъ изъ безформенной массы задуманную имъ фигуру, то исторія утратила бы свой нравственно-поучительный и гуманитарный характеръ. Мы не можемъ отрѣшиться отъ мысли, что въ созиданіи исторіи и въ организаціи формъ общежитія историческіе дѣятели имѣютъ глубокое значеніе, и что задача историческихъ изученій состоитъ не только въ томъ, чтобы понять и объяснить законы развитія, но также и въ томъ, чтобы показать, почему въ одномъ случаѣ люди спокойно склоняютъ голову подъ молотомъ неумолимыхъ законовъ, въ другомъ же обнаруживаютъ протестъ и сопротивленіе.

Личная иниціатива и субъективизмъ сказываются не только въ силѣ и группировкѣ историческихъ факторовъ, но проникаютъ въ самую глубь исторіи и вліяютъ на самое историческое творчество. Исторія пишется людьми, привносящими въ свои созданія національныя и политическія чувства и симпатіи. Вслѣдствіе этого исторія является очень чувствительнымъ показателемъ самосознанія даннаго времени и народа, что придаетъ особенный интересъ изученію историческихъ системъ. Господствующая надъ нашими умами и управляющая нашей волей западно-европейская культура плѣняетъ насъ своими историческими обобщеніями и выводами. Невольно поддаваясь часто высказываемому на Западѣ взгляду на расовыя различія, мы бываемъ склонны проводить рѣзкую черту между высшими и служебными имъ народами, между націями, которыя создаютъ культуру, и народами, которые способны лишь подражать и перенимать. Вслѣдствіе этого мы должны удовлетворяться скромнымъ уголкомъ, отведеннымъ во всеобщей исторіи Восточной Европѣ. А между тѣмъ не только міровая, даже европейская культура не свила себѣ гнѣзда въ одномъ излюбленномъ мѣстѣ; культурные центры перемѣщаются съ мѣста на мѣсто, и, повидимому, не существуетъ въ мірѣ пріобщившагося къ культурѣ народа, который не участвовалъ бы въ исторической эволюціи.

ПЕРІОДЪ I (до 527 г.)

ЭЛЕМЕНТЫ ОБРАЗОВАНІЯ ВИЗАНТИНИЗМА.

ГЛАВА I.

ВИЗАНТИНИЗМЪ И ЕГО КУЛЬТУРНОЕ ЗНАЧЕНІЕ ВЪ ИСТОРІИ

Почти во всѣхъ ученыхъ европейскихъ литературахъ существуютъ попытки объяснить культурное значеніе византинизма; дѣлались подобныя попытки и въ Россіи, и притомъ въ нашей литературѣ настойчивѣе, чѣмъ гдѣ-либо, проводилась мысль о всемірно-историческомъ значеніи Византіи. Была даже пора — и это не такъ давно, — когда на русскихъ возлагались надежды, что они возьмутъ на себя всестороннюю разработку темы о византинизмѣ и культурномъ его значеніи и дадутъ разрѣшеніе занимавшей многихъ загадки. Но въ настоящее время, когда изученіемъ византійской исторіи и литературы усердно занимаются нѣмцы, французы, англичане, итальянцы и другіе народы, когда за границей появились спеціальные научные органы, посвященные византиновѣдѣнію, нами утрачено, и, вѣроятно, безповоротно, бывшее за нами право сказать новое слово въ этой области.

Чтобы придти къ выясненію понятія о византинизмѣ, надо отправляться отъ Византіи. Византіей назывался въ древности греческій городъ на европейской сторонѣ Босфора, при Мраморномъ морѣ. Въ 330 г. христіанскаго лѣтосчисленія римскій императоръ Константинъ Великій избралъ этотъ городъ столицей своей имперіи и тѣмъ придалъ ему всемірно-историческое значеніе. Съ тѣхъ поръ Византія, хотя и богатая торговлей, но все же бывшая до того провинціальнымъ скромнымъ городомъ, начала украшаться великолѣпными дворцами, портиками и площадями. Со всѣхъ концовъ греческаго міра сюда стали стекаться произведенія античнаго искусства, начался большой приливъ новаго населенія изъ европейскихъ и азіатскихъ провинцій имперіи; торговля и промышленность, которой на Западѣ не благо-

пріятствовала смутная эпоха народныхъ движеній, нашла пріютъ на Востокѣ и сосредоточилась въ Византіи. Сдѣлавшись столицей имперіи, Византія по волѣ Константина Великаго приняла новое имя и стала называться Константинополемъ, Новымъ Римомъ. Съ тѣхъ поръ слово „Византія" перестало служить выраженіемъ реально-существующей дѣйствительности, обратившись въ терминъ для обозначенія политическихъ, государственныхъ, церковныхъ и этнографическихъ особенностей, носителемъ которыхъ была Византійская имперія. Наименованіе Восточной Римской имперіи Византійскою имперіей въ средніе вѣка, въ особенности со времени возстановленія Карломъ Великимъ (800 г.) Западной Римской имперіи, возбуждаетъ сомнѣнія и возраженія какъ со стороны реальнаго смысла этого термина, такъ и со стороны хронологической. Извѣстно, что сами обитатели Византійской имперіи не называли себя ни римлянами, ни эллинами или греками, а ромеями, такъ что Византійская имперія оффиціально носила наименованіе Ромейской. Отсюда ясно, что въ строгомъ историческомъ смыслѣ терминъ „византійскій" такъ же имѣетъ условный и искусственный смыслъ, какъ и другой терминъ, который иногда употребляется взамѣнъ перваго, т.-е. восточно-римскій. Еще менѣе историческихъ основаній называть Византійскую имперію Греческой имперіей или Bas-Empire.

Какъ въ имени Римской имперіи времени Каролинговъ и Оттоновъ лежитъ историческая фикція, ибо въ дѣйствительности Римская имперія Германской націи ничего общаго не имѣетъ съ имперіей Августа или Антониновъ, такъ и Восточно-Римская имперія, составляя продолжающееся преемство императоровъ отъ Августа до Константина XII Палеолога, въ дѣйствительности лишь условно и по соглашенію можетъ носить наименованіе Римской. Такимъ образомъ, центръ тяжести въ данномъ вопросѣ переходитъ къ выясненію содержанія термина „византинизма".

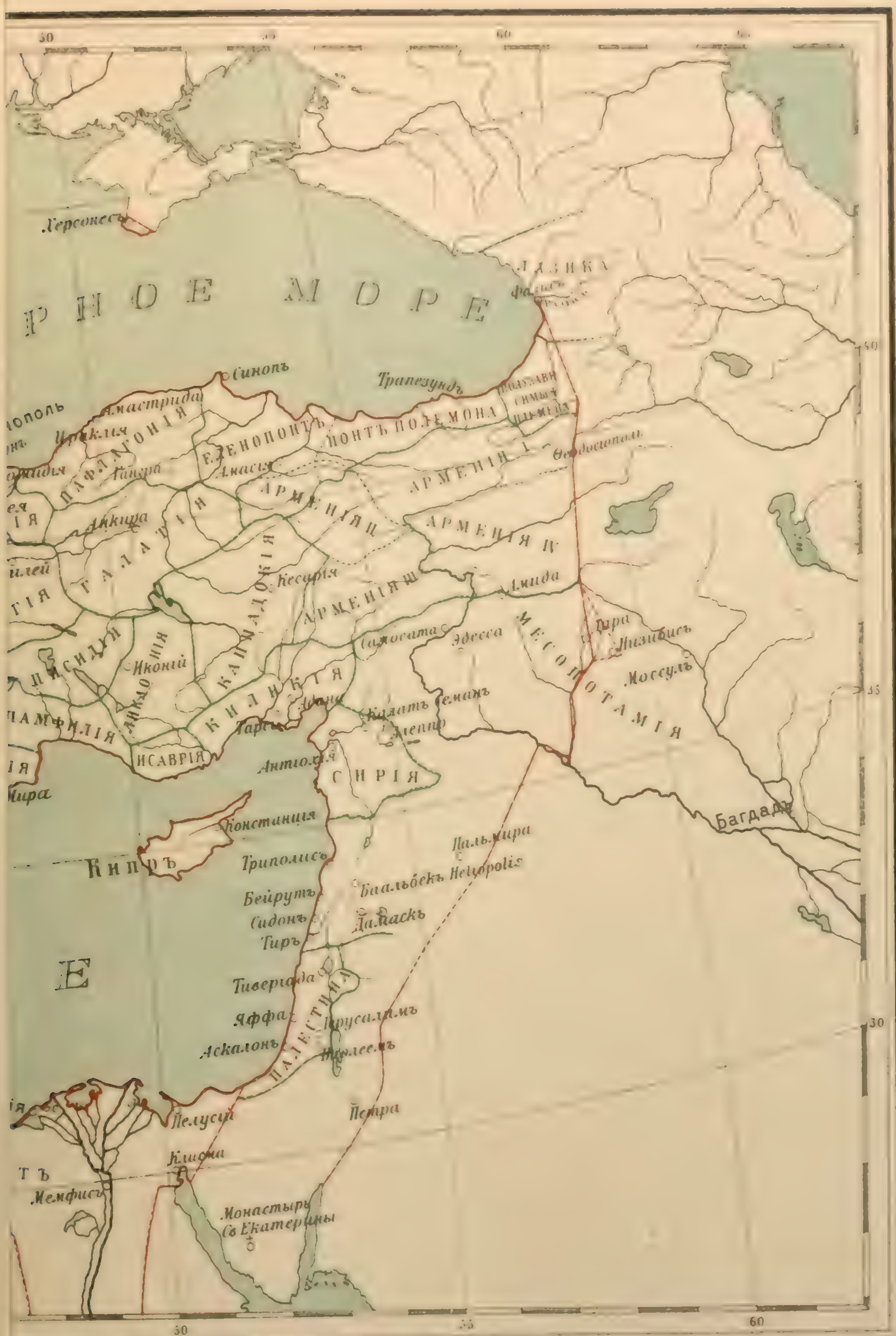
Термины „византійскій", а въ связи съ нимъ „византинизмъ" имѣютъ за собою традицію и обозначаютъ такую совокупность понятій, по отношенію къ которымъ не существуетъ разности мнѣній. Никто въ настоящее время не будетъ сомнѣваться и не выставитъ серіозныхъ аргументовъ противъ слѣдующихъ выраженій: византійскіе писатели, византійская литература, византійское искусство, византійская образованность. Если сдѣлались обычными приведенныя

выраженія, то нѣтъ сомнѣнія въ законности терминовъ: „византійская исторія", „Византійская имперія" и даже такихъ выраженій, какъ „византійская мораль" и т. п. Едва ли даже возможно замѣнить, напримѣръ, выраженія „византійскіе писатели" или „византійское искусство" какимъ-нибудь другимъ выраженіемъ, которое такъ же хорошо обозначало бы сущность идеи, какъ это выраженіе. Несомнѣнно, эпитетъ „византійскій" придаетъ смыслъ послѣдующему слову, при которомъ онъ ставится, выражаетъ особенный характеръ, специфическія черты предмета. Когда произведеніе духа человѣческаго или отдѣльный индивидуальный поступокъ обозначается именемъ византійскаго, этимъ характеризуется не только качество произведенія, но и принадлежность его къ опредѣленной эпохѣ; точно такъ же индивидуальное дѣйствіе съ предшествующимъ „византійскій" весьма выразительно характеризуетъ хитрость, коварство, неискренность, лицемѣріе, а также самомнѣніе, дерзость и тщеславіе и т. п. несимпатичныя качества, отмѣченныя частью уже на первыхъ страницахъ русской лѣтописи.

Итакъ, если терминъ „византійскій" имѣетъ опредѣленное и довольно общепринятое значеніе, то намъ не представляется трудности опредѣлить значеніе выраженія „византинизмъ", который, несомнѣнно, долженъ получить преобладаніе надъ соперничающимъ выраженіемъ „византійство". Подъ византинизмомъ прежде всего разумѣется совокупность всѣхъ началъ, подъ вліяніемъ которыхъ постепенно реформировалась Римская имперія въ V—VIII вв., прежде чѣмъ преобразоваться въ Византійскую имперію. Какъ на Западѣ организующимъ началомъ сталъ романизмъ, такъ на Востокѣ византинизмъ; съ этой стороны и можетъ подлежать объясненію терминъ „византинизмъ". На Востокѣ романизмъ встрѣтился со старыми культурами: іудейской, персидской и эллинской, которыя не только оказали ему значительное противодѣйствіе, но, въ свою очередь, имѣли на него разнообразныя вліянія. На почвѣ римской администраціи и правовыхъ римскихъ воззрѣній появляются наслоенія и придатки особаго рода, по канвѣ эллинскихъ философскихъ воззрѣній вышиваются узоры манихейскихъ, іудейскихъ и иранско-персидскихъ идей и вѣрованій. Многообразныя перемѣны вызвала германская и славянская иммиграціи, произведшія реформы въ соціальномъ и экономическомъ строѣ и въ военной системѣ имперіи. Подъ дѣйствіемъ ука-

занныхъ новыхъ началъ реформируется Римская имперія на Востокѣ, постепенно пріобрѣтая характеръ византинизма. Какъ выраженіе политическихъ, культурныхъ и философско-литературныхъ особенностей, византинизмъ проявляется въ слѣдующихъ признакахъ: 1) въ постепенной отмѣнѣ господствовавшаго латинскаго языка и замѣнѣ его греческимъ или, собственно говоря, византійскимъ; 2) въ борьбѣ національностей изъ-за политическаго преобладанія; 3) въ оригинальномъ характерѣ развитія искусства и въ появленіи новыхъ мотивовъ, вліявшихъ на созданіе новыхъ памятниковъ, равно какъ въ своеобразныхъ чертахъ литературныхъ произведеній, гдѣ вырабатывается постепенно новый и оригинальный методъ подъ вліяніемъ восточныхъ культурныхъ преданій и образцовъ. Крайнимъ предѣломъ перваго періода выработки византинизма нужно полагать начало VIII вѣка. Общеизвѣстны черты воздѣйствія византинизма на историческіе народы, съ которыми имперія приходила въ соприкосновеніе. Съ указанной точки зрѣнія византинизмъ имѣетъ громадное значеніе какъ въ западно-европейской, такъ и въ восточно-европейской, въ частности въ русской исторіи. Слѣдуетъ прибавить, что по отношенію къ восточно-европейской исторіи роль византинизма не окончена и по настоящее время. Константинопольская „вселенская" церковь есть прямая продолжательница въ церковной области политическихъ преданій византинизма: какъ византійская имперія ревниво оберегала эллинизмъ, препятствуя образованію инородческихъ политическихъ организацій и концентрируя эллинскіе элементы, такъ и константинопольскій патріархатъ приноситъ въ жертву эллинизму идею вселенской церкви.

При оцѣнкѣ значенія Византіи во всеобщей и русской исторіи можно исходить изъ двоякой точки зрѣнія. Съ одной стороны, Византія можетъ быть разсматриваема какъ живой государственный организмъ, имѣющій свою исторію, въ которой различаются періоды подъема и упадка. Жизнь этого организма продолжается отъ IV до XV вѣка. Съ другой стороны, можетъ представляться и та точка зрѣнія, что Византія, какъ политическое тѣло, будучи погребена въ эпоху турецкаго завоеванія Константинополя въ 1453 г., не перестаетъ, однако, жить, какъ отвлеченный принципъ, въ ея археологическихъ памятникахъ, въ оставленномъ ею наслѣдствѣ и въ чувствахъ и настроеніяхъ народовъ, которые подверглись ея культурному влія-

Лит. И. Кадушина Екатерингофскій пр. д. № 101

„История Византийской Империи“

Лит И. Кадушина Екатерингофскiй пр. д. № 101

нію. Историческая Византія при этой точкѣ зрѣнія уступаетъ мѣсто археологической.

Византинизмъ, какъ историко-литературный терминъ, долженъ быть поставленъ рядомъ съ романизмомъ. Но, отдавая должное романизаціи въ процессѣ образованія западно-европейской государственности, мы, съ другой стороны, не можемъ не придавать значенія и византинизму, какъ организующему началу историческаго развитія на юго-востокѣ Европы. Будемъ справедливы и согласимся, что, если романизмъ формируетъ франкское государство и служитъ важнымъ факторомъ въ имперіи Карла Великаго и Оттоновъ, если римскія правовыя воззрѣнія оказываютъ очень сильное дѣйствіе во всей исторіи Запада, византинизмъ, съ своей стороны, становится идеаломъ славянскаго царства, къ какому стремятся передовые славянскіе народы. Византинизмъ идетъ до Кіева и Москвы, подъ его началами складывается историческая жизнь, т.-е. государственное и военное устройство юго-восточныхъ славянъ; въ связи съ этимъ принципомъ стоитъ раздѣленіе Европы на двѣ половины—православную и католическую, въ каковыхъ названіяхъ столько же скрываются религіозныя, какъ политическія и этнографическія различія. Словомъ, византинизмъ есть историческій принципъ, дѣйствія котораго обнаруживаются въ исторіи народовъ Юга и Востока Европы. Этотъ принципъ заправляетъ развитіемъ многихъ народовъ и до настоящаго времени, выражая собой складъ вѣрованій и политическихъ учрежденій, равно какъ особый видъ организаціи сословныхъ и экономическихъ отношеній.

Въ послѣдней четверти V столѣтія по Р. Хр. пала Западная Римская имперія подъ напоромъ германскихъ варваровъ. Наслѣдіе всемірнаго римскаго обладанія, званіе императора и самая идея всемірной монархіи, а также остатки античной образованности уцѣлѣли послѣ этого только на Востокѣ—въ Византійской имперіи. Особенно тяжела была для народовъ Западной Европы утрата идеи всемірной монархіи. „Одинъ Богъ на небѣ, одинъ царь на землѣ; нельзя небо представить безъ Бога, ни земли безъ императора“, такъ говоритъ западный писатель V столѣтія. То обстоятельство, что императорское достоинство сохранилось въ Византіи, наполняло умы политическихъ дѣятелей Западной Европы озлобленіемъ. Не удивительно поэтому, что очень рано возникла на Западѣ мысль о томъ, что нужно, во

что бы то ни стало, отнять императорское достоинство у византійскихъ царей. Впервые удалось осуществить это королю франковъ—Карлу Великому. Несмотря, однакоже, на то, что имперія была возстановлена на Западѣ, всѣ очень живо ощущали, что это не совсѣмъ справедливое дѣло при существованіи законнаго римскаго императора на Востокѣ; многіе называли западныхъ императоровъ самозванцами. Это продолжалось до тѣхъ поръ, пока западные императоры не пріобрѣли путемъ купли согласіе на присвоеніе ими себѣ этого титула со стороны императоровъ византійскихъ. Это первое хищеніе, которое сдѣлалъ Западъ Европы отъ Византіи. Второе хищеніе—церковное. Въ то время, какъ западные государи стремились присвоить императорскій титулъ, римскій первосвященникъ, вступивъ на путь честолюбивыхъ притязаній на главенство, начинаетъ свое соперничество съ патріархомъ константинопольскимъ. Враждующія стороны подвергаютъ одна другую проклятіямъ и взаимнымъ оскорбленіямъ, и раздоръ заканчивается полнымъ отдѣленіемъ западной церкви отъ восточной. Съ того времени Византія и всѣ восточные христіане стали извѣстны на Западѣ подъ именемъ схизматиковъ. Но и на Востокѣ не считаются православными христіане Западной Европы, подвластные римскому папѣ. Вражда церковная иногда переходила во вражду политическую. Особенно печальна изъ эпизодовъ этой борьбы исторія завоеванія Константинополя крестоносцами въ 1204 г., когда франки убивали восточныхъ христіанъ и опустошали ихъ страну съ не меньшею жестокостью, чѣмъ это дѣлали они по отношенію къ мусульманамъ. Трудно понять, какъ могли въ такой степени озлобиться другъ противъ друга христіанскіе народы. Никто изъ западныхъ христіанъ даже не хотѣлъ и думать, какъ все это жестоко и несправедливо. Лишь одинъ русскій путешественникъ, бывшій въ то время въ Царѣградѣ, сдѣлалъ въ Новгородской лѣтописи правильную оцѣнку этихъ кровавыхъ событій, назвавъ подвигъ крестоносцевъ преступнымъ дѣяніемъ. Болѣе всего пострадали отъ хищенія латинянъ святыни византійской церкви. Сохранившіяся на Западѣ письменныя свидѣтельства очевидцевъ этихъ событій полны сообщеній объ этихъ грабежахъ. Безстыдство доходило до того, что писатель-очевидецъ ставилъ себѣ лично въ великую заслугу то, что и ему удалось въ присутствіи такихъ-то лицъ присвоить ту или иную греческую святыню.

Впрочемъ, этими свѣдѣніями о хищеніяхъ еще далеко нельзя исчерпать тѣхъ заимствованій, которыя сдѣлала Западная Европа отъ Византіи. Много культурныхъ заимствованій отъ Византіи перешло на Западъ мирнымъ путемъ. Сохраняя въ своихъ нѣдрахъ плоды античной цивилизаціи, Византія служила для западно-европейскихъ народовъ обильнымъ источникомъ знаніи и просвѣщенія. До конца XII столѣтія о Византіи смѣло можно сказать, что она стояла на недосягаемой для западныхъ народовъ высотѣ въ области богословія, философіи и литературы. Это превосходство надъ собою Византіи сознавали и нѣкоторые изъ западно-европейскихъ лучшихъ людей. Въ доказательство можно привести то, что германскіе императоры IX и X столѣтій стремятся вступить въ брачное родство съ византійскими императорами. Вмѣстѣ съ греческими царевнами приходили тогда въ Германію и греческіе ученые. Какимъ уваженіемъ пользовалось греческое образованіе на Западѣ, видно изъ слѣдующаго мѣста письма Оттона III къ Герберту: „Ради Бога, побывай у меня. Сердце мое болитъ, потому что я не могу еще отогнать отъ себя саксонскую грубость и привить себѣ греческое просвѣщеніе“. Самое богослуженіе латинской церкви, церковные обряды, начала церковнаго права,—все это можетъ быть разсматриваемо какъ заимствованіе отъ Византіи. Несмотря, однакоже, на это, латинскіе христіане питали къ Византіи далеко не благорасположенныя чувства. Самый моментъ паденія Византійской имперіи ознаменовался со стороны латинскаго христіанства величайшей измѣной обще-христіанскому дѣлу. Византійскіе императоры посылали на Западъ просьбы о помощи, но тамъ начались споры о томъ, слѣдуетъ ли оказать эту помощь? Одни разсуждали, что не хорошо оставлять христіанскую страну подъ властью мусульманъ, а другіе возражали, что вѣдь греки не истинные христіане, и за этими спорами дали туркамъ разрушить имперію, не пославъ помощи грекамъ.

Таковы отношенія, которыя существовали между Византіей и Западной Европой. Первая была разсадникомъ культуры, а вмѣстѣ съ тѣмъ и предметомъ разнаго рода хищеній и мирныхъ заимствованій, тогда какъ западно-европейскіе народы платили ей лишь завистью, недоброжелательствомъ и жестокостями.

Не то нужно сказать объ отношеніяхъ Византіи къ Восточной Европѣ и къ славянамъ.

Точно такъ же, какъ и народы Западной Европы, но только въ гораздо большей степени, славяне часто приходили въ соприкосновеніе съ Византіей. Долгое время Византія, нуждаясь, по причинѣ тяжкихъ войнъ, въ людяхъ для заселенія своихъ земель, приглашала къ себѣ германцевъ и славянъ, которые шли сюда широкой волной. Войска имперіи нерѣдко были пополняемы славянами. Изъ среды ихъ иногда бывали и администраторы имперіи, полководцы и даже одинъ патріархъ. Въ обычаяхъ и законахъ имперіи есть возможность прослѣдить вліяніе славянскихъ правовыхъ воззрѣній. Не говоримъ уже о томъ, что наши предки часто являлись подъ стѣнами Византіи съ военными цѣлями, русскіе купцы почти всегда проживали въ Константинополѣ и здѣсь находили прибыльный сбытъ своихъ товаровъ. Эти частыя сношенія славянъ съ Византіей сопровождались разнообразными благодѣтельными послѣдствіями для славянскихъ племенъ. Византія просвѣтила ихъ свѣтомъ христіанской вѣры, она же дала имъ и основныя черты государственнаго устройства, подъ вліяніемъ Византіи развились литература славянъ и ихъ искусства. Просвѣтивъ славянъ св. крещеніемъ, Византія дала имъ богослужебный языкъ и письменность, — заслуги неоцѣнимыя. Такъ смотрѣли на дѣло и сами славяне. Болгарскій князь такъ говорилъ грекамъ: „Отъ васъ (бо) на всѣ страны добрый законъ исходитъ“.

Какія культурныя пріобрѣтенія сдѣлали русскіе отъ Византіи? Хотя, какъ сказано выше, наша и иностранная литература представляютъ попытки освѣтить этотъ вопросъ, но, къ великому сожалѣнію, это далеко не означаетъ, однакоже, что все по этому вопросу уже сказано. Наоборотъ, византійская исторія разработана пока очень мало. Причина такого явленія понятна. Памятники византійской исторіи стали подвергаться научному изслѣдованію очень недавно. Да и самая разработка не можетъ идти впередъ быстро по той причинѣ, что она затруднена множествомъ неблагопріятныхъ условій. Отсюда-то и происходитъ, что многіе факты изъ исторіи взаимоотношеній Руси и Византіи остаются совсѣмъ не выясненными. Между тѣмъ, достаточно вспомнить нѣкоторые историческіе факты и принять во вниманіе историческія традиціи, чтобы придти къ положительнымъ заключеніямъ о силѣ и разнообразіи византійскихъ вліяній.

Оглядываясь на прошедшую жизнь русскаго народа, мы видимъ, что наши предки издавна стремились въ Византію, то вступая

съ ней въ мирныя сношенія, то предпринимая на нее опустошительные набѣги. Но вотъ сама Византія одерживаетъ надъ ними величайшую побѣду, давъ имъ христіанскую религію. Съ этого времени наши воинственные предки употребляютъ свои силы уже не во вредъ Византіи, а на помощь ей. Такъ, еще св. Владиміръ, вскорѣ послѣ своего крещенія, послалъ въ Царьградъ отрядъ своихъ воиновъ въ цѣлью усмирить мятежъ, который въ то время подняли противъ императора его подданные. Какъ по торговымъ, такъ и по другимъ цѣлямъ русскіе люди часто посѣщали Константинополь. Существуетъ мнѣніе, что русская колонія въ Царѣградѣ имѣла и свою церковь. Въ этой-то церкви, вѣроятно, и находилась икона Варяжской Богородицы.

Даровавъ св. вѣру нашимъ предкамъ, Византія сообщила имъ, вмѣстѣ съ этимъ, и массу другихъ культурныхъ пріобрѣтеній: письменность, священный языкъ, богослуженіе, государственное устройство. Изъ Византіи перешли къ намъ и знаки верховной государственной власти: гербъ, бармы и шапка Мономаха. Когда же пала Византійская имперія, то сношенія ея съ Россіей приняли уже иной характеръ. Тогда греки устремляются въ Россію за милостыней, привозятъ къ намъ свои святыни и продаютъ ихъ. Теперь взаимоотношенія Руси и грековъ теряютъ характеръ отношеній равнаго къ равному. Наши предки, между прочимъ, строго осуждаютъ грековъ за распродажу святынь.

Итакъ, даже изъ того, что было сказано о культурномъ вліяніи Византіи на европейскіе народы въ прошлые вѣка, можно понять, что это вліяніе ея велико. Но Византія продолжаетъ оказывать вліяніе на европейскую культуру и въ настоящее время посредствомъ своихъ памятниковъ. Византійскій трупъ подлежитъ всестороннему изученію, и къ этому изученію весьма желательно привлечь возможно болѣе рукъ. Большая часть памятниковъ византійскихъ временъ еще не издана. Между тѣмъ, на одномъ Аѳонѣ до 10.000 рукописей, да, сверхъ того, большая часть европейскихъ большихъ библіотекъ имѣетъ свои спеціальные отдѣлы, содержащіе въ себѣ византійскіе памятники. Кромѣ литературныхъ памятниковъ, отъ Византіи уцѣлѣло большое число памятниковъ искусства: архитектуры и живописи. Изученіе этихъ памятниковъ идетъ очень медленно. Большинство изъ нихъ находится подъ землей. Чтобы про-

изводить раскопки на мѣстахъ нахожденія ихъ, требуется не мало денегъ и труда. Но всего прискорбнѣе то, что очень часто на турецкой территоріи производятся тайныя раскопки. Открытыя такимъ путемъ древности столь же тайно распространяются и продаются въ разныхъ странахъ, а это очень вредно отражается на дѣлѣ изученія древнихъ памятниковъ, потому что изучать ихъ на мѣстѣ открытія было бы гораздо плодотворнѣе для науки. Всесторонней научной оцѣнки культурнаго значенія Византіи еще не было сдѣлано. А между тѣмъ, ни для кого эта задача не представляетъ такой важности, какъ для насъ. Для развитія нашего историческаго самосознанія и для воспитанія устойчивыхъ взглядовъ на современныя событія намъ слѣдуетъ серьезно считаться съ тѣмъ, что оставила Византія въ своихъ археологическихъ памятникахъ и въ своемъ наслѣдствѣ. Византія для насъ не отвлеченная только проблема, а реальный предметъ, изученіе котораго во многихъ отношеніяхъ связано съ русской исторіей.

По отношенію къ археологическимъ памятникамъ Византіи русское правительство приняло весьма важную мѣру учрежденіемъ въ Константинополѣ Археологическаго Института, ближайшею цѣлью занятій котораго поставило изученіе христіанскихъ археологическихъ памятниковъ въ предѣлахъ бывшей Византійской, нынѣ Турецкой имперіи. Въ изданныхъ имъ по настоящее время 15-ти томахъ „Извѣстій Р. А. Института въ Константинополѣ“ можно видѣть, какой богатый и интересный матеріалъ открывается для русской науки на Востокѣ. Что же касается практической постановки изученія Византіи и популяризаціи византійской исторіи среди большой публики, въ этомъ отношеніи сдѣлано весьма мало. И трудно ожидать, чтобы въ ближайшемъ будущемъ измѣнились къ лучшему неблагопріятныя обстоятельства. У насъ нѣтъ научной византійской школы и, повидимому, глохнутъ и византійскія традиціи.

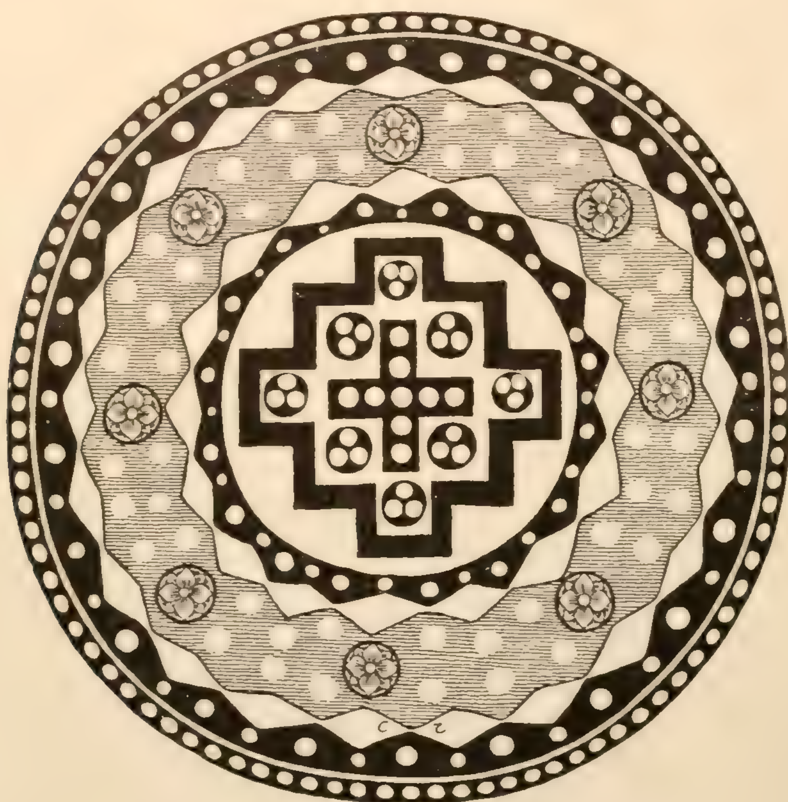
По отношенію къ оставленному Византіей наслѣдству мы напрасно стали бы себя обманывать, что въ нашей волѣ уклониться отъ дѣятельной роли въ ликвидаціи дѣлъ по этому наслѣдству. Хотя вообще отъ наслѣдника зависитъ принимать наслѣдство или отказаться, но роль Россіи въ „Восточномъ вопросѣ“ завѣщана исторіей и не можетъ быть измѣнена по произволу, если только какое-либо непредвидѣнное потрясеніе не дастъ намъ способности забвенія и не

отшибетъ память о томъ, чѣмъ мы жили, къ чему стремились и отъ чего страдали.

Вопросъ о началѣ „византинизма“, какъ культурнаго термина, вошедшаго въ образованіе Византійской имперіи, не можетъ въ точности совпадать съ проблемой о началѣ исторіи Византіи.

Изъ разсмотрѣнія внѣшнихъ фактовъ и внутреннихъ отношеній можно приходить къ опредѣленному выводу, что Восточная имперія обнаруживаетъ выразительный характеръ византинизма къ началу VIII в. Что же касается исходныхъ моментовъ, то хронологически указать ихъ появленіе весьма трудно. Подобно тому, какъ возможны колебанія по разграниченію древней исторіи отъ средневѣковой, еще съ большими сомнѣніями слѣдуетъ относиться къ попыткамъ характеризовать тѣ или иныя явленія исторической жизни, какъ облеченныя византинизмомъ, или какъ лишенныя характера византинизма. Въ смыслѣ объема и содержанія историческаго матеріала сюда должны быть отнесены факты, подготовляющіе византинизмъ и характерные для эпохи византійской исторіи, хотя бы хронологически они входили въ цвѣтущую пору древней римской исторіи. Таково, напримѣръ, движеніе новыхъ народовъ въ предѣлы имперіи. Тотъ же самый этнографическій переворотъ, какой на Западѣ былъ могущественнымъ дѣятелемъ при переходѣ отъ древней исторіи къ средней, постепенно происходилъ и на Востокѣ, претворяя греко-римскія учрежденія въ византійскія. Въ борьбѣ съ готами, гуннами, аварами и славянами Восточная имперія усвоила себѣ существенные элементы византинизма. Такимъ же организующимъ свойствомъ для византинизма было христіанство въ томъ его проявленіи, которое заключается въ восточномъ православіи. Здѣсь византинизмъ сказался въ постепенномъ сосредоточеніи православія въ эллинскомъ племени и въ отдѣленіи отъ господствующей церкви Египта, Сиріи, Арменіи; рядомъ съ этимъ шли притязанія константинопольскаго патріархата и принятіе имъ титула „вселенскій“. Изъ этихъ общихъ указаній можно понять, что для историка не совсѣмъ легко опредѣлить дату, съ которой онъ долженъ начать изложеніе своего предмета. Дѣйствительно, точка отправленія для исторіи Византіи заключается не въ хронологическихъ рамкахъ, а въ новой группировкѣ фактовъ и въ новыхъ настроеніяхъ, какія намѣчаются у историческихъ дѣятелей. Самая существенная черта, которою рѣзко отдѣляется древность отъ средне-

вѣкового міровоззрѣнія, и которою открывается византинизмъ, заключается, по нашему мнѣнію, въ иммиграціи варваровъ въ имперію и въ культурномъ и религіозномъ кризисѣ III — IV вв. Мы, такимъ образомъ, отправляемся въ изложеніи византійской исторіи не отъ опредѣленной даты, а отъ исторіи образующихъ византинизмъ составныхъ элементовъ.

ГЛАВА II.

КУЛЬТУРНЫЙ И РЕЛИГІОЗНЫЙ КРИЗИСЪ ВЪ РИМСКОЙ ИМПЕРІИ. ИММИГРАЦІЯ ВАРВАРОВЪ. ПЕРЕНЕСЕНІЕ СТОЛИЦЫ ВЪ КОНСТАНТИНОПОЛЬ.

Когда Константинъ Великій избиралъ незначительную въ то время Византію своей столицей, этимъ актомъ онъ рѣшилъ также вопросъ объ отдѣленіи Запада отъ Востока; въ то же время этимъ намѣчались новые пути дальнѣйшаго историческаго развитія для Западной и Восточной имперій. Хотя ближайшіе преемники Константина пытались нѣкоторое время направлять къ одной цѣли политику Востока и Запада, но уже со времени Аркадія и Гонорія, т.-е. съ 395 года, Западная и Восточная имперіи не соединялись болѣе подъ властью одного императора, но та и другая пошли своимъ собственнымъ путемъ и испытывали различныя судьбы. Путь, которымъ шла Западная имперія до 476 года, обозначается внѣшними пораженіями, внутренними бѣдствіями и смутами, приведшими имперію на край погибели. Основанная Константиномъ столица на Босфорѣ довольно успѣшно выдержала удары, подъ которыми палъ міровластительный Римъ, и дала — правда, довольно странный и мало еще понятный, но все же весьма интересный по своей живучести — политическій организмъ, называемый Восточной или Византійской имперіей. Наиболѣе важная для историка проблема въ разсужденіи Восточной имперіи заключается въ томъ, что она такъ же была разъѣдаема тѣми же язвами, какъ и Западная имперія, и что удары, подъ которыми палъ Римъ, не щадили и столицы Константина. Въ настоящее время настоятельно требуетъ разрѣшенія уже давно назрѣвшій вопросъ о причинахъ, обусловившихъ разныя судьбы Восточной и Западной имперій. Если Римъ неми-

нуемо долженъ былъ пасть подъ вліяніемъ разрушительныхъ силъ, и на мѣстѣ Римской имперіи должны были возникнуть новыя государства, то почему не постигла тогда же и подобная же участь Византію, въ которой съ неменьшей энергіей дѣйствовали подобныя же разрушительныя силы? Когда идетъ рѣчь о паденіи Рима, при этомъ разумѣется громадной важности историческій переворотъ—переходъ отъ древняго міра въ средніе вѣка, сопровождавшійся большими потрясеніями какъ въ нравственной, такъ и въ матеріальной жизни общества.

Къ рѣшенію вопроса о причинахъ паденія древняго міра подходили съ разныхъ сторонъ и рѣшали его разнообразно. Наиболѣе распространенное мнѣніе заключается въ томъ, что древній міръ состарѣлся, пережилъ себя и не могъ выдержать борьбы съ новыми идеями, внесенными въ міръ христіанствомъ. Дѣйствительно, христіанская вѣра внесла въ жизнь новыя начала, которыя всего болѣе содѣйствовали разрушенію древняго міра, какъ политическаго организма, покоившагося на началахъ греко-римской религіи. Но когда христіанство побѣдило Римъ? Не при Константинѣ Великомъ, потому что тогда язычество было еще главенствующимъ элементомъ въ обществѣ и правительствѣ. Слѣдуетъ притомъ принять во вниманіе, что обращеніе къ христіанству новыхъ народовъ продолжается въ VI и VII, даже въ IX и X вв. Нельзя также забывать, что христіанство распространялось въ имперіи мало-по-малу, и что съ постепенностью шло и воспитаніе общества въ новыхъ идеяхъ. Старѣлся же и ветшалъ древній міръ независимо отъ христіанства, такъ какъ если бы онъ не обветшалъ, то и христіанство не нашло бы для себя той воспріимчивой среды, какая была необходима для его распространенія. Приверженцы старой вѣры далеко не безъ борьбы уступили мѣсто христіанскому культу, и въ то время, какъ христіанство было уже господствующимъ вѣроисповѣданіемъ, язычество до VI вѣка держалось еще въ нѣкоторыхъ провинціяхъ. Итакъ, на вопросъ — отчего палъ древній міръ, нельзя удовлетвориться отвѣтомъ: отъ распространенія христіанства.

Когда мы обсуждаемъ какое-либо событіе политической-ли, или военной, или дипломатической исторіи, мы имѣемъ до нѣкоторой степени возможность, разлагая его на составныя части и слѣдя за развитіемъ подробностей, доискаться общихъ причинъ, вслѣдствіе

которыхъ разсматриваемое событіе приняло такое, а не иное направленіе. Гораздо труднѣе дается объясненіе фактовъ, относящихся до внутренней исторіи. Здѣсь скрыты отъ наблюденія мотивы, приводящіе въ движеніе человѣческую волю, и не такъ замѣтна личная иниціатива, почему не легко устанавливается связь между причинами, производящими то или другое явленіе, и конечными слѣдствіями. Сколько, въ самомъ дѣлѣ, нужно вскрыть чуть замѣтныхъ факторовъ, чтобы понять народныя вѣрованія, обычаи, формы общественной жизни, наконецъ, умственное движеніе и тому подобное, то-есть, именно тѣ элементы народной жизни, изъ коихъ слагаются прогрессъ и упадокъ народовъ? И между тѣмъ разгадка этихъ интимныхъ сторонъ государственной и общественной жизни есть конечная цѣль, къ которой долженъ стремиться историкъ.

Входя въ разсмотрѣніе причинъ, приведшихъ къ паденію древній міръ, мы должны, конечно, считаться съ христіанствомъ; но, какъ принципъ духовнаго и моральнаго свойства, христіанство не можетъ быть разсматриваемо какъ разрушительный элементъ. Очевидно, слѣдуетъ искать факторовъ, содѣйствовавшихъ разрушенію древняго міра и помимо христіанства. Есть мнѣніе, на первый взглядъ отталкивающее своей кажущейся парадоксальностью, но на самомъ дѣлѣ поразительное по своей реальной правдѣ. Древній міръ палъ потому, что греки и римляне весьма мало обращали вниманія на изученіе природы (на естественныя науки, химію и др.). Если бы Римъ выдвинулъ противъ варваровъ порохъ и другія взрывчатыя вещества, то никогда бы не былъ жертвою варварскихъ вторженій. Эту мысль слѣдуетъ выразить нѣсколько иначе, чтобы приблизиться къ роковой дѣйствительности. Если бы древній міръ былъ въ состояніи выставить противъ варваровъ другія средства противодѣйствія, кромѣ матеріальной силы своихъ легіоновъ, то возможно, что высшая культура Рима одержала бы верхъ надъ варварами и подчинила бы ихъ. Но военное дѣло, занимающее тысячи спеціалистовъ-теоретиковъ, и даже въ средніе вѣка неоднократно подвергавшееся кореннымъ реформамъ приспособительно къ новымъ потребностямъ, вызываемымъ новыми условіями нападенія и защиты, въ древнемъ мірѣ, гдѣ война не затихала ни на одинъ день, не испытывало значительныхъ реформъ, такъ что ни въ устройствѣ легіона, ни въ системѣ вооруженія, по крайней мѣрѣ, отъ Августа до Діоклитіана,

не было перемѣнъ. И нужно прибавить, что военное дѣло вовсе не составляло въ этомъ отношеніи исключенія. Недостатокъ духовной производительности есть существенная черта, характеризующая эпоху паденія древняго міра — отъ Августа до конца III-го вѣка. Въ государственномъ правѣ и администраціи, въ литературныхъ произведеніяхъ, въ хозяйственной дѣятельности — вездѣ обнаруживается неподвижность, подражаніе унаслѣдованнымъ образцамъ и отсутствіе живой, прогрессирующей и руководящей идеи. Только въ одной области проявлялась работа мысли и эволюціонное движеніе—въ христіанскихъ общинахъ. Но и это движеніе, какъ теперь выясняется все съ большею наглядностью, и что̀ должно быть здѣсь особенно отмѣчено, обязано своими успѣхами главнѣйше не чистымъ греко-римскимъ элементамъ, а Сиріи и Африкѣ, гдѣ было много семитическихъ примѣсей.

Такимъ образомъ, въ разсужденіи того вопроса, который насъ занимаетъ, дѣло идетъ не объ одномъ какомъ-либо принципѣ и не о смѣнѣ однихъ физическихъ дѣятелей другими, а объ общемъ кризисѣ, какой постигаетъ иногда народы и государства, утрачивающія жизнеспособность, подобно дереву, неожиданно завядающему и не дающему вѣтвей. Рѣчь сводится къ тому, чтобы проникнуть въ тайну государственной и общественной жизни древняго міра, когда угасла въ немъ духовная производительность и когда не стало въ немъ, употребляя выраженіе поэта, „ни мысли плодовитой, ни геніемъ начатаго труда“.

У Геродота [1]) есть превосходный разсказъ, который прекрасно поясняетъ нашу мысль. Періандръ, коринѳскій тиранъ, разъ отправилъ посла къ Ѳрасибулу, милетскому тирану, чтобы спросить у него совѣта, какъ ему установить надежнѣйшій и наилучшій образъ правленія, иначе говоря, какъ ему лучше утвердить свою власть въ Коринѳѣ? Ѳрасибулъ вывелъ за городъ прибывшаго изъ Коринѳа посла, пошелъ на засѣянное поле и, проходя по нивѣ, спрашивалъ посла о цѣли его прибытія и въ то же время сбивалъ колосья, которые поднимались надъ другими и были выше всѣхъ, и продолжалъ это до тѣхъ поръ, пока не истребилъ самой лучшей части нивы. Такъ онъ прошелъ по всему полю и отослалъ посла, не ска-

---

1) *Herodoti*, l. V, c. 923. Русскій перев. Ѳ. Г. Мищенко, II, 48—49.

завъ ему ни слова. Возвратившись къ Періандру, посолъ сталъ жаловаться, что отправили его просить совѣта у человѣка помѣшаннаго, который портитъ свое добро, и разсказалъ, какъ онъ былъ принятъ Ѳрасибуломъ. Но Періандръ понялъ мысль мудреца и погубилъ въ Коринѳѣ или присудилъ къ изгнанію тѣхъ гражданъ, которые возвышались надъ другими знатностью и вліяніемъ.

Вслѣдствіе подобной политической мудрости, которая одинаково примѣнялась въ древности какъ въ монархіяхъ, такъ и въ демократическихъ и аристократическихъ государствахъ, вездѣ получался одинаковый результатъ: на той нивѣ, которая производила поколѣнія людей, колосья получались все ровнѣй, а жатва и достоинство и количество зерна все скуднѣй. Какъ въ Греціи, такъ и въ Римѣ исторія обильна примѣрами, иллюстрирующими сказаніе Геродота. Исагоръ, занявъ Аѳины съ помощью спартанцевъ, изгналъ изъ города 700 неспокойныхъ фамилій; Агаѳоклъ погубилъ въ Гелѣ 4000 ненадежныхъ гражданъ. Въ Римѣ такое же значеніе имѣли проскрипціи, при помощи коихъ укрѣпляются Марій и Цинна и далѣе тріумвиры. Имперія утверждала свое вліяніе особенными мѣрами избранія сената и устраненіемъ опасныхъ гражданъ. Преслѣдованіямъ подвергались не только вожди партій, но и ихъ родственники и потомство.

Выразительнымъ примѣромъ той же практики въ позднѣйшее время можетъ служить новелла сына Ѳеодосія Великаго, императора Аркадія, противъ обвиненныхъ въ политическомъ заговорѣ [1]). „Кто противъ насъ составитъ заговоръ, или кто приметъ участіе въ заговорѣ противъ насъ — тотъ подлежитъ смертной казни, и его имущество конфискуется. Что касается дѣтей, хотя и они должны бы раздѣлять участь отцовъ, такъ какъ и въ нихъ можно опасаться унаслѣдованной преступности, то мы даруемъ имъ жизнь; но они не имѣютъ права на наслѣдство ни отъ отцовъ, ни матерей, ни родственниковъ, ни даже чужестранцевъ; пусть они вѣчно въ бѣдности и нуждѣ несутъ послѣдствія отцовскаго позора, имъ нѣтъ доступа ни къ государственной службѣ, ни къ почестямъ“.

Намѣчаются и другія причины, одинаково съ указанными содѣйствовавшія банкротству древняго міра. Слѣдствіемъ чрезмѣрныхъ

---

[1]) Cod. Theod. IX. 14, 3.

тягостей военной повинности, лежавшей исключительно на гражданахъ, такъ какъ отъ нея устранены были рабы, вольноотпущенники и покоренные народы, было то, что ряды гражданъ средняго класса и крестьянскаго сословія значительно порѣдѣли, и что образовавшаяся въ средѣ ихъ пустота не заполнялась нарождаемостью. Лучшимъ примѣромъ можетъ служить Лаконика. При вторженіи персовъ она могла выставить 8000 воиновъ, столѣтіемъ позже только 1500, а въ 244 г. лишь 700. Въ императорскую эпоху эта область, считавшая прежде до сотни городовъ, имѣла одинъ значительный городъ Спарту, да до 30 жалкихъ поселковъ. Пелопоннисъ въ императорскую эпоху едва могъ поставить 3000 воиновъ, а въ битвѣ при Платеяхъ участвовало 7400.

Цензовые списки для II столѣтія до Р. Хр. даютъ для Италіи отъ 337 до 394 тысячъ способныхъ носить оружіе. При Августѣ можно было съ трудомъ навербовать въ Италіи 45 тысячъ, а при императорахъ I и II вѣка населеніе еще болѣе порѣдѣло: города Анцій и Тарентъ были въ развалинахъ, страна оставалась изъ-за недостатка населенія невоздѣланной. Было бы ошибочно приписывать это явленіе постояннымъ войнамъ и усобицамъ. Евбея не была театромъ военныхъ дѣйствій съ IV вѣка, между тѣмъ вотъ какой порядокъ вещей засвидѣтельствованъ здѣсь въ концѣ I вѣка по Р. Хр. „Двѣ трети земли—говоритъ Діонъ—лежатъ безъ обработки по недостатку рабочихъ рукъ. Я бы съ удовольствіемъ отдалъ даромъ подъ обработку свой участокъ, да нѣтъ охотниковъ на него“. Нѣтъ, главная причина убыли населенія лежитъ въ простомъ фактѣ: въ недостаточномъ приростѣ населенія. Объ этомъ явленіи въ II вѣкѣ историкъ Поливій [1]) дѣлаетъ слѣдующее замѣчательное наблюденіе: „Если невозможно или трудно понять по человѣческому разумѣнію причины какихъ-либо явленій по отношенію къ нимъ, то, можетъ-быть, кто-нибудь, находясь въ недоумѣніи, будетъ ссылаться на божественную волю или на случай: таковы безпрерывные ливни и чрезмѣрные дожди, или, напротивъ, засухи и холода, производящіе порчу плодовъ, равнымъ образомъ, постоянныя заразительныя болѣзни и другое подобное тому, что не легко поддается объясненію. Почему, по справедливости, слѣдуя мнѣнію большинства по отношенію къ

---

[1]) *Polybii* Hist. lib. XXXVI, c. 4 (v. IV, p. 106 sq. ed. Dindorf)

таковымъ непонятнымъ явленіямъ, умоляя и умилостивляя жертвами божество, спрашиваемъ оракуловъ: какими словами или какими дѣйствіями мы могли бы улучшить свое положеніе или достигнуть облегченія отъ угнетающихъ насъ бѣдствій. Что же касается такихъ явленій, причины которыхъ, производящія извѣстное событіе, легко понять, то, по моему мнѣнію, таковыя не слѣдуетъ ставить въ соотношеніе съ божествомъ. Возьмемъ такое явленіе. Въ наше время всю Грецію постигло неплодіе и вообще скудость населенія, вслѣдствіе чего и города запустѣли, и произошли неурожаи, хотя не было у насъ ни продолжительныхъ войнъ, ни заразительныхъ болѣзней. Итакъ, если бы кто по отношенію къ этому вздумалъ спрашивать боговъ, какими словами или дѣйствіями мы могли бы размножиться и лучше устроить жизнь въ нашихъ городахъ, то не оказался ли бы онъ подлинно безразсуднымъ человѣкомъ, такъ какъ причина явленія совершенно ясна, и устраненіе ея зависитъ отъ насъ самихъ? Когда люди утратили простоту и сдѣлались любостяжательными и расточительными и перестали вступать въ бракъ, а если вступали, то съ тѣмъ, чтобы не имѣть больше одного, или, въ крайнемъ случаѣ, двухъ дѣтей, чтобы оставить имъ значительныя богатства и воспитать ихъ въ роскоши,—вотъ при какихъ условіяхъ постепенно усилилось бѣдствіе. Ибо при существованіи одного ребенка или двоихъ, въ случаѣ если одинъ изъ нихъ сдѣлается жертвой войны или болѣзни, легко понять, что неизбѣжно жилища останутся пустынными, и какъ рои у пчелъ, подобнымъ же образомъ и безлюдные города скоро впадаютъ въ безсиліе. Въ подобныхъ обстоятельствахъ нѣтъ нужды вопрошать боговъ о томъ, какъ избавиться отъ таковаго бѣдствія, ибо каждый въ состояніи объяснить, что это вполнѣ зависитъ отъ насъ самихъ: или слѣдуетъ отречься отъ зависти, или опредѣлить законами для каждаго обязанность воспитывать своихъ дѣтей. Для этого нѣтъ нужды ни въ предсказателяхъ, ни въ кудесникахъ".

Правительство вполнѣ понимало угрожающую опасность, оно издавало законы противъ вдовыхъ и холостыхъ, опредѣляло награды за многочадіе, но принятыя мѣры не приносили ожидаемой отъ нихъ пользы. Военные люди, проведя въ военныхъ занятіяхъ и вдали отъ родины лучшіе годы жизни, подъ старость если и женились, то не производили дѣтей. Независимо отъ того военная система,

лежавшая на мелкихъ земельныхъ собственникахъ, отнимала у земли рабочія руки и поражала въ самое сердце сельское хозяйство. Крестьянскіе участки поступали за долги въ продажу и становились собственностью крупныхъ землевладѣльцевъ. Совокупность указанныхъ условій обезлюдила и ослабила древній міръ.

Въ виду вышеизложеннаго едва ли можно оправдать довольно распространенныя выраженія: древній міръ обветшалъ, состарѣлся, выродился,—которыми пытаются опредѣлить сущность перехода отъ древняго міра къ средневѣковью. Нужно принимать въ соображеніе, что физической преемственности между древними и средневѣковыми народами вообще не можетъ быть указано: не греки и не римляне играютъ роль послѣ паденія Западной Римской имперіи, хотя никакъ нельзя отрицать преемственности въ идеяхъ и воззрѣніяхъ, т.-е. тѣсной культурной связи между древнимъ міромъ и средними вѣками. Древній міръ оставилъ въ наслѣдство среднимъ вѣкамъ свою культуру; слѣдовательно, самый процессъ передачи культурнаго наслѣдства и способы усвоенія должны составлять для историка самое существенное въ пониманіи и изложеніи переходной эпохи отъ древняго міра къ среднимъ вѣкамъ.

Понимая этотъ процессъ какъ постепенное перерожденіе, мы должны отвести самое главное мѣсто выясненію двухъ началъ, подъ вліяніемъ которыхъ совершается перерожденіе древняго міра. Это перерожденіе медленно происходило подъ вліяніемъ духовнаго и матеріальнаго элемента. Одинъ постепенно ослаблялъ философскія и религіозныя воззрѣнія языческаго міра, подготовляя умы для воспріятія христіанской религіи; другой постепенно измѣнялъ самую физическую сущность обитателей древняго міра, вливая свѣжую струю варварской крови въ слабѣющія и переставшія размножаться поколѣнія и народности.

Съ середины прошлаго столѣтія выдвинута была мысль объ изученіи исторической и соціально-религіозной обстановки, въ которой образовалась и утвердилась христіанская идея. Эта мысль, составляющая основное положеніе такъ называемой Тюбингенской школы, привела къ весьма важнымъ выводамъ на почвѣ изученія религіозной идеи въ эпоху происхожденія и утвержденія христіанства. Вѣра въ языческую религію поколебалась въ сознаніи древнихъ народовъ, боги перестали удовлетворять религіознымъ потребностямъ,

и наступила такая пора, когда опустѣлый Олимпъ ни для кого не представлялъ болѣе ни отрады, ни успокоенія. А между тѣмъ человѣчество не могло оставаться лишеннымъ религіи. Мѣсто языческаго культа должна была занять другая вѣра. Это исканіе новой идеи, которымъ характеризуется философское движеніе въ древнемъ мірѣ, чрезвычайно богато послѣдствіями, и на почвѣ философской производительности добыты тѣ заключенія, которыя приготовили древній міръ къ принятію христіанской идеи. Мы разумѣемъ здѣсь весьма продолжительный періодъ поисковъ за новыми идеями, поисковъ утомительныхъ и часто безнадежныхъ, которые необходимо историку оцѣнить и представить въ надлежащемъ освѣщеніи, чтобы показать значеніе идейной борьбы въ человѣческомъ обществѣ. Весьма извѣстно то обстоятельство, что древняя вѣра въ божественную силу греко-римскихъ божествъ была поколеблена задолго до того времени, какъ восточныя божества стали приглашаться къ участію въ Олимпѣ.

Въ комедіи Аристофана „Облака" есть мѣсто, гдѣ Сократъ на сдѣланное ему замѣчаніе, что въ рукахъ Зевса есть молнія, чтобы поражать клятвопреступниковъ, отвѣчаетъ: „дуракъ! ты повторяешь бабьи сказки [1]). Если Зевсъ поражаетъ молніей клятвопреступниковъ, то почему не попалилъ Симона, и Клеонима, и Ѳеора—вѣдь, это самые злые клятвопреступники. Вмѣсто того онъ поражаетъ собственные храмы, и шпицъ Аѳинеи Сунійской, и высочайшіе дубы. Что они ему сдѣлали"? Если принять въ соображеніе, что время жизни комика падаетъ на 450—385 до Р. Хр., то можно еще удивляться, что вѣра въ боговъ такъ долго держалась въ греко-римскомъ обществѣ. Правда, правительство пыталось разными средствами поддержать и оживить религію и достигало въ этомъ отношеніи нѣкоторыхъ временныхъ успѣховъ. Но философское мышленіе, направляясь къ выясненію отношеній человѣка къ верховному существу, все болѣе и болѣе подрывало увѣренность въ вѣрованіяхъ, когда-то имѣвшихъ значеніе непререкаемыхъ истинъ. Уже основныя положенія, выводимыя изъ платоновскаго ученія: идея единаго и всесовершеннаго бога, безсмертіе души, воздаяніе по смерти за совершенныя въ жизни

[1]) Имѣется въ виду все довольно вольное мѣсто въ разговорѣ Стрепсіада съ Сократомъ, гдѣ громъ сравнивается съ газами, выпускаемыми изъ себя человѣкомъ: стихи 388 и сл., въ особенности 398—402.

дѣянія—заключали въ себѣ выводы, несовмѣстимые съ старой вѣрой и скорѣе приближающіеся къ христіанству, чѣмъ къ язычеству.

Чѣмъ объясняется нетерпимость римскаго государства къ христіанамъ? Хотя нельзя думать, что христіанство, въ смыслѣ носителя новыхъ идей, представляло собой разрушительное начало, ибо буква убиваетъ, а духъ животворитъ; но по отношенію къ политическому и соціальному строю древняго общества христіане несомнѣнно представляли собой крайнюю оппозицію. При ближайшемъ соприкосновеніи съ христіанами римскіе администраторы и лица, стоявшія во главѣ судебныхъ установленій, встрѣчались съ такими фактами, которые стояли въ совершенномъ противорѣчіи съ общепризнаннымъ и твердо установившимся строемъ. Съ точки зрѣнія римскаго государственнаго закона почитаніе боговъ и исполненіе обрядовъ религіи было первымъ и основнымъ требованіемъ во всѣхъ дѣлахъ, касавшихся христіанъ. Но эти сектанты, съ точки зрѣнія римскаго судьи, уклонялись отъ принесенія жертвы, не воскуряли ѳиміама предъ статуей императора и ссылались на какое-то новое неизвѣстное божество, не принятое въ римскій пантеонъ. Кромѣ того, тѣ же христіане позволяли себѣ уклоняться отъ государственной, въ особенности отъ военной службы, открыто признаваясь, „не могу носить оружіе, потому что я христіанинъ“ („Non possum militare quia christianus sum“). Само собой разумѣется, языческое общество не могло не усматривать въ новой религіозной, съ его точки зрѣнія, сектѣ явныхъ враговъ общественнаго порядка, хотя бы христіане не являлись открытыми нарушителями ни религіозныхъ церемоній, ни общепринятыхъ обычаевъ. Въ одномъ только случаѣ христіане внушали къ себѣ дѣйствительное подозрѣніе, это относительно своихъ тайныхъ собраній, которыя прикрывались законными формами, но въ существѣ не были легальными.

Не могло языческое общество примириться и съ внѣшнимъ поведеніемъ, а равно съ нравственными воззрѣніями христіанъ. „Кто хочетъ за мной идти, тотъ долженъ покинуть отца и мать и все, что ему дорого“. Христіанство вносило разладъ въ семейную жизнь, нарушало довѣріе между супругами и между родителями и дѣтьми. Нельзя безъ волненія читать исторію св. Перепетуи, принадлежавшей къ лучшему обществу, которую старикъ-отецъ умоляетъ оставить новую вѣру и возвратиться къ семьѣ, къ покинутому ею мужу и ребенку.

Въ особенности, никакъ не могло римское общество примириться съ тѣмъ, что представлялъ собой Римъ съ его древней культурой и съ высоко образованнымъ обществомъ, и что рядомъ съ нимъ представляли христіанскія общины. На одной сторонѣ была высокая культура, побѣды, міровластительство, на другой же—невѣжество, простота, скудость и отсутствіе всякой культурности. Совершенно основательно говорили христіанамъ: какъ вы можете съ вашимъ убожествомъ мечтать о перестройкѣ міра, когда на нашей сторонѣ и опытъ, и численное превосходство, и богатства, когда на нашей сторонѣ высокая культура. Цельзъ выразилъ эту противоположность между христіанами и римскимъ міромъ въ слѣдующемъ образѣ: „Вы, какъ тараканы въ щели, судите о внѣшнемъ мірѣ по своему кругозору. Намъ, конечно, лучше судить съ нашего широкаго и открытаго мѣста о томъ, что есть и что должно быть, а не вамъ изъ вашей щели".—Христіанство подвергалось упреку даже и послѣ того, какъ оно уже было объявлено господствующимъ въ имперіи, въ томъ, что оно, уничтоживъ древнюю культуру и освятивъ невѣжество и мракъ, взамѣнъ само ничего не могло дать. Отцы и учители церкви первыхъ вѣковъ съ особенной настойчивостью поэтому проводили мысль, что христіане должны черпать знаніе и образованіе въ языческой школѣ и литературѣ (Бл. Августинъ). Основное положеніе книги Буасье, „Паденіе язычества", заключается въ оправданіи мысли, что христіанство не пренебрегало культурой и восприняло въ себя все знаніе, добытое въ древнемъ мірѣ.

Переходя къ выясненію того начала, которое постепенно измѣняло самую физическую сущность древняго міра, мы становимся на болѣе твердую почву, такъ какъ можемъ считаться съ весьма конкретными и извѣстными фактами. Но здѣсь не предполагаемъ вести рѣчь о той неудержимой волнѣ народныхъ движеній, которая залила древній міръ и на его развалинахъ дала новые ростки, развившіеся въ средневѣковыя государства. На Западѣ и Востокѣ по одинаковымъ причинамъ правительство принимало на государственныя земли чуждые народы: главная цѣль была въ пополненіи убыли въ населеніи, въ заботахъ имѣть въ провинціяхъ достаточно людей, съ которыхъ можно было бы брать рекрутовъ и собирать подати. Мизія и Паннонія во II и III в. были вполнѣ покрыты варварскими колоніями, во Ѳракіи поселено сто тысячъ бастарновъ. Констанцій Хлоръ и Константинъ

довели систему своихъ предшественниковъ до крайнихъ предѣловъ, послѣднему приписывается поселеніе въ имперіи 300 тысячъ сарматовъ. Постоянное и обильное пополненіе провинцій имперіи новыми народами вливало много новой крови въ остатки стараго населенія и содѣйствовало постепенному измѣненію самаго физическаго типа древнихъ народовъ. Востокъ, послѣ окончательнаго раздѣленія тогдашняго міра на двѣ половины, меньше подвергался иммиграціи варваровъ и представлялъ въ восточныхъ своихъ провинціяхъ значительную преграду противъ вторженія чуждыхъ этнографическихъ элементовъ. Но затѣмъ, со времени Ѳеодосія, германскіе готы наводнили столицу и провинціи и подвергли Восточную имперію дѣйствію того же внутренняго броженія, подъ вліяніемъ котораго разрушалась Западная имперія. Хотя у восточныхъ императоровъ нашлось довольно государственной мудрости, чтобы задержать процессъ расчлененія Византійской имперіи посредствомъ постояннаго обмѣна населенія между Малой Азіей и Балканскимъ полуостровомъ, но обширныя поселенія славянскихъ племенъ въ европейскихъ провинціяхъ, равно какъ расположеніе лагеремъ въ придунайскихъ областяхъ кочевыхъ азіатскихъ народовъ — вело къ тому же окончательному результату, какимъ сопровождалось движеніе новыхъ народовъ на Западную имперію. Не могли, конечно, не оцѣнить государственные люди IV в. то положеніе, которое создавалось ходомъ вещей: Востокъ имѣлъ больше устоевъ противъ расчлененія, чѣмъ Западъ, на Востокѣ не было такого неудержимаго стремленія къ передвиженію съ мѣста на мѣсто, какое было на Западѣ; Востокъ могъ доставлять и войско, и продовольствіе для него, и деньги. Нельзя не признать того обстоятельства, что какъ Византійская имперія, такъ и смѣнившая ее турецкая съ Востока получала главныя средства своего существованія. Малая Азія оставалась житницей государства, когда Египетъ вышелъ изъ сферы вліянія Восточной имперіи. Итакъ, ясно, что перенесеніе ближе къ Востоку или на Востокъ правительственныхъ учрежденій и основаніе столицы имперіи на Босфорѣ было актомъ высокой государственной мудрости, обезпечивавшимъ продолжительную жизненность византинизму.

Выборъ мѣста для новой столицы, устройство Константинополя и созданіе изъ него всемірно-историческаго города составляетъ неотъемлемую заслугу политическаго и административнаго генія Констан-

Рис. 1. Латеранская статуя Константина Великаго

тина. Не въ эдиктѣ о вѣротерпимости міровая заслуга Константина: не онъ, такъ его ближайшіе преемники принуждены были бы даровать господство христіанству, которое отъ того ни мало не потеряло бы; между тѣмъ какъ своевременнымъ перенесеніемъ столицы міра въ Константинополь онъ въ одно и то же время и спасъ древнюю культуру, и создалъ благопріятную обстановку для распространенія христіанства. Исключительно важное торговое и военное положеніе Византіи - Константинополя на границѣ между Европой и Азіей, господство надъ двумя морями, Чернымъ и Средиземнымъ, гдѣ находили себѣ блестящее развитіе древнія культуры—эти преимущества властнаго положенія на Золотомъ Рогѣ и Босфорѣ хорошо поняты и были оцѣнены древними задолго до Константина. Въ анналахъ Тацита [1]) есть прекрасное мѣсто слѣдующаго содержанія. Когда греки спросили пиѳійскаго Аполлона, гдѣ онъ посовѣтовалъ бы основать новую колонію, онъ послалъ ихъ въ страну, лежащую противъ жилища слѣпцовъ. Слѣпцами преданіе считаетъ здѣсь основателей мегарской колоніи Халкидонъ, которые не сумѣли оцѣнить важности противоположнаго берега Босфора.—Дѣйствительно, въ теченіе всего извѣстнаго историческаго періода Константинополь игралъ несравненную роль въ смыслѣ посредника торговыхъ и вообще культурныхъ сношеній между Востокомъ и Западомъ. Понимая міровое значеніе Византіи, Константинъ перенесъ сюда столицу имперіи, и его выборъ оправданъ исторіей. Торговымъ центромъ Константинополь оставался въ теченіе всего средневѣковья; военное значеніе его доказывается всей его многовѣковой судьбой. Многія ли европейскія столицы могутъ похвалиться такимъ защищеннымъ положеніемъ, какъ Константинополь? Между тѣмъ, въ виду темной эпохи, которая наступила съ IV—V вв., когда варварскія полчища нахлынули на слабѣющую римскую имперію и уничтожили всѣ завоеванія въ области науки, искусства и общежитія, природой и техникой укрѣпленная Византія дала въ себѣ пріютъ культурѣ и умственной производительности. Если она и не пріумножила пріобрѣтеній, полученныхъ отъ древности, то во всякомъ случаѣ старательно оберегала ихъ. Новоевропейскіе народы, постепенно сдѣлавшись способными понимать блага культурной жизни, стали черпать полной рукой изъ ея архивовъ и библіотекъ.

[1]) Annal. XII, 63.

Въ 328 г. начаты были перестройки и возведеніе новыхъ зданій, 11 мая 330 г. праздновалось открытіе новой столицы. Хотя новая столица становилась центромъ христіанской имперіи, и хотя старое языческое богослуженіе въ ней не должно было имѣть мѣста, но на украшеніе ея употреблены были лучшіе языческіе памятники изъ Рима, Аѳинъ, Александріи, изъ Малой Азіи и съ острововъ. Древніе языческіе храмы или передѣланы въ христіанскіе, или обращены на общественныя надобности. Изображенія боговъ, потерявшія мѣсто въ храмахъ, стали украшать площади, улицы, бани, портики (рис. 2).

Трудно выяснить, какими мѣрами привлечено было въ Константинополь населеніе. Торговыя преимущества, пособія, безденежная раздача хлѣба и проч. должны были заохотить рабочее и промышленное населеніе искать жительства въ Константинополѣ. При Іоаннѣ Златоустѣ въ городѣ насчитывалось 100 тысячъ христіанъ, но были во множествѣ іудеи и язычники, между ними до 50 тысячъ бѣдныхъ. Уже въ V в. понадобилось раздвинуть стѣны и выстроить новые дома на освобожденныхъ мѣстахъ, но и при этомъ, по замѣчанію Зосимы, было опасно ходить по улицамъ за многолюдствомъ и тѣснотой; тогда осушили морской берегъ, набили сваи и стали строить дома надъ водой. Городу дано было муниципальное устройство Рима, городской округъ изъятъ отъ поземельной подати. Современникъ Юліана Евнапій говоритъ уже о пьяномъ и ничѣмъ не довольномъ димѣ Константинополя и жалуется на Константина, который, лишивъ города природныхъ жителей, перевелъ ихъ въ основанный имъ городъ.

Рис. 2. „Матери боговъ". Рельефъ Русск. Археол. Института въ Константинополѣ.

Въ высшей степени любопытно обозначить планъ и очертанія города Константина. Преданіе говоритъ, что императоръ, идя съ копьемъ въ рукахъ, намѣчалъ границы своей столицы, и, когда приближенные выражали удивленіе обширности размѣровъ города, онъ

сказалъ: „Я пойду до тѣхъ поръ, пока не остановится нѣкто идущій впереди меня“. Старая Византія, занимавшая только часть мыса, вдающагося въ Мраморное море, была незначительнымъ поселкомъ сравнительно съ городомъ Константина, который, въ свою очередь, въ нѣсколько пріемовъ раздвигался вдаль, чтобы достигнуть той обширной площади, какая окружена сохранившимися доселѣ стѣнами. Граница основаннаго Константиномъ города обозначена была землянымъ валомъ и стѣной, который съ извѣстной степенью вѣроятности можно обозначить такъ, въ направленіи отъ Золотого Рога къ Мраморному морю: стѣна начиналась или на линіи стараго моста, или нѣсколько сѣвернѣй и шла въ направленіи къ юго-западу, пересѣкая большую улицу, существовавшую и въ древности подъ именемъ Меса, въ направленіи между цистерной Аспара и храмомъ свв. Апостоловъ, затѣмъ склонялась къ югу, проходя мимо цистерны Мокія и доходила до моря въ мѣстности между Псаматіей и Даудъ Паша-капуси, неподалеку отъ древняго монастыря Перивлепта или Сулу-монастыря.

Окружавшая древній городъ стѣна сослужила большую службу новой столицѣ въ эпоху переселенія народовъ. Когда вестготы утвердились на Балканскомъ полуостровѣ, Константинополь сдѣлался для нихъ весьма заманчивой добычей. Въ 378 г., вскорѣ послѣ пораженія римскихъ войскъ, они сдѣлали попытку напасть на этотъ городъ, но его укрѣпленія были выше военныхъ средствъ, какими они располагали. И самъ Аларихъ не рискнулъ осаждать столицу Восточной имперіи. Когда первоначальный городъ сталъ тѣсенъ, его раздвинулъ Ѳеодосій, хотя первоначальныя стѣны были оставлены и долго составляли линію внутреннихъ укрѣпленій, за которыми былъ новый кварталъ, Эксокіоній или „За колоннами“. При Юстиніанѣ сильно пострадали отъ землетрясенія ѳеодосіевскія и константиновскія стѣны. Затѣмъ въ позднѣйшее время послѣднія, вѣроятно, были уничтожены временемъ и частью употреблены на городскія постройки [1]).

---

[1]) Seeck, „Geschichte des Untergangs der antiken Welt“ (Берлинъ, 1895—1909, 3 тома); Bury, „A History of the later Roman Empire“, т. I. Introduction; Schultze, „Geschichte des Untergangs des griechisch-römischen Heidentums“ (Іена, 1887—1892, 2 тома); Корелинъ, „Паденіе античнаго міросозерцанія“ (СПБ. 1895); Boissier, „La fin du paganisme“ (Парижъ; есть рус. перев. 1892—1894. Москва).

ГЛАВА III.

ОБРАЗОВАНІЕ ХРИСТІАНСКОЙ ИМПЕРІИ. ЦЕРКОВНАЯ ПОЛИТИКА КОНСТАНТИНА. ПРАВОСЛАВІЕ И АРІАНСТВО.

ристіанская имперія, заступившая мѣсто языческой, является самымъ существеннымъ выраженіемъ средневѣковаго византинизма. Процессъ постепеннаго сочетанія этихъ двухъ первоначально враждебныхъ элементовъ — языческой и христіанской имперіи—составляетъ одинъ изъ поучительнѣйшихъ эпизодовъ всемірной исторіи и поэтому заслуживаетъ особеннаго вниманія. Нечего и говорить, что намъ предстоитъ тщательно выбрать изъ относящагося къ нашей темѣ обширнаго матеріала наиболѣе выразительные факты, которые могутъ характеризовать христіанство и имперію какъ въ періодъ борьбы, такъ и въ эпоху взаимнаго соглашенія и объединенія. Сначала имперія болѣе или менѣе игнорировала вновь возникшее вѣрованіе, частью смѣшивая его съ іудействомъ, затѣмъ, когда христіанство стало обнаруживать значительное вліяніе въ широкихъ кругахъ общества, свѣтская власть дѣлала рядъ попытокъ ограничить это вліяніе и принудить исповѣдниковъ христіанской вѣры къ принятію язычества; наконецъ, императоръ Константинъ и его ближайшіе преемники пришли къ сознанію необходимости поставить христіанство подъ защиту имперіи.

Первый фактъ, характеризующій христіанство какъ значительную силу, которая уже стала обращать на себя общественное вниманіе, относится къ царствованію Нерона и стоитъ въ связи съ извѣстнымъ пожаромъ въ Римѣ въ 64 году [1]).

---

[1]) Описаніе Тацита, „Annales“, XV, 38—45. Литература обширная. Назовемъ Baur, „Das Christenthum der drei ersten Jahrhunderten“; Hausrath, „Neutestamentliche Zeitgeschichte“; Renan, „Origines du christianisme“, и др.

Нельзя сказать, чтобы пожары въ Римѣ были рѣдки: и до Нерона, и послѣ него встрѣчаемъ не мало извѣстій о пожарахъ въ Римѣ. Но пожаръ, начавшійся въ ночь съ 18 на 19 іюля 64 г., превзошелъ всѣ другіе по своимъ гибельнымъ слѣдствіямъ. Пламя показалось вблизи Circus maximus (рис. 3); здѣсь было много деревянныхъ лавочекъ, которыя сообщили пламя ближнимъ деревяннымъ зданіямъ, а сильный вѣтеръ, раздувая пожаръ, перенесъ его и на циркъ. Тогда уже не было никакой надежды на прекращеніе пожара, и въ теченіе 6 дней и 7 ночей онъ истребилъ большую часть города, такъ что изъ 14 частей города только четыре пощажены были огнемъ. Какъ всегда, нашлись люди, которые, пользуясь общимъ бѣдствіемъ, стали грабить и растаскивать то, что удавалось спасти отъ огня. Общее ожесточеніе, голодъ и нужда подняли народъ, который требовалъ у правительства разыскать виновниковъ пожара. Нерона тогда не было въ Римѣ; узнавъ объ опасности, онъ поспѣшилъ изъ Анція и лично принималъ мѣры къ тушенію огня: одинъ, безъ свиты, показывался въ различныхъ частяхъ города и, когда кончился пожаръ, употребилъ всевозможныя средства къ облегченію нуждающихся.

Базилики, термы и публичныя зданія открыты были для погорѣльцевъ, на Марсовомъ полѣ построены бараки; понижена цѣна на хлѣбъ, и на окрестныя селенія наложена реквизиція въ пользу погорѣльцевъ города Рима. Чтобы удовлетворить раздраженному чувству населенія, римская полиція тщательно разслѣдовала причины пожара. Лавочки, гдѣ началось пламя, принадлежали восточнымъ купцамъ, преимущественно изъ еврейскаго племени. Они не пользовались и раньше расположеніемъ римлянъ, теперь достаточно было и легкаго подозрѣнія, чтобы объявить ихъ поджигателями. Но извѣстно, что народная молва стала обвинять въ поджогѣ императора Нерона, и что онъ, будто бы для оправданія себя, привлекъ къ отвѣтственности ненавистныхъ тогда евреевъ-христіанъ. Разсмотримъ это обстоятельство. Обвиненіе Нерона сначала основывалось на слухахъ, на молвѣ, и только у позднѣйшихъ писателей передается какъ фактъ несомнѣнный. Тацитъ, главнѣйшій авторитетъ въ этомъ вопросѣ, не рѣшается прямо высказать: случайно ли произошелъ пожаръ, или по волѣ Нерона; никто не смѣлъ тушить пожаръ, говоритъ онъ, потому что многіе угрожали начинавшимъ тушить, другіе

Рис. 3. Римскій колизей.

открыто раскидывали головни и при этомъ кричали, что имъ приказано такъ дѣлать,—можетъ-быть, они имѣли въ виду наживу, а можетъ-быть, и по чьему-либо приказанію. Сказавъ далѣе, какія мѣры принялъ Неронъ для облегченія общественнаго бѣдствія, Тацитъ продолжаетъ: „но все это было безполезно, потому что упорно держался слухъ, будто въ то самое время, какъ горѣлъ городъ, Неронъ вышелъ на домашнюю сцену и воспѣвалъ паденіе Трои. Далѣе, Тацитъ прибавляетъ: „думали, что Неронъ добивался славы построить новый городъ и дать ему свое имя". Описавъ затѣмъ дѣла благотворительности и религіозныя церемоніи, къ которымъ по этому случаю обратилось правительство, нашъ историкъ прибавляетъ: „но все это не могло заглушить молвы, что пожаръ произошелъ по его приказанію. Тогда-то Неронъ подвергъ виновныхъ суровѣйшимъ наказаніямъ". Тутъ въ первый разъ мы встрѣчаемъ имя христіанъ.

Не странно ли, что Тацитъ ни въ одномъ случаѣ не высказываетъ собственнаго воззрѣнія, перечисляетъ только слухи и ни одного изъ нихъ ничѣмъ не можетъ подкрѣпить? Между тѣмъ онъ могъ бы, если бы захотѣлъ, провѣрить дѣйствительность или ложность этой молвы, потому что тогда живы еще были современники и очевидцы пожара. Еще подозрительнѣе слухи эти оттого, что въ пользу ихъ Тацитъ не ссылается ни на одно свидѣтельство, какъ дѣлаетъ онъ въ другихъ случаяхъ. Но если сравнить съ неувѣренными и осторожными выраженіями Тацита подробный обстоятельный разсказъ о томъ же Светонія [1]), писавшаго на основаніи Тацита, и, наконецъ, еще болѣе полный и безъ малѣйшихъ сомнѣній разсказъ Діона Кассія [2]), то нельзя не придти къ весьма важнымъ выводамъ: разсказъ Кассія представляетъ иллюстрацію Светоніева, Светоній же замѣнилъ только неувѣренныя и отрицательныя выраженія Тацита положительными, выбросивъ такія слова, какъ: „былъ слухъ", „казалось", и далъ основаніе, повидимому, строго историческому факту, повторяющемуся въ литературѣ и учебникахъ, будто Неронъ поджегъ Римъ. Что касается выраженія Тацита: „никто не тушилъ пожара"—это легко объясняется невозможностью тушить сильное пламя, пожиравшее деревянныя, тѣсно сомкнутыя строенія; притомъ у него

---

[1]) Suetonius, „Nero", c. 38.
[2]) Dio Cassius, 62, 16.

же говорится, что Неронъ самъ былъ въ опаснѣйшихъ пунктахъ и употреблялъ все стараніе прекратить пламя. Раскидывать же головни могли воры, вообще бродячій, бездомный людъ, которому всегда выгодны общественныя бѣдствія. И какіе мотивы могли побудить Нерона къ этому сумасбродному дѣлу? Діонъ говоритъ—желаніе видѣть паденіе своего отечества. Нельзя не припомнить здѣсь словъ Светонія, сказанныхъ имъ о Тиверіи [1]), потому что они какъ-разъ представляются подкладкой для фразы Діона. Тацитъ приводитъ другой мотивъ: Неронъ будто бы желалъ славы основателя Рима и хотѣлъ назвать его по своему имени. Первое объясняется ex eventu, т.-е. Неронъ дѣйствительно не жалѣлъ средствъ на возстановленіе и украшеніе Рима; второе же противорѣчитъ исторіи—Неронъ никогда не пытался переименовать Римъ. Слѣдуетъ прибавить, что пожаръ начался въ лучшей части города, которая хорошо была застроена; между тѣмъ для цѣлей Нерона достаточно было выжечь предмѣстья. Съ другой стороны, зачѣмъ бы такъ спѣшить ему изъ Анція, когда ему дали знать о пожарѣ? Могъ ли Неронъ такъ спокойно ночью безъ свиты ходить по городу, если бы онъ былъ виновникомъ пожара и если бы зналъ слухи въ народѣ?

Переходя ко второму обстоятельству, связанному съ этимъ пожаромъ,—именно къ обвиненію христіанъ въ поджогѣ, прежде всего приведемъ слова Тацита [2]): „Итакъ, чтобы положить конецъ молвѣ, Неронъ подыскалъ виновныхъ и предалъ ихъ суровѣйшимъ мукамъ; это были тѣ, которыхъ народъ за срамныя дѣла ихъ по ненависти называлъ христіанами. Наименованіе ихъ произошло отъ Христа, который въ правленіе Тиверія казненъ былъ прокураторомъ Понтіемъ Пилатомъ. Подавленное на время пагубное суевѣріе снова обнаружилось не только въ Іудеѣ, колыбели этого зла, но даже и въ Римѣ, куда со всѣхъ сторонъ стекается и чествуется все срамное. Нѣкоторые на пыткѣ указали сообщниковъ, и затѣмъ, по ихъ показанію, уличено было огромное множество, не столько въ преступленіи по поджогамъ, сколько въ ненависти къ роду человѣческому. Ихъ губили съ поруганіемъ: покрывали шкурами звѣрей и отдавали

[1]) „Priamum felicem vocabat, quod superstes omnium suorum extitisset".
[2]) „Annales", XV, 44.

на растерзаніе псамъ. распинали на крестахъ, сожигали и, если недоставало для того дня, заставляли ихъ горѣть ночью"...

Слѣдуетъ замѣтить, что для разслѣдованія виновныхъ въ поджогѣ не было назначено отдѣльной комиссіи, дознаніе производилось полицейскими средствами, между тѣмъ по вопросамъ вѣры обыкновенно дѣло переходило въ сенатъ и рѣшалось назначенной отъ него комиссіей. По позднѣйшему свидѣтельству Ювенала, пытки и приговоры уличаемыхъ назначалъ Тигеллинъ. Для насъ важно здѣсь то, что религіознаго мотива въ этомъ гоненіи на христіанъ не было, иначе сенатъ взялъ бы на себя все веденіе этого дѣла [1]). Какъ замѣшаны въ процессѣ христіане—легко понять. Въ то время христіанъ еще не отдѣляли отъ іудеевъ, на христіанство смотрѣли какъ на іудейскую секту [2]). Какъ христіане, такъ и іудеи жили въ Римѣ въ одной части города, занимались одними и тѣми же ремеслами и какъ всѣмъ язычникамъ, такъ и римской полиціи извѣстны были за исповѣдниковъ іудейской вѣры съ небольшими отклоненіями. Броженіе умовъ въ Іудеѣ тогда было сильное, оно сообщалось и римскимъ евреямъ: взаимная ненависть раздѣляла христіанъ и евреевъ. Припомнимъ, что пожаръ начался въ той части города, гдѣ находились лавки восточныхъ купцовъ; гдѣ же было искать полиціи поджигателей, какъ не въ ненавистномъ восточномъ кварталѣ? Не оттуда ли выходили предсказанія, что Іегова уничтожитъ язычниковъ огнемъ, посланнымъ съ неба? Такъ, „привлечены къ отвѣтственности немногіе, которые въ пыткахъ указали на массу сообщниковъ". Преслѣдованіе на этотъ разъ ограничилось, впрочемъ, Римомъ и Іудеей; нѣтъ никакихъ основаній предполагать, чтобы оно распространено было на всѣ провинціи имперіи. Вообще въ теченіе I столѣтія Римъ не отличалъ христіанства какъ новой вѣры и представлялъ его только іудейской сектой. Въ 95 г. Домиціанъ приказалъ привести къ себѣ внуковъ Іуды, брата Господня, какъ потомковъ изъ рода Давида и опасныхъ претендентовъ на тронъ. Но, видя въ нихъ мирныхъ поселянъ и слыша рѣчь о духовномъ царствѣ, Домиціанъ отпустилъ ихъ съ миромъ и прекратилъ начатое преслѣдованіе.

Въ началѣ II вѣка римское правительство уже имѣло передъ

---

1) Schiller, „Nero", S. 433, Anm. 4.

2) Suetonius, „Tib.", 36.

собой довольно организованную христіанскую общину, которая, съ одной стороны, тщательно оберегала себя отъ общенія съ іудеями, а съ другой—рѣзко отдѣлилась отъ языческаго римскаго общества и по своимъ религіознымъ воззрѣніямъ, и по общественной организаціи. Новое ученіе, „христіанская секта", начало пріобрѣтать адептовъ даже въ высшихъ классахъ римскаго общества. Для характеристики положенія христіанъ въ эту эпоху мы имѣемъ чрезвычайно важные оффиціальные памятники—это письмо Плинія Младшаго къ императору Траяну и отвѣтъ императора Плинію [1]).

Плиній, занимая постъ намѣстника въ Виѳиніи (въ 111—113 г.), дѣлалъ отчетъ о положеніи ввѣренной ему провинціи и спрашивалъ мнѣнія императора по затруднительнымъ вопросамъ. Но обратимся къ самому тексту письма. „Государь,—пишетъ Плиній,—для меня сдѣлалось обычнымъ обращаться къ тебѣ во всѣхъ затрудненіяхъ. Ибо кто лучше тебя можетъ направить меня въ раздумьѣ, или наставить въ невѣдѣніи? Мнѣ не случалось быть на слѣдствіяхъ о христіанахъ, и я не знаю, о чемъ нужно разспрашивать и въ какой мѣрѣ наказывать ихъ. Не мало также затрудняетъ меня и то, нужно ли дѣлать различіе между возрастами; давать ли помилованіе въ случаѣ раскаянія, или уже нѣтъ мѣста помилованію для того, кто разъ былъ христіаниномъ; преслѣдовать ли за самое имя, хотя бы не было другихъ проступковъ, или долженъ быть наказуемъ проступокъ, заключающійся въ самомъ имени? Я такъ обыкновенно поступалъ съ тѣми, которыхъ приводили ко мнѣ по обвиненію въ христіанствѣ. Спрашиваю ихъ—христіане ли они? Если получается утвердительный отвѣтъ, предлагаю имъ подъ угрозой смерти во второй и третій разъ тотъ же вопросъ. Упорствующихъ приказываю казнить. Ибо въ томъ я никогда не сомнѣвался, какова бы ни была ихъ вѣра, что упорство и непреклонное упрямство ихъ заслуживаютъ кары. Иныхъ, одержимыхъ тѣмъ же безуміемъ, какъ римскихъ гражданъ, я приказалъ представить въ Римъ. Во время слѣдствія, какъ это обыкновенно бываетъ, пришлось натолкнуться на разныя неожиданности. Подано было письмо, въ которомъ нѣсколько лицъ утверждали, что они не христіане и не были таковыми. Когда по моему требованію они прочли формулу воззванія къ богамъ, и возліяніемъ и куреніемъ

[1]) Plinii epist. X, XCVI.

почтили твое изображеніе и, кромѣ того, произнесли проклятіе Христу, къ чему никакъ будто бы не могутъ быть принуждены дѣйствительные христіане,—я разрѣшилъ дать имъ свободу. Другіе, которыхъ имена были намѣчены въ индексѣ, назвали себя христіанами, а потомъ измѣнили показаніе: были, говорятъ, но теперь уже не христіане,—кто за три года, кто больше, нѣкоторые же за 20 лѣтъ передъ тѣмъ оставили христіанство. Всѣ они поклоняются твоему образу и изображенію боговъ и проклинаютъ Христа. Давали показаніе, что вся вина ихъ состояла въ томъ, что они имѣли обыкновеніе сходиться въ установленный день до восхода солнца, чтобы вмѣстѣ помолиться Христу какъ богу, и дать другъ другу клятву, но клятву не на злодѣяніе какое-нибудь; что они неповинны ни въ какомъ воровствѣ или мошенничествѣ, или любодѣяніи...; что послѣ того они расходились, сходились же опять для принятія пищи, самой обыкновенной и невинной, что все это они перестали дѣлать послѣ изданія моего эдикта, которымъ, по твоему приказанію, я запретилъ сообщества и сходки. Я счелъ необходимымъ употребить пытки относительно двухъ прислужницъ, которыя называются у нихъ діакониссами, чтобы распознать, въ чемъ настоящая правда. Но и тутъ я ничего не нашелъ, кромѣ мечтательнаго суевѣрія, и потому, прекративъ слѣдствіе, ищу у тебя совѣта. Я считаю этотъ предметъ особенно важнымъ въ виду массы обвиняемыхъ. Ибо многіе, всякаго возраста, сословія и пола подвергаются опасности теперь и на будущее время. Это суевѣріе распространилось не только въ городахъ, но и въ поселкахъ и деревняхъ. Но я думаю, что противъ него можно бороться рѣшительными мѣрами. По крайней мѣрѣ, несомнѣнно то, что забытые храмы стали снова посѣщаться, возобновились священныя торжества, почти совсѣмъ-было прекратившіяся; тамъ и здѣсь можно было видѣть выведенныхъ на продажу жертвенныхъ животныхъ, на которыхъ прежде рѣдко находился покупатель. Изъ этого легко понять, какую массу можно обратить на путь истины, если дать мѣсто раскаянію и помилованію".

Траянъ отвѣчалъ на это письмо: „Любезный Секундъ! я одобряю твои дѣйствія относительно тѣхъ лицъ, которыя обвиняются въ принадлежности къ христіанству. Ибо въ этомъ отношеніи нельзя установить ничего общаго, что̀ бы могло служить опредѣленнымъ правиломъ. Разыскивать ихъ не слѣдуетъ; если же кто явно изобличенъ

будетъ, то долженъ потерпѣть наказаніе, но при этомъ, если кто будетъ запираться и скажетъ, что онъ не христіанинъ, и докажетъ это самымъ дѣломъ, т.-е. воззваніемъ къ богамъ нашимъ, таковой ради своего раскаянія долженъ получить помилованіе, хотя бы и оставалось подозрѣніе относительно прошлаго. По поводу анонимныхъ писемъ не возбуждай преслѣдованія: это могло бы послужить дурнымъ примѣромъ, и не согласно съ современными требованіями".

Изъ приведенныхъ писемъ можно видѣть, что въ началѣ II вѣка свѣтская власть хотя и отличала христіанъ отъ іудеевъ, но еще не выработала опредѣленныхъ законодательныхъ и полицейскихъ мѣръ къ преслѣдованію новаго вѣроученія; находя, что христіане въ сущности безвредны, что слухи о тайныхъ собраніяхъ ихъ преувеличены и несправедливы, свѣтская власть колебалась—слѣдуетъ ли принимать строгія мѣры, и къ чему приведутъ онѣ; мы видимъ тутъ борьбу чувства съ долгомъ, буквы закона съ силой общественнаго мнѣнія. Собственно съ III в. уже обнаруживается рѣшительное стремленіе вырвать съ корнемъ новое вѣроученіе; но, будучи прихотью нѣкоторыхъ императоровъ, это стремленіе не было обычной политикой свѣтской власти и нерѣдко смѣнялось терпимостью и благорасположеніемъ къ христіанству; такъ, при Александрѣ Северѣ (222—235) христіане строятъ уже церкви.

Извѣстно, что считается 10 гоненій на христіанъ до эдикта вѣротерпимости Галерія въ 311 г. Мы не будемъ останавливаться на нихъ, ограничимся лишь краткими замѣчаніями. Если понимать подъ гоненіями дѣйствительныя репрессивныя мѣры, принимаемыя правительствомъ противъ принципа христіанства и приводимыя въ исполненіе во всей имперіи, а не случайныя вспышки народнаго нерасположенія и своеволія правителей, тогда мы не насчитаемъ десяти гоненій. Собственно преслѣдованія были при трехъ императорахъ: Максиминѣ (235 — 238), Деціи (251) и Діоклитіанѣ. Изложимъ обстоятельства этого послѣдняго гоненія. Главнѣйшій источникъ для исторіи христіанства при Діоклитіанѣ и Константинѣ—Лактанцій и Евсевій. Сначала риторъ въ Виѳиніи, потомъ воспитатель Криспа, сына Константина В., Лактанцій, между другими сочиненіями, оставилъ и исторію гоненій на христіанъ, начиная отъ Нерона. Сочиненіе „De mortibus persecutorum" „О гибели преслѣдователей" составлено не позже 323 г. и имѣетъ тенденціозный

характеръ. Лактанцій желалъ показать современникамъ и потомству великія дѣла Божіи въ судьбахъ христіанства: „да знаютъ всѣ, какъ удивилъ Господь величіе свое въ истребленіи и уничтоженіи враговъ имени своего“. Руководящая мысль въ его изложеніи слѣдующая: преслѣдованіе христіанъ всегда сопровождалось страшными карами, постигавшими гонителей, или: императоръ—дурной человѣкъ, ergo онъ гонитъ христіанство, ergo его постигаетъ бѣдственная кончина. Хотя указанная цѣль лишаетъ автора объективности, тѣмъ не менѣе, имѣя въ виду, что Лактанцій не выдумываетъ фактовъ, а только своеобразно комбинируетъ ихъ, что онъ жилъ въ восточной половинѣ имперіи въ Никомидіи и хорошо зналъ столичныя событія (Никомидія была центромъ тогдашней политики), сочиненіе его должно считаться важнѣйшимъ источникомъ для церковной, а частью и политической исторіи времени Діоклитіана. Евсевій, по прозванію Памфилъ, родился въ 264 г. въ Палестинѣ, воспитывался въ Антіохіи, съ 315 г. былъ епископомъ Кесаріи. Онъ былъ приближеннымъ и почетнымъ лицомъ у имп. Константина, говорилъ ему похвальное слово на тридцатилѣтіе и составилъ его біографію, умеръ въ 340 г. Евсевію мы обязаны исторической хронологіей—*Παντοδαπὴ ἱστορία*: этотъ трудъ сохранился только въ отрывкахъ и былъ продолженъ Іеронимомъ (330—420). По церковной исторіи Евсевій составилъ *Ἐκκλησιαστικὴ ἱστορία*, гдѣ въ 8 и 9 кн. повѣствуется о Діоклитіановомъ гоненіи, и отдѣльно монографію De martyribus Palaestinae. Евсевій писалъ свой трудъ по церковной исторіи въ Кесаріи (ок. 313 г.), западныя событія для него мало извѣстны; также и о столичныхъ дѣлахъ онъ менѣе знаетъ, чѣмъ Лактанцій: за то онъ непосредственный свидѣтель того, какъ исполнялись императорскіе эдикты противъ христіанъ въ восточныхъ провинціяхъ и въ Палестинѣ. Евсевій приводитъ содержаніе императорскихъ эдиктовъ, но равную эдиктамъ достовѣрность придаетъ мѣстнымъ повѣствованіямъ о святыхъ и мученикахъ. Особенно важное значеніе имѣетъ для насъ VIII книга церковной исторіи, потому что сообщаемыя въ ней данныя легко провѣряются календарными отмѣтками палестинскихъ мучениковъ.

Хотя христіанство въ концѣ III вѣка не было еще терпимой вѣрой, но распространеніе его шло весьма быстро; при Діоклитіанѣ мы видимъ христіанъ уже во дворцѣ. Живопись катакомбъ свидѣтельствуетъ, что христіанство обладало уже въ это

время высокимъ подъемомъ творчества и полагало основы христіанскому искусству. Жена и дочь императора оказывали имъ благорасположеніе, между дворцовыми чинами и прислугой было не мало христіанъ. Строились повсюду церкви, даже въ Никомидіи, въ виду дворца, высился христіанскій храмъ; за то и благословлялъ Богъ всѣ предпріятія Діоклитіана и его соимператоровъ, говорятъ церковные писатели. Между тѣмъ язычество подготовляло послѣдній ударъ христіанству: неоплатоники выступили съ полнымъ запасомъ изученія древнихъ писателей; они свели философское ученіе на теософію и мистицизмъ и, усвоивъ методъ христіанскаго вѣроученія, пытались обнаружить связь его съ древнѣйшими миѳическими воззрѣніями. Цезарь Галерій и Діоклитіанъ не чужды были этого новаго направленія. Но едва-ли не главнѣйшая причина враждебнаго отношенія Діоклитіана къ христіанству въ 303 г. была чисто-политическаго свойства. Въ преобразованной имъ имперіи всѣмъ сословіямъ и состояніямъ указана была своя государственная служба, отъ всѣхъ подданныхъ ожидалось крайнее напряженіе и выполненіе тѣхъ или другихъ общественныхъ задачъ. Государству нужны были сильные и молодые люди: между тѣмъ толпы христіанъ того и другого пола избираютъ уединенную созерцательную жизнь, даютъ обѣтъ безбрачія. Христіане избѣгаютъ государственной службы, совѣсть не позволяла имъ защищать отечество и вступать въ ряды воиновъ [1]). Важнѣйшія государственныя предпріятія сопровождались еще ауспиціями: христіане не принимаютъ въ нихъ участія. Поэтому Діоклитіанъ еще до 303 г. принималъ мѣры противъ христіанъ, и первый эдиктъ его не вызванъ никакими сторонними внушеніями. Самъ Евсевій въ сочиненіи о палестинскихъ мученикахъ приводитъ на то доказательства.

Источники не даютъ опредѣленнаго извѣстія ни о томъ, когда собственно началось нерасположеніе Діоклитіана къ христіанамъ, ни о томъ, чѣмъ оно было вызвано. Лактанцій указываетъ на время передъ зимою 302—303 г., Евсевій на 301—302 г. Лактанцій видитъ причину гнѣва Діоклитіана на христіанъ, въ томъ, что разъ при дворѣ не удалась жертва, и жрецъ указалъ на христіанъ, которые

1) Acta S. Maximiliani: „mihi non licet militare quia christianus sum“; „non possum militare, non possum malefacere“.

своими крестами прогнали демоновъ. Настолько же невѣроятна и другая причина: внушенія Галерія. Цезарь Галерій не могъ имѣть вліянія на Діоклитіана въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ эдиктъ противъ христіанъ, императоръ не могъ руководиться случайными внушеніями и капризами. Фактическая сторона состоитъ въ томъ [1]), что 24 февраля 303 г. префектъ города съ нѣкоторыми офицерами и чиновниками явился въ христіанскую церковь въ Никомидіи. Они предали огню священныя книги, позволили расхитить цѣнныя вещи, найденныя въ храмѣ, и приказали разрушить самое зданіе. На слѣдующій день былъ объявленъ эдиктъ о преслѣдованіи христіанъ. Содержаніе этого эдикта сообщаютъ и Евсевій, и Лактанцій, но сообщенныя ими данныя не согласны между собою. По меньшей мѣрѣ, разнорѣчіе это странно у писателей, которые имѣли полную возможность читать и видѣть эдиктъ какъ во время его обнародованія, такъ и послѣ въ государственномъ архивѣ. Сопоставляя содержаніе эдикта по обоимъ извѣстіямъ, мы находимъ, что на основаніи его, во-первыхъ, сожигались христіанскія книги, и разрушались церкви; во-вторыхъ, христіане объявлялись лишенными гражданскихъ правъ и чести—*ἄτιμοι*; въ-третьихъ, рабы, остающіеся въ христіанствѣ, теряли всякую надежду на свободу. Когда эдиктъ былъ выставленъ для всеобщаго свѣдѣнія, одинъ христіанинъ сорвалъ его и бросилъ съ оскорбительной насмѣшкой надъ императоромъ; онъ былъ взятъ, подвергнутъ пыткѣ и казненъ сожженіемъ. Въ связи съ этимъ обстоятельствомъ находится пожаръ во дворцѣ.

По словамъ Лактанція, Галерій, желая сильнѣе раздражить Діоклитіана противъ христіанъ, приказалъ зажечь дворецъ и потомъ обвинилъ христіанъ въ поджогѣ; тогда начались пытки и послѣдовали смертные приговоры противъ придворныхъ эвнуховъ и служителей. Евсевій, говоря о пожарѣ, не упоминаетъ о подозрѣніи противъ Галерія, не обвиняетъ и христіанъ *(ὑπόνοια ψευδής)*. Наконецъ, имп. Константинъ, бывшій въ то время въ Никомидіи, оставилъ также свидѣтельство объ этомъ событіи,—только свидѣтельство несогласное съ двумя предыдущими: именно, Константинъ въ своей рѣчи къ отцамъ перваго вселенскаго собора приписывалъ пожаръ дворца молніи. Общаго во всѣхъ извѣстіяхъ то, что вскорѣ послѣ опубли-

---

[1]) Burckhardt, „Die Zeit Constantins des Grossen", 3. Aufl., S. 308—309.

ванія эдикта произошелъ пожаръ въ императорскомъ дворцѣ, который имѣлъ слѣдствіемъ второй, болѣе рѣшительный эдиктъ противъ христіанства. Современники и свидѣтели этого событія не объясняютъ намъ причины пожара, а если и говорятъ о ней, то не согласно и не убѣдительно. Діоклитіанъ въ душѣ остался убѣжденнымъ, что виновны въ поджогѣ христіане, служившіе въ его дворцѣ; вслѣдствіе чего и появился второй эдиктъ, которымъ повелѣвалось налагать оковы на епископовъ по всѣмъ церквамъ и сажать ихъ въ тюрьму; придворные слуги въ Никомидіи были подвергнуты, кромѣ того, суровымъ наказаніямъ и смертнымъ приговорамъ. Судить о жестокости второго эдикта и о приложеніи его въ провинціяхъ не совсѣмъ легко, потому что ни у Евсевія, ни у Лактанція нѣтъ полнаго изложенія эдикта; тотъ и другой рисуютъ только картину — какъ принуждали христіанъ къ жертвоприношенію, и какъ казнили ихъ за сопротивленіе, но мы не имѣемъ основаній сказать: рисуетъ ли эта картина только то, что можно было видѣть въ Никомидіи, или и то, что происходило въ провинціяхъ. У Евсевія, въ исторіи палестинскихъ мучениковъ, находимъ три мученія въ 303 г. Но одно изъ нихъ не подходитъ къ эдикту, потому что Прокопій обвиненъ собственно въ государственной измѣнѣ за приложеніе къ политическимъ событіямъ стиха Гомера: „не хорошо многовластіе, да будетъ одинъ господинъ, одинъ царь". На Западѣ Констанцій Хлоръ, расположенный къ христіанству, не могъ настаивать на строгомъ выполненіи эдиктовъ. Притомъ наступалъ торжественный для имперіи годъ, именно юбилейный годъ; по случаю празднованія двадцатилѣтія 17 ноября 303 года издана была правительствомъ амнистія въ пользу заключенныхъ и подсудимыхъ. Хотя у Евсевія этотъ декретъ разсматривался какъ всеобщая амнистія въ пользу всякаго рода преступниковъ, но въ этомъ можно усомниться, потому что и послѣ опубликованія амнистіи видимъ отдѣльные случаи мученій христіанъ. Съ положеніемъ дѣла согласнѣе то толкованіе, что подъ амнистію подошли только политическіе преступники, и именно тѣ христіанскіе епископы и настоятели церквей, которыхъ сажали въ заключеніе не только за дѣла вѣры, но и по подозрѣнію въ политической неблагонадежности, т.-е. амнистія уничтожила собственно второй эдиктъ. Относительно христіанскихъ узниковъ въ ней сказано: тѣхъ, которые принесутъ жертву, пускать на свободу, упорствующихъ же пытать.

Въ самомъ дѣлѣ, странно было бы допустить, что Діоклитіанъ, начавъ преслѣдованіе противъ христіанъ въ февралѣ, въ ноябрѣ того же года прекращаетъ его, а потомъ опять издаетъ эдиктъ о гоненіи. Послѣдній четвертый эдиктъ Діоклитіана падаетъ на весну 304 г. Въ силу его всѣ христіане понуждаемы были къ торжественнымъ жертвамъ въ честь идоловъ. Во второй годъ гоненій на христіанъ въ Палестинѣ пострадало десять мучениковъ. Вообще, не слѣдуетъ забывать, что Діоклитіанъ, вооружившись противъ христіанства, не выходилъ изъ предѣловъ законности и думалъ покончить дѣло съ христіанами, лишая ихъ гражданскихъ правъ и устрашая пытками. Кровь христіанская проливалась не въ силу прежнихъ эдиктовъ, но въ силу мѣстныхъ условій. Тамъ, гдѣ ожесточеніе противъ христіанъ было глубже и сильнѣе, конечно, не могло обходиться безъ казней и жестокихъ преслѣдованій. Въ Римѣ, напр., разъ въ циркѣ поднялись крики: „пора уничтожить христіанъ! Августъ, казни ихъ!“ Это совпадало съ объявленіемъ четвертаго эдикта Діоклитіана. Тамъ же, гдѣ возможна была снисходительность, или гдѣ были лица, расположенныя къ христіанству, какъ Констанцій Хлоръ въ Галліи, менѣе видимъ и казней.

Послѣ отреченія Діоклитіана и Максиміана, когда первенствующимъ августомъ сталъ Констанцій Хлоръ, Діоклитіановы эдикты, не теряя своей юридической силы, однако, слабѣе приводились въ исполненіе. Не говоря уже о томъ, что на Западѣ преслѣдованіе почти совсѣмъ прекратилось, даже на Востокѣ не встрѣчаемъ казней и мученическихъ смертей. Евсевій указываетъ на мученіе Аппіана, но онъ казненъ былъ за то, что позволилъ себѣ личное оскорбленіе намѣстнику. Важное доказательство тому, что Констанцій Хлоръ ослабилъ приложеніе Діоклитіановыхъ эдиктовъ и на Востокѣ, находимъ въ слѣдующемъ: цезарь Максиминъ, узнавъ о смерти его, 20 ноября 306 г. празднуетъ день своего рожденія приведеніемъ въ исполненіе приговора, состоявшагося еще во время Діоклитіана, по которому мученикъ Агапій отданъ былъ въ циркъ на съѣденіе звѣрямъ. Въ такомъ видѣ можно представить себѣ первые три года гоненій на христіанъ. Смуты, начавшіяся въ имперіи съ 307 г. и выдвинувшія на Востокѣ Галерія, должны были отразиться какъ на всѣхъ государственныхъ дѣлахъ, такъ и на положеніи христіанъ. Авторитетъ императорской власти въ провинціяхъ падаетъ, префекты

и президенты, не боясь отвѣтственности, по личнымъ побужденіямъ и склонности, то суровѣе, то снисходительнѣе относились къ христіанамъ. Отъ этого мы видимъ, что у Лактанція и Евсевія время Галерія и Максимина, по числу мучениковъ на Востокѣ, представляется самымъ кровавымъ періодомъ гоненія. Но при этомъ нельзя не замѣтить, что случаи безчеловѣчія съ христіанами представляются внушенными не политикой и не законами, но безначаліемъ, разнузданностью нравовъ и безотвѣтственностью властителей. Седьмой годъ гоненія оканчивался, но Галерій замѣчалъ, что усилія власти оказываются тщетными, что брань, внесенная въ имперію эдиктами о преслѣдованіяхъ, лишь ослабляетъ имперію, но не христіанъ. Въ 310 г., находя ли себя безсильнымъ противъ христіанъ, или имѣя въ виду другія цѣли, Галерій приготовилъ эдиктъ вѣротерпимости, опубликованный 30 апрѣля 311 года въ Никомидіи. Въ силу этого эдикта отмѣнялись репрессивныя противъ христіанъ мѣры, христіанамъ позволялось жить по своей вѣрѣ, строить церкви, съ условіемъ — не нарушать государственнаго порядка. Непосредственно за этимъ получено на Востокѣ извѣстіе о смерти Галерія.

Съ 313 г. имперія имѣла двухъ только императоровъ: на Востокѣ Лицинія, на Западѣ Константина. Дальнѣйшіе вопросы о христіанствѣ стоятъ въ связи съ именемъ западнаго императора. Восемь лѣтъ сряду дѣйствовали законы объ угнетеніи христіанства, въ разныхъ частяхъ имперіи они имѣли не одинаковую силу напряженія. Но даже и тамъ, гдѣ страсти мѣстнаго населенія и неблагорасположеніе властителей (на Востокѣ и въ Римѣ) соединили свои усилія въ борьбѣ съ христіанами, результаты далеко не соотвѣтствовали ожиданіямъ. Если и не придавать особенной вѣры вычисленіямъ историковъ о количествѣ христіанъ въ то время, — вычисленіямъ, колеблющимся между $^1/_2$ и $^1/_{20}$ частью всего населенія имперіи [1]), то одна живучесть новаго принципа, распространенность христіанъ по большимъ городамъ, стройная община, находящаяся въ строгомъ повиновеніи у своихъ епископовъ, ставила уже новые вопросы императорамъ IV в.: рѣчь могла идти не о томъ, быть или не быть христіанству, а о томъ, пользоваться ему терпимостью только

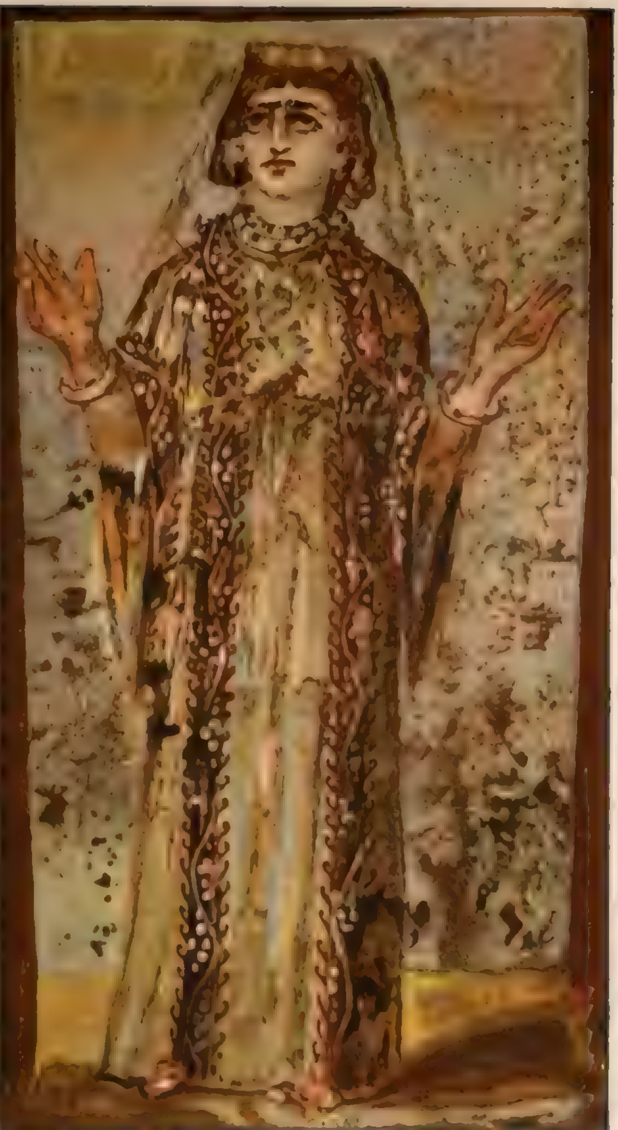
¹) Burckhardt, 157; Wietersheim, „Geschichte der Völkerwanderung", B. III, S. 223.

или главенствомъ. Императору Константину оставалось не выбирать одно изъ двухъ, но принять то, что и безъ него готово было получить перевѣсъ, т.-е. дать христіанству не только равноправность съ язычествомъ, но и главенство. Намъ трудно слѣдить за внутренними отношеніями Константина къ христіанству и опредѣлить время, въ которое онъ пришелъ къ необходимости дать торжество новой вѣрѣ. По крайней мѣрѣ, чудесныя знаменія, указываемыя Лактанціемъ и Евсевіемъ, какъ причина переворота въ душѣ Константина, не совсѣмъ убѣдительно доказываютъ подобный переворотъ. Имѣемъ въ виду извѣстный разсказъ объ явленіи Константину креста съ надписью: *τούτῳ νίκα*. Въ 312 г. Константинъ пошелъ въ Италію противъ императора Максенція; силы его были слабы сравнительно съ силами врага, онъ началъ отчаиваться въ успѣхѣ, пришелъ къ мысли о высшей помощи, но колебался, у кого просить заступничества—у боговъ, или у Бога? Въ этомъ раздумьѣ онъ просилъ у Верховнаго Существа помочь ему. И вотъ въ полдень на ясномъ небѣ Константинъ и его войска увидѣли крестъ съ надписью: „симъ побѣждай". Чтобы увѣрить читателя въ истинѣ этого разсказа, Евсевій прибавляетъ: „мнѣ самъ императоръ передавалъ это и подтвердилъ клятвой" [1]). На слѣдующую ночь Спаситель явился Константину и повелѣлъ приготовить знамя съ видѣннымъ изображеніемъ: знамя состояло изъ водруженнаго на древкѣ золотого вѣнца съ монограммою изъ начальныхъ буквъ имени Христа. Приготовленное такимъ образомъ знамя впослѣдствіи получило названіе labarum, этимологія котораго не поддается объясненіямъ (рис. 4). Таковъ разсказъ Евсевія о томъ, какъ Константинъ обращенъ былъ къ христіанству. Не говоря уже о томъ, что возникаетъ нѣкоторое сомнѣніе даже при чтеніи Евсевія, который ссылается на подтвержденное клятвою сообщеніе Константиномъ такого факта, который могло засвидѣтельствовать все его войско; сомнѣніе усиливается, если сравнить съ приведеннымъ разсказомъ свидѣтельство Лактанція. Въ 44 гл. кн. de mortibus persecutorum, сказавъ о прибытіи Константина подъ стѣны Рима, Лактанцій продолжаетъ: наступалъ день восшествія на престолъ Максенція, и вотъ

Рис. 4. Императоръ съ „Labarum" въ рукѣ.

1) „Vita Constantini", c. 28.

История Византийской Империи

Лит. И. Кадушина С.П.Б.

Константинъ во снѣ получилъ приказаніе сдѣлать божественное изображеніе на щитахъ своихъ воиновъ. Онъ сдѣлалъ, какъ было заповѣдано, приказавъ изобразить божественный знакъ на щитахъ воиновъ, съ главою поверхъ него. Изъ сопоставленія этихъ свидѣтельствъ видимъ, во-первыхъ, что они разнорѣчатъ въ показаніяхъ о времени чудеснаго знаменія: по Евсевію видѣніе было передъ войною, вообще въ неопредѣленный періодъ, по Лактанцію наканунѣ рѣшительной битвы у Мильвійскаго моста; во-вторыхъ, по Евсевію было заповѣдано приготовить новое военное знамя, по Лактанцію новое изображеніе на щитахъ. Лактанціевъ разсказъ еще и тѣмъ подозрителенъ, что не было возможности такъ скоро приготовить щиты, чтобы съ ними на другой день вступить въ сраженіе.

Допуская дѣйствительность видѣнія, которое подтверждается еще третьимъ современнымъ свидѣтельствомъ [1]), на основаніи котораго Константинъ сдѣлалъ распоряженіе объ измѣненіи въ военномъ знамени или щитахъ, тѣмъ не менѣе, трудно видѣть здѣсь прямое отношеніе къ христіанству. Уже одно то, что Евсевій умалчиваетъ объ этомъ въ „Церковной исторіи“, изданной въ 326 г., подаетъ поводъ думать, что тогда еще не считали возможнымъ относить торжество христіанства къ 312 г.; два панегирика, сказанные по случаю побѣды надъ Максенціемъ, также не упоминаютъ о христіанствѣ Константина.

Въ память побѣды надъ Максенціемъ Константинъ воздвигъ въ Римѣ статую, на которой онъ представленъ былъ съ знаменемъ въ рукѣ. Хотя въ извѣстіи Евсевія по этому поводу ясно намекается будто вѣра въ божественную помощь Христа побудила Константина изобразить на статуѣ знаменіе креста, однако, ни въ подписи на этой статуѣ, ни въ надписи на тріумфальной аркѣ нельзя видѣть никакого отношенія къ кресту, на которомъ пострадалъ Христосъ. Собственно мы не знаемъ, когда была окончена эта статуя, когда сдѣлана на ней надпись,—во всякомъ случаѣ не въ 312 г.; но нельзя не сравнить съ нею ту надпись, которая сдѣлана была на тріумфальной аркѣ, не ранѣе, однакоже, 316 года, къ празднованію десятилѣтія Константина на римскомъ престолѣ; она начинается словами „instinctu divinitatis“, въ чемъ уже никакъ нѣтъ указанія на Христа. Поэтому, оставляя подъ сомнѣніемъ всѣ вышеприведенные случаи, въ кото-

---

[1]) Panegyr. Nazarii, c. 14.

рыхъ стараются видѣть указаніе на христіанскую вѣру Константина, переходимъ къ Миланскому эдикту вѣротерпимости, изданному въ іюнѣ 313 г. Эдиктъ этотъ приводятъ почти сходно Лактанцій и Евсевій [1]). Содержаніе его слѣдующее: „Мы, императоры Константинъ и Лициній, заботясь о благѣ и пользѣ подданныхъ, установили относительно богопочитанія, чтобы и христіанамъ, и всѣмъ дана была полная свобода жить въ той вѣрѣ, въ какой кто хочетъ, чтобы небесное божество было благорасположено къ намъ и ко всѣмъ, которые находятся подъ властію нашей.... Опредѣляемъ, чтобы христіанамъ возвращены были конфискованныя въ казну, или частнымъ лицамъ отданныя имущества, также чтобы были вновь отданы мѣста ихъ собраній. Частныя лица должны быть удовлетворены за это изъ государственныхъ средствъ".

Вообще въ силу этого эдикта христіанство объявлено равноправнымъ съ язычествомъ, и уничтожены всѣ Діоклитіановы постановленія противъ христіанъ. По содержанію близокъ съ этимъ эдиктомъ и актъ 324 г., когда, послѣ побѣды надъ Лициніемъ, Константинъ призналъ христіанство единой истинной вѣрой, а язычество заблужденіемъ, хотя и послѣднее объявлено терпимымъ [2]). „Для сохраненія мира я постановилъ, чтобы и тѣ, которые еще остаются въ заблужденіи язычества, пользовались такимъ же спокойствіемъ, какъ и правовѣрные. Пусть и тѣ, которые удаляются отъ послушанія Богу, пользуются, если хотятъ, своими посвященными лжи храмами". Константинъ обращается лишь съ увѣщаніемъ къ язычникамъ, чтобы они приняли христіанство, и запрещаетъ поклоненіе нѣкоторымъ богамъ и частныя жертвоприношенія. Въ кодексѣ Ѳеодосіевомъ можно находить правительственныя распоряженія и предписанія касательно язычества вплоть до самой смерти Константина (337): изъ нихъ видимъ, что язычники имѣли свои храмы, жрецовъ, поступали въ государственную службу и т. д.

Лучшимъ свидѣтельствомъ того, что по отношенію къ христіанству въ Константинѣ слѣдуетъ различать государственнаго мужа отъ обыкновеннаго человѣка, стремящагося по влеченію сердца къ

---

1) Lactantii c. 48; Eusebii, „Historia ecclesiastica", X, 5.

2) „Vita Constantini", II, 24—42 манифестъ къ язычникамъ; II, 48—60—къ восточнымъ народамъ.

Рис. 5. Тріумфальная арка Константина Великаго въ Римѣ.

разрѣшенію религіозной загадки, служитъ воздвигнутый при немъ памятникъ по случаю политическаго событія первостепенной важности. Мы разумѣемъ тріумфальную арку въ Римѣ, воздвигнутую римскимъ сенатомъ въ честь Константина послѣ одержанной имъ блистательной побѣды надъ Максенціемъ близъ Мильвійскаго моста [1]).

Этотъ величественный памятникъ, наскоро построенный и украшенный частью рельефами изъ прежнихъ памятниковъ (тріумфальная арка Траяна), между прочимъ въ посвятительной надписи заключаетъ въ себѣ извѣстное выраженіе „instinctu divinitatis" вмѣсто личнаго бога, а надъ этими словами (рис. 5) открыто древнѣйшее выраженіе, впослѣдствіи исправленное, „nutu I. O. M." (т.-е. по внушенію Юпитера величайшаго и прекраснаго). Что касается украшеній тріумфальной арки, архитектурныхъ и другихъ художественныхъ подробностей, то ни единой черты христіанства въ нихъ не найдено. Въ общемъ здѣсь представлены, во-первыхъ, языческія жертвоприношенія (медаліоны), во-вторыхъ, историческія сцены, относящіяся къ царствованію Траяна [2]) (рис. 6 и 7).

Миланскій эдиктъ вѣротерпимости, равно какъ личное расположеніе Константина къ исповѣдникамъ христіанской вѣры, оказали въ громадной степени благодѣтельное вліяніе на распространеніе и укрѣпленіе христіанской общины въ имперіи. Еще языческіе храмы привлекали къ себѣ горячихъ приверженцевъ, и старый культъ находилъ поддержку въ правительствѣ, а между тѣмъ христіанскіе писатели въ полномъ сознаніи конечнаго торжества говорятъ уже о томъ, что сила креста наполнила вселенную [3]). Быстрый ростъ христіанскихъ общинъ и со стороны количественной, и со стороны ихъ внутренняго могущества и общественнаго значенія представляетъ собой наиболѣе любопытный фактъ. Но, конечно, нельзя не подумать и о томъ, что за этотъ успѣхъ христіанской церкви нужно было поплатиться на первыхъ же порахъ. Къ обращенію въ христіанство часто приходили не путемъ внутренняго убѣжденія, а вслѣдствіе исканія выгодъ и преимуществъ; принимали христіанство для того, чтобы угодить императору, чтобы имѣть успѣхъ при дворѣ по своимъ

[1]) Burckhardt, „Die Zeit Constantins des Grossen", S. 340—341.

[2]) Объясненія рельефовъ Huelsen, „Das Forum Romanum" (Rom, 1904, S. 64, 86—88).

[3]) Athanasii, „Oratio contra gentes" ap. Migne „Patr. gr.", t. XXV, col. 4 (составлено приблизительно въ 347 г.).

Рис. 6. Рельефы тріумфальной арки Константина Великаго.

дѣламъ и т. п. Нерѣдко колебанія рѣшались и тѣми соображеніями, которыя частью замѣтны въ обращеніи къ христіанству Константина,— что христіанскій Богъ могущественнѣй языческаго, и что чрезъ Него можно получить больше благъ. Что касается спеціально внутренняго отношенія Константина къ христіанству, то нельзя сомнѣваться, что близко знавшіе его современники считали его за убѣжденнаго христіанина, и что онъ послѣ Миланскаго эдикта многократно проявлялъ свое исключительное вниманіе къ церкви и клиру: сносился съ епископами, интересовался дѣлами христіанской общины, дѣлалъ пожертвованія на благотворительныя учрежденія церкви. Начиная съ 314 года, имѣется рядъ публичныхъ похвальныхъ словъ въ честь Константина, въ которыхъ обращеніе его къ единому истинному Богу выставляется какъ его особенная заслуга. Христіанство еще было только терпимымъ на ряду съ языческимъ исповѣданіемъ, законъ еще не придавалъ ему преобладанія надъ политеизмомъ, но фактически христіане уже получаютъ преобладаніе: занимаютъ высшія должности въ администраціи и въ арміи и постепенно придаютъ государству новый характеръ.

Прекраснымъ христіанскимъ памятникомъ, построеннымъ самимъ Константиномъ, нужно считать церковь св. Констанціи въ Римѣ. Этотъ храмъ въ стилѣ античныхъ построекъ украшенъ изящными колоннами, снабженъ мозаиками [1]) (рис. 8). Съ именемъ Константина соединена извѣстная базилика Константина въ Римѣ, отличающаяся своими величественными сводами, которые опираются на четыре пилона [2]) (рис. 9).

Еще важнѣй тѣ постепенныя перемѣны, которыя происходятъ въ христіанской общинѣ, въ средѣ самихъ ея членовъ, послѣ эдикта вѣротерпимости. Въ началѣ IV вѣка христіанская община выступаетъ уже съ довольно твердой организаціей, Миланскій эдиктъ открылъ ей легальный путь для дальнѣйшихъ успѣховъ въ языческомъ государствѣ, которое мало-по-малу и само начинаетъ приближаться къ христіанской общинѣ. Прежде всего слѣдуетъ имѣть въ виду устройство церковнаго клира, который пріобрѣтаетъ корпоративный характеръ, находя въ римскихъ гражданскихъ законахъ достаточную охрану для

[1]) О немъ Clausse, „Basiliques et mosaiques chrétiennes", т. I (Paris, 1893), p. 117—120.

[2]) О положеніи базилики Huelsen, S. 194—195.

Рис. 7. Рельефы тріумфальной арки Константина Великаго.

своихъ сословныхъ привилегій. Еще во время гоненій духовенство достаточно изолировалось отъ гражданскаго общества; подъ благодѣтельнымъ же дѣйствіемъ эдикта вѣротерпимости оно сдѣлало въ томъ же направленіи дальнѣйшіе шаги. Константинъ освободилъ христіанское духовенство отъ обычныхъ повинностей, лежавшихъ на римскомъ гражданинѣ [1]); утвердилъ за церковью право принимать въ свою пользу наслѣдства по завѣщанію; обезпечилъ церковныя учрежденія богатыми приношеніями изъ государственныхъ средствъ въ видѣ земельныхъ участковъ, денежныхъ и хлѣбныхъ выдачъ. Въ особенности огромное значеніе имѣли для духовенства пожалованныя ему судебныя права, т.-е. право рѣшать возникавшіе на почвѣ обыкновенныхъ отношеній между христіанами гражданскіе споры. Словомъ Константинъ далъ духовенству всевозможныя гарантіи своего расположенія, раздѣливъ съ нимъ до извѣстной степени управленіе и сдѣлавъ его послушнымъ орудіемъ въ своихъ рукахъ.

Прежде, чѣмъ переходить къ дальнѣйшимъ судьбамъ христіанской церкви при преемникахъ Константина, остановимся на нѣкоторыхъ явленіяхъ церковной жизни въ ближайшіе годы послѣ эдикта вѣротерпимости. Тяжкій періодъ гоненій сопровождался не только благородными подвигами самоотверженія, подъемомъ духа и нравственной дисциплины, но и вызывалъ и дурныя проявленія человѣческаго духа: уныніе, измѣну, клятвопреступленіе. Въ особенности слѣдуетъ отмѣтить духъ нетерпимости, фанатической приверженности къ формѣ и обряду и взаимной вражды. Эти свойства обнаружились уже и во время гоненій при обсужденіи поступковъ тѣхъ христіанъ, которые или отрекались отъ Христа, или выдавали язычникамъ священныя книги. По отношенію къ внутреннимъ раздорамъ въ христіанской общинѣ Константинъ проявилъ много такта и государственной мудрости. Предоставляя епископамъ полную свободу дѣйствій, онъ старался держаться нейтральнымъ въ спорѣ и если высказывался въ пользу одного опредѣленнаго мнѣнія, то ни въ какомъ случаѣ не допускалъ насилія одной партіи надъ другой. Его политическая мудрость не разъ давала ему случай убѣдиться, что излишняя ревность и въ особенности насиліе создаютъ упорство и настойчивость, съ которыми слабая партія нерѣдко получаетъ преимущество надъ сильнѣйшей.

---

1) Cod. Theod., XVI, 2.

Рис. 8. Мавзолей Констанціи въ Римѣ.

Съ подобными расположеніями относился Константинъ и къ величайшему церковному спору, возникшему ок. 318—320 г. изъ-за вопроса о божественной природѣ Христа по почину Арія. Арій былъ человѣкъ весьма образованный, искусный діалектикъ, строгій въ жизни, общительный, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, гордъ, честолюбивъ, неискрененъ и чрезвычайно хитеръ. Онъ въ началѣ былъ въ прекрасныхъ отношеніяхъ со своимъ епископомъ. Недоразумѣнія между ними возникли, по словамъ историка Сократа, по слѣдующему случаю [1]). Однажды епископъ держалъ бесѣду о таинствѣ Троицы и въ частности утверждалъ единство Троичности. Бывшій при этомъ Арій сталъ возражать, настаивая на той мысли, что если Отецъ родилъ Сына, значитъ, послѣдній имѣетъ начало, и, значитъ, было время, когда Его не было — ἦν, ὅτε οὐκ ἦν. Христологическій споръ возбудилъ въ церкви бурю волненій, образовались два враждебныхъ лагеря, которые раздвоили христіанское общество и внесли смуту въ имперію. Арій, увѣренный въ правотѣ своихъ воззрѣній на Слово какъ на созданіе (*κτίσμα*), отправилъ къ нѣкоторымъ епископамъ изложеніе своего ученія и просилъ ихъ высказаться по этому поводу. Ему удалось въ короткое время привлечь на свою сторону многихъ приверженцевъ, и въ особенности знаменитаго Евсевія никомидійскаго, близкое лицо къ императору, которое имѣло на него большое вліяніе, равно какъ на сестру его Констанцію, жену Лицинія. Кромѣ Евсевія, за Арія высказались нѣкоторые египетскіе епископы и александрійское духовенство и еще нѣсколько епископовъ: Павлинъ тирскій, Ѳеодотъ лаодикійскій, Аѳанасій аназарбскій, Григорій бейрутскій. Созванный епископомъ Александромъ соборъ въ Александріи въ 320—321 г. произнесъ отлученіе противъ египетскихъ приверженцевъ Арія и противъ всѣхъ раздѣляющихъ это ученіе. Арій, принужденный оставить Александрію, прибылъ въ Палестину и оттуда отправилъ письмо къ своему покровителю Евсевію никомидійскому, который пригласилъ его въ свой епископскій городъ, бывшій и временной столицей имперіи. Здѣсь Арію открылась еще болѣе широкая возможность распространить свое ученіе, тѣмъ болѣе, что Константинъ, занятый въ 322—323 году войной съ Лициніемъ, не имѣлъ времени обратить вниманіе на церковные споры. Одержавъ побѣду надъ

[1]) Hefele-Leclercq, „Histoire des conciles", I. Paris, 1907, p. 357.

Рис. 9. Базилика Константина въ Римѣ.

Лициніемъ осенью 323 года, Константинъ, въ качествѣ единодержавнаго властелина Запада и Востока имперіи, занялся христологическимъ споромъ. Онъ написалъ Арію и епископу Александру очень длинное письмо, сохраненное у Евсевія, въ которомъ излагалъ свой взглядъ на жгучій вопросъ времени. Замѣтимъ еще, что письмо было отправлено съ знаменитымъ епископомъ Осіей кордовскимъ, игравшимъ крупную роль въ это время.

По его воззрѣнію аріанскій вопросъ не представлялъ особенной важности и серіозности. Правда, Арій допустилъ ошибку, выведя на соблазнъ народа такіе вопросы, о которыхъ лучше было бы молчать. Но и епископу Александру не слѣдовало бы относиться съ такой горячностью къ вопросу, и лучше было бы имъ взаимно извиниться и помириться. Въ сущности и разница въ воззрѣніяхъ противниковъ весьма незначительна. Константинъ ссылается при этомъ на философскія ученія. Часто философы, принадлежащіе къ одной школѣ, бываютъ разнаго мнѣнія относительно нѣкоторыхъ частностей, что̀ нисколько не мѣшаетъ имъ соблюдать единеніе въ общемъ ученіи; тѣмъ болѣе, говоритъ онъ, „для васъ, служителей великаго Бога, слѣдуетъ быть единодушными въ вопросѣ вѣроученія. Возвратите мнѣ,—заключаетъ Константинъ,—спокойные дни и беззаботныя ночи, чтобы я пользовался радостью и наслажденіями спокойной жизни“ [1]).

Ясно, что Константинъ не оцѣнилъ тогда важности аріанскаго вопроса, и что письмо его далеко не отличается такими высокими качествами, какія придаютъ ему церковные историки. Когда императоръ увидѣлъ, что попытка его примирить Арія съ епископомъ Александромъ не удалась, и что въ церкви продолжаются безпорядки и смуты, онъ рѣшился, можетъ-быть, по совѣту Осіи, созвать вселенскій соборъ.

Какъ извѣстно, Дѣяній перваго вселенскаго собора не сохранилось и даже можно сомнѣваться, были ли составляемы въ свое время протоколы собраній [2]). Вслѣдствіе этого остается много неясностей какъ по отношенію къ обстоятельствамъ созванія собора, такъ и по предмету дѣлопроизводства: какъ происходили засѣданія, и какъ

---

1) Изъ письма къ александрійскому епископу Александру („Vita Const.“, II, c. 64. Migne, „P. Gr.“), XX, col. 1038.

2) Loeschcke, „Das Syntagma des Gelasius“, („Rheinisches Mus.“, t. LX, 1905), приходитъ къ выводу о существованіи протоколовъ.

соборъ пришелъ къ своему окончательному рѣшенію по спорному вопросу о природѣ Христа и по другимъ, занимавшимъ къ тому времени церковь вопросамъ. Несомнѣнными плодами дѣятельности этого собора слѣдуетъ считать: символъ вѣры, 20 каноновъ и соборное постановленіе. Св. Аѳанасій въ 350 г. на вопросъ друга — что происходило на соборѣ, не могъ сообщить подробностей, изъ чего слѣдуетъ заключить, что протоколовъ не было. Что касается способа оповѣщенія епископовъ и времени открытія соборныхъ дѣяній — и по этому поводу высказывались довольно разнорѣчивыя мнѣнія. Соборъ созывался на 20 мая 325 года, но императоръ прибылъ только къ 14 іюня, символъ былъ принятъ соборомъ 19 числа, засѣданія заключены 25 августа. По всей вѣроятности въ промежуткѣ между 20 мая и прибытіемъ императора на соборѣ происходилъ обмѣнъ мнѣній между сторонами по главному вопросу. Арій былъ приглашаемъ на собранія и доказывалъ правоту своихъ мнѣній: ему удалось привлечь на свою сторону до 17 епископовъ и много лицъ изъ низшаго духовенства и свѣтскаго общества. Партія православныхъ имѣла во главѣ діакона александрійской церкви, ученаго богослова Аѳанасія, и замѣстителя александрійскаго епископа, пресвитера Александра. По прибытіи императора состоялось открытіе засѣданій собора, описанное у Евсевія [1]): „Когда—говоритъ онъ - епископы собрались въ назначенное для засѣданій мѣсто, и каждый занялъ опредѣленное ему сидѣнье, тогда вошелъ императоръ, одѣтый въ золотыя одежды, украшенныя драгоцѣнными камнями. Всѣ встали и сѣли тогда, когда онъ занялъ свое мѣсто. Находившійся по правую отъ него сторону епископъ всталъ и произнесъ краткое привѣтствіе. Императоръ затѣмъ отвѣчалъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Я горячо желалъ видѣть васъ собравшимися. Нынѣ мое желаніе исполнилось, и я благодарю высочайшее существо, Бога, который, изливъ на меня другія безчисленныя благодѣянія, не лишилъ меня и этой милости— соединить васъ всѣхъ и быть свидѣтелемъ согласія вашихъ чувствъ. Раздоры въ церкви Божіей мнѣ представляются болѣе важными и опасными, чѣмъ внѣшнія войны, и доставляютъ мнѣ больше горя, чѣмъ все другое. Послѣ того, какъ Богъ по Своей милости далъ мнѣ побѣду надъ врагами, я воспріялъ намѣреніе на будущее время, воздавъ благодарность Богу, наслаждаться общеніемъ съ тѣми, кому

[1]) „Vita Constant.“, lib. III, c. 10.

Богъ даровалъ чрезъ меня свободу. Узнавъ же о раздѣленіи между вами, я понялъ, что этимъ нельзя пренебрегать, и поэтому рѣшился немедленно созвать васъ, чтобы положить конецъ злу. Итакъ, приглашаю васъ, любезные служители Божіи, принять мѣры, чтобы пресѣчь всѣ разногласія и покрыть миромъ ваши споры. Этимъ вы угодите Богу и сдѣлаете пріятное мнѣ, вашему брату на службѣ Богу". Послѣ этого соборъ приступилъ къ своимъ занятіямъ по тѣмъ вопросамъ, на который указано въ рѣчи Константина.

Руководителемъ преній и предсѣдателемъ на соборѣ былъ Осія кордовскій и при немъ два римскіе пресвитера. Чтобы выяснить положеніе партій на соборѣ, воспользуемся употребленнымъ у Гефеле [1]) сравненіемъ: „употребляя обычныя выраженія въ современныхъ парламентахъ, мы можемъ сказать, что въ Никеѣ православные епископы съ Аѳанасіемъ и его приверженцами составляли правую, Арій со своими немногими друзьями лѣвую, лѣвый центръ принадлежалъ Евсевію никомидійскому, правый центръ Евсевію кесарійскому. Извѣстно, что представителемъ православнаго мнѣнія и главнымъ соперникомъ Арія былъ ученый діаконъ александрійской церкви, знаменитый впослѣдствіи отецъ церкви Аѳанасій. Въ догматическомъ смыслѣ главный предметъ разногласія сосредоточился на ученіи о Словѣ *(Λόγος)* или Сынѣ: происходитъ ли Онъ изъ существа Божія и имѣетъ ли одну и ту же природу съ Богомъ *(ὁμοούσιος)*, какъ учила православная партія, или же Слово или Сынъ происходитъ изъ несущаго и, какъ имѣющій начало своего бытія: *ἦν, ὅτε οὐκ ἦν*,—не единосущенъ Отцу, какъ утверждалъ Арій и его приверженцы. Это послѣднее положеніе нашло себѣ техническое выраженіе въ терминѣ *ὁμοιούσιος*—подобосущный, иначе созданіе и твореніе—*κτίσμα, ποίημα*. — Въ нѣсколькихъ словахъ позволимъ себѣ здѣсь выразить сущность православнаго и аріанскаго ученія не съ богословской или философской точки зрѣнія, съ каковой оно трактуется въ церковной исторіи, а съ точки зрѣнія общечеловѣческаго пониманія и міровой культуры. Если Христосъ, сошедшій на землю и вочеловѣчившійся, есть Богъ, то для человѣчества въ этомъ дано большое утѣшеніе: Богъ, сдѣлавшись человѣкомъ, обожествилъ человѣчество и тѣмъ указалъ человѣку безконечную цѣль самоусовершенія и стремленія къ совершеннѣйшему. Между тѣмъ, аріанство, отправляющееся изъ

1) „Histoire des conciles", I, p. 431.

признанія во Христѣ существа сотвореннаго, небожественнаго по происхожденію, не имѣетъ въ своемъ ученіи тѣхъ возвышающихъ элементовъ, о которыхъ сказано выше.

Можно думать, что умѣренность и осторожность епископа Осіи много способствовали тому, что формула *ὁμοούσιος* нашла себѣ общее одобреніе. Послѣ долгихъ споровъ и разсужденій, наконецъ, составленъ былъ символъ, текстъ котораго сохранился въ письмѣ Евсевія. Всѣ отцы, за исключеніемъ пяти, готовы были дать свою подпись подъ этимъ символомъ, какъ выражающимъ ученіе апостольской церкви. Но изъ пяти колеблющихся, въ числѣ коихъ былъ Евсевій никомидійскій, три дали потомъ свое согласіе, а остальные вмѣстѣ съ Аріемъ были отлучены. Константинъ присоединился къ представленному на его усмотрѣніе соборному постановленію и—что представляется весьма важнымъ—сталъ ревностнымъ защитникомъ соборнаго опредѣленія. Онъ приказалъ немедленно сослать Арія и двухъ епископовъ, не подписавшихъ символа, въ Иллирію и осудилъ на сожженіе его еретическія сочиненія. Когда, наконецъ, были окончены всѣ занятія, императоръ пригласилъ членовъ собора къ себѣ во дворецъ на угощеніе, при чемъ каждый изъ отцовъ получилъ отъ него по подарку. Черезъ нѣсколько дней было еще заключительное собраніе, на которомъ присутствовалъ и императоръ.

Такъ какъ Никейскій соборъ имѣетъ громадное значеніе въ исторіи христіанской имперіи, то позволимъ себѣ еще остановиться на церковныхъ канонахъ, которые ведутъ отъ него свое происхожденіе. Для послѣдующей исторіи въ особенности получилъ громадное значеніе 6 канонъ, смыслъ котораго подвергается толкованіямъ и различнымъ объясненіямъ и по настоящее время, вслѣдствіе чего на основаніи его построено было много такихъ выводовъ, которые, въ свою очередь, были предметомъ ожесточенныхъ споровъ. Въ исторіи Византіи мы не разъ встрѣтимся со ссылками на 6 канонъ. Вотъ его содержаніе.

„Древній обычай, господствующій въ Египтѣ, да имѣетъ силу въ Ливіи и Пентаполѣ, то-есть епископъ Александріи да сохраняетъ власть надъ этими областями, такъ какъ это же свойственно и епископу Рима. Подобнымъ же образомъ слѣдуетъ сохранять свои преимущества Антіохіи и другимъ епархіямъ. То совершенно ясно, что, если кто сдѣлается епископомъ безъ согласія своего митропо-

лита, того великій соборъ не признаетъ епископомъ. Но если избраніе совершится общимъ согласіемъ и по церковнымъ правиламъ, и если при этомъ двое или трое будутъ противорѣчить по своимъ капризамъ, то право остается за большинствомъ голосовъ".

Въ смыслѣ ближайшихъ послѣдствій никейскаго собора слѣдуетъ отмѣтить, что хотя императоръ Константинъ, согласившись съ постановленіемъ собора, сослалъ Арія въ заточеніе, но спустя немного времени совершенно перешелъ на сторону аріанъ и возвратилъ изъ ссылки самого Арія. Въ догматическомъ смыслѣ Арій далъ нѣкоторое удовлетвореніе своимъ противникамъ вновь употребленнымъ по отношенію къ Сыну выраженіемъ *γεγενημένος*—происшедшій вмѣсто *γεγεννημένος*—рожденный. Однако, противъ принятія Арія въ общеніе съ церковью былъ тогдашній главный стражъ никейскаго символа Аѳанасій, епископъ александрійскій. Но въ 336 г., уже передъ своей смертью, Константинъ далъ оффиціальное преобладаніе аріанству, рѣшившись подписать указъ о ссылкѣ Аѳанасія. При дѣтяхъ Константина аріанство было господствовавшимъ на Востокѣ ученіемъ церкви.

Смуты, вызванныя аріанскимъ ученіемъ, имѣли далеко не преходящее значеніе. Онѣ не прекратились за смертію главныхъ дѣятелей, Аѳанасія и Арія, но продолжали долго еще раздѣлять церковь на два лагеря, при чемъ правительство попеременно примыкало то къ одному, то къ другому. Вопросъ церковнаго ученія сталъ серіознымъ правительственнымъ дѣломъ, аріанская смута потребовала созыва многочисленныхъ соборовъ, которые разрѣшала и постановленія которыхъ утверждала свѣтская власть. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что этимъ нарушенъ былъ принципъ независимости церкви, которая пожертвовала своимъ нравственнымъ достоинствомъ изъ угожденія передъ свѣтской властью. Въ свою очередь, и эта послѣдняя, вступивъ въ тѣсное общеніе съ церковью, предоставила ей значительную долю въ гражданскомъ управленіи, лишивъ церковь принадлежащаго ей характера.

Константинъ подвергся большимъ упрекамъ за то, что онъ допустилъ вредное смѣшеніе церкви и государства, и что не поставилъ строгаго раздѣленія между дѣлами, принадлежащими кесарю и Богу [1]). Можно, конечно, пожалѣть, что клиръ спокойно пошелъ по пути, на который толкнула его свѣтская власть, и скоро началъ

[1]) Burckhardt, „Die Zeit Constantins des Grossen", S. 389—390.

присваивать себѣ то, что ему не должно было принадлежать. Церковь присвоила себѣ непосредственное вліяніе и воздѣйствіе на людей, предоставивъ государству казармы и сборъ податей, какъ сильно [1]) выражается Буркгардъ!—Самое соборное начало, которое имѣло такое широкое примѣненіе въ первые вѣка христіанства, едва ли не было часто злоупотребленіемъ предоставленнымъ клиру правомъ—осуждать, лишать общенія съ церковью и подвергать изгнанію и заточенію несогласныхъ съ господствующей и поддерживаемой правительствомъ церковной партіей. Уже аріанская смута могла представить неоднократныя доказательства, что соборныя опредѣленія нерѣдко были диктуемы духомъ злобы и зависти, и осужденію на соборахъ часто подвергались столпы церкви, какъ Аѳанасій, І. Златоустъ. Съ государственной точки зрѣнія подвергаетъ осужденію соборы Аммiанъ Марцеллинъ [2]): „Цѣлыя ватаги епископовъ разъѣзжали туда и сюда, пользуясь государственной почтой, на такъ называемые синоды въ заботахъ наладить весь культъ по своимъ рѣшеніямъ". Государственной почтѣ этимъ причиненъ былъ страшный подрывъ.

Константинъ, котораго одинъ изъ его ближайшихъ преемниковъ называетъ новаторомъ [3]) и разрушителемъ старыхъ законовъ и древнихъ обычаевъ, пріобрѣлъ всемірно-историческое значеніе вслѣдствіе своей церковной политики. Онъ первый оцѣнилъ христіанство какъ громадную нравственную силу, борьба съ которой оказывалась уже не подъ силу правительству. Вслѣдствіе этого онъ рѣшился ввести христіанскую общину въ государство и воспользоваться ея громаднымъ нравственнымъ вліяніемъ для наиболѣе прочнаго утвержденія въ имперіи своей власти. Остается, однако, неяснымъ вопросъ о томъ, насколько Константинъ самъ былъ затронутъ евангельскимъ ученіемъ, и насколько въ его церковной политикѣ удѣлено было мѣста нравственнымъ принципамъ, вытекающимъ изъ проповѣди Христа. Все, повидимому, приводитъ къ тому заключенію, что равноапостольный Константинъ воспользовался новымъ ученіемъ какъ средствомъ для міровластительства и какъ политиче-

---

[1]) Ibid., 392.

[2]) Ammiani Marcellini, XXI, 15, 18.

[3]) Ammiani Marcellini, XXI, 10, 8.

скимъ орудіемъ, и что божественность евангельскаго ученія мало коснулась его умонастроенія и убѣжденія.

Безпристрастные свѣтскіе историки (Евтропій и Аврелій Викторъ) согласны, что Константинъ былъ гораздо лучше и благороднѣй въ первыя десять лѣтъ правленія, чѣмъ послѣ. И, во-первыхъ, ничѣмъ нельзя оправдать его отношеній къ Лицинію и тѣмъ болѣе извинить жестокій обманъ и клятвопреступленіе по отношенію къ нему. Въ 314 г., начавъ войну безъ достаточныхъ основаній и побѣдивъ Лицинія въ двухъ сраженіяхъ, Константинъ лишилъ его всѣхъ европейскихъ владѣній, кромѣ Ѳракіи. Затѣмъ въ 323 г. снова Константинъ воевалъ съ Лициніемъ и принудилъ его послѣ потери войска и флота запереться въ Никомидіи. Сестра Константина, бывшая въ супружествѣ за Лициніемъ, вошла въ переговоры съ братомъ и исходатайствовала для своего мужа подъ священной клятвой жизнь и безопасность. Но въ 324 г. Лициній былъ умерщвленъ по приказанію императора. Ничѣмъ такъ же нельзя оправдать безчеловѣчные поступки Константина по отношенію къ ближайшимъ членамъ своего семейства. Жертвой его подозрительности и жестокости въ 326 г. пали сынъ его Криспъ, племянникъ Лициніанъ и, наконецъ, супруга Фауста. Историки, разсказывая о жестокихъ и ничѣмъ не оправдываемыхъ поступкахъ Константина по отношенію къ самымъ близкимъ членамъ семьи, не находятъ ничего сказать въ оправданіе его, какъ только то, что политическій успѣхъ и военное счастіе способны портить и самыхъ геніальныхъ людей. Только одна сторона семейныхъ отношеній Константина возбуждаетъ сочувствіе—это любовное и почтительное отношеніе къ матери, св. Еленѣ. Она окружена была вниманіемъ, пользовалась высокимъ почетомъ и проводила жизнь въ благочестивыхъ путешествіяхъ по святымъ мѣстамъ, въ устройствѣ церквей и въ дѣлахъ благотворительности.

ГЛАВА IV.

ЯЗЫЧЕСТВО И ХРИСТІАНСТВО ВЪ ПОЛОВИНѢ IV-го ВѢКА. ЮЛІАНЪ ОТСТУПНИКЪ. ХАРАКТЕРИСТИКА ЕГО ЦАРСТВОВАНІЯ.

Въ періодъ отъ никейскаго собора до вступленія на престолъ племянника Константина Юліана въ 361 году христіанская церковь имѣла всѣ средства вполнѣ окрѣпнуть и утвердиться въ имперіи. Взаимное положеніе язычества и христіанства въ самой серединѣ IV-го вѣка хорошо выясняется изъ сочиненія христіанскаго писателя Фирмика [1]), которое было назначено для императоровъ Констанція и Константа и имѣло цѣлью поощрить ихъ къ конечному искорененію языческаго богослуженія. Въ высшей степени также характерно для оцѣнки политическаго положенія язычества то обстоятельство, что римскій календарь на 354 годъ не упоминаетъ ни языческихъ праздниковъ, ни жертвъ, ни религіозныхъ церемоній. Словомъ, не можетъ подлежать сомнѣнію, что языческая религія шла къ постепенному забвенію. И, тѣмъ не менѣе, нашелся государственный дѣятель—правда, это былъ римскій императоръ,—который задумалъ вернуть исторію назадъ, возвративъ римскій міръ снова къ языческому культу. Предпринятая на себя Юліаномъ задача была неосуществима, въ культурно-историческомъ смыслѣ даже вредна, но при всемъ томъ изумительная его настойчивость, нравственная дисциплина, высокая образованность, обаятельныя качества его души и, наконецъ, самая авантюра его религіозной реформы, такъ трагически закончившаяся—надолго обезпечиваютъ за Юліаномъ симпатію изслѣдователей.

---

¹) Firmicus Maternus, de errore profanarum religionum. О немъ Ebert, „Allgem. Geschichte der Literatur des Mittelalters" (Leipzig, 1889), I, S. 130—134. Teuffel, „Gesch. der röm. Literatur", 3. Aufl., S. 952.

Мысль о возможности возвращенія къ языческому культу не должна представляться совершенно безумной. Напротивъ, она имѣла для себя нѣкоторыя основанія въ нравственныхъ и религіозныхъ воззрѣніяхъ значительныхъ слоевъ общества [1]). При сыновьяхъ Константина принимаются мѣры къ закрытію языческихъ храмовъ, но эти мѣры не вездѣ достигаютъ цѣли. Въ 341 г. Констанцій издаетъ законъ противъ языческихъ жертвоприношеній, но закономъ 342 г. повелѣвается сохранить тѣ храмы внѣ Рима, съ которыми связаны публичныя игры [2]). Хотя префектъ Рима запретилъ жертвы въ самомъ городѣ, но это запрещеніе не исполнялось. Въ Римѣ законы Константина возбудили противъ себя ненависть особенно въ высшихъ кругахъ. На этой приверженности римскаго сената къ старой религіи основывались надежды на успѣхъ Магненція, когда онъ объявилъ себя императоромъ. Первое, что сдѣлалъ Констанцій послѣ побѣды надъ Магненціемъ, это было запрещеніе жертвъ. Въ 353 г. онъ же издалъ эдиктъ [3]), которымъ повелѣвалось закрыть храмы и запрещалось посѣщать мѣста культа подъ страхомъ смертной казни и конфискаціи имущества. Сыну Константина была свойственна та же политика по отношенію къ религіи, какая руководила самимъ Константиномъ: религію не слѣдуетъ навязывать, кто хочетъ, можетъ оставаться въ язычествѣ и въ своемъ домѣ слѣдовать своей вѣрѣ, не допускались тайныя жертвы въ ночное время, да и то не изъ религіозныхъ, а изъ политическихъ мотивовъ (магія, волшебство, гаданіе о будущихъ судьбахъ государства и императора). Вслѣдствіе этого язычество, въ особенности на Западѣ, имѣло еще приверженцевъ. Хотя въ 357 г. по приказанію Констанція изъ сената удалена была статуя Викторіи, дабы не допускать въ сенатѣ языческихъ жертвъ, но въ то же время римская аристократія осталась вѣрна старой вѣрѣ, и Констанцій оставилъ въ Римѣ весталокъ и жрецовъ, назначилъ новыхъ на свободныя мѣста и приказалъ выдавать необходимыя суммы на поддержаніе культа. Въ 358 г. императоръ дѣлаетъ распоряженіе объ избраніи sacerdos для Африки [4]). Какъ сыновья Константина объявили государственное обожествленіе своего отца, такъ

[1]) Schiller, „Geschichte d. römisch. Kaiserzeit“, II, S. 290—292.
[2]) C. Th. 16, 10, 2—3.
[3]) C. Th. 16, 10, 4.
[4]) C. Th. 12, 1, 46.

сами Константъ и Констанцій сопричислены къ divi и носили безъ всякаго стѣсненія титулъ pontifex maximus.

Сообщимъ сначала біографическія свѣдѣнія объ Юліанѣ (рис. 10). Fl. Claudius Julianus былъ племянникомъ Константина Великаго и происходилъ отъ Юлія Констанція, погибшаго вскорѣ по смерти Константина Великаго (337 г.) во время военнаго бунта. Онъ родился въ 331 году и остался 6 лѣтъ по смерти отца, мать же потерялъ на первомъ году своей жизни. Гдѣ находился онъ со своимъ братомъ Галломъ во время катастрофы 337 года, остается неизвѣстнымъ, но несомнѣнно, что онъ сохранилъ о ней ясное воспоминаніе. Юліанъ получилъ хорошее воспитаніе, которымъ руководилъ евнухъ Мардоній, сумѣвшій направить воспріимчивыя способности мальчика на изученіе классическихъ писателей и древней философіи. По всей вѣроятности, первое время Юліанъ жилъ близъ Константинополя, можетъ-быть, въ Никомидіи, гдѣ епископъ Евсевій наблюдалъ за нимъ и руководилъ его христіанскимъ религіознымъ образованіемъ. Очень выразительными чертами отмѣчаются въ характерѣ Юліана и въ его послѣдующихъ сочиненіяхъ два направленія: разнообразныя и широкія познанія, почерпнутыя въ изученіи древнихъ писателей, и глубокая начитанность въ книгахъ Священнаго Писанія, чѣмъ онъ искусно пользовался въ своей борьбѣ противъ христіанъ.

Рис. 10. Бюстъ императора Юліана въ Ачеренцѣ.

Въ 344 г. обоимъ братьямъ было указано жить въ замкѣ Macellum близъ Кесаріи Каппадокійской. Хотя условія жизни соотвѣтствовали высокому положенію молодыхъ людей, но Юліанъ жалуется на недостатокъ общества, на постоянныя стѣсненія свободы и на тайный надзоръ. Вѣроятно, къ этому періоду нужно относить начатки вражды Юліана къ христіанской вѣрѣ. Въ этомъ положеніи братья

оставались около 6 лѣтъ. Между тѣмъ, бездѣтнаго Констанція весьма озабочивала мысль о преемникѣ. Такъ какъ изъ прямого потомства Константина въ живыхъ оставались лишь два двоюродныхъ брата Констанція, Галлъ и Юліанъ, то императоръ въ 350 г. рѣшился призвать къ власти Галла. Вызвавъ его изъ замка Macellum, Констанцій далъ ему санъ цесаря и назначилъ для его пребыванія Антіохію. Но, какъ скоро оказалось, Галлъ не умѣлъ справиться съ новымъ положеніемъ и надѣлалъ много ошибокъ, возбудивъ противъ себя подозрѣнія въ невѣрности императору. Галлъ былъ вызванъ Констанціемъ для оправданія и на дорогѣ убитъ въ 354 году. Теперь снова выступилъ вопросъ о преемствѣ власти. По настояніямъ императрицы Евсевіи, которая дѣйствовала въ этомъ отношеніи вопреки планамъ придворной партіи, Констанцій рѣшился возвратить Юліану то положеніе, на какое онъ имѣлъ права по рожденію.

Уже назначеніе Галла цесаремъ должно было благопріятно отозваться на судьбѣ Юліана. Ему позволено было жить въ Константинополѣ, и лишь широкій кругъ знакомства, какой скоро составился здѣсь вокругъ Юліана, побудилъ императора дать ему другое мѣсто для жизни и продолженія образованія, именно городъ Никомидію. Здѣсь училъ знаменитый риторъ Либаній, котораго, однако, Юліану запрещено было слушать. Но здѣсь въ періодъ отъ 350 по 354 годъ произошелъ съ Юліаномъ тотъ нравственный переворотъ, который долго подготовлялся и который привелъ его къ отрицанію христіанства, получившаго у него наименованіе галилейской секты. Чтеніе сочиненій Либанія, въ особенности же знакомство и дружба съ философомъ Максимомъ (изъ Ефеса) и Едесіемъ, произвели на Юліана рѣшительное и глубокое вліяніе. Названные философы соединяли съ неоплатоновскими идеями мечтательность, извращенный идеализмъ. Въ тѣсномъ кругу друзей Юліана осмѣивали легенду о Галилеянинѣ и подготовляли молодого принца къ реформаторской миссіи въ области религіи. Въ годъ смерти Галла Юліанъ былъ уже вполнѣ сложившимся молодымъ человѣкомъ, ему было тогда 23 года. Приглашенный въ Миланъ по смерти Галла, онъ хотя и не вошелъ въ расположеніе императора, но все же получилъ свободу посѣтить Аѳины (355 г.). Здѣсь Юліанъ былъ въ центрѣ тогдашней культурной и умственной жизни, гдѣ въ одно и то же время съ Юліаномъ проходили курсъ наукъ великіе дѣятели церкви, Василій Великій и Григорій Нисскій.

Юліанъ вынесъ изъ Аѳинъ знакомство со столпами древней падавшей культуры, великій жрецъ элевзинскихъ мистерій призналъ его достойнымъ высшихъ степеней, что обозначало уже полный разрывъ съ христіанствомъ и возвращеніе къ „отеческой религіи“, какъ часто выражался Юліанъ.

Проведя въ Аѳинахъ лишь нѣсколько мѣсяцевъ (отъ іюля до октября), Юліанъ снова былъ приглашенъ къ императору Констанцію, и на этотъ разъ его ждала полная перемѣна судьбы. Изъ роли студента, щеголявшаго философской мантіей, нечесанной головой и запачканными въ чернилахъ руками, Юліанъ неожиданно долженъ былъ обратиться въ царедворца. 6 ноября онъ торжественно объявленъ цесаремъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ ему поручена была чрезвычайно важная въ политическомъ и военномъ отношеніи миссія—управленіе провинціей Галліей. Черезъ нѣсколько дней послѣ того онъ женился на сестрѣ Констанція Еленѣ и съ небольшимъ военнымъ отрядомъ отправился къ мѣсту своего назначенія.

Юліанъ смотрѣлъ на свое назначеніе какъ на присужденіе къ смертной казни. Положеніе Галліи было безнадежнымъ, и, конечно, не молодому человѣку, только-что покинувшему студенческую скамью, было посильнымъ умиреніе этой провинціи. Всѣ укрѣпленія, выстроенныя на лѣвомъ берегу Рейна, были прорваны и разрушены германцами, города разорены и опустошены. Вся провинція была въ беззащитномъ положеніи и готова была сдѣлаться добычей варваровъ. Ко всему этому слѣдуетъ прибавить, что подозрительный Констанцій не предоставилъ въ распоряженіе Юліана достаточныхъ средствъ и не опредѣлилъ отношеніе цесаря къ высшимъ административнымъ и военнымъ чинамъ провинціи, т.-е. къ префекту преторіи и начальникамъ военныхъ корпусовъ. Это ставило цесаря въ большое затрудненіе, въ особенности въ первое время, когда онъ началъ практически знакомиться съ военнымъ дѣломъ.

Юліанъ провелъ въ Галліи пять лѣтъ и обнаружилъ такія блестящія военныя дарованія и достигъ столь важныхъ успѣховъ въ войнахъ съ германцами, что Галлія была совершенно очищена отъ непріятелей, и германцы перестали угрожать римскимъ городамъ и крѣпостямъ на лѣвомъ берегу Рейна. Во время своихъ войнъ Юліанъ захватилъ болѣе 20000 плѣнниковъ, которыхъ употребилъ на постройку разрушенныхъ городовъ, возстановилъ сообщеніе по Рейну

и снабдилъ Галлію хлѣбомъ, привезеннымъ изъ Британніи на построенныхъ имъ судахъ. Въ особенности блестящая побѣда была одержана при Страсбургѣ въ 357 году, гдѣ сражались противъ Юліана 7 королей, и гдѣ былъ взятъ въ плѣнъ король германскій Кнодоміръ.

Успѣхи Юліана не могли не возвысить его авторитетъ и привлекли къ нему горячія симпатіи войска и народа. Императоръ въ особенности былъ недоволенъ усиливавшейся популярностью цесаря, „доблести Юліана жгли Констанція", говоритъ историкъ Марцеллинъ [1]), хотя придворные подвергали насмѣшкамъ характеръ и наружность Юліана и старались умалить въ глазахъ Констанція его военныя заслуги.

Въ 360 г. императоръ приготовлялся въ походъ въ Персію, гдѣ не прекращались военныя дѣйствія, и гдѣ персы перенесли войну уже въ римскія области Месопотамію и Арменію. Азіатскія войска предполагалось подкрѣпить европейскими, для чего Констанцій потребовалъ отъ Юліана посылки на Востокъ части его лучшихъ и испытанныхъ легіоновъ. Это требованіе цезарь принялъ какъ знакъ недовѣрія къ себѣ, потому что безъ войска онъ не могъ держаться въ Галліи; кромѣ того, галльскія войска съ большимъ неудовольствіемъ приняли извѣстіе о походѣ на Востокъ. При этихъ условіяхъ произошелъ въ Парижѣ, гдѣ было тогда пребываніе цесаря, военный бунтъ и провозглашеніе Юліана императоромъ. Извѣстія о происшедшемъ въ Парижѣ дошли до императора въ Кесаріи Каппадокійской. Если Констанцій не находилъ возможнымъ признать совершившійся фактъ и войти въ соглашеніе съ Юліаномъ, то предстояла междоусобная война, которая лишь потому не возгорѣлась, что императоръ, занятый приготовленіями къ походу, лѣтомъ и зимой 360 года находился въ Малой Азіи и только весной 361 года могъ начать движеніе въ Европу.

Послѣ провозглашенія августомъ [2]) въ своемъ письмѣ къ Констанцію Юліанъ старался оправдать себя и предлагалъ войти въ соглашеніе по поводу совершившагося. Но какъ Констанцій потребовалъ отъ него полнаго и окончательнаго устраненія отъ дѣлъ, а

[1]) Ammiani Marcellini, 20, 4, 1: „Constantium urebant Juliani virtutes".

[2]) Дата провозглашенія по новымъ даннымъ относится ко второй половинѣ мая. Morey, „The date of the election of Julian" (Supplem. „Papers of the Amer. School in Rome", vol. I, p. 192—4).

между тѣмъ войско клялось служить ему и поддержать его права, то Юліанъ рѣшился идти противъ Констанція войной. Онъ уже овладѣлъ альпійскими проходами, основалъ свою главную квартиру въ Нишѣ, принялъ подъ свою власть Иллирикъ, Паннонію и Италію и собралъ громадныя средства для войны, когда неожиданная смерть Констанція 3 ноября 361 г. освободила Юліана отъ необходимости начать междоусобную войну. 11 декабря 361 г. Юліанъ вступилъ въ Константинополь какъ прямой и законный наслѣдникъ римскихъ императоровъ, сенатъ и димы утвердили избраніе арміи.

Оцѣнивать дѣятельность императора Юліана слѣдуетъ на основаніи тѣхъ фактовъ, которые относятся ко времени его единодержавія. Замѣтимъ, что въ декабрѣ 361 года онъ былъ признанъ въ достоинствѣ императора, а 26 іюня 363 года онъ умеръ, получивъ смертельную рану въ битвѣ съ персами близъ Ктесифона. На полтора года нужно разложить и его разнообразныя мѣры законодательныя, административныя и въ особенности литературно-полемическія для борьбы съ христіанствомъ и возстановленія язычества, и, съ другой стороны, обширныя подготовленія къ персидской войнѣ и побѣдоносный походъ его черезъ Тигръ и Евфратъ, въ самое сердце Персіи, гдѣ происходили славныя битвы Александра Македонскаго. Уже самая громадность этихъ предпріятій можетъ свидѣтельствовать, что въ Юліанѣ исторія имѣетъ дѣло съ недюжиннымъ человѣкомъ, а чрезвычайная краткость времени самостоятельнаго управленія Юліана имперіей должна служить объясненіемъ, почему ни то, ни другое предпріятіе не было доведено до конца, и почему въ мѣропріятіяхъ столь высокой важности, какъ религіозная реформа, не было согласованности и логической послѣдовательности. Но прежде, чѣмъ переходить къ оцѣнкѣ дѣятельности Юліана, скажемъ нѣсколько словъ о полуторагодичномъ правленіи его.

Отъ декабря 361 по іюнь 362 г. Юліанъ провелъ въ Константинополѣ. На этотъ періодъ должны падать существенныя распоряженія по замѣнѣ христіанскаго культа языческимъ, тогда же были составлены имъ главныя возраженія противъ христіанства. Сначала императоръ обѣщаетъ быть безпристрастнымъ, не насилуя совѣсть ни язычниковъ, ни христіанъ, но, когда онъ увидѣлъ, что реформа не идетъ такъ успѣшно, какъ ему желалось, въ его дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ появляются страстность, раздраженіе и нетерпимость. Отъ

половины іюля 362 до марта 363 г. императоръ провелъ въ Антіохіи, частью въ приготовленіяхъ къ походу въ Персію, частью въ составленіи инструкцій для утвержденія языческаго культа, частью, наконецъ, въ изготовленіи литературныхъ произведеній (Мисопогонъ). Отъ марта до конца іюня 363 г. Юліанъ ведетъ войну съ персами. Это обширное военное предпріятіе было задумано и обставлено всѣми средствами, какія только могла предоставить имперія. Было собрано значительное войско (свыше 60000), приняты мѣры къ заготовленію военныхъ запасовъ и продовольствія, приглашенъ вспомогательный отрядъ отъ армянскаго царя, заготовленъ огромный флотъ на Евфратѣ для доставки вооруженія и запасовъ. Но условія, въ которыхъ приходилось на этотъ разъ вести Юліану войну, были далеко не тѣ, съ которыми онъ былъ знакомъ въ Галліи. Оказалось много непредвидѣнныхъ затрудненій, которыя тѣмъ больше увеличивались, чѣмъ дальше римское войско уходило отъ римской границы въ Месопотамію. Прежде всего, Юліанъ на своемъ пути уничтожалъ города и селенія и истреблялъ запасы, которыми не могъ воспользоваться. Большимъ подспорьемъ былъ флотъ, сопровождавшій армію по Евфрату и переведенный каналомъ въ Тигръ, но Юліанъ рѣшился предать его огню, находясь близъ Ктесифона, и тѣмъ лишилъ себя весьма важныхъ вспомогательныхъ средствъ на случай отступленія. Отказавшись отъ осады Ктесифона, Юліанъ направился на сѣверъ Персіи, и здѣсь персидская конница начала сильно тѣснить его со всѣхъ сторонъ, опустошая мѣстность, по которой шло римское войско, и томя его голодомъ и всяческими лишеніями. При такихъ условіяхъ 25 іюня 363 года Юліанъ неосторожно выступилъ въ передовую цѣпь войска и былъ пораженъ въ бокъ непріятельскимъ копьемъ. На слѣдующій день онъ умеръ отъ полученной раны.

Основная идея Юліана, приведшая его къ разрыву съ передовыми воззрѣніями той эпохи, можетъ быть до нѣкоторой степени понята изъ обстоятельствъ, въ которыхъ проходило его дѣтство и юношество, изъ характера окружавшихъ его людей, наконецъ, изъ его философскихъ воззрѣній.

Характеръ Юліана, какъ политическаго и религіознаго дѣятеля, привлекаетъ вниманіе европейскихъ ученыхъ уже съ давняго времени, и слѣдуетъ прибавить, что интересъ къ его личности не ослабѣваетъ съ теченіемъ времени, а болѣе и болѣе возрастаетъ. И не въ томъ

нужно искать объясненія того, что литература объ Юліанѣ возрастаетъ съ каждымъ годомъ, чтобы открывались новые источники для этого времени, которые бросали бы новый свѣтъ на Юліана,— нѣтъ, самая личность этого императора обладаетъ особенной притягательной силой, и условія, въ которыхъ ему пришлось жить и дѣйствовать. Уже современники и ближайшіе къ его времени писатели не могли не возбудить интереса къ Юліану тѣмъ, что описали его въ самыхъ противоположныхъ и разнорѣчивыхъ чертахъ. Попытки примирить эти противорѣчія привели къ постановкѣ вопроса о томъ, какимъ источникамъ слѣдуетъ болѣе довѣрять:—языческимъ, которые восхваляютъ Юліана, или христіанскимъ, которые не находятъ достаточно сильныхъ выраженій, чтобы выразить все презрѣніе и негодованіе къ Юліану. И въ новѣйшей литературѣ можно замѣтить два теченія въ оцѣнкѣ дѣятельности Юліана, зависящія отъ того, какимъ источникамъ — эллинистическимъ или христіанскимъ — оказывается больше довѣрія. При этомъ выяснено, что главныя противорѣчія въ извѣстіяхъ касаются именно религіозныхъ вопросовъ и церковныхъ дѣлъ, а какъ христіанскіе источники на первое мѣсто ставятъ церковную и религіозную политику Юліана, весьма мало касаясь гражданской и военной исторіи, то вообще трудности при оцѣнкѣ характера Юліана и доселѣ продолжаютъ имѣть свое мѣсто. Оказывается, однако, что и языческіе источники отличаются въ значительной степени односторонностью. Именно, извѣстія Либанія, Амміана Марцеллина и Зосимы основываются, главнымъ образомъ, на дневникѣ Юліана и на его письмахъ и мелкихъ сочиненіяхъ. А эти послѣднія не только слишкомъ субъективны, часто пристрастны и пропитаны духомъ полемики, но и прямо противорѣчивы. Такъ, при оцѣнкѣ политики императора Констанція, Юліанъ совершенно не то говоритъ въ своихъ похвальныхъ словахъ, что въ письмѣ къ аѳинянамъ, а эта разница зависитъ оттого, что похвала написана при жизни Констанція, а порицаніе по смерти.

Тѣмъ не менѣе, посредствомъ внимательнаго изученія источниковъ и сопоставленія между собой извѣстій разныхъ писателей, до извѣстной степени удалось вникнуть въ процессъ развитія идей Юліана и въ его душевное настроеніе. И можно утвердительно сказать, что чѣмъ лучше и полнѣе освѣщается матеріалъ, тѣмъ болѣе выигрываетъ характеръ Юліана. Можно признать, что оба его пред-

пріятія: и попытка возстановить падающее язычество, и персидскій походъ—были построены на ложныхъ основаніяхъ и обусловливались мечтательными взглядами Юліана на свою миссію и провиденціальное призваніе въ жизни. Онъ глубоко вѣрилъ и въ свое назначеніе покорить весь міръ, и въ свою миссію возстановить почитаніе языческихъ боговъ и возвратить міръ къ изящнымъ формамъ. Хотя реальная дѣйствительность не соотвѣтствовала его фантастическимъ представленіямъ, но онъ честно и убѣжденно шелъ къ рѣшенію задачъ, которыя считалъ для себя обязательными. Указанный трагизмъ положенія объясняетъ тотъ не ослабѣвающій интересъ, съ которымъ историки обращаются ко времени Юліана. Прибавимъ къ этому скромный, почти аскетическій родъ жизни, цѣлыя ночи, проведенныя безъ сна въ ученыхъ или административныхъ занятіяхъ, строгое выполненіе обязанностей культа, ежедневныя утромъ и вечеромъ жертвы на домашнемъ алтарѣ, часто кроткое перенесеніе обидъ и оскорбленій, наносимыхъ ему лично,—развѣ не должны эти качества привлекать симпатіи къ Юліану?

Религіозный переворотъ въ Юліанѣ не есть случайный и неожиданно совершившійся фактъ,—нѣтъ, онъ подготовлялся постепенно и выработался въ опредѣленное и сознательное убѣжденіе подъ вліяніемъ обстановки, обученія, школы и профессоровъ, которыхъ онъ слушалъ. Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить, что Юліанъ получилъ греческое—эллинистическое образованіе, латинскій языкъ и литературу онъ мало зналъ, писалъ же исключительно на греческомъ. Можетъ-быть, этимъ частью объясняется малый успѣхъ его декретовъ и распоряженій. Юліана мало знали на Западѣ какъ религіознаго реформатора. Онъ вполнѣ преклонялся передъ эллинскими понятіями и вѣрованіями и съ дѣтства зачитывался Гомеромъ и Гесіодомъ, любовь къ коимъ внушилъ ему его воспитатель Мардоній. Еще мальчикомъ онъ увлекался естественными явленіями природы: солнце и звѣзды приковывали къ себѣ его вниманіе какъ живыя, вѣчныя и обнаруживающія вліяніе на человѣка силы. Но страшная фигура Констанція — убійцы его отца и брата и ближайшихъ родственниковъ, и шпіоны, которыми Юліанъ былъ окруженъ, держали его въ постоянномъ страхѣ и не позволяли свободно развиваться его склонностямъ. Онъ долженъ былъ исполнять христіанскіе обряды, ходилъ въ церковь, читалъ священныя книги и даже былъ нѣкоторое

время въ должности церковнаго чтеца. Юліанъ имѣлъ уже около 20 лѣтъ, когда въ 350 г., по случаю назначенія Галла цесаремъ, и ему была предоставлена нѣкоторая доля свободы. Находясь въ Константинополѣ и затѣмъ въ Никомидіи, Юліанъ, вообще имѣвшій особенную склонность къ книжнымъ занятіямъ, съ особеннымъ усердіемъ слушалъ уроки риторики и философіи. Несомнѣнно, наибольшее вліяніе оказали на него лекціи ритора Либанія, краснорѣчиваго и талантливаго оратора и убѣжденнаго приверженца старой вѣры. Съ Либаніемъ императоръ соединенъ былъ самыми тѣсными узами дружбы, и самая лучшая характеристика Юліана принадлежитъ Либанію [1]). Но кореннымъ образомъ міровоззрѣніе Юліана измѣнилось подъ вліяніемъ философскихъ системъ, въ которыя онъ былъ посвященъ своими учителями. Въ Никомидіи, Пергамѣ и Ефесѣ Юліанъ ознакомленъ былъ съ неоплатоновской философіей. Здѣсь онъ слушалъ знаменитыхъ тогда философовъ и особенно подвергся вліянію Эдесія, ученика Ямвлиха, и Максима, который произвелъ глубокое вліяніе на Юліана, введя его въ теургію и волшебство, т.-е. ознакомивъ его съ наукой о тайныхъ обрядахъ *(σύμβολα, συνθήματα)*, которыми можно вызывать духовъ. Это считалось высшимъ знаніемъ и вѣнцомъ философскаго образованія. Взглядъ на душу какъ элементъ божественнаго происхожденія, который постоянно стремится освободиться отъ тѣла, какъ изъ темницы, и соединиться съ божественнымъ началомъ, особенно наглядно выраженъ въ предсмертной рѣчи Юліана, передаваемой Амм. Марцеллиномъ (XXIV, 3, 15). Возможность возвыситься до созерцанія божества посредствомъ освобожденія отъ узъ матеріи привела Юліана къ мысли, что онъ дѣйствительно получаетъ внушеніе отъ боговъ, и что всѣ его поступки освящены божественной волей. Отсюда понятно, какъ мало онъ обращалъ вниманія на реальную жизнь, и какъ его настроеніе всегда было приподнятымъ. Въ его воображеніи древняя религія рисовалась въ ея прекрасныхъ аллегоріяхъ, въ поэтическихъ образахъ, роскошныхъ праздникахъ и процессіяхъ, которыя плѣняли его умъ. Христіанство было

---

[1]) Для образца приведемъ слѣдующія слова (ер. 680, Libanii R. I. 421); σῶμα μὲν ἀνθρώπου, ψυχὴ δὲ θεοῦ... τῶν θεῶν τῷ μὲν σῖτον ἐσθίειν διέστηκεν, ἐν δὲ τῇ τῆς ἀρετῆς ἀσκήσει καὶ τῇ τῆς ψυχῆς ἐπιμελείᾳ πλησίον αὐτῶν ἐστιν. То-есть: по тѣлу онъ былъ человѣкъ, а по духу богъ... отъ боговъ только тѣмъ отличался, что вкушалъ пищу, а по упражненіямъ въ добродѣтели и по душевнымъ свойствамъ онъ къ нимъ приближался.

въ его глазахъ вѣрой невѣжественныхъ людей, религіей мертвецовъ и гробовъ. Онъ часто выражалъ ту мысль, что языческая вѣра воспитываетъ героевъ, а христіанская только рабовъ.

Становясь все увѣреннѣе въ себѣ и понимая, что никакой миръ съ Констанціемъ для него невозможенъ, Юліанъ послалъ въ сенатъ рѣзкую и обличительную рѣчь противъ него, въ которой поносилъ его и раскрывалъ его недостатки. Когда Тертуллъ, бывшій въ ту пору префектомъ города, читалъ ее въ куріи, высшая знать выразила свое благородство вѣрнымъ и благожелательнымъ отношеніемъ къ императору. Раздался общій единодушный возгласъ: „auctori tuo reverentiam rogamus", то-есть, „предлагаемъ съ уваженіемъ говорить о своемъ благодѣтелѣ" [1]).

Нельзя не обратить вниманія и на то обстоятельство, что христіанское общество и христіанскія учрежденія далеко не имѣли въ глазахъ Юліана той обаятельной силы, какъ язычество. Прежде всего христіане находились между собой въ ожесточенной борьбѣ изъ-за религіозныхъ разномыслій. Историкъ Амміанъ Марцеллинъ (XXII, 5) говоритъ, что и дикіе звѣри не проявляютъ такой ярости къ людямъ, какъ большинство христіанъ въ своихъ разномысліяхъ. Независимо отъ того, христіанская община заключала въ себѣ далеко не лучшихъ людей того времени. Когда христіанство стало господствующей религіей, многіе находили выгоднымъ принимать христіанство не по убѣжденію, а изъ интереса. Говоря о распущенныхъ нравахъ тогдашняго высшаго общества, Амм. Марцеллинъ [2]) отмѣчаетъ одну черту, которая особенно была распространена въ тогдашнее переходное время и весьма невыгодно рисовала вновь обращенныхъ. Одни изъ нихъ живились грабежомъ языческихъ храмовъ и, пользуясь каждымъ случаемъ, гдѣ можно было что-нибудь пріобрѣсти, поднялись изъ крайней бѣдности до колоссальнаго богатства. Отсюда пошло начало распущенной жизни, клятвопреступленій, равнодушіе къ общественному мнѣнію, дикое обжорство пировъ, широкое употребленіе шелка, развитіе ткацкаго искусства и особенная забота о кухнѣ.—Несомнѣнно этими чертами характеризуется тогдашнее высшее общество, и аскетически настроенный Юліанъ не могъ разобраться, что здѣсь представляло исключеніе, и что входило въ общее настроеніе.

---

[1]) Ammiani Marcellini, XXI, 10, 7.

[2]) XXXII, 4, 3.

Такимъ путемъ можно до извѣстной степени объяснить процессъ отчужденія Юліана отъ христіанства и усвоенія языческаго міровоззрѣнія. Полная языческая система Юліана могла проявиться лишь послѣ смерти Констанція. Въ одномъ письмѣ, относящемся ко времени движенія его изъ Галліи къ Константинополю, онъ говоритъ, что войско приняло языческій культъ, и что открыто и публично приносятся жертвы богамъ.

Посмотримъ, какія мѣры принялъ Юліанъ для проведенія своей системы.

Разсматривая церковную политику Юліана въ краткій періодъ его управленія имперіей, мы должны прежде всего отмѣтить, что всѣ его распоряженія по возстановленію язычества касаются Востока и не затронули западныхъ провинцій, т.-е. проникнуты эллинистической тенденціей, и что всѣ его письма, указы и эдикты, касающіеся христіанства, будучи изданы въ краткій полуторагодичный срокъ, не могли имѣть строгаго систематическаго примѣненія, вызвавъ лишь смуты и волненія и показавъ недостаточность основаній для предполагавшейся реформы. Сравнивая между собой относящіеся сюда матеріалы, мы не замѣчаемъ въ нихъ ни единства руководящихъ идей, ни строгой послѣдовательности и систематичности; напротивъ, усматриваемъ настроеніе нервнаго человѣка, подчиняющагося внушеніямъ минуты. Онъ выступаетъ сначала со всѣми признаками терпимости по отношенію къ христіанамъ: „пусть—говорилъ онъ—галилеяне вѣруютъ въ своихъ мертвецовъ, мы не будемъ силой привлекать ихъ къ культу боговъ“. Будучи самъ убѣжденнымъ язычникомъ и вѣря въ превосходство культа боговъ, онъ открыто сталъ во главѣ этого культа, объявивъ себя, однако, толерантнымъ и въ отношеніи христіанства и ожидая, что Востокъ пойдетъ за нимъ къ древней отеческой вѣрѣ. Замѣчая, что не оказывается того общаго увлеченія язычествомъ, на какое онъ надѣялся, Юліанъ пользуется всякимъ случаемъ дать понять христіанамъ, что онъ считаетъ галилейскую вѣру неправой и видитъ въ ней вредное заблужденіе, язычеству же отдаетъ предпочтеніе какъ единственно разумной и для государственнаго блага полезной религіи. Затѣмъ, какъ-будто забывши всѣ заявленія о толерантности, императоръ началъ преслѣдовать христіанство, обнаруживая крайнюю раздражительность и нетерпимость по отношенію къ борцамъ за вѣру, и въ то же время дѣлаетъ попытку дать преобладаніе языческому культу

и реорганизовать государство на языческихъ основахъ. Въ этомъ смыслѣ Юліанъ не останавливался и передъ такими фактами насилія, какія допускались лишь во времена тяжкихъ гоненій, напр., конфискація имущества въ пользу языческихъ храмовъ, преслѣдованіе вождей христіанскихъ, обѣщаніе государственной помощи подъ условіемъ принятія языческаго культа и, наконецъ, законодательное воспрещеніе христіанскимъ профессорамъ преподаванія въ школахъ (указъ 17 іюня 362 г.). Можно думать, что на томъ пути, на какой вступалъ Юліанъ въ концѣ своей жизни, христіанство и язычество неизбѣжно должны были дойти до кроваваго столкновенія, и естественная эволюція, неизбѣжно направлявшаяся къ торжеству христіанскихъ идей, могла бы встрѣтить значительныя препятствія.

Несомнѣнно то, что Юліанъ не замѣтилъ въ христіанствѣ его лучшихъ началъ и не оцѣнилъ того, что въ язычествѣ не было болѣе того живого духа, который могъ бы состязаться съ христіанствомъ. Эта мысль прекрасно выражена у одного византійскаго писателя[1]). Будто бы Юліанъ послалъ разъ своего учителя и врача Оривасія въ Дельфы возстановить храмъ Дельфійскаго Аполлона. Оривасій, приступивъ къ исполненію возложеннаго на него порученія, получилъ слѣдующій оракулъ, чрезвычайно хорошо рисующій настроеніе умовъ по отношенію къ языческой вѣрѣ: „скажите царю, что прекрасный дворецъ разрушенъ, что Аполлонъ не имѣетъ болѣе ни святилища, ни вѣщаго лавра, ни говорящаго источника, что замолкла журчащая вода“ [2]).

Оракулъ могъ бы быть истолкованъ въ томъ смыслѣ, что никакими человѣческими силами нельзя поднять уже сыгравшее свою роль язычество, что народились новыя условія для новой религіи, и что будущее принадлежитъ тому, кто пойметъ новыя условія и не будетъ пренебрегать ими. Между тѣмъ Юліанъ, укорявшій христіанъ въ приверженности къ культу гробницъ мертвыхъ, не замѣтилъ того, что не христіане, а онъ самъ стоитъ на ложномъ пути, стараясь воскресить хотя изящный, но уже потерявшій жизненность и для большинства утратившій привлекательность языческій культъ.

---

1) Cedreni, I. p. 532 Bonn.

2) Ibid. εἴπατε τῷ βασιλεῖ· χαμαὶ πέσε δαίδαλος αὐλά·
οὐκέτι Φοῖβος ἔχει καλύβαν, οὐ μάντιδα δάφνην,
οὐ παγὰν λαλέουσαν· ἀπέσβετο καὶ λάλον ὕδωρ.

Въ окружающей Юліана обстановкѣ, конечно, были достаточные элементы, вооружавшіе его противъ христіанъ. Но мы должны здѣсь подчеркнуть, что и среди христіанъ, даже между высшими представителями клира, находились такіе, которые легко мирились съ языческими воззрѣніями, и для которыхъ были безразличны какъ языческія вѣрованія въ боговъ, такъ и христіанская вѣра въ мучениковъ. Лучшимъ примѣромъ служитъ письмо Юліана, гдѣ говорится о троадскомъ епископѣ Пигасіи, перешедшемъ въ язычество и получившемъ въ языческой религіи жреческій санъ [1]). Мы приведемъ этотъ документъ, прекрасно рисующій тогдашнія настроенія.

„Съ Пигасіемъ мы едва ли бы вступили въ сношенія, если бы не знали, что и прежде, будучи епископомъ галилеянъ, онъ почиталъ боговъ. Приглашенный явиться къ блаженному царю Констанцію, я держалъ путь черезъ эти мѣста и разъ раннимъ утромъ изъ Троады пошелъ въ Трою черезъ агору. Епископъ встрѣтилъ меня и, когда я пожелалъ осмотрѣть памятники города (*καὶ βουλομένῳ τὴν πόλιν ἱστορεῖν*)—а это былъ у меня предлогъ для посѣщенія священныхъ храмовъ — предложилъ себя въ проводники и повелъ меня повсюду. Слушай же дѣла и слова, по которымъ всякій пойметъ, что онъ былъ не чуждъ почитанія боговъ. Тамъ есть святилище Гектора, гдѣ стояла мѣдная статуя въ маленькомъ храмѣ, при немъ подъ открытымъ небомъ стояло изображеніе великаго Ахилла. Ты помнишь мѣсто и знаешь, о чемъ я говорю. Замѣтивъ, что жертвенники еще хранятъ слѣды жертвоприношеній, и что статуя Гектора обильно полита благовоніями, я обращаюсь къ Пигасію съ вопросомъ: „Что это? развѣ троянцы приносятъ жертвы?“—„Что же дурного, отвѣтилъ онъ, если они почитаютъ хорошаго человѣка и своего согражданина, какъ и мы кланяемся своимъ мученикамъ“.—„Пойдемъ, сказалъ я, къ святилищу Аѳины троянской“. Онъ очень охотно повелъ меня и открылъ храмъ и, какъ бы рисуясь, съ полнымъ вниманіемъ показалъ мнѣ сохранившіяся статуи, при чемъ не позволилъ себѣ ничего такого, что обычно дѣлаютъ въ такихъ случаяхъ эти нечестивцы:

Рис. 11. Монета Иліона съ изображеніемъ статуи Гектора.

---

[1]) Juliani Imp. ep. 78 (II. 603, ed. Teubn.).

не дѣлалъ знаменія на нечестивомъ челѣ и не шепталъ про себя, какъ они. Ибо высшая степень богословствованія у нихъ заключается въ этихъ двухъ вещахъ: шипѣть противъ демоновъ и дѣлать на челѣ крестное знаменіе. Затѣмъ онъ пошелъ со мной до Ахиллія (до жертвенника Ахилла) и показалъ гробницу его, вполнѣ сохранившуюся. Былъ слухъ, что она была раскопана имъ, но онъ подходилъ къ ней съ большимъ благоговѣніемъ,—это я самъ видѣлъ. Я слышалъ отъ тѣхъ, которые нынѣ весьма къ нему враждебно настроены, что тайно онъ воздавалъ поклоненіе солнцу. Ужели ты не повѣришь моему свидѣтельству, и развѣ я назначилъ бы Пигасія жрецомъ, если бы онъ содѣлалъ что нечестивое противъ боговъ? Если могло случиться, что онъ или изъ честолюбія, или—что часто говорилъ намъ—съ цѣлью спасти жертвенники боговъ, покрывалъ ихъ рубищами и притворно принималъ на себя безбожное званіе, то несомнѣнно онъ никогда и нигдѣ не позволилъ себѣ поруганія святыни... По моему мнѣнію, не его только, но и другихъ, переходящихъ къ намъ, слѣдуетъ принимать съ честью, дабы одни охотнѣй слѣдовали нашимъ призывамъ, другіе же менѣе находили поводовъ къ злорадству"...

Открыто приверженцемъ старой языческой религіи Юліанъ выступаетъ послѣ провозглашенія его императоромъ. Находясь на пути къ Константинополю лѣтомъ 361 г., онъ писалъ, между прочимъ, своему другу философу Максиму: „Мы служимъ богамъ открыто, сопутствующее мнѣ войско предано ихъ культу [1]). Мы публично приносимъ въ жертву быковъ и многими гекатомбами воздаемъ богамъ благодарность". Любопытно небольшое замѣчаніе въ концѣ того же письма къ характеристикѣ Юліана: „Боги повелѣваютъ мнѣ во всемъ наблюдать по возможности святость, и я охотно повинуюсь имъ". Личная чистота и до аскетизма доходящая воздержность и нравственная дисциплина—это было всегдашнимъ правиломъ Юліана, отъ котораго онъ не отступалъ. Онъ не только титуловался pontifex maximus, но и старался на самомъ дѣлѣ стать во главѣ культа. Ежедневно утромъ и вечеромъ онъ совершалъ жертвы солнцу и, чтобы никогда не лишать себя этого, приказалъ устроить жертвенникъ въ самомъ дворцѣ (рис. 12). Гдѣ бы онъ ни находился, прежде всего

---

[1]) Juliani ep. 38.

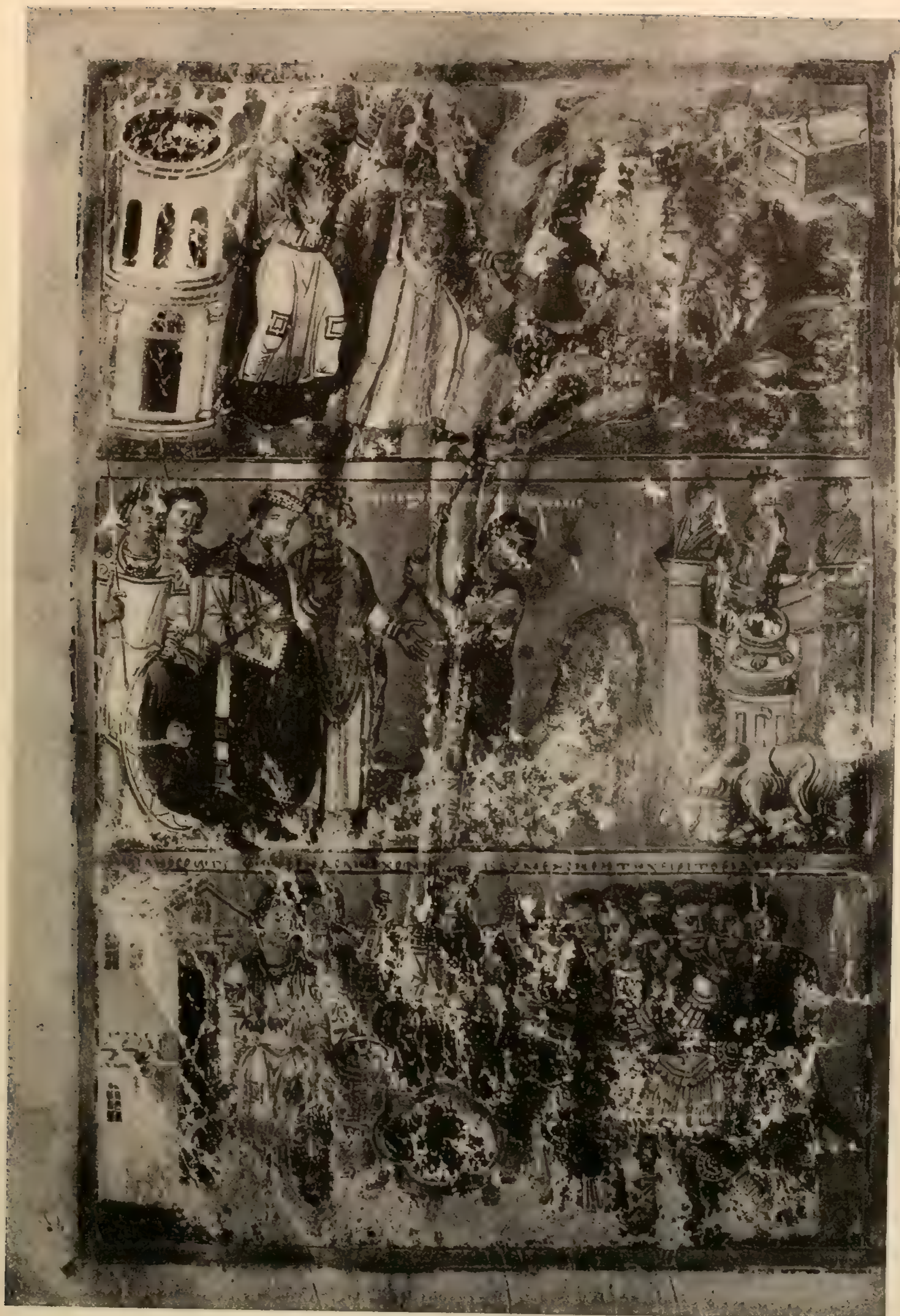

Рис. 12. Эпизоды изъ жизни императора Юліана, миніатюры парижской рукописи Бесѣды Григорія Богослова (cod. Paris gr. 510, fol. 374 v.).

наблюдалъ праздничные дни языческаго календаря и былъ крайне недоволенъ, если при храмахъ не находилъ торжественной службы и богатыхъ жертвоприношеній. Любилъ самъ носить дрова къ жертвеннику, подводить жертвенное животное къ алтарю, изучать внутренности и по нимъ узнавать волю боговъ. И все это не было формой, а глубокимъ убѣжденіемъ, которое, впрочемъ, находили слишкомъ неумѣстнымъ даже близкіе къ нему люди [1]).

По мысли Юліана имперія должна была быть раздѣлена въ церковномъ отношеніи на болѣе или менѣе обширныя области, подчиненныя верховнымъ жрецамъ или архіереямъ. Сохранилось нѣсколько законоположеній этого рода и писемъ императора, которыя характеризуютъ его церковную политику.

Входя во всѣ подробности культа, какъ подлинный pontifex maximus, Юліанъ такъ рисуетъ идеальнаго жреца: онъ долженъ беречься не только постыдныхъ дѣлъ, но и остерегаться непристойныхъ словъ. Жрецу Юліанъ запрещаетъ читать Архилоха, Иппократа и избѣгать древнихъ комиковъ. Вмѣсто того ему слѣдуетъ изучать гимны боговъ, заниматься благотворительными дѣлами, чѣмъ такъ искусно пользуются нечестивые галилеи, агапами привлекая въ свою секту неопытныхъ. Въ особенности широко нарисована его религіозная политика въ письмѣ къ верховному жрецу Галатіи, по имени Арсакію, составленномъ въ 362—3 г. [2]).

„Эллинизмъ еще не дѣлаетъ тѣхъ успѣховъ, какихъ мы желали, изъ-за небрежности нашей. Боги посылаютъ намъ прекрасныя блага выше нашихъ желаній и надеждъ. Ибо кто прежде могъ мечтать о такой громадной перемѣнѣ? Зачѣмъ же мы остановились на мысли, что этого достаточно, и не подумаемъ о томъ, какія средства способствовали успѣху нечестивой вѣры (τὴν ἀθεότητα): благотворительность къ чужестранцамъ, попеченіе о гробахъ мертвецовъ и притворная чистота жизни. Каждую изъ этихъ добродѣтелей намъ слѣдуетъ осуществлять съ особымъ вниманіемъ; и не тебѣ только одному слѣдуетъ быть таковымъ, но и всѣмъ жрецамъ Галатіи. Стыдомъ или убѣжденіемъ побуждай ихъ къ добродѣтели, иначе лишай ихъ священныхъ должностей, если они съ женами и дѣтьми и служителями не служатъ примѣромъ богопочтенія, и если не

---

1) Superstitiosus magis quam sacrorum legitimus observator (Amm. Marc. XXV, 4, 17).

2) Epist. 49.

удерживаютъ своихъ служителей, дѣтей и женъ отъ нечестія по отношенію къ богамъ и предпочтенія галилейской вѣры эллинству. Наблюдай, чтобы жрецы не посѣщали театра, не ходили въ питейные дома и не участвовали въ какомъ предпріятіи или занятіи низкомъ и постыдномъ. Кто будетъ исполнять требованія, поощряй; ослушниковъ же гони съ мѣстъ.

„Въ каждомъ городѣ устрой достаточное число страннопріимныхъ домовъ, чтобы чужеземцы воспользовались нашимъ гостепріимствомъ, и не только тѣ, которые принадлежатъ къ нашей вѣрѣ, но всѣ, кто нуждается въ помощи. Мной приняты мѣры относительно средствъ къ содержанію. Ежегодно на всю Галатію будетъ отпускаться 30000 модіевъ жита и 60000 ксестовъ вина; пятая доля изъ этого назначается для бѣдныхъ и для служащихъ при жрецахъ, остальное въ пользу иностранцевъ и нуждающихся. Ибо стыдно подумать, что между іудеями нѣтъ нуждающихся, и что нечестивые галилеи содержатъ и своихъ, и нашихъ, а наши оказываются лишенными помощи отъ своихъ. Внушай приверженцамъ эллинизма вносить свою долю на эту общественную потребность и пріучай эллинскія поселенія приносить въ пользу боговъ начатки плодовъ и старайся, чтобы всѣ эллинствующіе учились благотворительности, объясняя имъ, что къ этому издавна направлены мои заботы. Не ходи часто въ домъ правителей области, чаще сносись съ ними письменно. При посѣщеніи ими города никто изъ жрецовъ не выходитъ навстрѣчу, но когда они входятъ во храмъ, встрѣча бываетъ въ притворѣ. Ни одинъ воинъ не можетъ войти съ ними внутрь храма. Какъ скоро кто вошелъ въ священную ограду, становится частнымъ лицомъ. Ты одинъ имѣешь власть въ храмѣ,—таковъ божественный законъ. Я готовъ помочь жителямъ Пессинунта, если они умилостивятъ матерь боговъ. Не оказывая ей почтенія, они не только заслуживаютъ порицанія, но и нашего нерасположенія. Итакъ, сообщи имъ, что если они желаютъ отъ меня милости, то должны всенародно поклониться матери боговъ".

Таково же еще письмо архіерею Өеодору [1]), назначенному главнымъ жрецомъ въ Азіи.

„Я хочу поручить тебѣ дѣло и мнѣ дорогое, и для всѣхъ весьма

---

[1]) Epist. 63.

важное, именно—главное начальство по всѣмъ религіознымъ учрежденіямъ въ Азіи, епископскую власть надъ жрецами въ каждомъ городѣ и право суда надъ ними. Первое качество, какое требуется въ этомъ положеніи, это — мягкость, доброта и человѣколюбіе по отношенію къ достойнымъ"... Въ этомъ письмѣ важно мѣсто, гдѣ говорится о противоположности язычества и христіанства. „Замѣчая, что божественные законы со временемъ пришли въ пренебреженіе и въ уничтоженіе вслѣдствіе возобладанія богатства и роскоши, я пришелъ къ убѣжденію, что слѣдуетъ озаботиться возстановленіемъ ихъ съ самаго основанія. Видя господствующую у насъ холодность по отношенію къ религіи, я глубоко страдалъ при размышленіи объ этомъ. Въ то время какъ приверженцы ложныхъ ученій оказываются такъ ревностными, что готовы пожертвовать за свою вѣру жизнью, выносить всякую нужду и голодъ, лишь бы не вкусить отъ свинины или отъ удавленины, мы же оказываемъ такую холодность къ богамъ, что совсѣмъ забыли отеческіе законы"...

Юліанъ вскорѣ замѣтилъ, что возвращеніе къ паганизму идетъ не такъ быстро, какъ онъ разсчитывалъ, и какъ увѣряли его друзья. Даже въ глухихъ мѣстахъ, напр. въ Каппадокіи, гдѣ язычество казалось всего менѣе затронуто было новыми идеями, Юліанъ нашелъ много христіанъ. „Умоляю Зевсомъ", пишетъ онъ къ философу Аристоксену [1]), „приходи къ намъ въ Тіану и укажи намъ въ Каппадокіи настоящаго эллина (т.-е. язычника). Доселѣ я вижу только несогласныхъ приносить жертвы богамъ и немногихъ желающихъ, но которые не умѣютъ взяться за дѣло".—То же малое одушевленіе по поводу открытія языческихъ храмовъ встрѣтилъ онъ въ большихъ городахъ, напримѣръ: въ Антіохіи и Александріи. До нѣкоторой степени онъ могъ еще питать надежду на то, что обширная организація благотворительности по образцу христіанскихъ общинъ и государственная помощь, оказываемая преимущественно передъ христіанами язычникамъ, помогутъ торжеству его плана, но вскорѣ онъ долженъ былъ убѣдиться, что на сторонѣ христіанъ болѣе твердости, самопожертвованія, готовности переносить всяческія лишенія, а на сторонѣ приверженцевъ языческаго культа—холодность, равнодушіе и недостатокъ одушевленія.

---

1) Epist. 4.

Трагизмъ въ дѣятельности Юліана и начинается съ той поры, когда онъ понялъ, что ему придется встрѣтить на пути къ осуществленію своей задачи непредвидѣнныя препятствія. Сознаніе этихъ трудностей раздражало его и лишало равновѣсія, онъ забывалъ тогда основное правило своей религіозной политики: не насиловать убѣжденія и не идти противъ справедливости, и позволялъ себѣ такія мѣры, которыя характеризуютъ религіозный фанатизмъ и крайнюю нетерпимость къ тѣмъ, кто держится иныхъ убѣжденій. Предполагая—и не безъ основанія,—что въ христіанскомъ клирѣ находится главное препятствіе для торжества его задушевной идеи, Юліанъ не щадилъ средствъ, чтобы унизить наиболѣе популярныхъ епископовъ (Аѳанасій, Титъ изъ Бостры), объясняя ихъ твердость лишь низменными эгоистическими побужденіями.

Наиболѣе яркимъ выраженіемъ его раздраженія служитъ письмо къ жителямъ Бостры [1]) отъ 1 августа 362 г., гдѣ повелѣвается изгнать ихъ епископа.

„Мнѣ бы казалось, что представители галилейской религіи должны питать ко мнѣ больше благодарности, чѣмъ къ моему предшественнику. Ибо при немъ многіе изъ нихъ подвергались изгнанію, преслѣдованію и темничному заключенію и даже множество такъ называемыхъ еретиковъ было погублено, именно въ Самосатѣ, Кизикѣ, Пафлагоніи, Виѳиніи и Галатіи и во многихъ другихъ областяхъ до основанія разрушены цѣлыя деревни. Въ мое же царствованіе напротивъ: изгнанные возвращены изъ ссылки, лишенные имущества получили все свое назадъ по нашему закону. И, тѣмъ не менѣе, они доходятъ до такого бѣшенства и безумія, что въ раздраженіи пользуются всевозможными средствами, чтобы производить смуту въ народѣ, противясь богамъ и не повинуясь нашимъ человѣколюбивымъ законамъ. Мы не позволяемъ никого изъ нихъ противъ воли приводить къ жертвенникамъ и провозглашаемъ громко, что кто желаетъ участвовать съ нами въ омовеніяхъ и жертвахъ, долженъ сперва принести очистительную и умилостивительную жертву богамъ. Народъ, обольщаемый клириками, волнуется. Ибо тѣ, которые господствовали доселѣ, ... упорно отстаиваютъ прежнія права: право суда, писанія завѣщаній, присвоенія чужихъ наслѣдствъ и

---

[1]) Epist. 52.

для удержанія за собой всего они пользуются всѣми мѣрами, чтобы волновать народъ и доводить его до возмущенія. Посему мы постановили объявить всѣмъ димамъ посредствомъ настоящаго приказа, чтобы они не дѣлали смутъ по внушенію клириковъ и не оказывали неповиновенія властямъ. Мы позволяемъ имъ дѣлать собранія и совершать обычныя молитвы.

„Настоящій указъ мы посылаемъ спеціально городу Бострѣ, такъ какъ епископъ Титъ и клирики въ своемъ докладѣ возводятъ обвиненія на народъ въ неповиновеніи клиру и въ возмущеніи. Вотъ относящееся сюда мѣсто въ докладѣ: „Хотя христіанъ было столько же, какъ и эллинствующихъ, но, подчиняясь нашимъ увѣщаніямъ, никто не нарушилъ порядка“. Таковы слова о васъ вашего епископа. Смотрите, не вашему доброму расположенію онъ приписываетъ вашу порядочность, но какъ бы противъ воли, говоритъ онъ, вы сдержаны были его увѣщаніями. Гоните же его изъ города, какъ вашего обвинителя, и будьте между собой въ единеніи. Ни тѣ, которые находятся въ заблужденіи, да не нападаютъ на дома и не грабятъ тѣхъ, кто правильно и благочестиво служитъ богамъ по исконнымъ обычаямъ, ни истинные почитатели боговъ да не вредятъ тѣмъ, которые находятся въ заблужденіи скорѣй по невѣдѣнію, чѣмъ сознательно. Нужно убѣждать людей словомъ и поученіемъ, а не бичами и не обидами и не тѣлесными наказаніями. И снова, и снова я рекомендую приверженцамъ истиннаго богопочитанія не наносить никакой обиды народу галилеевъ и не позволять себѣ по отношенію къ нимъ ни насилій, ни оскорбленій. Слѣдуетъ болѣе жалѣть, чѣмъ ненавидѣть людей, ошибающихся въ дѣлахъ величайшей важности. Величайшее изъ благъ—это, конечно, богопочтеніе, и, напротивъ, нечестіе есть величайшее изъ золъ. Достаточному они себя подвергаютъ наказанію уже тѣмъ, что, отвращаясь отъ боговъ, ищутъ помощи у труповъ мертвецовъ“.

Выраженныя здѣсь разсужденія о томъ, что не слѣдуетъ наносить ни обиды, ни оскорбленій народу изъ-за приверженности его къ галилейской сектѣ, и что слѣдуетъ убѣждать людей, а не побуждать тѣлесными наказаніями, стоятъ въ совершенномъ противорѣчіи съ тѣмъ, что сказано Юліаномъ выше относительно епископа Тита: гоните его изъ города, какъ вашего обвинителя. Точно въ такой же степени жестоки распоряженія Юліана относительно Аѳа-

насія александрійскаго, самое имя котораго императоръ не можетъ хладнокровно произнести. Въ 362 г. [1]) Юліанъ писалъ губернатору Египта: „Ты еще могъ бы не извѣщать меня о другихъ вещахъ, но никакъ уже не умолчать объ извѣстномъ противникѣ боговъ Аѳанасіи, такъ какъ тебѣ давно уже извѣстны наши объ этомъ рѣшенія. Клянусь Сераписомъ, если до декабря этотъ безбожникъ не будетъ высланъ изъ Александріи или даже совсѣмъ изъ Египта, то я наложу на твое вѣдомство штрафъ въ 100 литръ золота. Ничѣмъ не можешь доставить мнѣ больше удовольствія, какъ изгнавъ изъ египетскихъ предѣловъ Аѳанасія, этого скверавца, который въ мое время смѣетъ совершать крещеніе надъ знатными женщинами"!

По тому же поводу отправленъ въ Александрію слѣдующій указъ [2]): „Мы разрѣшили галилеянамъ, подвергшимся изгнанію при блаженномъ Констанціи, не возвращеніе въ церкви ихъ, а лишь доступъ въ отечественный городъ. Между тѣмъ, мнѣ стало извѣстно, что дерзкій Аѳанасій со свойственной ему наглостью завладѣлъ вновь епископскимъ трономъ къ большому неудовольствію благочестиваго александрійскаго народа. Вслѣдствіе чего приказываемъ ему оставить городъ въ тотъ же день, какъ будетъ полученъ настоящій указъ. Если же онъ останется въ городѣ, то его постигнетъ жесточайшее наказаніе". Въ этихъ послѣднихъ распоряженіяхъ чувствами Юліана, конечно, управляла уже страсть, въ данномъ случаѣ онъ былъ далекъ отъ справедливости и становился злымъ и жестокимъ. Когда христіане жаловались на несправедливый судъ и конфискаціи имущества, онъ отвѣчалъ: „Въ вашемъ законѣ говорится: кто захочетъ взять у тебя рубашку, отдай ему верхнюю одежду; безъ имущества вамъ легче идти въ царство небесное". Христіане жаловались на устраненіе ихъ отъ начальственныхъ должностей, а императоръ съ насмѣшкой говорилъ: „Законъ запрещаетъ вамъ употребленіе меча, вамъ слѣдуетъ сносить несправедливости, чтобы угодить богу"! Изъ презрѣнія къ христіанамъ онъ оказывалъ покровительство евреямъ. Какъ общая мѣра противъ христіанъ, возбудившая упрекъ Юліану даже среди его почитателей и глубоко затронувшая интересы христіанъ, долженъ быть признанъ эдиктъ, коимъ воспрещалось христіанскимъ профессорамъ препода-

[1]) Ep. 6.

[2]) Ep. 26.

ваніе въ школахъ. Амміанъ Марцеллинъ (XXII, 10, 7.) говоритъ объ этомъ: „Жестокой мѣрой и достойной вѣчнаго забвенія было то, что онъ запретилъ учительскую дѣятельность риторамъ и грамматикамъ христіанскаго исповѣданія“ (еще XXV, 4, 19—20).

Вотъ какъ резонерствуетъ Юліанъ по отношенію къ мотивамъ этого распоряженія [1]. „Правильное преподаваніе заключается не въ складной рѣчи и красивыхъ словахъ, а въ томъ, чтобы учитель обладалъ здравымъ расположеніемъ мыслей и имѣлъ вѣрныя понятія о добрѣ и злѣ, о благородныхъ и постыдныхъ вещахъ. Кто одно думаетъ, а другое внушаетъ своимъ слушателямъ, тотъ столько же погрѣшаетъ противъ педагогики, какъ и противъ честности. И если по отношенію къ незначительнымъ предметамъ выражается противорѣчіе мысли и слова, это еще терпимое зло; но кто въ важныхъ предметахъ одно мыслитъ, а противоположное тому внушаетъ на урокахъ, не поступаетъ ли онъ какъ плутоватый торговецъ и обманщикъ, который учитъ тому, что считаетъ дурнымъ, и привлекаетъ къ себѣ учениковъ ложнымъ восхваленіемъ того, что самъ признаетъ нехорошимъ. Итакъ, требуется, чтобы всѣ, кто берется за преподаваніе какого-либо предмета, отличались скромнымъ поведеніемъ и душевнымъ направленіемъ, согласнымъ съ общественнымъ строемъ. И преимущественно передъ всѣми, по моему мнѣнію, таковы должны быть тѣ, которые приставлены для преподаванія наукъ молодежи, и которые объясняютъ древнихъ авторовъ: риторовъ, грамматиковъ и софистовъ. Ибо они имѣютъ претензію обучать не краснорѣчію только, но и нравственности и даже тому, что они называютъ наукой о политикѣ (*τήν πολιτικὴν φιλοσοφίαν*). Воздавая имъ похвалу за такія прекрасныя занятія, я бы еще съ большимъ чувствомъ уваженія отнесся къ нимъ, если бы они не оказались мыслящими совершенно иначе, чѣмъ преподаютъ на своихъ урокахъ. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ по воззрѣніямъ Гомера, Гесіода, Демосѳена, Геродота, Ѳукидида, Исократа и Лисія боги не являются творцами всякаго знанія? Развѣ они не считали себя жрецами одни Гермеса, другіе Музъ?—Я находилъ бы нелѣпымъ, чтобы тѣ, которые объясняютъ указанныхъ писателей, позволяли себѣ отвергать чтимыхъ ими боговъ. Я не требую, чтобы они перемѣнили свои воззрѣнія передъ

[1] Epist. 42.

слушателями, но предоставляю на ихъ свободный выборъ: или не преподавать то, что не считаютъ серьезнымъ, или, если желаютъ продолжать преподаваніе, должны прежде всего собственнымъ примѣромъ убѣдить слушателей, что Гомеръ, Гесіодъ и другіе, которыхъ они толкуютъ и которыхъ обвиняютъ въ нечестіи и заблужденіи по отношенію къ богамъ, на самомъ дѣлѣ, не таковы. Если они держатся и получаютъ выгоду отъ тѣхъ сочиненій, которыя принадлежатъ тѣмъ писателямъ, то ясно, что этимъ показываютъ себя такими жадными до прибыли, что готовы на все изъ-за нѣсколькихъ драхмъ. До сихъ поръ были многія уважительныя причины не посѣщать храмовъ боговъ, и страхъ, висящій надъ всѣми головами, оправдывалъ скрытность по отношенію къ истиннымъ мыслямъ о богахъ. Поелику же боги предоставили намъ свободу, то мнѣ кажется недостойнымъ учить людей тому, что не считается здравымъ. Но если преподаватели почитаютъ мудрыми тѣхъ писателей, которыхъ они объясняютъ, пусть попытаются подражать ихъ чувствамъ къ богамъ. Если же держатся того мнѣнія, что высокочтимые боги ложны, пусть идутъ въ церкви галилеевъ объяснять Матѳея и Луку. Таковъ законъ для начальниковъ и учителей. Всякій юноша, желающій учиться, не будетъ встрѣчать препятствія. Ибо не считается разумнымъ отвлекать отъ лучшаго пути юношей, еще не сознающихъ хорошо, по какой дорогѣ идти, и вести ихъ противъ воли изъ-за страха на путь, которымъ шли отцы. Хотя было бы справедливо ихъ лѣчить противъ ихъ воли, какъ поступаютъ съ сумасшедшими, но мы даемъ снисхожденіе всѣмъ, находящимся въ этой болѣзни. Ибо, по моему мнѣнію, лишенныхъ разума слѣдуетъ учить, а не подвергать наказаніямъ“ [1]).

Юліанъ весьма внимательно отнесся къ вопросу о профессорахъ въ учебныхъ заведеніяхъ и выразилъ отношеніе къ нему серьезнымъ законодательнымъ актомъ [2]). Поднятый здѣсь вопросъ о направленіи преподавательскаго класса имѣетъ и для насъ почти современное значеніе, поэтому мы позволили себѣ сдѣлать такія большія вы-

---

[1]) καὶ γὰρ οἶμαι διδάσκειν, ἀλλ᾽ οὐχὶ κολάζειν χρὴ τοὺς ἀνοήτους.

[2]) Cod. Theod. XIII, 3, 5. Magistros studiorum doctoresque excellere oportet moribus primum, deinde facundia: sed quia singulis civitatibus adesse ipse non possum, jubeo quisque docere vult non repente nec temere prosiliat ad hoc munus, sed judicio ordinis probatus decretum curialium mereatur, optimorum conspirante consensu: hoc enim decretum ad me tractandum refertur ut altiore quodam honore nostro judicio studiis civitatum accedat.

писки изъ писемъ Юліана. Закономъ, на который выше сдѣлана ссылка, онъ установилъ слѣдующее: „Магистры и доктора наукъ должны отличаться прежде всего нравами и затѣмъ краснорѣчіемъ, но какъ мы не можемъ лично быть въ каждомъ городѣ, то приказываемъ, чтобы желающій быть профессоромъ пріобрѣталъ это званіе не сразу и не самовольно, а по одобренію и постановленію и декрету куріи, каковой декретъ долженъ быть препровожденъ затѣмъ къ намъ, дабы кандидатъ допускаемъ былъ къ преподавательской дѣятельности въ городахъ по нашему распоряженію".

Широко начитанный въ книгахъ Священнаго Писанія, онъ пользовался своими знаніями весьма искусно въ литературной борьбѣ. Въ недошедшемъ до насъ сочиненіи *κατὰ χριστιανῶν* („Противъ христіанъ") онъ даетъ злую сатиру на нѣкоторыя мѣста Ветхаго и Новаго Завѣта [1]).

Юліанъ сравниваетъ библейское ученіе о мірѣ съ языческимъ, сопоставляетъ Моисея съ Платономъ и, между прочимъ, такъ иронизируетъ надъ разсказомъ о твореніи міра. Богъ сказалъ: „Не добро быть человѣку одному, сотворимъ ему помощницу". И, между тѣмъ, эта помощница не только ни въ чемъ ему не помогаетъ, но даже обманываетъ и становится причиной лишенія для прародителей райской жизни. Вѣроятно ли, чтобы Богъ не зналъ, что то существо, которое дано человѣку въ помощь, сдѣлается для него источникомъ бѣдствій, а не радостей? — А на какомъ языкѣ змѣй говорилъ съ Евой, и чѣмъ эта басня отличается отъ греческихъ миѳовъ? — А запретъ дѣлать различеніе между добромъ и зломъ — развѣ не верхъ нелѣпости? Богъ якобы запретилъ человѣку самое высшее, что составляетъ сущность и главное качество человѣка, пользованіе разумомъ. Развѣ не существенное свойство разума различать зло отъ добра"?

Не менѣе ядовито издѣвается Юліанъ надъ разсказомъ о строеніи башни и о смѣшеніи языковъ [2]). „Почему—говоритъ онъ—этому разсказу можно больше придавать вѣры, чѣмъ гомеровскому повѣствованію о великанахъ Алоадахъ (Отѣ и Ефіалтѣ), взгромоздившихъ три горы одну на другую, чтобы достигнуть неба"? Переходя къ раз-

1) Migne, „Patrol. gr.", 76, col. 510. На него дѣлалъ возраженіе Кириллъ александрійскій: πρὸς τὰ τοῦ ἐν ἀθέοις Ἰουλιανοῦ.

2) Ibid., col. 708.

дорамъ въ христіанской средѣ и къ нетерпимости христіанъ къ еретикамъ, Юліанъ посылаетъ христіанамъ слѣдующій упрекъ: „Вы разрушаете храмы и алтари, вы душите не только тѣхъ, которые остаются вѣрны культу ихъ отцовъ, но и тѣхъ изъ вашей среды, которые, какъ вы говорите, заражены ересью, и которые не такъ, какъ вы, обожаютъ того мертвеца. Но ни Іисусъ, ни Павелъ вамъ не оставили на этотъ счетъ указаній, и это потому, что они не думали, что вы завладѣете такимъ могуществомъ. Они довольствовались тѣмъ, что совращали служанокъ и рабынь, а черезъ нихъ женщинъ и мужчинъ, подобныхъ Корнилію и Сергію (Дѣян. X, 13).—Покажите мнѣ, что въ царствованіе Тиберія или Клавдія къ ихъ вѣрѣ обратился хоть одинъ порядочный человѣкъ, и тогда считайте меня пошлымъ лгунишкой".

Съ большимъ жаромъ Юліанъ вооружается противъ почитанія мучениковъ. „Вы—говоритъ онъ христіанамъ—все наполнили могилами, хотя нигдѣ нѣтъ прямого повелѣнія воздавать поклоненіе гробамъ. Вы дошли до такого развращенія, что не хотите обращать вниманіе на прямыя слова Назарея: горе вамъ, книжники и лицемѣрные фарисеи, вы походите на выкрашенные гробы; снаружи гробница красива, а внутри наполнена костями мертвецовъ и всяческой нечистотой. Если Іисусъ говоритъ, что гробы полны грязи, какъ можно призывать на нихъ Бога"?

Что наиболѣе казалось Юліану въ христіанствѣ противнымъ—это его мнимая враждебность культурѣ и идеаламъ современнаго языческаго общества. Христіанская община на первыхъ порахъ пополнялась, главнымъ образомъ, изъ низшихъ классовъ общества, отсюда вытекало обычное заключеніе, что христіанство несовмѣстимо съ чувствами и настроеніями высшихъ образованныхъ классовъ. Въ кругу Юліана смѣялись надъ христіанами и съ презрѣніемъ говорили: „Намъ язычникамъ принадлежитъ наука, а вамъ невѣжество и варварство". Этой мысли удѣляетъ Юліанъ нѣсколько мѣстъ въ своемъ сочиненіи „Противъ христіанъ". „Вы,—говоритъ,—конечно, понимаете разницу между вашимъ и нашимъ образованіемъ. Въ вашей школѣ вы никогда не сдѣлаете человѣка ни мужественнымъ, ни добродѣтельнымъ, между тѣмъ, при нашей системѣ всякій становится лучшимъ. Посмотрите на вашихъ дѣтей, которыя воспитываются на чтеніи вашихъ священныхъ книгъ. Если въ зрѣломъ возрастѣ они не будутъ рабами, сочтите меня лгуномъ и маніакомъ".

За полгода до своей смерти, находясь въ Антіохіи (рис. 13), гдѣ дѣлались приготовленія къ персидскому походу, Юліанъ составилъ (въ февралѣ 363 г.) знаменитый свой памфлетъ *Μισοπώγων* („Ненавистникъ бороды"). Въ этой сатирѣ на нравы антіохійцевъ, съ которыми вообще императоръ нерѣдко ссорился во время своего пребыванія въ Антіохіи, онъ часто возвращается къ своей внѣшности и къ своей частной жизни. Сочиненіе *Μισοπώγων* представляетъ весьма важный

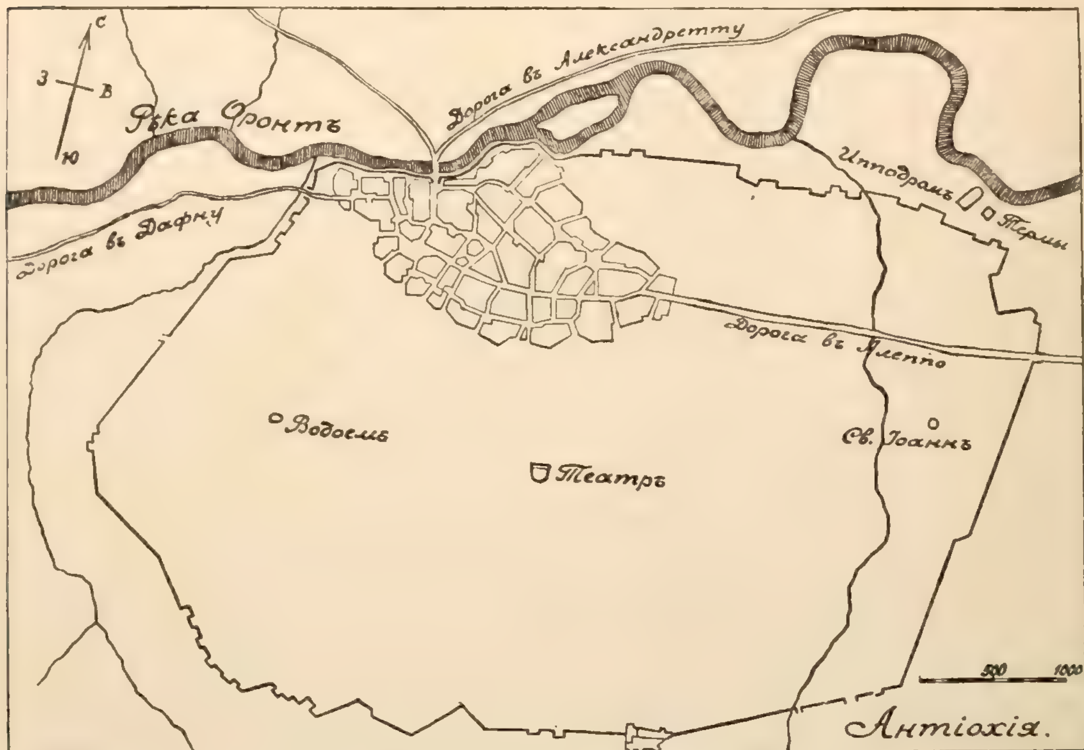

Рис. 13. Планъ Антіохіи.

памятникъ для характеристики Юліана, между прочимъ, и потому, что здѣсь императоръ отвѣчалъ на сплетни и анекдоты, распространявшіеся на его счетъ въ антіохійскомъ обществѣ и переходившіе даже въ мелкіе листки, тайно распространяемые. Поэтому названное сочиненіе заслуживаетъ того, чтобы привести изъ него нѣсколько отрывковъ.

„И хотѣлъ бы я похвалить себя, да не могу, порицать же есть безчисленные поводы, хоть бы начать съ лица. Природа не дала мнѣ ни большой красоты, ни величественности, ни привлекательности, и я по своей нелюдимости прибавилъ еще эту большую бороду какъ бы

на зло природѣ, что она не дала мнѣ красоты. И вотъ въ ней разводится вошь, что въ лѣсу звѣри, и я испытываю то неудобство, что не могу свободно ни ѣсть, ни пить изъ опасенія захватить волосы вмѣстѣ съ пищей. На счетъ поцѣлуевъ ужъ я не жалѣю, хотя и въ этомъ случаѣ борода служитъ большой помѣхой, такъ какъ препятствуетъ плотно прижать губы къ губамъ. По вашимъ словамъ изъ моей бороды можно вить веревки: я готовъ предоставить ее въ ваше распоряженіе, если только можете ее вырвать, и если только вашимъ нѣжнымъ рукамъ не будетъ больно. Но у меня не только длинная борода, я мало ухаживаю и за головой, рѣдко стригусь и обрѣзываю ногти, и руки мои часто запачканы чернилами, а если васъ интересуетъ знать и дальше, то грудь моя покрыта густыми волосами. Будучи таковымъ по внѣшности, я не привлекателенъ и въ образѣ жизни: по моей грубости не хожу въ театръ, а по моей необразованности не допускаю во дворцѣ представленій, кромѣ новогоднихъ, да и то какъ бы внося подать немилостивому господину, ибо и находясь въ театрѣ я имѣю видъ исполняющаго долгъ. Скажу и еще болѣе странную вещь. Я не люблю цирковыхъ представленій, какъ должникъ судебнаго разбирательства, и рѣдко посѣщаю ихъ, только въ праздничные дни. Въ моей частной жизни я провожу безсонныя ночи на подстилкѣ изъ соломы и довольствуюсь скромной пищей, едва утоляющей голодъ. Съ дѣтскихъ лѣтъ я веду войну съ моимъ желудкомъ и не позволяю ему наполняться пищей. Вслѣдствіе этого со мной рѣдко случалась рвота. Помню одинъ случай со времени назначенія моего цезаремъ [1]). — Кельтская деревенщина легко мирилась съ моими нравами. Но такой цвѣтущій, счастливый и населенный городъ, какъ Антіохія, имѣетъ всѣ основанія гнѣваться на меня, ибо въ немъ много танцовщиковъ и флейтщиковъ, а актеровъ (μῖμοι) больше, чѣмъ гражданъ, и у всѣхъ отсутствіе всякаго уваженія къ власти. Стыдиться свойственно людямъ малодушнымъ, а такимъ храбрымъ, какъ вы, позволительно веселиться съ утра, ночью искать наслажденій и самымъ дѣломъ показывать презрѣніе къ законамъ. Въ самомъ дѣлѣ, законъ страшенъ черезъ исполнителей, такъ что кто оскорбляетъ власть, тотъ попутно нарушаетъ и законы. И вы

[1]) Слѣдуетъ разсказъ о томъ, какъ Юліанъ разъ угорѣлъ въ Лютеціи, p. 438—439 Teubn.

стараетесь вездѣ показать, какъ вамъ мало дѣла до закона, въ особенности, на площадяхъ и въ театрахъ...

„Попытаюсь сдѣлать нападеніе съ другой стороны. Ты любишь, говорите, посѣщать храмы, нелюдимый, грубый и злой человѣкъ! За тобой стремится въ священную ограду народъ и магистраты, тебя встрѣчаютъ съ шумомъ рукоплесканій, какъ въ театрѣ. Но тебѣ не угодишь и этимъ, ты обращаешься къ народу съ рѣчью и начинаешь порицать его, что онъ для молитвы не ходитъ въ храмы, а ходитъ лишь по случаю твоего прибытія и производитъ безпорядокъ въ священномъ мѣстѣ... А можно ли хладнокровно выносить то, что ты проводишь свои ночи въ одиночествѣ и не допускаешь ничего, что бы смягчило твой дикій нравъ? Худшее же то, что такая жизнь составляетъ твое удовольствіе, и что тебя забавляютъ общія проклятія. Тебѣ бы слѣдовало быть благодарнымъ къ тѣмъ, которые даютъ тебѣ хорошій совѣтъ въ летучихъ листкахъ (*ἐν τοῖς ἀναπάστοις*): брить бороду и дѣлать все пріятное для народа, любящаго повеселиться, давать ему зрѣлища, мимовъ, плясуновъ, безстыдныхъ женщинъ, мальчиковъ по красотѣ женоподобныхъ, мужчинъ, у которыхъ выбриты не только щеки, но и все тѣло, задавать праздники, но ради бога не религіозные, ихъ такъ довольно, что хоть отбавляй...

„Прекрасно, мудрые граждане, вы забавляетесь серьезными вещами и поощряете въ этомъ другихъ. Ибо ясно, что однимъ издѣвательство доставляетъ удовольствіе, другимъ пріятно слушать. Поздравляю васъ по случаю такого согласія, въ этомъ вы составляете единое общество, ибо считаете неприличнымъ и неудобнымъ принимать серьезныя мѣры противъ безпутства вашихъ юношей. По вашему мнѣнію, отнять у людей свободу говорить и дѣлать, что имъ вздумается, значило бы посягать на самое существо свободы. Имѣя твердое убѣжденіе въ необходимости абсолютной свободы, вы прежде всего предоставили необузданную вольность вашимъ женамъ, чтобы онѣ были вамъ болѣе доступны, а затѣмъ вы имъ отдали воспитаніе вашихъ дѣтей изъ боязни, чтобы мы не наложили на нихъ очень суровую дисциплину и не обратили ихъ въ рабовъ, и не научили уважать старшихъ и почитать начальниковъ. Что же дѣлаютъ ваши жены? Онѣ привлекаютъ дѣтей къ своей вѣрѣ, полагая въ этомъ высшее счастье. Вотъ въ чемъ, мнѣ кажется, состоитъ ваше счастье: въ отрицаніи подчиненія богамъ, закону и намъ, какъ блюстителямъ

законовъ. Но съ нашей стороны было бы нелѣпостью гнѣваться на вашъ, такъ себя освободившій городъ, если сами боги не обращаютъ на него вниманія. Да будетъ вамъ извѣстно, что и боги участвуютъ съ нами въ поруганіи со стороны города.

„Вы говорите, что ни X, ни K не сдѣлали городу никакой неправды. Хотя вашъ ребусъ трудно разгадать, но нѣкоторые изъ горожанъ раскрыли мнѣ его смыслъ: одна буква означаетъ Христа, другая Констанція. Позвольте сказать вамъ откровенно, что Констанцій уже тѣмъ нанесъ вамъ обиду, что не убилъ меня, а назначилъ цесаремъ. Что касается Христа, вы его почитаете вмѣсто Зевса, Аполлона и Каллiопы. Хотя жители Емеса тоже любятъ Христа, но я не сдѣлалъ имъ ни разу обиды, изъ васъ же многіе, если не всѣ, имѣютъ со мной счеты: сенатъ, состоятельный классъ и народъ. Послѣдній недоволенъ мною въ большинствѣ, если не весь, предавшись безбожному ученію за то, что я придерживаюсь отеческихъ обычаевъ, богатые досадуютъ за то, что я не позволяю имъ продавать товары по высокимъ цѣнамъ, всѣ они изъ-за театральныхъ представленій,— и не за то, что я другихъ лишаю ихъ, но что такъ мало о нихъ забочусь.

„Напомню и другой случай, подавшій поводъ къ неудовольствію, и опять-таки, какъ обыкновенно, я буду порицать себя и обвинять. Въ десятомъ мѣсяцѣ бываетъ большой праздникъ, совершаемый въ Дафнѣ. Изъ храма Зевса Кассія я спѣшу на этотъ праздникъ, ожидая здѣсь встрѣтить роскошное и богатое торжество. Я уже воображалъ себѣ священную помпу, изображенія боговъ, возліянія, хороводы, куреніе ѳиміама и юношей вокругъ жертвенника въ благоговѣйномъ настроеніи и въ прекрасныхъ бѣлыхъ одѣяніяхъ. Но, когда я вступилъ въ храмъ, не нашелъ ни куренія, ни приношеній, ни жертвы. Я былъ пораженъ и воображалъ себя внѣ храма, и что вы ожидаете отъ меня, какъ первосвященника, условнаго знака. Когда же я спросилъ, какой жертвой городъ чествуетъ божество въ этотъ день, жрецъ отвѣтилъ: я принесъ съ собой священнаго гуся, но городъ не приготовилъ ничего. По этому случаю я обратился въ сенатъ со слѣдующею довольно рѣзкой рѣчью: „Удивляюсь, что такой городъ съ такимъ малымъ вниманіемъ относится къ богамъ, какъ какая-нибудь деревня на границахъ Понта. Владѣя громаднымъ земельнымъ имуществомъ, городъ пожалѣлъ принести курицу отечественному богу

въ годовой его праздникъ, когда богамъ угодно было разсѣять мракъ безбожія, между тѣмъ какъ ему слѣдовало принести быка съ каждой филы или, по крайней мѣрѣ, со всего города сообща принести въ жертву вола. Каждый изъ васъ на свои праздники и на угощенія тратитъ значительныя суммы, я знаю многихъ, затратившихъ большія деньги на праздникъ Маіумы (майскій праздникъ), а за ваше счастье и благо города никто не захотѣлъ принести жертвы, одинъ только жрецъ... Каждый изъ васъ позволяетъ своей женѣ всѣмъ жертвовать въ пользу галилеянъ, которые, питая бѣдныхъ на ваши пожертвованія, совершаютъ поистинѣ безбожное дѣло по отношенію къ нуждающимся. Вы же, показывая примѣръ такого непочтенія къ богамъ, даже не понимаете всей важности проступка. Къ нашимъ храмамъ не приближается никто изъ бѣдныхъ, потому что онъ не найдетъ тамъ милостыни. По случаю дней рожденія вы устраиваете обѣды, ужины и пиры, а въ этотъ годичный праздникъ никто не принесъ богамъ ни масла въ лампу, ни возліяній, ни жертвъ". — Вотъ что я говорилъ сенату...

„Но самое важное, что возбудило вашу ко мнѣ ненависть, состоитъ въ слѣдующемъ. Только-что я прибылъ въ вашъ городъ, народъ, угнетаемый богатыми, сталъ кричать въ театрѣ: „Все поднялось въ цѣнѣ, на все дороговизна". На другой день я бесѣдовалъ съ богачами и старался убѣдить ихъ пожертвовать несправедливыми прибытками и оказать милость гражданамъ и чужестранцамъ. Они дали обѣщаніе позаботиться объ этомъ, и я ждалъ три мѣсяца, но они ничего не сдѣлали. Увидѣвъ, что жалобы дима справедливы, и что дороговизна товара происходитъ не отъ недостатка его на рынкѣ, а отъ жадности торговцевъ, я установилъ таксу на каждый предметъ и объявилъ ее всѣмъ. Всего оказалось въ достаткѣ: и вина, и масла, и прочаго; было мало лишь хлѣба, такъ какъ засухи прошлаго года уничтожили посѣвы, но я послалъ въ Халкиду, въ Іераполь и окрестные города и собралъ 40000 мистровъ, когда вышелъ этотъ запасъ, далъ еще въ разное время 5, 7 и 10 тысячъ модіевъ, предоставилъ вамъ весь египетскій хлѣбъ, продавая его по дешевой цѣнѣ, т.-е. за 15 мистровъ вы платили то же, что прежде за 10. Что же дѣлали ваши богачи? Они тайно продавали заготовленный ранѣе хлѣбъ за дорогую цѣну и обременяли народъ. Такимъ образомъ, причина вашей злобы въ томъ, что я не

допустилъ продавать на вѣсъ золота вино, зелень и овощи, и не позволилъ, чтобы лежащій въ складахъ богачей хлѣбъ неожиданно обратился въ серебро и золото. Я зналъ и тогда, что мои распоряженія не всѣмъ понравятся, но я мало заботился объ этомъ,—я имѣлъ въ виду благо обижаемаго народа и чужестранцевъ, явившихся сюда ради меня и моихъ архонтовъ.—За что же, ради боговъ, мы находимся въ немилости? Не за то ли, что пропитываемъ васъ на свой счетъ, чего прежде не бывало ни съ однимъ городомъ; или за то, что увеличили списокъ сенаторовъ, что, захвативъ воровъ на мѣстѣ преступленія, не подвергли ихъ карѣ"?..

Въ заключеніе приведемъ еще любопытный текстъ, или лучше анекдотъ, сохраненный позднѣйшимъ писателемъ [1]). Епископъ Халкидона Марисъ, пораженный слѣпотой, разъ встрѣтившись съ Юліаномъ, сталъ его жестоко порицать, называя обманщикомъ и отступникомъ. Юліанъ сказалъ ему: „отойди, несчастный, и оплакивай свою слѣпоту, ибо тебя не исцѣлилъ Назорей, которому ты воздаешь поклоненіе". Этотъ же отвѣтилъ: „Благодарю Господа моего Христа, даровавшаго мнѣ то утѣшеніе, что я не вижу твоего безстыжаго и безбожнаго лица".

Для характеристики Юліана, какъ человѣка, слѣдуетъ обращаться къ тѣмъ же, большею частью, пристрастнымъ источникамъ, по которымъ мы пытались ознакомиться съ его церковной дѣятельностью. Либаній въ похвальномъ словѣ Юліану выражается, что риторика обратила къ богамъ его героя. Мы бы предпочли здѣсь выраженіе школа, какъ болѣе понятное въ наше время. Можетъ-быть, въ связи съ личными школьными воспоминаніями легче объяснить законъ его, воспрещающій христіанамъ преподаваніе. Юліанъ увлеченъ былъ поэзіей языческаго культа, реальная же скромность христіанства казалась для него соблазномъ и безуміемъ. Въ попыткахъ оживить фикцію стараго міровоззрѣнія Юліанъ растратилъ свой острый умъ, краснорѣчіе и необычайную начитанность. Но только-что онъ умеръ, вся его система рухнула, и язычество уже не въ состояніи было оказать противодѣйствія христіанскимъ началамъ. По его смерти открылся, однако, вновь ожесточенный споръ между его приверженцами и противниками изъ-за оцѣнки характера его дѣятель-

[1]) Cedreni, I, p. 535 ed. Bonn.

ности. Одни превозносили его до небесъ, другіе топтали въ грязь и всячески унижали его личный характеръ.

Нужно полагать, что Либаній въ своемъ преклоненіи предъ Юліаномъ набрасываетъ слишкомъ яркія краски, сравнивая, какъ мы видѣли выше, своего героя съ богами. Менѣе повышенный тонъ въ характеристикѣ историка Амміана Марцеллина [1]). Онъ указываетъ такія черты, которыя дѣйствительно свойственны были Юліану и засвидѣтельствованы съ разныхъ сторонъ. Такова его умѣренность и самообладаніе. Онъ довольствовался самой скромной пищей и мало спалъ. Подкрѣпивъ краткимъ сномъ свое тѣло, онъ самъ лично провѣрялъ караулы и пикеты, а затѣмъ обращался къ занятіямъ науками. Онъ былъ глубокій знатокъ въ наукѣ военнаго дѣла и гражданскаго управленія, весьма тщательно вникалъ во всѣ судебные процессы и являлся непреклоннымъ судьей. О его мужествѣ свидѣтельствуетъ множество битвъ; онъ былъ чрезвычайно выносливъ къ холоду и зною.

Если теперь обратиться къ христіанскимъ писателямъ, то получимъ иное впечатлѣніе. По смерти Юліана въ церквахъ были публичные молебны. Это былъ драконъ, чудовище, Навуходоносоръ, Иродъ, страшное пугало, преслѣдующее народъ Божій. Онъ былъ апостатъ по природѣ, жестокій и самый гнусный изъ людей. Съ коварствомъ онъ принимаетъ видъ той дьявольской змѣи райской, которая живетъ въ его груди.

Источники для изученія времени Юліана.

Juliani Imperatoris quae supersunt, rec. Hertlein 2 vol. Lipsiae, 1875—1876.

Juliani Imp-ris librorum contra christianos rec. Neumann, Teubner, 1880.

Libanii sophistae orationes et declamationes. Jo. Jac. Reiske, Altenburgi, 1791—97.

Ammiani Marcellini rerum gestarum libri, rec. Gardthausen. Lips., 1874—75.

Кулаковскій и Сонни, „Амміанъ Марцеллинъ", перев. съ латинскаго. Вып. I, II. Кіевъ, 1906—7.

Zosimi comitis et ex advocati fisci historia ed. Mendelssohn. Lipsiae, 1887. Teubn.

Церковные историки Сократъ, Созоменъ и Ѳеодоритъ.

Gregorii Theologi vulgo Nazianzeni (ap. Migne), Cyrilli Alexandrini contra impium Julianum (ap. Migne).

Chabot, „Cronique de Michel le Syrien, patriarche Jacobite d. Antioche", 1, Paris, 1899.

---

1) Amm. Marc. XXV. 4.

Пособія.

Tillemont, „Mémoires pour servir à l'histoire ecclésiastique". II éd. Paris 1701—1712 (vol. VII).

Vie de l'empereur Julien. Amsterdam, 1735, I—II partie (Вѣроятно, De la Bletterie, котораго сочиненіе цитируется по парижск. изд. 1746 г.).

Затѣмъ изъ обширной литературы объ Юліанѣ, которая указана въ сочиненіи Mücke, „Fl. Cl. Julianus". 2 Bände. Gotha, 1867—1869, и въ книгѣ Vollert, „Kaiser Julianus religiöse und philosophische Ueberzeugung". Gütersloh, 1899, укажемъ лишь нѣкоторыя изданія.

Talbot, „Oevres complètes de l'empereur Julien". Traduction nouvelle. Paris, 1863.

Hecker, „Zur Geschichte des Kaisers Julianus". Eine Quellenstudie. Kreuznach 1886. Оцѣнка источниковъ.

Schwarz, „De vita et scriptis Juliani imperatoris". Bonnae 1888 (для хронологіи).

Gardner, „Julian the philosopher and emperor and the last struggle of Paganism against Cristianity", London, 1895.

„Realencyklopädie für protest. Theologie", Herzog-Hauck. Томъ IX появился въ 1901 г. Стр. 609—610 обзоръ и классификація литературы.

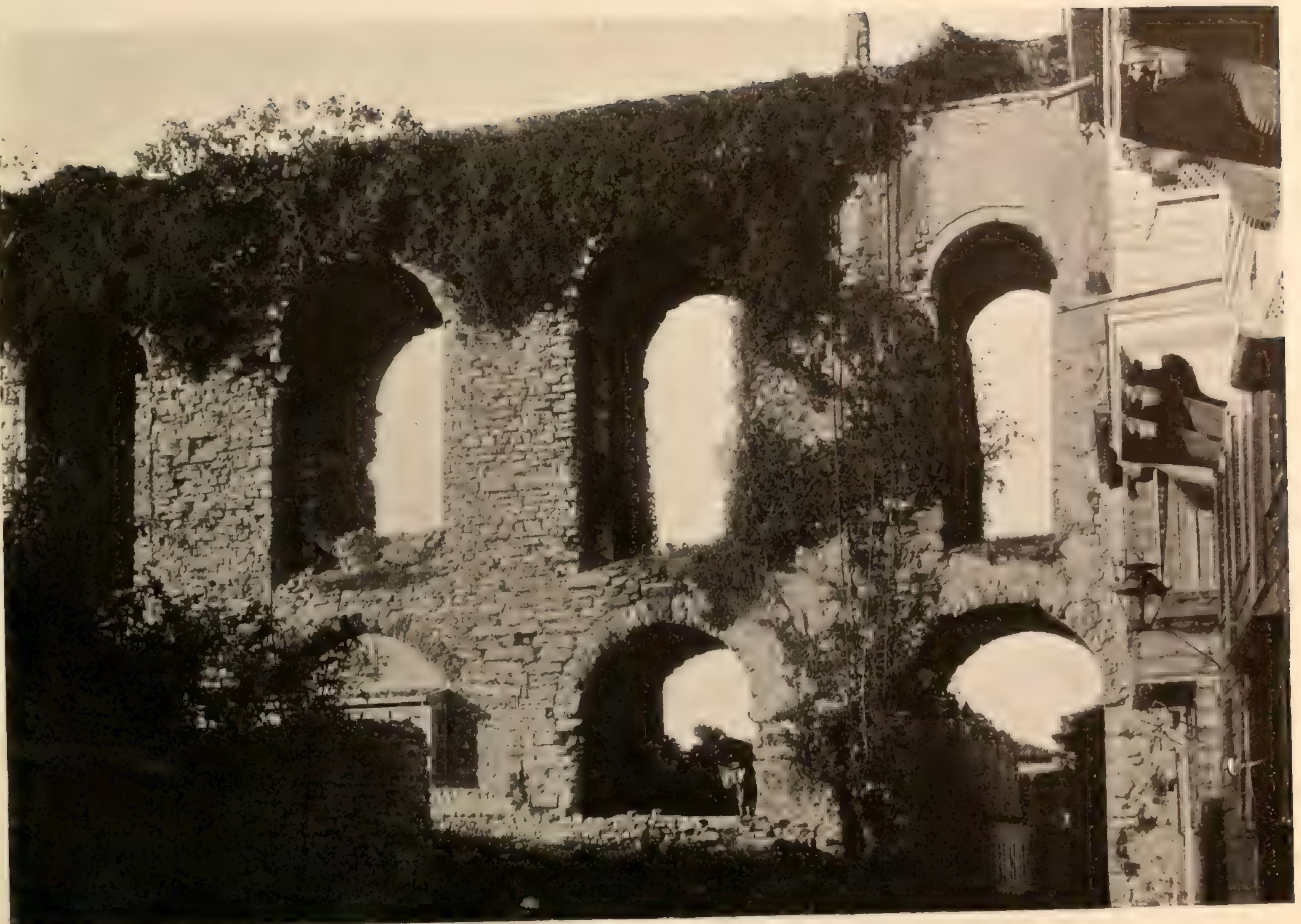

Рис. 14. Водопроводъ Валента.

ГЛАВА V.

ЦЕРКОВНАЯ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА ВЪ КОНЦѢ IV В. ѲЕОДОСІЙ ВЕЛИКІЙ. ДѢЛО О ЖЕРТВЕННИКѢ ПОБѢДЫ. ИММИГРАЦІЯ ВАРВАРОВЪ, ПРИНЯТІЕ ИХЪ НА СЛУЖБУ ИМПЕРІИ.

ратковременное царствованіе Юліана прошло какъ страшный ураганъ, мало затронувъ Западъ. Существеннаго вреда христіанской церкви и въ восточной половинѣ имперіи оно не могло нанести уже вслѣдствіе недостаточной обдуманности и малой послѣдовательности сдѣланныхъ Юліаномъ распоряженій, а равно и потому, что мѣстныя власти не имѣли времени примѣнить ихъ на практикѣ. Послѣ Юліана не было охотниковъ поддерживать его церковную политику.

Во второй половинѣ IV вѣка самымъ выразительнымъ явленіемъ въ области религіозной жизни было раздѣленіе христіанскаго міра на два враждебные лагеря: исповѣдниковъ Аѳанасіева ученія, т.-е. никейскаго символа и приверженцевъ ученія Арія. Особенно ревностнымъ защитникомъ аріанства на Востокѣ былъ императоръ Валентъ (364—378), о которомъ до сихъ поръ свидѣтельствуетъ водопроводъ его имени (рис. 14). Ко времени трагической смерти его всѣ епископскія каѳедры находились въ рукахъ аріанъ, даже каѳедра константинопольская замѣщена была аріаниномъ Димофиломъ. Положеніе внушало серьезныя опасенія еще и потому, что кромѣ численно и оффиціально преобладавшей аріанской партіи, на Востокѣ было еще значительное число разныхъ сектъ и ученій, образовавшихся на почвѣ философскихъ воззрѣній на существо тогдашняго христологическаго вопроса. Со смерти Константина занявшая господствующее въ имперіи положеніе христіанская церковь болѣе 40 лѣтъ была разъѣдаема внутренней враждой, что не могло не унижать ее въ

глазахъ приверженцевъ языческаго культа. Въ 379 г. западный императоръ Граціанъ назначилъ своего полководца Θеодосія августомъ, т.-е. сопричислилъ его къ императорской власти и далъ ему въ управленіе восточную половину имперіи. Съ тѣхъ поръ судьбы Востока въ политическомъ и церковномъ отношеніи стали направляться къ одной цѣли, и произведенныя въ концѣ IV вѣка государственныя и церковныя реформы соединены съ именемъ Θеодосія, получившаго прозваніе Великаго (рис. 15).

Въ церковномъ отношеніи дѣятельность Θеодосія можетъ быть разсматриваема съ двоякой точки зрѣнія: а) по отношенію къ старой римской религіи, б) къ разнообразнымъ сектамъ и ученіямъ среди христіанъ. Въ томъ и другомъ смыслѣ Θеодосій держался идеи религіознаго единства и во всѣхъ отношеніяхъ давалъ преимущества христіанству предъ язычествомъ и никейскому символу предъ аріанствомъ и другими ученіями. Въ этомъ отношеніи законодательные его акты отличаются рѣдкой ясностью и опредѣленностью. Съ прибытіемъ въ Константинополь въ 380 г. онъ прежде всего озаботился устройствомъ церковныхъ дѣлъ. Господствующее положеніе занимали, какъ выше сказано, аріане, которымъ принадлежали всѣ церкви въ столицѣ и высшая церковная власть въ лицѣ епископа Димофила. Между тѣмъ, христіанская община, стоявшая на сторонѣ никейскаго символа, хотя и значительная по числу, находилась въ приниженномъ состояніи. Знаменитый Григорій Назіанзинъ, управлявшій православной общиной, собиралъ для богослуженія свою паству въ скромномъ частномъ домѣ, гдѣ была устроена домашняя церковь во имя Воскресенія Христова—извѣстная Св. Анастасія. Θеодосій немедленно и радикально по прибытіи въ Константинополь измѣнилъ положеніе дѣлъ. Въ 381 г. изданъ имъ знаменитый эдиктъ по церковнымъ дѣламъ, которымъ было наложено запрещеніе на всѣ религіозныя собранія публичнаго характера, за исключеніемъ собраній приверженцевъ никейскаго символа. Признавъ всѣ прочія вѣроученія еретическими, Θеодосій по отношенію къ аріанству выразился въ упомянутомъ эдиктѣ очень сильно: „объ ядовитомъ аріанскомъ кощунствѣ да не будетъ и слуха“. Не желавшіе подчиняться этому закону объявлены были внѣ церкви и потеряли право имѣть свои собранія. Всѣ христіанскія церкви въ столицѣ и по всей имперіи переданы епископамъ, придерживавшимся никейскаго испо-

вѣданія. Этимъ закономъ положенъ былъ конецъ господству аріанъ въ церкви [1]).

Въ связи съ этими распоряженіями, весьма рѣшительно разсѣкавшими настоятельные и давно уже назрѣвшіе вопросы, Ѳеодосій предпринялъ мѣры къ немедленному созванію собора для обсужденія церковныхъ дѣлъ. Второй вселенскій соборъ (рис. 16). состоялся въ Константинополѣ, въ маѣ 381 года. На немъ были представлены главнѣйшіе восточные епископы, изъ нихъ извѣстнѣйшіе были: Мелетій антіохійскій, Тимоѳей александрійскій и Кириллъ іерусалимскій. Предсѣдательство имѣлъ Мелетій, а по смерти его Григорій Назіанзинъ и затѣмъ Нектарій. Первый вопросъ, предстоявшій обсужденію собора, касался замѣщенія епископской каѳедры въ Константинополѣ послѣ удаленія аріанскаго епископа. По желанію императора и большинства членовъ собора епископская каѳедра была предоставлена Гри-

Рис. 15. Статуя Ѳеодосія въ Барлеттѣ.

[1]) Cod. Theod. XVI, 5, 6, a 381 Jan. 10 (ed. Mommsen-Meyer, I, 856).

горію Назіанзину, но не надолго, такъ какъ Григорій отказался и предложилъ вмѣсто себя Нектарія. Въ догматическомъ отношеніи этому собору принадлежитъ окончательное рѣшеніе вопроса о третьемъ лицѣ св. Троицы и окончательная редакція второй части символа, начиная съ восьмого члена вѣры. Дѣянія собора утверждены императоромъ въ іюлѣ мѣсяцѣ 381 г. Кромѣ того, второму вселенскому собору принадлежитъ составленіе нѣсколькихъ церковныхъ каноновъ, изъ коихъ особенное значеніе получилъ третій канонъ, усвоившій константинопольскому епископу право чести вслѣдъ за римскимъ епископомъ. Этотъ канонъ читается такъ: „константинопольскій епископъ долженъ имѣть преимущество чести вслѣдъ за римскимъ епископомъ, такъ какъ Константинополь есть новый Римъ“ [1]).

Не менѣе настойчиво и неуклонно шелъ императоръ Ѳеодосій въ борьбѣ со старыми языческими вѣрованіями. Хотя языческій культъ уже распоряженіями Констанція былъ лишенъ государственной поддержки, будучи признанъ притомъ неразумнымъ суевѣріемъ [2]), тѣмъ не менѣе, онъ держался еще между консервативными элементами населенія какъ въ большихъ городахъ, такъ въ особенности въ отдаленныхъ и глухихъ провинціяхъ. Конечно, нельзя думать, что старая вѣра безъ борьбы уступала мѣсто христіанству. Хотя попытка Юліана оживить язычество потерпѣла полное пораженіе, но съ переходомъ къ христіанскому міровоззрѣнію соединялась такая ломка тысячелѣтней и гордой своими успѣхами культуры и вѣрованій, вошедшихъ въ плоть и кровь классическаго міра, что было бы трудно допустить, чтобы язычество отказалось отъ всякихъ надеждъ на возвратъ къ старому.

Еще въ теченіе цѣлыхъ столѣтій можно будетъ тамъ и здѣсь встрѣтить остатки приверженцевъ языческаго культа, но для изучающаго исторію культурнаго перелома въ концѣ IV вѣка любопытно проникнуть въ настроеніе современниковъ, ознакомиться съ мотивами, руководившими приверженцами старой вѣры. Въ этомъ отношеніи трудно найти болѣе выразительный литературный фактъ, чѣмъ дѣло о жертвенникѣ Побѣды, возникшее въ римскомъ сенатѣ по случаю предъявленнаго къ нему правительствомъ требованія — удалить изъ куріи этотъ символъ языческаго культа. Вопросъ воз-

1) Hefele-Leclercq, „Histoire des Conciles“, II, p. 24—25.

2) Superstitio, insania [Cod. Theod., XVI, 10, 2; 10, 3 (a. 341, 346)].

Рис. 16. Второй вселенскій соборъ.
(миніатюра cod. Paris. gr. 510, fol. 355).

никъ еще при императорѣ Констанціи, который потребовалъ удаленія изъ сената статуи Побѣды и прекращенія языческаго обычая приносить передъ засѣданіями жертву. При Юліанѣ распоряженіе Констанція было отмѣнено, такъ что до 383 года римскій сенатъ, можетъ-быть, на половину состоявшій изъ язычниковъ, удерживалъ въ залѣ засѣданій символы языческой религіи. Императоръ Граціанъ приказалъ возстановить повелѣніе Констанція относительно жертвенника Побѣды, но сенатъ отправилъ къ императору легата въ лицѣ сенатора Аврелія Симмаха съ просьбой отмѣнить повелѣніе. Граціанъ не принялъ миссіи, чѣмъ нанесъ сенату сильное оскорбленіе. Въ 384 г. сенатъ во второй разъ рѣшился ходатайствовать о жертвенникѣ, и на этотъ разъ предъ преемникомъ Граціана, четырнадцатилѣтнимъ Валентиніаномъ. Истолкователемъ желаній сената былъ сенаторъ и префектъ Аврелій Симмахъ, записка котораго представляетъ громадный интересъ какъ памятникъ, бросающій живой свѣтъ на умонастроеніе языческой партіи въ занимающую насъ эпоху. Дѣйствительно, нельзя безъ волненія слушать эту послѣднюю пѣсню умирающаго язычества, которое робко и жалобно проситъ милости у юнаго императора въ пользу религіи, которой его предки обязаны славой и Римъ своимъ величіемъ [1]). Послѣ краткаго вступленія въ этой запискѣ читается: „Я являюсь передъ вашими величествами въ двоякомъ качествѣ: какъ вашъ префектъ, ходатайствую о дѣлахъ гоударственнаго порядка, а какъ легатъ сената защищаю гражданскіе интересы. Между тѣми и другими нѣтъ разногласія, ибо люди перестали уже вѣрить, что можно довѣриться благорасположенію придворныхъ, если между ними нѣтъ единодушія. Можно ли допустить, чтобы частные раздоры наносили вредъ государству? По справедливости, сенатъ преслѣдуетъ тѣхъ, кто славѣ государей предпочитаетъ личное могущество, а наша забота—быть на стражѣ благополучія вашего величества. Въ самомъ дѣлѣ, чьи интересы мы защищаемъ, если заботимся о сохраненіи древнихъ учрежденій, о законахъ и обычаяхъ отечества, о славѣ временъ, которая тѣмъ

Рис. 17. Статуя Побѣды въ Сенатѣ (Cohen, II, 181).

[1]) Monum. Germ. Historica Auctor. antiquiss. VI pars I, p. 280.

выше, если и сами императоры остерегаются нарушать обычаи предковъ. Итакъ, мы ходатайствуемъ о сохраненіи религіознаго строя, въ которомъ благоденствовало государство. Разсуждая о государяхъ того и другого исповѣданія вѣры, мы находимъ, что одна часть чтила отечественные обряды, другая, болѣе къ намъ близкая, не отмѣняла ихъ. Если вѣра, которой слѣдовали древніе, не можетъ служить примѣромъ, то да послужитъ таковымъ попущеніе ближайшихъ императоровъ!

„Найдется ли такой малообразованный человѣкъ, который былъ бы равнодушенъ къ алтарю Побѣды! Въ немъ наша безопасность на будущее время и наше спасеніе противъ всего необычайнаго. Воздадимъ, по крайней мѣрѣ, символу ту честь, въ которой отказываемъ божеству. Ваша вѣчность многимъ обязана Побѣдѣ и многимъ будетъ одолжена впереди. Пусть пренебрегаютъ ею тѣ, кому она не принесла пользы; вы же не можете отвернуться отъ дружественнаго существа, даровавшаго вамъ тріумфы. Могущество ея для всѣхъ составляетъ предметъ желанія, и никто не можетъ отказать въ поклоненіи тому, что признаетъ для себя желаннымъ. Если бы было какое оправданіе для удаленія религіознаго символа, то слѣдовало бы не касаться того, что служитъ украшеніемъ куріи. Умоляю васъ, предоставьте намъ передать въ зрѣломъ возрастѣ потомкамъ ту святыню, которую восприняли въ дѣтствѣ. Обычай имѣетъ громадную власть, поэтому и не могло долго оставаться въ силѣ распоряженіе божественнаго Констанція объ удаленіи алтаря Побѣды. Божественная и славная вѣчность ваша должна позаботиться и о томъ, чтобы въ будущемъ не пришлось исправлять ваши распоряженія. Гдѣ мы будемъ давать присягу на соблюденіе вашихъ законовъ и повелѣній, какой религіозный обрядъ устрашитъ злую волю отъ дачи ложнаго свидѣтельства? Конечно, божество все наполняетъ, и для вѣроломнаго не найдется безопаснаго убѣжища, но присутствіе священнаго предмета всего больше сдерживаетъ отъ преступленія. На этомъ алтарѣ покоится согласіе всѣхъ, онъ знаменуетъ общую вѣрность, и ничто не придаетъ большаго авторитета нашимъ рѣшеніямъ, какъ всесильная клятва, данная въ собраніи сенаторскаго сословія. Тогда откроется свободное поле для клятвопреступленій, и объ этомъ слѣдуетъ внимательно вамъ подумать, такъ какъ въ публичной присягѣ кроется вся ваша безопасность.

„Но, скажутъ, такъ поступилъ и божественный Констанцій. Будемъ подражать лучше другимъ дѣяніямъ этого государя, который никогда не позволилъ себѣ повторить ошибки, сдѣланной предшественникомъ. Ибо послѣдующаго исправляетъ сдѣланная предыдущимъ ошибка, и изъ порицанія предшествующаго рождается критика примѣра. Итакъ, да будутъ приняты къ подражанію другія достойныя дѣянія того же государя. Онъ ни въ чемъ не нарушилъ привилегій священныхъ дѣвственницъ, щедро надѣлялъ жреческія коллегіи, не жалѣлъ издержекъ на римскія религіозныя торжества, и по всѣмъ улицамъ вѣчнаго города ходилъ съ членами сената, весело и радостно глядѣлъ на святилища, читалъ на фронтонахъ храмовъ имена боговъ, разспрашивалъ о строеніи, восхвалялъ строителей. Самъ слѣдуя другой религіи, нашу онъ сохранилъ для государства, ибо каждому свойственъ свой обычай, у каждаго свой обрядъ. Божественное провидѣніе дало различнымъ городамъ различныхъ приставниковъ; какъ при рожденіи распредѣляются души, такъ каждому народу даются опредѣленные судьбой геніи. Присоединимъ и пользу, которая особенно приближаетъ къ человѣку боговъ, ибо если весь смыслъ вещей сокрытъ, откуда же лучше исходитъ знаніе божественной воли, какъ не изъ памяти и документовъ о благопріятныхъ событіяхъ? Итакъ, если цѣлая вѣчность придала авторитетъ религіи, то должна быть соблюдаема вѣрность столькимъ вѣкамъ и почитаема вѣра родителей, которые имѣли счастіе воспринять ее отъ своихъ отцовъ.

„Вообразимъ, что здѣсь присутствуетъ самъ Римъ и обращается къ вамъ съ такими словами: высокіе государи, отцы отечества, благоволите принять въ уваженіе мои годы, до какихъ я дошелъ въ благочестивомъ обрядѣ, и разрѣшите мнѣ пользоваться отеческими священными обычаями. Сей культъ подчинилъ всю вселенную моимъ законамъ, эти священные обряды спасли меня отъ Аннибала и прогнали отъ Капитолія сеноновъ. Ужели для того сохранены мои дни, чтобы на старости подвергнуться мнѣ позору? Итакъ, просимъ, дайте миръ богамъ, отечественнымъ и національнымъ героямъ. Справедливо, чтобы мы были соединенными въ томъ, чему всѣ отдаютъ поклоненіе. Всѣ мы смотримъ на тѣ же звѣзды, всѣ живемъ подъ однимъ небомъ, тотъ же міръ обнимаетъ насъ; что за дѣло, какимъ путемъ кто ищетъ истины, и развѣ можно одной дорогой придти къ раскрытію этой величайшей тайны!

„Но это—безполезное словопреніе. Мы же обращаемся къ вамъ съ мольбой, а не споримъ. Какую выгоду получила священная казна, что весталки лишены своихъ прерогативъ? Ужели самые щедрые императоры рѣшатся наложить руку на то, что допускали наиболѣе скупые? Въ томъ какъ бы вознагражденіи за обѣтъ чистоты нужно видѣть одинъ лишь почетъ: какъ ленты на головѣ служатъ украшеніемъ весталки, такъ жреца отличаетъ свобода отъ государственныхъ повинностей. Рѣчь идетъ о пустомъ имени иммунитета, потому что отъ расходовъ они гарантированы своей бѣдностью. Итакъ, тѣ, которые отнимаютъ у нихъ что-либо, еще болѣе содѣйствуютъ къ похвалѣ ихъ, ибо по справедливости возрастаетъ цѣна дѣвства, посвященнаго государственному благу, если оно не имѣетъ вознагражденія. Не старайтесь дѣлать такой экономіи съ государственнымъ казначействомъ: у добрыхъ государей казна растетъ не на счетъ жрецовъ, а изъ военной добычи! И эта жалкая прибыль развѣ уравновѣшиваетъ причиняемую ею обиду, тѣмъ болѣе, что скупость чужда вашего обычая; но тѣмъ несчастнѣй участь тѣхъ, у кого отнято обычное содержаніе.

„Фискъ удерживаетъ имущества, завѣщанныя весталкамъ и жрецамъ послѣдней волей умирающихъ. Умоляю васъ какъ жрецовъ правосудія, возвратите святынямъ вашего города то, что идетъ имъ по частнымъ завѣщаніямъ. Да будетъ воля завѣщателя тверда и неизмѣнна, какъ вырубленная топоромъ, и да знаетъ завѣщатель, что при щедрыхъ императорахъ завѣщаніе его пребудетъ твердо, уже бывшіе примѣры доставляютъ безпокойство умирающимъ. Развѣ римская религія лишилась защиты римскаго закона? Какое имя дать присвоенію имущества, которыя никакой законъ и никакой случай не дѣлаютъ выморочными? Получаютъ вольноотпущенники, рабы не лишаются преимуществъ, доставляемыхъ завѣщаніями, только благородныя дѣвственницы и служители культа исключаются изъ правъ по наслѣдованію. Что за удовольствіе посвящать чистое тѣло на службу государству и небесной защитой поддерживать вѣчность имперіи, на ваше оружіе и на ваши знамена наводить благорасположенную доблесть и предпринимать за общее благо молитвы, если не пользоваться общими съ другими правами?

„Пусть не подумаетъ кто, что я защищаю только религіозный вопросъ. Нѣтъ, изъ нарушеній подобнаго рода произошли всѣ не-

счастія въ римскомъ государствѣ. Древній законъ почтилъ скромнымъ обезпеченіемъ и справедливыми привилегіями дѣвственныхъ весталокъ и служителей боговъ. Въ неприкосновенности это преимущество оставалось до тѣхъ поръ, пока жалкіе банкиры не обратили идущія на содержаніе священной чистоты средства въ плату низшимъ служителямъ. Слѣдствіемъ этого былъ общій голодъ, и скудная жатва обманула ожиданія провинціаловъ, но вина не въ землѣ, нельзя жаловаться и на вѣтеръ, не спорынья повредила посѣвамъ, и не сорныя травы убили хлѣба: святотатство изсушило почву! Ибо настояла необходимость погибнуть всему богоотступничеству. Жизнь поддерживается лѣсными произведеніями, и голодъ снова привелъ простой народъ къ плодамъ додонскаго дерева. Испытывали ли подобное несчастіе провинціалы, когда служители религіи окружены были почетомъ? Когда дубовыми желудями питались люди, когда коренья травъ шли въ пищу? Было ли время, когда при голодѣ, постигавшемъ ту или другую область, не выручалъ общій урожай, и когда у народа и священныхъ дѣвъ были одинаковыя средства пропитанія? Ибо даваемыя на содержаніе служителей религіи средства обезпечивали урожаи, и сборъ хлѣба всегда превышалъ потребленіе.

„Но можетъ кто-нибудь сказать, что казеннаго содержанія лишена не государственная религія. Не могутъ раздѣлять добрые государи того мнѣнія, что разъ пожалованное изъ казны частному лицу можетъ быть почитаемо собственностью фиска. Государство состоитъ изъ отдѣльныхъ лицъ, что исходитъ изъ государства, то обращается въ достояніе отдѣльныхъ личностей. Хотя вы всѣмъ владычествуете, но за каждымъ сохраняете то, что ему принадлежитъ, и вами самими управляетъ правда, а не произволъ. Итакъ, посовѣтуйтесь съ вашимъ великодушіемъ, можетъ ли оно считать государственнымъ достояніемъ то, что разъ дано частнымъ лицамъ. Доходныя статьи, разъ опредѣленныя въ честь города, перестаютъ принадлежать жертвующему, и что въ принципѣ было бенефиціей, обычаемъ и временемъ обращается въ обязательство.

„Ваше милосердіе должно оказывать покровительство всѣмъ вѣроисповѣданіямъ, а наипаче тому, которое покровительствовало вашимъ предкамъ. Мы ходатайствуемъ за ту религію, которая сохранила имперію божественному родителю вашему и даровала ему

законныхъ наслѣдниковъ. Сей божественный старецъ смотритъ съ вершины звѣзднаго круга на слезы священниковъ и жалѣетъ о нарушеніи обычая, который самъ онъ охотно соблюдалъ. Предоставьте же и божественному брату вашему исправить чрезъ васъ данный ему нехорошій совѣтъ, покройте тотъ фактъ, которымъ онъ по невѣдѣнію сдѣлалъ непріятность сенату [1])".

Амвросій Медіоланскій, узнавъ о содержаніи этого ходатайства сената, весьма встревожился и поспѣшилъ принять самыя энергичныя мѣры, чтобы ослабить дѣйствіе записки Симмаха. Онъ убѣдилъ императора не оказывать пощады язычеству и настоялъ на томъ, чтобы ходатайство сената оставалось безъ удовлетворенія. Приведенный памятникъ остается, тѣмъ не менѣе, весьма интереснымъ историческимъ документомъ, который выразительно рисуетъ настроеніе лучшихъ умовъ языческаго общества и безспорно преобладающее положеніе христіанства.

Эдикты Ѳеодосія первоначально назначались для восточной половины имперіи, но съ 388 года они получили приложеніе и на Западѣ. Въ 391 г. изданъ извѣстный Миланскій эдиктъ, которымъ всякія жертвоприношенія и всѣ религіозные обряды въ языческихъ храмахъ были объявлены преступленіями противъ императора, за которыя полагались денежные штрафы и конфискація имущества. Въ 393 г. въ послѣдній разъ были отпразднованы олимпійскія игры, и вскорѣ затѣмъ перевезена была въ Константинополь статуя Зевса олимпійскаго, знаменитое произведеніе Фидія. Мѣропріятіями Ѳеодосія нанесено было окончательное пораженіе языческой партіи, преемникамъ Ѳеодосія оставалось лишь примѣнить къ жизни изданные имъ законы.

Между всѣми восточными городами Александрія уже давно представляла собой центръ учености и религіозно-философскихъ системъ и умозрѣній. Хотя христіанскій элементъ былъ довольно распространенъ въ городѣ, и епископъ Александріи даже на Западѣ пользовался большимъ уваженіемъ, какъ столпъ правовѣрія, тѣмъ не менѣе, и язычество имѣло здѣсь много приверженцевъ. Это лежитъ частью въ существѣ восточнаго воззрѣнія на вѣру въ боговъ, которое никоимъ образомъ не удовлетворялось простымъ безсознательнымъ приня-

---

[1]) Намекъ на императора Валентиніана I и сыновей его Граціана и Валентиніана II.

тіемъ и передачей старыхъ традицій, но стремилось переработать ихъ чрезъ религіозно-философскія доктрины и старую вѣру примирить съ требованіями новой на основаніи научнаго и логическаго мышленія. Языческая культура въ IV вѣкѣ съ успѣхомъ отстаивала себя противъ христіанскихъ вѣяній въ Египтѣ, и знаменитый храмъ Сераписа въ Александріи, Серапій, оставался центромъ языческаго культа. При храмѣ была большая библіотека. Просвѣщенные язычники и тысячи пилигримовъ стекались сюда для обмѣна мыслями и по религіознымъ побужденіямъ. Христіанскій епископъ Александріи не могъ безразлично относиться къ этому языческому святилищу. Таковымъ былъ въ 391 г. извѣстный ревнитель православія Ѳеофилъ. Этотъ воинственный князь церкви въ тѣсномъ союзѣ съ монахами, для которыхъ Серапій былъ бѣльмомъ въ глазу, получилъ отъ императора позволеніе на мѣстѣ развалившагося храма Вакха построить христіанскую церковь и по этому случаю устроилъ по городу процессію со статуями боговъ. Начался бунтъ въ городѣ, язычники выступили противъ христіанъ. Порядокъ былъ возстановленъ съ большимъ трудомъ тогда, когда императоръ рескриптомъ, даннымъ въ Аквилеѣ, приказалъ разрушить Серапій и, вмѣстѣ съ тѣмъ, запретилъ отправленіе языческаго культа. Любопытно, что на строительномъ матеріалѣ найдены были знаки креста, кои христіанами были истолкованы какъ предвѣщаніе о послѣдовавшей катастрофѣ Серапія [1]). Уже безъ разрѣшенія императора христіане разрушили храмы въ Финикіи и также знаменитый храмъ въ Осроенѣ, который Ѳеодосій хотѣлъ-было пощадить какъ произведеніе искусства. Приказомъ 8 ноября 392 г. префекту преторія Руфину запрещено языческій культъ отправлять какъ публично, такъ и частно.

Указанные сейчасъ знаки креста на строительномъ матеріалѣ при первоначальномъ знакомствѣ съ этимъ извѣстіемъ казались мнѣ фантазіей египетскихъ мистиковъ. Но, когда мнѣ лично удалось побывать въ Египтѣ и ознакомиться съ древними памятниками какъ на мѣстѣ ихъ нахожденія, такъ и въ музеяхъ, то передо мной выступила другая мысль. Христіанскихъ эмблемъ и разныхъ орнаментальныхъ изображеній, приближающихся къ кресту, равно какъ

[1]) Sozom. VII, 15. Athanasiades, „Die Begründung des orthodoxen Staates durch Kaiser Theodosius den Grossen“. Leipzig, 1902, S. 13—15.

весьма распространенныхъ въ мистической христіанской литературѣ образовъ, напримѣръ, крылатаго змѣя—такъ много и часто можно наблюдать на памятникахъ древняго Египта, что мало выясненная пока связь ихъ съ христіанствомъ можетъ возбуждать пытливое любопытство и въ настоящее время.

Въ виду чрезвычайной важности церковной политики Ѳеодосія Великаго намъ слѣдуетъ выяснить ея ближайшіе результаты на развитіе церковныхъ отношеній въ Византійской имперіи. По основному характеру дѣятельность Ѳеодосія Великаго направляется къ установленію религіознаго единства въ имперіи и въ этомъ отношеніи онъ можетъ быть поставленъ рядомъ съ равноапостольнымъ Константиномъ. Въ частности Ѳеодосій не только продолжаетъ издавать законы противъ язычества, но послѣдовательнымъ рядомъ законодательныхъ и административныхъ мѣръ приходитъ къ окончательному и абсолютному запрещенію языческаго культа какъ въ общественныхъ собраніяхъ и храмахъ, такъ и въ частныхъ домахъ. Закономъ, изданнымъ въ 392 г., предусматривалось, что если бы кто затѣмъ былъ обвиненъ или въ принесеніи жертвы, или въ совершеніи гаданій по внутренностямъ животныхъ, тому угрожалъ процессъ по закону объ оскорбленіи величества и конфискація имущества; небреженіе чиновниковъ по отношенію къ этому закону наказывалось большимъ денежнымъ штрафомъ. Гораздо серьезнѣй въ концѣ IV и въ началѣ V вѣка былъ другой вопросъ, препятствовавшій достиженію религіознаго единства, вопросъ объ отпавшихъ отъ единства съ церковью или объ еретикахъ. Здѣсь Ѳеодосіемъ установленъ принципъ, который послѣ него становится однимъ изъ устоевъ имперіи: „Всѣ должны вѣрить такъ, какъ заповѣдалъ это Петръ верховный апостолъ и какъ соблюдали римскій епископъ Дамасъ и александрійскій Петръ. Только тѣ, кто исповѣдуетъ равночестную божественную Троицу, называются каѳоликами; тѣ же, кто исповѣдуетъ иначе, называются еретиками“ [1]). Этотъ принципъ имѣлъ своимъ непосредственнымъ примѣненіемъ исключительное торжество и господство Никейскаго символа. Политическая важность выраженнаго положенія усматривается изъ того, что въ особенности на Востокѣ образовалось множество мнѣній и ученій, отступающихъ

[1]) Cod. Theod. XVI, 1, 2; Sozomeni VII, 4.

отъ богословскаго воззрѣнія, нашедшаго выраженіе въ Никейскомъ символѣ и, слѣдовательно, ставшихъ въ оппозицію и къ господствующему вѣроученію, и къ поддерживающему его свѣтскому правительству. Этимъ создавалось крайнее затрудненіе для проведенія идеи религіознаго единства. Въ самомъ Константинополѣ, чтобы удалить аріанскаго епископа Димофила и возстановить православнаго, потребовалось примѣненіе военной силы.

Такъ или иначе, подъ угрозой жестокихъ наказаній и конфискаціи имущества язычники и еретики принуждены были уступить, т.-е. присоединялись внѣшнимъ образомъ къ господствующей церкви. Но церковь далеко не выигрывала отъ такихъ случайныхъ присоединеній, напротивъ, чрезвычайно много теряла въ своей внутренней силѣ. Наконецъ, въ разсужденіи церковной политики Ѳеодосія нельзя не обратить вниманія на то, что онъ слишкомъ круто подчинилъ церковный строй требованіямъ государственнымъ. Если церковь обращена имъ въ орудіе для достиженія государственныхъ цѣлей, то этимъ принесено было въ жертву то, что составляетъ самое существенное и самое дорогое въ религіи—свобода совѣсти. Здѣсь идетъ рѣчь не только о томъ, что побѣдоносное и торжествующее христіанство отказалось отъ самыхъ высокихъ принциповъ, провозглашаемыхъ имъ во время угнетеннаго положенія (припоминается знаменитая фраза Тертулліана: одной вѣрѣ не свойственно притѣснять другую—religionis non est religionem cogere), но также объ опасности для самого государства поставить себя въ зависимость отъ религіознаго единства. Исторія представила слишкомъ явныя доказательства того, что такой тѣсный союзъ церкви и государства, какой установился въ Византіи, не былъ полезенъ ни той, ни другой сторонѣ. Особенно важно отмѣтить тѣ мѣропріятія, въ которыхъ усматривается начало обособленія Востока, и намѣчаются характеристическія черты развитія православно-восточной церкви. Само собой разумѣется, что съ перенесеніемъ столицы имперіи въ Константинополь Римъ не утратилъ своихъ старыхъ политическихъ и моральныхъ привилегій. Но, какъ столица имперіи и резиденція императора, Константинополь началъ обнаруживать притязанія на первенство между всѣми городами Востока и нѣкоторое соперничество съ Римомъ уже въ IV и V вѣкѣ, когда императоры должны были ради безопасности переносить столицу въ Миланъ, Равенну и другіе города Италіи.

Но высокій авторитетъ, которымъ пользовался римскій епископъ на Западѣ, не могъ быть поколебленъ тѣмъ обстоятельствомъ, что Римъ временами былъ развѣнчанъ и даже подпадалъ подъ власть варваровъ, такъ что въ церковномъ отношеніи самостоятельность восточной церкви не была предрѣшена раздѣленіемъ имперій и основаніемъ Константинополя. Но и въ этомъ отношеніи первые шаги сдѣланы были Ѳеодосіемъ. Его намѣренія ясно выражались въ созваніи на соборъ въ Константинополѣ въ 381 г. только восточныхъ епископовъ и въ извѣстномъ правилѣ этого собора о привилегіи Константинополя на право чести вслѣдъ за Римомъ. Весьма любопытно, что на Западѣ въ слѣдующемъ же году созванъ былъ соборъ въ Аквилеѣ, на которомъ не присутствовали восточные епископы, хотя на этомъ соборѣ трактовались вопросы, относящіеся къ восточной церкви. Самый вліятельный тогдашній епископъ Амвросій медіоланскій не преминулъ обратиться къ Ѳеодосію съ письмомъ по поводу этого обстоятельства, указывая на установившійся обычай въ дѣлахъ церковныхъ спрашивать мнѣнія римской церкви, но письмо осталось безъ результата [1]). Можно думать, что въ своихъ воззрѣніяхъ на церковный вопросъ Ѳеодосій руководился идеей самостоятельности восточной церкви. Во всякомъ случаѣ, его авторитету и настойчивости обязана восточная церковь своими первыми попытками управляться независимо отъ римскаго епископа.

Къ концу IV вѣка въ Римской имперіи обнаруживается другое явленіе, имѣющее въ дальнѣйшей исторической эволюціи величайшее значеніе послѣ христіанства. Имѣемъ въ виду иммиграцію новыхъ народовъ, которые то съ оружіемъ въ рукахъ, то мирными колонистами заселяли римскія провинціи. Наиболѣе сильными выразителями эпохи переселенія народовъ были готы—одно изъ даровитѣйшихъ нѣмецкихъ племенъ.

Готы—это норманны эпохи переселенія народовъ. Въ небольшой періодъ времени они искрестили всю Европу съ сѣвера на югъ и съ востока на западъ, нигдѣ не дѣлая продолжительной остановки. Познакомившись съ южнымъ моремъ, они предпринимали морскіе набѣги на прибрежныя страны Европы и Азіи, переходили большими отрядами на малоазійскій материкъ и опустошали римскіе города.

---

[1]) Sozom. VII, 9.

Изъ первоначальныхъ мѣстъ своего обитанія у Балтійскаго моря они въ концѣ II вѣка (160—170 г.) двинулись къ югу и произвели здѣсь перемѣщеніе народовъ Восточной Европы. Передвиженіе готовъ съ сѣвера на югъ продолжалось, по крайней мѣрѣ, 30 лѣтъ: въ началѣ III вѣка они уже занимали юго-восточную Европу отъ Дуная до Дона; рѣка Днѣстръ раздѣляла готовъ на двѣ части: восточную и западную. Не извѣстно, вынесли ли они съ родины раздѣленіе на двѣ вѣтви, или уже на римской границѣ образовалось раздѣленіе; во всякомъ случаѣ, въ III в. готы раздѣляются на остготовъ и вестготовъ. Первые назывались на туземномъ языкѣ еще грейтунгами, ими владычествовалъ родъ Амаловъ; вторые именовались тервингами и были подъ управленіемъ рода Балтовъ. О наслѣдственной королевской власти и объединеніи всѣхъ готовъ не можетъ быть и рѣчи, хотя національный историкъ Іорнандъ уже до времени Константина Великаго насчитываетъ у готовъ четырехъ королей. Даже въ концѣ IV в. находимъ у нихъ двухъ самостоятельныхъ властителей Атанариха и Фритигерна и, кромѣ того, отдѣльное государство Германриха. Нужно думать, что это были начальники отдѣльныхъ колѣнъ, успѣвшіе личной храбростью возвыситься надъ старшинами другихъ колѣнъ. Теперь уже доказано, что историки Кассіодоръ и Іорнандъ придали Германриху обширную власть изъ политической тенденціи. Малая достовѣрность древнѣйшей исторіи готовъ прекрасно документируется письмомъ остготскаго короля Аталариха римскому сенату отъ 534 г. Король говоритъ здѣсь о заслугахъ готскаго историка Кассіодора слѣдующее: „Онъ погрузился въ древность нашего рода и вычиталъ тамъ то, что едва хранилось въ памяти нашихъ предковъ. Онъ вывелъ изъ мрака забвенія готскихъ королей, возстановивъ въ полномъ блескѣ славу рода Амаловъ, ясно показавъ, что мы составляемъ 17-ое поколѣніе королевской династіи. Первоначальную готскую исторію онъ связалъ съ римской, соединивъ какъ бы въ одинъ роскошный вѣнокъ то, что было разбросано по широкому полю книгъ. Подумайте, сколько любви показалъ онъ и къ вамъ, похваливъ насъ. Онъ разъяснилъ, что вы находитесь подъ властью народа, который искони отличался чудною славой“.

Несмотря на старанія Іорнанда и Кассіодора, древняя исторія готовъ остается весьма темна. Правда, отдаленнѣйшія страны испы-

тали несчастія отъ ихъ набѣговъ. самый Римъ не разъ находился въ крайней опасности, напримѣръ, въ 251 г., когда въ войнѣ съ готами палъ императоръ Децій, но напрасны усилія доказать, что въ этихъ смѣлыхъ набѣгахъ и войнахъ съ имперіей готы дѣйствовали по опредѣленному плану, какъ организованный народъ—войско, а не какъ дружинники и пираты. Съ 238 г. римляне начали откупаться отъ нихъ деньгами, но и это не помогало, такъ какъ на мѣсто ушедшей дружины являлась новая и требовала подачки.

Важнѣйшимъ моментомъ въ отношеніяхъ между готами и римлянами было, безъ сомнѣнія, завоеваніе Крымскаго полуострова остготами около половины III вѣка. Сдѣлавшись владѣтелями этой прекрасной страны, готы воспользовались мѣстными условіями и утвердили свою власть на морѣ. Прибрежное крымское населеніе, пріученное къ мореплаванію, служило гребцами и проводниками и вело готовъ за добычей. Тогда самыя укрѣпленныя мѣста, какъ нынѣшняя Пицунда и Трапезунтъ, не были свободны отъ страха готскаго нашествія. Съ моря угрожали пираты-остготы, съ суши—дружины вестготовъ, которыя переправлялись черезъ Дунай, дѣлали опустошенія на Балканскомъ полуостровѣ, доходя до Босфора. На рыбачьихъ лодкахъ переправлялись они изъ Европы въ Азію и съ богатой добычей возвращались снова за Дунай. Императоръ Клавдій въ 269 г. нанесъ имъ пораженіе при Ниссѣ, при чемъ онъ доносилъ, что враговъ было до 300000. Но въ 274 г. императоръ Авреліанъ принужденъ былъ уступить готамъ Дакію для поселенія.

Древнѣйшіе германскіе литературные памятники готскаго происхожденія; такъ, переводъ Библіи на нѣмецкій языкъ сдѣланъ готомъ Ульфилою въ первой половинѣ IV вѣка. Христіанство прежде всего распространилось среди крымскихъ готовъ, первыя объ этомъ извѣстія относятся къ 258 г. На первомъ вселенскомъ соборѣ въ 325 г. присутствовалъ готскій епископъ Ѳеофилъ. Изъ писемъ І. Златоуста (206 и 209) извѣстно, что онъ посвятилъ для готовъ епископа Унилу.

Роковымъ событіемъ въ исторіи готовъ было то, что они сдѣлались ревностными послѣдователями аріанства. По вопросу объ обстоятельствахъ распространенія у готовъ аріанскаго ученія существуютъ разнорѣчивыя мнѣнія. Слѣдуетъ думать, что въ III в. христіанство проникло лишь къ крымскимъ готамъ, а что въ IV в.

аріанство распространилъ среди вестготовъ епископъ ихъ Ульфила [1]). Онъ родился около 311 г., воспитаніе получилъ при дворѣ римскаго императора, куда попалъ въ качествѣ заложника. Въ 340 г. посвященъ Евсевіемъ въ епископы и отправленъ миссіонеромъ къ вестготамъ, обитавшимъ въ Дакіи и смежной съ ней части Мизіи. Онъ дѣйствовалъ между готами до 381 или 388 г. Какъ сказано выше, ему принадлежитъ переводъ Библіи на нѣмецкій языкъ.

При такихъ условіяхъ въ юго-восточной Европѣ, гдѣ господствовали далеко еще не объединенныя готскія колѣна и народы разнаго происхожденія, какъ герулы, языги, роксоланы и др., произошло движеніе гунновъ, вызвавшее новое громадное перемѣщеніе народовъ.

Гунны являются въ исторіи народомъ кочевымъ и хищническимъ. Жилищъ они не строили и боялись ихъ какъ могилы. Земледѣлія не знали и питались сырымъ мясомъ, разогрѣтымъ подъ ихъ сѣдлами. Носили льняныя одежды и кожи и не перемѣняли ихъ, пока онѣ не сваливались съ плечъ. Съ дѣтства привыкали къ верховой ѣздѣ, сидя на лошади занимались дѣлами, даже ѣли и спали. При передвиженіи орды, на телѣгахъ ѣхали за мужьями жены и дѣти. Нападеніе ихъ было быстро и неожиданно, но также поспѣшно и отступленіе. Городовъ и укрѣпленныхъ лагерей они не умѣли брать: тутъ нужна осада, приготовительныя работы, а гунны терпѣть и ждать не хотѣли. Долго считали гунновъ народомъ монгольскаго происхожденія и выводили ихъ исторію изъ китайскихъ писателей; справедливѣе теперь принимаютъ въ нихъ смѣшанное происхожденіе, въ которомъ чудская и финнская кровь составляла главное содержаніе. Равнины между Волгою и Ураломъ были заняты этими кочевниками со времени Р. Хр.; южная орда извѣстна подъ именемъ бѣлыхъ гунновъ и упоминается у персидскихъ историковъ, сѣверная орда или черные гунны господствовали на Уралѣ. Въ 372 г. подъ предводительствомъ Валамира, черные гунны двинулись къ юго-западу поискать новыхъ, болѣе обильныхъ пастбищъ. Между Дономъ и Волгой они встрѣтились съ аланами, побѣдили ихъ и заставили двинуться также на западъ [2]). Южно-русская равнина по сѣв. берегу

[1]) Waitz, „Leben und Lehre des Ulfila", 1840; Bessel, „Leben des Ulfila", 1860.

[2]) Григорьевъ, „Журн. Мин. Нар. Просв.", мартъ 1875.

ΙΛΑΚΟΥΕΙΝΑ	ΠΕΝΔΕΠΡΟ
ΚΟΥΕΤΩ	ΑΥΓΟΥCΤΗΝΠ
ΙCΑΝΛΕΓΕΙΤΙΣ	ΡΑΒΟΛΗΝΤΑΥ
ΓΕCΑΥΙ ΩΠΑΝ	ΤΗΝΛΕΓΩΝΤ
ΓΕCΟΙΤΕΧΩΝ	ΑΝΟC ΕΞΥΜΩ
ΚΑΙΟΙΑΜΑΡΙΩ	CΧΩΝΕΚΑΤΟ
ΛΟΙΑΚΟΥΕΙΝ	ΠΡΟΒΑΤΑΚΑΙΑ
ΑΥΤΟΥ ΚΑΙΛΙC	ΠΟΛΕCΑΓΕΝΕ

Лит. И. Кадушкина С.П.Б.

Чернаго моря занята была остготами, которые тогда подъ властью Германриха образовали довольно обширное государство. Видя, что роксоланы и часть готовъ пристали къ гуннамъ, Германрихъ съ отчаянія лишилъ себя жизни. Сынъ его Гунимундъ вошелъ съ гуннами въ соглашеніе и усилилъ этимъ орду ихъ; нѣкоторая часть готовъ двинулась къ Дунаю искать защиты у римлянъ. Вестготы, жившіе на Дунаѣ, въ то время враждовали между собою, раздѣлившись на два враждебные лагеря подъ предводительствомъ Атанариха и Фритигерна; изъ нихъ послѣдній защищалъ христіанъ, а первый преслѣдовалъ ихъ. Храбрый Атанарихъ окруженъ былъ гуннами на Днѣстрѣ, отступилъ за Трояновъ валъ между Прутомъ и Дунаемъ; наконецъ, чтобы спасти своихъ готовъ, удалился къ Карпатскимъ горамъ. Нѣмецкіе народы, не желавшіе примкнуть къ ордѣ гунновъ, силою обстоятельствъ приведены были къ римской границѣ и стояли на лѣвомъ берегу Дуная, готовые въ случаѣ неминуемой опасности переправиться въ имперскія области. Это были тайфалы, часть остготовъ и вестготы Фритигерна. Недостатокъ жизненныхъ средствъ, опустошеніе гуннами страны на сѣверъ отъ Дуная и опасность отъ этихъ дикихъ охотниковъ—все соединилось къ тому, чтобы заставить голодныхъ готовъ прочистить себѣ путь во Ѳракію.

Между тѣмъ, на противоположномъ берегу Дуная усилены были римскіе форпосты, и отданъ приказъ тщательно слѣдить за переправами. Готы—говоритъ Евнапій—падали на колѣни, испускали жалобные вопли и поднимали руки; вожди ихъ просили переговоровъ съ начальниками римской стражи. Когда имъ позволено было высказать свое желаніе, они умоляли дать имъ свободныя земли для поселенія, обѣщаясь быть вѣрными слугами императора и мирными поселенцами. Это было въ 376 г. Императоръ Валентъ [1]), находившійся тогда въ азіатскихъ провинціяхъ по случаю войны съ персами, далъ согласіе на принятіе готовъ въ римскія области. Что касается условій, на которыхъ римляне рѣшились допустить къ себѣ готовъ,

[1]) По смерти Константина Великаго рядъ императоровъ идетъ въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) отъ 337 до 353 г. сыновья Константинъ II (Галлія и Испанія), Константъ (Италія и Африка), Констанцій (Востокъ); 2) племянники: Далмацій (дунайскія провинціи), Ганнибаліанъ (Понтъ). Съ 353 г. по 361 имперія соединена подъ одною властью Констанція. Слѣдуютъ: Юліанъ (361—363), Іовіанъ (363—364), Валентиніанъ I (364—375) на Западѣ, Валентъ (364—378) на Востокѣ, Граціанъ и Валентиніанъ II (375—392) на Западѣ, Ѳеодосій (379—395) на Востокѣ.

весьма вѣроятно, что имъ дано право федеративнаго народа, т.-е. они дали заложниковъ и выставляли отъ себя контингентъ въ римскую военную службу. Поселеніе готовъ должно было произойти по опредѣленной формѣ, при извѣстномъ порядкѣ. Но форма нарушена была еще до прибытія разрѣшенія, толпы варваровъ вплавь переправлялись на римскій берегъ, ихъ оружіемъ заставляли плыть назадъ: вотъ причина, изъ которой произошли недоразумѣнія, поведшія къ кровавымъ столкновеніямъ.

Число варваровъ, принятыхъ на римскую службу, должно быть не менѣе милліона, если вѣрить Евнапію, что вооруженныхъ было до 200000. Нужно было раздѣлить ихъ на мелкіе отряды и дать имъ средства къ пропитанію, пока они займутся обработкой выдѣленныхъ имъ участковъ. Но довѣренныя лица императора, Лупицинъ и Максимъ, захотѣли извлечь личную пользу изъ этого положенія. Не раздѣляя полчища готовъ, они не позаботились снабдить его припасами, продавали хлѣбъ по возвышенной цѣнѣ, вслѣдствіе чего готы стали продавать плѣнниковъ, а потомъ женъ и дѣтей. Поднялось общее неудовольствіе; чтобы потушить волненіе, отданъ былъ приказъ раздѣлить готовъ. Но для этого потребовались войска, которымъ ввѣрена была стража на Дунаѣ. Остготы и тайфалы, зорко слѣдившіе съ того берега за событіями, воспользовались этимъ и также переправились на римскую сторону. Римскіе полководцы поняли опасность, пригласили нѣмецкихъ вождей на угощеніе въ Маркіанополь и умертвили ихъ. Но Фритигерну удалось спастись и жестоко отомстить римлянамъ за вѣроломство. Разбивая римскіе отряды въ легкихъ стычкахъ, онъ успѣлъ вооружить готовъ римскимъ оружіемъ, смѣлѣе пошелъ впередъ по Ѳракіи и угрожалъ большимъ римскимъ городамъ. Въ 378 г. прибылъ на мѣсто дѣйствія съ военными легіонами императоръ Валентъ, но при Адріанополѣ готамъ удалось одержать блестящую побѣду, причемъ уничтожено было римское войско и убитъ самъ императоръ. Весь полуостровъ до самыхъ стѣнъ Царяграда открытъ былъ готамъ, и они грабежомъ и опустошеніями мстили римлянамъ. Западный императоръ Граціанъ, извѣщенный объ опасности на Балканскомъ полуостровѣ, послалъ на помощь Валенту флотъ и войско. Но послѣ несчастнаго дѣла при Адріанополѣ онъ уже не рѣшался выставлять открытой силы противъ готовъ. Вступивъ въ переговоры съ нѣкоторыми варварскими

вождями, Граціанъ убѣдилъ остготовъ поселиться въ южной Панноніи и потомъ поручилъ устройство военныхъ дѣлъ полководцу Ѳеодосію, назначивъ его августомъ.

Новый императоръ (379 – 395) съ рѣдкимъ умѣньемъ исполнилъ свою задачу: поднявъ дисциплину войска и избѣгая большихъ битвъ съ готами, онъ, однако, заставилъ варваровъ прекратить опустошенія; не мало помогло ему и то, что въ это время умеръ Фритигернъ. Результатомъ политики Ѳеодосія было то, что къ 382 г. вестготы успокоились, размѣстились по Ѳракіи на правахъ союзнаго народа. Чтобы предупредить возможность новыхъ движеній между ними, Ѳеодосій пригласилъ поселиться въ римской землѣ и Атанариха: этимъ создавался противовѣсъ готамъ-аріанамъ въ готахъ-язычникахъ. Варвары поступали въ римскую службу, размѣщаемы были по разнымъ легіонамъ; большинство же ихъ оставалось на занятой землѣ и пріучалось къ хлѣбопашеству. За ними обезпечивалась свобода внутренняго управленія, на извѣстный срокъ свобода отъ податей. Но они теряли право выбирать себѣ высшую военную власть, обязывались доставлять вспомогательныя войска въ римскую службу. Разселяясь по отведеннымъ имъ землямъ, германцы вступали въ мирныя сношенія съ римлянами, усваивали ихъ обычаи, но не менѣе передавали и свои. По крайней мѣрѣ, въ началѣ V в. уже раздаются обличенія противъ варварской моды въ одеждѣ, противъ окрашиванія волосъ и т. п. Нѣмецкіе отряды входятъ, какъ почетная часть, въ придворную стражу. Способнѣйшіе германцы усвояютъ римскіе военные обычаи и изучаютъ римскую политику; варварскій элементъ сильно даетъ себя чувствовать въ придворной и военной службѣ.

Дворъ Констанція въ Миланѣ и Ѳеодосія Великаго въ Константинополѣ былъ наполненъ германцами. Но имперія, повидимому, была далека отъ мысли, что германскій элементъ можетъ быть опаснымъ, и тѣмъ болѣе государственные римскіе люди не предвидѣли того, что германцамъ въ самомъ ближайшемъ времени предстоитъ распоряжаться судьбами Западной и Восточной имперіи. Такъ какъ переходъ вестготовъ за Дунай составляетъ первостепенный фактъ въ процессѣ преобразованія Восточной имперіи въ Византійскую, то намъ слѣдуетъ оцѣнить его значеніе и разсмотрѣть его послѣдствія.

Постепенное вторженіе германскихъ народовъ въ предѣлы Римской имперіи сопровождалось громадными послѣдствіями какъ для

внѣшней политической исторіи, такъ и во внутреннемъ развитіи Западной и Восточной имперіи. Политика императоровъ, частью направляемая силою обстоятельствъ, противъ которыхъ невозможно было бороться, частью же сознательно вызывавшая и поощрявшая германскую иммиграцію, могла въ значительной степени имѣть себѣ оправданіе въ томъ для всѣхъ очевидномъ фактѣ, что вездѣ, въ особенности же на границахъ, замѣчалась убыль населенія, что чувствовалась потребность пополнить рѣдѣющіе ряды земледѣльцевъ, увеличить податные классы, съ которыхъ можно было бы собирать подати и вербовать легіоны. Германцы удовлетворяли всѣмъ указаннымъ потребностямъ, и массы ихъ въ III и IV вв. переходятъ въ имперію или въ качествѣ военноплѣнныхъ, или добровольно вступившихъ въ зависимыя отношенія.

Римская политическая система по отношенію къ германцамъ получаетъ особенно ясныя черты при Ѳеодосіи Великомъ въ концѣ IV вѣка. Правда и то, что къ этому времени германскій вопросъ, послѣ движенія за Дунай готовъ и утвержденія въ юго-восточной Европѣ гунновъ, получилъ въ имперіи уже важное политическое значеніе, тогда какъ до половины IV вѣка онъ не выходилъ изъ области явленій экономическихъ и соціальныхъ. Императоръ Ѳеодосій, принявъ рядъ мѣръ къ успокоенію готовъ и устранивъ острую опасность, вызванную неосторожнымъ допущеніемъ въ предѣлы Восточной имперіи нѣсколькихъ сотенъ тысячъ военнаго свободолюбиваго народа, твердо поставилъ и безповоротно рѣшилъ принципіальный вопросъ — объ отношеніи имперіи къ германцамъ. Въ мѣропріятіяхъ Ѳеодосія нужно искать объясненія той роли, которую германскій элементъ играетъ въ имперіи въ концѣ IV и въ V вѣкѣ. Ѳеодосій пришелъ къ окончательному заключенію, что для греко-романскаго міра не по силамъ борьба съ новыми и новыми волнами, выдвигаемыми сѣверо-восточной Европой, что безнадежно настаивать болѣе на упорномъ противоположеніи римскаго и варварскаго міра. Придя къ этому рѣшенію, Ѳеодосій задумалъ въ этихъ самыхъ варварахъ создать оплотъ въ предупрежденіе распаденія имперіи. Для этого нужно было вовлечь ихъ въ интересы римскаго государства, привязать ихъ къ законамъ, учрежденіямъ и культурнымъ благамъ Рима. Лучшимъ средствомъ для этого Ѳеодосій призналъ соединеніе браками германцевъ и римлянъ и широкое допущеніе первыхъ къ воен-

нымъ и гражданскимъ должностямъ. Въ этомъ отношеніи Ѳеодосій дѣлалъ значительныя уступки религіозному принципу, допуская на службу даже приверженцевъ языческаго культа. Дворъ его поэтому окруженъ былъ выдающимися людьми всѣхъ національностей и религій, которымъ онъ не стѣснялся давать высшіе титулы и должности [1]). Таковы Рихомеръ, Саулъ, Стилихонъ, Арбогастъ, Гаина и другіе. Высокія мѣста, занимаемыя этими германцами, почетъ и расположеніе, которымъ они пользовались въ имперіи, были самымъ рѣшительнымъ стимуломъ для другихъ германцевъ за Дунаемъ и за Рейномъ, чтобы, оставляя родину, искать счастья и удачи въ Римской имперіи. Болѣе глубокія перемѣны вносили германцы въ армію, гдѣ они не только численно стали преобладать надъ туземцами, но и вызывать измѣненія въ самомъ военномъ строѣ и военной системѣ.

Въ высшей степени интересно подвергнуть изслѣдованію тѣ перемѣны, которыми сопровождалось проникновеніе варваровъ въ имперію. Еще никто, повидимому, не сомнѣвался въ превосходствѣ римскаго міра, никто не думалъ, что варварамъ принадлежитъ ближайшее будущее; напротивъ, большинство видѣло въ наводненіи германцами имперіи странное недоразумѣніе, которое можно еще устранить; большинство было того мнѣнія, что твердая политика сына Ѳеодосія могла бы бороться со зломъ,—между тѣмъ, въ дѣйствительности съ конца IV вѣка германскій элементъ утверждается въ имперіи весьма прочно и начинаетъ подготовлять тотъ переворотъ, который въ Западной имперіи завершился основаніемъ германскихъ государствъ и прекращеніемъ линіи римскихъ императоровъ.

По смерти Ѳеодосія въ Византіи можно видѣть три политическія партіи. Германская несомнѣнно была самая главная и наиболѣе вліятельная; во главѣ ея стоялъ Гаина, главнокомандующій восточными войсками, около него группировались не только служилые германцы, но и значительная часть ромэевъ, раздѣлявшихъ политическіе взгляды Ѳеодосія. Сила этой партіи заключалась въ томъ, что она имѣла поддержку въ полномочномъ министрѣ западнаго императора Стилихонѣ и въ супругѣ умершаго императора Евдоксіи—франкскаго происхожденія. Слабая сторона въ этой партіи было религіозное разъеди-

---

1) Güldenpenning, „Geschichte des oströmischen Reiches unter den Kaisern Arcadius und Theodosius II“ (Halle, 1885, S. 91); Kaufmann, „Deutsche Geschichte“, I, 289 (Leipzig, 1880).

неніе: часть готовъ была аріане, часть исповѣдывала языческую вѣру, нѣкоторые принадлежали къ православнымъ. Религіозное разъединеніе сильно ослабляло германскую партію. Самой видной партіей, которая могла ставить германцамъ преграду, была партія Евтропія. Она не сосредоточивала, однако, людей патріотическаго направленія мыслей; около Евтропія группировались лишь его приверженцы, честолюбцы и искатели личныхъ выгодъ и обогащенія; греческая аристократія и народъ не любили выскочку Евтропія и не могли поддерживать его даже и въ томъ случаѣ, если бы онъ рѣзко выступилъ противъ германцевъ. Третью партію составляли мѣстные аристократы — сенаторы и патриціи, представители оппозиціи противъ варварскаго вліянія и могущества евнуха. Для этой партіи одинаково невыносимо было и то обстоятельство, что всѣ главные военные посты находились въ рукахъ германскихъ генераловъ (Стилихонъ въ Италіи, Аларихъ въ Иллирикѣ, Гаина на Востокѣ), такъ и то, что временщикъ Евтропій пожалованъ консуломъ на 399 годъ, а вслѣдъ затѣмъ возведенъ въ патриціи. Какъ значеніе упомянутыхъ партій, такъ и борьба ихъ составляетъ предметъ литературныхъ произведеній, современныхъ событіямъ.

Если германскій элементъ несомнѣнно игралъ выдающуюся роль въ судьбахъ Восточной имперіи съ конца IV вѣка, то ближайшее разсмотрѣніе военныхъ и гражданскихъ условій, въ которыхъ находились германцы, можетъ представлять собой достойный изученія предметъ. Несмотря на скудость данныхъ, почерпаемыхъ въ извѣстіяхъ греко-римскихъ писателей, мы не лишены до нѣкоторой степени возможности выяснить значеніе перемѣнъ, вызванныхъ германской иммиграціей въ имперію. Въ свою очередь, изученіе этихъ перемѣнъ можетъ доставить нѣсколько любопытныхъ данныхъ къ характеристикѣ тѣхъ особенностей, которыми новые народы поражали современныхъ имъ грековъ и римлянъ.

Участіе готовъ въ судьбахъ имперіи наиболѣе выразилось въ военномъ дѣлѣ, такъ какъ, въ свою очередь, и готскій народъ характеризуется по преимуществу военными чертами. Тенденціозная точка зрѣнія, нашедшая примѣненіе въ сочиненіи Іорнанда, выставляетъ дѣло такимъ образомъ, что политическія судьбы имперіи, ея военное могущество и слабость вполнѣ зависѣли отъ тѣхъ отношеній, въ которыхъ имперія находилась къ готамъ. Если имперія соблюдала

договоры съ готами, то она обезпечена была на счетъ своихъ границъ, ибо готы честно защищали ея интересы; если же нарушались договоры, имперія вездѣ испытывала пораженія и терпѣла потери. Іорнандъ [1]) категорически выражается объ этомъ: „безъ помощи готовъ римское войско не имѣло успѣха ни противъ кого изъ враговъ своихъ; такъ они помогали Константину въ войнѣ его съ Лициніемъ, и благодаря ихъ помощи послѣдній былъ запертъ въ Ѳессалоникѣ и убитъ; готы же оказали Константину содѣйствіе при основаніи знаменитаго города его имени; заключивъ съ нимъ союзъ (foedus inito cum imperatore), они доставили ему дружину изъ сорока тысячъ противъ враждебныхъ племенъ; готскій корпусъ и его военная служба донынѣ сохраняются въ имперіи въ имени федератовъ".

Имя федераты извѣстно было въ Римской имперіи и ранѣе появленія готовъ. Съ основанія римскаго государства существовалъ обычай поручать защиту границъ сопредѣльнымъ съ Римомъ независимымъ народамъ, съ которыми для этого заключаемъ былъ foedus, обязывавшій иноземный народъ доставлять вспомогательный отрядъ для защиты имперіи. Такъ республика охраняла свои африканскія владѣнія чрезъ союзъ съ царемъ Нумидіи; такъ Августъ оберегалъ границы на Евфратѣ чрезъ царей каппадокійскихъ. Въ основаніи всѣхъ подобныхъ отношеній лежитъ foedus, т. е. договоръ братства по оружію [2]); въ политическомъ отношеніи всѣ варвары, вступившіе съ Римомъ въ подобный союзъ, обязывались къ военной службѣ въ формѣ доставки вспомогательнаго отряда, оставаясь или вполнѣ независимыми во внутреннемъ управленіи своимъ народомъ, или подвергаясь нѣкоторымъ ограниченіямъ, которыя зависѣли отъ формъ надѣленія ихъ римскими титулами [3]) или денежными выдачами. Существенное измѣненіе въ отношеніи къ федератамъ IV вѣка заключается въ томъ, что федератами стали называться не только варварскіе народы, жившіе за границами имперіи, но и такіе, которые получили для поселенія имперскія области, т.-е. надѣляемы были

---

[1]) „Getica", p. 86—87, ed. Mommsen, „Mon. Germ. historica, auctor. antiquiss.", tomi V, pars I. Berol. 1882.

[2]) Mommsen, „Das römische Militärwesen seit Diocletian" („Hermes", XXIV, 1889, S. 195).

[3]) Procopii, „De bello Persico", II, 15, ξύμβολα τῆς ἀρχῆς; Theoph. Chronogr., ed. Boor., p. 240, объ Ареѳѣ, филархѣ арабскомъ.

земельнымъ пожалованіемъ подъ условіемъ защиты имперскихъ границъ. По прежнимъ обычаямъ федеративный народъ вознаграждаемъ былъ или освобожденіемъ, или уменьшеніемъ трибута; теперь же входитъ въ обычай, что прикрывающіе границы вожди варваровъ претендуютъ на опредѣленныя денежныя выдачи, какими имперія содержала свои пограничныя войска. Установленіе нормы выдачи становится существеннымъ содержаніемъ договоровъ предводителей германскихъ племенъ или отдѣльныхъ военныхъ дружинъ съ имперіей. Соотвѣтственно нормѣ денежной выдачи предводитель обязывался содержать для службы имперіи опредѣленный вооруженный отрядъ: число военной дружины зависитъ отъ суммы, выдаваемой ежегодно правительствомъ имперіи предводителю федеративнаго колѣна или народа.

Чтобы не оставаться въ области общихъ положеній, возьмемъ нѣсколько отдѣльныхъ случаевъ и посмотримъ, какъ рисуются въ нихъ отношенія германцевъ къ имперіи. У большинства писателей и именно такихъ, которые или сами хорошо знали событія, или пользовались хорошими источниками, отмѣчается особенная политическая тенденція предводителей варварскихъ дружинъ, заявляемая ими болѣе или менѣе открыто. Оказывается, что эта политическая тенденція замѣтна была уже при Ѳеодосіи и частью объяснялась предпочтеніемъ, оказываемымъ варварамъ этимъ императоромъ. У Евнапія находимъ слѣдующее мѣсто: „когда предводители скиѳскихъ дружинъ, знатные по чести и происхожденію, перешли къ ромэямъ, то, будучи обласканы милостями царя и видя, что все передъ ними склоняется, они раздѣлились между собой на партіи: одна держалась того мнѣнія, что слѣдуетъ довольствоваться тѣмъ благопріятнымъ положеніемъ, которое выпало на ихъ долю въ имперіи, другая же, руководясь германскимъ патріотизмомъ и ссылаясь на секретную присягу и на тайное между германцами соглашеніе, стремилась всѣми средствами вредить грекамъ и пользоваться всякимъ случаемъ, чтобы завладѣть ихъ страной“.—Здѣсь уже нѣтъ рѣчи о религіозномъ разъединеніи между готами—готы аріане и готы православные,—здѣсь прямо идетъ рѣчь о политическомъ принципѣ. Во главѣ грекофильской партіи стоялъ язычникъ Фравита, женатый съ согласія императора на гречанкѣ; германофильская партія группировалась около другого вождя по имени Еріульфа.—Та же самая черта поли-

Рис. 18. Обелискъ Өеодосія на Ипподромѣ.

тической измѣны германцевъ отмѣчена у другихъ писателей. Зосима, говоря о привлеченіи Ѳеодосіемъ въ армію значительныхъ отрядовъ германцевъ, также замѣчаетъ, что они имѣли тайный замыселъ, какъ скоро получатъ численное преобладаніе, овладѣть имперіей и устранить грековъ.

Знакомясь съ исторіей германскаго элемента въ Восточной имперіи, мы дѣйствительно видимъ уже въ самомъ концѣ IV вѣка смѣлую попытку со стороны германца Гаины произвести переворотъ въ пользу германцевъ. Подобныя попытки повторяются затѣмъ въ теченіе всего V вѣка. Причина того, что германскія притязанія не такъ скоро осуществились, заключается въ томъ, что Ѳеодосій имѣлъ дѣло не съ племенами, а съ отдѣльными дружинами и притомъ не такими численными, какъ объ этомъ говорятъ источники.

Опредѣлить значеніе германской и вообще варварской иммиграціи въ имперію чрезвычайно важно для оцѣнки явленій, совершающихся въ V вѣкѣ и дающихъ направленіе всему дальнѣйшему европейскому развитію. Изъ многочисленныхъ фактовъ, стоящихъ въ связи съ принятіемъ варваровъ въ имперію, слѣдуетъ прежде всего взвѣсить переворотъ въ системѣ военныхъ наборовъ и замѣну національнаго войска наемными отрядами или федератами. У современныхъ писателей [1]) есть, съ одной стороны, попытка опредѣлить обыкновенный составъ арміи въ размѣрѣ 645 тысячъ, между тѣмъ составъ національнаго войска не превышалъ 150 тысячъ; все же остальное было заполнено иностранными дружинами, такъ какъ имперія не могла оставаться безъ прикрытія. Церковный историкъ Сократъ (IV, c. 34), повидимому, правильно оцѣниваетъ политику Ѳеодосія въ слѣдующихъ словахъ: „отдѣливъ пришельцамъ Ѳракію, императоръ считалъ это благопріятнымъ для имперіи обстоятельствомъ, ибо думалъ, что пріобрѣлъ въ варварахъ готовое и прекрасное войско. Надѣясь, что варвары будутъ лучшими стражами ромэйской земли, онъ не заботился объ умноженіи римскаго войска, а перевелъ на деньги военную повинность“. Было бы затруднительно говорить о численномъ составѣ федератовъ, ибо весьма вѣроятно, что не вся масса германскихъ поселенцевъ поступала въ разрядъ федератовъ. Такъ, часть варваровъ получила военно-помѣстную организацію и

1) Agathiae, V, c. 13; Zosimi, p. 206, 12.

служила съ доходовъ отъ надѣльной земли, часть записывалась и распредѣлялась по легіонамъ и разсылалась по мѣстамъ расположе-

Рис. 19. Рельефы базы обелиска Ѳеодосія.

нія послѣднихъ. Наконецъ, сами федераты съ теченіемъ времени осѣдали на опредѣленномъ мѣстѣ, подчинялись условіямъ мѣстной

жизни и переходили въ сельское сословіе. Наиболѣе выдающіеся германцы, предводители колѣнъ и начальники дружинъ, переселялись въ большіе города или въ столицу, усвояли себѣ образованіе и обычаи образованнаго общества, выучивались языку и скоро ассимилировались съ господствующимъ населеніемъ. Въ высшихъ рядахъ военной и гражданской администраціи сплошь-и-рядомъ встрѣчаемъ затѣмъ варварскія имена; предки знатныхъ генераловъ V вѣка за 50 лѣтъ были свободными германцами, начальниками дружинъ.

Германцы понимали свое положеніе въ имперіи и презрительно относились къ правительству и изнѣженнымъ представителямъ высшихъ классовъ. Предводители дружинъ, занимавшіе въ имперіи важные военные посты, не могли не придти къ мысли о легкости ниспроверженія существующаго порядка и о замѣнѣ туземнаго правительства германскимъ. Такой случай имѣлъ мѣсто вскорѣ по смерти Ѳеодосія, когда предводитель Гаина захватилъ Константинополь и произвелъ смуту въ восточныхъ войскахъ, „замышляя овладѣть—какъ говоритъ современникъ—самимъ царствомъ“ [1]). Онъ имѣлъ къ тому всѣ средства, ибо въ качествѣ главнокомандующаго восточными войсками поставилъ во главѣ легіоновъ преданныхъ ему людей изъ готской народности. Въ то же самое время германскій элементъ заявилъ притязанія и на религіозныя вольности и расширеніе церковныхъ правъ готской народности въ Константинополѣ. Бывшій тогда на каѳедрѣ епископа І. Златоустъ выступилъ на защиту господствующей церкви съ авторитетомъ и достоинствомъ и рѣшился отправиться въ лагерь бунтовщика, котораго и убѣдилъ умѣрить честолюбивыя домогательства [2]).

Въ самомъ концѣ IV в., т.-е. въ первые годы за смертью Ѳеодосія, случилось быть въ Константинополѣ епископу египетской Птолемаиды Синезію по дѣламъ своего каѳедральнаго города. Онъ провелъ въ Константинополѣ три года и успѣлъ хорошо ознакомиться съ положеніемъ дѣлъ, которыя изобразилъ въ запискѣ, или поданной императору Аркадію, или даже лично прочитанной. Этотъ документъ замѣчателенъ и по своей темѣ, имѣющей первостепенное значеніе для того времени, и по благородству высказанныхъ въ немъ смѣ-

---

[1]) Іоаннъ Антіохійскій, р. 611.

[2]) Моя статья: „Константинополь въ послѣдніе годы IV вѣка“ („Извѣстія Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ“, IV, 159).

лыхъ мыслей, по горячему патріотизму и по литературному построенію. Нѣтъ другого памятника, который такъ хорошо знакомилъ бы съ политическимъ состояніемъ дѣлъ въ имперіи въ 397—398 гг., и который такъ ясно и открыто выразилъ бы желанія антигерманской партіи въ Константинополѣ.

Приведемъ ту часть этого памятника, которая касается внѣшней политики [1]). „Благорасположенный къ царю философъ—съ какими по происхожденію воинами посовѣтовалъ бы ему дѣлать воинскія упражненія и проводить совмѣстную жизнь въ палаткахъ? Не съ тѣми ли, которые являются естественными защитниками полей и городовъ и всей принадлежащей царству земли, и которые опредѣлены быть стражами государства и законовъ, давшихъ имъ воспитаніе и образованіе? Это тѣ, которыхъ Платонъ сравниваетъ со сторожевыми псами. Но какъ пастухъ не можетъ оставить вмѣстѣ съ собаками волковъ, которые, какъ только замѣтятъ въ собакахъ недостаточную внимательность, тотчасъ же нападутъ на нихъ, на стадо и на пастуховъ; подобнымъ образомъ и законодатель не разрѣшитъ снабдить оружіемъ тѣхъ, которые не родились и не воспитывались въ его законахъ, ибо у таковыхъ онъ не имѣетъ никакого ручательства на благорасположеніе. И нельзя не питать страха при видѣ отрядовъ молодыхъ воиновъ, воспитанныхъ въ чуждыхъ намъ нравахъ, живущихъ по своимъ обычаямъ и замышляющихъ враждебные намъ планы. Или слѣдуетъ всѣхъ ихъ признать философами, или, отказавшись отъ этой мысли, согласиться, что надъ государствомъ виситъ камень Тантала. Они сдѣлаютъ на насъ нападеніе тогда, когда признаютъ это удобнымъ. Уже нѣкоторые предвѣстники обнаруживаются, уже видны опухоли на тѣлѣ имперіи, отъ привзошедшихъ въ него чуждыхъ элементовъ оно не въ состояніи сохранить въ равновѣсіи свое здоровье.

„Прежде чѣмъ принимать на военную службу скиѳовъ, слѣдовало сдѣлать наборъ между тѣми, которые предаются земледѣлію, поручивъ имъ защиту его, а равно привлечь къ военной службѣ и философа изъ его кабинета, и ремесленника изъ его мастерской, и торговца съ рынка, и тѣхъ изъ празднаго дима, которые занятіямъ предпочитаютъ театръ. Какъ въ частномъ домѣ, такъ равно и въ

---

[1]) Migne, t. LXVI, col. 1089, c. 14, 15.

государствѣ внѣшняя защита принадлежитъ мужскому полу, а забота о внутреннемъ распорядкѣ—женщинѣ. Какъ же мы предоставляемъ чужеземцамъ занятія, свойственныя мужскому полу? По моему мнѣнію, если бы они выиграли для насъ многія побѣды, и тогда намъ было бы стыдно ими воспользоваться. И если упомянутые мужской и женскій полъ не находятся ни въ родствѣ, ни въ соплеменности, то достаточно малѣйшаго повода, чтобы они сдѣлались повелителями гражданъ, а эти послѣдніе, отвыкшіе отъ военнаго дѣла, поставлены будутъ въ необходимость сражаться съ людьми, привыкшими къ правильной войнѣ. Итакъ, пока не дошло до этого, мы должны развивать въ себѣ римскій военный духъ и привыкнуть распоряжаться побѣдами, и не только не допустить сближенія, но изъ всякаго учрежденія удалять варваровъ.

„И прежде всего нужно отъ нихъ очистить администрацію и сенатъ, для которыхъ они служатъ позоромъ и униженіемъ. При настоящемъ положеніи мудрая Ѳемида и богъ военнаго искусства закрыли бы лицо отъ стыда при видѣ того, какъ одѣтый въ шубу варваръ командуетъ ромэями, или какъ варваръ, снявъ съ себя овечью кожу и надѣвъ тогу, берется разсуждать съ римскими мужами о государственныхъ дѣлахъ, садясь выше консула и опытныхъ законовѣдовъ. Но въ тогѣ имъ неудобно сидѣть, и они немедленно по выходѣ изъ засѣданія снова надѣваютъ свою овечью кожу, въ которой имъ свободнѣй владѣть мечемъ. Удивительно, какъ мы неосторожны. Въ каждомъ мало-мальски зажиточномъ домѣ найдемъ раба скиѳа; они служатъ поварами, виночерпіями, скиѳы же и тѣ, что ходятъ съ небольшими стульями на плечахъ и предлагаютъ ихъ тѣмъ, кто желаетъ на улицѣ отдохнуть. Всюду скиѳы, какъ-будто это искони обреченный и самой природой назначенный на службу римлянъ народъ! Достойно удивленія, что эти бѣлокурые варвары, носящіе на евбейскій образецъ распущенные волосы, у однихъ и тѣхъ же людей въ частной жизни исполняютъ роль прислуги, а въ политической занимаютъ начальственныя мѣста. Мнѣ кажется, что по природѣ всякій рабъ есть врагъ своему господину, когда у него есть надежда осилить его. Вождей возстанія у насъ не двое и не рабскаго состоянія (выше идетъ рѣчь о возстаніи Крикса и Спартака), но, находясь во главѣ большихъ, жадныхъ до убійства отрядовъ, они состоятъ, кромѣ того, въ племенномъ родствѣ съ нашими

рабами. На несчастіе римской державѣ они находятся среди насъ,

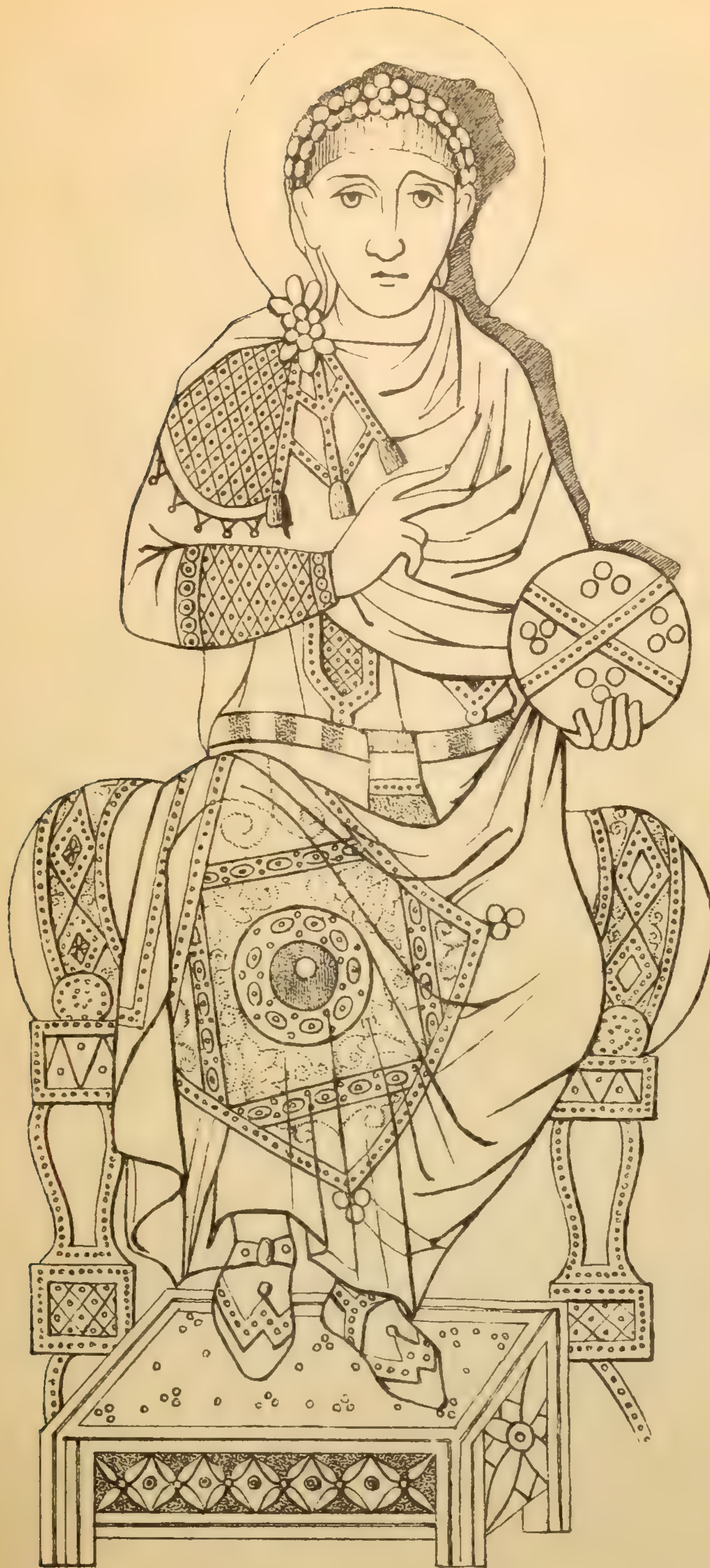
Рис. 20. Рельефы базы обелиска Ѳеодосія.

имѣя во главѣ стратиговъ, занимающихъ важныя должности въ имперіи. Стоитъ имъ захотѣть, и къ нимъ немедленно присоеди-

нятся наши рабы, которые будутъ рѣшительными и смѣлыми воинами и охотно потѣшатся надъ своими господами.

„Итакъ, должно уничтожить эту защиту и устранить внѣшнюю причину болѣзни, прежде чѣмъ раскроется ядовитый нарывъ, прежде чѣмъ обнаружится враждебный духъ поселенцевъ. Если болѣзнь захвачена въ началѣ, то можно овладѣть ея процессомъ. Пусть будетъ очищенъ военный приказъ, какъ пшеничный ворохъ; надо отдѣлить въ немъ мякину и сорныя травы, что́ портятъ настоящее зерно. Если тебѣ, царь, покажутся мои совѣты не подходящими, вспомни, надъ какими людьми царствуешь, и о какомъ народѣ я ходатайствую. Римляне и на мѣстѣ своего происхожденія, и гдѣ только ни распространилась слава ихъ имени — вездѣ и всѣми повелѣвали оружіемъ и умомъ. Что же касается этихъ скиѳовъ, то, какъ свидѣтельствуетъ Геродотъ и какъ мы сами видимъ, они одержимы болѣзнью трусости. И нынѣ къ намъ пришли не въ качествѣ завоевателей, а какъ просители, покинувъ занимаемыя прежде мѣста. Ознакомившись же съ римлянами, которые оказались слабѣе ихъ не оружіемъ, а обычаями, этотъ грубый народъ возмечталъ о себѣ и заплатилъ неблагодарностью за благодѣяніе. Потерпѣвъ же за то наказаніе отъ твоего отца, они снова и со своими женами пришли какъ просители. Онъ же, будучи побѣдителемъ въ войнѣ, оказался побѣжденнымъ въ борьбѣ состраданія. Онъ поставилъ на ноги тѣхъ, которые склонились, далъ имъ званіе союзниковъ, наградилъ гражданскими правами, удостоилъ почестей и надѣлилъ этихъ кровожадныхъ людей участками римской земли. Но варвары не понимаютъ чувства милосердія. Съ тѣхъ поръ они издѣваются надъ нами и по сіе время, сознавая, что́ они были, и какъ мы ихъ возвысили. Молва объ этомъ чрезъ сосѣдей ихъ дошла и до насъ. И приходятъ чужеземные конные стрѣлки къ гостепріимнымъ людямъ и просятъ благорасположеннаго пріема, ссылаясь на предыдущіе примѣры.

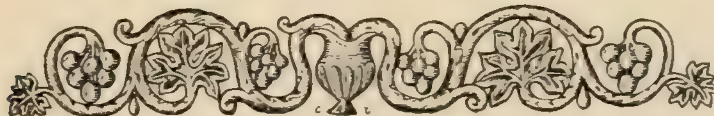
„Если послушаешь меня, изъ этого труднаго положенія есть легкій выходъ. Ты можешь восполнить имперіи оказавшійся въ ней недостатокъ умноженіемъ у насъ полковъ, воспитаніемъ въ полкахъ военнаго духа и развитіемъ національнаго войска. Противъ этихъ людей нужна настойчивость. Или пусть воздѣлываютъ землю, или пусть уходятъ тѣмъ же путемъ, что пришли, и пусть заявятъ живу-

щимъ на той сторонѣ рѣки, что у римлянъ нѣтъ болѣе прежней мягкости, и что надъ ними царствуетъ благородный юноша!"

Эта дышащая глубокимъ патріотизмомъ рѣчь не могла быть принята къ практическому руководству. Она слишкомъ далека отъ реальности, и планъ Синесія трудно было осуществить. Именно потому императоръ Ѳеодосій и рѣшился создать изъ германцевъ военную силу имперіи, что собственныхъ средствъ въ ней не имѣлось, что негдѣ было почерпнуть того военнаго духа, о которомъ говоритъ египетскій епископъ. Наборъ войскъ у сосѣднихъ народовъ обратился уже въ систему, отъ которой не могло отступить правительство, а изгнать германцевъ и потому уже было невозможно, что въ эпоху произнесенія рѣчи Константинополь находился въ полной власти варварскихъ вождей. Будущія судьбы имперіи не могли направляться согласно теоретическимъ построеніямъ, не принимавшимъ во вниманіе роковой дѣйствительности. Напротивъ, въ концѣ IV вѣка ходъ вещей всецѣло зависѣлъ отъ новыхъ народовъ, роль которыхъ въ судьбахъ имперіи была понята и безповоротно рѣшена распоряженіями Ѳеодосія Великаго.

Въ Константинополѣ на площади ат-Мейданъ или на Ипподромѣ находится египетскій обелискъ, поставленный въ 381 г. Ѳеодосіемъ Великимъ (рис. 18). Рельефы на пьедесталѣ этого обелиска, значительно пострадавшіе, относятся ко времени Ѳеодосія и изображаютъ различныя историческія событія. Между прочимъ здѣсь представлены игры на Ипподромѣ и вся царская семья: Ѳеодосій, императрица Флакцинила и сыновья Аркадій и Гонорій (рис. 19 и 20). На западной сторонѣ императоръ со всей семьей принимаетъ побѣжденныхъ готовъ [1]), на другихъ сторонахъ—сцены придворной жизни.

[1]) Grosvenor, „Constantinople", т. 1, 377—380.

ГЛАВА VI.

ВЕЛИКОЕ ПЕРЕДВИЖЕНІЕ НАРОДОВЪ. ПАДЕНІЕ ЗАПАДНОЙ ИМПЕРІИ.

На площади Аркадія (аврет-базаръ) въ Константинополѣ стояла колонна съ серебряной статуей Аркадія на верху, сверху донизу покрытая барельефами, поднимающимися спиралью (рис. 21). Здѣсь были изображены событія изъ времени Ѳеодосія и Аркадія. Въ VIII столѣтіи вслѣдствіе землетрясенія статуя Аркадія была низвергнута. Въ настоящее время сохранился только постаментъ въ 6 метровъ вышины съ рельефами.

По смерти Ѳеодосія Великаго остались два сына, Аркадій и Гонорій. Восточная имперія передана Аркадію, которому было 18 лѣтъ, а Западная—Гонорію, которому было только 11 лѣтъ. Судьбы имперіи мало, впрочемъ, зависѣли отъ юныхъ императоровъ, которые не имѣли ни мужества, ни достаточно характера, ни охоты знакомиться съ государственными дѣлами; все вліяніе перешло въ руки временщиковъ варварскаго происхожденія: Руфина на Востокѣ, Стилихона на Западѣ. Съ этихъ поръ личные интересы и честолюбивые планы названныхъ всесильныхъ министровъ получили преобладаніе при дворѣ и въ администраціи. При смерти императора присутствовалъ Стилихонъ, пользовавшійся особеннымъ довѣріемъ Ѳеодосія и возвышенный имъ чуть не до царскаго могущества; онъ былъ женатъ на Серенѣ, племянницѣ императора, и имѣлъ въ виду сосватать дочь свою за Гонорія. Что касается Руфина, то по своимъ умственнымъ и нравственнымъ качествамъ онъ былъ гораздо ниже Стилихона, но честолюбіемъ и жадностью къ богатству далеко превосходилъ его; у него была дочь, и онъ питалъ надежду быть тестемъ Аркадія. Уже тогда начавшая обнаруживаться противоположность между Востокомъ и Западомъ и разность политическихъ тенденцій нашли себѣ достаточную пищу въ

соперничествѣ двухъ министровъ, которые разсорили Аркадія и Гонорія и нашли средство противопоставить политическіе интересы обѣихъ половинъ имперіи.

На первый разъ былъ выставленъ вопросъ о восточномъ Иллирикѣ. Греція, какъ часть Иллирика, до времени Θеодосія была относима къ Италіи и причислялась къ западнымъ провинціямъ. Граціанъ, поручая Θеодосію устройство дѣлъ на Востокѣ, выдѣлилъ ему и Иллирикъ какъ провинцію, нуждавшуюся въ организаціи послѣ готскихъ набѣговъ и опустошеній. И нужно замѣтить, что по языку, традиціямъ и образу жизни населеніе Иллирика тянуло болѣе къ Востоку, чѣмъ къ Западу. При раздѣлѣ имперіи между сыновьями Θеодосій отдѣлилъ восточный Иллирикъ отъ Западной имперіи и подчинилъ его Аркадію. Западный императоръ Гонорій видѣлъ въ этомъ нарушеніе своихъ владѣній и считалъ себя обиженнымъ распоряженіемъ Θеодосія. Вопросъ объ обладаніи восточнымъ Иллирикомъ сталъ вопросомъ народной чести и предметомъ политическихъ недоразумѣній, Стилихонъ и Руфинъ съ рѣшеніемъ дѣла объ Иллирикѣ связали свои личные счеты. Изъ Константинополя отправлено было на Западъ довольно рѣзкое требованіе возвратить военные отряды, уведенные Θеодосіемъ для военныхъ предпріятій на Дунаѣ. Стилихонъ отвѣтилъ, что, когда позволятъ ему обстоятельства,

Рис. 21. Колонна Аркадія.

онъ самъ прибудетъ въ Константинополь и дастъ Аркадію отчетъ въ военныхъ и денежныхъ дѣлахъ, а также предъявитъ тѣ полномочія, которыя ему даны завѣщаніемъ Ѳеодосія. Тогда Руфинъ обратился къ средствамъ, которыя сопровождались крайне тягостными послѣдствіями для обѣихъ имперій.

Между варварскими вождями, поселенными въ Мизіи и Ѳракіи, особенно отличался вліяніемъ и мужествомъ вестготъ Аларихъ. Руфинъ вошелъ въ сношенія съ этимъ честолюбивымъ вождемъ и побудилъ его поднять готовъ на поиски болѣе удобныхъ земель для поселенія. Сначала разыграна была драма подъ стѣнами Константинополя, куда подступили готы. Руфинъ выступилъ въ лагерь непріятелей, переговорилъ съ Аларихомъ и возвратился въ Константинополь съ извѣстіемъ, что варваръ, подчиняясь авторитету Руфина, щадитъ столицу и готовъ очистить всю Ѳракію. Но скоро для всѣхъ обнаружились намѣренія Алариха. Вмѣсто того, чтобы идти на Сѣверъ, готы повернули на Западъ, прошли, подвергая страшнымъ опустошеніямъ, Македонію и Ѳессалію и повернули въ Грецію. Здѣсь, не встрѣчая сопротивленія, Аларихъ прошелъ до самыхъ Аѳинъ, которыя, впрочемъ, откупились золотомъ, и взялъ Коринѳъ, Аргосъ и Спарту въ южной Греціи. Стилихонъ, получивъ объ этомъ извѣстіе, поспѣшилъ съ войскомъ на защиту Греціи. Въ Пелопоннесѣ ему удалось запереть Алариха, отрѣзать доступъ припасовъ и отвести рѣку Пеней, такъ что готамъ не оставалось другого выбора, какъ постыдная сдача. Но въ это время получено было требованіе отъ императора Аркадія, чтобы Стилихонъ оставилъ въ покоѣ друга и союзника римлянъ Алариха, и что между Западной имперіей и Иллирикомъ нѣтъ ничего общаго. Стилихонъ подчинился необходимости и позволилъ Алариху сняться съ лагеря и отступить съ добычей и плѣнными въ Эпиръ. Въ 397 г. Аларихъ получилъ отъ восточнаго императора оффиціальный титулъ герцога Иллирика.

Между тѣмъ въ Константинополѣ нашелся достойный соперникъ Руфину въ лицѣ евнуха Евтропія, который прежде всего обратилъ вниманіе Аркадія на красавицу Евдоксію, дочь франкскаго вождя, и тѣмъ разстроилъ планъ Руфина войти въ родство съ императоромъ. Вскорѣ затѣмъ Руфинъ былъ убитъ на глазахъ императора Аркадія готскимъ вождемъ Гаиной, который былъ главнокомандующимъ восточныхъ войскъ. Правленіе временщика Евтропія продолжалось

четыре года и характеризуется весьма натянутыми отношеніями къ Западной имперіи, крайнимъ деспотизмомъ въ Константинополѣ и въ высшей степени дурнымъ вліяніемъ на Аркадія и его супругу Евдоксію.

Начальные годы V столѣтія наполнены ужасомъ и опустошеніями, внесенными готами Алариха. Удачный походъ на Грецію, богатая добыча, захваченная варварами въ этомъ походѣ, и знакомство съ южными странами—всѣ эти обстоятельства были весьма достаточными мотивами, чтобы заохотить готовъ снова предпринять движеніе въ культурныя области имперіи. На этотъ разъ имѣлась, впрочемъ, въ виду другая страна. Аларихъ, не довольствуясь Иллирикомъ, достаточно уже истощеннымъ завоевателями, вступилъ въ переговоры со своими соплеменниками, оставшимися на Дунаѣ, и подговорилъ ихъ предпринять одновременное движеніе на Италію. Съ 400 года готы Алариха и паннонскіе остготы Ратигера начинаютъ продолжительную 13-тилѣтнюю войну за обладаніе Италіей, сдѣлавъ первую попытку совсѣмъ отнять у римлянъ эту страну. На встрѣчу варварамъ выступилъ Стилихонъ, достойный соперникъ Алариха, и заставилъ ихъ возвратиться. Но на слѣдующій годъ повторилось готское движеніе. Весь народъ съ женами и дѣтьми шелъ черезъ Альпы въ сѣверную Италію. Готы прошли по Иллиріи и венеціанскому побережью, осадили Аквилею и Верону и стали угрожать Милану. Робкій и изнѣженный Гонорій переѣзжалъ изъ Милана въ Равенну, изъ Равенны въ Асти, ища лишь личной безопасности. Стилихонъ преслѣдовалъ враговъ и далъ имъ два сраженія при Веронѣ и Полленціи, послѣ чего Аларихъ еще разъ принужденъ былъ отступить. Въ высшей степени любопытно отмѣтить, что восточный императоръ совершенно безучастно относился къ отчаянной борьбѣ Стилихона съ Аларихомъ.

Хотя Аларихъ удалился въ Иллирикъ, но не оставлялъ замысловъ на Италію. Не совсѣмъ удачный опытъ вторженія въ Италію убѣдилъ готовъ въ томъ, что если они придутъ съ большими силами и будутъ дѣйствовать съ разныхъ сторонъ, то задача можетъ быть достигнута. Поэтому ни Стилихонъ, ни Аларихъ не считали надежнымъ заключенный въ 403 г. миръ. Аларихъ держалъ сношенія съ Ратигеромъ, Стилихонъ спѣшилъ поставить на военное положеніе Равенну, которая съ тѣхъ поръ дѣлается вмѣсто Милана постоянной резиденціей

императора. Въ 404 г. паннонскіе остготы подъ начальствомъ Ратигера тремя колоннами вторглись въ Италію. Главный отрядъ остановился подъ Флоренціей, передовыя колонны ушли далѣе на югъ и были въ нѣсколькихъ переходахъ отъ Рима. Въ Римѣ началось смятеніе, но христіанская и языческая партіи не одинаково относились къ угрожавшей опасности, такъ какъ язычники ожидали отъ Ратигера возстановленія стараго культа и подняли голову. Но на этотъ разъ движенію варваровъ положило предѣлъ сопротивленіе, встрѣченное ими подъ Флоренціей. Стилихонъ воспользовался раздѣленіемъ врага и при Фіезоли нанесъ готамъ пораженіе; самъ Ратигеръ попался въ плѣнъ и былъ казненъ, большая часть захваченныхъ готовъ обращена въ рабство. Отборная дружина Ратигера изъ 12 000 воиновъ поступила въ римскую военную службу,—это была необдуманная и весьма бѣдственная мѣра, облегчившая для варваровъ доступъ въ Италію.

Пока Италія могла считаться могилой варваровъ, но не надолго. Движеніе готовъ на Италію, соединивъ здѣсь римскія военныя силы, ослабило средства обороны на рейнской границѣ, которая въ 406—407 гг. переходитъ во власть другихъ варваровъ, сдѣлавшихъ опытъ вторженія въ Галлію. Здѣсь участвуютъ три народа: вандалы, свевы и аланы. Въ зиму на 407 г. они по льду перешли Рейнъ и завладѣли почти всей Галліей, но, когда британскіе легіоны провозгласили своего императора и начали возстановлять римскую власть въ Галліи, германскіе завоеватели прошли черезъ Пиренеи въ Испанію. Въ 409 г. Испанія была раздѣлена между ними: свевы заняли сѣверо-западъ, вандалы—югъ, аланы—середину Испаніи.

Между тѣмъ въ придунайскихъ провинціяхъ, откуда шло движеніе, подготовлялись новыя грозныя событія. На югѣ Панноніи и Норика господствовалъ Атаульфъ, вождь готовъ и части гунновъ, еще южнѣе Аларихъ. Сестра Атаульфа была замужемъ за Аларихомъ, этотъ родственный союзъ скрѣпленъ былъ договоромъ насчетъ новаго нападенія на Италію. Въ виду угрожающаго положенія Алариха и съ цѣлью сдѣлать его менѣе опаснымъ, Стилихонъ рѣшился предложить ему союзъ и уплатилъ ему 4000 ф. золота. Всматриваясь въ тогдашнія событія, нельзя не оправдать Стилихона за его уступчивость. Но придворная партія взглянула на дѣло иначе и воспользовалась этимъ, чтобы заподозрить Стилихона въ глазахъ Гонорія. Противъ него говорило его варварское происхожденіе; на этой почвѣ Стилихонъ имѣлъ

противъ себя большую партію завистниковъ и недовольныхъ. Пущены были слухи, что онъ подкупилъ Алариха на войну противъ Восточной имперіи; другіе разглашали, что онъ прочитъ своего сына на римскій престолъ. Слабаго Гонорія легко было убѣдить въ правдоподобности интриги. Стилихонъ былъ убитъ 23 августа 408 г. Но этотъ крайне безтактный поступокъ лишь ускорилъ ходъ событій. Аларихъ, ссылаясь на договоръ и обѣщаніе Стилихона, потребовалъ у Гонорія денегъ и заложниковъ. Когда ему было отказано въ этомъ, онъ предпринялъ новый походъ въ Италію. Зимой 408 г. готы подступили къ Риму и начали осаждать его. Положеніе вѣчнаго города было отчаянное, такъ какъ не было никакой надежды на помощь извнѣ, а въ городѣ начались болѣзни и голодъ. Тогда сенатъ послалъ депутацію въ лагерь Алариха съ просьбой о мирѣ. Гордый варваръ потребовалъ страшно тяжелый выкупъ, на уплату котораго оказалось нужнымъ переплавить въ слитки всѣ драгоцѣнности, какія можно было собрать въ древнихъ храмахъ и въ казнѣ. Такой цѣной Римъ купилъ себѣ свободу отъ готскаго обложенія.

Войска Алариха усилились въ Италіи громадной толпой рабовъ и военноплѣнныхъ германскаго происхожденія, которые горѣли желаніемъ мстить своимъ бывшимъ господамъ. Кромѣ того, къ нему на соединеніе шелъ съ Сѣвера Атаульфъ съ остававшимися на Дунаѣ готами. При этихъ условіяхъ Аларихъ не желалъ оставить Италіи и предъявилъ гордыя требованія къ императору Гонорію, требуя титула главнокомандующаго имперскими войсками и земель для поселенія готовъ въ сѣверной Италіи. Императоръ соглашался на словахъ, но медлилъ исполненіемъ своихъ обѣщаній. Тогда Аларихъ снова подступилъ къ Риму и отрѣзалъ для него сношенія съ Остіей, откуда вѣчный городъ снабжаемъ былъ припасами. Тогда римскій сенатъ согласился на всѣ требованія Алариха и тѣмъ на нѣкоторое время купилъ себѣ свободу. Предводитель готовъ Аларихъ уже могъ бы въ это время поставить свою власть на мѣсто императорской, но онъ ограничился тѣмъ, что назначилъ новаго императора въ лицѣ Аттала и отъ него получилъ назначеніе на постъ главнокомандующаго римскихъ войскъ. Но Гонорію удалось получить поддержку со стороны одного изъ предводителей готскихъ дружинъ, Атталъ же не угодилъ Алариху и былъ низложенъ.

Въ 410 г. Римъ въ третій разъ подвергся тѣсной осадѣ. На

этотъ разъ городъ былъ взятъ (24 августа) и подвергся страшному опустошенію и разграбленію, память о которомъ долго жила въ населеніи. Обремененное богатой добычей, набранной въ храмахъ и богатыхъ домахъ, готское войско отступило въ Кампанію. Аларихъ питалъ суевѣрный страхъ къ Риму и его святынямъ и спѣшилъ удалиться на Югъ. Есть основанія предполагать, что онъ хотѣлъ вести своихъ готовъ въ Сицилію и Африку. Но онъ умеръ 34 лѣтъ отъ роду, оставивъ во главѣ готовъ Атаульфа.

Атаульфъ представляетъ собой типъ уже романизованнаго варвара. Онъ понялъ, что варварамъ нельзя прочно устроиться на римской почвѣ, не принявъ законовъ и учрежденій культурнаго общества. Поэтому главное стремленіе его было въ томъ, чтобы сблизиться съ римлянами. Онъ сватается за сестру императора Гонорія и получаетъ ея руку, добивается славы и чести быть „опорой" римскаго государства и, наконецъ, по указанію императора ведетъ своихъ готовъ за Альпы, подчиняетъ имперіи отпавшую провинцію Галлію и возстановляетъ римское господство въ Испаніи. Въ награду за это готы въ 418 г. получили отъ императора Гонорія земли для поселенія въ южной Галліи между Гароной и Луарой. Тулуза сдѣлалась столицей вестготскаго королевства. Такъ съ дальняго востока пришли готы на крайній юго-западъ и, наконецъ, осѣлись въ началѣ V в. въ Аквитаніи. Въ Галліи въ то же время утвердились бургунды, въ Африку перешли изъ Испаніи вандалы. Имперія постепенно разлагается подъ вліяніемъ варварской иммиграціи. Окончательный актъ паденія ея задерживается волею тѣхъ же варварскихъ вождей, которые ставятъ и назначаютъ императоровъ. Одинаковыя явленія наблюдаются на Западѣ и на Востокѣ, но результаты дѣйствія разрушительныхъ элементовъ не были одинаковы въ Западной и Восточной имперіи.

Чрезвычайно большими потрясеніями сопровождалось появленіе въ Европѣ гунновъ. Они своимъ движеніемъ потѣснили къ Дунаю другіе народы. Мы видѣли, какъ императору Өеодосію Великому удалось на нѣкоторое время предотвратить грозную опасность и устроить дѣла на дунайской границѣ.

Гуннская орда съ подчиненными ей народами распространилась отъ Волги до Дуная и нѣкоторое время не угрожала римскимъ провинціямъ. Гунны раздѣлены были на племена, враждовавшія

между собой и находившіяся подъ властью отдѣльныхъ хановъ. Весьма вѣроятно, что часть ихъ, переходя за Дунай, принимала участіе вмѣстѣ съ готами въ набѣгахъ на римскія области. Но до конца первой половины V вѣка исторія гунновъ остается весьма мало извѣстной [1]). Имя гунновъ пріобрѣтаетъ всемірно-историческое значеніе съ тѣхъ поръ, какъ одинъ изъ хановъ, по имени Ругила, перешелъ за Дунай, занялъ Паннонію и вступилъ въ непосредственныя сношенія съ императорами Запада и Востока. Основателемъ могущества гунновъ былъ Аттила, принявшій власть послѣ Ругилы около 433 г. Это былъ исключительный человѣкъ какъ по своимъ природнымъ дарованіямъ, такъ и по страшнымъ слѣдамъ, оставленнымъ имъ въ исторіи. Онъ былъ малъ ростомъ, широкоплечій, съ большой головой. Имѣлъ маленькіе глаза, темный цвѣтъ лица, плоскій носъ, рѣдкую бороду. Въ его медленной походкѣ и важныхъ движеніяхъ выражалось сознаніе силы. Его жестокость съ побѣжденными не знала границъ, его называли „бичомъ божіимъ" знавшіе его и сохранившіе о немъ память народы. Гунны вѣрили въ его божественное предназначеніе и шли за нимъ безъ разсужденій. Соединивъ подъ свою власть всѣ племена гунновъ, онъ подчинилъ себѣ многочисленные народы германскаго, скиѳскаго и частью славянскаго происхожденія и образовалъ обширное царство, обнимавшее среднюю Европу отъ Волги до Рейна. Много римлянъ, грековъ, германцевъ и славянъ было на службѣ у Аттилы, который цѣнилъ умъ и знанія и умѣлъ привлекать къ себѣ нужныхъ людей. Первый большой походъ предпринялъ Аттила противъ Восточной имперіи. Съ одной стороны, въ 441 г. конные отряды его направились черезъ Арменію въ Месопотамію и Сирію и навели страхъ на персовъ и сирійцевъ; съ другой—онъ сдѣлалъ набѣгъ на Ѳракію, Македонію и Иллирію, разрушилъ множество городовъ, между прочимъ Сремъ, Нишъ, Сардику. Посланныя императоромъ Ѳеодосіемъ II войска были разбиты гуннами три раза; они не встрѣчали теперь сопротивленія до стѣнъ Константинополя и принудили императора купить у нихъ миръ весьма дорогой цѣной. Гуннамъ уступлена была для поселенія значительная область на югъ отъ Дуная, и дано обязательство вносить ежегодную обременительную дань въ 2100 ф. золота.

---

[1]) Какъ выражается Аммiанъ Марцеллинъ, „monumentis veteribus leviter nota".

Вслѣдствіе возникшихъ съ этихъ поръ сношеній между Восточной имперіей и гуннами получилась для грековъ возможность ближе ознакомиться съ этимъ народомъ и страшнымъ ихъ вождемъ. Въ 448 г. Ѳеодосій II отправилъ въ лагерь Аттилы, расположенный въ нынѣшней Венгріи на р. Тиссѣ, въ мѣстности близъ Токая, знатное посольство съ Максиминомъ и Прискомъ во главѣ. Оффиціальная цѣль посольства заключалась въ томъ, чтобы объяснить Аттилѣ положеніе спорнаго вопроса о перебѣжчикахъ и просить его держаться установленныхъ мирныхъ договоровъ, а другая секретная сторона, даже неизвѣстная, повидимому, старшимъ членамъ посольства, состояла въ томъ, чтобы сдѣлать попытку умертвить Аттилу. Эта двойная цѣль, которая оказалась извѣстной Аттилѣ, поставила посольство въ чрезвычайно затруднительное положеніе, какъ скоро оно пришло во владѣнія Аттилы. Всѣ возникшія отсюда затрудненія и все, что послы увидѣли и испытали въ станѣ гунновъ, составило предметъ описанія Приска Панійскаго, участвовавшаго въ посольствѣ. Этотъ литературный памятникъ — добросовѣстное описаніе видѣннаго и слышаннаго — представляетъ собой чрезвычайно важный источникъ для исторіи половины V вѣка. Особенно важно въ немъ описаніе мѣстности, гдѣ расположены были становища гунновъ, равно какъ изображеніе нравовъ и обычаевъ народа и двора Аттилы.

Посольство держало путь на Сардику (нынѣ Софія), гдѣ былъ роздыхъ, потомъ на Нишъ, который былъ тогда въ развалинахъ отъ гуннскихъ набѣговъ. Истръ-Дунай переплыли на однодеревкахъ, перевозчиками были варвары. За Дунаемъ была уже непріятельская земля, гдѣ царилъ Аттила. Далѣе послы продолжали путь по Панноніи и Угріи. Аттила, находившійся тогда на пути къ Дунаю, выслалъ имъ навстрѣчу двухъ скиѳовъ, которые и были проводниками византійскаго посольства. Но когда они были уже близъ палатокъ Аттилы, произошло неожиданное затрудненіе. Прежде всего ихъ стали разспрашивать о цѣли посольства, на что они отвѣчали, что имъ приказано объ этомъ лично передать Аттилѣ, а не черезъ посредство другихъ лицъ. Но оказалось, что Аттила знаетъ уже о цѣли посольства и не желаетъ лично принимать пословъ. Благодаря личнымъ знакомствамъ, Приску удалось, однако, добиться представленія Аттилѣ. Онъ сидѣлъ въ шатрѣ, охраняемомъ многочисленными во-

инами, на деревянной скамьѣ. Максиминъ подошелъ къ нему, вручилъ ему царскую грамоту и высказалъ благожеланія отъ имени царя ему и его домашнимъ, на что Аттила двусмысленно отвѣтилъ: „пусть съ римлянами будетъ то, чего они мнѣ желаютъ“. Затѣмъ онъ въ гнѣвѣ обратился къ переводчику посольства Вигилѣ и выразилъ ему сильное негодованіе. Посольству вообще пришлось вытерпѣть много непріятнаго, такъ какъ Аттила былъ противъ него предубѣжденъ, не вѣрилъ въ искренность Максимина и Приска и въ непричастность ихъ къ заговору на его жизнь. Аттила двинулся дальше, не сдѣлавъ никакого распоряженія по поводу полученнаго черезъ посольство письма императора, а византійскіе послы послѣдовали за нимъ по Панноніи и Угріи. Они переправлялись черезъ многія рѣки на лодкахъ однодеревкахъ и на плотахъ, которые варвары возятъ съ собой на телѣгахъ. Въ селеніяхъ отпускали имъ въ продовольствіе просо и напитокъ, называемый у туземцевъ медъ (*μέδος*), служители же получали добываемый изъ ячменя напитокъ, называемый кумысъ или, можетъ-быть, квасъ, такъ какъ кумысъ готовится изъ кобыльяго молока. Послѣ продолжительнаго пути послы прибыли, наконецъ, въ столицу Аттилы, которая Прискомъ описана очень подробно. Дворецъ былъ построенъ изъ бревенъ и досокъ, искусно вытесанныхъ, и обнесенъ деревянною оградой, болѣе служащей къ украшенію, нежели къ защитѣ. Послѣ дома царскаго самый отличный былъ домъ Онигисіевъ, недалеко была большая баня... „При въѣздѣ въ селеніе Аттила былъ встрѣченъ дѣвицами, которыя шли рядами подъ тонкими бѣлыми покрывалами. Подъ каждымъ изъ этихъ длинныхъ покрывалъ, поддерживаемыхъ руками стоящихъ по обѣимъ сторонамъ женщинъ, было до семи или болѣе дѣвъ, а такихъ рядовъ было очень много. Сіи дѣвы, предшествуя Аттилѣ, пѣли скиѳскія пѣсни. Близь дома Онигисія вышла навстрѣчу Аттилѣ супруга перваго со служителями, несшими кушанье и вино. Она привѣтствовала царя и просила его вкусить хлѣба и вина. Аттила, сидя на конѣ, въ угожденіе женѣ любимца своего, ѣлъ кушанье изъ серебрянаго блюда и отпилъ вина изъ чаши и поѣхалъ въ царскій дворецъ“.

Аттила нѣсколько разъ принималъ у себя византійское посольство и угощалъ его обѣдомъ. „Когда послы пришли въ назначенное время, виночерпій подалъ имъ чашу. Выпивъ изъ чаши, они сѣли

на скамьи, которыя стояли у стѣнъ комнаты по обѣ стороны. Аттила сидѣлъ на ложѣ въ серединѣ комнаты; позади находилась постель, закрытая пестрыми занавѣсками. Онигисій сидѣлъ на скамьѣ по правую сторону отъ Аттилы, послы по лѣвую. Противъ Онигисія сидѣли два сына Аттилы, а старшій его сынъ сидѣлъ рядомъ съ нимъ, на краю ложа съ опущенными внизъ глазами. Когда всѣ разсѣлись, виночерпій подошелъ къ Аттилѣ и поднесъ ему чашу съ виномъ. Аттила, взявъ чашу, привѣтствовалъ того, кто сидѣлъ первымъ въ ряду. Тотъ, кому была оказана честь привѣтствіемъ, вставалъ и садился не прежде, какъ Аттила передавалъ виночерпію чашу. Послѣ того, какъ всѣмъ была оказана честь, виночерпіи вышли. Затѣмъ подавались яства. Подлѣ Аттилы поставлены были столы на нѣсколько человѣкъ съ кушаньями, такъ что ближайшіе къ нему гости могли брать кушанья прямо со своихъ мѣстъ. Для каждаго гостя особый служитель вносилъ блюдо и ставилъ передъ нимъ. Вообще замѣчалось, что роскошныя блюда подавались гостямъ, а самъ Аттила довольствовался весьма простыми. Съ наступленіемъ вечера были зажжены факелы, и начались развлеченія. Варвары пѣли пѣсни, въ которыхъ превозносились доблести Аттилы и побѣды его надъ врагами. Другіе тѣшились стихотвореніями и воспоминаніями о битвахъ. Наконецъ, выступилъ шутъ или юродивый, который говорилъ вздорныя вещи и всѣхъ насмѣшилъ". Черезъ нѣсколько дней посольство получило разрѣшеніе возвратиться.

Въ описаніи Приска нѣкоторыя черты заслуживаютъ особеннаго вниманія. Прежде всего слѣдуетъ вспомнить, что занятая гуннами земля, по которой держало путь византійское посольство, вскорѣ затѣмъ становится славянскимъ достояніемъ. Но весьма можетъ быть, что гунны нашли уже здѣсь славянъ и покорили ихъ своей власти. Съ этой точки зрѣнія сообщенія Приска объ образѣ жизни населенія занятой гуннами страны пріобрѣтаютъ исключительный интересъ. Таково устройство домовъ, приготовленіе напитка изъ ячменя, въ которомъ нельзя не видѣть кваса, въ особенности хороводъ и пѣсни дѣвушекъ при встрѣчѣ Аттилы. Кромѣ того, нельзя не обратить вниманія на одно мѣсто у Приска, гдѣ характеризуется общее культурное состояніе гуннской державы по отношенію къ Византіи. Случайно Прискъ встрѣтилъ въ лагерѣ Аттилы одного, судя по платью и стрижкѣ волосъ на головѣ, скиѳа, который сказалъ ему обыкно-

венное между греками привѣтствіе на греческомъ языкѣ (χαῖρε). Приска заинтересовалъ этотъ варваръ, и онъ вступилъ съ нимъ въ разговоръ. Оказалось, что это былъ чистый грекъ, попавшій по торговымъ дѣламъ въ городъ Виминакій (можетъ быть, Костолачъ) и тамъ взятый въ плѣнъ гуннами; что онъ былъ зачисленъ въ военную службу, сражался съ римлянами, отличился въ войнѣ и получилъ свободу. Но когда затѣмъ, уже сверхъ всякаго ожиданія для Приска, этотъ собесѣдникъ сталъ выхвалять гуннскіе порядки сравнительно съ римскими и находилъ настоящее свое состояніе подъ властью Аттилы лучше и спокойнѣй, чѣмъ прежнее въ римской имперіи, то этимъ признаніемъ Прискъ былъ крайне изумленъ и до извѣстной степени оскорбленъ въ своемъ патріотизмѣ и попытался вывѣдать отъ своего собесѣдника: чѣмъ именно такъ подкупаютъ его гуннскіе порядки? Изъ разговора выяснилось, что иностранцы пользуются въ гуннскомъ царствѣ полной свободой и неприкосновенностью, между тѣмъ какъ римскіе граждане подвергаются, съ одной стороны, постояннымъ набѣгамъ внѣшнихъ враговъ и потому вполнѣ беззащитны, а съ другой стороны, если нѣтъ войны, то положеніе ихъ чрезвычайно тяжело отъ непосильныхъ налоговъ, взимаемыхъ несправедливо и въ нарушеніе закона, а равно отъ подкупнаго и пристрастнаго суда, въ которомъ пострадавшій никогда не найдетъ правосудія, если не подкупитъ судью и его помощниковъ. Прискъ старался съ своей точки зрѣнія оправдать культурные порядки римскаго государства и указывалъ на римскій законъ, обезпечивающій права, свободу и имущественное положеніе гражданина. Но защита его оказалась слаба, такъ какъ онъ отстаивалъ идеальное культурное государство и принципъ законности, а его собесѣдникъ стоялъ на практической почвѣ примѣненія закона и защищалъ жизненные интересы обывателя. Онъ отвѣтилъ на страстную рѣчь Приска: „да, законы хороши и римское государство прекрасно устроено; но начальники вредятъ ему, такъ какъ они не похожи на древнихъ“.

Ясно, что въ половинѣ V вѣка на Балканскомъ полуостровѣ совершался живой обмѣнъ между варварами и культурной имперіей. Въ этомъ обмѣнѣ обѣ стороны настойчиво предъявляли требованія, которыя долго не могли быть взаимно поняты и примѣнены къ жизни. Рядомъ съ проявленіями полнаго упадка, дезинтеграціи и распаденія изрѣдка обнаруживаются признаки созиданія и строенія

фундамента, на которомъ должно возникнуть новое зданіе Восточной римской или Византійской имперіи. Въ занимающую насъ эпоху преобладаютъ еще элементы разрушенія, за которыми и послѣдуемъ на нѣкоторое время.

Не можетъ быть сомнѣнія, что противъ разрушительныхъ элементовъ, внесенныхъ варварами, менѣе было противодѣйствія въ Западной имперіи, чѣмъ въ Восточной. Аттила получилъ наименованіе „бича Божія" среди германскихъ народовъ. Его попытки распространить завоеванія на Востокѣ встрѣтили упорное сопротивленіе, съ которымъ онъ не могъ не считаться. Съ подобнымъ же сопротивленіемъ должны были имѣть дѣло и другіе варвары и завоеватели, вслѣдствіе чего Восточная имперія продолжала существовать въ средніе вѣка, когда на мѣсто Западной явились уже новые народы, образовавшіе новыя государства.

Послѣднимъ императоромъ изъ дома Ѳеодосія на Западѣ былъ Валентиніанъ III, рожденный отъ дочери его Галлы Плацидіи и Констанція. Онъ получилъ императорскій престолъ вслѣдствіе сильной поддержки, оказанной ему изъ Константинополя, и въ его царствованіе (425—455) вліяніе восточнаго императора не ослабѣвало на Западѣ. Съ именемъ императрицы Галлы Плацидіи, которая управляла имперіей за малолѣтствомъ сына своего Валентиніана III и вообще имѣла большое вліяніе на современныя дѣла, соединяется память о прекрасныхъ художественныхъ сооруженіяхъ и памятникахъ искусства въ Равеннѣ. Мавзолей или усыпальница Галлы Плацидіи съ мозаичной росписью, исполненной по обѣту за спасеніе отъ бури на морѣ, представляетъ собой одинъ изъ лучшихъ памятниковъ Равенны (рис. 22). Сынъ ея Валентиніанъ оказался далеко ниже предлежавшихъ ему государственныхъ задачъ. Не онъ направлялъ дѣла имперіи, а военныя лица, стоявшія во главѣ войска. Несчастное соперничество двухъ наиболѣе способныхъ генераловъ, Аэція и Бонифація, было причиной неимовѣрныхъ бѣдствій и сопровождалось окончательной потерей провинціи Африки, завоеванной вандалами (431—432). Но самый сильный ударъ готовилъ имперіи Аттила. Въ 450 г. онъ предпринялъ походъ на Западъ съ войскомъ, которое равнялось полумилліону. Гунны двигались по средней Европѣ по направленію къ Рейну, опустошая все на пути и наводя всюду страхъ и ужасъ. Близь Вормса они разбили бургундовъ и уничтожили бургундское коро-

Рис. 22. Мозаика мавзолея Галлы Плацидіи.

левство, затѣмъ опустошили Галлію до Луары. Близь Шалона на Марнѣ на Каталаунскихъ поляхъ сошлись гунны съ римскими войсками, предводимыми Аэціемъ (451 г.). Здѣсь произошла знаменитая битва народовъ, окончившаяся пораженіемъ Аттилы. Ослабленный потерей многочисленныхъ воиновъ, Аттила, однако, не считалъ проиграннымъ свое дѣло. Въ слѣдующемъ году онъ началъ походъ въ сѣверную Италію. Прежде всего подверглась осадѣ Аквилея, которая взята была приступомъ, безпощадно разграблена и разрушена; та же участь постигла многочисленные города по рѣкѣ По. Дальнѣйшей цѣлью Аттилы былъ городъ Римъ, и эта цѣль была, повидимому, легко достижима, такъ какъ въ Италіи не было для Аттилы соперника: Аэцій не имѣлъ достаточныхъ силъ для сопротивленія Аттилѣ, восточный же императоръ не присылалъ помощи. Въ лагерь Аттилы, расположенный близъ Гардскаго озера, явилось римское посольство съ папой Львомъ и сенаторомъ Авіеномъ во главѣ. Этому посольству удалось убѣдить Аттилу удовольствоваться громаднымъ, правда, выкупомъ и оставить намѣреніе идти на Римъ. Гунны дѣйствительно чувствовали себя въ Италіи не совсѣмъ удобно: въ непривычномъ климатѣ они часто болѣли, въ лагерѣ начались опасные симптомы, которые побудили Аттилу согласиться на сдѣланныя предложенія. Отступленіе гунновъ было счастіемъ для Италіи, которое народъ приписывалъ чудесному посредничеству апостола Петра. Вскорѣ по возвращеніи въ свой лагерь на Тиссѣ Аттила умеръ въ 453 г., и основанное имъ царство распалось. Завоеванные имъ и бывшіе подъ его властью народы получили свободу и стали организоваться въ самостоятельныя племенныя группы.

Но это не измѣнило хода историческихъ событій, приближавшихъ Западную имперію къ роковому концу. Императорскій тронъ сдѣлался игрушкой военныхъ партій и переходилъ отъ одного лица къ другому по игрѣ случая и по капризу предводителей иноземныхъ отрядовъ. Если варварскіе вожди не присваивали себѣ титула императора, то это не потому, чтобы представлялись къ тому препятствія, а единственно изъ суевѣрнаго страха къ императорскому имени. Изъ этихъ варварскихъ вождей, управлявшихъ имперіей посредствомъ ими же самими назначенныхъ императоровъ, отмѣтимъ послѣ Аэція свева Рицимера, Ореста, происходившаго изъ Панноніи, и, наконецъ, скира или ругійца Одоакра. Рицимеръ, опираясь на германскіе от-

ряды, распоряжался въ имперіи вполнѣ самостоятельно, ставилъ и низвергалъ императоровъ; при немъ было таковыхъ пять: Авитъ, Майоріанъ, Северъ, Анѳемій и Олибрій. Женившись на дочери Анѳемія, Рицимеръ, повидимому, замышлялъ для своего потомства очистить дорогу къ престолу, но это не удалось. Слѣдуетъ замѣтить, что до смерти Рицимера въ 472 г. константинопольскій императоръ утверждалъ своимъ согласіемъ каждое избраніе на престолъ Западной имперіи, а что касается Анѳемія, то онъ былъ прямо назначенъ восточнымъ императоромъ Львомъ I. Въ послѣдніе годы жалкаго существованія Западной имперіи возвышается Орестъ, бывшій прежде секретаремъ у Аттилы. Онъ прекрасно зналъ военное дѣло и хорошо изучилъ характеръ варваровъ, поэтому былъ весьма полезнымъ въ совѣтѣ императоровъ и пользовался большимъ ихъ довѣріемъ. Имѣя званіе начальника отряда доместиковъ, онъ завѣдывалъ наборомъ военныхъ людей въ императорское войско и достигъ неограниченнаго вліянія. Не одинъ разъ онъ могъ бы возложить на себя корону, и, въ концѣ концовъ, послѣднимъ римскимъ императоромъ былъ Ромулъ, сынъ Ореста. Въ теченіе послѣднихъ 20 лѣтъ отъ смерти Валентиніана III (455—475) девять императоровъ занимали престолъ.

Между тѣмъ, варварскіе отряды изъ разныхъ племенъ, стоявшіе въ укрѣпленныхъ лагеряхъ въ Лигуріи, заявили требованіе трети итальянскихъ земель для поселенія. Орестъ отказалъ исполнить это требованіе, чѣмъ вызвалъ послѣдній актъ давно подготовлявшейся драмы. Тогда 23 августа 476 г. выступаетъ Одоакръ изъ племени скировъ, принявшій начальство надъ недовольными варварами. Орестъ былъ взятъ въ плѣнъ и умерщвленъ. Союзное ополченіе варваровъ провозгласило Одоакра своимъ королемъ и затѣмъ захватило въ Равеннѣ послѣдняго императора, малолѣтняго Ромула-Августула, которому назначена была пенсія, и опредѣлено жить на частномъ положеніи въ одномъ изъ замковъ въ Кампаніи. Такъ совершился переворотъ, называемый обыкновенно „паденіемъ Западной римской имперіи“—въ свое время въ самой Италіи никого не поразившій неожиданностью, но по своимъ ближайшимъ послѣдствіямъ получившій всемірно-историческое значеніе.

Можно, впрочемъ, видѣть, что переворотъ 476 г. существенно отличался отъ обыкновенной смѣны лицъ на престолѣ западнаго

императора. Прежде шла рѣчь больше о личномъ вліяніи, въ настоящее время существенно затронутъ былъ соціальный и политическій принципъ, на которомъ основывалось римское государство. Германскія военныя дружины перестаютъ быть наемными войсками на службѣ имперіи, становятся собственниками части итальянской территоріи и пріобрѣтаютъ изъ подчиненнаго господствующее въ странѣ положеніе, стремясь, вмѣстѣ съ тѣмъ, организоваться по своимъ законамъ и обычаямъ на земляхъ, отнятыхъ отъ римскихъ гражданъ. Наступившій здѣсь съ конца V столѣтія политическій и соціальный порядокъ перестаетъ быть древне-римскимъ, и разсмотрѣніемъ его мы займемся въ одной изъ слѣдующихъ главъ. Теперь же намъ слѣдуетъ хотя слегка затронуть вопросъ о томъ, почему переворотъ, происшедшій на Западѣ, не обнаружился также и на Востокѣ, хотя соціальный кризисъ и нашествіе варваровъ въ одинаковой степени отмѣчается въ Восточной и Западной имперіи,—однимъ словомъ, почему не весь древній міръ постигла одинаковая судьба?

Нужно здѣсь отдать себѣ отчетъ въ причинахъ, которыя предохранили отъ паденія еще на тысячу лѣтъ Восточную имперію; слѣдуетъ выяснить, какія преграды могла противопоставить Восточная имперія разрушительнымъ элементамъ, вызвавшимъ паденіе Западной имперіи. Это тѣмъ важнѣй, что такимъ путемъ историкъ могъ бы намѣтить тѣ основы, на которыхъ утверждалась Византійская имперія, и которыя онъ долженъ тщательно выяснить при дальнѣйшемъ изложеніи своего предмета. Тѣ экономическія условія, которымъ въ послѣднее время стали придавать первостепенное значеніе въ процессѣ возвышенія и паденія народовъ, едва ли могутъ рѣшать возникающія здѣсь недоразумѣнія, потому что тѣ же экономическія условія были и въ Восточной имперіи, и, несмотря на то, она выдержала кризисъ, приведшій къ паденію Западную имперію. Отсюда естественный выводъ, что не въ однихъ экономическихъ условіяхъ лежитъ объясненіе стоящей предъ нами проблемы, хотя и хозяйственная эволюція, безъ всякаго сомнѣнія, играетъ важное значеніе въ исторіи. И что всего любопытнѣй—новые народы, поселившіеся на земляхъ занятыхъ и обрабатываемыхъ римскими подданными, не были въ состояніи перемѣнить систему обработки земли и продолжали ее въ томъ же видѣ, какъ нашли.

Причины паденія имперіи лежали въ ея истощеніи, а оно было

вызвано внѣшними и политическими причинами. Очень вредными послѣдствіями сопровождалось дѣленіе имперіи на двѣ половины, ибо Востокъ часто употреблялъ злыя козни, мало оказывалъ помощи, а его надменное вмѣшательство только усиливало смуту. И уже по винѣ Запада хозяйственная и соціальная болѣзнь дошла до смертельнаго исхода. Востоку было легче съ ней справиться, потому что онъ географически расположенъ благопріятнѣй, значительно богаче и болѣе населенъ, а главнымъ образомъ оттого, что болѣе способные императоры поддерживали государственный строй. Ничтожество Гонорія и Валентиніана, совершенно лишенныхъ военныхъ дарованій своихъ предшественниковъ, было ближайшей причиной паденія. Они допустили чрезмѣрное вліяніе предводителей германскихъ дружинъ, которые, заботясь лишь о собственныхъ интересахъ, не въ состояніи были замѣнить дѣйствительныхъ императоровъ, и ихъ насилія только умножали бѣдствія. Предстояли весьма важныя задачи къ разрѣшенію; уже къ началу V вѣка состояніе Италіи было критическимъ. Полуостровъ все менѣе давалъ солдатъ и былъ поставленъ въ необходимость, въ виду того, что лишенныя защиты провинціи опустошаемы были варварами и занимаемы самозванными императорами, тратить свои силы на эти самыя провинціи вмѣсто того, чтобы изъ нихъ получать средства. Самымъ тяжкимъ ударомъ была утрата Африки, какъ слѣдствіе того, что имперія пренебрегала своими морскими силами. Теперь вандальскіе пираты воспользовались преимуществами морскихъ сношеній. Прекратилась торговля, а съ тѣмъ вмѣстѣ стали страдать доходы. На Западѣ и въ другихъ отношеніяхъ условія были хуже, чѣмъ на Востокѣ.

Новыя ошибки усилили до крайней степени дѣйствіе старыхъ. Страшно пришлось поплатиться за то, что прежніе императоры открыли германцамъ такой свободный доступъ въ войско и въ имперію. Изъ двухъ золъ нужно было выбирать меньшее: либо лишить землю рабочихъ черезъ сильные наборы рекрутовъ, либо допустить сильную иммиграцію иностранцевъ, выбрано было второе. Слабость правительства дѣлала надменными наемниковъ, пока имъ не наскучивала служба. Туземное населеніе, отвыкнувъ отъ самостоятельности, не имѣло силъ подняться; только въ рѣдкихъ случаяхъ городское населеніе вставало на защиту отъ варваровъ. Во многихъ мѣстахъ низшій классъ даже былъ радъ, что германская колонизація умень-

шала или отмѣняла государственные налоги. Священный и почтительный страхъ передъ именемъ имперіи пропалъ, какъ скоро она не исполняла своей задачи, и всякая идея власти уничтожается, гдѣ нѣтъ для нея необходимости. Напротивъ, германцы защищали занятыя ими области противъ новыхъ пришельцевъ и чрезъ это становились необходимыми.

Западная имперія пала изъ-за своего жалкаго правительства, которое не могло устранить недостатковъ, коренящихся въ учрежденіяхъ имперіи, напротивъ, увеличило ихъ до крайней степени. Оно было въ одно и то же время жертвой настоящаго и прошедшаго. Военныя событія много содѣйствовали паденію; однако, римская власть была разрушена не вслѣдствіе войны, но разложилась сама собой. Она утратила силу, потому что оказалась не въ состояніи переработать чужеземные отряды, вторгавшіеся въ имперію. Германцы не желали уничтоженія имперіи, но она сама разрушилась въ ихъ грубыхъ рукахъ и притомъ такъ, что сами варвары не сознавали того. Но римская имперія не погибла. Она только расчленилась, и тѣло ея не подавало надежды на оживленіе омертвѣвшихъ частей. На это могли быть употреблены тѣ же германцы, ибо не было ничего легче, какъ натравить ихъ одинъ народъ противъ другого. И теперь еще они были подъ волшебнымъ очарованіемъ Рима и питали убѣжденіе, что право на римскую землю имъ могла предоставить только императорская власть. Для насъ ихъ поведеніе представляется формой, для нихъ въ немъ было серьезное содержаніе. Какое значеніе имѣла въ средніе вѣка идея имперіи,— объ этомъ будемъ имѣть случай говорить позже.

Литература обширная, укажемъ наиболѣе важныя сочиненія: Dahn, „Die Könige der Germanen",—продолжающійся трудъ, послѣдній томъ посвященъ лангобардамъ (Leipzig, 1909); Wietersheim-Dahn, „Geschichte der Völkerwanderung" (1881); Hodkin, „Italy and her invaders" (Oxford, 1880—1899); Pallmann, „Die Geschichte der Völkerwanderung" (Gotha, 1863); вторая часть этого сочиненія спеціально посвящена паденію имперіи и имѣетъ особое оглавленіе, „Der Sturz des weströmischen Reiches durch die deutschen Söldner" (Weimar, 1864); Bury, „A History of the later Roman Empire" (London, 1889).

ГЛАВА VII.

ИМПЕРАТОРЪ ѲЕОДОСІЙ II. АВГУСТЫ ПУЛЬХЕРІЯ И АѲИНАИДА-ЕВДОКІЯ. АВГУСТИНЪ О ГРАДѢ БОЖІЕМЪ. ЕФЕССКІЙ СОБОРЪ. МОНОФИЗИТЫ.

Послѣ паденія Западной имперіи носителемъ императорскаго титула оставался малолѣтній Ѳеодосій II, стоявшій во главѣ Византійской имперіи почти всю первую половину V вѣка (408—450). Ни Ѳеодосій II, ни его ближайшіе преемники не относятся къ числу такихъ дѣятелей, которые были бы въ состояніи направлять историческія событія или подготовлять другихъ къ исполненію важныхъ предначертаній. Нѣтъ, V столѣтіе не располагаетъ такими людьми на тронѣ, вслѣдствіе чего событія, не завися отъ воли отдѣльныхъ личностей, идутъ тѣмъ нормальнымъ теченіемъ, которое опредѣлялось какъ неизбѣжностью самихъ событій, такъ и логическимъ ихъ развитіемъ.

Вступивъ 7 лѣтъ на престолъ, Ѳеодосій уже по малолѣтству не могъ управлять дѣлами огромной имперіи, переживавшей притомъ необычайно тревожную и критическую эпоху. Впрочемъ, Ѳеодосій и въ юномъ возрастѣ, и въ зрѣлыхъ годахъ не выходилъ изъ-подъ вліянія окружавшихъ его и приближенныхъ къ нему лицъ. То обстоятельство, что судьбы Восточной имперіи, попавъ въ руки человѣка, который всего больше прилежалъ къ искусству каллиграфіи, то-есть къ красивой перепискѣ древнихъ рукописей и къ уединенной, почти монастырской жизни, несмотря на это, не испытали сильныхъ потрясеній, имѣетъ себѣ объясненіе въ томъ, что вблизи Ѳеодосія оказались лица, способныя руководить имъ ко благу. Первые годы царствованія во главѣ управленія стоялъ префектъ Востока Анѳемій, удерживавшій вліяніе, повидимому, до 414 г. Это былъ человѣкъ, на

сколько можно судить по скуднымъ свѣдѣніямъ о немъ, стоявшій на высотѣ занятаго имъ положенія. Ему ставятъ въ упрекъ—едва ли, впрочемъ, основательно—недостатокъ твердости въ дѣлѣ константинопольскаго архіепископа І. Златоуста и супруги Аркадія, говорятъ, что онъ могъ бы при добромъ желаніи оказать ему должную защиту.

Съ 414 г. можно считать уже опредѣлившимся вліяніе Пульхеріи, сестры Θеодосія, которая была старше его только двумя годами и, между тѣмъ, пріобрѣла почти безграничное вліяніе на своего брата. Будучи объявлена августой и состоя въ государствѣ первымъ лицомъ послѣ императора, а во дворцѣ будучи законодательницей и образцомъ, съ которымъ всѣ соображались, Пульхерія стала давать тонъ придворной жизни и разнообразно обнаруживать вліяніе на государственныя дѣла. Весь продолжительный періодъ царствованія Θеодосія отмѣчается, по справедливости, весьма характернымъ женскимъ вліяніемъ августы Пульхеріи.

Долговременное господство Пульхеріи, сначала при Θеодосіи II, а затѣмъ при Маркіанѣ, должно было наложить особенную печать на Большой дворецъ въ Константинополѣ и отразиться на многихъ сторонахъ государственной жизни. Наиболѣе характерной чертой нужно признать своеобразно понятое благочестіе и монашескій родъ жизни, усвоенный Пульхеріей и введенный въ придворный обиходъ. Она не только себя обрекла на безбрачіе, но къ тому же побудила и своихъ двухъ сестеръ, Аркадію и Марину. Три сестры Θеодосія составили при дворѣ родъ религіозной общины, проводя жизнь „въ подобіи монашескихъ трудовъ", ограничили доступъ мужчинъ въ покои принцессъ, приняли для себя за образецъ простой родъ жизни, скромный столъ и частое упражненіе въ молитвѣ и пѣніи псалмовъ. Дѣла благотворительности, постройка церквей и монастырей, забота о чистотѣ церковнаго ученія и объ уничтоженіи неправыхъ и еретическихъ мнѣній, попеченіе о подвижникахъ, столпникахъ и анахоретахъ и тщательное разслѣдованіе мощей святыхъ мучениковъ — такими чертами характеризуется у церковныхъ историковъ дѣятельность Пульхеріи. Нужно отдать ей и ту справедливость, что помыслы о благочестіи не закрывали для нея важности политическихъ обязанностей правительницы. Она была выше своего брата не только въ нравственномъ смыслѣ, но и по уму и способности разобраться въ сложныхъ дѣлахъ и окружить себя даровитыми исполнителями

ея воли. Она прекрасно владѣла греческимъ и латинскимъ языками, вела обширную переписку и сосредоточила въ своихъ рукахъ нити правленія.

Характеръ Ѳеодосія развивался подъ вліяніемъ его сестры. Она организовала для него учебную программу, пригласила для него лучшихъ учителей, себѣ же предоставила заботу объ образованіи правительственныхъ способностей и внѣшняго поведенія, приличнаго носителю короны восточнаго императора. Въ этомъ отношеніи нельзя не видѣть, что Пульхерія не достигла блестящихъ успѣховъ, ибо изъ Ѳеодосія она не сдѣлала способнаго политическаго дѣятеля. Точно также современники упрекаютъ ее за то, что она допустила непомѣрное развитіе подкупности и продажи должностей. При ней никто не могъ считать себя неспособнымъ занимать какія угодно начальственныя и административныя должности.

При оцѣнкѣ дѣятельности Пульхеріи и Ѳеодосія нужно, впрочемъ, твердо держаться границъ времени, въ которое они жили, и настроенія тогдашняго поколѣнія. Чрезвычайно характерными для V вѣка фактами нужно признать чрезмѣрное развитіе отшельничества, пустынножительства и всякаго рода подвижничества. Вспомнимъ, что въ это время получаютъ свое начало египетское, палестинское и сирійское монашества; въ эту эпоху жили знаменитые столпники, десятки лѣтъ проводившіе на высокомъ столпѣ, какъ Симеонъ, Даніилъ и др.; въ это время, наконецъ, положено начало почитанію мощей св. мучениковъ. Слишкомъ сильное напряженіе фантазіи, отвлеченіе отъ интересовъ реальной жизни и направленіе ума и сердца къ надземному, сверхчувственному и идеальному — эти и подобныя черты отличаютъ критическія эпохи въ исторіи; въ занимающее насъ время они захватили, повидимому, большинство образованныхъ людей. Характеръ историческихъ дѣятелей изучаемой нами эпохи можетъ быть понятъ въ связи съ главными умственными и религіозными теченіями V вѣка, которыми мы и займемся ниже.

Очень важнымъ обстоятельствомъ для царевны Пульхеріи былъ вопросъ о бракѣ Ѳеодосія. Выборъ невѣсты былъ сдѣланъ самой Пульхеріей и произошелъ при довольно необыкновенныхъ обстоятельствахъ. Будущая супруга императора Ѳеодосія, Аѳинаида, родилась и воспитывалась въ Аѳинахъ въ образованной и состоятельной семьѣ. Отецъ ея, Леонтій, былъ представитель неоплатоновской школы,

преподававшій философію въ Аѳинахъ. Онъ далъ своей дочери прекрасное воспитаніе и сообщилъ ей основательныя познанія въ греческой литературѣ и искусствѣ. По всей вѣроятности, онъ имѣлъ значительныя связи, даже въ Константинополѣ имѣлъ родственниковъ, у которыхъ нашелъ пріютъ во время нашествія Алариха. Аѳинаида по смерти отца оказалась безъ средствъ къ жизни, такъ какъ всѣмъ имуществомъ завладѣли братья ея. Находясь въ печальномъ матеріальномъ положеніи, Аѳинаида съ удовольствіемъ приняла предложеніе своей тетки, жившей въ Константинополѣ, и отправилась къ ней. Это произошло въ 421 г., когда ей уже было около 28 лѣтъ. Скоро затѣмъ бѣдная и скромная провинціалка была представлена августѣ Пульхеріи, понравилась ей своей красотой и образованіемъ и такъ очаровала ее, что выборъ невѣсты для Ѳеодосія былъ окончательно рѣшенъ. Императору предоставленъ былъ случай тайно посмотрѣть на аѳинскую красавицу, которая произвела на него сильное впечатлѣніе своими большими глазами, стройнымъ станомъ и изящными чертами лица. Аѳинаида безъ труда отказалась отъ языческихъ вѣрованій, приняла святое крещеніе и любимое при дворѣ того времени имя Евдокіи, и послѣ брачнаго торжества вступила въ Большой дворецъ въ качествѣ супруги византійскаго императора.

Императрица Евдокія на первыхъ порахъ, повидимому, успѣшно примѣнилась къ чрезвычайно церемонному и строгому тону двора. Когда у нея родилась дочь, также названная Евдокіей, она въ 423 г, получила титулъ августы и стала пользоваться такимъ же почетомъ въ торжественныхъ выходахъ и придворныхъ церемоніяхъ, какъ и августа Пульхерія. Но никакъ нельзя сомнѣваться въ томъ, что придворная жизнь того времени мало подходила ко вкусамъ и привычкамъ образованной въ языческой средѣ Евдокіи. Изъ скудныхъ извѣстій, рисующихъ придворныя отношенія той эпохи, можно видѣть, что надлежащаго согласія между двумя августами не было, и что при дворѣ составились партіи, которыя посредствомъ злыхъ интригъ, тайныхъ наговоровъ и внушеній старались вооружить слабохарактернаго Ѳеодосія противъ царицы и раздуть неудовольствіе между августами. Все это создавало для Евдокіи не мало серьезныхъ затрудненій, изъ которыхъ она выходила, впрочемъ, съ большимъ достоинствомъ. Въ высшей степени важно, что царица Евдокія осталась незамѣшанной ни въ одну политическую или придворную интригу и

ни разу не позволила себѣ рѣзкихъ мѣръ противъ преобладающаго вліянія августы Пульхеріи. Чтобы судить объ ея склонностяхъ и направленіи ея ума, мы имѣемъ для этого прекрасный матеріалъ въ ея литературныхъ произведеніяхъ, въ которыхъ запечатлѣлись любопытныя черты эпохи и личнаго характера Аѳинаиды-Евдокіи. Прежде всего она отозвалась на современныя политическія событія и посвятила сочиненіе въ героическихъ стихахъ одержаннымъ надъ персами побѣдамъ. Но главный ея трудъ былъ вполнѣ религіознаго значенія [1]). Она переложила въ стихи героическаго размѣра избранныя мѣста изъ Восьмикнижія Моисеева,—произведеніе, которому отдаетъ честь и похвалу патріархъ Фотій. Въ томъ же духѣ она сдѣлала переложеніе изъ пророческихъ книгъ Захарія и Даніила; въ стихахъ гомерическаго размѣра изобразила нѣкоторые эпизоды изъ жизни І. Христа. Независимо отъ того, какъ оцѣнивать по ихъ достоинству эти произведенія, мы можемъ здѣсь отмѣтить, что они были во вкусѣ средневѣковаго византинизма и повторяются у множества писателей, черпавшихъ вдохновеніе изъ общаго съ царицей Евдокіей источника. Особенными достоинствами отличалась поэма о св. Кипріанѣ антіохійскомъ, въ которой, между прочимъ, выражена идея борьбы христіанства и язычества, и разсказываются чудесные мотивы обращенія къ христіанству Кипріана, бывшаго извѣстнымъ магомъ и вызывателемъ демоновъ. Новая критика усматриваетъ въ этомъ произведеніи высокія качества таланта и вдохновенія, нѣкоторые характеры и описанія даютъ предчувствовать прекрасные образы Мильтона въ его поэмѣ „Потерянный Рай“ и даже нѣкоторыя черты Фауста. Во всякомъ случаѣ, своими литературными трудами Евдокія вполнѣ подходитъ къ типу царственныхъ писателей, которыхъ десятками можетъ считать византійская исторія и литература.

Можно догадываться, что вокругъ царицы Евдокіи образовалась партія просвѣщенныхъ людей, чуждыхъ того исключительнаго религіознаго направленія, котораго придерживалась августа Пульхерія. Изъ нихъ знаемъ о Павлинѣ, занимавшемъ при дворѣ высшую должность оберъ-гофмаршала, и о Кирѣ, бывшемъ префектомъ города и въ то же время префектомъ преторія; оба эти лица стояли въ близкихъ сноше-

[1]) Ludwich, „Eudociae augustae carmina graeca“ („Bibl. Teubneriana“, Lipsiae, 1897); Diehl, „Figures byzantines“ (Paris, 1906).

ніяхъ съ Евдокіей и до извѣстной степени раздѣляли ея вліяніе на дѣла. Весьма вѣроятно, что Пульхерія находила опаснымъ для своего положенія, нельзя не признаться, довольно искусственнаго и зависѣвшаго исключительно отъ воли императора, значеніе красивой и умной Евдокіи, которая пользовалась любовью Өеодосія и расположеніемъ въ высшихъ кругахъ столицы. Объ интригѣ, созрѣвшей въ Константинополѣ и сопровождавшейся удаленіемъ отъ двора царицы Евдокіи, имѣются очень скудныя свѣдѣнія, которыя можно объяснить себѣ лишь по окончательнымъ результатамъ. Въ 437 г. Константинополь имѣлъ рѣдкое торжество. Дочь Өеодосія и Евдокіи, царевна Евдокія сосватана была за Валентиніана III, императора Западной имперіи. Это было исполненіе горячихъ желаній царицы и, вмѣстѣ съ тѣмъ, весьма важное политическое событіе, сулившее для Восточной имперіи расширеніе ея политическаго вліянія на Западѣ. Послѣ этого счастливаго событія царица Евдокія предприняла путешествіе ко святымъ мѣстамъ. По пути въ Іерусалимъ она посѣтила Антіохію. Этотъ городъ произвелъ на нее сильное впечатлѣніе и возбудилъ въ ней живыя чувства эллинизма, которыя она и изложила въ рѣчи своей къ антіохійскому сенату. Указавъ на древнія заслуги эллинизма, распространившаго культуру до отдаленныхъ мѣстъ Сиріи, она затронула патріотизмъ антіохійцевъ, намекнувъ стихомъ Гомера, что она гордится происхожденіемъ отъ одной и той же съ ними расы; кромѣ того, она оказала поистинѣ царскую щедрость по отношенію къ Антіохіи, назначивъ 200 ф. золота на исправленіе бань и приказавъ расширить городскія стѣны на казенныя средства. Въ благодарность за эти царскія милости сенатъ постановилъ воздвигнуть ей золотую статую. Въ Іерусалимѣ она пробыла цѣлый годъ, посвятивъ это время на путешествія по святымъ мѣстамъ, на дѣла благотворительности и на устройство церквей. Мѣстное духовенство, въ благодарность за цѣнныя приношенія, пожертвовало царицѣ драгоцѣнныя палестинскія святыни: часть мощей св. Стефана, часть цѣпей апостола Петра. Послѣдняя святыня изъ Константинополя была препровождена въ Римъ къ западной императрицѣ Евдокіи и положена въ знаменитой базиликѣ S. Pietro in Vincoli. Но начиная съ 439 г., когда она возвратилась изъ своего паломничества, при Константинопольскомъ дворѣ соперничество между двумя августами дѣлается крайне замѣтнымъ и отражается на судьбѣ приверженцевъ той и другой партіи. Сначала Евдокіи удалось пересилить

вліяніе Пульхеріи, которая должна была покинуть дворецъ, утративъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, всю власть; въ то же самое время приверженцы августы Евдокіи заняли высшія мѣста въ администраціи и пріобрѣли вліяніе на императора. Но вскорѣ произошелъ переворотъ, совершенно измѣнившій положеніе дѣлъ: Ѳеодосію сдѣланъ былъ доносъ, что императрица Евдокія находится въ преступныхъ сношеніяхъ съ царедворцемъ Павлиномъ, слѣдствіемъ чего было отрѣшеніе отъ должности этого могущественнаго лица, пользовавшагося долгіе годы личной дружбой и расположеніемъ царя, послѣ чего онъ былъ сосланъ въ заточеніе и лишенъ жизни. Царскій гнѣвъ постигъ и другого приверженца Евдокіи, епарха города Кира. Это былъ далеко не обыкновенный человѣкъ, насколько можно заключить по нѣсколькимъ чертамъ, сохраненнымъ о немъ лѣтописью. Какъ епархъ города, онъ имѣлъ громадное значеніе въ Константинополѣ по своему вліянію на самые существенные интересы населенія столицы. Самыя выразительныя черты, приписываемыя ему лѣтописью, касаются его управленія городомъ и строительной дѣятельности. Онъ украсилъ Константинополь новыми общественными зданіями и—что чрезвычайно возвышаетъ его авторитетъ и въ нашихъ глазахъ—ввелъ въ ремесленныхъ заведеніяхъ города искусственное ночное освѣщеніе, а равно сталъ освѣщать по ночамъ городскія улицы. Это такъ возвысило его авторитетъ въ городѣ, что народъ въ циркѣ не переставалъ привѣтствовать его слѣдующими словами: „Константинъ строитель, а Киръ возобновитель", что казалось оскорбительнымъ для царя, присутствовавшаго въ ипподромѣ. Другая черта, усвояемая Киру источниками, это его приверженность къ эллинской философіи и литературѣ, а слѣдовательно, и къ эллинскимъ языческимъ вѣрованіямъ. „По-эллински" мыслить или „эллинизировать" по византійскому словоупотребленію значитъ хромать въ православіи, не быть чистымъ христіаниномъ. Наконецъ, за нимъ признается довольно рѣдкое качество—честность и неподкупность.

Въ глазахъ правительства, уже настроеннаго противъ Кира его популярностью въ народѣ, поводомъ къ отставкѣ его и лишенію имущества послужило его неправославіе. Но какъ мало фактической правды въ этомъ предлогѣ, лучшимъ доказательствомъ служитъ то, что Киръ былъ посвященъ въ духовный санъ, возведенъ въ епископы и получилъ въ управленіе отдѣльную епархію. Весьма характернымъ

обстоятельствомъ, рисующимъ Кира на епископской каѳедрѣ, служитъ слѣдующій анекдотъ. Его паства, заинтересованная направленіемъ и образомъ мыслей своего епископа, потребовала отъ него, чтобы онъ сказалъ церковную проповѣдь въ праздникъ Рождества Христова. Епископъ, вступивъ на амвонъ, сказалъ слѣдующее: „Братіе! Рождество Господа и Спаса нашего І. Христа въ молчаніи должно быть чтимо, ибо однимъ только слухомъ было зачатіе въ Святой Дѣвѣ Слова Божія, Ему же слава во вѣки, аминь“.—Нѣтъ сомнѣнія, что въ ораторскомъ смыслѣ и примѣнительно къ обстоятельствамъ, вызвавшимъ его происхожденіе, это слово представляетъ верхъ церковнаго словеснаго искусства; таковымъ нашли его и слушатели Кира, наградивъ его рукоплесканіями и больше не поднимая вопроса о правовѣріи своего епископа.

Паденіе Павлина и Кира доставило полное торжество августѣ Пульхеріи, которая снова возвратилась въ Большой дворецъ и окончательно утвердила свое вліяніе и господство своей партіи. Между императоромъ Ѳеодосіемъ и Евдокіей наступило полное охлажденіе. Царицѣ предоставлена была свобода удалиться отъ двора, и она отправилась въ 442 г. въ Іерусалимъ, гдѣ провела 18 лѣтъ въ дѣлахъ благочестія и благотворенія, принявъ участіе въ религіозной борьбѣ и ставъ на сторону монофизитскаго ученія. Она умерла въ 460 г. и погребена въ построенной ею церкви св. Стефана.

Что касается политическихъ событій, то обыкновенно выставляется на видъ миролюбіе Ѳеодосія, его любовь къ церкви и благочестіе, вслѣдствіе чего Богъ хранилъ его имперію отъ бѣдствій, какимъ подвергался Западъ. Самымъ крупнымъ событіемъ времени было движеніе германцевъ, о которомъ никто съ точностью не могъ сказать, куда оно направляется и гдѣ окончится. Хотя Восточная имперія съ начала V вѣка находилась въ постоянной опасности быть легкой добычей варварскаго нашествія, но правительству императора Ѳеодосія удалось рядомъ разнообразныхъ мѣропріятій войти въ соглашеніе съ предводителями отдѣльныхъ германскихъ дружинъ и частью принять ихъ на службу имперіи въ качествѣ федератовъ, частью предоставить имъ для заселенія мало заселенныя провинціи. Въ особенности тогда было опасно движеніе германцевъ по Балканскому полуострову въ Грецію и въ Италію. Изъ всѣхъ германскихъ вождей Алариху первому удалось въ 410 г. взять на щитъ вѣчный городъ

и разграбить его сокровища. Для тогдашняго человѣчества это былъ фактъ громаднаго значенія, который взволновалъ вѣрующихъ и мыслящихъ людей и поднялъ въ общественномъ сознаніи множество принципіальныхъ вопросовъ. Паденіе Рима въ сознаніи современниковъ было равносильно разрушенію всего существующаго строя. Брошена была въ обращеніе мысль о томъ, что причина испытываемыхъ бѣдствій лежитъ въ новой вѣрѣ и въ пренебреженіи къ старымъ языческимъ богамъ. Никогда, говорили приверженцы стараго культа, міръ не испытывалъ такихъ потрясеній, пока совершались обычныя жертвы, и пока боги заботились объ имперіи. Правда, это была не новая мысль, она и прежде не разъ была выдвигаема противъ христіанства, но въ настоящее время христіане могли на нее отвѣтить съ полнымъ достоинствомъ и съ философскимъ обоснованіемъ защищаемой идеи. Въ IV в. христіанство усвоило себѣ основы древней культуры, во главѣ христіанской церкви стояли лица съ высшимъ литературнымъ и богословскимъ образованіемъ. Дать отвѣтъ на поднятый вопросъ—о міровомъ значеніи христіанской культуры—пришлось величайшему учителю церкви всѣхъ временъ—блаженному Августину, жившему въ V вѣкѣ.

Принадлежащее Августину сочиненіе „О градѣ Божіемъ“ написано въ ближайшій періодъ за взятіемъ готами вѣчнаго города и было окончено къ 426 г. въ 22 главахъ [1]). Цѣль сочиненія указана самимъ Августиномъ: „почитатели ложныхъ боговъ начали съ необычною яростью нападать на христіанство, приписывая ему паденіе Рима, и хулить истиннаго Бога, посему я рѣшился заняться сочиненіемъ „О градѣ Божіемъ“. Содержаніе сочиненія Августина, этого популярнѣйшаго произведенія, уступающаго по авторитету и распространенности развѣ только псалмамъ Давида, въ краткихъ чертахъ состоитъ въ слѣдующемъ. Чтобы опровергнуть мысль о томъ, будто христіанство виновно въ несчастіяхъ, постигшихъ тогдашнее человѣчество, Августинъ обращается къ разсмотрѣнію историческихъ событій и доказываетъ, что бывали въ жизни древняго Рима громадныя бѣдствія, не разъ терпѣли римляне большія пораженія при господствѣ языческаго культа; слѣдовательно, нѣтъ основанія относить на счетъ христіанства и нынѣшнія бѣдственныя событія. Такъ, во время Анто-

---

1) Teuffel, „Gesch. der Röm. Lit.“. S., 1134.

ниновъ имперія процвѣтала, а извѣстно, что они покровительствовали христіанамъ, отчего же тогда боги не обнаружили своего гнѣва? Разсматривая даже самый фактъ взятія Рима Аларихомъ, Августинъ и въ немъ находитъ черты въ опроверженіе своихъ противниковъ. При нападеніи готовъ уцѣлѣли христіанскія церкви, и въ нихъ нашли спасеніе всѣ христіане. Итакъ, христіанство не повредило, а спасло многихъ во время готскаго нашествія. И, кромѣ того, бѣдствія увеличились бы несравненно, если бы самъ Аларихъ не былъ христіаниномъ. И притомъ счастіе не можетъ быть полагаемо только въ военномъ дѣлѣ. Августинъ припоминаетъ мѣсто Марка Аврелія, гдѣ римскій полководецъ, напавшій на пароянъ, сравнивается съ подстерегающимъ добычу паукомъ, и спрашиваетъ: „ужели боги могли поощрять грабежи и насилія и участвовать въ несправедливыхъ военныхъ дѣлахъ"? На самомъ дѣлѣ, несчастія начали постигать римлянъ съ того времени, когда къ вѣрѣ стали относиться лицемѣрно, когда начали обращаться къ христіанству изъ-за выгоды, потому что внѣ христіанской церкви стало хуже въ практическомъ отношеніи, потому что христіане обнаруживали вліяніе на администрацію и судъ, и принадлежностью къ церкви стало опредѣляться общественное положеніе человѣка. Вотъ когда понизился уровень счастія, когда начались несогласія среди самихъ христіанъ, и люди, оставаясь по убѣжденіямъ и любви къ наслажденіямъ язычниками, переходили въ христіанство лишь по отсутствію опредѣленныхъ вѣрованій.—Вся первая часть сочиненія носитъ характеръ фрагментарный, это рядъ отдѣльныхъ замѣтокъ по поводу историческихъ фактовъ. Гораздо систематичнѣй и положительнѣй вторая часть, гдѣ разсматривается капитальный вопросъ, занимавшій не только современниковъ автора, но не перестающій занимать мыслящихъ людей всѣхъ временъ: какъ относиться человѣку-христіанину къ современному общественному строю. Но чтобы—говоритъ Августинъ—не подвергнуться порицанію, что я могу только обличать чужое, а не полагать твердые устои для своего собственнаго, я покажу во второй части разность между градомъ Божіимъ и градомъ мірскимъ. Въ греко-римскомъ мірѣ градъ, civitas, означаетъ согражданъ-жителей одного и того же города. Если кто переселился въ другой городъ, тотъ утратилъ свои гражданскія права. Христосъ уничтожилъ это различіе, такъ какъ градъ Божій не ограниченъ стѣнами города или границами государства,—онъ обнимаетъ

всю вселенную, живыхъ и мертвыхъ, равно умершихъ съ вѣрой и безъ надежды на спасеніе. И жизнь въ градѣ Божіемъ совершенно не та, что въ градѣ языческомъ. Въ мірѣ нѣтъ ничего случайнаго, повсюду дѣйствуетъ перстъ Божій. Особеннымъ значеніемъ, конечно, отличается эта часть, разрѣшающая весьма крупный вопросъ времени: все ли потеряно въ настоящемъ, или есть надежда на лучшій порядокъ вещей. Для шатающагося сознанія и безграничнаго пессимизма, вызваннаго громадными потрясеніями времени, Августинъ давалъ успокоительное разрѣшеніе проблемы. Онъ обѣщаетъ въ мірѣ, руководимомъ божественнымъ промысломъ, неизмѣнное и полное торжество добра и истины. Онъ даетъ увѣренія, что будущій міръ имѣетъ полную реальность и дѣйствительную жизненность, что мы будемъ снова жить, не утративъ ни одного волоса, ни одного зуба. За всѣ тяжести настоящаго въ будущемъ воздастся вполнѣ. Сочиненіе Августина давало успокоеніе обремененному страданіями человѣку указаніемъ на то, что испытываемыя имъ бѣдствія не конечный удѣлъ его. Идея града Божія ставитъ предѣлы тягостямъ жизни и сообщаетъ новую силу угнетенному духу человѣка: ноша не такъ давитъ плечи, когда видна цѣль, гдѣ можно сложить ее.—По всѣмъ этимъ качествамъ сочиненіе de civitate Dei имѣло и имѣетъ важное значеніе въ исторіи человѣческаго самосознанія среднихъ вѣковъ и новаго времени.

По отношенію къ внѣшнимъ событіямъ время Ѳеодосія отличалось сравнительно благопріятными условіями. На восточной границѣ не разъ возникали споры съ Персіей. Походъ въ Месопотамію, предпринятый въ 421 г. подъ предводительствомъ Ардавурія, имѣлъ цѣлью, повидимому, тѣ пять провинцій, которыя послѣ несчастнаго похода Юліана (363 г.) были уступлены персамъ. Благопріятныя для Византіи событія этого похода были воспѣты царицей Евдокіей и отпразднованы въ Константинополѣ 6 сентября 421 года. На западной границѣ положеніе было гораздо опаснѣе вслѣдствіе движенія гунновъ. Но византійскимъ государственнымъ людямъ удалось рядомъ благоразумныхъ и своевременно принятыхъ мѣръ предотвратить угрожавшую отъ гунновъ опасность. Такъ, въ 412 г. Анѳемій счастливо отразилъ нападеніе этихъ варваровъ и побудилъ гунновъ довольствоваться полученіемъ дани. Но въ 441 году Аттила расположилъ свой лагерь въ Панноніи и началъ опустошать византійскіе города на Балканскомъ полуостровѣ, такъ что самому Константинополю

грозила опасность. Но и на этотъ разъ Аттила согласился дать миръ имперіи, за который, впрочемъ, заплачено было 6000 ф. золота, и, кромѣ того, дано обязательство ежегодно платить 700 ф. (443 г.). Выше мы видѣли, что въ 448 г. правительство Ѳеодосія II посылало въ лагерь Аттилы посольство, въ которомъ принималъ участіе Прискъ. Скоро затѣмъ страшный завоеватель поднялъ подвластные ему народы на завоеваніе Западной имперіи (450 г.). Такимъ образомъ, во все продолжительное царствованіе императора Ѳеодосія Византія выходила съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ изъ всѣхъ политическихъ затрудненій. Сравнивая событія, происходившія на Западѣ съ тѣмъ, что представлялъ собой Востокъ съ центромъ въ Константинополѣ, мы должны признать, что и въ это время первоначальной организаціи элементовъ византинизма сказываются уже тѣ основы, на которыхъ будетъ строиться новая жизнь послѣ паденія Западной имперіи.

Церковныя событія, имѣвшія мѣсто во время Ѳеодосія II, занимаютъ безспорно центральное положеніе въ исторіи развитія христіанской церкви вообще, поэтому необходимо дать имъ наиболѣе полное освѣщеніе какъ по ихъ значенію для своего времени, такъ и по ближайшимъ послѣдствіямъ.

Но прежде всего нельзя не отмѣтить въ исторіи восточной церкви исключительнаго явленія, относящагося къ самымъ послѣднимъ годамъ IV и началу V вѣка. Іоаннъ Златоустъ занималъ епископскую каѳедру Константинополя отъ 398 по 404 годъ при сынѣ Ѳеодосія Великаго, императорѣ Аркадіи. Кратковременная епископская дѣятельность Златоуста въ Константинополѣ должна быть отмѣчена здѣсь въ двоякомъ отношеніи. Онъ прибылъ на епископскую каѳедру въ то время, когда въ Константинополѣ рѣшался очень горячій частью религіознаго характера вопросъ, именно о жившихъ въ столицѣ многочисленныхъ германцахъ аріанскаго вѣроисповѣданія. Въ политическомъ отношеніи германскій элементъ былъ воспринятъ въ государственный организмъ распоряженіями Ѳеодосія Великаго, въ церковномъ отношеніи вопросъ о богослужебномъ языкѣ для германцевъ радикальнымъ образомъ разрѣшенъ Іоанномъ Златоустомъ. Константинопольскій епископъ далъ разрѣшеніе жившимъ въ столицѣ германцамъ аріанскаго толка отправлять богослуженіе въ собственной ихъ церкви, которая была выстроена за стѣнами города, за колон-

нами, почему всѣ приверженцы аріанства въ Константинополѣ назывались эксакіонитами. Въ высшей степени либеральнымъ нужно признать его распоряженіе о назначеніи въ аріанскую церковь священниковъ и діаконовъ изъ природныхъ германцевъ, дабы они совершали богослуженіе и объясняли священное писаніе на нѣмецкомъ языкѣ. Бывали случаи, когда и самъ Златоустъ посѣщалъ эту церковь и говорилъ здѣсь проповѣди, при чемъ переводчики объясняли его слова тѣмъ, кто не понималъ греческаго языка. Миссіонерская дѣятельность Златоуста простиралась на южную Россію и на придунайскія области, куда онъ посылалъ проповѣдниковъ. Обширная переписка Златоуста весьма краснорѣчиво говоритъ о его пастырскихъ заботахъ о просвѣщеніи язычниковъ. Мы съ особенной энергіей должны отмѣтить, что константинопольскій епископъ разрѣшилъ въ свое время жгучій вопросъ, неоднократно волновавшій христіанскій міръ, именно вопросъ о національномъ языкѣ въ богослуженіи. Какъ этой либеральной мѣрой, такъ и христіанской миссіей между народами, жившими на Балканскомъ полуостровѣ и въ южной Россіи, Іоаннъ Златоустъ создалъ для константинопольской каѳедры совершенно исключительное положеніе, поставивъ для нея самостоятельныя задачи и вполнѣ независимо разрѣшивъ капитальный въ исторіи христіанской церкви вопросъ о національныхъ языкахъ въ богослуженіи.

Въ разсужденіи церковныхъ дѣлъ въ пятомъ вѣкѣ прежде всего обращаютъ на себя вниманіе христологическій вопросъ и вызванные имъ вселенскіе соборы Ефесскій и Халкидонскій. Въ связи съ названными соборами мы займемся изложеніемъ христологическихъ споровъ. Лишь только прекращенъ былъ острый фазисъ споровъ о божественной природѣ Христа, и православное ученіе утверждено было на I и II вселенскихъ соборахъ, возникли въ церкви сомнѣнія и начали высказываться разнорѣчивыя мнѣнія о томъ, какъ, какимъ образомъ соединились во Христѣ божественная и человѣческая природа? Это въ такой же степени капитальный догматъ въ христіанскомъ вѣроученіи, какъ и догматъ о божественности Христа, подъ который подкапывались аріане. Значеніе его видно, между прочимъ, и изъ того, что въ той же самой постановкѣ, какая ему была дана въ V вѣкѣ Кирилломъ Александрійскимъ и Несторіемъ, онъ появляется снова въ XI и XII в. и производитъ вмѣстѣ съ дѣломъ фило-

софа Іоанна Итала большую смуту въ церкви. Прежде чѣмъ окончательно была выработана формула, утвержденная соборами, что два естества въ единой божественной ипостаси Христа соединились нераздѣльно и несліянно, неизмѣнно и непреложно, на Востокѣ происходили продолжительныя и весьма ожесточенныя по этому вопросу пренія. По тѣсной связи ученія о Богочеловѣкѣ съ родившей Его Матерью, одновременно съ христологическимъ вопросомъ поднялся богословскій споръ о св. Дѣвѣ Маріи. Уже извѣстный Ѳедоръ Мопсуестскій, занимающій важное мѣсто въ литературѣ объ этомъ вопросѣ, высказался противъ усвоенія Дѣвѣ Маріи имени Богородицы *Θεοτόκος*, ибо Марія, по его мнѣнію, родила Іисуса, а не Бога, и родившійся отъ нея Христосъ не былъ еще соединенъ съ Логосъ и потому не могъ называться Сыномъ Божіимъ. Слѣдовательно, Марія есть собственно Христородица, а не Богородица. „Безуміе утверждать, говоритъ онъ, что Богъ родился отъ Дѣвы. — Не Богъ, но храмъ, въ которомъ обитаетъ Богъ, родился отъ Дѣвы“ [1]).

Третій вселенскій соборъ въ Ефесѣ въ 431 г. собранъ былъ противъ Несторія, посвященнаго въ епископы Константинополя въ 428 г. Это былъ очень краснорѣчивый ораторъ, уже пріобрѣтшій въ Антіохіи славу подвижника и ревностнаго защитника православія, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, весьма честолюбивый и упорный въ своихъ мнѣніяхъ. Въ первой своей проповѣди, сказанной въ Константинополѣ, онъ обратился къ императору со слѣдующими словами: „дай мнѣ землю, очищенную отъ еретиковъ, и я за то заплачу тебѣ небомъ; помоги мнѣ сокрушить еретиковъ, и я помогу тебѣ въ войнѣ съ персами“. Не менѣе характеризуетъ его нетерпимость въ религіозныхъ вопросахъ и то, какъ жестоко онъ поступилъ съ оставшимися въ столицѣ аріанами, допустивъ сожженіе ихъ храма.

Изъ переписки Несторія съ Іоанномъ, епископомъ антіохійскимъ, видно, что уже по прибытіи въ Константинополь онъ долженъ былъ вмѣшаться въ борьбу мнѣній, волновавшихъ церковь по вопросу о наименованіи Дѣвы Маріи Богородицей, такъ какъ это наименованіе возбуждало сомнѣнія у тѣхъ, которые думали, что св. Дѣва была человѣкъ и могла родить только человѣка. Ученіе Несторія въ существенныхъ чертахъ состояло въ слѣдующемъ. Какъ и Ѳедоръ Мо-

[1]) Hefele, II, S. 149.

псуестскій, онъ училъ, что св. Дѣва родила не Бога, а человѣка, „ибо твореніе не можетъ родить творца, но человѣка, который есть орудіе божества“. Потому Маріи приличествуетъ наименованіе Христородицы. Богъ Слово не родился отъ Маріи, но жилъ въ томъ, кто отъ Нея родился. Отрицая, такимъ образомъ, правильность выраженія Богородица — Θεοτόκος, онъ даетъ, вмѣсто выраженія „Богъ родился отъ Маріи“, другое: „Богъ прошелъ черезъ Марію“.

Какъ Аѳанасій Великій въ борьбѣ съ Аріемъ явился самымъ ревностнымъ защитникомъ ученія о божественной природѣ Христа, такъ Кириллъ Александрійскій въ вопросѣ, возбужденномъ Несторіемъ, выступилъ защитникомъ ученія о томъ, что божественная природа во Христѣ не можетъ быть отдѣляема отъ человѣческой и что Христосъ, какъ Богъ, есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и человѣкъ, и какъ человѣкъ, есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и Богъ. Поэтому и по отношенію къ Дѣвѣ Маріи онъ принимаетъ терминъ Богородица, вопреки Несторію и его приверженцамъ въ Константинополѣ и Антіохіи, откуда онъ происходилъ. Началась довольно жаркая полемика между Несторіемъ и Кирилломъ, въ которой приняло участіе духовенство, въ особенности египетскіе монахи, и которою интересовались свѣтскіе люди. Скоро въ этотъ религіозный споръ были замѣшаны благочестивый Ѳеодосій II, его супруга царица Евдокія и августа Пульхерія, которыхъ освѣдомилъ о положеніи религіознаго вопроса александрійскій епископъ. Независимо отъ того императоръ не могъ остаться равнодушнымъ къ церковному спору и потому, что противъ Несторія высказался римскій епископъ, а помѣстный соборъ, созванный въ Александріи, произнесъ противъ него отлученіе. Уже въ ноябрѣ 430 г. императоръ издалъ указъ, которымъ приглашалъ отъ своего, а равно отъ имени западнаго императора, всѣхъ епископовъ явиться на вселенскій соборъ въ Ефесъ на Троицынъ день слѣдующаго 431 года. Мѣсто созванія собора частью указывало на сущность предстоящихъ разсужденій: въ Ефесѣ св. Дѣва провела послѣдніе годы жизни, а ревность къ чести Богородицы и необыкновенная популярность христологическаго вопроса объясняется особеннымъ ея отношеніемъ къ Константинополю, какъ высокой покровительницы царственнаго города. Въ частномъ письмѣ къ Кириллу императоръ ставитъ ему въ упрекъ его поведеніе въ церковномъ спорѣ и относитъ на его отвѣтственность, что дѣло получило неже-

лательное направленіе, и дѣлаетъ ему замѣчаніе на счетъ неумѣстности его непосредственнаго обращенія къ императрицѣ и августѣ Пульхеріи. Участіе Целестина, епископа римскаго, на Ефесскомъ соборѣ выразилось въ посылкѣ имъ на соборъ депутатовъ, которымъ поручено было, однако, не вмѣшиваться въ пренія. Императоръ, со своей стороны, послалъ представителемъ своимъ комита Кандидіана, который также не долженъ былъ вмѣшиваться въ религіозные споры. Онъ долженъ блюсти, чтобы монахи и мірскіе люди, прибывшіе въ Ефесъ ради любопытства, не нарушали порядка и не производили смуты, иначе подлежали изгнанію изъ города; точно такъ же ему поручалось слѣдить за порядкомъ преній на соборѣ, чтобы каждый могъ свободно высказать свое мнѣніе, а равно, чтобы дана была возможность безъ стѣсненія дѣлать возраженія на выслушанныя рѣчи. На его же обязанности было слѣдить, чтобы члены собора, не окончивъ догматическаго вопроса, не разъѣзжались по домамъ. Второе придворное лицо, явившееся на соборъ въ качествѣ спутника Несторія, комитъ Иріней, не имѣлъ никакихъ оффиціальныхъ полномочій.

Первымъ между членами собора прибылъ въ Ефесъ Несторій съ 16 епископами своего патріархата; вскорѣ за нимъ, за 5 дней до Троицы, явился Кириллъ съ 50 епископами и въ сопровожденіи множества черного духовенства. Послѣ праздниковъ прибыли Ювеналъ іерусалимскій и Флавіанъ солунскій. Нѣсколько заставилъ себя ожидать Іоаннъ антіохійскій, что и потому обращало на себя вниманіе, что антіохійская церковь принимала особенно близкое участіе въ дѣлѣ Несторія, такъ какъ онъ происходилъ изъ антіохійскаго духовенства. Такъ какъ время проходило, а прибытіе антіохійскаго епископа день за днемъ откладывалось, то Кириллъ александрійскій рѣшился открыть засѣданіе собора 22 іюня 431 г., т.-е. двѣ недѣли спустя послѣ праздника Троицы, бывшаго 7 іюня. За день до засѣданія Несторій былъ увѣдомленъ объ имѣющемъ состояться засѣданіи, а въ самый день открытія собора къ нему являлись депутаціи съ приглашеніемъ явиться, но Несторій объявилъ, что онъ приметъ участіе тогда, когда прибудутъ другіе епископы. Можно догадываться, что Несторій не считалъ компетентнымъ то собраніе епископовъ, которое держалось Кирилла. Для александрійскаго епископа и его партіи и въ этомъ обстоятельствѣ могло бы быть нѣкоторое предостереженіе, но еще

важнѣй было то, что партія въ 68 епископовъ отдѣлилась отъ большинства и просила Кирилла не спѣшить съ открытіемъ собора, до прибытія запоздавшихъ. Уже въ самый день открытія собора комитъ Кандидіанъ, на которомъ лежала прямая обязанность предупредить нарушеніе порядка и справедливости, явился въ засѣданіе, чтобы выразить протестъ противъ дѣйствій Кирилла; но когда онъ прочелъ императорскій указъ о соборѣ, правахъ и обязанностяхъ членовъ его и выразилъ желаніе обождать еще четыре дня до открытія дѣятельности собора, его заявленіе было оставлено безъ вниманія. Когда Кириллъ открылъ засѣданіе, съ нимъ было всего 160 членовъ-епископовъ; но при подписи протокола вечеромъ оказалось уже 198 членовъ. Сначала прочитаны были акты, касающіеся созванія собора; затѣмъ документы, относящіеся до предмета, подлежащаго обсужденію: символъ никейскій, письмо Кирилла къ Несторію объ ипостасномъ соединеніи божества и человѣчества во Христѣ, отвѣтъ Несторія на это письмо; наконецъ, письмо папы Целестина и письмо Кирилла вмѣстѣ съ опредѣленіями александрійскаго собора. На основаніи прочитанныхъ актовъ и мѣстъ священнаго писанія и отцовъ церкви, соборъ пришелъ къ выводу, что ученіе Несторія о раздѣленіи божества и человѣчества во Христѣ не соотвѣтствуетъ церковному мнѣнію, которое утверждаетъ истинное человѣчество Бога-Слова и признаетъ, что божеское и человѣческое естество соединены во Христѣ нераздѣльно и несліянно. Церковное опредѣленіе состоялось въ тотъ же день вечеромъ и выражено такъ: Господь нашъ Іисусъ Христосъ, на котораго Несторій изрыгалъ хулы, устами сего святѣйшаго собора опредѣляетъ лишить его епископскаго сана и отлучить отъ церковнаго общенія. Правда, соборъ имѣлъ еще шесть засѣданій, но главное значеніе Ефесскаго собора выразилось въ опредѣленіи перваго засѣданія, которое предстояло защитить и оправдать противъ разнообразныхъ нападокъ. Прежде всего Несторій заявилъ протестъ противъ законности собора, ссылаясь на то, что Кириллъ дѣйствовалъ самовольно вопреки требованію комита Кандидіана. Затѣмъ прибывшій вскорѣ послѣ того Іоаннъ, епископъ Антіохіи, съ подчиненными епископами, съ цѣлью поправить дѣло и въ желаніи помочь Несторію, рѣшился составить отдѣльное засѣданіе собора, въ которомъ было 43 епископа. Само собой разумѣется, этотъ соборъ былъ направленъ противъ Кирилла и постановленій его собора. Епископъ александрій-

скій лишенъ епископскаго сана, а всѣ члены-приспѣшники его отлучены отъ церкви. Вслѣдствіе изложенныхъ событій положеніе дѣлъ получило весьма неожиданный и въ высшей степени соблазнительный оборотъ: въ Ефесѣ составились два собора, и оба считали себя православными и имѣвшими право изрекать запрещенія и отлученія отъ церкви.

О событіяхъ въ Ефесѣ доносили въ Константинополь какъ императорскій представитель комитъ Кандидіанъ, такъ и епископы. Есть всѣ основанія думать, что вначалѣ, на основаніи полученныхъ извѣстій, дворъ былъ настроенъ противъ Кирилла и его приверженцевъ. Это видно особенно изъ посланія, отправленнаго въ Константинополь 1 іюля 431 г. и имѣющаго цѣлью оправдать дѣйствія Кирилла. „Комитъ Кандидіанъ—говорится въ посланіи,—руководясь больше дружбой къ Несторію, а не благочестіемъ, сообщилъ неправильныя извѣстія о ходѣ дѣлъ. Изъ синодальныхъ актовъ можно убѣдиться, что дѣло Несторія разбиралось безпристрастно, и все о немъ точно выяснено. Царю не слѣдуетъ склонять слухъ къ тому, что доноситъ епископъ Іоаннъ, который болѣе заботится о своемъ другѣ, чѣмъ о вѣрѣ, и заставилъ себя ждать 21 день. По своемъ прибытіи онъ сейчасъ же принялъ сторону Несторія или изъ дружбы, или раздѣляя его заблужденія. Такъ какъ Кандидіанъ препятствуетъ собору сообщить императору достовѣрныя извѣстія о происшедшемъ, то да будетъ благоволено пригласить его вмѣстѣ съ пятью членами собора для устныхъ объясненій". О сравнительной авторитетности того и другого собора въ письмѣ излагается, что на сторонѣ Несторія и Іоанна теперь не больше 37 епископовъ, между тѣмъ какъ на сторонѣ Кирилла и за правильность дѣяній его собора стоятъ епископъ римскій Целестинъ и вся африканская церковь и болѣе 200 епископовъ. Такъ какъ обѣ партіи взаимно обвиняли одна другую и обращались къ рѣшенію императора, то, въ концѣ концовъ, Ѳеодосій рѣшился пригласить въ Халкидонъ представителей отъ обоихъ соборовъ. Но такъ какъ при дворѣ составились два теченія—одно съ августой Пульхеріей во главѣ держалось Кирилла, другое, поддерживаемое сильной партіей въ Константинополѣ, было за Несторія и Іоанна, то для императора было весьма нелегко рѣшительно высказаться за ту или другую партію. Послѣ долгихъ колебаній, наконецъ, Ѳеодосій принялъ сторону Кирилла

александрійскаго и утвердилъ опредѣленіе состоявшагося подъ его предсѣдательствомъ собора. Весьма вѣроятно, что на рѣшенія императора вліяли демонстраціи и шумныя сходки и процессіи, устраиваемыя на улицахъ Константинополя толпами народа, подстрекаемыми монашествующими съ архимандритомъ Далматомъ во главѣ. Ефесскій соборъ былъ распущенъ спеціальнымъ указомъ, обращеннымъ на этотъ разъ не ко всѣмъ собравшимся епископамъ и не къ обѣимъ партіямъ, а къ собору Кирилла. Между прочимъ въ этомъ документѣ говорится: „Такъ какъ вы не можете придти къ соглашенію съ антіохійцами и вступить съ ними въ переговоры относительно раздѣляющихъ васъ мнѣній, то мы повелѣваемъ восточнымъ епископамъ возвратиться въ свои церкви и закрыть Ефесскій соборъ. Кириллу приказываемъ отправиться въ Александрію, Мемнону оставаться въ Ефесѣ". Кириллъ возвратился въ Александрію 30 октября 431 г., гдѣ былъ принятъ съ большимъ почетомъ. Что касается Несторія, то онъ подвергся всѣмъ послѣдствіямъ осужденія и отлученія отъ церкви. Сначала его заточили въ монастырь близъ Антіохіи, потомъ онъ былъ присужденъ къ изгнанію въ отдаленную Петру аравійскую, отсюда переведенъ въ пустыню, въ Большой оазисъ, гдѣ попался въ плѣнъ къ кочующимъ племенамъ. Будучи выпущенъ ими на свободу, онъ умеръ затѣмъ въ предѣлахъ имперіи, всѣми забытый и оставленный.

Другіе участники собора, сторонники Іоанна антіохійскаго, прибывъ въ Антіохію, составили мѣстный соборъ, протестуя противъ низложенія Несторія и сдѣлавъ опредѣленіе о лишеніи сана Кирилла. Въ такомъ положеніи не могло оставаться церковное дѣло; чтобы предупредить соблазнительные толки и образованіе великаго раскола, императоръ долженъ былъ еще разъ воспользоваться авторитетомъ свѣтской власти и потребовать отъ Кирилла и Іоанна прекратить всякую распрю, дабы водворился миръ въ церкви Божіей. Вслѣдствіе энергичнаго вмѣшательства императора, достигнуто было, наконецъ, соглашеніе между сторонами на почвѣ Никейскаго символа вѣры. Знаменитый ученый того времени, епископъ Кирры Ѳеодоритъ, сторонникъ антіохійской партіи, сильно порицалъ Кирилла за его образъ дѣйствій на соборѣ и за низверженіе Несторія. Какъ увидимъ ниже, на пятомъ вселенскомъ соборѣ онъ подвергся за то осужденію, а Кириллъ александрійскій причисленъ къ сонму свя-

тыхъ. Но Ефесскій соборъ далеко не принесъ покоя и церковнаго мира и даже не положилъ конца христологическимъ спорамъ.

Основное положеніе въ христіанскомъ ученіи о второмъ лицѣ св. Троицы можетъ быть выражено такъ. Христосъ, Спаситель міра, есть вмѣстѣ Богъ и человѣкъ. Разногласія возникали по частному вопросу объ отношеніи двухъ естествъ, божескаго и человѣческаго. На этой почвѣ родилось нѣсколько крайнихъ мнѣній. Одно мнѣніе выражено было Несторіемъ и его приверженцами. Сущность его заключается въ томъ, что два естества во Христѣ находятся въ полнѣйшемъ обособленіи или разграниченіи и имѣютъ лишь относительное соединеніе или обитаніе одного естества въ другомъ. Несторій разсуждалъ такъ, что Христосъ въ рожденіи былъ человѣкомъ, и что божество соединилось съ человѣчествомъ впослѣдствіи. Другое, также крайнее, мнѣніе, выражено было ученіемъ монофизитовъ, появившимся вскорѣ послѣ Ефесскаго собора. Оно можетъ быть разсматриваемо какъ противоположная крайность несторіанства по отношенію къ природѣ Бога-Слова. Монофизитство характеризуется признаніемъ исключительнаго единства божественнаго естества во Христѣ, такъ какъ человѣческая природа несовмѣстима съ божественною. Человѣчество неизбѣжно должно было поглотиться божествомъ, какъ капля воды естественно поглощается въ океанѣ. Между этими крайностями православіе заняло среднее положеніе, характеризуясь притомъ культомъ св. Дѣвы какъ Богородицы. Сообразно съ этимъ культомъ Христосъ почитается вмѣстѣ Богомъ и человѣкомъ съ самаго момента непорочнаго зачатія.

Ученіе монофизитовъ возникло при слѣдующихъ обстоятельствахъ, которыя здѣсь тѣмъ умѣстнѣй выяснить, что онѣ весьма характерны для современнаго излагаемымъ событіямъ общества. Основатель ереси, константинопольскій монахъ Евтихій, по своему недостаточному образованію едва ли былъ въ состояніи точно формулировать теорію монофизитизма. Но весьма любопытно, что ученіе, вышедшее изъ монастырскихъ стѣнъ и идущее отъ весьма популярнаго въ монашеской средѣ имени, распространилось, главнымъ образомъ, среди монастырскихъ общинъ и келій и поддерживалось, какъ увидимъ ниже, даже послѣ Халкидонскаго собора, главнымъ образомъ, монашествующимъ духовенствомъ. Изъ этого прежде всего нужно вывести заключеніе, что въ V вѣкѣ монашество составляло уже немаловажную обще-

ственную силу, которая начинаетъ играть роль не только въ церковныхъ дѣлахъ и въ вопросахъ вѣроученія, но также въ общественной жизни. Какъ новой общественной силѣ, монашеству мы посвятимъ въ дальнѣйшемъ особенное вниманіе.

Архимандритъ одного изъ пригородныхъ монастырей, Евтихій, находясь уже въ преклонныхъ лѣтахъ, привлеченъ былъ церковнымъ судомъ по обвиненію въ ереси. Въ 448 г. въ Константинополѣ былъ собранъ архіепископомъ Флавіаномъ помѣстный соборъ, на которомъ присутствовалъ, между прочимъ, Евсевій, епископъ дорилейскій. Когда закончены были текущія дѣла, Евсевій подалъ собору жалобу на Евтихія, въ которой значилось, что этотъ послѣдній хулитъ православныхъ учителей и самого Евсевія, обвиняя въ принадлежности къ несторіанству. „Я—прибавлялъ Евсевій—готовъ доказать, что онъ неправильно называется православнымъ“. Когда Флавіанъ замѣтилъ, что было бы лучше, если бы Евсевій сначала переговорилъ частнымъ образомъ съ архимандритомъ Евтихіемъ и потомъ уже, когда бы оказалось, что онъ дѣйствительно впалъ въ ересь, звать его на судъ передъ соборомъ, Евсевій объяснилъ, что онъ издавна состоялъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ Евтихіемъ и не разъ уговаривалъ его даже при свидѣтеляхъ оставить свои заблужденія, но не имѣлъ успѣха. Соборъ рѣшилъ отправить къ Евтихію депутатовъ въ лицѣ священника и діакона и пригласить его явиться для оправданія. На второмъ засѣданіи Евсевій дорилейскій къ прежде сказанному присоединилъ, что Евтихій распространяетъ свои заблужденія и многихъ совратилъ. По его же предложенію приступлено было къ прочтенію актовъ, касающихся дѣла по осужденію Несторія, и затѣмъ архіепископомъ Флавіаномъ изложена формула исповѣданія вѣры, которую подписали всѣ присутствующіе.

Между тѣмъ посланные къ Евтихію депутаты доложили собору, что онъ отказывается явиться на соборное засѣданіе, такъ какъ далъ обѣщаніе никогда не оставлять своего монастыря, что собору должно быть извѣстно давнишнее къ нему нерасположеніе Евсевія дорилейскаго, желающаго и теперь оклеветать его, что, наконецъ, Евтихій готовъ присоединиться къ постановленіямъ Никейскаго и Ефесскаго собора и подписать ихъ. По требованію Евсевія соборъ снова отправилъ двухъ депутатовъ къ Евтихію съ новымъ предложеніемъ явиться на соборъ. Но депутаты по возвращеніи доложили,

что они съ большимъ трудомъ были допущены къ Евтихію, который повторилъ имъ свое первое заявленіе, что онъ по обѣту не можетъ оставить стѣны монастыря, и что онъ уже старъ и дряхлъ, и что пусть священный соборъ поступаетъ по своему усмотрѣнію и не принимаетъ на себя труда посылать къ нему третье приглашеніе. Выслушавъ это, соборъ отправилъ третью депутацію къ Евтихію съ письменнымъ приглашеніемъ явиться на 17 ноября въ соборное засѣданіе подъ угрозой каноновъ, карающихъ ослушниковъ. Константинопольскій архіепископъ употреблялъ всѣ мѣры, чтобы не придавать дѣлу слишкомъ громкаго значенія, но Евтихій имѣлъ противъ себя очень настойчиваго и горячаго противника, о которомъ Флавіанъ разъ сказалъ: „мнѣ извѣстна ревность обличителя, самый огонь ему кажется еще холоденъ по причинѣ его ревности о благочестіи. Богу извѣстно, сколько разъ я просилъ его—не быть настойчивымъ!“ [1]). Съ другой стороны, и упорный отказъ Евтихія подчиниться желанію собора лично явиться въ засѣданіе и дать объясненіе въ приписываемыхъ ему мнѣніяхъ ставило Флавіана въ очень затруднительное положеніе передъ Евсевіемъ. На новый отказъ Евтихія, что онъ не можетъ явиться по случаю болѣзни, ему дана была еще отсрочка до 22 ноября.

Послѣднее засѣданіе этого собора, происходившее въ понедѣльникъ 22 ноября, имѣетъ самое существенное значеніе въ дѣлѣ Евтихія. На немъ присутствовалъ самъ обвиняемый, который такъ упорно отказывался представить собору личныя объясненія. Когда отцы собора были уже въ составѣ, предсѣдатель приказалъ дьяконамъ Криспину и Іовіану идти справиться, не пришелъ ли архимандритъ Евтихій, и если его найдутъ около церкви или въ другомъ мѣстѣ, то чтобы пригласили его въ засѣданіе. Означенные дьяконы по возвращеніи доложили, что хотя самого Евтихія они не нашли, но узнали, что онъ идетъ съ большимъ отрядомъ воиновъ, и съ монахами, и съ полицейской стражей. Вслѣдъ за этими словами экдикъ пресвитеръ Іоаннъ доложилъ, что Евтихій прибылъ съ большимъ отрядомъ воиновъ, и монаховъ, и полицейскихъ чиновъ епарха преторіи, но что сопровождающіе не согласны отпустить его въ засѣданіе, пока соборъ не дастъ ручательства за его личную безопасность, и что Магнъ силенціарій находится вмѣстѣ съ ними у воротъ и желаетъ присутство-

---

[1]) Mansi, „Concilia“, VI, 716.

вать на соборѣ какъ представитель благочестивѣйшаго и христолюбиваго царя. Когда Флавіанъ далъ разрѣшеніе впустить, силенціарій Магнъ прочелъ собору указъ слѣдующаго содержанія. „Въ заботахъ о мирѣ, и о святой церкви, и о православной вѣрѣ, и въ желаніи сохранить вѣру, боговдохновенно изложенную отцами на Никейскомъ и Ефесскомъ соборахъ, и для предупрежденія соблазна въ православіи, мы постановили назначить для присутствованія въ соборѣ превосходительнаго патрикія Флоренція, мужа вѣрнаго и засвидѣтельствованнаго въ православіи".

Какъ ни было необычно подобное распоряженіе, ставившее соборныя мнѣнія и рѣшенія по дѣламъ вѣры подъ контроль свѣтскаго лица, облеченнаго высокимъ авторитетомъ царскаго делегата, тѣмъ не менѣе, соборъ привѣтствовалъ этотъ указъ многолѣтіемъ и изъявилъ согласіе на участіе въ соборѣ царскаго делегата Флоренція. Когда спрошенный по этому поводу Евтихій тоже не высказалъ возраженій, соборъ сталъ продолжать разслѣдованіе дѣла, начавъ съ прочтенія всѣхъ предыдущихъ актовъ, касающихся Евсевія и Евтихія. Когда дошли до той части второго письма Кирилла, гдѣ читается: „исповѣдуемъ Господа нашего Іисуса Христа Сына Божія единороднаго, Бога совершеннаго и человѣка совершеннаго изъ души разумной (*λογικῆς*) и тѣла; прежде вѣкъ отъ Отца рожденнаго по Божеству, въ послѣдніе же дни ради насъ и нашего спасенія отъ Маріи Дѣвы по человѣчеству, единосущнаго Отцу по божеству, единосущнаго намъ по человѣчеству, ибо было соединеніе двухъ естествъ, почему исповѣдуемъ одного Христа, одного Господа, и по смыслу сего неслитнаго соединенія исповѣдуемъ св. Дѣву Богородицей чрезъ воплощеніе и вочеловѣченіе Бога Слова и въ самомъ зачатіи соединеніе съ Собою воспринятаго отъ нея храма" [1]). При этихъ словахъ Евсевій дорилейскій сказалъ: „Могу увѣрить, этого онъ не признаетъ и никогда не былъ согласенъ съ этимъ исповѣданіемъ, но говорилъ и училъ противоположное". Тогда патрикій Флорентій предложилъ спросить Евтихія: „согласенъ ли онъ съ только-что прочитанными словами"? Но на это возразилъ епископъ Евсевій: „позвольте продолжать чтеніе документовъ, ибо мнѣ это важно для обличенія. Если бы онъ сейчасъ выразилъ свое согласіе, то я могъ бы показаться

¹) Mansi, VI, col. 736: διὰ τὸ τὸν Θεὸν λόγον σαρκωθῆναι καὶ ἐνανθρωπῆσαι καὶ ἐξ αὐτῆς τῆς συλλήψεως ἐνῶσαι ἑαυτῷ τὸν ἐξ αὐτῆς ληφθέντα ναόν.

въ подозрѣніи, что сдѣлалъ ложное обвиненіе. Между тѣмъ я доказалъ его виновность и свидѣтельствами тѣхъ лицъ, которыя были къ нему посылаемы отъ собора, и вновь могу это подтвердить словами преосвященныхъ епископовъ. Я боюсь его коварства — продолжалъ Евсевій,—я бѣденъ, не имѣю средствъ, онъ угрожаетъ мнѣ изгнаніемъ. У него есть деньги, и онъ пугаетъ меня ссылкой въ оазисъ". Предсѣдатель замѣчаетъ ему: „хотя бы ты тысячу разъ повторялъ это, мы ни за что не пожертвуемъ истиной". Евсевій, однако, не унимался: „вѣдь меня лишатъ сана, если я окажусь клеветникомъ". Тогда патрикій Флорентій возвращается къ прежнему предложенію съ маленькой поправкой: „Пусть будетъ сдѣланъ вопросъ Евтихію: какъ онъ вѣруетъ, и, судя по тому, что онъ скажетъ, предложить потомъ другой вопросъ: почему нынѣ говоритъ такъ, а прежде мыслилъ иначе"? Когда, наконецъ, удалось успокоить Евсевія, что отъ нынѣшняго отвѣта Евтихія не будетъ для него никакого нареканія, предложенъ былъ обвиняемому слѣдующій вопросъ: „согласенъ ли съ прочтенными сейчасъ словами блаженнаго Кирилла и признаетъ ли соединеніе двухъ естествъ въ одномъ лицѣ и въ одной ипостаси, или же нѣтъ"?—Евтихій отвѣтилъ: „да, изъ двухъ естествъ". Евсевій поставилъ еще тотъ же вопросъ: „исповѣдуешь ли два естества послѣ воплощенія и признаешь ли Христа единосущнымъ намъ по плоти, или нѣтъ"?—Евтихій отвѣчалъ на это: „я препоручилъ себя святѣйшеству вашему и сказалъ, какъ мыслю объ Отцѣ, и Сынѣ, и Святомъ Духѣ, больше меня нечего спрашивать". Архіепископъ спросилъ: „нынѣ исповѣдуешь изъ двухъ естествъ"? Евтихій отвѣчалъ: „поелику исповѣдую Бога моего и Господа неба и земли, то доселѣ не позволялъ заниматься вопросомъ объ естествахъ; признаю, что донынѣ я не исповѣдывалъ Его единосущнымъ намъ". Архіепископъ спросилъ: „не признаешь Его единосущнымъ Отцу по Божеству и единосущнымъ намъ по человѣчеству"?—Евтихій отвѣтилъ: „доселѣ я не сказалъ, что тѣло Господа и Бога нашего единосущно намъ, Святую же Дѣву признаю единосущною намъ, и что изъ Нея воплотился Богъ нашъ". Послѣдовало еще нѣсколько вопросовъ, на которые Евтихій отвѣтилъ: „я согласенъ на все, что говорите". Патрикій Флорентій спросилъ: „если Мать единосущна намъ, то, конечно, и Сынъ единосущенъ"? Евтихій отвѣтилъ: „донынѣ я этого не утверждалъ. Поелику же исповѣдую Его тѣломъ Божіимъ, понимаешь, я

не сказалъ, что тѣло человѣка есть тѣло Божіе, но человѣческое тѣло, я не сказалъ, что отъ Дѣвы воплотился Господь. Если же требуется сказать, что воплотился отъ Дѣвы, и что единосущенъ намъ, то скажу и это, господинъ мой... прежде я этого не говорилъ, нынѣ же признаю это, поелику ваша святость утверждаетъ такъ". Послѣднія слова могли казаться неискренними и вынужденными настойчивостью вопросовъ, поэтому архіепископъ спросилъ: „что же, ты исповѣдуешь истинную вѣру по принужденію, а не по убѣжденію"? Евтихій отвѣчалъ: „нынѣ, господинъ, такъ думаю, до сей поры боялся говорить. Знаю Господа Бога нашего и не позволялъ себѣ изслѣдовать Его природу, поелику же ваша святость допускаетъ это и учитъ, то я рѣшаюсь говорить".

Затѣмъ соборъ предложилъ Евтихію анаѳематствовать всякое ученіе, противное изложеннымъ догматамъ. Здѣсь обвиненный вышелъ изъ предѣловъ доселѣ тщательно наблюдаемой осторожности и сказалъ: „я заявилъ, что прежде этого не утверждалъ, нынѣ же, поелику такъ учитъ святость ваша, говорю и слѣдую ученію отцовъ, но ни въ писаніяхъ я не нашелъ это ясно изложеннымъ, ни отцы не утверждали того единогласно. Теперь, если я анаѳематствую, горе мнѣ, потому что предамъ анаѳемѣ отцовъ". При этихъ словахъ все собраніе поднялось съ мѣстъ съ криками: анаѳема ему! Патрикій Флорентій направляетъ мнѣніе собора на основную тему, предложивъ Евтихію вопросъ: „признаешь ли два естества и единосущность съ нами"? Евтихій отвѣтилъ: „я читалъ у блаженнаго Кирилла и Аѳанасія и другихъ отцовъ, что до соединенія—изъ двухъ естествъ, а что послѣ соединенія и воплощенія уже не два естества, а одно". Въ доказательство своихъ словъ предлагалъ прочесть мѣсто изъ св. Аѳанасія. Наконецъ, патрикій Флорентій выразилъ заключеніе въ слѣдующихъ словахъ: „кто не говоритъ изъ двухъ естествъ и два естества, тотъ не вѣруетъ правильно". Соборъ присоединилъ: „съ понужденіемъ нѣтъ вѣры". Напослѣдокъ соборъ вынесъ слѣдующее опредѣленіе: „Евтихій, бывшій пресвитеръ и архимандритъ, оказался изобличеннымъ въ нечестіи Валентина и Аполлинарія и въ приверженности къ ихъ ученію. Такъ какъ онъ не устыдился нашихъ увѣщаній и поученій и не принялъ правыхъ догматовъ, то мы, оплакивая и соболѣзнуя объ его всеконечной гибели, опредѣлили во имя Господа нашего Іисуса Христа, имъ пору-

ганнаго, лишить его всякаго священнаго чина и общенія съ нами и начальствованія монастыремъ. Да знаютъ всѣ, кто будетъ вести съ нимъ разговоры и имѣть общеніе, что и они будутъ повинны отлученію отъ церкви". — Это постановленіе подписано членами собора, каковыхъ было отъ 28 до 31, и 23 архимандритами.

Намъ остается еще въ нѣсколькихъ словахъ изложить ближайшія обстоятельства, послѣдовавшія за этимъ соборомъ. Евтихій имѣлъ въ Константинополѣ высокихъ покровителей и пользовался популярностью въ монашествующемъ духовенствѣ и въ народѣ, поэтому онъ не считалъ своего дѣла проиграннымъ и началъ борьбу. Онъ старался заинтересовать въ возникшей борьбѣ папу, императора Ѳеодосія и, наконецъ, александрійскаго епископа, посылая всюду жалобы на несправедливость и прося помощи. Несомнѣнно, важнѣй всего были попытки Евтихія вызвать вмѣшательство знаменитаго папы Льва I, которому онъ описалъ дѣянія собора и молитвамъ котораго приписывалъ то обстоятельство, что жизнь его не подверглась опасности отъ волновавшейся черни. Въ началѣ 449 года папа писалъ по этому вопросу, упрекая Константинопольскаго архіепископа, что онъ не поставилъ его въ извѣстность о состоявшемся осужденіи Евтихія, который жалуется нынѣ на незаконный приговоръ. Въ заключеніе письма высказывается та мысль, что лучше было бы не придавать этому дѣлу такой огласки и, защищая истину, въ то же время соблюсти любовь. Въ письмѣ къ императору папа также упоминаетъ о дѣлѣ Евтихія и замѣчаетъ, что онъ ждетъ дальнѣйшихъ объясненій по этому вопросу отъ Флавіана. Но между ближайшими къ императору лицами оказались защитники Евтихія. Таковы были могущественный и вліятельный евнухъ Хрисафій и александрійскій архіепископъ Діоскуръ, подъ вліяніемъ которыхъ Ѳеодосій II рѣшился созвать соборъ въ Ефесѣ для пересмотра этого дѣла. Прибытіе членовъ на соборъ назначено было къ августу 449 года.

Ефесскій соборъ поставленъ былъ подъ руководство архіепископа александрійскаго Діоскора, который назначенъ въ немъ предсѣдательствующимъ. Діоскоръ, какъ человѣкъ горячаго нрава, довольно грубый и неблаговоспитанный, мало былъ пригоденъ для роли примирителя разномыслій на религіозной почвѣ; кромѣ того, онъ далъ мѣсто своимъ личнымъ неудовольствіямъ на константинопольскаго

архіепископа, въ виду давнихъ счетовъ между Александріей и Константинополемъ изъ-за чести и первенства. Можно было заранѣе предполагать, что соборъ не приведетъ къ благопріятному разрѣшенію церковнаго спора. Императоръ Ѳеодосій, слѣдуя уже принятому имъ обычаю, назначилъ отъ себя двухъ представителей на соборъ: комита священной консисторіи Елпидія и трибуна и нотарія преторіи Евлогія, которымъ преподанъ былъ спеціальный наказъ. Имъ поручалось наблюдать общій порядокъ въ засѣданіяхъ и предупреждать всякія смуты, не останавливаясь передъ лишеніемъ свободы тѣхъ, кто угрожалъ бы порядку во вредъ святой вѣры. На нихъ, кромѣ того, возлагалась отвѣтственность за порядокъ внѣшняго дѣлопроизводства въ подлежащемъ обсужденію вопросѣ, для чего они должны присутствовать на судоговореніи и облегчать собору его задачу. Независимо отъ сего имъ поручено наблюдать, чтобы прежніе судьи Евтихія присутствовали на соборѣ безъ права голоса и спокойно ожидали рѣшенія дѣла; чтобы не предлагался никакой другой вопросъ прежде рѣшенія главнаго вѣроисповѣднаго. Дабы поставить ихъ въ возможность исполнить порученіе, имъ предоставлена была въ распоряженіе военная и полицейская помощь.

Состоявшійся въ августѣ 449 г. соборъ въ Ефесѣ получилъ печальную извѣстность. Его по нарушенію всѣхъ правилъ и по примѣненію грубой силы и всяческихъ принужденій къ членамъ, чтобы заставить ихъ подавать голосъ противъ совѣсти и желанія, принято называть разбойническимъ соборомъ. И это имя удержалось за Ефесскимъ соборомъ вполнѣ заслуженно. Хотя на соборѣ были представители папы Льва I и архіепископы Константинополя, Антіохіи и Іерусалима, но фактически все дѣлопроизводство находилось въ рукахъ Діоскора и зависѣвшихъ отъ него агентовъ. Уже въ первомъ засѣданіи, когда нужно было ставить вопросъ о порядкѣ веденія дѣла, и когда нѣкоторые члены заявили, что слѣдуетъ поставить на первую очередь вѣроисповѣдный вопросъ, Діоскоръ обратился къ нимъ съ заявленіемъ: „О вѣрѣ уже сдѣланы постановленія на прежнихъ соборахъ, развѣ вы желаете измѣнить вѣру св. отцовъ“? Соборъ заявляетъ: „Анаѳема тѣмъ, кто желаетъ спорить о вѣрѣ“. По предложенію комита Елпидія былъ введенъ въ засѣданіе Евтихій, и такимъ образомъ весь вопросъ былъ сведенъ къ сужденію о неправильности и незаконности сдѣланнаго противъ него постановленія

Константинопольскаго собора и архіепископа Флавіана, предсѣдательствовавшаго на немъ. Евтихій настаивалъ, что Флавіанъ и Евсевій обвинили его по злобѣ, что не приняли представленнаго имъ письменнаго исповѣданія вѣры, и, наконецъ, что акты Константинопольскаго собора составлены неправильно по приказанію Флавіана и Евсевія. Когда была заявлена мысль, что слѣдуетъ выслушать и тѣхъ, кого Евтихій обвиняетъ, предсѣдатель собора и царскій делегатъ объявили, что это незаконно, ибо Флавіанъ и Евсевій не имѣютъ здѣсь права голоса. При такихъ условіяхъ не могло быть и рѣчи о свободѣ преній, тѣмъ болѣе, что большинство членовъ были сторонники Діоскора. Поставленный предсѣдателемъ вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли считать Евтихія правомыслящимъ, былъ рѣшенъ утвердительно, и такимъ образомъ соборъ возстановилъ его въ священномъ санѣ и въ правѣ на управленіе монастыремъ. Затѣмъ сдѣланъ былъ прямой ударъ на Флавіана. Послѣ прочтенія нѣкоторыхъ мѣстъ изъ дѣяній Ефесскаго собора противъ Несторія, Діоскоръ сказалъ: „Вы слышали, что соборъ угрожаетъ всякому, кто не согласенъ съ Никейскимъ символомъ или измѣняетъ его; теперь слѣдуетъ высказаться, нужно ли считать виновными тѣхъ, кто выходитъ за предѣлы Никейскаго символа въ своемъ богословствованіи. Такъ какъ Флавіанъ и Евсевій въ ученіи о двухъ естествахъ уклонились отъ символа, то ихъ слѣдуетъ признать лишенными сана“. Таково было предложеніе Діоскора, которое, несмотря на протесты Флавіана и папскихъ легатовъ, было принято почти всѣми членами (135 голосовъ). Чтобы довести до конца совершенно незаконное дѣло, Діоскоръ приказалъ сейчасъ же собрать подписи, и когда нѣкоторые отказывали въ согласіи, то онъ кричалъ и угрожалъ мщеніемъ и военной командой: „Что? вы хотите бунтовать, вотъ я позову комита!“— Уже папа въ одномъ изъ своихъ писемъ въ 451 г. назвалъ этотъ соборъ его настоящимъ именемъ (latrocinium), и онъ же оказался самымъ настойчивымъ выразителемъ идеи—созыва новаго собора для разсмотрѣнія церковныхъ нестроеній на Востокѣ. Смерть Өеодосія II, случившаяся 28 іюля 450 г., открыла въ этомъ отношеніи новыя перспективы, лишивъ Діоскора главной поддержки.

———

Глава VIII.

Константинополь. Міровое значеніе столицы Восточной имперіи. Епархъ города. Ремесленныя сословія. Димы. Образовательныя учрежденія

Римъ не имѣлъ такого значенія для Западной имперіи, какъ Константинополь для Восточной. Столица Западной имперіи могла быть и въ Миланѣ, и въ Равеннѣ, и въ Павіи; это не сопровождалось особенно важнымъ значеніемъ ни въ политическомъ, ни въ административномъ отношеніяхъ; между тѣмъ, Константинополь такъ же не можетъ быть отдѣленъ отъ Восточной имперіи, какъ, напримѣръ, Римъ отъ католической церкви. Константинополь сталъ весьма опредѣленнымъ и, можно сказать, всецѣлымъ выразителемъ византинизма, такъ что Восточная имперія, съ основаніемъ Константинополя постепенно превращающаяся въ Византійскую, не можетъ быть представлена безъ своего средоточія и своего религіознаго, административнаго и культурнаго центра на берегахъ Босфора. Въ то время, какъ приготовлялась на Западѣ страшная катастрофа, на Востокѣ постепенно организовались начала, которыя сохранили отъ распаденія цѣлую половину имперіи. Перенесенная Константиномъ столица въ Византію и основанный на мѣстѣ стараго новый городъ его имени долженъ быть признанъ однимъ изъ главныхъ устоевъ тысячелѣтней жизни Византійской имперіи. Вотъ почему древнѣйшей исторіи Константинополя должна быть посвящена отдѣльная глава въ исторіи Византіи.

Выше мы говорили о построеніи Константинополя и о первоначальныхъ границахъ, данныхъ ему основателемъ. Но городъ быстро

сталъ развиваться, такъ что уже къ концу IV в. массы новыхъ поселенцевъ не находили мѣста внутри городскихъ стѣнъ, и за чертой города стали возникать новыя постройки и поселенія. Тамъ указано было императоромъ Өеодосіемъ расположеніе для готскихъ военныхъ отрядовъ или федератовъ, по коимъ загородныя части долго были извѣстны подъ нумерами: второй, третій, четвертый, пятый и седьмой. Когда въ 412 г. стѣны Константиновскаго города значительно пострадали вслѣдствіе землетрясенія, то императоръ Өеодосій, въ соотвѣтствіе съ быстрымъ возрастаніемъ населенія, раздвинулъ его границы, включивъ въ черту города и прежній загородный кварталъ, называемый Эксокіоній (ἐξοκιόνιον), и окруживъ новой стѣной, которая въ существенныхъ частяхъ сохранилась до сихъ поръ. Два епарха города, Анөемій въ 413 г. и Киръ въ 439—441 прославили свое имя сооруженіями, служившими къ украшенію и защитѣ города. Только кварталъ близъ Золотого Рога у Влахернскаго дворца оставался открытымъ и защищенъ стѣной при императорѣ Иракліи въ 625 г. Такимъ образомъ, можно сказать, что собственный городъ Константинополь, т.-е. нынѣшній Стамбулъ, выросъ до его естественныхъ границъ въ теченіе IV и V вѣковъ. Дальнѣйшій его приростъ былъ, главнымъ образомъ, въ предмѣстьяхъ: Космидій (въ концѣ Золотого Рога), Галата, Пера, Бешикъ-ташъ, Скутари и т. д.

Нужно думать, что быстрому росту города способствовали исключительно благопріятныя условія, въ которыя онъ былъ поставленъ. Здѣсь разумѣемъ не только естественную защиту и безопасность отъ внѣшнихъ враговъ, но и особенныя привилегіи, предоставленныя городу въ гражданскомъ и торговомъ отношеніяхъ. Какъ было сказано, Константинополю даровано было устройство города Рима съ его сенатомъ и муниципальнымъ строемъ. Городской округъ изъятъ былъ отъ земельнаго налога, и гражданамъ предоставлены были обширныя привилегіи: торговыя права промышленнымъ людямъ, пособія отъ правительства, безденежная раздача хлѣба и даровое помѣщеніе для бѣдныхъ. Преимущества государственной и придворной службы, почетное званіе сенатора и различные служебные, дѣловые и практическіе интересы потянули въ Константинополь знатныхъ и богатыхъ людей изъ Рима, Александріи, Антіохіи и другихъ городовъ. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ обстоятельствъ, Константинополь притянулъ къ себѣ огромныя матеріальныя средства и сдѣлался

Рис. 23. Храмъ св. Ирины.

важнымъ рынкомъ для сбыта товаровъ со всей имперіи, въ особенности же рѣдкихъ и дорогихъ товаровъ изъ Индіи, Персіи и Египта. Константинъ и его ближайшіе преемники прибѣгали къ самымъ крайнимъ средствамъ, чтобы украсить свою столицу и сдѣлать пребываніе въ ней пріятнымъ для иностранцевъ и для мѣстныхъ жителей.

Нѣтъ сомнѣнія, что Константинъ нашелъ древнюю Византію вполнѣ языческимъ городомъ, но преобразованія Византіи въ столицу имперіи сопровождались реформами въ христіанскомъ духѣ. Древнія святилища на акрополѣ были частью закрыты, частью обращены въ общественныя зданія для иныхъ цѣлей, храмовыя имущества конфискованы или переданы христіанамъ. Статуи боговъ и богинь посредствомъ легкихъ передѣлокъ и приспособленій примѣнены были къ христіанскому культу. Матерь боговъ, правящая львами, измѣнена въ оранту съ воздѣтыми руками (см. стр. 63, рис. 2). Статуя судьбы города и Аполлона получила христіанскій характеръ. При постройкѣ христіанскихъ церквей пользовались прежними храмовыми постройками или употребляли матеріалъ древнихъ храмовъ на постройку новыхъ зданій. Славная церковь св. Мокія построена на мѣстѣ храма Зевса; точно также церковь св. Мины на мѣстѣ храма Посидона, и св. Ирины на акрополѣ; послѣдняя сохранилась доселѣ, хотя обращена въ военный музей (рис. 23). Большинство христіанскихъ благотворительныхъ учрежденій столицы Восточной имперіи, вѣроятно, такого же происхожденія. Константинъ желалъ, однако, придать чрезвычайный блескъ своей столицѣ и не задумался, въ пользу ея, лишить древнихъ памятниковъ другіе города. Для этого онъ приказалъ искать статуй, рельефовъ, колоннъ и проч. въ ближнихъ и дальнихъ городахъ и привозить ихъ въ Константинополь. Такимъ образомъ, доставленныя изъ различныхъ городовъ скульптурныя произведенія обогатили столицу имперіи памятниками древняго искусства, послужили образцомъ для мѣстныхъ художниковъ и украшеніемъ для публичныхъ зданій, дворцовъ, площадей и улицъ.

Преемники Константина прилагали также много старанія, чтобы украсить и расширить столицу. Юліанъ, проведшій въ Константинополѣ не больше 6 мѣсяцевъ, оказалъ городу разныя милости, о которыхъ самъ упоминаетъ въ сохранившемся письмѣ (ер. II), гдѣ, между

прочимъ, есть рѣчь и о приверженцахъ галилейской секты, допущенныхъ имъ въ сенатъ; онъ же устроилъ новую гавань, теперь засыпанную, близъ церкви Сергія и Вакха и приказалъ привести изъ Египта обелискъ для украшенія восточной части города. Время Ѳеодосія и затѣмъ Юстиніана въ исторіи Константинополя отмѣчается громадными сооруженіями дворцовъ, церквей, портиковъ общественныхъ зданій, какъ сенатъ, ипподромъ, театръ, бани, рынки и т. п.

Чтобы дать хотя нѣкоторое представленіе о древнѣйшемъ Константинополѣ и составить себѣ идею объ его ростѣ, мы можемъ пользоваться описаніемъ его, относящимся къ царствованію Ѳеодосія II. Пользуясь этимъ описаніемъ, а равно извѣстіями писателей о событіяхъ и памятникахъ Константинополя, попытаемся ознакомиться съ наиболѣе примѣчательными частями древней столицы византійскихъ императоровъ.

Громадное населеніе города въ особенности скоплялось большими массами на площадяхъ и на главныхъ улицахъ, которыя украшены были портиками и колоннадами, общественными зданіями и художественными произведеніями искусства. Главная улица Константинополя, прорѣзывавшая городъ отъ внѣшнихъ стѣнъ до площади Августея, св. Софіи и императорскихъ дворцовъ, шла въ двухъ, повидимому, направленіяхъ. Развѣтвленіе начиналось близъ площади Тавра, при чемъ одна улица направлялась на храмъ св. апостоловъ и цистерну Аспара къ нынѣшнимъ Адріанопольскимъ воротамъ, получивъ совершенно соотвѣтствующее ея положенію въ городѣ наименованіе Средней улицы (Меса); другая часть улицы того же названія проходила по близости отъ Мраморнаго моря и направлялась къ Золотымъ воротамъ (см. табл.). По ней направлялись церковныя процессіи и торжественные церемоніальные выходы императоровъ, на ней или по близости отъ нея находились главнѣйшіе памятники и важнѣйшія церковныя и общественныя зданія. Исходные пункты Средней улицы сохранились и по настоящее время: Золотыя ворота и св. Софія.

Однимъ изъ первыхъ памятниковъ, который встрѣчался по Средней улицѣ съ запада на востокъ, былъ Эксокіоній. Нужно полагать, что эта мѣстность была по близости отъ пересѣченія улицы стѣной Константина, такъ какъ въ IV и V в. весь этотъ обширный участокъ, находившійся между стѣной Константина и Ѳеодосія, назывался „за колоннами“ (эксокіоній), гдѣ жили готскіе военные отряды,

и гдѣ была выстроена для нихъ церковь, въ которой совершалось аріанское богослуженіе на нѣмецкомъ языкѣ. Въ этомъ направленіи, ближе къ Золотымъ воротамъ, былъ построенъ въ 463 г. знаменитый Студійскій монастырь съ церковью св. Іоанна Предтечи, впослѣдствіи получившій громадное вліяніе въ церковной жизни Византійской имперіи. Переходя въ предѣлы, ограниченные старой стѣной Константина, мы встрѣчаемъ уже болѣе ясные признаки направленія Средней улицы. Здѣсь прежде всего былъ холмъ, называемый Ксиролофъ, на которомъ находилось нѣсколько памятниковъ. На мѣстѣ нынѣшняго авретъ-базаръ находилась площадь Аркадія, forum Arcadii, съ колонной въ честь императора Аркадія и со статуей его, поставленной Θеодосіемъ II въ 421 г.

Колонна Аркадія, украшенная рельефами, стояла на своемъ мѣстѣ до 1719 г., когда вслѣдствіе землетрясенія была повержена на землю. Основаніе, на которомъ она была утверждена, сохранилось и доселѣ остается на своемъ мѣстѣ. Ближайшая къ Аркадіевой площади по Средней улицѣ была площадь Быка—*Βοὸς ἀγορά*. Площадь называлась также просто Быкомъ и получила это названіе отъ громаднаго бронзоваго быка, который иногда служилъ печью для сожженія преступниковъ. Нынѣ эта мѣстность извѣстна подъ именемъ Акъ-серай. Близъ площади Θеодосія или Тавра было развѣтвленіе улицъ, именно одна, какъ сказано, продолжалась къ св. Софіи, а другая тоже изъ болѣе замѣчательныхъ, направлялась прямо на западъ, мимо храма св. Апостоловъ, къ адріанопольскимъ воротамъ. Находившіяся здѣсь мѣстности: Амастрійская площадь, Капитолій и Филадельфій отождествить въ настоящее время весьма трудно, не производя раскопокъ.

Что же касается forum Theodosii, то эта площадь вполнѣ сохранилась и составляетъ одно изъ центральныхъ мѣстъ нынѣшняго Константинополя. Въ срединѣ площади находилась колонна, поставленная Θеодосіемъ I въ память побѣдъ его надъ готами и скиѳами и украшенная рельефными изображеніями, поднимавшимися спиралью кругомъ колонны. При султанѣ Баязидѣ II (1481—1512) на мѣстѣ этой колонны построены бани, и самая колонна уничтожена. Нынѣ здѣсь находятся мечеть Баязита и зданіе сераскирата. Далѣе Средняя улица ведетъ къ центральнымъ мѣстностямъ Константинополя. За форумомъ Θеодосія слѣдовалъ Хлѣбный рынокъ—*ἀρτοπώ-*

Рис. 24. Колонна Константина Вел. или „Обожженная“.

λειον, украшенный историческими памятниками. Здѣсь былъ водруженъ Константиномъ на мраморной колоннѣ крестъ, сдѣланный имъ на подобіе того, который видѣлъ онъ на небѣ; здѣсь же была арка, у которой происходила смѣна партій, участвовавшихъ въ торжественныхъ процессіяхъ. Далѣе Меса приводила на площадь Константина.

Это была центральная площадь древняго Константинова города, украшенная портиками, колоннами и тріумфальными арками, а по серединѣ имѣвшая порфировую колонну, привезенную изъ Рима изъ храма Аполлона. На этой площади въ разныхъ мѣстахъ стояли мраморныя статуи, произведенія лучшихъ древнихъ мастеровъ, привезенныя изъ многихъ городовъ, а также публичныя зданія, напримѣръ, второй сенатъ. Нынѣшняя, такъ называемая „Обожженная“ колонна, стоящая на своемъ первоначальномъ мѣстѣ (рис. 24), уже въ древнее время получила важное, частью мистическое, частью религіозное и археологическое значеніе и соединила на себѣ многообразныя народныя преданія, связанныя съ судьбой города и имперіи. Эта колонна пострадала отъ сильной бури и молніи въ царствованіе Алексѣя Комнина въ 1105 г., причемъ вѣнчавшая колонну статуя Константина была разбита и сброшена на землю. Царь поправилъ поврежденія на колоннѣ, но вмѣсто статуи приказалъ поставить крестъ, приписываемый преданіемъ времени Константина.

Наконецъ, Средняя улица приводила къ Милію и площади Августея или Августеонъ, въ сосѣдство съ самыми священными и драгоцѣнными памятниками древняго Константинополя: св. Софія, св. Ирина, Большой дворецъ и Ипподромъ. На указанномъ пространствѣ Меса блистала богатыми и красивыми украшеніями и роскошно отдѣланными портиками: напримѣръ, дворцы Лавса, Антіоха, Филоксена; здѣсь былъ самый оживленный пунктъ города. Здѣсь на площади Августеона были роскошные дворцы и публичныя зданія: палаты патріарха, библіотека, бани Зевксиппа, сенатъ и другія зданія.

Въ серединѣ площади стояла статуя св. Елены или Августы, откуда происходитъ и названіе площади; тамъ же была серебряная статуя Евдоксіи, супруги Аркадія; впослѣдствіи здѣсь же была поставлена колоссальная статуя Юстиніана I. Близъ этой площади былъ Милій, имѣвшій цѣлью обозначить исходную точку для измѣренія военнаго пути, идущаго отъ Константинополя. Это было осно-

ПЛАНЪ КОНСТАНТИНОПОЛЯ V–VI ВѢКА.

0 100 200 300 400 500 600 700 800 900 1000 метровъ

Условные знаки

- Византійскія постройки
- турецкія постройки
- цистерны
- главныя дороги
- В. вороти
- Г. гавань
- Дв дворець
- джами (мечеть)
- К колонна
- капу (ворота)
- М. монастырь
- П. площадь

Черныя надписи византійскія названія
зеленыя надписи турецкія названія
красныя визанђ названія кварталовъ

Св. Николай
Хорникъ Кариаи
Б. Матерь Влахернская
Церк. и Мирх
Влахерны
В. Кинига
М. Хоры
В. Харисія
Св. Георгій
В. военныя
Ц. Аспара
Ц. Бона
Ц. Пульхеріи
В. Романа
В. военныя
Ликъ
ЭКСОКІОНІЙ
(по Прегеру)
(по Мордтманну)
Св. Апостолы
Меса (Средняя)
Ксиролофъ
Константинова стѣна
К. Маркіана
В. Ригія
Ликъ
Ц. Мокія
В. военныя
В. Пиги
Пиги
Дворецъ Юстиніана и храмъ Б. Матери
К. Аркадія
П. Аркадія
Меса (Средняя)
Площадь Быка
Св. Андрей
В. Эмиліана
Г. Елевѳерія
В. военныя
Меса (Средняя)
М. Студійскій
В. Псаматіи
МРАМОРНО
В. Золотыя
дороги въ Евдомъ
В. Студійскія

„Исторія Византійской Имперіи“

1. Схолы
2 Консисторий
3 Палата 19 Аккувитовъ
4. Октагонъ
5 Св Стефанъ въ Дафни
6 Августей (палата)
7 Колонна Константина Порфиророднаго
8 Дельфійскій треножникъ
9. Обелискъ Θеодосія
10. Термы Зевксиппа
11. Милій.
12. Предполагаемое направление особой стѣны Влахернскаго квартала въ Гепкъ

ЗОЛОТОЙ РОГЪ
БОСФОРЪ
МОРЕ

В. Плати
В. Виглы
В. Перами
Г. Неорій
В. Неорія
Г. Просфорія
В. Ректора
В. Восточныя (Царская)
В. Евгенія
К. Клавдія
Кинигій
Акрополь
Ц. Θеодосія
Стратигій
Ц. Царская
Св. Ирина
Топы
Св. София
Меса
П. Августеонъ
Халки
Сенатъ
В. Одигитрія
Магнавра
Дафни
Ипподромъ
Хрисотриклинъ
Дв. Вуколеонъ
Дв. Ормизды (Юстиниана)
Г. Вуколеонъ
Сергій и Вакхъ
Ц. Анастасія
Кв. Дагистеа
Ц. 40 мучениковъ
Г. Гептаскалій
Г. Контоскалій
Ц. Филоксена
Ц. Константина
Св Анна въ Девтерь
Артополія
П. Тавра
Капитолій
Филадельфій
Валента
Платія
Св. Лаврентій
Θеодосія
В. Исригаси

Лит Н. Кадушина, С.П.Б. Екатерингофск. пр 101.

ванное на 4 колоннахъ купольное зданіе, украшенное скульптурнымъ искусствомъ, представлявшее собой воспроизведеніе римскаго miliarium avreum. Самыми важными постройками, находившимися близъ площади Августеона и болѣе или менѣе къ ней примыкающими, была церковь св. Софіи, Большой дворецъ и ипподромъ, которымъ мы должны здѣсь посвятить вниманіе.

Большой дворецъ, называемый обыкновенно *τὸ παλάτιον* или *τὸ μέγα παλάτιον*, какъ резиденція Константина, по первоначальному плану принадлежитъ къ IV вѣку. Расширенный и много разъ перестроенный византійскими царями, начиная съ Юстиніана I до XII вѣка, Большой дворецъ составилъ собой съ теченіемъ времени значительный комплексъ зданій, занимавшихъ громадное пространство на первомъ холмѣ и его спускахъ къ Мраморному морю. Въ первый періодъ имперіи до царей Комниновъ, которые перенесли свою резиденцію во Влахерны, Большой дворецъ съ прилегавшими къ нему зданіями былъ центромъ городской и политической жизни, отсюда направлялась церковная и гражданская политика и вся администрація Византійской имперіи. Онъ сосредоточивалъ въ себѣ не только дворцы для помѣщенія императора и его семьи, но также огромныя залы для пріемовъ и придворныхъ празднествъ, обширные парки и сады и галлереи, а равно помѣщенія для обширнаго служебнаго персонала, для царской гвардіи и гарнизона, кромѣ того, церкви и церковныя зданія. Въ понятіе Большого дворца входитъ скорѣй представленіе о значительной части города, чѣмъ дворца въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова (см. планъ на прилож. таблицѣ). Сюда относятся: 1) знаменитая палата Хрисотриклинъ съ тронной залой; 2) Триконхъ; 3) Зала XIX-ти аккувитовъ; 4) дворцы Дафна и Халка; 5) дворецъ Магнавра; 6) порфировый дворецъ; 7) военный складъ и темницы, наконецъ, постройки Василія Македонянина Новая церковь и Богородицы Фара. Съ XIII в. всѣ эти зданія начали приходить въ упадокъ, такъ какъ императоры, не нашедши болѣе удобнымъ пребываніе на этомъ мѣстѣ, предпочитали жить у стѣнъ города во Влахернахъ [1]).

---

[1]) Пожаръ 1912 г. обнажилъ верхнія террасы Большого дворца, восходящія безспорно ко временамъ первыхъ его строителей. Подъ верхней террасой обнаруженъ крытый портикъ на столбахъ и съ круглыми сводами; снаружи вплотную къ террасѣ пристроены византійскія четыреугольныя башни, построенныя навѣрное импера-

Но вполнѣ общественнымъ учрежденіемъ и въ то же время любимѣйшимъ для жителей Константинополя развлеченіемъ были ипподромъ и дававшіяся на немъ игры (стр. 161, рис. 18). Онъ соединенъ былъ внутренними ходами и крытыми галлереями съ императорскимъ дворцомъ, что́ доставляло возможность царю быть зрителемъ цирковыхъ игръ, не показываясь народу. Первыя основанія для ипподрома (τὸ ἱπποδρόμιον) положены были Септиміемъ Северомъ, окончательно отстроенъ этотъ памятникъ Константиномъ. Несомнѣнно ипподромъ имѣлъ назначеніемъ дать въ Константинополѣ для народа такую же сумму развлеченій, что давалъ Circus maximus въ Римѣ. Цѣль эта была не только достигнута, но, можно сказать, была превзойдена, ибо константинопольское учрежденіе централизовало въ себѣ не только удовольствія, но привлекло къ себѣ политическіе и даже церковные интересы населенія и получило не мѣстное только, но и общеимперское значеніе. Въ ипподромѣ нерѣдко рѣшались политическіе и церковные вопросы первостепенной важности, въ особенности когда правительство стало принимать строгія мѣры къ ограниченію муниципальныхъ правъ городского населенія, и когда цирковыя партіи приняли политическую окраску. Разрушеніе ипподрома послѣдовало въ 1204 г., при взятіи Константинополя крестоносцами, и закончено въ XVI в. турками. Въ настоящее время отъ зданія ипподрома не осталось никакихъ слѣдовъ, но сохранились очень опредѣленныя указанія, по которымъ опредѣляется какъ мѣсто ипподрома, такъ и его отношеніе къ Большому дворцу и другимъ древнимъ постройкамъ. На мѣстѣ ипподрома въ настоящее время находится большая площадь къ юго-западу отъ св. Софіи, называемая ат-мейданъ.

Ближайшія къ этой площади зданія находятся на мѣстѣ ипподрома и частью построены изъ прежняго матеріала, таковы мечеть Ахмедіэ, архивъ и тюрьмы. Первыя представленія на ипподромѣ даны были въ день открытія Константиномъ столицы. Длина ипподрома была отъ 1200 до 1300 футовъ, ширина около половины этого измѣренія. Сохранившіеся памятники отмѣчаютъ среднюю линію по

торомъ Никифоромъ Фокой, укрѣпившимъ „верхній дворецъ". Мѣстами даже уцѣлѣли на поверхности земли остатки византійскихъ построекъ, несомнѣнно на территоріи дворца. Террасы оріентированы сообразно съ расположеніемъ Августеона, а не ипподрома, и слѣдуетъ думать, что въ томъ же направленіи тянулись и главнѣйшія дворцовыя зданія. Эти данныя даютъ новѣйшій матеріалъ для топографіи Большого дворца.

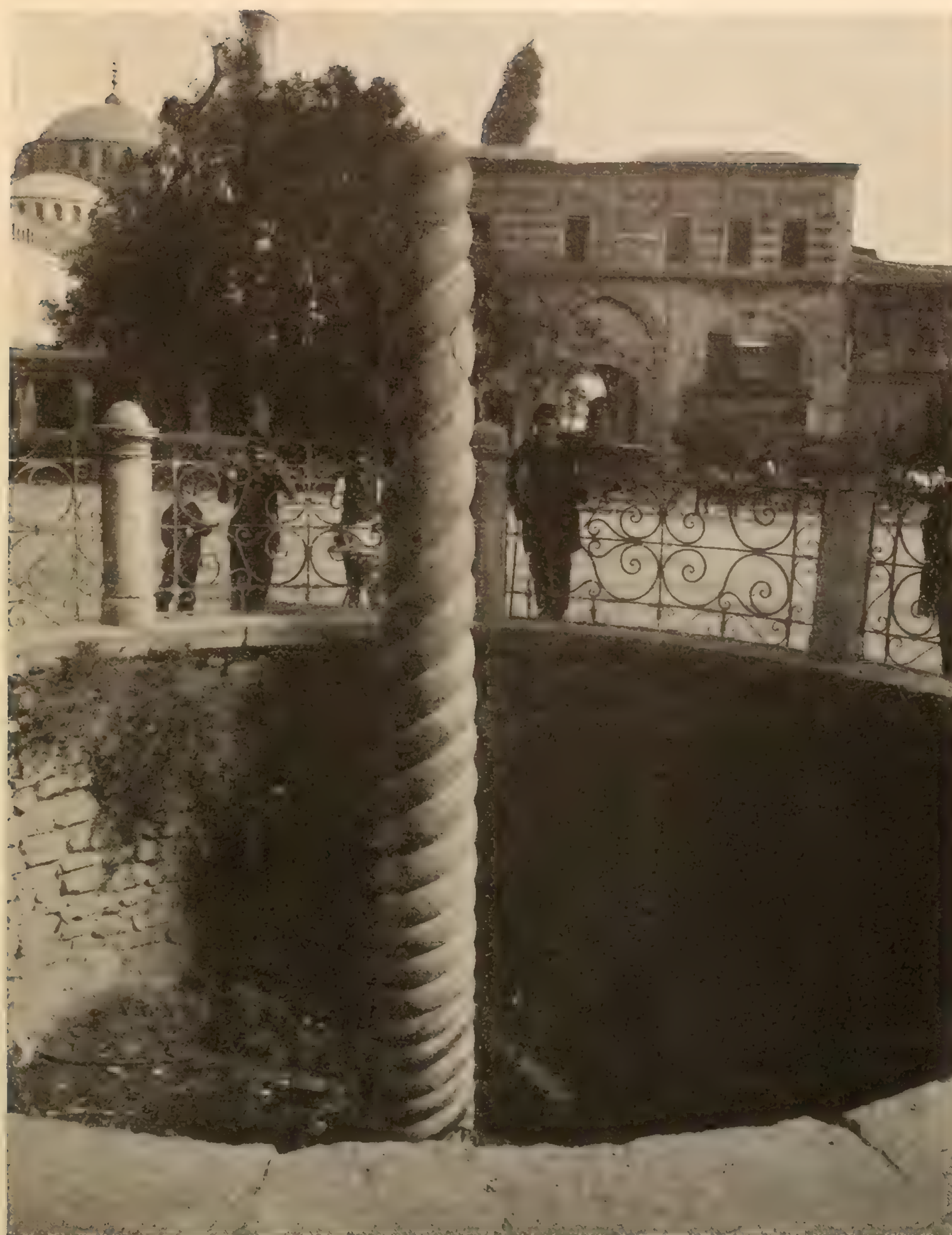

Рис. 25. Змѣиная колонна.

длинѣ ипподрома, вдоль которой происходили состязанія на колесницахъ; это spina—родъ платформы, на которой обыкновенно для украшенія ипподрома ставились произведенія искусства. Такихъ памятниковъ сохранилось до настоящаго времени на мѣстѣ ихъ первоначальнаго нахожденія три. Египетскій обелискъ Тутмосиса III поставленъ Ѳеодосіемъ Великимъ въ 381 году. На мраморномъ основаніи представленъ въ рельефѣ Ѳеодосій съ своей семьей и свитой смотрящимъ на цирковое представленіе изъ своей ложи. Далѣе бронзовая змѣиная колонна (рис. 25), представляющая фрагментъ приношенія всей Греціи Дельфійскому Аполлону въ память побѣды при Платеѣ. Наконецъ, столбъ изъ большихъ квадратныхъ тесаныхъ камней, обложенный прежде бронзовыми позолоченными плитами. Уже въ X вѣкѣ онъ былъ въ состояніи разрушенія, такъ что императоръ Константинъ Порфирородный подновилъ этотъ памятникъ, сравниваемый древними византійцами съ колоссомъ Родосскимъ. Умѣстно здѣсь замѣтить, что 4 бронзовые коня работы Лизиппа, украшающіе нынѣ фасадъ св. Марка въ Венеціи, составляли въ свое время принадлежность ипподрома. Эти кони поставлены были на ипподромѣ Ѳеодосіемъ II и увезены изъ Константинополя въ 1204 году, послѣ завоеванія и разграбленія города крестоносцами IV крестоваго похода (рис. 26).

Средняя улица прорѣзывала городъ въ прямомъ направленіи. Нельзя, конечно, думать, что всѣ главнѣйшіе памятники можно было видѣть на этой улицѣ или въ прилегающихъ къ ней частяхъ. Отъ Месы шли въ разныхъ направленіяхъ другія улицы.

На пути отъ площади Быка до площади Ѳеодосія въ направленіи Средней улицы встрѣчается нѣсколько темныхъ и невыясненныхъ пунктовъ. Новыя постройки здѣсь появились на прежней улицѣ, и новыя улицы прошли въ другомъ направленіи. Такимъ образомъ, остаются до будущихъ раскопокъ неопредѣленными положеніе Амастрійской площади, Капитолія и Филаделфія. Мѣстность, гдѣ находится нынѣ мечеть Шахъ-заде, составляетъ одинъ изъ узловыхъ пунктовъ, откуда идутъ большія улицы въ разныхъ направленіяхъ, и прежде всего большая улица, идущая прямо на западъ, къ знаменитому храму св. Апостоловъ и къ адріанопольскимъ воротамъ. По всей вѣроятности, здѣсь должно полагать древній Филаделфій, откуда Меса вела прямо къ площади Ѳеодосія.

Рис. 26. Колонна изъ квадратныхъ камней.

Въ ближайшемъ сосѣдствѣ проходилъ громадный водопроводъ Валента, сохранившійся и донынѣ и составляющій незамѣнимый для внутренняго города способъ водоснабженія. Поблизости находится храмъ св. Апостоловъ, построенный Константиномъ и назначенный для погребенія императорской семьи. Впослѣдствіи онъ сдѣлался усыпальницей всѣхъ византійскихъ императоровъ, каковой и оставался до завоеванія Константинополя въ 1453 г. Въ теченіе двухъ лѣтъ турецкой эпохи здѣсь нашла пріютъ патріархія, а въ 1455 г. Магометъ II построилъ на мѣстѣ храма мечеть, называемую Мехмедіэ. Въ исторіи Византіи храмъ св. Апостоловъ игралъ весьма важное значеніе и съ точки зрѣнія роскоши постройки и искусства считался однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ памятниковъ Константинополя. По архитектурной формѣ храмъ Апостоловъ имѣлъ форму креста и былъ окруженъ обширнымъ дворомъ съ галлереями изъ колоннъ и памятниками искусства. Близь храма были дворецъ, бани и другія зданія, предназначенныя для духовенства и военной стражи, охранявшей гробницу царей. Уже при Юстиніанѣ этотъ храмъ былъ расширенъ и перестроенъ, при чемъ съ особеннымъ вниманіемъ были украшены тѣ придѣлы, арки и портики, которые предназначались для постановки гробницъ прежнихъ и будущихъ царей. Древнѣйшіе епископы и патріархи Константинополя, Григорій Богословъ и І. Златоустъ, погребены при этомъ же храмѣ, точно такъ же патріархи Никифоръ и Меѳодій, прославившіеся борьбой за православіе противъ иконоборцевъ. Было ли обычаемъ погребать всѣхъ патріарховъ въ храмѣ св. Апостоловъ, это остается не вполнѣ яснымъ.

При описаніи древняго Константинополя нельзя касаться мимоходомъ такого вопроса, какъ церкви и монастыри. Въ самой идеѣ византинизма коренное мѣсто принадлежитъ церковности въ самомъ широкомъ значеніи этого слова. А такъ какъ Константинополь со всѣми его учрежденіями и нравами жителей былъ яркимъ представителемъ византинизма, то уже въ первыя столѣтія его исторіи церковныя учрежденія занимали въ немъ видное мѣсто. Церковное строительство въ Константинополѣ никогда не ослабѣвало. Число церквей можно полагать отъ 400 до 450, между ними около 100 церквей было монастырскихъ. Не все это были монументальныя постройки, но уже на основаніи того, что до настоящаго времени сохранились почти исключительно церковныя зданія, а дворцовъ и другихъ обществен-

Рис. 27. Видъ базилики Студія съ запада.

ныхъ построекъ почти совсѣмъ не уцѣлѣло, можно судить, что церковное строительство велось правильно, съ соблюденіемъ архитектурныхъ законовъ и съ употребленіемъ на постройки хорошаго матеріала. Слѣдуетъ здѣсь особенно обратить вниманіе, что нѣкоторыя церкви IV и V вѣковъ сохранились до нынѣшняго времени. Такова церковь, посвященная Божественному миру, или церковь св. Ирины, церковь св. Анастасіи, церковь Іоанна Богослова, основанная патриціемъ Студіемъ въ 463 г. (рис. 27). Древнѣйшее описаніе Константинополя указываетъ для начала V вѣка 14 церквей, 5 дворцовъ; августамъ принадлежало 6 домовъ, частныхъ домовъ 4388 (рис. 28).

Константинъ и его преемники создали всѣ благопріятныя условія къ тому, чтобы столица Восточной имперіи привлекала къ себѣ туземцевъ и иностранцевъ. Многія знатныя фамиліи изъ провинцій и изъ Западной имперіи переселились въ Константинополь и положили здѣсь основаніе служилой аристократіи. Въ константинопольскій сенатъ зачислялись не только знатныя лица греко-римскаго происхожденія, но иностранцы и даже варвары, поступившіе на военную службу имперіи. Пользуясь муниципальнымъ устройствомъ, Константинополь привлекалъ къ себѣ и окрестное населеніе въ качествѣ ремесленниковъ и чернорабочихъ.

Императоръ оказывалъ особенное расположеніе къ населенію Константинополя: какъ и въ Римѣ, здѣсь была введена безденежная раздача хлѣба, даровыя помѣщенія для чернорабочихъ и цирковыя представленія, въ которыхъ скоро приняли участіе политическія партіи. Уже въ V в. писатели говорятъ о многочисленномъ и безпокойномъ димѣ Константинополя, доставлявшемъ много хлопотъ полиціи и епарху города.

Особенно характернымъ признакомъ, отличающимъ населеніе столицы, нужно признать его разнородность по происхожденію и языку. Въ IV и V вв., когда происходилъ процессъ перехода отъ древнихъ вѣковъ къ средневѣковью, Константинополь находился въ опасности обратиться въ международный германскій городъ, о чемъ заявлялъ въ самомъ концѣ IV в. епископъ Синесій. Современные писатели Евнапій и Зосима весьма яркими чертами описываютъ этотъ процессъ и наблюдавшіяся въ Константинополѣ сцены. Такъ, у Евнапія разсказывается слѣдующее. „Когда предводители скиѳскихъ дружинъ, т.-е. германскихъ, знатные по чести и происхожденію, перешли къ ромэямъ, то, будучи обласканы милостями царя и видя,

Рис. 28. Внутренній видъ базилики. Западная стѣна.

что все передъ ними склоняется, раздѣлились на партіи. Одна держалась того мнѣнія, что слѣдуетъ довольствоваться выпавшимъ на долю готовъ счастьемъ, другая же, повинуясь чувствамъ германскаго патріотизма и секретному клятвенному соглашенію, стремилась всѣми мѣрами вредить ромэямъ, чтобы при благопріятномъ случаѣ завладѣть ихъ страной. Во главѣ грекофильской партіи стоялъ язычникъ Фравита, женатый съ согласія императора на гречанкѣ; противоположная германофильская партія группировалась около Еріульфа. Царь держалъ готскихъ вождей въ особой чести, дѣля съ ними трапезу, походный шатеръ и раздавая имъ щедрые подарки. Разъ онъ предложилъ имъ роскошное угощеніе, и, когда по смыслу пословицы „истина въ винѣ", Діонисъ за чашей вина разоблачилъ таившееся между ними разногласіе, произошелъ шумный безпорядокъ, вслѣдствіе котораго пиръ былъ прерванъ, и смущенные гости поспѣшили къ дверямъ".—Здѣсь, на пиру, въ присутствіи царя, Фравита убилъ Еріульфа.

Наступятъ новыя обстоятельства, когда германское вліяніе уступитъ другимъ иноземнымъ вліяніямъ: славянскому, армянскому, итальянскому, наконецъ, турецкому; всѣ эти вліянія, за исключеніемъ послѣдняго, византійское правительство нашло возможнымъ направить согласно пользѣ и интересамъ имперіи, но остается, тѣмъ не менѣе, весьма любопытнымъ тотъ періодъ, когда Константинополю угрожало германское вліяніе.

Что касается численности этого пестраго населенія, то точныхъ цифръ нельзя дать. Вопросъ о численности населенія въ Константинополѣ остается весьма труднымъ для разрѣшенія не только для древнѣйшаго періода, но даже и для новаго времени. Уже въ IV в. Евнапій говоритъ о „пьяномъ димѣ" Константинополя, которымъ населилъ Константинъ свою столицу, лишивъ населенія другіе города. Въ самомъ концѣ IV в. при І. Златоустѣ считалось до 100 тысячъ христіанъ и множество язычниковъ и іудеевъ. На все число населенія было до 50 тысячъ бѣдныхъ. При Ѳеодосіи II въ началѣ V вѣка населеніе Константинополя можно полагать до 500 тысячъ. Никакъ нельзя сомнѣваться въ томъ, что въ то время, какъ всѣ другіе города въ Западной имперіи, не исключая самого Рима, теряли мало-по-малу свое значеніе, столица Восточной имперіи, гдѣ не прерывается преемственный рядъ императоровъ, и гдѣ потрясенія, привнесенныя эпохой пере-

селенія народовъ, не сопровождались такими разрушительными послѣдствіями, какъ на западѣ, Константинополь продолжалъ увеличиваться населеніемъ, укрѣпляться твердыми стѣнами и прочными государственными учрежденіями, которыя постепенно приготовили въ немъ убѣжище для знанія и культуры. Было бы, конечно, въ высшей степени интересно возстановить во всѣхъ подробностяхъ исторію города, такъ какъ самъ Константинополь является вполнѣ вѣрнымъ выразителемъ характера Византіи, но подобная исторія далеко еще не разработана и находится въ зависимости отъ общей исторіи Византіи. Попытаемся ознакомиться хотя съ нѣкоторыми чертами административной и соціальной жизни Константинополя.

Однимъ изъ наиболѣе важныхъ учрежденій, охранявшихъ общественный строй и порядокъ въ столицѣ Византійской имперіи, былъ приказъ епарха города. Со времени перенесенія столицы имперіи въ Константинополь и до самаго турецкаго завоеванія, епархъ города съ подчиненнымъ ему приказомъ оставался чуть ли не единственнымъ учрежденіемъ, пережившимъ всѣ потрясенія и пощаженнымъ царскими реформами. Само собой разумѣется, что такое устойчивое учрежденіе, бывшее свидѣтелемъ многовѣковой исторіи и стоявшее на стражѣ внутренняго порядка, благоустройства, политическаго и соціальнаго положенія всего населенія столицы, заслуживало бы особаго вниманія и всесторонняго изученія. Къ сожалѣнію, по исторіи византійскаго устройства не имѣется даже предварительныхъ работъ, и ни объ одномъ учрежденіи, кромѣ развѣ церкви, наука не владѣетъ хотя сколько-нибудь удовлетворительными свѣдѣніями [1]).

Епарху столицы (ἔπαρχος τῆς πόλεως) принадлежали совершенно ясно опредѣленныя права и обязанности, которыя тѣмъ болѣе доступны изученію, что должность епарха столицы, ведя свое начало отъ Римской имперіи, просуществовала до поздне-византійской эпохи. Не можетъ быть сомнѣнія, что константинопольскій епархъ есть прямой преемникъ и замѣститель римскаго praefectus urbi. Если притомъ поставить въ связь извѣстія древнихъ о значеніи въ Римѣ власти префекта преторіи [2]), что она практически немногимъ была

[1]) Епарху посвящены двѣ страницы въ сочиненіи Zachariae v. Lingenthal, „Geschichte des griechisch-römischen Rechts“, S. 365—367, 3-е Auflage. Berlin, 1892. Спеціальная работа напечатана въ „Извѣстіяхъ Археологич. Института“, т. IV, вып. 2, и принадлежитъ автору этой книги.

[2]) Mommsen, „Römisches Staatsrecht“, II, S. 1117 (3. Aufl.).

ниже императорской — съ не менѣе категорическими заявленіями византійскихъ писателей насчетъ величія власти городского епарха [1]), то нельзя не приходить къ заключенію, что константинопольскій епархъ съ теченіемъ времени соединилъ въ себѣ права и привилегіи префекта преторія и префекта города. Префектура города Рима учреждена была съ цѣлью охраны Рима и его ближайшихъ окрестностей, для чего префекту были предоставлены уголовная юрисдикція и обширная полицейская власть. Во II и III вв. къ нему постепенно перешла и судебная власть на сто миль отъ стѣнъ города [2]). Особенно важнымъ характеромъ отличалась полицейская власть префекта. На его обязанности лежало блюсти порядокъ на многолюдныхъ собраніяхъ, на зрѣлищахъ, въ баняхъ, равно какъ собирать свѣдѣнія о томъ, что происходитъ въ разныхъ частяхъ города. Кромѣ того, ему подчинены были торговые рынки, мѣра, вѣсъ и мѣняльныя лавки [3]). Для достиженія всѣхъ подобныхъ задачъ префектъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи отряды военныхъ людей. Но что еще тѣснѣй сближаетъ римскаго префекта съ византійскимъ епархомъ, это одинаково тамъ и здѣсь отнесенныя къ ихъ компетенціи дѣла о рабахъ, дѣла по опекѣ надъ сиротами и дѣла по политическимъ преступленіямъ [4]).

Общее положеніе византійскаго государственнаго права усвояло за епархомъ значеніе первой особы послѣ царя [5]). Практически это положеніе осуществлялось всякій разъ, когда царю нужно было выѣхать изъ столицы; въ этомъ случаѣ верховная власть временно переходила на коллегію изъ трехъ сановниковъ: на препосита, магистра и епарха, которые становились временными царями [6]). Въ разное

[1]) ὁ τῆς πόλεως ἔπαρχος ἐν τῇ πόλει μείζων πάντων ἐστὶ μετὰ τὸν βασιλέα, „Eclogae Leonis et Constantini", IV, 11, ap. Migne, „Patrol. Gr.", t. CXIII, col. 468; *ср.* Σάθα, Μεσαιωνικὴ βιβλιοθήκη, IV, p. 28: τὸ τοῦ ἐπάρχου ἀξίωμα . . . . βασίλειος δὲ αὕτη ἀρχὴ εἰ μὴ ὅσον ἀπόρφυρος.

[2]) Ulpianus (Mosaicarum et rom. legum, coll. 14, 3, 2): iam eo perventum est constitutionibus, ut Romae quidem praefectus urbis solus super ea re (лишеніе свободы) cognoscat, si intra milliarium centesimum sit in via commissa, ap. Mommsen, o. c., II. S. 969.

[3]) Mommsen, S. 1059, 1063, 1067.

[4]) Въ Византіи часть этихъ дѣлъ была отнесена впослѣдствіи къ компетенціи квестора.

[5]) Какъ видно изъ приведеннаго выше мѣста Ἐκλογὴ τῶν νόμων, ap. Migne, t. CXIII, col. 468.

[6]) Constantini de Cerimoniis, p. $503._{10}$: καθὼς τὸ παλαιὸν ἐκράτει τοῖς βασιλεῦσιν ἔθος ἐξερχομένου τοῦ βασιλέως ἐπὶ φοσσάτου τὸν πραιπόσιτον παρεῖν τὴν ἑαυτοῦ ἀρχῆς ἐπικράτειαν, καὶ τῷ μαγίστρῳ καὶ τῷ ἐπάρχ τὴν τῆ πολιτείας καὶ τοῦ κοινοῦ τὴν διοικησιν. — Приведенное

время права константинопольскаго епарха то ограничивались, то расширялись; въ періоды смутъ и общественныхъ движеній онъ облекаемъ былъ неограниченными полномочіями [1]). Нѣтъ ничего удивительнаго поэтому, что епархъ игралъ весьма важную роль въ исторіи Константинополя, и что онъ былъ то популярнѣйшимъ, то ненавистнѣйшимъ органомъ правительственной власти, и въ томъ и другомъ случаѣ былъ особой хорошо извѣстной всему населенію, которое или превозносило его похвалами, или безпощадно осмѣивало и порицало. Какъ особа высшаго ранга и какъ блюститель благочинія, епархъ принималъ обязательное участіе во всѣхъ придворныхъ церемоніяхъ и торжествахъ, при чемъ онъ не былъ здѣсь пассивнымъ лицомъ, какъ большинство присутствовавшихъ, но исполнялъ служебную роль.

Когда освобождалось мѣсто епарха, самъ царь искалъ замѣстителя изъ числа наиболѣе извѣстныхъ и вѣрныхъ лицъ. Въ большинствѣ случаевъ намѣченный кандидатъ происходилъ изъ важныхъ чиновниковъ и состоялъ въ санѣ патрикія, или же получалъ этотъ санъ по утвержденіи въ должности епарха [2]). Производство въ чины и назначеніе въ высшія должности сопровождались особой церемоніей частью гражданскаго, частью церковнаго характера. Обрядовая сторона этой церемоніи сохраняла до извѣстной степени символическій характеръ и служила указаніемъ круга обязанностей, соединенныхъ съ должностью епарха [3]). Обрядъ избранія происходилъ въ Золотой палатѣ дворца въ присутствіи царя и штата придворныхъ чиновъ. За избраніемъ происходило представленіе епарха городскимъ сословіямъ, къ которымъ онъ держалъ рѣчь о гражданскомъ долгѣ, лежащемъ на сословіяхъ города [4]).

Облачившись въ парадное облаченіе (*καμήσιον, πελώνιον, λῶρον*),

---

мѣсто служитъ превосходнымъ комментаріемъ извѣстія Начальной Русской лѣтописи подъ 6374 годомъ. „Цесарю же отшедшю на Огаряны (Орифонта въ Константинѣ градѣ остави) . . . . вѣсть епархъ посла къ нему, яко Русь идетъ на Царьгородъ“. Тогдашній епархъ Никита Орифа, хорошо извѣстный въ Византійской лѣтописи, былъ временнымъ замѣстителемъ царя по случаю похода на агарянъ, въ которомъ царь принялъ личное участіе.

1) „Ecloga“, lib. I—X Basil. VII, 5: *ὁ ἔπαρχος τοῖς συγκλητικοῖς ἀπρόσφορος δικαστὴς ἄνευ διορισμοῦ βασιλέως.*

2) De Cerimoniis, p. 246, 6.

3) De Cerimoniis, p. 263.

4) Ibid., p. 264.

новый епархъ въ сопровожденіи городскихъ сословій и штата преторія проходитъ къ храму св. Софіи, чтобы здѣсь исполнить церковныя церемоніи. На пути происходятъ славословія димовъ. Въ этихъ актологіяхъ выражаются привѣтствія и благожеланія епарху, высказываются похвалы и признательность царю, что онъ назначилъ епархомъ такого чистаго и достойнаго человѣка, вѣрнаго слугу царскаго, благороднаго по своему происхожденію и по заслугамъ возведеннаго въ высшія почести.—Между тѣмъ процессія доходитъ до Халки и св. Кладезя. Здѣсь епархъ возжигаетъ свѣчу и входитъ въ св. Софію, гдѣ патріархъ совершаетъ молитву. Выходя изъ храма, епархъ садится на приготовленнаго бѣлаго коня или въ парадную колесницу и торжественной процессіей, въ преднесеніи каламарія, отправляется въ свой приказъ, сопутствуемый и отрядомъ полицейскихъ чиновъ. Здѣсь, сидя на своемъ тронѣ, онъ принималъ поздравленія отъ чиновъ подчиненнаго ему приказа и отъ городскихъ представителей и затѣмъ тѣмъ же порядкомъ, какъ прибылъ, отправлялся въ свой домъ.

Не всегда, однако, епарху удавалось благополучно провести свой первый день. Если населеніе не сочувствовало новому назначенію, и если епархъ не принадлежалъ къ популярнымъ чиновникамъ, то на улицахъ начинали происходить шумные протесты противъ новаго епарха, раздавались ругань и порицаніе. Такъ, при Юстиніанѣ I, когда вновь назначенный епархъ Андрей совершалъ обычный путь изъ дворца въ преторію, возсѣдая на парадной колесницѣ, народъ встрѣтилъ его ругательствами, насмѣшками и бросаніемъ камней, вслѣдствіе чего произошло въ городѣ движеніе, не утихавшее нѣсколько дней [1]).

Попытаемся теперь взглянуть на константинопольскаго епарха при исполненіи имъ обязанностей. Византійскіе императоры, внеся нѣкоторыя реформы въ устройство городской префектуры, по существу стремились къ усиленію власти городского епарха. Одной изъ важнѣйшихъ реформъ было въ этомъ отношеніи то, что епарху константинопольскому подчинено было самостоятельное, какъ прежде въ Римѣ, такъ и въ Константинополѣ, вѣдомство префекта преторія.

---

[1]) Theophanis chronogr. (ed. De Boor), p. 239, 8: ἐξερχομένου αὐτοῦ . . . καθημένου ἐν τῷ ὀχήματι ἤρξαντο αὐτὸν ὑβρίζειν καὶ λιθανίζειν . . .

Замѣчено специально о патрикіи Кирѣ, современникѣ Ѳеодосія Великаго, что онъ былъ избранъ сразу на двѣ должности — префекта города и префекта преторія — и оставался въ этомъ званіи четыре года [1]). Такъ какъ въ вѣдомствѣ префекта преторія находились городскія тюрьмы, то легко понять, какъ увеличилось значеніе константинопольскаго епарха со времени подчиненія ему префектуры преторія.

Главныя обязанности епарха города, какъ и римскаго префекта, состояли въ охраненіи общественной безопасности и тишины въ столицѣ имперіи. Ему предоставлены были широкія полномочія; онъ имѣлъ право суда и ограниченія личной свободы гражданъ, могъ заключать въ темницу и высылать изъ города подозрительныхъ лицъ. Въ его непосредственномъ завѣдываніи находились торговыя и промышленныя заведенія, ремесленныя корпораціи, мѣста общественныхъ собраній; отъ него же зависѣла городская полиція; отъ него исходили распоряженія по благоустройству города, содержанію его въ чистотѣ и украшенію его по случаю торжествъ и парадныхъ царскихъ выходовъ. Для исполненія лежащихъ на немъ обширныхъ обязанностей онъ нуждался въ сотрудникахъ и помощникахъ и въ штатѣ полицейскихъ служителей. Онъ имѣлъ для этого свою канцелярію или приказъ съ опредѣленнымъ штатомъ чиновниковъ; этотъ приказъ съ утра до ночи осаждаемъ былъ просителями. Въ зависимости отъ приказа епарха была городская тюрьма или преторій, въ которой содержались государственные преступники и подозрительные для правительства люди. Не всѣ сферы дѣятельности епарха одинаково раскрыты въ источникахъ, но зато общій характеръ учрежденія можетъ быть представленъ въ ясныхъ чертахъ. Всего опредѣленнѣй въ сохранившихся памятникахъ выставляется судебная власть епарха. Тѣмъ любопытнѣй воспользоваться здѣсь всѣми имѣющимися данными, что въ общемъ мы весьма мало знаемъ о судебной организаціи и судебной процедурѣ, хотя именно въ этой области византійское правительство наиболѣе проявляло свою гуманную дѣятельность. Въ законѣ судебная роль епарха опре-

[1]) Chron. paschale I, p. 588. Κῦρος προεβλήθη ἔπαρχος πραιτωρίων καὶ ἔπαρχος πόλεως, καὶ προῄει μὲν ὡς ἔπαρχος πραιτωρίων εἰς τὴν καροῦχαν τῶν ἐπάρχων· ἀνεχώρει δὲ καθήμενος εἰς τὴν καροῦχαν τοῦ ἐπάρχου τῆς πόλεως· ἐκράτησεν γὰρ τὰς δύο ἀρχὰς ἐπὶ χρόνους τέσσαρας, διότι καθαρὸς ἦν πάνυ; cp. p. 571, 5; Theoph. p. 239.

дѣлена весьма ясно. Епарху города подлежатъ всѣ дѣла по преступленіямъ, онъ разслѣдуетъ обо всемъ, что случается въ столицѣ. Епархъ города имѣетъ право лишать жительства въ столицѣ и ограничивать извѣстнымъ мѣстомъ право жительства. Эти два пункта уже ясно показываютъ почти абсолютную судебную власть епарха въ городѣ. Но слѣдуетъ присоединить, что къ его компетенціи принадлежали еще нѣкоторыя специальныя дѣла, которыя мы укажемъ ниже. Само собой разумѣется, лицо, обладавшее такой обширной властью, не могло пройти безслѣдно въ исторіи, и такъ или иначе въ лѣтописи должны были сохраниться свѣдѣнія о чиновникѣ, отъ котораго зависѣла судьба каждаго жителя Константинополя.

О судебной власти епарха имѣются дѣйствительно довольно обильныя свѣдѣнія у писателей. Сопоставляя эти свѣдѣнія, нельзя не видѣть, какъ высоко стояло въ Византіи судебное дѣло, и какъ идеально смотрѣли на правосудіе во все время. Вотъ нѣсколько примѣровъ этого рода.

Царь Іустинъ I (518—527) выражаетъ предъ сенатомъ жалобу на то, что всѣ его усилія поднять въ странѣ правосудіе встрѣчаютъ преграду въ алчности и подкупности чиновниковъ, и что онъ усталъ принимать карательныя мѣры и желаетъ отказаться отъ власти. Тогда одинъ изъ присутствующихъ сановниковъ говоритъ ему: „Государь! избери меня въ епархи города, разрѣши никому не давать пощады и, наконецъ, позволь безпрепятственно входить къ тебѣ для докладовъ по дѣламъ, и я завѣряю, что не пройдетъ и тридцати дней, какъ не будетъ болѣе ни обижающаго, ни обиженнаго. Если же кто донесетъ о какомъ-либо дѣлѣ, что оно было у меня, и я его не рѣшилъ, то я отвѣчаю головой“. — Іустинъ согласился на его предложеніе и назначилъ его епархомъ. Показавъ на одномъ случаѣ съ высокопоставленнымъ лицомъ, что у новаго епарха слово съ дѣломъ не расходится, онъ дѣйствительно скоро успѣлъ поселить уваженіе къ закону и сдержалъ свое слово передъ царемъ. Въ награду царь возвелъ его въ санъ патрикія и назначилъ пожизненнымъ епархомъ [1]).

Есть еще прекрасный разсказъ о квесторѣ Исокасіи, точно также рисующій весьма блестящими красками судебную систему.

[1]) Cedreni 1, p. 681—682.

Царю Льву I (457—474) донесено было, что квесторъ Исокасій придерживается языческихъ мнѣній. Лишивъ его сана, царь сдѣлалъ распоряженіе о преданіи его суду у провинціальнаго судьи, хотя по своему сану и занимаемой должности Исокасій долженъ былъ судиться предъ епархомъ съ депутатами отъ сената. Въ Константинополѣ начали хлопотать за Исокасія и побудили царя, отмѣнивъ первое распоряженіе, предоставить обвиняемому право судиться согласно его сану. Когда онъ явился на судъ со связанными назадъ руками, то епархъ Пусей сказалъ ему: „въ какомъ видѣ ты предсталъ сюда, Исокасій“!—„Не удивляюсь, — отвѣтилъ подсудимый;—я человѣкъ, и меня постигло людское горе, но ты суди меня такъ, какъ бы произносилъ приговоръ въ моемъ сообществѣ“ [1]).

Участіе суда епарха засвидѣтельствовано въ слѣдующихъ судебныхъ случаяхъ:

Во-первыхъ, въ дѣлахъ политическаго характера: заговоры на жизнь государя, попытки произвести государственный переворотъ, бунты, политическіе доносы и т. п.

Во-вторыхъ, въ дѣлахъ по нарушенію общественнаго порядка въ Константинополѣ. Имѣя въ виду, что отъ епарха зависѣли всѣ распоряженія по городскимъ дѣламъ, недовольныхъ имъ было много, и часто раздраженіе противъ него обнаруживалось въ формѣ уличнаго бунта. Такъ какъ во всѣхъ дѣлахъ этого рода судъ принадлежалъ епарху, то со времени Анастасія (491—518) вошло въ обычай, чтобы епархъ обязательно присутствовалъ на всѣхъ выходахъ царя, гдѣ собирается толпа [2]). Извѣстное возстаніе „Ника“ при Юстиніанѣ I послѣднимъ поводомъ имѣетъ казнь трехъ человѣкъ, замѣшанныхъ въ безпорядкахъ [3]). Разъ при томъ же царѣ, во время цирковаго представленія по случаю прибытія персидскихъ пословъ, народъ сталъ требовать пониженія цѣнъ на жизненные припасы, приказано было епарху перехватать крикуновъ и наказать [4]). При царѣ Анастасіи, также во время циркового представленія, Прасины обратились къ царю съ просьбой выпустить изъ тюрьмы

---

1) „Chron. paschale“, p. 595—596; Theoph., p. 115, 10.

2) Theoph., p. 150, 2: τὸν ἔπαρχον ἐν ταῖς συνάξεσι καὶ ἐν ταῖς λιταῖς τότε ἐπενόησεν ἀκολουθεῖν ὁ βασιλεὺς . . . καὶ ἐγένετο εἰς ἔθος.

3) Ibid., 184.

4) Ibid., 230, 20: καὶ ἀγανακτήσας ὁ βασιλεὺς κελεύει Μουσωνίῳ τῷ ἐπάρχῳ κρατῆσαι τοὺς τοῦτο ποιήσαντας, καὶ ἐκολάσθησαν.

уличныхъ бунтовщиковъ, схваченныхъ епархомъ [1]). Когда же требованіе не было уважено, то поднялся бунтъ, при чемъ народъ сталъ бросать камни въ царя и поджигать въ разныхъ мѣстахъ городъ.

Въ-третьихъ, всякое нарушеніе права, вздорожаніе хлѣба, увеличеніе налоговъ и проч. сопровождалось народными движеніями, которыя приходилось усмирять епарху города [2]).

Не говоримъ здѣсь о спеціальныхъ дѣлахъ, отнесенныхъ къ компетенціи епарха, и приведеннаго достаточно, чтобы судить о широтѣ и важности судебной роли епарха. Чтобы достигать исполненія возложенныхъ на него задачъ, епарху необходимо было имѣть значительный штатъ подвѣдомственныхъ ему чиновъ. У него былъ свой приказъ, называемый то секретъ, то преторія, въ которомъ состояло 14 названій различныхъ чиновъ. Кромѣ того, у него въ подчиненіи были полицейская стража и военный отрядъ.

Какъ осуществлялъ епархъ предоставленную ему судебную власть? Въ этомъ отношеніи свѣдѣнія наши весьма скудны. Можно думать, что органы судебной власти въ столицѣ были поставлены въ зависимыя къ епарху отношенія. Въ обрядникѣ Константина Порфиророднаго въ числѣ чиновъ, подвѣдомственныхъ епарху, поставлены *κριταὶ τῶν ῥεγεώνων*, откуда можно заключить, что 14 городскихъ судебныхъ учрежденій въ Константинополѣ исполняли роль нашихъ участковыхъ мировыхъ судей; но какъ организованы были отношенія епарха къ судебнымъ учрежденіямъ, объ этомъ трудно составить понятіе. Административная власть епарха простиралась на все городское населеніе, включала въ себѣ наблюденіе за общественной безопасностью, за чистотой города, украшеніемъ его общественными постройками, освѣщеніемъ и украшеніемъ его по случаю торжествъ, царскихъ выходовъ и праздниковъ. Разсмотрѣніе указанныхъ административныхъ обязанностей епарха, въ настоящее время значительно облегчено появленіемъ любопытнаго памятника — переписи константинопольскихъ корпорацій или цеховъ. Этотъ памятникъ даетъ громадную массу новаго и свѣжаго матеріала, какъ для ознакомленія съ административными полномочіями епарха, такъ и для

1) „Chronic. paschale“, p. 608, 3: ἀπολυθῆναί τινας συσχεθέντας ἀπὸ τοῦ ἐπάρχου τῆς πόλεως λιθοβόλους.

2) Ibid., p. 571, 5: ἐκάη τὸ πραιτώριον Μοναξίου ἐπάρχου πόλεως ἀπὸ τοῦ δήμου—διὰ τὴν ἔνδειαν τοῦ ἄρτου καὶ ἐσύρη ἡ καροῦχα αὐτοῦ . . .

исторіи городского промышленнаго и торговаго сословія. Имѣемъ въ виду найденный въ женевской библіотекѣ и изданный въ 1893 году уставъ 22 городскихъ корпорацій или цеховъ, который знакомитъ насъ съ правами и обязанностями этихъ корпорацій и отношеніями какъ къ государству вообще, такъ и къ ближайшей власти, т.-е. къ епарху города [1]). Этотъ въ высшей степени важный памятникъ хотя происходитъ отъ X вѣка, представляетъ, однако, драгоцѣнныя черты и для исторіи Константинополя въ переходный періодъ отъ греко-римскаго періода къ византійскому. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ доказываетъ устойчивость древнихъ учрежденій и постепенность перехода ихъ въ новыя формы подъ вліяніемъ измѣнившихся обстоятельствъ. Законодательные памятники Ѳеодосія II и Юстиніана I въ сопоставленіи съ позднѣйшимъ законодательствомъ исаврійской и македонской династіи показываютъ, что въ этотъ періодъ не произошло никакихъ измѣненій въ положеніи коллегій или цеховъ [2]). Хотя о константинопольскихъ цехахъ за періодъ послѣ VI в. нѣтъ прямыхъ извѣстій, но новыя данныя, почерпаемыя въ египетскихъ папирусахъ, равно какъ свѣдѣнія о цехахъ Александріи даютъ полную картину городскихъ коллегій и товариществъ въ средніе вѣка и показываютъ соотвѣтствіе въ устройствѣ ихъ въ X вѣкѣ съ тѣмъ положеніемъ, какое занимаютъ они по папирусамъ.

Занимающій насъ памятникъ сохранился въ видѣ эдикта, относящагося ко второй половинѣ X вѣка и принадлежащаго по всей вѣроятности царю Никофору Фокѣ. Этимъ эдиктомъ преслѣдовалась не организація цеховъ, такъ какъ учрежденіе это существовало уже съ древнихъ временъ, а имѣлась цѣль опредѣлить отношеніе цеховъ къ государству и установить обязательства ихъ по отношенію къ населенію столицы, въ особенности по снабженію города жизненными средствами. И до сихъ поръ занимаетъ ученыхъ вопросъ о томъ, говоритъ ли эдиктъ обо всѣхъ цехахъ, и вполнѣ ли онъ дошелъ до насъ? Нужно принять въ соображеніе то обстоятельство,

---

[1]) Nicole, „Le Livre du préfet ou l'édit de l'empereur Léon le Sage sur les corporations de Constantinople". Genève, 1900 („Mémoires de l'Institut Genevois", t. XVIII); Gehrig, „Das Zunftwesen Constantinopels im zehnten Jahrhundert" (Hilderbrands „Jahrbücher für Nationalökonomie", Band 38. 1909); Stöckle, „Spätrömische und byzantinische Zünfte". Leipzig, 1911.

[2]) Этому вопросу посвящена глава въ книгѣ Stöckle. S. 135 („Zussammenhang der spätrömischen und byzantinischen Zünfte").

что въ столицѣ были и такія ремесла, которыя не были организованы въ цехи, и что, слѣдовательно, въ эдиктѣ идетъ рѣчь лишь о важнѣйшихъ ремесленныхъ и промышленныхъ организаціяхъ, которыя имѣли важное политическое или экономическое значеніе. Государство не только обезпечивало цехамъ достиженіе ихъ промышленныхъ и торговыхъ цѣлей, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ хозяинъ и работодатель, требовало отъ нихъ опредѣленныхъ услугъ и повинностей. Въ особенности это видно на устройствѣ цеховъ, занимавшихся доставкой хлѣба и другихъ средствъ пропитанія.

Въ виду важности эдикта для внутренней исторіи Константинополя находимъ полезнымъ ознакомиться здѣсь съ его содержаніемъ. Первое мѣсто отведено въ эдиктѣ коллегіи или цеху табуларіевъ. Обязанности табуларіевъ заключались въ составленіи и скрѣпленіи оффиціальныхъ актовъ: продажныхъ и купчихъ, брачныхъ, завѣщаній, договоровъ и т. п. Ясно, что табуларіи вполнѣ соотвѣтствуютъ нашимъ стряпчимъ или нотаріусамъ. За составленіе бумагъ для частныхъ лицъ они брали плату, точно установленную государствомъ, имѣли свои конторы въ опредѣленныхъ мѣстахъ. Коллегія табуларіевъ была организована какъ самостоятельное учрежденіе, вѣдала свои внутреннія дѣла черезъ спеціальныхъ чиновниковъ, во главѣ коихъ находится примикирій.

Эдиктъ даетъ подробныя и весьма любопытныя указанія, которыми тѣмъ болѣе необходимо здѣсь воспользоваться, что онѣ вообще характеризуютъ римскія коллегіи и византійскіе цехи и корпораціи. Требуемыя отъ кандидата на должность табуларія качества установлены весьма опредѣленно. Онъ долженъ имѣть достаточную подготовку въ законовѣдѣніи, отличаться хорошимъ почеркомъ и быть въ состояніи отличать подлинныя бумаги отъ поддѣльныхъ. Эти качества, а равно свидѣтельство объ окончаніи средней школы и спеціальныя знанія по законовѣдѣнію оцѣниваются примикиріемъ и совѣтомъ табуларіевъ, отъ которыхъ зависитъ представленіе кандидата на утвержденіе епарху. Можно думать, что кандидатъ долженъ былъ обнаружить требуемыя отъ него спеціальныя знанія посредствомъ экзамена, на которомъ ему предлагались вопросы изъ практическаго руководства по законовѣдѣнію и изъ Василикъ. Одобренный совѣтомъ табуларіевъ кандидатъ представляемъ былъ епарху, при чемъ клятвенно подтверждалось, что представленіе кандидата

въ должность дѣлается не по чьей-либо просьбѣ, ни по дружбѣ или родству, а взирая на способности и заслуги лица. Тогда епархъ утверждаетъ представленіе своей печатью; и представляемый зачисляется въ коллегію тавуларіевъ. Изъ приказа епарха новый нотаріусъ въ сопровожденіи примикирія и корпораціи идетъ въ ближайшую церковь, гдѣ священникъ читаетъ положенную молитву, а отсюда направляется въ канцелярію, въ которой ему назначено служить, и тамъ принимаетъ поздравленія отъ сослуживцевъ, а затѣмъ идетъ въ свой домъ, гдѣ дается угощеніе товарищамъ. Права и обязанности тавуларіевъ или нотаріевъ изложены въ Эдиктѣ весьма обстоятельно: они обязаны являться на всѣ царскіе выходы, на зрѣлища въ ипподромѣ, на засѣданія совѣта тавуларіевъ, иначе подвергаются штрафу; обязаны исполнять порученія епарха, иначе подлежатъ штрафу, а при увеличивающихъ вину обстоятельствахъ дисциплинарному взысканію. Далѣе, точно опредѣляются условія платы за составленіе актовъ, договоровъ и проч., и опредѣляются права тавуларія, когда ему случится быть въ канцеляріи другого нотарія. Въ случаѣ сомнѣній относительно платы за акты, дѣло переходитъ на рѣшеніе примикирія, а если рѣчь идетъ о большой цѣнѣ, рѣшается епархомъ. Въ случаѣ ссоръ между собою тавуларій жалуется примикирію, въ дѣлахъ большой важности — епарху.

При составленіи акта нотарій долженъ при свидѣтеляхъ и понятыхъ дѣлать надлежащую скрѣпу. Въ случаѣ нарушенія этого правила онъ подвергается тѣлесному наказанію по суду епарха. Писцы (*γραφεῖς*) нотаріевъ не имѣютъ права составлять актовъ безъ разрѣшенія патроновъ. Въ случаѣ болѣзни примикирія обязанности его исполняетъ старшій изъ тавуларіевъ. Избраніе примикирія принадлежитъ епарху. Епархъ не долженъ назначать больше 24 нотаріевъ. Цѣна за составленіе актовъ: 21 кератій за актъ на 100 номисмъ, одна номисма за актъ свыше этой суммы. Въ случаѣ смерти тавуларія вся коллегія должна почтить своимъ присутствіемъ его погребеніе. Нарушитель платитъ 6 кератіевъ.

Въ уставѣ коллегіи тавуларіевъ, состоящемъ изъ 26 §§, есть нѣсколько статей, касающихся преподавателей юридическихъ наукъ: *παιδοδιδάσκαλος νομικὸς καὶ ὁ διδάσκαλος*, это §§ 13, 15 и 16[1]). Любо-

[1]) Отмѣтимъ здѣсь ради курьеза совершенно нелѣпый латинскій переводъ греческаго текста: ὁ παιδοδιδάσκαλος νομικός переведено Ludimagister pragmaticus!

пытно здѣсь то, что преподаватели юридическихъ наукъ, подъ которыми слѣдуетъ, конечно, разумѣть учителей, подготовляющихъ кандидатовъ на должность тавуларія, также находятся въ вѣдомствѣ епарха города и состоятъ въ извѣстной связи съ коллегіей тавуларіевъ, которая оцѣниваетъ правоспособность кандидата на преподаваніе подготовительнаго курса юридическихъ наукъ. Учителямъ запрещается брать такихъ учениковъ, которые захотѣли бы вступить къ нимъ изъ другой школы, не заплативъ прежнему учителю за преподаваніе; пріемъ новыхъ учениковъ вообще поставленъ въ зависимость отъ усмотрѣнія примикирія.

Второй § Устава занимается корпораціей серебренниковъ (*οἱ ἀργυροπρᾶται*). Уже то обстоятельство, что между нотаріусами и стряпчими, съ одной стороны, и продавцами серебряныхъ вещей, съ другой, существуетъ большое различіе въ соціальномъ и общественномъ положеніи, должно наводить на мысль, что Уставъ сохранился не въ цѣльномъ видѣ, и что въ § 1 мы имѣемъ отрывокъ первой части, которая занималась корпораціями свободныхъ профессій, напримѣръ: адвокаты, учителя. Всматриваясь въ редакцію § 1 и слѣдующихъ, нельзя не замѣтить и въ этомъ отношеніи большихъ различій. Въ то время, какъ въ первомъ подробно трактуется объ устройствѣ корпораціи, о правахъ членовъ и проч., въ послѣдующихъ все вниманіе обращается на предупрежденіе и пресѣченіе злоупотребленій, соединенныхъ съ занятіями промысломъ и ремесломъ. Серебренники имѣютъ право торговать золотомъ, серебромъ и драгоцѣнными каменьями; имъ запрещается вести торговлю мѣдными издѣліями и льняными матеріями. Они обязаны слѣдить, чтобы никто изъ не принадлежащихъ къ ихъ корпораціи не занимался торговлей золотомъ, серебромъ и драгоцѣнностями и въ случаѣ появленія на базарѣ такихъ предметовъ доводить о томъ до свѣдѣнія епарха, или представлять продавца старшинѣ своего цеха (*τῷ προεστῶτι*). Наконецъ, Уставъ требуетъ, чтобы мастера золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ имѣли свои мастерскія на Месѣ, а не въ частныхъ домахъ. Въ терминѣ *ἀργυροπράτης* есть два значенія: 1) золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастеръ или ювелиръ, 2) мѣновщикъ, провѣряющій вѣсъ и вѣрность монеты. Имѣя право купить золото и серебро и драгоцѣнные камни въ опредѣленномъ количествѣ, они были ограничены префектомъ въ покупкѣ церковныхъ драгоцѣнныхъ предметовъ.

3. Банкиры, или собственно мѣняльщики, обязаны не скоблить монеты, не портить на ней изображенія, предъявлять по требованію епарха свои ящики съ монетой и заявлять ему о фальшивой монетѣ.

Дальнѣйшіе шесть параграфовъ посвящены цехамъ, занимающимся продажей и обработкой шелковыхъ и полотняныхъ издѣлій. Торговля шелкомъ получила въ Византіи особенное развитіе со времени Юстиніана I и, несмотря на продолжительный періодъ, протекшій съ тѣхъ поръ, и во время происхожденія эдикта обставлена была чрезвычайно строгими предписаніями, которыя преслѣдовали ту цѣль, чтобы этотъ драгоцѣнный товаръ не попадалъ въ другія страны, и чтобы въ самой столицѣ былъ на виду у правительства. Поэтому здѣсь строго проведено раздѣленіе между отдѣльными коллегіями, занимающимися торговлей разными видами этого товара. Разсмотримъ эти цехи по порядку перечисленія ихъ въ эдиктѣ.

4. Продавцы драгоцѣнной шелковой одежды (*οἱ βεστιοπρᾶται*). Это была довольно важная корпорація, занимавшаяся торговлей парадной одеждой изъ шелка, окрашеннаго въ разные цвѣта. Члены ея обязывались наблюдать, чтобы этотъ дорогой товаръ продавался только извѣстнымъ лицамъ и не попадалъ въ руки иностранцевъ. Правительство такъ заботилось объ удержаніи въ столицѣ этого товара, что требовало отъ продавцовъ предъявленія епарху наиболѣе дорогихъ одеждъ (цѣной свыше 10 номисмъ); назначенный въ продажу за границу товаръ долженъ имѣть клеймо епарха. Въ первый разъ объ этомъ цехѣ упоминается въ „Обрядникѣ“ Константина Порфиророднаго, который говоритъ объ украшеніи трибунала матеріями, доставленными этимъ цехомъ. Весьма любопытно отмѣтить, что и въ римскій періодъ на коллегіи вестіаріевъ лежала подобная же обязанность.

5. Торговцы сирійскими шелковыми тканями (*οἱ πρανδιοπρᾶται*). Терминологія слова указываетъ заимствованіе изъ восточныхъ языковъ. Лѣтопись говоритъ, что авары поражали при своемъ появленіи въ Европѣ прандіями, которыми завязывали свои волосы [1]). Коллегія прандіопратовъ находится въ подчиненіи у ексарха, назначаемаго епархомъ города. Привозимыя изъ Сиріи одежды, равно какъ сарацинскія и багдадскія ткани, должны храниться въ одномъ

[1]) Theoph. Chronogr. ed. de Boor, 232: ἔθνος Ἀβάρων εἶχον τὰς κόμας ὄπισθεν μακρὰς πάνυ δεδεμένας πρανδίοις.

складѣ. Сирійскіе купцы имѣютъ право оставаться въ Константинополѣ только три мѣсяца, по истеченіи коихъ непроданный товаръ предъявляется епарху, который принимаетъ для сбыта его зависящія мѣры. Есть еще любопытная статья въ уставѣ этой корпораціи, которая, если мы не ошибаемся, говоритъ объ артельной продажѣ товаровъ всѣми членами корпораціи и о разверсткѣ вырученной суммы между всѣми участниками согласно внесенной каждымъ долѣ [1]).

6. Торговцы шелкомъ-сырцомъ (*οἱ μεταξοπράται*). Этотъ цехъ занимался покупкой шелка отъ мѣстныхъ производителей и продажей его для обработки и изготовленія тканей. Запрещеніе обработки опредѣленно выражено въ особой статьѣ устава (§ 14). Привилегіей цеха было торговать чистымъ шелкомъ высшаго качества, низшіе же сорта принадлежали другой коллегіи *μελαθράριοι*. Уставъ предусматриваетъ главнымъ образомъ, чтобы шелковыя матеріи продавались явно и въ опредѣленныхъ складахъ и не попадали въ постороннія руки. Запрещается продавать этотъ товаръ евреямъ (§§ 13 и 16).

7. Цехъ прядильный (*οἱ καταρτάριοι*). Первоначальная обработка сырца должна была состоять въ приготовленіи изъ него пряжи или шелковыхъ нитокъ—этимъ и занимались *καταρτάριοι*. Нѣсколько затрудненій представляется въ выясненіи различія между этимъ цехомъ и предыдущимъ, такъ какъ оба имѣютъ право покупать шелкъ-сырецъ [2]). Весьма вѣроятно, что предыдущій цехъ — *μεταξοπράται* — опредѣлялъ количество необходимаго для продажи шелка, ибо, какъ видно будетъ ниже, цехъ *σηρικάριοι* получалъ отъ него все необходимое количество шелковой пряжи.

8. Красильщики и ткачи шелка (*οἱ σηρικάριοι*). Хотя о краскѣ шелковой пряжи нѣтъ рѣчи въ эдиктѣ, но, судя по тому, что въ Римѣ этимъ занималась особая коллегія, и что о красильщикахъ (*βαφεῖς*) есть упоминаніе изъ позднѣйшаго времени, слѣдуетъ допустить въ этомъ цехѣ и выдѣлку пурпуровой краски, по крайней мѣрѣ, въ переходную эпоху. Впослѣдствіи выдѣлка пурпуровой краски была мо-

[1]) P. 30, § 3: πᾶσα ἡ κοινότης τοῦ συστήματος ἐν καιρῷ ἀγορᾶς καταβαλλέσθω, καθὼς εὐπορεῖ τις. καὶ οὕτως ἀναλόγως τῇ ἑκάστου καταβολῇ καὶ ἡ διανομὴ παρὰ τοῦ ἐξάρχου γινέσθω. Эта же статья встрѣчается въ уставахъ другихъ двухъ корпорацій (VI, § 8, и IX, § 3). Дословный переводъ этой статьи: „вся община въ ярмарочное время облагается сборомъ согласно имуществу каждаго, и сообразно съ внесенной каждымъ долей производится екзархомъ раздѣлъ“—не даетъ яснаго смысла.

[2]) Stöckle. S. 27—28.

нополіей правительства и производилась обыкновенно на императорскихъ фабрикахъ. Производство этой корпораціи обставлено весьма строгими предписаніями и предупредительными мѣрами. Сирикаріямъ запрещается ткать матеріи неустановленныхъ образцовъ и цвѣтовъ, обыкновенный типъ тканей долженъ подражать персидскимъ пестрымъ матеріямъ, позволяется также выдѣлывать матеріи для славянскаго головного убора (славянскія факіоліи). Пурпуровыя же матеріи и ткани шириной въ двѣ четверти должны предъявляться епарху, равно какъ и всѣ одежды цѣной свыше 10 номисмъ, хотя бы онѣ были и пестрыхъ цвѣтовъ. Преслѣдуется открытіе частныхъ мастерскихъ для производства пурпуровыхъ тканей; угрожаетъ строгое наказаніе тому хозяину мастерской, который воспрепятствовалъ бы входъ въ его заведеніе чиновнику для наложенія клейма и для ревизіи тканей; требуется, чтобы шелкъ покупался исключительно въ опредѣленныхъ заведеніяхъ, а не у частныхъ лицъ; запрещается безъ вѣдома епарха продавать матеріи иностранцамъ.

9. Торговцы полотномъ (*οἱ ὀθωνιοπρᾶται ἤγουν μιθανεῖς*). Полотняный товаръ шелъ въ Константинополь изъ Ѳракіи и Македоніи и изъ Болгаріи и былъ статьей покровительствуемой. Въ особенности производствомъ льна славились Колхида и Керасунтъ, вообще области на востокъ и югъ отъ Черноморья. Ткачи полотна имѣли обязательство продавать свой товаръ въ разноску на базарахъ. Слѣдуетъ обратить вниманіе на одну статью въ уставѣ этой корпораціи (§ 6). Можетъ случиться, что кто изъ иностранцевъ, изъ болгаръ или изъ иныхъ народовъ, привезетъ ленъ или медъ и пожелаетъ обмѣнять на другіе товары. Тогда корпорація, занимающаяся торговлей полотномъ, имѣетъ право войти въ товарищество съ членами другихъ корпорацій, торгующими требуемымъ товаромъ, и съ разрѣшенія епарха сообща вести торгъ съ иностранцами, при чемъ члены другихъ корпорацій удерживаютъ для себя столько иностраннаго товара, сколько имъ требуется, остальное же все остается въ пользу корпораціи, занимающейся полотномъ, при чемъ эта послѣдняя выплачиваетъ членамъ другихъ корпорацій по одному кератію на номисму (т.-е. около 4 проц.).

10. Продавцы благовонныхъ товаровъ (*οἱ μυρεψοί*). Лари и столы этой корпораціи располагаются по порядку отъ Халки, гдѣ икона Христа, до Милія. Имъ вмѣняется въ обязанность покупать товаръ

въ опредѣленное время, когда онъ приходитъ изъ Халдіи, Трапезунта или другихъ мѣстъ, не задерживать иностранныхъ купцовъ болѣе трехмѣсячнаго срока, которымъ они пользуются для пребыванія въ Константинополѣ. Товаръ, составлявшій привилегію цеха *μυρεψοί*, состоялъ изъ слѣдующихъ произведеній Индіи и Китая: перецъ, нардъ (*στάχος*), кинамомъ (*κινάμωμος*), алой, амбра (*ἄμβαρ*), мускусъ, ладанъ, мирра, бальзамъ и др.

11. Торговцы воскомъ (*οἱ κηρουλάριοι*). Они обязываются вести торговлю въ своихъ лавкахъ, а отнюдь не на ларяхъ, поставленныхъ гдѣ попало. Мастерскія ихъ должны стоять на разстояніи 30 саженъ одна отъ другой. Вѣсовые знаки (*ὁ καμπανός*) должны имѣть печать епарха.

12. Торговцы мыломъ (*οἱ σαπωνοπρᾶται*). Цехъ занимался какъ приготовленіемъ, такъ и продажей мыла. Строго было запрещено употребленіе вредныхъ составовъ въ изготовленіи мыла. Кто безъ вѣдома епарха и старшины приметъ въ свое заведеніе лицо, не принадлежащее къ корпораціи, платитъ штрафъ въ 24 номисмы [1]). Запрещается открывать мастерскія въ близкомъ разстояніи одна отъ другой, новая отъ старой должна отстоять на 7 локтей и 12 стопъ; воспрещается торговать французскимъ мыломъ. Смертная казнь угрожаетъ тому, кто уличенъ будетъ въ тайной торговлѣ запрещеннымъ лѣкарствомъ (*ὑγρὰ κατασταλλακτή*, p. 46, § 7), напримѣръ, французское мыло.

13. Поставщики съѣстныхъ припасовъ (*οἱ σαλδαμάριοι*) имѣютъ право открывать лавочки по всему городу, на площадяхъ и въ переулкахъ для удобства жителей. Вѣсы и мѣры должны имѣть печать епарха, торговый барышъ ихъ опредѣляется въ двѣ миліарисіи на номисму.

14. Кожевники, занимающіеся собственно выдѣлкой ремней (*οἱ λωροτόμοι*), изъ готовой кожи. Уставъ различаетъ три отдѣла между кожевниками. Таковы собственно кожевники *βυρσοποιοί*, затѣмъ слѣдуютъ *μαλακατάριοι*, приготовлявшіе кожу для издѣлій. Мастера ремней зависятъ отъ епарха лишь частью, по принадлежности ихъ къ кожевенной корпораціи, и имѣютъ во главѣ своей старшину по назначенію епарха. Съ другой стороны, они подчинены протостратору,

---

[1]) Золотой имперіалъ, иначе номисма или иперпиръ (иначе перперъ), стоилъ около 4 руб. на наши деньги.

т.-е. начальнику царской конюшни, отъ котораго и получаютъ заказы на поставку сбруи для лошадей.

15. Мясники (*οἱ μακελάριοι*). Въ римскую эпоху различались три коллегіи: boarii, pecuarii и suarii, занимавшіяся торговлей быками, мелкимъ скотомъ и свиньями. Въ эдиктѣ макеларіи торгуютъ скотомъ и вмѣстѣ занимаются убоемъ скота. Покупка товара производится на скотопригонномъ рынкѣ въ Стратигіи [1]) и по цѣнѣ, установленной епархомъ. Продажа мяса должна производиться согласно покупной цѣнѣ за голову; въ пользу мясника идутъ голова, ноги и внутренности животнаго. Мясникамъ возбраняется входить въ сдѣлку съ гуртовщиками, пригоняющими стада въ Никомидію и въ другіе города; константинопольскіе мясники должны покупать барановъ въ Сангаріи.

16. Свиноторговцы (*οἱ χοιρέμποροι*). Торговля производится на Таврѣ, внѣ этого мѣста запрещается входить въ сношенія съ хозяевами свиныхъ гуртовъ; старшина корпораціи обязанъ всякій разъ при покупкѣ товара предъявлять его епарху и не имѣетъ права продавать свиней въ розницу перекупщикамъ.

17. Рыботорговцы (*οἱ ἰχθυοπρᾶται*). Рыботорговцы составляютъ отдѣльный цехъ и не смѣшиваются съ рыбаками. Мѣстомъ рыбной торговли опредѣляются большіе городскіе подвалы (*αἱ λεγόμεναι μέγισται κάμαραι τῆς πόλεως*). Въ каждой лавкѣ рыбнаго рынка есть свой смотритель, на обязанности котораго лежитъ наблюдать, чтобы продажа рыбы производилась соотвѣтственно съ покупной ея цѣной на морѣ. Покупка рыботорговцами товара производится на берегу моря, на пристаняхъ, съ подходящихъ къ пристани лодокъ; никоимъ образомъ рыботорговецъ не можетъ идти для покупки на мѣста рыбныхъ ловель, но ожидать прибывающихъ къ берегу лодокъ съ рыбой. Старшины рыботорговцевъ каждое утро являются къ епарху и сообщаютъ ему свѣдѣнія на счетъ улова рыбы въ минувшую ночь; согласно съ этимъ епархъ устанавливаетъ продажную цѣну рыбы для городскихъ жителей.

18. Хлѣбопеки (*οἱ ἀρτοποιοί*). Они покупаютъ жито по установленной епархомъ цѣнѣ и, смоловъ жито, приготовляютъ хлѣбъ, про-

---

[1]) Такъ называлась большая площадь въ городѣ. Strategium in quo est forum Theodosiacum (ap. Seeck, „Notitia urbis Constantinopolitanae").

давая его съ такимъ разсчетомъ, чтобы на каждую номисму оставалась имъ прибыль въ одинъ кератій и двѣ миліарисіи [1]); кератій составляетъ чистую прибыль хлѣбопека, а двѣ миліарисіи идутъ на содержаніе рабочихъ, на расходы по топкѣ печей и прокормленіе лошади, смоловшей жито. Дабы предоставить этой корпораціи полный досугъ въ исполненіи столь важной общественной службы, она освобождена была отъ всякихъ другихъ общественныхъ повинностей. Хлѣбопекарни должны строиться въ удаленныхъ отъ жилыхъ помѣщеній мѣстахъ. Хлѣбопекарни называются въ эдиктѣ словомъ *μαγκίπια*, о которомъ опредѣленное заключеніе можно составить на основаніи свидѣтельства Іоанна Лида [2]), „манкипами называются тѣ, которые пекутъ общественный, раздаваемый народу, хлѣбъ“. О древности цеха можно судить потому, что раздача печенаго хлѣба вмѣсто зернового началась въ Римѣ съ половины III вѣка, она производилась въ Константинополѣ въ нѣсколькихъ мѣстахъ до времени Ираклія.

19. Содержатели мелочныхъ лавокъ и питейныхъ заведеній (*οἱ κάπηλοι*). Старшина корпораціи обязанъ дать знать епарху, когда поступаетъ въ заведеніе новая партія вина, дабы онъ установилъ правила для продажи и указалъ законную мѣрку. Запрещается содержателямъ питейныхъ заведеній открывать кабаки въ большіе праздники и по воскресеньямъ ранѣе двухъ часовъ дня, по ночамъ же предписывается закрывать кабаки и тушить плошки съ наступленіемъ второго часа (т.-е. послѣ захода солнца), дабы не подать повода тѣмъ, которые привыкли проводить въ кабакахъ цѣлые дни, заходить туда и ночью въ опьяненіи затѣвать шумъ и драки.

20. Легатарій или уполномоченный. Епархъ назначаетъ съ вѣдома царя легатарія, обязанность котораго состоитъ въ томъ, чтобы слѣдить за прибывающими въ Константинополь изъ разныхъ странъ купцами и доводить о нихъ до свѣдѣнія епарха, который долженъ осмотрѣть привезенные ими товары и указать способъ распродажи ихъ. По истеченіи опредѣленнаго срока и по окончаніи дѣла, легатарій снова доводитъ о нихъ до свѣдѣнія епарха и представляетъ

[1]) Кератій — мелкая серебряная монета, на номисму полагалось 24 кератія, слѣдовательно, цѣна кератія ок. 15 коп. Миліарисій—тоже серебряная монета, вдвое большей стоимости, чѣмъ кератій (ок. 35 коп.).

[2]) Ioannis Lydi, de magistratib. p. 200. μάγκιπες οἱ τοῦ δημώδους καὶ ἀνδραποδώδους ἄρτου δημιουργοί.

списокъ закупленныхъ ими въ Константинополѣ предметовъ, дабы не было вывезено изъ столицы запрещеннаго къ выпуску товара. На обязанности епарха лежитъ наблюденіе за тѣмъ, чтобы прибывающіе изъ-за границы съ товарами купцы не оставались въ столицѣ больше трехъ мѣсяцевъ, но чтобы въ теченіе этого срока успѣли какъ продать привезенные товары, такъ и купить, что имъ нужно, и выбыть изъ столицы.

21. Посредники (маклера) при покупкѣ лошадей и рогатаго скота (*οἱ βόθροι*). Названные здѣсь маклера покупали тѣхъ животныхъ, которыя, будучи пригнаны крестьянами въ Константинополь, не нашли покупщика. Здѣсь нельзя не видѣть заботы правительства о снабженіи населенія города дешевымъ мясомъ. Главная обязанность *βόθροι* состоитъ въ томъ, чтобы свидѣтельствовать при покупкѣ скота о доброкачественности животныхъ, при чемъ съ каждой головы шелъ въ пользу ихъ 1 кератій. Скотопригонный рынокъ долженъ быть въ опредѣленномъ мѣстѣ на площади Тавра (*Ἀμαστριανός*), и торговля должна производиться публично, дабы предупредить покупку и продажу заблудившихся или ворованныхъ животныхъ. Въ случаѣ, если покупщикъ нашелъ порокъ, онъ можетъ отказаться отъ покупки въ теченіе шести мѣсяцевъ; по прошествіи же шести мѣсяцевъ это право удерживаетъ только покупщикъ военнаго сословія.

22. Ремесленики разнаго рода: столяры, маляры, мраморщики, слесаря, живописцы и др. Ремесленникъ, принявшій заказъ на какую-нибудь работу, не имѣетъ права отказаться отъ нея, за исключеніемъ того случая, когда заказчикъ не доставитъ нужнаго матеріала для окончанія работы, или когда онъ не исполняетъ справедливыхъ требованій ремесленника. Въ этомъ случаѣ съ вѣдома и согласія епарха договоръ можетъ быть нарушенъ. Но если ремесленникъ уклоняется отъ исполненія заказа по жадности или капризу, тогда заказчикъ имѣетъ право прогнать его, ничего не заплативъ за сдѣланный трудъ, и доводитъ объ этомъ до свѣдѣнія епарха, который подвергаетъ рабочаго тѣлесному наказанію. Особенно интересна четвертая статья устава о ремесленникахъ. Кто принялъ заказъ вывести стѣны или устроить цементированное зданіе со сводами (*θόλους ἐγχωρήγους*) или арки, тотъ долженъ принять всѣ мѣры предосторожности, чтобы фундаментъ былъ сдѣланъ крѣпкій, и постройка выведена по правиламъ строительнаго искусства. И если въ теченіе де-

сяти лѣтъ постройка рухнетъ не по причинѣ воли Божіей, то строитель обязанъ возстановить ее на собственныя средства. Въ томъ, однако, случаѣ, если бы расходы на возобновленіе превышали цѣнность золотой литры, подрядчикъ принимаетъ на себя работу безвозмездно, а хозяинъ-заказчикъ доставляетъ нужный для постройки матеріалъ. Постройки на глинѣ обязательно должны держаться шесть лѣтъ; если же до истеченія этого срока постройка развалится, то подрядчикъ обязанъ возстановить ее на собственныя средства.

Разсмотрѣнныя здѣсь главы Устава константинопольскихъ двадцати двухъ корпорацій бросаютъ совершенно новый свѣтъ на внутренній строй столицы и позволяютъ намѣтить въ этомъ громадномъ, но такъ мало изученномъ организмѣ тѣ живыя силы, которыя одухотворяли его и приводили въ движеніе. Приказъ епарха города представляется могущественнымъ рычагомъ, дававшимъ направленіе дѣятельности промышленнаго и ремесленнаго населенія. Епархъ посредствомъ зависящихъ отъ него органовъ не только проникаетъ во всѣ подробности городской трудовой жизни, но является еще отвѣтственнымъ предъ правительствомъ лицомъ за порядокъ и спокойствіе въ городѣ, даже за мысли и убѣжденія высшихъ классовъ столичнаго населенія.

Законодательные памятники категорически ставятъ въ зависимость отъ епарха все городское населеніе [1]). *Ἐκλογὴ τῶν νόμων*, памятникъ VIII вѣка, выражаетъ въ одиннадцати пунктахъ компетенцію епарха города [2]). Соединивъ однородные пункты, можемъ представить полноту власти епарха въ слѣдующихъ чертахъ:

1. Онъ судитъ всѣ дѣла по проступкамъ въ городѣ и на сто миль за чертой города; а) вѣдаетъ дѣла о рабахъ, выкупающихся на свободу, и дѣла патроновъ съ вольноотпущенными; б) дѣла по опекѣ и о неправильномъ управленіи имуществомъ опекаемыхъ, и в) дѣла о проституціи.

2. Вѣдаетъ дѣла банковскія, устанавливаетъ цѣны на мясо.

3. Слѣдитъ за порядкомъ въ городѣ и общественнымъ спокойствіемъ въ публичныхъ мѣстахъ.

---

[1]) Basil. I. VI. tit. 4, 13: πάντα τὰ ἐν Κωνσταντινουπόλει σωματεῖα καὶ οἱ πολῖται καὶ οἱ ἀπὸ τοῦ δήμου παντὸς τῷ ἐπάρχῳ τῆς πόλεως ὑποκείσθωσαν.

[2]) Leonis et Constantini, „Delectus legum“, ap. Migne, „Patrol. gr.“, t. CXIII, col. 465—468.

4. Имѣетъ въ своемъ распоряженіи отрядъ военныхъ людей для содержанія порядка и полученія свѣдѣній о томъ, что гдѣ происходитъ.

5. Имѣетъ право выселять изъ столицы, запретить временно или навсегда занятіе торговлей и ремесломъ, ограничить доступъ въ театры, лишить права адвокатской практики.

6. Его вѣдомству подлежатъ ремесленныя корпораціи.

Итакъ, въ памятникахъ мы нашли достаточно свидѣтельствъ о важной роли въ жизни столицы епарха. Какъ правительственный органъ, находящійся въ ежедневномъ и непосредственномъ соприкосновеніи съ рабочимъ и ремесленнымъ населеніемъ столицы, епархъ долженъ былъ тѣсно связать свое имя съ Константинополемъ. Къ сожалѣнію, сохранилось мало свѣдѣній для общей характеристики его, какъ хозяина города. Одно изъ лучшихъ извѣстій въ этомъ отношеніи связано съ именемъ епарха Кира, современника Ѳеодосія Великаго. Правда, это былъ исключительный человѣкъ, обладавшій рѣдкими качествами образованія и ума; писатели придаютъ ему почетное прозваніе *ὁ φιλόσοφος, ἀνὴρ σοφώτατος*. Стóитъ указать здѣсь одну черту къ его характеристикѣ. Сдѣлавшись весьма популярнымъ въ городѣ, Киръ лишенъ былъ царемъ всѣхъ почестей подъ предлогомъ эллиномыслія, постриженъ въ монахи и назначенъ епископомъ въ городъ Смирну. Жители Смирны, желая испытать новаго епископа насчетъ его воззрѣній, настоятельно просили его сказать проповѣдь въ день Рождества Христова. Епископъ уступилъ ихъ настояніямъ и сказалъ слѣдующее: „Братіе, Рождество Бога и Спаса нашего Іисуса Христа молчаніемъ должно быть чтимо, ибо слухомъ только зачала во чревѣ Святая Дѣва Слово Божіе, Ему же слава во вѣки аминь“ [1]). Это, конечно, нужно признать искуснымъ ораторскимъ пріемомъ, напоминающимъ знаменитое слово Иннокентія передъ плащаницей: „братіе, Господь и Спаситель нашъ во гробѣ, начнемъ же молиться и плакать“. Большинство писателей, упоминающихъ о дѣятельности Кира [2]), восхваляетъ, главнымъ образомъ, строительную его дѣятельность (постройка стѣнъ и возобновленіе всего города) и изобрѣтеніе особаго рода вечерняго и ночного освѣщенія для мастерскихъ.

---

[1]) Chron. pasch. 589, 3; Theoph. Chronogr. p. 97, 13 (ed. de Boor).

[2]) Malalas, p. 361, 15; Chron. pasch., Theophanes, Cedrenus 1, 598, 22.

Въ извѣстіи Пасхальной хроники слѣдуетъ обратить вниманіе на выраженіе *ἐπενόησε*, которымъ указывается дѣйствительно на открытіе или изобрѣтеніе чего-либо новаго и доселѣ неизвѣстнаго. Здѣсь не можетъ быть рѣчи объ обыкновенномъ вечернемъ освѣщеніи мастерскихъ, такъ какъ способы ночного освѣщенія улицъ и публичныхъ мѣстъ были извѣстны и не составляли въ Константинополѣ необычнаго явленія. Въ статьѣ 3 устава питейныхъ заведеній, на которую выше обращено было вниманіе, говорится, что съ наступленіемъ ночного времени кабаки закрываются, и плошки тушатся. Никакъ нельзя сомнѣваться и въ томъ, что освѣтительное масло и горѣніе его въ плошкахъ было употребительно въ Константинополѣ и въ эпоху епарха Кира. Амміанъ Марцеллинъ [1]) хвалитъ ночное освѣщеніе въ Антіохіи, которое будто спорило съ дневнымъ свѣтомъ. Историкъ Кедринъ, разсказывая о пожарѣ во время бунта, извѣстнаго подъ названіемъ Ники, истребившемъ множество зданій, упоминаетъ о погибели дома, называемаго фонарнымъ, потому что по вечерамъ онъ горѣлъ огнями [2]). Этотъ такъ называемый домъ *λαμπτήρων*, имѣющій склады шелковыхъ товаровъ, которые по всей вѣроятности въ немъ и изготовлялись, до извѣстной степени можетъ быть сближенъ съ изобрѣтеніемъ епарха Кира для ночного освѣщенія мастерскихъ. Но въ чемъ заключается секретъ и новость изобрѣтенія, объ этомъ судить очень трудно. Что византійцамъ были извѣстны нѣкоторые искусственные способы освѣщенія и обогрѣванія, объ этомъ можно догадываться на основаніи извѣстія Кодина [3]) о баняхъ Зевксиппа, освѣщаемыхъ и въ то же время обогрѣваемыхъ посредствомъ особаго стекляннаго аппарата.

Въ качествѣ хозяина города епархъ имѣлъ попеченіе объ украшеніи его красивыми зданіями, объ устройствѣ театральныхъ представленій. Одной изъ важнѣйшихъ его заботъ было иллюминовать и украшать городъ по случаю праздниковъ, парадныхъ процессій царей и встрѣчъ важныхъ иностранцевъ. Любопытное извѣстіе объ

1) A. Marcellini lib. XIV (1, 9), ed. Teubneriana.

2) Cedreni 1. p. 648, 16: ᾤχετο τοίνυν σὺν τούτοις καὶ ὁ ἐκ τῶν φώτων τῶν κατὰ τὰς ἑσπέρας λαμπτήρων ἐπικαλούμενος οἶκος, ἐν ᾧ αἱ περιουσίαι τῶν ἐμπορευομένων τά τε σηρικὰ καὶ πολυτελῆ καὶ χρυσόπαστα.

3) Codinus, de Signis p. 36, 16: Ὁ δὲ Ζεύξιππος τὸ λουτρὸν ὑπὸ Σεβήρου κατεσκευάσθη καὶ ἐστοιχειώθη μετὰ κανδήλας ἅπτεσθαι ὑαλίνης, τὸ δὲ ὕδωρ ζέειν σφοδρῶς καὶ τὸν ἀέρα τοῦ λουτροῦ· ἀλόγιστοι δέ τινες ἐλθόντες τοῦτο κατέστρεψαν.

иллюминаціи Константинополя сохранилъ Кедринъ. Однажды въ городѣ распространился слухъ, что царь Юстиніанъ заболѣлъ и никого къ себѣ не принимаетъ. Начались мятежъ и грабежи. Тогда епархъ приказалъ зажечь иллюминацію въ ознаменованіе того, что царь выздоровѣлъ, и своеволія прекратились.

Только епархъ могъ располагать такими обширными средствами, чтобы въ короткое время привести городъ въ праздничный видъ по случаю торжественныхъ встрѣчъ и царскихъ выходовъ. Для этого у него были въ распоряженіи всѣ торговцы золотыми и серебряными вещами, всѣ фабрики и мастерскія, гдѣ изготовлялись шелковыя матеріи, и, наконецъ, торгующіе этими предметами. Къ торжественнымъ случаямъ улицы Константинополя чистились и украшались зеленью и цвѣтами, парадные залы дворца также украшались восточными тканями и драгоцѣнными предметами, взятыми или отъ поставщиковъ, или изъ церквей и разныхъ богоугодныхъ заведеній. Такъ, по поводу торжественнаго пріема сарацинскихъ пословъ, дворцовыя помѣщенія епархъ украсилъ пурпуровыми и шелковыми тканями, золотыми и серебряными предметами, эмалями и проч., особенно подробно описано украшеніе города по случаю возвращенія Василія Македонянина изъ похода [1]). Епархъ города украсилъ городъ отъ Золотыхъ воротъ до Халки лавромъ, розмариномъ, миртомъ, розами и другими цвѣтами и, кромѣ того, разноцвѣтными скарамангіями и тканями и паникадилами, весь путь усѣянъ былъ цвѣтами, а на долинѣ за Золотыми воротами были раскинуты шатры, гдѣ были плѣнники, и разставлена военная добыча. Все подобное убранство города называлось изящнымъ уборомъ, и украшенный такъ городъ сравнивался съ покоемъ новобрачныхъ [2]).

Политическія права населенія Константинополя выражались, кратко говоря, въ муниципальномъ правѣ италъянскихъ городовъ, что въ Византіи подразумѣвалось въ терминѣ *τὸ δίκαιον τῆς πόλεως*. Подъ суровымъ гнетомъ царей политическія права городовъ, однако, скоро ограничены были тѣсными предѣлами цирка и представленій, въ немъ даваемыхъ. Вслѣдствіе этого главнѣйшія свѣдѣнія о политическихъ правахъ городскихъ жителей почерпаются изъ извѣстій писателей о цирковыхъ партіяхъ. Исторія этихъ партій представляетъ,

1) De Cerimoniis 499, 10.

2) De Cerim. 505, 5: δίκην νυμφικῶν παστάδων.

однако, нѣкоторыя неясности и трудности. Историки предъявляютъ къ нимъ рѣзкія и суровыя обвиненія, хотя недостаточно опредѣляютъ происхожденіе этихъ партій и руководившіе бурными движеніями ихъ мотивы. Но такъ какъ подъ цирковыми партіями византійскихъ писателей слѣдуетъ подразумѣвать городской народъ, раздѣленный по димамъ—*οἱ δῆμοι*, то въ „неистовствахъ" и „безразсудствѣ" этихъ партій (*τὰ μέρη*) можно видѣть послѣдніе взрывы борьбы городовъ за политическія права. Въ этомъ смыслѣ вопросъ о цирковыхъ партіяхъ имѣетъ большой историческій интересъ. Въ виду крайней скудости матеріаловъ, касающихся димовъ и партій цирка, стоитъ обратить вниманіе на мало извѣстный памятникъ, находящійся нынѣ во дворѣ св. Ирины (рис. 29) и воздвигнутый въ честь цирковаго наѣздника Порфирія [1]).

Городскіе димы наполняютъ своими бурными волненіями исторію V и VI вѣковъ. Затѣмъ упоминанія о нихъ становятся все рѣже и рѣже,—признакъ, что правительствомъ нанесенъ былъ городамъ рѣшительный ударъ. Въ Константинополѣ было четыре дима: Венеты, Прасины, Левки и Русіи. Въ политическомъ и административномъ отношеніяхъ они находятся въ зависимости отъ димарха и димократа, высшихъ чиновъ въ византійской служебной табели, которые не имѣли отношенія къ дѣламъ ипподрома.

Чтобы понять значеніе городскихъ димовъ, нужно оцѣнить тѣ извѣстія писателей, въ которыхъ эти димы ставятся въ опредѣленное отношеніе къ власти полновластнаго хозяина Константинополя, городского епарха. Нельзя, прежде всего, не отмѣтить, что движенія и смуты такъ называемыхъ партій кроются въ неудовольствіи противъ правительства и въ частности противъ городского епарха, причемъ дороговизна хлѣба, военный постой, притѣсненія и взятки и т. п. почти всегда выставляются какъ главныя причины волненій. Изъ этого можно заключить, что въ городскихъ димахъ имѣемъ бытовое явленіе, коренящееся въ организаціи восточныхъ городовъ. Писатели, указывая демократическія тенденціи въ большихъ городахъ на Востокѣ, называютъ Антіохію очагомъ такихъ тенденцій. Правительство вело борьбу съ городскими димами какъ законода-

---

[1]) О немъ Mordtmann, „Esquisse topograpique", p. 68; Woodward, „Some notes on the Monument of Porphyrios" („The annual of the British School at Athenes", № XVII, Session 1910—1911).

Рис. 29. Памятникъ Порфирія.

тельнымъ, такъ и административнымъ путемъ, ограничивая права горожанъ и расширяя полномочія епарха. Для Константинополя кульминаціоннымъ періодомъ въ этомъ отношеніи было время епарха Өеодота при царѣ Іустинѣ I, въ началѣ VI в., для Антіохіи періодъ Константина Тарсея при Анастасіи, т.-е. конецъ V в. Особенно суровой мѣрой, возбуждавшей населеніе, было назначеніе городскихъ димовъ на военную службу. Первый случай такого рода отмѣченъ во время Юстиніана I и заключается въ слѣдующемъ. По случаю нападенія аваровъ и славянъ, которые прорвались черезъ Анастасіеву стѣну и угрожали самой столицѣ, масса крестьянскаго населенія изъ ближайшихъ деревень искала спасенія въ Константинополѣ. Юстиніанъ зачислилъ этихъ пришлыхъ людей въ городскіе димы и назначилъ ихъ на службу на Длинныя стѣны, построенныя Анастасіемъ. Военная повинность, къ которой привлекаются потомъ чаще и чаще городскіе димы, встрѣтила среди нихъ сильную оппозицію, но она послѣдовательно была потушена правительствомъ. Въ дальнѣйшемъ городскіе димы вполнѣ теряютъ свое политическое значеніе, о которомъ слабые намеки сохранились въ Придворномъ уставѣ Константина Порфиророднаго X вѣка, и всецѣло подчиняются вѣдомству епарха города.

Константинополь, какъ столица Византійской имперіи, будучи яркимъ выразителемъ Византинизма, характеризующаго религіозную, политическую и культурную жизнь народовъ, входившихъ въ составъ имперіи, въ своей исторіи и во внутреннемъ развитіи настолько тѣсно связанъ съ судьбами имперіи, что послѣдняя не можетъ быть изучаема безъ исторіи Константинополя. Можетъ-быть, ни одна столица не была такимъ полнымъ выразителемъ идей византійскаго государства, православія и оригинальной морали, какъ столица Византіи.

Въ настоящей главѣ будетъ поэтому умѣстно указать наиболѣе опредѣленныя черты, коими совмѣстно характеризуется какъ имперія, такъ и столица. Господствующимъ въ Византіи языкомъ былъ греческій; это былъ и церковный, и литературный языкъ. Имперія мало-по-малу освобождалась изъ-подъ вліянія латинскаго языка въ правѣ и въ администраціи, что было болѣе или менѣе достигнуто въ VI и VII вв. Можетъ-быть, слишкомъ искусственная связь, образовавшаяся между церковнымъ и литературнымъ языкомъ, съ одной

стороны, и идей православія, съ другой, ослабляли центробѣжную силу Византинизма и приготовили ему серьезныя преграды и оппозиціонныя стремленія на окраинахъ. Именно противъ деспотизма латинскаго языка и римскаго права на Востокѣ уже въ V в. появляется стремленіе приспособлять законники къ мѣстнымъ потребностямъ, передѣлывая ихъ на основаніи туземныхъ обычаевъ и мѣстнаго права на народный языкъ. То же можно сказать о восточномъ православіи, противъ котораго образовались разнообразныя вѣроученія и секты, опиравшіяся частью на національныя особенности, сросшіяся съ опредѣленными народными группами. Наиболѣе рѣзко выраженными этнографическими группами на Востокѣ нужно признать, кромѣ грековъ, которые, будучи весьма незначительными по числу какъ племенной элементъ, весьма импонировали языкомъ и культурой, были арабы, сирійцы и египтяне, которые оказали громадное вліяніе на организацію Византинизма въ первыя столѣтія его исторіи, придавъ ему и жившимъ подъ дѣйствіемъ его народностямъ отличительный культурный и психологическій типъ.

Весьма важнымъ обстоятельствомъ было то, что центръ тяжести Византинизма былъ на Востокѣ. Съ паденіемъ Западной имперіи на Константинополь перешла славная традиція Римской имперіи, которая во все время тысячелѣтняго существованія Византіи придавала ей особенный авторитетъ и значеніе въ глазахъ новыхъ народовъ. Въ то время, какъ Римъ и весь Западъ сдѣлались добычей варваровъ, Византія могла гордиться сознаніемъ, что одна она осталась очагомъ идеи имперіи и міровой культуры. И, дѣйствительно, византійскіе греки не переставали считать себя законными наслѣдниками Римской имперіи и пользовались всякимъ случаемъ, чтобы осуществить свои права. Они восприняли во всей совокупности литературу, искусство, право, административныя формы отъ Рима и продолжали развивать и приспособлять ихъ согласно новымъ потребностямъ. Такимъ образомъ въ Византіи продолжали развиваться всѣ тѣ культурныя формы, которыми жило человѣчество до конца V вѣка. На западѣ появляются новые народы, въ Византіи главный и господствующій этнографическій элементъ остался одинъ и тотъ же, и культурныя традиціи сохранились въ немъ безъ перерыва и перемѣнъ. Вслѣдствіе этого Византія могла пользоваться неисчерпаемымъ источникомъ готовой древней культуры, между тѣмъ какъ

на Западѣ новые народы должны были постепенно создавать свои собственныя условія жизни. Этотъ твердый и не подвергшійся разрушенію фундаментъ древнихъ вѣковъ и создалъ для Византіи ту удивительную устойчивость, которая такъ характеризуетъ ее. Съ одной стороны, постоянно идущая традиція, съ другой—чувство превосходства передъ другими націями придали Византіи извѣстный характеръ упрямства или упругости, которымъ отличаются древнія культуры. Это упорство въ защитѣ своихъ особенностей ограждало Византію отъ чужеземныхъ вліяній, но, съ другой стороны, уменьшило способность примѣняемости или искусства немедленно разобраться въ новой обстановкѣ и составить полный отчетъ о происходящихъ внутри и внѣ событіяхъ.

Исключительное положеніе столицы, безъ сомнѣнія, было однимъ изъ главныхъ устоевъ имперіи. Константинополь въ одно и то же время былъ прекраснымъ укрѣпленнымъ мѣстомъ, годнымъ для защиты отъ внѣшнихъ враговъ, и въ то же время весьма пригоднымъ для вооруженныхъ нападеній во всѣ стороны, приспособленъ для входа и выхода, для торговыхъ сношеній и прилива населенія. Государство, снабженное достаточнымъ флотомъ, могло господствовать надъ Средиземнымъ моремъ и быть недоступнымъ въ своемъ центральномъ укрѣпленіи; но и безъ морской силы Византія легко могла со своими сухопутными силами поддерживать связь съ противоположнымъ азіатскимъ берегомъ, откуда она черпала главныя свои лучшія силы во весь продолжительный періодъ своей исторіи. Константинополь давалъ тонъ другимъ городамъ имперіи. Его отличіе и преимущество отъ Антіохіи, Александріи, Солуни и Херсонеса заключалось въ томъ, что здѣсь жили императоръ и его дворъ. Вмѣстѣ съ высшимъ духовенствомъ, военными и гражданскими чинами и крупными землевладѣльцами, придворные образовали высшій вліятельный классъ въ Константинополѣ, служилую аристократію, которая отличалась консерватизмомъ въ дѣлахъ вѣры и политики и нерѣдко вмѣстѣ съ сенатомъ становилась на защиту традицій и устоевъ Византинизма. Сенатъ, какъ учрежденіе, современное основанію Константинополя, долго пользовался большимъ политическимъ значеніемъ и при вакантности трона, случавшейся весьма нерѣдко, становился во главѣ государства. При Юстиніанѣ I значеніе его понизилось, но все же это учрежденіе въ самыя трудныя эпохи имперіи являлось на

Рис. 30. Внутренній видъ базилики. Алтарь.

стражѣ національныхъ интересовъ. Просматривая длинный списокъ византійскихъ царей, мы должны признать, что, за исключеніемъ немногихъ ничтожностей, носившихъ корону, на первомъ планѣ стоятъ крупные и импозантные государи, умѣвшіе и командовать войсками, и мудро направлять гражданское управленіе.

Между византійскими голководцами и государственными дѣятелями также можно указать не мало весьма умныхъ и энергичныхъ дѣятелей, съ сознаніемъ долга исполнявшихъ важныя порученія. Вообще было бы ошибочно думать, что въ Византіи приходится имѣть дѣло лишь съ негодяями и жалкими евнухами.

Во всѣ времена византійскіе патріоты считали существеннымъ своимъ преимуществомъ передъ другими народами высокую образованность. Свою культуру и блага образованности превозносили они даже и тогда, когда на Западѣ начали оживать у новыхъ народовъ классическія преданія, но въ V и VI в. Константинополь безспорно былъ единственнымъ культурнымъ центромъ, гдѣ наука и искусство имѣли своихъ почитателей, и гдѣ было распространено среднее и высшее образованіе. Весьма извѣстно положеніе, что христіанскимъ просвѣщеніемъ и законодательствомъ Византія побѣждала некультурные народы, съ которыми ей приходилось имѣть дѣло; въ этомъ состояло политическое орудіе ея системы.

Въ Константинополѣ не умирали хорошія научныя традиціи, которыя немыслимы безъ средней и высшей школы. Правительство цѣнило образованіе и всѣми мѣрами старалось поддержать просвѣщеніе въ столицѣ Византійской имперіи. Такъ, въ 333 г. освобождены отъ муниципальныхъ должностей медики и профессора наукъ вмѣстѣ съ ихъ женами и дѣтьми, „дабы предоставить означеннымъ лицамъ всю необходимую свободу для занятій науками и искусствами и для преподаванія другимъ“. Въ 376 г. преподаватели наукъ приняты на казенное жалованье, при чемъ большимъ городамъ предоставлено право самимъ избирать своихъ профессоровъ, докторовъ и магистровъ. Уже приведенные факты достаточно свидѣтельствуютъ о заботахъ правительства къ сохраненію и развитію образованія, воспринятаго отъ древнихъ временъ.

Къ 425 г. относятся два акта, имѣющіе особенный интересъ для исторіи высшаго образованія въ самомъ Константинополѣ. Императоръ Θеодосій II однимъ закономъ установилъ штаты ученой кол-

легіи, которая поставлена въ особое положеніе и выдѣлена изъ состава обыкновеннаго учительскаго сословія, занимавшагося преподаваніемъ въ общественныхъ школахъ и въ частныхъ домахъ. Эта новая коллегія, которую можно назвать университетомъ, составляетъ спеціальное императорское учебное заведеніе, въ составъ коего входятъ 31 профессоръ. Оно раздѣляется на слѣдующія группы по спеціальностямъ:

1) три оратора для римскаго краснорѣчія;

2) десять грамматиковъ для римской словесности;

3) пять софистовъ для греческаго краснорѣчія;

4) десять грамматиковъ для греческой словесности;

5) одинъ философъ;

6) два профессора для преподаванія юридическихъ наукъ.

Этотъ законъ есть не что иное, какъ уставъ константинопольскаго университета, для котораго назначены особое зданіе и особый штатъ служащихъ. Законъ предусматриваетъ даже ту подробность, чтобы профессора преподавали каждый въ предоставленной ему аудиторіи, дабы не было помѣхи преподаванію отъ шума учениковъ и отъ смѣшенія разныхъ языковъ.

Другимъ законодательнымъ актомъ опредѣляются права этого ученаго учрежденія. Коллегія служащихъ въ немъ профессоровъ числится на государственной службѣ, имѣетъ особыя преимущества по табели о рангахъ и получаетъ одно изъ существенныхъ правъ коллегіальнаго учрежденія—оцѣнивать заслуги своихъ сочленовъ. При введеніи этого устава императоръ Ѳеодосій II возвелъ часть профессоровъ въ чинъ графства первой степени, уравнивавшій ихъ съ губернаторами провинцій; для другихъ профессоровъ открыты дороги къ почестямъ подъ условіемъ доброй нравственности, преподавательскихъ способностей, ораторскаго таланта и успѣшныхъ занятій наукой, если таковыя качества будутъ засвидѣтельствованы высокимъ совѣтомъ профессоровъ. По выслугѣ 20 лѣтъ и всѣ профессора имѣютъ право на этотъ чинъ графства первой степени. Въ уставѣ отмѣчаются нѣкоторыя черты организаціи жизни студентовъ въ большихъ городахъ. Каждый молодой человѣкъ, по прибытіи въ университетскій городъ, долженъ былъ заявиться у магистра ценза и представить ему документъ, свидѣтельствующій объ его происхожденіи и состояніи родителей. Кромѣ того, отъ него требовалось, чтобы онъ

указалъ разрядъ наукъ, которыми намѣренъ заниматься, и адресъ квартиры въ городѣ. Мѣстная полиція должна была слѣдить за поведеніемъ молодыхъ людей; въ случаѣ нарушенія дисциплины они подвергались наказанію и теряли право на пребываніе въ университетскомъ городѣ. Императоры, давая пріютъ наукѣ, заботились также объ образованіи библіотеки и о сохраненіи старыхъ рукописей, равно какъ о составленіи списковъ съ нихъ. Съ этой цѣлью была учреждена въ Константинополѣ комиссія изъ семи каллиграфовъ, въ коей было четыре спеціалиста для греческаго и три для латинскаго письма. Назначеніе комиссіи было дѣлать копіи со старыхъ кодексовъ и исправлять обветшалые. Такимъ путемъ могли сохраниться древнія рукописи, а равно развиваться въ Константинополѣ школа спеціалистовъ-каллиграфовъ. Извѣстно, что самъ Өеодосій II любилъ заниматься перепиской древнихъ кодексовъ и поощрялъ занятія каллиграфіей.

Нужно думать, что занимающее насъ ученое и учебное учрежденіе основано было поблизости отъ Большого дворца на древнемъ акрополѣ, почему и названо было школой профессоровъ Капитолія. Въ V в. эта мѣстность пострадала отъ пожара, уничтожившаго много публичныхъ зданій и, между прочимъ, царскую библіотеку. Если бы предполагать, что этимъ пожаромъ уничтожено было и зданіе университета, то самое учрежденіе могло сохраниться въ послѣдующіе вѣка. Никакъ нельзя думать, чтобы Юстиніанъ I, наложившій руку на аѳинскій университетъ по политическимъ соображеніямъ, могъ закрыть константинопольскую высшую школу, ибо извѣстно, что онъ покровительствовалъ изученію права и открылъ для этого предмета каѳедры въ существовавшихъ при немъ университетахъ: бейрутскомъ, римскомъ и константинопольскомъ. Историкъ Юстиніана Прокопій не говоритъ о закрытіи при немъ школъ, а о сокращеніи выдачи жалованья профессорамъ. Въ дальнѣйшемъ мы, впрочемъ, будемъ не разъ встрѣчаться съ высшей школой въ Константинополѣ. Вообще наука и искусство нигдѣ не пользовались въ средніе вѣка такимъ вниманіемъ, какъ въ Константинополѣ. И большинство литературныхъ и художественныхъ памятниковъ, сохранившихся по настоящее время отъ Византіи, или происходятъ изъ Константинополя, или имѣютъ къ нему отношеніе. Такимъ образомъ, не обинуясь, слѣдуетъ признать, что Константинополь былъ яркимъ

выразителемъ Византинизма, и что исторія Византійской имперіи не можетъ быть ни изложена, ни понята безъ параллельной исторіи Константинополя.

Есть прекрасное мѣсто, рисующее міровое значеніе Константинополя; оно читается у историка Іорнанда [1]). Императоръ Ѳеодосій Великій пригласилъ къ себѣ въ столицу остготскаго короля Атанариха. Вотъ какъ историкъ описываетъ произведенное столицей имперіи впечатлѣніе на варварскаго короля. „Атанарихъ, совершенно охотно принявъ приглашеніе, вступилъ въ царственный городъ и въ удивленіи сказалъ: теперь я вижу собственными глазами этотъ знаменитый городъ, о которомъ часто слышалъ съ недовѣріемъ. И, озираясь туда и сюда, онъ то восхищался положеніемъ города, то удивлялся каравану кораблей, то, смотря на знаменитыя стѣны и на множество народа изъ различныхъ племенъ, обильной волной стекающагося сюда, какъ войско въ боевомъ порядкѣ, въ одну рѣку съ разныхъ сторонъ, произнесъ: безъ сомнѣнія, императоръ есть земной богъ, и кто осмѣливается на него подняться, самъ будетъ виновенъ въ пролитіи собственной крови".

Въ заключеніе настоящей главы укажемъ на замѣчательный памятникъ ранняго византійскаго искусства, открытый при работахъ Русскаго Археологическаго Института въ мечети Имрахоръ, т.-е. въ древнемъ Студійскомъ монастырѣ. Всѣ сообщаемые рельефы найдены внутри базилики и служатъ драгоцѣннымъ, какъ съ точки зрѣнія исторіи искусства вообще, такъ и въ частности Студійскаго монастыря, памятникомъ важной роли, какая выпала на долю Константинополя въ культурномъ отношеніи (рис. 30). Три фототипіи, приложенныя къ этой главѣ, представляютъ фрагменты евангельской исторіи [2]).

1) Getica, ed. Mommsen, Monumenta Germaniae V. 1, p. 95 (c. CXXVIII).

2) Изслѣдованіе объ этихъ памятникахъ подготовляется къ печати ученымъ секретаремъ Института, Б. А. Панченко.

Глава IX.

Маркіанъ и Пульхерія. Халкидонскій соборъ. Общеисторическое значеніе 28-го канона. Левъ I. Федераты. Аспаръ и Ардавурій. Экспедиція въ Африку.

еожиданная смерть Θеодосія въ 450 г. открывала вопросъ о престолонаслѣдіи, такъ какъ у него не было прямого мужского потомства. Послѣ него осталась дочь Евдоксія, находившаяся въ замужествѣ за западнымъ императоромъ Валентиніаномъ III; кромѣ того, оставалась въ живыхъ, хотя едва ли могла имѣть притязанія на власть, императрица Евдокія, проводившая жизнь въ Іерусалимѣ; но всѣхъ ближе къ престолу была августа Пульхерія, по всѣмъ сохранившимся даннымъ, имѣвшая сильное вліяніе на политику. Въ смутное время религіозныхъ споровъ къ ней обращается съ письмами папа, равно она ведетъ переписку съ вліятельными лицами по дѣламъ церковнымъ. Вопросъ о вакантности престола она разрѣшила весьма своеобразно, но въ то же время и практично, пригласивъ къ соучастію въ правленіи стараго и опытнаго въ дѣлахъ Маркіана и утвердивъ его права бракомъ съ нимъ. Патріархъ Анатолій, избранный на мѣсто умершаго отъ горя и потрясеній Флавіана, совершилъ надъ новымъ императоромъ церковный обрядъ коронаціи, который съ тѣхъ поръ постепенно входитъ въ обычай во всѣхъ европейскихъ государствахъ.

Время было чрезвычайно тревожное, оно какъ-разъ совпадало съ походомъ Аттилы на Галлію. Но для Византійской имперіи на первомъ планѣ стояли религіозные вопросы. Любопытно, что мысль, впервые высказанная въ письмахъ папы Льва, согласно которой отъ правильной вѣры въ единую Троицу зависятъ единство и прочность

государства, вполнѣ была усвоена на Востокѣ и сдѣлалась руководящей въ церковной политикѣ. Ни для кого не оставалось сомнѣнія, что со смертью Ѳеодосія и устраненіемъ отъ дѣлъ евнуха Хрисаѳія долженъ наступить полный переворотъ въ церковныхъ дѣлахъ. Слишкомъ ставшій въ послѣднее время замѣтнымъ склонъ на сторону египетскихъ притязаній, чрезвычайно рѣзкіе и деспотическіе пріемы Діоскора александрійскаго, напомнившіе его предшественника на престолѣ Ѳеофила, подготовляли перемѣну въ настроеніи высшаго духовенства. Въ весьма оживленной перепискѣ папы съ императоромъ Маркіаномъ и Пульхеріей начинаетъ уже обсуждаться вопросъ о вселенскомъ соборѣ, на которомъ и самъ папа хотѣлъ бы быть лично, но только политическія и военныя событія могутъ, говорилъ онъ, ему помѣшать осуществить это желаніе. Какимъ важнымъ значеніемъ пользовалась царица Пульхерія, свидѣтельствуетъ преимущественно 79 письмо, въ которомъ ставится ей въ заслугу побѣда надъ Несторіемъ и Евтихіемъ, воздаются похвалы за поддержку, оказанную папскимъ легатамъ и притѣсняемымъ православнымъ епископамъ, равно какъ за честь, оказанную умершему въ ссылкѣ архіепископу Флавіану перенесеніемъ его тѣла въ Константинополь и погребеніемъ въ храмѣ Св. апостоловъ. И въ особенности нельзя не остановиться вниманіемъ на тѣхъ совѣтахъ, какіе даетъ папа по отношенію къ устройству церковныхъ дѣлъ, потрясенныхъ ученіемъ Евтихія и разбойническимъ соборомъ. Можно видѣть, что подготовлялась радикальная реформа въ Константинополѣ. Почти годъ спустя по смерти Ѳеодосія, эдиктомъ отъ 17 мая 451 г. Маркіанъ назначилъ открытіе собора на 1 сентября того же года въ Никеѣ. Но по случаю неспокойнаго положенія дѣлъ и въ желаніи имѣть личное наблюденіе за дѣлами собора, императоръ, уступая также жалобамъ на неудобства жизни въ Никеѣ, перенесъ мѣсто собраній въ Халкидонъ. Это знаменитый въ исторіи церкви IV вселенскій соборъ, положившій основаніе для многихъ существенныхъ во всемірной исторіи теченій и обусловившій развитіе дальнѣйшаго строя православной церкви на Востокѣ и отношеній западной церкви къ восточнымъ. Имѣя въ виду, что и по настоящее время по многимъ вопросамъ церковной жизни ученые канонисты должны обращаться къ канонамъ Халкидонскаго собора, и что восточная церковь въ своихъ отношеніяхъ къ западной, а равно и во всѣхъ спорахъ и притязаніяхъ восточныхъ національностей на церковную

и политическую самостоятельность имѣетъ самыя положительныя точки опоры въ постановленіяхъ и практикѣ эпохи Халкидонскаго собора, историкъ Византіи обязательно долженъ дать значительное мѣсто въ своемъ изложеніи дѣяніямъ этого собора.

Въ указѣ императоръ такъ выражаетъ цѣль созванія собора. Польза истинной вѣры и православія предпочтительнѣй всего въ мірѣ, ибо если Богъ къ намъ милостивъ, то и царство наше будетъ благоустроено. Такъ какъ возникли разногласія объ истинной вѣрѣ, то мы рѣшили собрать священный соборъ въ Никеѣ, дабы истина была изслѣдована въ единогласномъ мнѣніи всѣхъ и безъ пристрастія была выяснена истинная вѣра и дабы на будущее время никакихъ сомнѣній и никакихъ разномыслій объ этомъ не имѣло мѣста. Когда было получено въ Римѣ приглашеніе принять участіе въ соборѣ, папа назначилъ своими представителями епископа Пасхасина и пресвитера Бонифація, приказавъ имъ дѣйствовать въ согласіи съ бывшими уже въ Константинополѣ легатами, епископомъ Люценціемъ и пресвитеромъ Василіемъ, прямое представительство и предсѣдательство на соборѣ папа поручилъ епископу Пасхасину.

Императорскіе делегаты на соборѣ были слѣдующія лица, отмѣченныя въ протоколѣ засѣданія [1]), состоявшагося 8 октября 451 г. въ церкви св. мученицы Евфиміи: стратилатъ и бывшій консулъ, патрикій Анатолій, епархъ преторіи Палладій, епархъ города Татіанъ, магистръ оффикій Винкомалъ, комитъ доместиковъ Спаракій, комитъ приватныхъ дѣлъ Генеѳлій; сенаторы: бывшій консулъ и патрикій Флорентій, Сенапоръ, Моннъ, Протогенъ, Зоилъ, Ѳеодоръ, Аполлоній, Романъ, Константинъ и Евлогій, т.-е. 16 высшихъ придворныхъ и административныхъ чиновъ. Въ какое отношеніе поставлены они были къ папскимъ легатамъ, занимавшимъ предсѣдательское мѣсто, это можно вывести лишь изъ дѣлопроизводства и практики собора, такъ какъ права уполномоченныхъ со стороны императора представителей нигдѣ точно не опредѣлены. По аналогіи съ тѣмъ, какъ обозначены обязанности царскихъ делегатовъ на предыдущемъ Ефесскомъ соборѣ, можно думать, что имъ принадлежало наблюденіе за внѣшнимъ порядкомъ засѣданій и за правильностью хода въ дѣлопроизводствѣ: какой вопросъ ставить ранѣе, какой позже, когда за-

[1]) Mansi, „Concilia“, VI, col. 563.

крывать засѣданіе, какъ голосовать вопросъ и т. п. По всей вѣроятности имъ рекомендовано было не вмѣшиваться въ обсужденіе религіозныхъ вопросовъ, ограничиваясь здѣсь лишь наблюденіемъ за формой и предоставивъ весь авторитетъ папскому уполномоченному, который являлся на соборѣ не только первымъ членомъ, но отъ котораго зависѣла самая постановка вопросовъ на голосованіе. Вообще нельзя скрывать, что на Халкидонскомъ соборѣ было три латинскихъ епископа, и что главенство римской церкви въ дѣлахъ вѣры неоднократно выставлялось на видъ какъ самимъ папой и его уполномоченными, такъ и членами Халкидонскаго собора[1]. На соборѣ присутствовали затѣмъ архіепископы Константинополя, Антіохіи, Александріи и Іерусалима и представители почти всѣхъ восточныхъ, за исключеніемъ Египта, церквей, числомъ свыше 600 епископовъ. По своему составу этотъ вселенскій соборъ былъ хотя многочисленнѣе всѣхъ предыдущихъ, но состоялъ почти исключительно изъ грековъ и сирійцевъ, такъ какъ египетскій элементъ представленъ былъ весьма мало вслѣдствіе нашествія вандаловъ на Африку.

Первая задача собора была чисто-вѣроисповѣдная, предстояло разрѣшить вопросъ, возбужденный ученіемъ Евтихія и осложненный разбойническимъ соборомъ. Легатъ папы прямо и поставилъ этотъ вопросъ своимъ заявленіемъ: „Мы имѣемъ приказанія блаженнѣйшаго и апостолическаго епископа Рима, главы всѣхъ церквей, которыми воспрещается Діоскору засѣдать съ членами собора. Если онъ позволитъ себѣ это, то долженъ быть изгнанъ. Мы должны настоять на исполненіи этого приказанія и имѣемъ честь вамъ заявить: или онъ пусть оставитъ мѣсто, или мы“. Этотъ вопросъ имѣлъ очень рѣзкую постановку и встрѣтилъ замѣчаніе: какая провинность ставится на счетъ Діоскору? На это получился отвѣтъ со стороны второго легата: „Мы не можемъ допустить такого оскорбленія ни себѣ, ни вамъ, чтобы засѣдалъ съ нами тотъ, котораго будемъ судить. Онъ позволилъ себѣ безъ разрѣшенія папы составить соборъ, чего никогда не бывало и не должно быть“. Вслѣдствіе протеста папскихъ представителей Діоскору было приказано оставить свое мѣсто и занять другое не съ членами собора. Этотъ инциндентъ можетъ служить характеристикой того вліятельнаго положенія, какое занимали

---

[1]) Mansi, „Concilia“, VI, col. 147; Hefele, II, 421—3.

папскіе легаты. Затѣмъ непосредственно было предоставлено слово Евсевію дорилейскому, главному дѣятелю на Константинопольскомъ соборѣ противъ Евтихія. Онъ представилъ записку съ подробнымъ изложеніемъ несправедливостей и насильственныхъ дѣйствій, допущенныхъ Діоскоромъ какъ по отношенію къ Евсевію, такъ и къ другимъ лицамъ на разбойническомъ соборѣ. Кромѣ того, на Діоскора поступила жалоба со стороны нѣкоторыхъ египетскихъ епископовъ, въ которой были изложены разнообразныя вины Діоскора: безнравственное поведеніе, жестокости и несправедливыя дѣйствія, насилія и попраніе всяческихъ правъ. Судъ надъ Діоскоромъ сопровождался прочтеніемъ соборныхъ дѣяній и разныхъ актовъ и окончился осужденіемъ его и постановленій собора, на которомъ онъ предсѣдательствовалъ, а равно лишеніемъ его сана. По отношенію къ членамъ разбойническаго собора, подписавшимъ его дѣянія, Халкидонскій соборъ оказался болѣе милостивымъ. Какъ раскаявшіеся и какъ дѣйствовавшіе подъ угрозами Діоскора, они были прощены и оставлены въ своихъ званіяхъ. Въ концѣ перваго засѣданія прочитано было слѣдующее опредѣленіе. „Изъ прочтенія актовъ и изъ признанія многихъ епископовъ, бывшихъ на Ефесскомъ соборѣ и сознавшихся въ заблужденіи, ясно, что Флавіанъ и другіе осуждены неправильно. Посему было бы справедливо, если будетъ на то воля императора, присудить къ тому же наказанію руководителей прежняго собора: Діоскора александрійскаго, Ювенала іерусалимскаго, Ѳалассія кесарійскаго, Евсевія анкирскаго, Евстаѳія бейрутскаго и Василія селевкійскаго—и объявить ихъ лишенными епископскаго сана“. Но часть епископовъ просила о снисхожденіи, ссылаясь на то, что и они всѣ согрѣшили. Къ нимъ присоединилось большинство, подавая голосъ за лишеніе сана одного Діоскора и за прощеніе остальныхъ.

Второй вопросъ, предстоявшій обсужденію Халкидонскаго собора, касался вѣроученія. Нужно было найти такое изложеніе ученія о двухъ естествахъ во Христѣ, которое было бы далеко отъ крайностей несторіанства и монофизитства. Папа Левъ I изложилъ это ученіе въ знаменитомъ посланіи, Epistola dogmatica, отправленномъ къ архіепископу Флавіану въ 449 году, но оно не получило на Востокѣ значенія до Халкидонскаго собора. Теперь оно было прочитано на соборѣ и послужило вмѣстѣ съ ученіемъ Кирилла Александрій-

скаго матеріаломъ для опредѣленія, состоявшагося на пятомъ его засѣданіи 22 октября 451 г. Чрезвычайно важное въ догматическомъ отношеніи мѣсто опредѣленія собора, направленнаго противъ неправильныхъ ученій по христологическому вопросу, заключается въ слѣдующемъ[1]): „Послѣдуя св. отцамъ, всѣ согласно научаемъ исповѣдывать одного и того же Сына, Господа нашего Іисуса Христа, совершеннаго въ божествѣ, совершеннаго въ человѣчествѣ, истинно Бога, истинно человѣка, того же изъ разумной души и тѣла, единосущнаго Отцу по Божеству и того же единосущнаго намъ по человѣчеству, во всемъ подобнаго намъ, кромѣ грѣха, рожденнаго прежде вѣковъ отъ Отца по Божеству, а въ послѣдніе дни ради насъ и ради нашего спасенія отъ Маріи Дѣвы Богородицы по человѣчеству, одного и того же Христа Сына Господа единороднаго въ двухъ естествахъ неслитно, неизмѣнно, нераздѣльно, неразлучно познаваемаго (*ἐκ δύο φύσεων ἀσυγχύτως, ἀτρέπτως ἀδιαιρέτως, ἀχωρίστως γνωριζόμενον*), не въ два лица разсѣкаемаго или раздѣляемаго, но одного и того же Сына, Единороднаго, Бога Слова, Господа Іисуса Христа, какъ въ древности пророки о Немъ и какъ Самъ Господь Іисусъ Христосъ научилъ насъ, и какъ передалъ намъ символъ отцовъ".

Самымъ торжественнымъ было шестое засѣданіе, 25 октября, на которое прибыли царь и царица съ многочисленной свитой, и на которомъ происходило оффиціальное утвержденіе вѣроопредѣленія. Такимъ образомъ рѣшены были два вопроса, для которыхъ собственно и собирался IV вселенскій соборъ: разобрано дѣло о разбойничьемъ соборѣ и о самовольныхъ дѣйствіяхъ Діоскора, и составлено опредѣленіе вѣры по христологическому вопросу, надѣлавшему много смутъ въ церкви. По связи съ этими двумя главными слѣдствіями дѣятельности собора нужно разсматривать опредѣленія по отношенію къ отдѣльнымъ лицамъ. Таково опредѣленіе по отношенію къ блаженному Ѳеодориту, осужденному соборомъ Діоскора и возстановленному въ санѣ Халкидонскимъ соборомъ; таково же опредѣленіе относительно Ивы епископа эдесскаго. Нѣкоторымъ нарушеніемъ строя представлялось на соборѣ положеніе египетскихъ епископовъ, по случаю низложенія Діоскора оставшихся какъ бы безъ руководителя.

1) Mansi, „Sacrorum conciliorum nova collectio", VII, col. 116.

Но имъ было предоставлено дать свои подписи впослѣдствіи, когда будетъ поставленъ на александрійскую каѳедру новый архіепископъ.

Халкидонскій соборъ продолжался до 1 ноября включительно, когда происходило послѣднее и заключительное его засѣданіе. На этомъ засѣданіи произошелъ довольно непріятный инцидентъ, вызванный протестомъ папскихъ легатовъ противъ нѣкоторыхъ соборныхъ постановленій, касающихся каноническихъ правилъ. Именно епископъ Пасхасинъ сказалъ, что „вчера, послѣ удаленія съ собора царскихъ уполномоченныхъ и папскихъ легатовъ, составлены, повидимому, какіе-то акты, которые мы находимъ происшедшими вопреки канонамъ и церковной дисциплинѣ. Слѣдуетъ прочесть ихъ, чтобы все собраніе могло судить, правильны они, или нѣтъ". Тогда, съ разрѣшенія царскихъ уполномоченныхъ, архидіаконъ Аэцій объяснилъ, что были приведены въ порядокъ акты, касающіеся вѣры. „Вошло въ обычай—продолжалъ онъ,—что послѣ рѣшенія главныхъ вопросовъ обсуждаются и утверждаются и нѣкоторыя другія необходимыя дѣла. Такія дѣла есть и въ церкви Константинопольской, и мы предлагали епископамъ Рима принять участіе въ обсужденіи оныхъ, но они уклонились, ссылаясь на то, что не получили на то полномочій. Объ этомъ было доложено царскимъ уполномоченнымъ, которые разрѣшили предложить на обсужденіе собора, что окажется потребнымъ. Такъ какъ соборъ единогласно постановилъ заняться этими дѣлами, то, ясно, что дѣянія его не составляютъ тайны и не сдѣланы украдкой, но происходили въ полномъ и каноническомъ порядкѣ". Послѣ этого заявленія было прочитано извѣстное 28-е правило Халкидонскаго собора, состоящее въ слѣдующемъ: „Во всемъ согласуясь съ постановленіями святыхъ отцовъ и принимая во вниманіе только-что прочитанный канонъ 150 боголюбезнѣйшихъ епископовъ, то же самое и мы опредѣляемъ по отношенію къ преимуществамъ святѣйшей церкви Константинополя, новаго Рима. Святые отцы по справедливости надѣлили преимуществами каѳедру древняго Рима какъ императорской столицы, подобными же основаніями руководимые 150 боголюбезнѣйшихъ епископовъ таковыя же преимущества удѣлили святѣйшему трону новаго Рима, съ полнымъ основаніемъ разсуждая, что городъ, удостоившійся чести имѣть у себя царство и сенатъ и пользующійся одинаковыми преимуществами съ Римомъ, древнимъ столичнымъ городомъ, долженъ и въ церковномъ отно-

шеніи быть поставленъ на ту же высоту, какъ Римъ, и быть вторымъ послѣ него. Посему опредѣляемъ, чтобы вышепоименованный святѣйшій престолъ Константинопольской святѣйшей церкви имѣлъ право посвящать митрополитовъ діоцезъ Понта, Азіи и Ѳракіи, а въ тѣхъ областяхъ этихъ епархій, которыя заняты варварами, и епископовъ. Каждый митрополитъ названныхъ діоцезъ посвящаетъ епархіальныхъ епископовъ въ соучастіи епископовъ епархіи, согласно божественнымъ канонамъ; что же касается митрополитовъ вышесказанныхъ діоцезъ, то они, какъ объяснено, принимаютъ хиротонію отъ архіепископа Константинополя, послѣ того какъ получатъ по обычаю законное избраніе, и когда представлено будетъ объ этомъ увѣдомленіе“.

Прежде чѣмъ излагать послѣдовавшія на соборѣ пререканія по поводу 28-го канона и связанную съ нимъ переписку между папой и императоромъ, остановимся вниманіемъ на содержаніи этого акта, безспорно составляющаго эпоху въ исторіи Византіи по его разнообразнымъ послѣдствіямъ и приложеніямъ, частью въ ближайшія столѣтія, а частью и весьма отдаленныя отъ V вѣка. Значеніе этого канона важно по политическимъ изъ него выводамъ. Собственно канонъ редактированъ примѣнительно къ случаямъ, уже имѣвшимъ мѣсто въ практикѣ и соотвѣтственно историческимъ притязаніямъ Константинополя. Нельзя, кромѣ того, не указать на весьма выгодную именно для Константинополя постановку вопроса объ усвояемыхъ ему церковныхъ преимуществахъ ради его гражданскихъ и политическихъ правъ. Идетъ рѣчь не объ уравненіи его въ правахъ съ старымъ Римомъ, хотя и онъ также сталъ столицей имперіи, а лишь о возвышеніи его въ чести и о назначеніи ему мѣста прямо послѣ Рима. Составитель окончательной редакціи этого канона какъ-будто предвидѣлъ, что скоро наступитъ пора, когда древній Римъ не будетъ болѣе пользоваться тѣми политическими преимуществами, ради которыхъ ему усвояются преимущественная честь и преобладаніе, и что тогда новый Римъ будетъ имѣть всѣ основанія претендовать на его положеніе въ христіанскомъ мірѣ. Извѣстно, что эту точку зрѣнія приводилъ въ IX в. патріархъ Фотій въ своемъ спорѣ съ Римомъ. Не менѣе важныя послѣдствія могли быть выведены изъ той части разсматриваемаго канона, которая предоставляетъ константинопольскому архіепископу право посвященія епископовъ въ тѣхъ областяхъ

Понта, Азіи и Ѳракіи, которыя заселены варварами. Достаточно припомнить, что сюда могли относиться всѣ христіанскія миссіи на Востокѣ, въ южной Россіи и на Балканскомъ полуостровѣ, и всѣ тѣ пріобрѣтенія восточнаго духовенства, которыя съ теченіемъ времени могли быть сдѣланы въ указанныхъ областяхъ. Во всякомъ случаѣ на этой точкѣ зрѣнія стоятъ послѣдующіе греческіе канонисты, отстаивающіе права Константинопольскаго патріархата. Вотъ въ краткихъ словахъ всемірно-историческое значеніе 28-го канона, который былъ заслушанъ въ Халкидонѣ 1 ноября 451 года. Когда прочитано было 28-е правило, римскіе легаты заявили, что оно незаконно и стоитъ въ противорѣчіи съ постановленіемъ Никейскаго собора, что отцы собора введены въ обманъ, подписавшись подъ этимъ правиломъ. Но оказалось, что подъ протоколомъ засѣданія находится до 200 подписей, при чемъ многіе подписались за нѣсколькихъ членовъ. Императорскіе уполномоченные пригласили обѣ партіи представить подлинные акты, на которыхъ основываются ихъ положенія. Прочитаны 6-е правило Никейскаго и 1—3 правила Константинопольскаго собора. Такъ какъ въ пользу притязаній константинопольской каѳедры опредѣленно говорило только 3-е правило Константинопольскаго собора, то папскіе легаты утверждали, что Римъ не зналъ и не утверждалъ подобнаго правила. „Если бы—говорили они—эти преимущества были за Константинополемъ, то не настояло бы необходимости вновь подтверждать ихъ, а если ихъ не было, то ихъ слѣдуетъ отвергнуть какъ неканоническое нововведеніе. Въ концѣ концовъ, оказывалось, что обѣ партіи основывались на канонахъ, только римская на 6-омъ правилѣ никейскомъ, а греческая на 3-емъ правилѣ константинопольскомъ. Примирить партій не было возможно; ссылка на то, что подписи подъ 28-ымъ правиломъ были вынужденныя, также не подтвердилась. Тогда царскіе уполномоченные предложили слѣдующій проектъ опредѣленія. На основаніи вышеизложеннаго и принимая во вниманіе показанія обѣихъ сторонъ, „мы признаемъ, что первенство передъ всѣми и преимущество чести по канонамъ сохраняется за боголюбезнѣйшимъ архіепископомъ стараго Рима, но что и честнѣйшій архіепископъ Константинополя, новаго Рима, долженъ пользоваться тѣми же преимуществами чести, и что ему принадлежитъ самостоятельная власть въ правѣ рукоположенія митрополитовъ провинцій Азіи, Понта и Ѳракіи при томъ условіи, чтобы назначеніе

происходило между клириками каждой митрополіи, ктиторами и лучшими гражданами, а равно благочестивѣйшими епископами каждой епархіи, и чтобы по избраніи достойнаго для занятія митрополичьей каѳедры увѣдомить объ этомъ архіепископа Константинополя, отъ котораго будетъ зависѣть, пригласить ли его въ Константинополь для посвященія, или предоставить посвященіе епископамъ епархіи"... Соборъ единогласно принялъ это опредѣленіе, сопровождая его многолѣтіемъ императору. Папскій легатъ епископъ Люценцій сдѣлалъ слѣдующее заявленіе: „апостольскій престолъ препоручилъ намъ присутствовать на всѣхъ засѣданіяхъ. Такимъ образомъ, если что во вчерашнемъ засѣданіи, въ нашемъ отсутствіи, принято было вопреки каноновъ, то просимъ считать это какъ бы несостоявшимся. Въ противномъ случаѣ нашъ протестъ просимъ внести въ соборные акты, дабы намъ знать, какой сдѣлать докладъ апостольскому и всей церкви начальствующему епископу, дабы онъ самъ принялъ рѣшеніе какъ объ оскорбленіи, нанесенномъ его престолу, такъ и о нарушеніи каноновъ".—Этимъ протестомъ закончился Халкидонскій соборъ.

Ближайшими послѣдствіями Халкидонскаго собора было благопріятное рѣшеніе церковной смуты. Два важные вопроса—о соборѣ Діоскора и ученіе о двухъ естествахъ во Христѣ—рѣшены соборомъ окончательно и подтверждены авторитетомъ папскихъ легатовъ; это считалось безспорно важнымъ результатомъ, и на эту сторону обращаетъ главное вниманіе императорскій эдиктъ отъ 7 февраля 452 г., которымъ утверждены постановленія собора. „Исполнилось—говорится въ эдиктѣ—всеобщее ожиданіе, борьба о правой вѣрѣ прекратилась, и наступило единеніе въ народахъ. Теперь нѣтъ болѣе мѣста для вражды, ибо только безбожникъ можетъ думать, что послѣ приговора столь многихъ епископовъ осталось еще что-нибудь для рѣшенія собственнаго ума. Никто, какого бы званія и состоянія ни былъ, не смѣетъ заводить о вѣрѣ публичные споры. Если клирикъ будетъ обвиненъ въ публичныхъ спорахъ о вѣрѣ, то извергается изъ духовнаго сана, если военный—лишается званія, всѣмъ частнымъ людямъ угрожаетъ изгнаніе изъ столицы и преданіе суду". Еще суровѣй были мѣры противъ монофизитовъ, придерживавшихся ученія Евтихія. Имъ запрещены собранія, устройство общежитій и монастырей; собственники домовъ, давшіе имъ помѣщеніе, подвергаются тѣлесному наказанію и конфискаціи имущества. Еретикамъ запрещается

наслѣдовать по завѣщаніямъ и самимъ дѣлать завѣщанія. Книги еретическія осуждены на сожженіе, и всѣмъ сочинителямъ и распространителямъ ихъ угрожаетъ конфискація имущества и ссылка.

Но чрезвычайно важны были сношенія съ Римомъ, вызванныя 28-мъ канономъ и протестомъ противъ него легатовъ папы. По окончаніи собора къ папѣ было отправлено посланіе, въ которомъ дѣлался ретроспективный взглядъ на постановленія Халкидонскаго собора, и которымъ испрашивалось утвержденіе оныхъ. Это посланіе было разсчитано на то, чтобы побѣдить упорство папы ласкательствомъ и внѣшнимъ раболѣпіемъ и побудить его не дѣлать разрыва изъ-за второстепенныхъ вещей. Здѣсь его восхваляли какъ истолкователя мнѣній апостола Петра, какъ искуснаго руководителя для членовъ Халкидонскаго собора въ показаніи истины. Чрезъ своихъ легатовъ онъ владѣлъ гегемоніей надъ всѣмъ собраніемъ. Переходя затѣмъ къ дѣяніямъ собора, посланіе характеризуетъ „дикаго звѣря", бывшаго александрійскаго архіепископа, и его нечестивые поступки, какъ онъ дерзнулъ проявить свое бѣшенство относительно того, кто самимъ Спасителемъ поставленъ пастыремъ божественнаго винограда, и кто старается объединить тѣло церкви. Наложивъ на Діоскора справедливое наказаніе, соборъ устроилъ и другія дѣла при помощи Божіей и св. Евфиміи. Затѣмъ посланіе переходитъ къ самой главной части, возбудившей протестъ римскихъ легатовъ. „И другое нѣчто опредѣлено нами ради упорядоченія и утвержденія церковныхъ уставовъ въ убѣжденіи, что, ваше святѣйшество благоволите принять и утвердить наши постановленія. По установившемуся съ давнихъ лѣтъ обычаю святая константинопольская церковь посвящала митрополитовъ провинцій Азіи, Понта и Ѳракіи; нынѣ мы утвердили этотъ обычай соборнымъ опредѣленіемъ, не столько имѣя въ виду преимущества константинопольской каѳедры, сколько заботясь о добромъ порядкѣ въ означенныхъ митрополіяхъ, ибо по случаю смерти епископовъ тамъ часто возникаютъ смуты, и клирики и міряне, находясь безъ власти, возмущаютъ церковный порядокъ, что̀ не безызвѣстно и вашему святѣйшеству, такъ какъ безпорядки, особенно въ Ефесской церкви, нерѣдко доставляли вамъ безпокойство. Точно также мы утвердили канонъ св. отцовъ Константинопольскаго собора, которымъ усвояются Константинополю преимущества второго города послѣ вашего святѣйшаго и апостольскаго трона въ томъ убѣжде-

ніи, что такъ какъ свойственный вамъ апостольскій лучъ уже часто попечительно обнималъ константинопольскую церковь и обильно изливалъ на нее присущія вамъ блага, то и нынѣ ваше святѣйшество благоволите одобрить тѣ рѣшенія, кои нами приняты къ уничтоженію смуты и къ утвержденію церковнаго строя, какъ близкія вамъ, дорогія и способствующія прекрасному порядку мѣропріятія. Представители вашего святѣйшества пытались сильно возражать противъ означенныхъ постановленій, въ той вѣроятно мысли, чтобы какъ въ дѣлахъ вѣроученія, такъ и въ вопросахъ благочинія, починъ зависѣлъ отъ васъ и заслуга вмѣнялась вамъ. Мы же въ уваженіе къ тому, что таково было желаніе благочестивѣйшихъ и христолюбивыхъ царей, сената и всего царственнаго города, нашли благовременнымъ утвержденіе чести этой каѳедры на вселенскомъ соборѣ, и какъ бы дѣло, начатое твоей святостью и всегда согрѣваемое твоимъ участіемъ, мы рѣшились его принять на утвержденіе. Зная, какъ всякое событіе, случающееся съ дѣтьми, восходитъ къ родителямъ, просимъ почтить наше рѣшеніе своимъ согласіемъ, и подобно тому, какъ мы своей главѣ засвидѣтельствовали полное согласіе, такъ и глава да исполнитъ должное по отношенію къ своимъ дѣтямъ. Такъ доставлено будетъ удовольствіе и благочестивымъ царямъ, которые къ рѣшенію твоей святости относятся какъ къ закону, такъ будетъ оказано воздаяніе и трону константинопольскому, который въ дѣлѣ вѣры идетъ съ вами въ полномъ согласіи и ревностно соединился съ вами въ единомысліи. Дабы вы убѣдились, что мы ничего не сдѣлали изъ ласкательства, или изъ нерасположенія къ кому, а лишь повинуясь внушеніямъ Божіимъ, мы довели до вашего свѣдѣнія все содержаніе нашихъ дѣяній въ наше оправданіе и въ доказательство и въ утвержденіе нашихъ постановленій“ [1]).

Точка зрѣнія этого посланія повторяется въ письмахъ императора и епископа Константинополя Анатолія, отправленныхъ къ папѣ. Въ письмѣ послѣдняго въ особенности сказано много лестнаго для римскаго престола. „Подтверждая на соборѣ канонъ собора 150, мы думали, что честь этого престола папа приметъ за свою собственную честь, такъ какъ онъ столько оказывалъ заботы и попеченія о константинопольской каѳедрѣ“. Желая, далѣе, побудить папу дать

[1]) Mansi, VII, 148—155.

свое согласіе на утвержденіе 28-го канона, патріархъ Анатолій говоритъ, что даруемыя его престолу преимущества онъ будетъ разсматривать какъ особенную милость, идущую отъ римской каѳедры, и что постановленія, касающіяся посвященія митрополитовъ въ трехъ провинціяхъ, скорѣй могутъ быть разсматриваемы какъ умаленіе тѣхъ правъ, какими Константинополь пользовался уже 60—70 лѣтъ, посвящая и большую часть епископовъ тѣхъ провинцій.—Но папа Левъ не менѣе хорошо понималъ значеніе проведеннаго на Халкидонскомъ соборѣ канона, какъ и константинопольское свѣтское и духовное правительство. Поэтому всѣ представленія и ходатайства передъ нимъ остались тщетны. Отвѣтъ изъ Рима послѣдовалъ отъ 22 мая 452 года и по своему содержанію былъ вполнѣ отрицателенъ по отношенію къ 28-му канону.

Основанія къ несогласію приведены слѣдующія: 1) Константинополь не имѣетъ никакого права на такое увеличеніе правъ. Хотя въ немъ находится царская резиденція, но константинопольская каѳедра не апостольскаго происхожденія. Гражданское преимущество города не имѣетъ вліянія на его церковное положеніе. 2) Канонъ 28-ой находится въ противорѣчіи съ привилегіями Александріи и Антіохіи и съ правами провинціальныхъ митрополитовъ, не согласенъ съ 6-мъ правиломъ Никейскаго собора и постановленіями отцовъ. 3) Это постановленіе есть слѣдствіе честолюбивыхъ домогательствъ и угрожаетъ опасной смутой для церкви. Такимъ образомъ, одобряя постановленія собора по отношенію къ Діоскору и утверждая вѣроученіе, папа авторитетомъ св. Петра призналъ недѣйствительнымъ 28-й канонъ Халкидонскаго собора.

Тѣмъ не менѣе, постановленія Халкидонскаго собора по отношенію къ константинопольской каѳедрѣ получили капитальное значеніе въ исторіи Византіи и легли въ основаніе дальнѣйшихъ церковныхъ отношеній между Римомъ и Константинополемъ. Легко понять, что здѣсь мы не исчерпали всѣхъ послѣдствій занимающаго насъ всемірно-историческаго факта, и будемъ имѣть случай неоднократно къ нему возвращаться. Ближайшія слѣдствія Халкидонскаго собора обнаружились въ томъ, что послѣдовалъ рядъ строгихъ законовъ противъ еретиковъ и главнымъ образомъ противъ монофизитовъ. Ихъ стали наказывать ссылкой и заточеніемъ, еретическія сочиненія подверглись уничтоженію. Виновники церковнаго нестроенія, Діоскоръ и Евтихій,

сосланы въ отдаленныя области страны.—Но оказался сильный протестъ противъ халкидонскихъ постановленій въ самой Византіи. Египетъ, Сирія и Палестина, а также Арменія отдѣлились отъ церковнаго единенія и усвоили себѣ монофизитство, которое частью остается въ указанныхъ странахъ и до сихъ поръ. Постановленія Халкидонскаго собора дали поводъ къ обнаруженію этнографическихъ особенностей въ составѣ Византійской имперіи. Чрезвычайно важнымъ обстоятельствомъ для дальнѣйшей эволюціи нужно признать то, что слѣдствія халкидонскихъ постановленій обнаружились въ эпоху самаго процесса организаціи Византинизма. Сильное преобладаніе эллинскихъ элементовъ на самомъ соборѣ имѣло слѣдствіемъ то, что важные національные элементы—египетскій и сирійскій,—игравшіе первостепенное значеніе въ первые четыре вѣка христіанской эры, отдѣляются во второй половинѣ V вѣка отъ господствующей церкви и лишаютъ ее, а равно и созданное по церковнымъ началамъ Византійское государство, творческой созидающей силы. — Одинъ эпизодъ, послѣдовавшій за Халкидонскимъ соборомъ, чрезвычайно ярко характеризуетъ положеніе дѣла. Монахъ Ѳеодосій, египетскаго происхожденія, бывшій въ соборѣ, поднялъ въ Палестинѣ народное возстаніе, во главѣ котораго стояло до 10000 палестинскихъ монаховъ. Ѳеодосій говорилъ, что соборъ измѣнилъ вѣрѣ и принялъ несторіанство. Итакъ, утверждая во Христѣ одно естество, Ѳеодосій и его приверженцы начали возстаніе въ пользу осужденнаго на соборѣ ученія. Имъ подала руку жившая въ Іерусалимѣ супруга императора Ѳеодосія II, Евдокія, можетъ-быть, выразившая тѣмъ свое нерасположеніе къ царицѣ Пульхеріи. Изгнавъ изъ Іерусалима епископа Ювенала, повстанцы избрали на его мѣсто Ѳеодосія и начали гоненіе на діофизитовъ. Движеніе распространилось на Египетъ, гдѣ противъ собора были даже нѣкоторые епископы. Хотя принятыми правительствомъ мѣрами политическій характеръ движенія былъ уничтоженъ, но религіозная рознь нашла себѣ выраженіе въ національныхъ особенностяхъ восточныхъ народностей, такъ что монофизитство удержалось здѣсь во весь періодъ существованія Византійской имперіи и насчитываетъ даже нынѣ не менѣе 5 милліоновъ.

Переходя къ внѣшнимъ событіямъ кратковременнаго царствованія Маркіана (450—457), можемъ замѣтить, что онѣ не имѣютъ ни той напряженности въ преслѣдованіи разъ поставленной цѣли, ни того

значенія, какъ церковная политика. Важнѣйшимъ событіемъ въ это время было движеніе Аттилы на западъ, освободившее Константинополь отъ грозной опасности гуннскаго нашествія и давшее царю Маркіану возможность провести и защитить халкидонскія постановленія. Мирная политика вполнѣ отвѣчала и наклонностямъ царицы Пульхеріи, которая умерла, впрочемъ, скоро послѣ собора, именно въ 453 году, и самого Маркіана. Но можно догадываться, что внѣшняя политика была направляема въ это время весьма искусной рукой, что сказалось въ обстоятельствахъ, при которыхъ вступилъ на престолъ преемникъ Маркіана, Левъ I.

Возведеніе на престолъ Льва, какъ и его предшественника, было дѣломъ военнаго сословія. Со времени Ѳеодосія Великаго военная система въ имперіи подверглась радикальной перемѣнѣ, которая состояла въ томъ, что правительство стало приглашать на службу имперіи или цѣлыя варварскія, по преимуществу германскаго происхожденія, племена, или отдѣльныхъ военныхъ людей съ дружинами, находящимися подъ ихъ командой. Эта новая система имѣла ближайшимъ послѣдствіемъ то, что какъ столица, такъ и отдаленныя провинціи имперіи получили значительный наплывъ иностранныхъ военныхъ людей, которые начали играть роль даже во внутреннихъ дѣлахъ имперіи. Уже въ концѣ IV вѣка раздаются жалобы на этотъ порядокъ вещей и на опасность, угрожающую государству отъ чрезмѣрнаго усиленія варваровъ. Въ теченіе V вѣка, однако, новая система продолжала оставаться въ полной силѣ, не сопровождаясь тѣми вредными послѣдствіями, на которыя намекали патріоты въ IV в., и которыя въ Западной имперіи неминуемо привели имперію къ паденію. До послѣдней четверти V вѣка наиболѣе обычными были отряды германскаго и чаще готскаго происхожденія, нанимаемые изъ племенъ, населявшихъ Балканскій полуостровъ. Здѣсь насъ по преимуществу занимаетъ та часть германскихъ и другихъ варварскихъ племенъ или просто военныхъ дружинъ, которая долго была извѣстна въ Византіи подъ именемъ федератовъ. Какъ показываетъ самое имя, это были племена или отряды, стоявшіе въ опредѣленнаго рода договорныхъ отношеніяхъ къ правительству и служба которыхъ обусловливалась статьями договора. Большею частью федераты служили за жалованье, выдаваемое предводителю или князю племени, на обязанности котораго было содержать въ порядкѣ дружину и предоста-

влять ее въ распоряженіе имперіи, судя по обстоятельствамъ и потребностямъ времени.

Болѣе выдающіеся германцы, въ особенности предводители колѣнъ и начальники дружинъ, переселялись въ большіе города и столицу, усвояли языкъ и обычаи имперіи, получали вкусъ къ образованію, такъ что черезъ два-три поколѣнія вполнѣ ассимилировались съ господствующимъ населеніемъ. Въ V вѣкѣ находимъ въ военной и гражданской администраціи варварскія имена консуловъ, предводителей войска и сенаторовъ, ближайшіе предки коихъ были свободными сынами германскихъ лѣсовъ. Федераты оказали громадное вліяніе на военную организацію имперіи и произвели въ ней крупныя измѣненія. Въ царствованіе Льва I особенной извѣстностью пользуется могущественный родъ готскаго происхожденія, который въ теченіе трехъ поколѣній послѣдовательно отъ отца къ сыну владѣлъ высшими гражданскими и военными должностями и который поставилъ имперіи не одного императора. Въ этомъ знатномъ родѣ, идущемъ отъ Аспара, въ трехъ поколѣніяхъ повторялись имена Аспара и Ардавурія. Судьба фамиліи Аспара на византійской службѣ въ высшей степени ярко характеризуетъ описываемую эпоху, и потому мы должны остановить на ней вниманіе. Первое упоминаніе объ этой фамиліи имѣется при Өеодосіи II, подъ 421 годомъ. Тогда стратигъ Ардавурій былъ во главѣ отряда, посланнаго противъ персовъ.

Нѣсколько лѣтъ спустя Ардавурій и сынъ его Аспаръ командовали войсками въ Италіи противъ бунтовщика Іоанна, при чемъ отецъ стоялъ во главѣ пѣхоты, а сынъ во главѣ конницы. Въ 427 г. Ардавурій назначенъ консуломъ. Сынъ его Аспаръ въ 431 г. стоялъ во главѣ флота и войска, отправленнаго въ Африку противъ Гензериха, короля вандаловъ, при чемъ позднѣйшій греческій писатель Өеофанъ приписываетъ неуспѣхъ экспедиціи измѣнѣ Аспара и его аріанству. Въ 434 г. Аспаръ былъ патриціемъ и консуломъ; въ 441 г. онъ упоминается въ званіи главнокомандующаго войсками Востока, въ каковомъ званіи участвуетъ въ 447 г. въ походѣ противъ Аттилы; въ томъ же году былъ консуломъ сынъ Аспара, Ардавурій. Въ 450 г., по смерти Өеодосія, фамилія Аспара выдвигаетъ Маркіана на императорскій престолъ. Съ тѣхъ поръ званіе главнокомандующаго восточными войсками остается за представителемъ этой фамиліи при Маркіанѣ и Львѣ I. Особеннымъ авторитетомъ пользуются представи-

тели этого рода при восшествіи на престолъ Льва. Было мнѣніе, что они дали отраву Маркіану. Во всякомъ случаѣ, единственнымъ препятствіемъ къ занятію императорскаго трона для этой могущественной фамиліи былъ религіозный вопросъ: Аспаръ и Ардавурій и ихъ приверженцы исповѣдывали аріанское ученіе. Говорятъ, что Левъ состоялъ въ личной службѣ у Аспара, и что послѣдній, возводя на престолъ свою креатуру, надѣялся посредствомъ Льва достигнуть высшей власти и вліянія. Однимъ изъ условій было дарованіе сана кесаря сыну Аспара. Но это чрезмѣрное возвышеніе недавнихъ варваровъ встрѣтило недовольство въ сенатѣ и народѣ. Аспаръ принималъ серьезныя мѣры, чтобы заявить себя благодѣтелемъ народа и патріотомъ. Въ 459 г. имъ построена въ Константинополѣ цистерна, сохранившая его имя; въ 465 г., по случаю бывшаго въ столицѣ пожара, истребившаго 8 кварталовъ, Аспаръ подавалъ примѣръ человѣколюбія, самъ нося воду и поощряя другихъ денежными выдачами тушить пожаръ. Но императору нерѣдко приходилось ограничивать притязанія Аспара, вслѣдствіе чего между ними происходили иногда горячія объясненія. Такъ, разъ Левъ не исполнилъ желанія Аспара относительно назначенія префекта, тогда Аспаръ, касаясь царской одежды, сказалъ: „кто ее носитъ, тотъ не долженъ лгать"! По всѣмъ вѣроятіямъ эта фамилія пользовалась еще всѣмъ вліяніемъ въ 468 году, когда состоялась экспедиція въ Африку противъ вандаловъ, имѣвшая чрезвычайно печальныя послѣдствія. За неудачный исходъ этой экспедиціи и за назначеніе во главѣ ея Василиска современники обвиняли, главнымъ образомъ, Аспара. На сколько справедливы эти обвиненія, мы увидимъ это ниже. Несомнѣннымъ слѣдуетъ признать то, что въ V вѣкѣ была въ Византіи серьезная попытка захватить политическую власть и сдѣлать царскій престолъ игрушкой въ рукахъ предводителей варварскихъ военныхъ отрядовъ, состоявшихъ на службѣ имперіи. Германскіе предводители дружинъ, достигавшіе высшихъ военныхъ мѣстъ въ имперіи, каковы Аспаръ и Ардавурій, соединенные племенными и родственными узами съ другими вождями, напримѣръ, Аріобиндъ и Ѳеодорикъ, сынъ Тріарія, ставили на императорскій престолъ своихъ приверженцевъ и сами не рѣшались возложить на себя корону лишь изъ-за религіозныхъ причинъ.

Въ высшей степени любопытно, что въ Византіи противъ этого

порядка вещей оказалась оппозиція. Императоръ Левъ I, понимая опасность въ усиливающемся германскомъ вліяніи, подготовилъ ему противовѣсъ въ національныхъ военныхъ элементахъ. Будущій императоръ Зинонъ, происходящій изъ горнаго и воинственнаго племени исавровъ, постепенно приближается ко двору и оттѣсняетъ германскій элементъ. За него была выдана дочь Льва Аркадія, на 469 г. онъ состоялъ консуломъ. Въ 471 г. окончательно сломлено могущество германцевъ въ арміи, при чемъ въ кровавой катастрофѣ погибли Аспаръ, Ардавурій и Патрикій. Это было роковымъ обстоятельствомъ для германскаго преобладанія, которое никогда уже не достигало болѣе въ Византіи такой силы, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, поворотнымъ пунктомъ въ системѣ организаціи военныхъ силъ имперіи. Византійское правительство должно было, однако, считаться съ приверженцами Аспара и Ардавурія какъ въ самомъ Константинополѣ, такъ и на границѣ имперіи. Прежде всего въ городѣ поднялась смута, одинъ изъ дружинниковъ Аспара, по имени Острый, пытался завязать бой съ дворцовой стражей, при чемъ были убиты многіе. Когда германское движеніе было усмирено, Острый успѣлъ спастись изъ города вмѣстѣ съ наложницей Аспара и подвергъ грабежу нѣкоторыя мѣстности во Ѳракіи. Болѣе серьезнымъ защитникомъ германскихъ привилегій и вмѣстѣ претендентомъ на имущество Аспара явился вождь Ѳеодорихъ, сынъ Тріарія, котораго не слѣдуетъ смѣшивать съ соименнымъ основателемъ готскаго королевства въ Италіи, и который открыто говорилъ, что германцы, одни безъ греческихъ войскъ, въ состояніи удовлетворить потребностямъ имперіи. Упомянутый Ѳеодорихъ, состоявшій на службѣ имперіи въ качествѣ федерата, выступилъ съ притязаніями на наслѣдство Аспара. Византійское правительство, соглашаясь дать ему удовлетвореніе, вступаетъ съ нимъ въ договоръ, о которомъ сохранились весьма подробныя извѣстія, рисующія институтъ федератовъ. Имперское казначейство обязывалось выдавать федератамъ жалованье и содержаніе, а предводителя федератовъ облекало военнымъ титуломъ. Эти выдачи были довольно обременительны и не всегда исправно производились. При возникшихъ недоразумѣніяхъ съ правительствомъ вождь федератовъ угрожалъ движеніемъ на столицу и вообще бунтомъ.

Узнавъ, что Ѳеодорихъ, сынъ Тріарія, собираетъ дружину и готовитъ нападеніе, правительство обращается къ нему съ предложе-

ніемъ оставить враждебные замыслы, дать сына въ заложники и жить спокойно, довольствуясь прежними денежными выдачами. Этотъ же указывалъ, что онъ не можетъ жить скромно на свои средства, что пока онъ былъ частнымъ лицомъ и не имѣлъ у себя такой дружины, еще могъ бы по нуждѣ удовлетворяться скромнымъ состояніемъ; нынѣ же, когда его поставили въ необходимость собрать народъ, онъ вынужденъ или давать пропитаніе своей дружинѣ, или воевать съ имперіей. Когда всѣ мѣры къ замиренію съ Θеодорихомъ на болѣе выгодныхъ для имперіи условіяхъ оказались безуспѣшными, императоръ рѣшился исполнить предъявленныя къ нему требованія. Именно, выдавать жалованье 13-ти тысячамъ военныхъ людей, подвластныхъ Θеодориху, назначить его командиромъ двухъ частей, записать на него тѣ владѣнія, которыя прежде были ему пожалованы, и, наконецъ, дать ему титулъ стратига. Окончательныя распоряженія въ этомъ отношеніи сдѣланы были уже при Зинонѣ, который находился по отношенію къ германскимъ вождямъ въ болѣе независимомъ положеніи, чѣмъ его предшественникъ. Вмѣстѣ съ низверженіемъ Аспара и Ардавурія лишились своего самостоятельнаго положенія въ Константинополѣ аріанская церковь и богослуженіе.

Во Флоренціи, во дворцѣ dei Uffici хранится серебряное блюдо, изображающее семью Аспара-Ардавурія во всемъ ихъ оффиціальномъ блескѣ. Въ серединѣ на креслѣ сидитъ одѣтымъ въ тогу консулъ Аспаръ (рис. 31). Правая его рука поднята и держитъ маппу—знакъ его власти на публичныхъ собраніяхъ и праздникахъ; въ лѣвой—жезлъ съ изображеніями двухъ тогдашнихъ императоровъ, восточнаго и западнаго, т.-е. Θеодосія II и Валентиніана. По правую его сторону юноша, одѣтый въ тогу, съ маппой въ лѣвой рукѣ; подпись обозначаетъ, что это Ardabur iunior pretor. По ту и другую сторону отъ этихъ фигуръ два изображенія: въ мужскомъ съ шаромъ въ одной рукѣ и съ аллебардой въ другой—можно бы видѣть воина, въ женской же, у которой въ лѣвой рукѣ вѣтка растенія, въ правой—такое же, какъ у мужской фигуры, оружіе, никакъ нельзя усматривать символъ вооруженной охраны, тѣмъ болѣе, что головное убранство этой фигуры состоитъ изъ колосьевъ и цвѣтовъ, символизующихъ плодородіе и обиліе. До сихъ поръ даваемое объясненіе этимъ фигурамъ не вполнѣ установилось. По однимъ, это—Римъ и Константинополь, по другимъ—Сила и Обиліе; нѣкоторые, наконецъ, объясняютъ эти фигуры въ смыслѣ Рима и Ра-

венны [1]). Но указанными объясненіями не исчерпывается сюжетъ, очевидно слѣдуетъ ждать дальнѣйшихъ изысканій по объясненію нашего памятника. Надъ центральными фигурами находятся еще два медальона съ бюстами, представляющими лицъ изъ той же фамиліи. Одинъ бюстъ имѣетъ надписаніе Ardabur, другой Plinta. Ардавуръ и

Рис. 31. Серебряное блюдо съ изображеніемъ Аспара и его семьи.

Плинта также въ консульскихъ облаченіяхъ и съ императорскими изображеніями на жезлахъ, находящихся у каждаго изъ нихъ въ лѣвой рукѣ. Такимъ образомъ здѣсь представлены четыре члена семьи, державшей въ своихъ рукахъ высшую власть въ Константинополѣ въ V в.

[1]) Odobesco, „Le tresor de Petrossa“, I, p. 160, 493 (Paris, 1900).

до катастрофы 471 года. Кругомъ блюда надпись, посвященная главному лицу: Flavius Ardaburius Aspar vir inlustris comes et magister militum et consul ordinarius. Нельзя, конечно, не обратить вниманія на praenomen Flavius, которымъ украсили себя Аспары-Ардавуріи; это—царскій praenomen династіи, которая доставила имъ могущество и власть. Внизу, подъ главными фигурами, находятся нѣсколько предметовъ, въ которыхъ нужно видѣть или символы консульской власти—таковы три наконечника копья, или символы щедрыхъ даровъ, раздаваемыхъ консуломъ, или, наконецъ, эмблемы занятій.

Весьма важнымъ политическимъ событіемъ времени Льва I была морская экспедиція въ Африку, предпринятая совокупными силами обѣихъ половинъ имперіи. Вандалы, какъ и ближайшее къ нимъ племя готы, играли въ судьбахъ имперіи крупную роль, первые, впрочемъ, болѣе разрушительную, чѣмъ созидательную. Это именно наиболѣе даровитые и близко родственные между собой германскіе народы, принявшіе аріанство и принесенные въ жертву идеѣ религіознаго единства въ VI в. Вандалы погибли безслѣдно какъ народъ, память о нихъ хранится въ звучномъ словѣ вандализмъ, имѣющемъ всемірную извѣстность. Въ V вѣкѣ, увлекаемые теченіемъ, созданнымъ гуннскимъ движеніемъ, вандалы, въ союзѣ съ свевами и аланами, перешли изъ Галліи въ Испанію и, подѣливъ между собой эту цвѣтущую страну, вытѣснили изъ нея римское правительство. Вождь вандальскаго племени Астинговъ успѣлъ въ 418 г. соединить подъ своей властью аланъ и вандаловъ и образовалъ въ Испаніи германское королевство. Въ 427 г. вандалы были приглашены въ Африку возмутившимся противъ своего правительства римскимъ намѣстникомъ Бонифаціемъ. Вслѣдствіе этого произошло движеніе всего народа вандаловъ въ провинцію Африку и завоеваніе ея королемъ Гейзарихомъ (онъ же Гензерихъ). Правительница Западной имперіи, вдовая императрица Плацидія и Валентиніанъ III должны были признать актъ завоеванія Африки, уступивъ эту провинцію вандаламъ по договору 435 года. Карѳагенъ сталъ столицей германскаго королевства. Богатая по плодородію и по высокой культурѣ страна не измѣнила, однако, національнаго духа вандаловъ и не пріучила ихъ къ мирнымъ занятіямъ. Вандалы обратились къ морскимъ набѣгамъ на Сицилію и Италію и на острова и сдѣлались извѣстными морскими разбойниками. Въ 450 г., пользуясь смутными событіями въ

Римѣ, Гейзарихъ захватилъ этотъ городъ и подвергъ его страшному разграбленію. Въ числѣ отмѣнной добычи была императрица Евдоксія, дочь Ѳеодосія II, бывшая за императоромъ Валентиніаномъ III, съ двумя дочерьми, Евдокіей и Плацидіей. Онѣ оставались у вандаловъ до 462 года, когда, наконецъ, были выпущены на свободу и препровождены въ Константинополь, за исключеніемъ принцессы Плацидіи, вышедшей замужъ за Гунериха, сына Гейзариха. Это было крайне тяжелымъ фактомъ, взволновавшимъ общественное мнѣніе на Западѣ и Востокѣ и въ особенности оскорбительнымъ для авторитета императорской семьи въ Константинополѣ. Вандалы не обнаруживали никакого желанія удовлетвориться сдѣланными завоеваніями и распространяли свои набѣги далѣе и далѣе, угрожая границамъ Восточной имперіи. Африка, бывшая житницей для имперіи, была теперь отрѣзана отъ Рима и Константинополя и угрожала страшными морскими разбойниками прибрежнымъ областямъ Средиземнаго моря.

Легкій успѣхъ, съ какимъ вандалы утвердились въ Африкѣ, странѣ весьма густо населенной и хорошо организованной въ административномъ отношеніи, объясняется, главнымъ образомъ, религіозными смутами и суровыми законами противъ еретиковъ. Донатисты, часть аріанъ и другіе несогласные съ господствующимъ вѣроученіемъ видѣли въ германскихъ завоевателяхъ аріанскаго исповѣданія освободителей отъ религіозной нетерпимости и оказывали имъ всяческое содѣйствіе въ надеждѣ подъ господствомъ вандаловъ свести счеты съ православными.

Между тѣмъ царь Левъ I не могъ оставаться равнодушнымъ къ потерѣ Африки и къ систематическимъ притѣсненіямъ Гейзарихомъ православнаго населенія и православной церкви. Хотя онъ имѣлъ миръ съ вандалами, и его владѣнія были пощажены отъ корсаровъ, но тѣмъ печальнѣй было положеніе Италіи и Сициліи. Рицимеръ, который два года распоряжался судьбами Западной имперіи, ограниченной, впрочемъ, одной только Италіей, не назначая императора послѣ Л. Севера, нашелся, наконецъ, вынужденнымъ обратиться къ авторитету императора въ Константинополь и просить его дать Западу императора. Выборъ Льва палъ въ 467 г. на патрикія Анѳемія, котораго приближали къ царской семьѣ какъ личныя заслуги, такъ и то обстоятельство, что онъ былъ женатъ на дочери Маркіана, Евфиміи. Со времени воцаренія Анѳемія восточный и западный импе-

раторы стали подготовлять планъ общаго похода въ Африку съ цѣлью ослабленія Гейзариха. Все, повидимому, обѣщало благопріятный исходъ широко задуманному предпріятію. Изъ полунезависимой Далмаціи вышелъ флотъ подъ командой Марцеллина; освободивъ отъ вандаловъ Сардинію, онъ успѣлъ соединиться съ главными силами у береговъ Африки. Сухопутныя войска набраны были въ Египтѣ и шли подъ предводительствомъ Ираклія къ Триполи, гдѣ одержали надъ вандалами побѣду и направились къ столицѣ вандальской, Карѳагену. Такимъ образомъ, и морской и сухопутный отряды успѣшно начали дѣло и должны были затѣмъ продолжать войну въ согласіи съ главными силами, двинутыми царемъ Львомъ. Къ сожалѣнію, въ Константинополѣ оказался недостатокъ въ организаціи и особенно въ достойномъ исполнителѣ широкаго плана. Что касается матеріальныхъ средствъ, они были собраны въ громадномъ количествѣ. Можно изумляться богатству источника, изъ котораго правительство могло черпать такія большія средства. Правда, затронуты были и частныя средства императорской казны, и тѣ сбереженія, которыя оказались въ казначействѣ, но, во всякомъ случаѣ, византійское правительство въ состояніи было собрать на морскую экспедицію противъ вандаловъ громадную сумму до 40 милліоновъ рублей золотомъ. Изготовленъ былъ громадный флотъ изъ тысячи слишкомъ большихъ судовъ, на которыя посажено было войско и распредѣлены военные запасы и продовольствіе. Нужно догадываться, что пользовавшійся еще въ это время всѣмъ авторитетомъ Аспаръ-Ардавурій оказалъ на подготовляемое предпріятіе вредное вліяніе. Говорили, что онъ втайнѣ придерживался партіи Гейзариха, къ которому его влекли и германское происхожденіе, и аріанское исповѣданіе, и что онъ былъ противъ подготовляемой экспедиціи. Когда зашла рѣчь о назначеніи главнокомандующаго, будто бы онъ указалъ на Василиска, брата царицы Вирины, т.-е. шурина царя. Этотъ молодой человѣкъ, ничѣмъ себя не заявившій, гордый своимъ родствомъ и связями, оказался злымъ геніемъ Византіи. Василискъ сталъ во главѣ громаднаго флота и благополучно дошелъ до Африки, остановившись въ 4 верстахъ отъ Карѳагена и начавъ переговоры съ Гейзарихомъ. Послѣдній, очутившись въ отчаянномъ положеніи, притворился готовымъ на всѣ требованія византійскаго главнокомандующаго и попросилъ лишь 5 дней перемирія, чтобы затѣмъ начать переговоры. Не извѣстно, былъ ли

Василискъ подкупленъ, или исполнялъ совѣтъ Аспара, такъ или иначе, онъ согласился на пятидневное перемиріе и тѣмъ испортилъ свое положеніе. Гейзарихъ воспользовался измѣнившимся вѣтромъ, подогналъ къ византійскимъ судамъ нѣсколько своихъ лодокъ, наполненныхъ горючими веществами, и произвелъ пожаръ въ громадномъ флотѣ, стоявшемъ близко къ берегу. Трудно сказать, сколько кораблей погибло и сколько уцѣлѣло, но окончательный результатъ былъ непоправимъ: флотъ погибъ, и все предпріятіе рухнуло. Началось безпорядочное бѣгство, спасались, кто могъ, на оставшихся судахъ. Въ Константинополѣ не могли не почувствовать всю тяжесть потери, съ погибелью флота пропала надежда обезпечить приморскія области отъ морскихъ пиратовъ, нужно было окончательно и надолго отказаться отъ прекрасной густо населенной и плодородной провинціи, которая доставляла имперіи запасы хлѣба. Прямой виновникъ постигшей имперію катастрофы, Василискъ, возвратившись въ Константинополь, искалъ спасенія въ церкви св. Софіи, откуда вышелъ только тогда, когда императрица испросила ему у Льва прощеніе [1]).

[1]) Спеціальная монографія Mortroye, „Genséric. La conquête vandale en Afrique". Paris, 1907; Diehl, „L'Afrique Byzantine", Paris, 1896.

ГЛАВА X.

ХРИСТІАНСКАЯ КУЛЬТУРА И ЭЛЛИНИЗМЪ. КОНСТАНТИНОПОЛЬСКІЙ ПАТРІАРХАТЪ. МОНАШЕСТВО. МѢСТНЫЯ СВЯТЫНИ.

Подходя къ той эпохѣ, когда основныя теченія византинизма начинаютъ себя проявлять въ практической жизни, и когда Константинополь, какъ столица имперіи, выступаетъ съ притязаніями преобладанія и съ стремленіемъ къ міровой политикѣ, историкъ Византіи долженъ остановиться на выясненіи подразумѣваемыхъ здѣсь теченій и дать имъ надлежащую оцѣнку. Это тѣмъ болѣе представляется умѣстнымъ, что здѣсь въ теченіе вѣковъ накопилось не мало предвзятыхъ теорій и одностороннихъ, на вѣру принятыхъ положеній, съ которыми слѣдуетъ бороться. И прежде всего пора отрѣшиться отъ глубоко укоренившейся въ сознаніи большинства мысли, что христіанская культура, имѣвшая въ Византійской имперіи для себя защиту и благопріятныя условія для своего развитія, столько обязана эллинизму, что однимъ понятіемъ чуть ли не покрывается другое. Намъ всегда казалось, что эллинофильскія тенденціи въ исторіи христіанства и въ изложеніи исторіи Византіи принесли не мало вреда, наложивъ густое покрывало на разнообразные факторы, постепенно создававшіе византинизмъ. Чтобы ввести читателя въ существо предмета, остановимся на нѣкоторыхъ взглядахъ, высказываемыхъ наиболѣе крупнымъ выразителемъ этого односторонняго направленія, греческимъ историкомъ Папарригопуло [1]). Такъ, между прочимъ, онъ утверждаетъ, что димократическое устройство Греціи создало рамки для подобной же организаціи въ церкви. Нечего и говорить, что эта

[1]) Παπαρρηγοπούλου. „Ἱστορία τοῦ Ἑλληνικοῦ ἔθνους", II. 483, 484.

мысль неправильная, ибо христіанская церковь строится на основахъ римскаго права: извѣстно, что формы римскаго административнаго устройства дали основанія для административнаго церковнаго устройства. Безъ римскаго права было бы трудно объяснить какъ соборное начало, такъ и епископскую и митрополичью власть. Точно также на ложныхъ основахъ построено утвержденіе [1]), будто бы эллинскій элементъ составлялъ главенствующее этнографическое начало въ имперіи, и будто бы всѣ императоры, предпринимавшіе какое-либо преобразованіе или желавшіе дать своей волѣ наибольшее распространеніе, употребляли для этого греческій языкъ, считая его болѣе важнымъ и распространеннымъ, чѣмъ римскій. Опроверженіемъ этого наивнаго мнѣнія можетъ служить хотя бы и то, что всѣ законодательные памятники ранняго періода византійской исторіи написаны на латинскомъ языкѣ, а самый смѣлый между императорами-реформаторами Юліанъ потому, можетъ-быть, и достигъ весьма незначительнаго успѣха, что думалъ опереться исключительно на эллинизмъ и не пользовался латинскимъ языкомъ для популяризаціи своихъ идей и для законовъ противъ христіанской церкви.

Съ точки зрѣнія Папарригопуло, новые этнографическіе элементы, постепенно входившіе въ имперію для заполненія образовавшейся въ ней убыли населенія и для несенія военной службы, приносили лишь вредъ эллинизму, „извращая основные элементы эллинской культуры [2]). Хуже всего — продолжаетъ онъ — было то, что вмѣшательство иноплеменниковъ во всѣ политическія и соціальныя отношенія Востока было одной изъ главнѣйшихъ причинъ, которыя способствовали постепенному измѣненію христіанскаго эллинизма. Подразумѣваемыя измѣненія хотя и не воспрепятствовали ему совершить многое и великое, но и привнесли въ него нѣкоторыя несимпатичныя качества“... Неправильность высказанной здѣсь мысли видна изъ того, что иммиграція въ имперію новыхъ народовъ (разумѣются германцы и славяне) началась тогда, когда имперія оказалась не въ состояніи защищать своихъ предѣловъ, и когда наиболѣе умные императоры сочли нужнымъ колонизовать новыми народами лишенныя населенія провинціи. И, несмотря на роковой для Папарригопуло вопросъ о чуждыхъ эллинизму этнографическихъ элементахъ, навод-

[1]) Ibid. II. 579.
[2]) Ibid. II. 607.

нившихъ имперію и проникшихъ всюду въ столицу и въ провинціи, въ сенатъ и въ войско, въ среду земледѣльцевъ и въ аристократію, эллинствующій историкъ все же претендуетъ отбросить въ исторіи Византіи терминъ „ромэи“ и держаться „эллинизма“ [1]). По его мнѣнію, ромэйская имперія оканчивается со смертью Льва I въ 474 г.; съ конца же V вѣка начинается борьба эллинизма съ чуждыми элементами, при чемъ полная эллинизація имперіи совершается лишь въ IX вѣкѣ.— Ошибка здѣсь заключается въ томъ, что съ конца V вѣка слѣдуетъ изучать не эллинизацію имперіи, а выработку началъ византинизма и образованіе Византійской имперіи.

Въ особенности необходимо бороться съ тѣми идеями, которыя выражены у Папарригопуло въ предисловіи къ III тому его исторіи, и которыя составляютъ существо господствующихъ между эллинофильствующими направленіями воззрѣній на христіанство. Въ этомъ предисловіи авторъ говоритъ о классическомъ эллинизмѣ и Константиновой монархіи на Босфорѣ. Чтобы дать идею того, какія притязанія заявляетъ нынѣшній эллинизмъ, приведемъ нѣсколько строкъ изъ этого предисловія. „Христіанская церковь, основанная въ Азіи восточнымъ эллинизмомъ, нуждалась въ защитѣ отъ многихъ опасностей, внутреннихъ и внѣшнихъ; съ этой цѣлью великій Константинъ и окружилъ ее своей императорской порфирой, и въ этомъ заключалась первая и величайшая историческая задача, исполненная средневѣковымъ эллинизмомъ. Если бы ереси не были низвержены, христіанская вѣра разложилась бы на свои составные элементы, и не извѣстно, что̀ бы произошло. Вѣрно, однако, то, что лучшія страницы исторіи человѣчества среднихъ и новыхъ вѣковъ сосредоточиваются на религіозномъ и нравственномъ догматѣ, котораго глашатаемъ, законодателемъ и служителемъ былъ средневѣковой эллинизмъ. Догматъ же этотъ не восторжествовалъ бы, если бы онъ не имѣлъ защиты противъ разрушительнаго вліянія философскаго духа, а эта защита могла быть осуществлена лишь вселенскими соборами; послѣдніе же могли состояться и получить обязательную силу лишь подъ защитой Константинопольской монархіи“ [2]). Вся эта страница представляетъ большую ересь и крупное заблужденіе, близкое къ кощунству. Какъ-будто не Христосъ и апостолы основали церковь

[1]) Ibid. II. 703.

[2]) Предисловіе къ III т. σελ. δ.

на Востокѣ, а земляки и сородичи аѳинскаго профессора!—Какъ-будто эллинизмъ былъ облеченъ спеціальной миссіей и имѣлъ привилегію бороться съ еретическими воззрѣніями, и какъ-будто самыя опасныя для христіанства ереси зарождались не въ средѣ того же столь восхваляемаго эллинизма! Словомъ, въ оцѣнку христіанскаго элемента въ имперіи и въ выясненіе роли эллинизма привнесено много пристрастнаго и фальшиваго со стороны того направленія, которое идетъ отъ эллиновъ или пропитано эллинофильской тенденціей.

Нуждалась ли христіанская церковь въ той опекѣ, которая сдѣлала ее такой неразрывной и часто невольной союзницей имперіи, принужденной покрывать своимъ авторитетомъ притязанія и ошибки свѣтскаго правительства, объ этомъ можно думать совершенно иначе, и многія вредныя для церкви явленія, появившіяся вслѣдствіе этого союза, обнаружились въ первые же вѣка Византійской имперіи. Что касается появленія ересей и вліянія свѣтскаго авторитета на образованіе церковнаго единства, въ этомъ отношеніи едва ли, напротивъ, не слѣдуетъ пожалѣть о тѣхъ жертвахъ, которыя были принесены для достиженія этого мнимаго единства, которымъ въ сущности куплено весьма мало, и ради котораго отторгнуты отъ имперіи, а частью и совершенно уничтожены цѣлыя народности и многія вѣроученія, несогласныя съ господствующимъ.

На почвѣ національнаго увлеченія создались въ греческой литературѣ ложныя представленія о роли греческаго элемента въ средневѣковой исторіи, получившія отраженіе и въ практикѣ константинопольскаго патріархата, который въ пренебреженіе къ высокой роли усвоеннаго имъ себѣ званія „вселенскій" обратился въ орудіе жалкихъ счетовъ и политической борьбы. Когда вслѣдствіе постановленій Халкидонскаго собора константинопольскій епископъ возвысился надъ всѣми епископами имперіи и восточной церкви, этимъ создавалось для него совершенно опредѣленное положеніе принять на себя осуществленіе политическихъ задачъ римской имперіи, содѣйствовать образованію политическаго единства и выступить подъ эгидой имперіи на пути широкихъ мірскихъ притязаній.

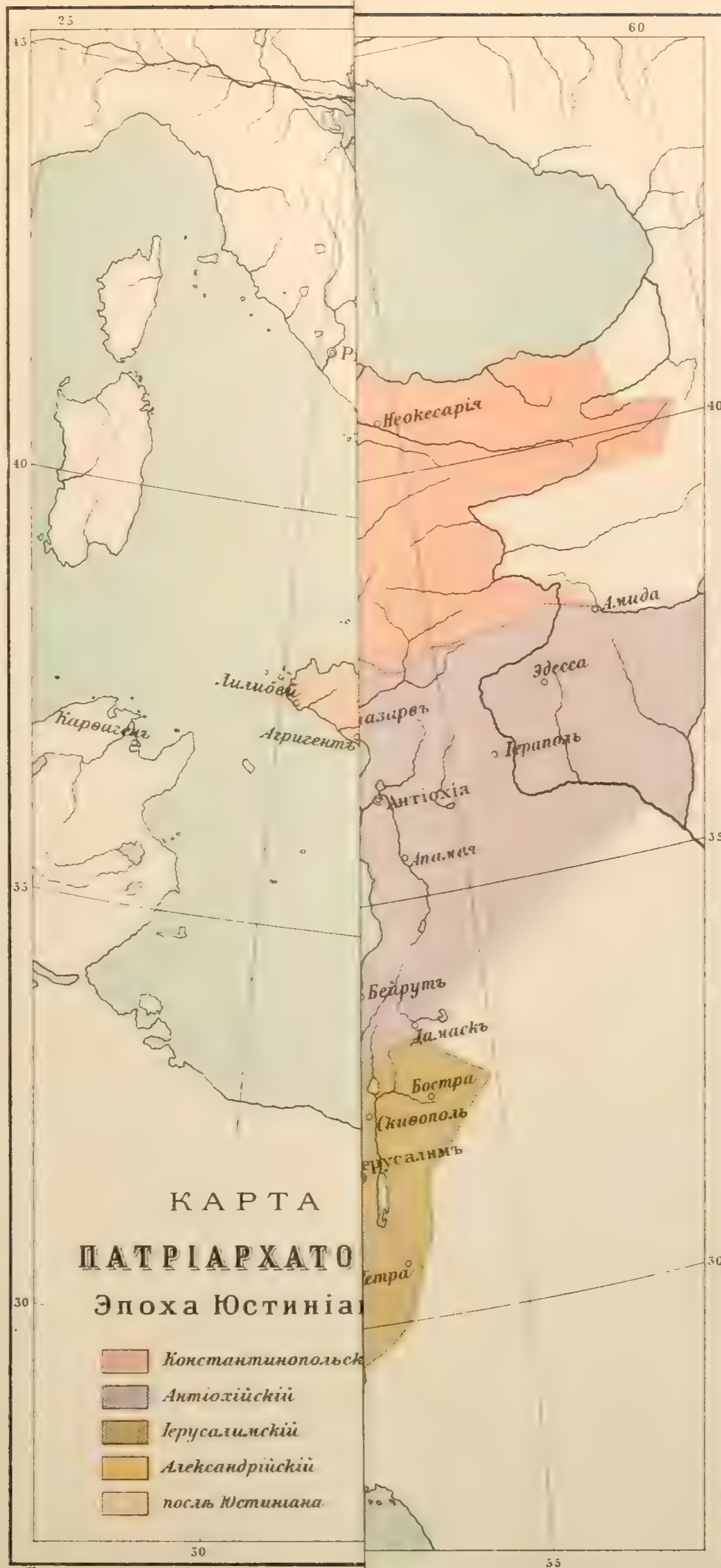
Намъ предстоитъ въ настоящее время оцѣнить тѣ средства, которыя даны были церкви свѣтской властью, и выяснить, какими обладала она органами для воздѣйствія на религіозныя убѣжденія обще-

ства. Халкидонскія постановленія, несмотря на доставленную ими громадную побѣду константинопольскому епископу, съ общеисторической точки зрѣнія должны быть признаны большимъ бѣдствіемъ. Видимые и непосредственные результаты дѣяній этого собора, направленные къ ослабленію александрійскаго епископа, куплены были слишкомъ дорогой цѣной, подготовивъ нравственный и церковный разрывъ въ нѣдрахъ имперіи. Здѣсь съ особенной силой сказалась опасность эллинистическаго направленія въ церковной политикѣ, ибо противъ халкидонскихъ постановленій выступили народные элементы—сирійскій и египетскій,—при чемъ свѣтское правительство, чтобы поддержать притязанія константинопольскаго епископа, должно было пожертвовать своимъ политическимъ положеніемъ на Востокѣ[1]). Со второй половины V вѣка въ имперіи наблюдается продолжительный періодъ внутреннихъ смутъ, вызванныхъ примѣненіемъ въ дѣйствительной жизни постановленій Халкидонскаго собора. Образовались двѣ политическія и религіозныя партіи, которыя произвели расколъ въ государствѣ и церкви, сопровождавшійся неисчислимыми пагубными послѣдствіями. Прежде, чѣмъ вводить читателя въ исторію религіозной смуты, мы находимъ умѣстнымъ обрисовать здѣсь хотя въ краткихъ чертахъ общественную среду, изъ которой набирались дѣятельные элементы борьбы.

Для характеристики эпохи въ смыслѣ религіозной нетерпимости и по отношенію къ притязательности, какую обнаруживали стоящіе во главѣ церковной политики люди, едва ли найдется болѣе выразительная черта, какъ та, которая отмѣчена у Несторія, только-что избраннаго въ епископы Константинополя. Въ 428 г., 10 апрѣля, въ пылу религіознаго увлеченія онъ говорилъ императору Ѳеодосію II: „дай мнѣ землю, очищенную отъ еретиковъ, а я дамъ тебѣ за это небо; помоги мнѣ истребить еретиковъ, а я помогу тебѣ истребить персовъ“!—Эта нелѣпая претензія располагать всемогуществомъ Божіимъ для достиженія безчеловѣчныхъ цѣлей могла зародиться и найти себѣ поддержку въ той средѣ, которая въ настоящее время привлекаетъ къ себѣ наше вниманіе, и которую мы желаемъ понять и объяснить. Какъ далеко христіанская церковь, по достиженіи господства, отступила отъ принциповъ вѣротерпимости, провозглашенныхъ первыми

---

[1]) Krumbacher, „Geschichte der byzantin. Literatur“, S. 919

КАРТА
ПАТРІАРХАТО
Эпоха Юстиніа
Константинопольск
Антіохійскій
Іерусалимскій
Александрійскій
послѣ Юстиніана
Неокесарія
Амида
Эдесса
Іераполь
Антіохія
Апамея
Бейрутъ
Дамаскъ
Бостра
Скиѳополь
Іерусалимъ
Карѳагенъ
Агригентъ
„Исторія Византійской Имперіи"
Лит. И. Кадушина С.П.Б. Екатеринг. пр. 101

КАРТА
ПАТРІАРХАТОВЪ
Эпоха Юстиніана
Константинопольскій
Антіохійскій
Іерусалимскій
Александрійскій
послѣ Юстиніана
Равенна
Римъ
Лилибей
Мессина
Карѳагенъ
Агригентъ
Катанея
Сиракузы
Херсонъ
Филиппополь
Адріанополь
Константинополь
Ираклія
Халкидонъ
Солунь
Эносъ
Никея
Кизикъ
Апамея
Ларисса
Никополь
Коринѳъ
Сарды
Эфесъ
Лаодикія
Афродисія
Мира
Гортина
Клавдіополь
Гангра
Амасія
Неокесарія
Анкира
Пессинунтъ
Синнада
Антіохія
Конія
Тарсъ
Селевкія
Аназарвъ
Амида
Эдесса
Іераполь
Антіохія
Апамея
Бейрутъ
Тиръ
Дамаскъ
Бостра
Кесарія
Скиѳополь
Іерусалимъ
Александрія
Петра
Монастырь Св. Екатерины
„Исторія Византійской Имперіи"
Лит. И. Кадушина С.П.Б. Екатерин. пр. 101

апологетами! Торжествующая церковь забыла торжественно провозглашенный принципъ „non est religionis cogere religionem“ (Тертулліанъ) и потребовала отъ свѣтской власти насильственныхъ мѣръ противъ [illegible] мыслящихъ. Ранѣе примѣнялся къ язычникамъ принципъ возмездія—взявшіе мечъ мечемъ погибнутъ; нынѣ христіанская свѣтская власть подъ вліяніемъ ложно направленной религіозной политики поднимаетъ мечъ противъ инако мыслящихъ въ дѣлѣ вѣроученія и жестоко преслѣдуетъ ихъ.

Прежде всего на путь религіозной нетерпимости и преслѣдованія увлеч[illegible]но был[illegible] свѣтское правительство, которое издаетъ рядъ законовъ противъ инако мыслящихъ. Теперь идетъ рѣчь не объ языческихъ храмахъ и не о жертвоприношеніяхъ, а о недозволенныхъ христіанскихъ общинахъ, иначе говоря—объ еретикахъ, которые лишаются покрови[illegible]а, и которымъ запрещается собираться на обществен[illegible] первый разъ эта мысль проведена въ законода[illegible] году. „Всѣ народы—говоритъ законъ—обязаны дер[illegible]ры, которую апостолъ Петръ проповѣдывалъ римлянамъ, [illegible]і слѣдуютъ епископъ Дамасъ и Петръ, епископъ але[illegible]рійск[illegible] только тѣ, кто исповѣдуетъ такое ученіе, могутъ именоваться [illegible]истіа[illegible]ами каѳолическими; прочіе же почитаются еретиками, а ихъ со[illegible] не носятъ имени церквей“ [1].—Такъ какъ никейскій символъ [illegible]тъ показателемъ принадлежности къ христіанской церкви, то лишь послѣдователямъ этого символа усвояется наименованіе истиннаго члена каѳолической вѣры. „Ядовитое же аріанское ученіе“ да не [illegible]верняетъ болѣе уши, недозволеннымъ собраніямъ еретиковъ нѣтъ мѣста въ городскихъ стѣнахъ, и всѣ церкви передаются православнымъ епископамъ, придерживающимся никейскаго символа.

Суровые законы противъ еретиковъ, изданные въ концѣ IV вѣка, увѣнчаны закономъ Ѳеодосія и Валентиніана отъ 428 года. Этотъ знаменитый законъ заключается въ слѣдующемъ [2]. „Неразумію еретиковъ должны быть поставлены ограниченія. Прежде всего они должны возвратить католической церкви всѣ отнятые у православныхъ и находящіеся въ ихъ владѣніи храмы, ибо

[1]) Mommsen et Me[illegible]er, „Theodosiani Libri XVI. Cum constitutionibus Sirmondianis“. Berolini, 1905. 1—[illegible]—6.

[2]) Cod. Theod. XVI [illegible]78—9).

нельзя допустить, чтобы тѣ, которымъ запрещено имѣть свои церкви, дерзали удерживать въ своей власти православными построенные и насиліемъ у нихъ захваченные храмы. Если кто изъ еретиковъ будетъ изобличенъ въ принятіи къ себѣ клирика или пресвитера, то подвергается пени въ 10 фунтовъ золота. Аріанамъ, приверженцамъ Македонія и Аполлинарія, воспрещается имѣть въ городахъ свои церкви, другимъ еретикамъ воспрещается дѣлать собранія для общественной молитвы, а манихеи лишаются права жить въ городахъ. Еретики исключаются изъ военной службы, за исключеніемъ службы въ провинціальныхъ когортахъ и въ гарнизонахъ. Точно также они лишаются права дѣлать дарственныя записи на свое имущество, составлять завѣщанія и вообще дѣлать какія-либо распоряженія передъ смертью остающимся послѣ нихъ имѣніемъ. Воспрещается еретикамъ совращать въ свое ученіе тѣхъ, кто исповѣдуетъ христіанскую вѣру".

Слишкомъ тѣсная связь, установившаяся между государствомъ и церковью со времени объявленія христіанства господствующей въ имперіи религіей, вызвала въ дальнѣйшемъ развитіи церковной жизни особыя явленія и сопровождалась такими умонастроеніями, которыя коренятся въ мірскихъ условіяхъ жизни. Чтобы хотя нѣсколько выяснить нашу мысль, остановимся здѣсь на организаціи высшей церковной власти въ церкви и на постепенномъ возвышеніи власти епископа города Константинополя [1]). Въ этомъ отношеніи можетъ считаться прочно установленнымъ то, что исторія церковнаго устройства развивается соотвѣтственно съ политическимъ строемъ и административнымъ дѣленіемъ имперіи. Извѣстно, что со времени Діоклитіана и Константина имперія раздѣлена была на четыре префектуры: Востокъ, Иллирикъ, Италія, Галлія (Oriens, Illyricum, Italia, Gallia), при чемъ каждая префектура распадалась на діоцезы, а послѣдніе на провинціи или епархіи. Такимъ образомъ, префектура преторіи Востока, находившаяся подъ управленіемъ префекта Востока, заключала въ себѣ діоцезы: Востокъ, Азію, Понтъ и Ѳракію съ главными городами: Антіохіей, Ефесомъ, Кесаріей каппадокійской и Иракліей. Не говоря объ исключительномъ положеніи Рима, гдѣ выросла власть римскаго епископа гораздо раньше,

[1]) Гидуляновъ, „Митрополиты въ первые три вѣка христіанства", Москва, 1905, стр. 200 и сл.; его же, „Восточные патріархи въ періодъ четырехъ первыхъ вселенскихъ соборовъ", стр. 360 и сл.

чѣмъ въ другихъ главныхъ городахъ имперіи, образованіе митрополичьей власти въ городахъ Востока шло обычнымъ порядкомъ въ соотвѣтствіи съ гражданскимъ ростомъ города. Такъ какъ въ административномъ отношеніи наблюдаются колебаніе и перемѣщеніе центра съ одного пункта на другой, то и въ церковномъ смыслѣ не сразу обозначалось преобладаніе одного города надъ другимъ, и нѣкоторыя изъ патріаршихъ каѳедръ, напр.: антіохійская, іерусалимская и константинопольская, въ болѣе ранній періодъ находились подъ церковной властью ближайшихъ или сосѣднихъ съ ними епископскихъ городовъ.

Прежде всего на Востокѣ выростаетъ и, постепенно распространяя свою власть на другіе города, дѣлается первымъ авторитетомъ въ церковномъ отношеніи александрійскій епископъ. Независимо отъ своего важнаго административнаго и торговаго значенія, Александрія рано сдѣлалась первымъ городомъ на Востокѣ по важности и силѣ основанной здѣсь, по преданію, евангелистомъ Маркомъ христіанской общины и по нравственному авторитету многихъ изъ епископовъ Александріи. Въ глазахъ всей христіанской церкви Александрія возвышалась и своей богословской школой, и научнымъ авторитетомъ многихъ представителей александрійскаго клира. Александрійскій епископъ къ началу IV вѣка уже распространилъ свою духовную власть надъ всѣми епископами Египта, такъ что Никейскій соборъ знаменитымъ 6-мъ правиломъ далеко не создавалъ новаго принципа въ церковномъ управленіи, а лишь призналъ и утвердилъ своимъ авторитетомъ постепенно создавшееся въ Египтѣ положеніе вещей. „Да хранятся—говорится въ этомъ правилѣ — древніе обычаи, существующіе въ Египтѣ, Ливіи и Пентаполѣ, согласно которымъ александрійскій епископъ имѣетъ (митрополичью) власть надъ всѣми провинціями этихъ странъ, какъ и римскому епископу сіе обычно. Подобнымъ образомъ да хранятся преимущества церквей въ Антіохіи и въ другихъ провинціяхъ“.

Изъ исторіи образованія высшихъ церковно-административныхъ центровъ съ несомнѣнной точностью устанавливается, что въ выраженіяхъ указаннаго правила относительно власти и преимуществъ слѣдуетъ видѣть митрополичью власть или власть нѣкоторыхъ епископовъ по отношенію къ другимъ епископамъ. Подразумѣваемая власть, къ которой стремились епископы наиболѣе важныхъ горо-

довъ, кратко говоря, заключалась: 1) въ правѣ созывать провинціальныхъ епископовъ на соборъ и предсѣдательствовать на соборѣ; 2) въ правѣ посвящать и рукополагать епископовъ и отрѣшать ихъ отъ должности и, наконецъ, 3) въ правѣ высшаго надзора и суда надъ епископами всей провинціи. Вотъ тѣ права, которыя утверждены за александрійскимъ епископомъ 6 правиломъ Никейскаго собора. Епископъ, имѣющій подобныя права по отношенію къ сосѣднимъ епископскимъ каѳедрамъ, получаетъ отличительное наименованіе митрополита. Митрополичьими правами пользуются въ теченіе IV и V вв. многіе епископы; поэтому между самими митрополитами обнаруживаются соревнованіе и борьба изъ-за власти или „изъ-за любоначалія и честолюбія", по выраженію Василія Великаго [1]); на почвѣ этого движенія происходятъ собираніе самихъ митрополій и постепенное ихъ подчиненіе нѣкоторымъ исключительно возвысившимся митрополитамъ. Такъ, кромѣ Александріи на Востокѣ постепенно пріобрѣтаютъ первостепенное значеніе епископы городовъ или митрополиты Антіохіи, Іерусалима и Константинополя, которые въ отличіе отъ подчиненныхъ имъ митрополитовъ впослѣдствіи получаютъ наименованіе патріарховъ.

Процессъ происхожденія восточныхъ патріархатовъ представляетъ весьма любопытную страничку церковной исторіи. Оффиціально укрѣпляется титулъ патріарха за митрополитами Константинополя, Александріи, Антіохіи и Іерусалима въ концѣ VII в. [2]); до указаннаго же времени происходила ожесточенная борьба изъ-за преобладанія между главнѣйшими городами и каѳедрами. Вторая половина IV в. была временемъ самой горячей борьбы честолюбія [3]). Каждый сколько-нибудь выдающійся митрополитъ старался занять на Востокѣ такое положеніе, какое принадлежало на Западѣ римскому епископу. Подобно тому, какъ въ первой половинѣ IV в. шла борьба изъ-за подчиненія отдѣльныхъ епископовъ власти митрополита, такъ нынѣ состязались изъ-за подчиненія простые митрополиты и епископы съ высшими митрополитами. Отсюда выступленіе на сцену церковной исторіи рядомъ съ епископами Рима, Александріи и Антіохіи также іерарховъ Кесаріи каппадокійской, Ефеса, Анкиры, Иконіи, Константино-

[1]) Письмо 92 (русск. пер. VI, 198—9).
[2]) Письмо Юстиніана II къ папѣ Іоанну, отъ 687 г. ap. Mansi XI, col. 737.
[3]) Гидуляновъ, „Вост. патріархи", 481.

ВОДОПРОВОДЪ
ВОРОТА ЛЕВКЕ
МЕЧЕТЬ
ГРЕЧЕСКІЯ ВОРОТА
ХРАМЪ УСПЕНІЯ
ЕНИШЕИРСКІЯ ВОРОТА
НИКЕЯ
С
СВ СОФІЯ
ТЕАТРЪ
СТАМБУЛЬСКІЯ ВОРОТА
ОЗЕРНЫЯ ВОРОТА
НИКЕЙСКОЕ ОЗЕРО
МОЛЪ
Масштабъ 1:4000

„Исторія Византійской Имперіи"

Лит. И. Кадушкина СПБ. Екатерин. пр. 91

поля, Солуни и др. Былъ моментъ, когда александрійскій епископъ Петръ, воспользовавшись наслѣдствомъ Аѳанасія Великаго, стоялъ во главѣ всей восточной церкви, занималъ здѣсь такое мѣсто, какое принадлежало римскому епископу въ западной церкви. Властвуя неограниченно въ Египтѣ, онъ простеръ свою власть до Константинополя. Съ цѣлью ограниченія подобныхъ попытокъ, угрожавшихъ весьма серьезными послѣдствіями, возникаютъ соборныя постановленія, регулирующія права митрополитовъ. Таково 2-е правило II Вселенскаго собора въ Константинополѣ въ 381 году [1]), касающееся главныхъ митрополичьихъ каѳедръ и имѣющее значеніе первостепеннаго документа въ вопросѣ о происхожденіи высшихъ митрополій или патріархатовъ. Оно заключается въ слѣдующемъ: „Областные епископы не должны простирать своей власти на другія церкви внѣ своихъ областей и (не) смѣшивать церквей, но по правиламъ александрійскій епископъ долженъ управлять церковными дѣлами только въ Египтѣ, а епископы Востока начальствовать только въ восточной церкви, съ сохраненіемъ преимуществъ церкви антіохійской, утвержденныхъ никейскими правилами; также епископы азійской области да управляютъ церковью только въ Азіи, понтійскіе только въ понтійской области, а ѳракійскіе только во Ѳракіи“.

На Константинопольскомъ соборѣ впервые также выступаютъ притязанія константинопольскаго епископа. Третьимъ правиломъ II вселенскаго собора признаны были за константинопольской каѳедрой обширныя права, о какихъ она и мечтать не могла до перенесенія столицы имперіи въ Константинополь. „Константинопольскій епископъ— говоритъ правило 3-е—да имѣетъ преимущество чести послѣ римскаго епископа, такъ какъ Константинополь есть новый Римъ“.—Громадное преимущество, оказанное Константинополю приведеннымъ правиломъ, хотя не является въ исторіи Константинополя совершенно неожиданнымъ, нуждается, тѣмъ не менѣе, въ предварительныхъ объясненіяхъ. Собственно говоря, въ теченіе IV вѣка остается твердо установленнымъ авторитетъ лишь александрійскаго епископа, которому принадлежало первое мѣсто вслѣдъ за римскимъ. Вторымъ по значенію митрополичьимъ городомъ была Антіохія, высшее положеніе которой хотя утверждено уже Никейскимъ соборомъ и подтверждено констан-

[1]) „Дѣянія вселенскихъ соборовъ“, изд. Казанской Духовной Акад. I, 265.

тинопольскимъ, возбуждало, однако, нѣкоторыя сомнѣнія и подвергалось колебаніямъ какъ въ самой Сиріи и Палестинѣ, такъ и въ провинціи Азіи. Уже въ III в. епископъ Антіохіи стоялъ во главѣ обширной церковной области и имѣлъ подъ собой рядъ подчиненныхъ епископовъ, которымъ дѣлалъ рукоположеніе, созывалъ на соборы и надъ которыми имѣлъ высшую власть. Съ теченіемъ времени, въ IV и V в. митрополитамъ Антіохіи подчиняются епархіи Сирія, Киликія, Евфратская и Осроэна, Исаврія, Финикія и Аравія. Антіохійскій митрополитъ имѣлъ притязанія распространить свою духовную власть на Палестину, Понтъ и Азію, и въ этомъ отношеніи достигалъ иногда значительныхъ успѣховъ, пока не встрѣтилъ соперничества, съ одной стороны, въ постепенно выраставшемъ въ глазахъ христіанскаго міра значеніи Іерусалима, съ другой—въ возвышавшемся положеніи константинопольскаго епископа. Въ связи съ значеніемъ Палестины и Іерусалима, іерусалимскому епископу къ началу V в. придано положеніе апостольской каѳедры въ слѣдъ за Римомъ, Александріей и Антіохіей; что же касается константинопольской каѳедры, то на возвышеніе ея среди другихъ епископій вліяли различныя обстоятельства, которыя считаемъ необходимымъ здѣсь вкратцѣ указать.

Возвышеніе Константинополя является наиболѣе для насъ любопытнымъ фактомъ. Ростъ Константинополя долженъ быть изучаемъ съ двоякой точки зрѣнія: со стороны постепеннаго процесса выдѣленія Константинополя изъ другихъ городовъ восточной префектуры и со стороны попытки завоеванія всемірнаго значенія, каковая вызвала соперничество въ политическомъ и церковномъ могуществѣ Рима. Въ 6-омъ правилѣ никейскомъ мы видѣли упоминаніе о другихъ епископахъ, обладающихъ такими же привилегіями, какъ александрійскій и антіохійскій епископы, т.-е. о такихъ епископіяхъ, которыя стремились сравняться по церковно-административнымъ правамъ съ Александріей и Антіохіей. Здѣсь, конечно, разумѣлись епископы трехъ главныхъ городовъ Азіи: Ефесъ, Кесарія и Ираклія, которые прямо уже названы въ 3 правилѣ II вселенскаго собора въ 381 году какъ епископы діоцезовъ Азія, Понтъ и Ѳракія. Но на томъ же самомъ соборѣ въ первый разъ упомянутъ новый церковно-административный центръ въ Константинополѣ: константинопольскій епископъ да имѣетъ право чести по римскомъ епископѣ, потому что градъ оный есть новый Римъ.

Рис. 32. Монастырь Сергія и Вакха.

Ставъ вторымъ Римомъ вмѣстѣ съ перенесеніемъ столицы имперіи, константинопольскій епископъ всѣмъ своимъ авторитетомъ въ восточной церкви обязанъ былъ близости къ императору. Именно, въ сферѣ церковнаго управленія императоръ естественно нуждался въ такомъ же помощникѣ, какого онъ имѣлъ по гражданской администраціи въ лицѣ префекта преторіи. Таковъ былъ для него Евсевій никомидійскій, который стоялъ въ курсѣ церковныхъ дѣлъ и заправлялъ церковной политикой при Константинѣ. Совершенно въ порядкѣ вещей было и то, что епископы ближайшихъ къ Константинополю областей, помимо своего областного митрополита, стали обращаться по церковнымъ дѣламъ прямо въ Константинополь и находили здѣсь благопріятный пріемъ и вниманіе къ своимъ нуждамъ. Кромѣ судебныхъ дѣлъ, въ особенности въ случаѣ недоразумѣній между епископами и митрополитомъ цѣлаго діоцеза, къ непосредственному императорскому суду провинціальные епископы прибѣгали въ разныхъ другихъ случаяхъ, при чемъ они не могли не искать посредничества у константинопольскаго епископа и ходатайства его передъ императоромъ [1]). Все это выдвигало епископа города Константинополя изъ среды другихъ епископовъ Востока.

Дальнѣйшій ходъ дѣла состоялъ въ томъ, что константинопольскому епископу стало неудобнымъ оставаться въ подчиненіи у первенствующаго епископа ѳракійскаго діоцеза, которому онъ былъ подчиненъ по смыслу правилъ Никейскаго собора и отъ котораго принималъ посвященіе. Въ памятникахъ не осталось и слѣдовъ протеста епископа ѳракійской Иракліи противъ этого порядка вещей, низводившаго его епископію въ зависимое положеніе отъ Константинополя. Такъ же настойчиво распространялось церковное вліяніе Константинополя въ Азіи и въ Понтѣ, несмотря на огромный авторитетъ епископовъ Кесаріи каппадокійской, Ефеса, Ниссы, Иконіи и др., которые иногда простирали свое вліяніе на всю восточную церковь. Со времени II вселенскаго собора въ Константинополѣ (381 г.), придавшаго столичному городу имперіи преимущественное право чести передъ всѣми другими городами, епископы Малой Азіи и Понта общими усиліями содѣйствуютъ обоснованію теоріи церковной власти Константинополя надъ всѣмъ Востокомъ. Стоитъ ознакомиться съ

[1]) Гидуляновъ, „Восточные патріархи", 551.

Рис. 33. Внутреннiй видъ церкви.

перепиской Григорія Назіанзина, изъ которой ясно видно, какъ во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ провинціальный епископъ, обходя своего кесарійскаго митрополита-епископа, обращается непосредственно въ Константинополь и ожидаетъ отъ патріарха Нектарія уврачеванія всѣхъ недуговъ своей церкви [1]). Въ періодъ отъ конца IV в. до половины V, т.-е. до Халкидонскаго собора, занимающая насъ историческая эволюція можетъ считаться вполнѣ завершившейся, ибо къ тому времени первенство константинопольскаго епископа на всемъ Востокѣ уже фактически было признано, и знаменитое 28-е правило Халкидонскаго собора не нашло противодѣйствія на Востокѣ. Такимъ образомъ, слѣдуетъ принять, что къ половинѣ V вѣка въ подготовлявшійся на Востокѣ строй вошелъ новый элементъ, вступившій въ тѣсный союзъ съ имперіей; это былъ константинопольскій патріархъ. Никакъ нельзя терять изъ вниманія, что созданіе константинопольскаго патріархата есть дѣло царской власти, и что въ дальнѣйшей исторіи патріархъ Константинополя испытываетъ на себѣ слѣдствія исключительныхъ условій, при которыхъ происходили его образованіе и ростъ.

Изъ церковныхъ учрежденій наибольшимъ значеніемъ въ жизни пользовались монастыри.

Самымъ могущественнымъ элементомъ, возобладавшимъ въ христіанскомъ обществѣ, въ особенности съ V вѣка, и давшимъ особенный отпечатокъ церковной и гражданской жизни того времени, были монастыри и наполнявшее ихъ мужское и женское населеніе. Не предполагая говорить о происхожденіи монашества и общемъ его значеніи въ исторіи христіанской церкви, мы не можемъ не коснуться монашества какъ учрежденія, оказавшаго громадное вліяніе на исторію Византійской имперіи. Константинополь, со времени обращенія его въ столицу христіанской имперіи, сталъ быстро украшаться многочисленными и часто богатой постройки монастырями [2]); самимъ Константиномъ построено 15 монастырей. Въ V вѣкѣ, по почину благочестивой августы Пульхеріи и вслѣдствіе ея вліянія, когда и самый дворецъ усвоилъ себѣ видъ монастыря, Константинополь и его ближайшія окрестности покрылись еще новыми монастырскими постройками. Отмѣтить въ числѣ древнихъ монастырей, хотя бы

[1]) Gregorii Theologi ep. 147, 202; Patrologia Graeca, t. XXXVII.

[2]) Marin. „Les moines de Constantinople". Paris, 1897.

болѣе извѣстное, представлялось бы не легкой задачей. Въ 536 г. происходилъ въ Константинополѣ помѣстный соборъ противъ монофизитовъ, на которомъ присутствовали и игумены столичныхъ монастырей. Они подали патріарху Минѣ прошеніе, подписанное всѣми присутствовавшими, въ которомъ ходатайствовали о принятіи строгихъ мѣръ противъ еретиковъ; прошеніе подписано 68 игуменами. Какъ по этимъ подписямъ, которыми, однако, не исчерпывается число монастырей константинопольскихъ при Юстиніанѣ, такъ и по факти-

Рис. 34. Общій видъ монастыря Симеона Столпника.

ческому вліянію столичнаго монашества въ жизни Константинополя въ самыя важныя эпохи его жизни, можно судить о томъ настроеніи, которымъ создавались монастыри и вызывались безпримѣрные подвиги столпниковъ, пустынножителей и постниковъ, ставившихъ выше всего побѣду духа надъ грѣшнымъ тѣломъ. Многіе изъ константинопольскихъ монастырей имѣли за собой славную исторію въ теченіе всего періода исторіи Византійской имперіи; нѣкоторые изъ нихъ пользовались такимъ значеніемъ, что принимали въ лицѣ своихъ игуменовъ дѣятельное участіе въ политической жизни. Таковы наиболѣе извѣстные, построенные до вступленія на престолъ Македон-

ской династіи: Студійскій св. Іоанна, св. Маманта, Хора, Сергія и Вакха, Ѳеодора Тирона, Косьмы и Даміана (Анаргиры), св. Ирины, Богородицы Одигитріи, Панагіи въ кварталѣ Влахернъ, Богородицы у Источника. Все это монастыри, относящіеся къ V—VI вв. Для образца въ рис. 32 и 33 даемъ внѣшній и внутренній видъ монастыря Сергія и Вакха. Мы не предлагаемъ здѣсь перечня позднѣйшихъ сооруженій; одинъ Василій македонянинъ въ своей ревности къ строительству богоугодныхъ заведеній дошелъ до того, что ему приписывается болѣе сотни подобныхъ построекъ. Царямъ и патріархамъ въ строительной дѣятельности подражали сенаторы, высшіе административные чины и частныя лица, имѣвшія для этого достаточныя средства и желавшія обезпечить себѣ подъ старость или на случай несчастія спокойное убѣжище. Нерѣдко можно наблюдать, что цѣлыя семьи изъ состоятельнаго класса оставляютъ мірскую жизнь и переселяются въ уединенное мѣсто, гдѣ основывается монастырскій поселокъ. Стремленіе къ монашеской жизни одинаково распространяется въ столицѣ и въ провинціи, гдѣ денежная и земельная аристократія строитъ монастыри на своихъ земляхъ. Казалось бы, при такомъ направленіи общественныхъ умонастроеній трудно было ожидать особенно полезной для государства созидательной работы, тѣмъ не менѣе, слѣдуетъ отмѣтить и въ этой области весьма замѣчательныя явленія.

Египетское пустынножительство, во главѣ коего въ IV в. стояли Антоній и Пахомій Великіе, Павелъ Ѳивейскій, Макарій и др., нашло себѣ подражаніе и перенесено было въ Сирію, Палестину, въ Константинополь и на Западъ Европы. Высокіе подвиги пустынниковъ возбуждали удивленіе и привлекали вниманіе свѣтскаго общества и правителей. Съ ними входили въ письменныя сношенія императоры и спрашивали ихъ совѣта по государственнымъ и церковнымъ дѣламъ. Съ теченіемъ времени монашество, будучи первоначально свободнымъ состояніемъ, зависѣвшимъ отъ личнаго избранія, вошло въ составъ церковнаго клира и заняло въ немъ важное и вліятельное положеніе. Халкидонскій соборъ въ 4-мъ правилѣ опредѣлилъ положеніе монашества слѣдующимъ образомъ. „Истинно и искренно проходящіе монашескую жизнь да удостоиваются приличной чести. Но поелику нѣкоторые, пользуясь монашеской одеждой, разстраиваютъ церковныя и гражданскія дѣла, безразсудно ходя по городамъ и даже

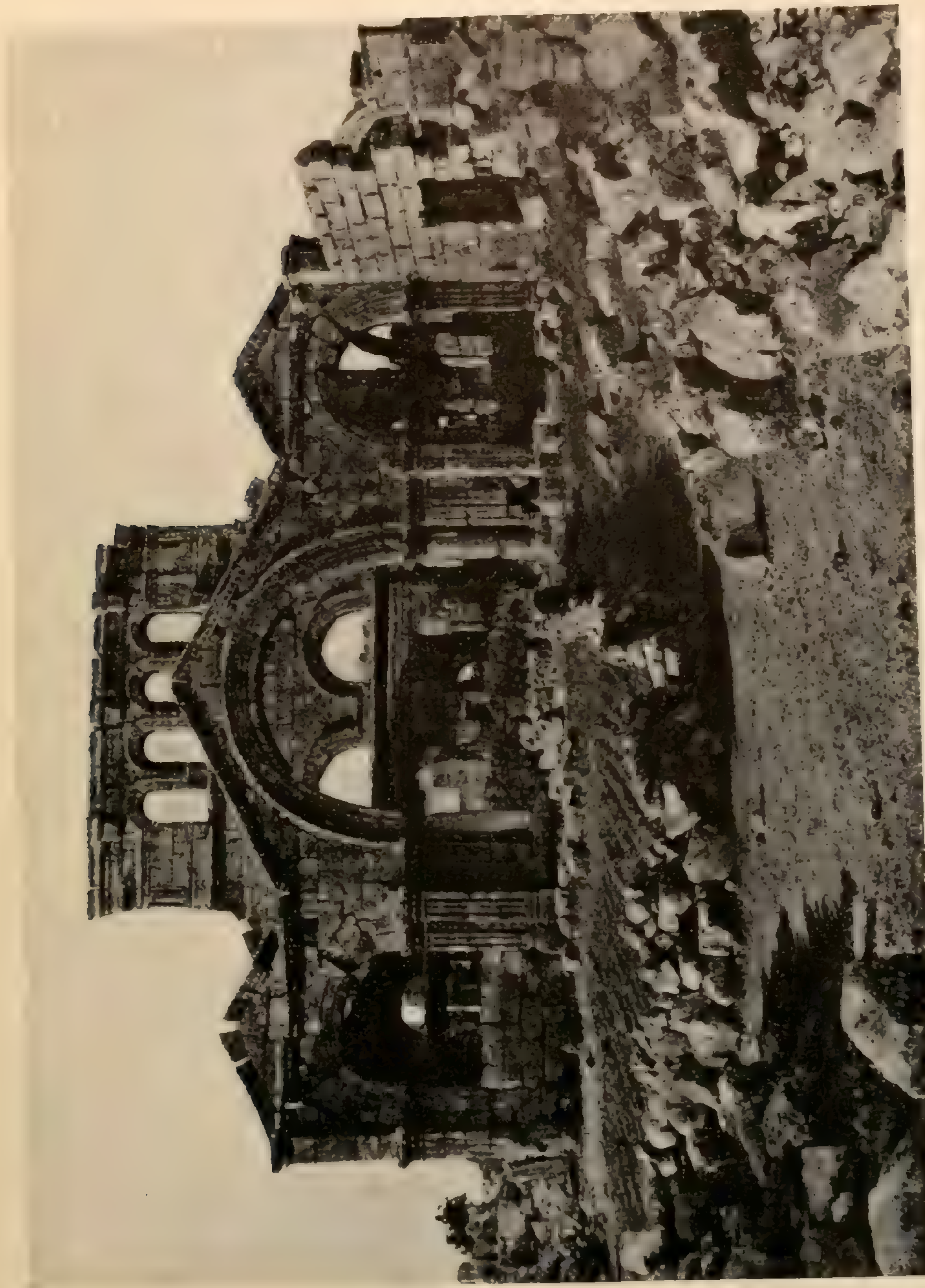
Рис. 35. Стоянка экспедиціи Русскаго Археологическаго Института.

стараются составлять сами для себя монастыри, то разсуждено, чтобы никто нигдѣ не составлялъ и не созидалъ монастыря или молитвеннаго дома безъ позволенія епископа города, а монашествующіе въ каждомъ городѣ и странѣ да подчиняются епископу". Такимъ образомъ, съ 451 года монашество, какъ опредѣленное и признанное закономъ состояніе, вошло въ составъ привилегированнаго церковнаго клира и воспользовалось всѣми преимуществами, какими государство надѣлило церковь и духовное сословіе. Чрезвычайно быстрое размноженіе монашества на Востокѣ составляло исключительное явленіе. Неподалеку отъ Александріи, на разстояніи 35 миль влѣво отъ западнаго рукава Нила, въ извѣстной Нитрійской долинѣ жило до 5000 пустынниковъ; въ верхней Ѳиваидѣ, около св. Пахомія, собралось до 1500 монаховъ. Египтяне имѣли основаніе полагать, что число монаховъ въ пустыняхъ равняется числу жителей въ городахъ. Не менѣе многочисленны были монашескія общины въ Сиріи и Палестинѣ, гдѣ возникали обширныя лавры (Саввы Освященнаго, Фарранская и др.) и монастыри при гробѣ того или иного извѣстнаго отшельника или уважаемаго окрестнымъ населеніемъ старца. Каждая страна въ обширной имперіи дала въ смыслѣ религіознаго увлеченія свои особенныя проявленія въ зависимости отъ мѣстныхъ народныхъ отличій. Несомнѣнно, что арабы и сирійцы составляютъ въ этомъ отношеніи особый этнографическій типъ, выразившій религіозную идею въ болѣе напряженной степени.

Чтобы хотя до нѣкоторой степени составить наглядное представленіе о томъ, какое значеніе въ практической жизни занимающей насъ эпохи имѣли нѣкоторые монастыри, войдемъ здѣсь въ нѣкоторыя подробности. Для образца возьмемъ одинъ монастырь въ Сиріи, другой въ южной Македоніи, бывшіе предметомъ спеціальныхъ изслѣдованій Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ.

Таковъ, между прочимъ, монастырь Симеона Столпника въ Сиріи (рис. 34), величественные остатки котораго, сохранившіеся и донынѣ, сами по себѣ могутъ служить прекраснымъ показателемъ культурнаго и религіознаго состоянія Сиріи въ V и VI вв. Монастырь построенъ въ концѣ V в. и находится въ растояніи 35—40 в. отъ Антіохіи и приблизительно на такомъ разстояніи отъ Алеппо. Если принять во вниманіе, что Симеонъ умеръ приблизительно въ 460 г. (родился ок. 390 г.), и что монастырь на мѣстѣ его подвиговъ по-

строенъ въ концѣ того же вѣка, то легко заключить отсюда о той извѣстности, какою нашъ подвижникъ пользовался еще при жизни, и о томъ уваженіи, какое онъ снискалъ себѣ среди высшихъ и состоятель-

Рис. 36. Южный видъ церкви св. Симеона.

ныхъ классовъ общества. Какъ будетъ видно, монастырь былъ громаднымъ сооруженіемъ, требовавшимъ большихъ средствъ (рис. 35).

Въ Сиріи нѣтъ ничего величественнѣй этой святыни, которая и

теперь еще, когда къ ней заросла народная тропа, и кругомъ на десятки верстъ видна лишь необозримая каменистая пустыня, производитъ чарующее и глубокое впечатлѣніе (рис. 36). О быломъ общественномъ значеніи монастыря можно судить по тому, что у подошвы холма, на которомъ красовались великолѣпный храмъ и монастырь, возникъ цѣлый городъ Симеона (Деиръ Семанъ), который жилъ и процвѣталъ на счетъ богомольцевъ, отовсюду стекавшихся на поклоненіе святому чудотворцу. Этотъ городъ, построенный на скалистой почвѣ, представляетъ изумительно блестящій результатъ приложенія большого труда и капитала съ цѣлью обезпеченія удобствами, а главное достаточной водой, большое населеніе этого города. Слѣдуетъ также взвѣсить и то, что возведеніе громадныхъ монастырскихъ построекъ на скалистомъ и неровномъ холмѣ требовало примѣненія искусства и большихъ техническихъ знаній.

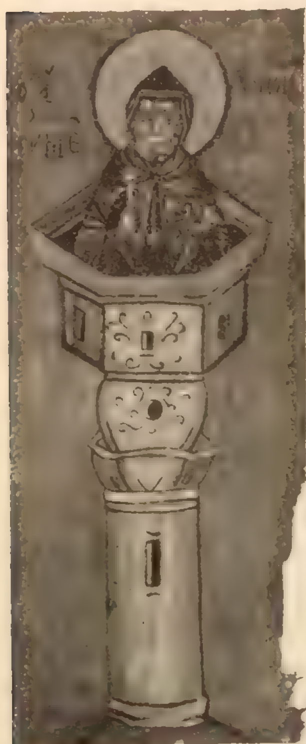

Рис. 37.
Симеонъ Столпникъ.
Икона.

Раскрыть исторію такого импозантнаго археологическаго памятника, какъ монастырь Симеона Стилита (рис. 37), значило бы поднять завѣсу съ весьма темнаго въ исторіи вопроса о роли Сиріи въ византійской культурѣ и искусствѣ V—VI вв. Къ сожалѣнію, наука обладаетъ пока весьма скудными свѣдѣніями, которыя даютъ лишь основанія для предположеній и догадокъ, не разрѣшая, однако, предстоящихъ любопытныхъ проблемъ. Встрѣчающіеся по всей Сиріи остатки мертвыхъ городовъ съ чрезвычайно выразительнымъ религіознымъ складомъ жизни, доказываемымъ какъ обиліемъ церквей, такъ надписями и священными изображеніями на стѣнахъ частныхъ домовъ, внушаютъ мысль, что Сирія была глубоко проникнута вѣроисповѣдной идеей (рис. 38). Многочисленнымъ сирійскимъ монастырямъ вполнѣ соотвѣтствуютъ остатки церквей въ мертвыхъ городахъ и селеніяхъ, встрѣчающихся довольно часто въ нынѣшней пустынной и безплодной странѣ [1]).

Въ Сиріи было громадное число монастырей какъ православ-

[1]) Моя статья: „Археологическіе памятники Сиріи“ („Извѣстія“, VII).

ныхъ, такъ и еретическихъ. Въ Антіохіи, Селевкіи, Эдессѣ, Амидѣ и другихъ городахъ сосредоточивались большія монашескія общины, многія изъ которыхъ достигли 1000 человѣкъ. Таковы монастырь

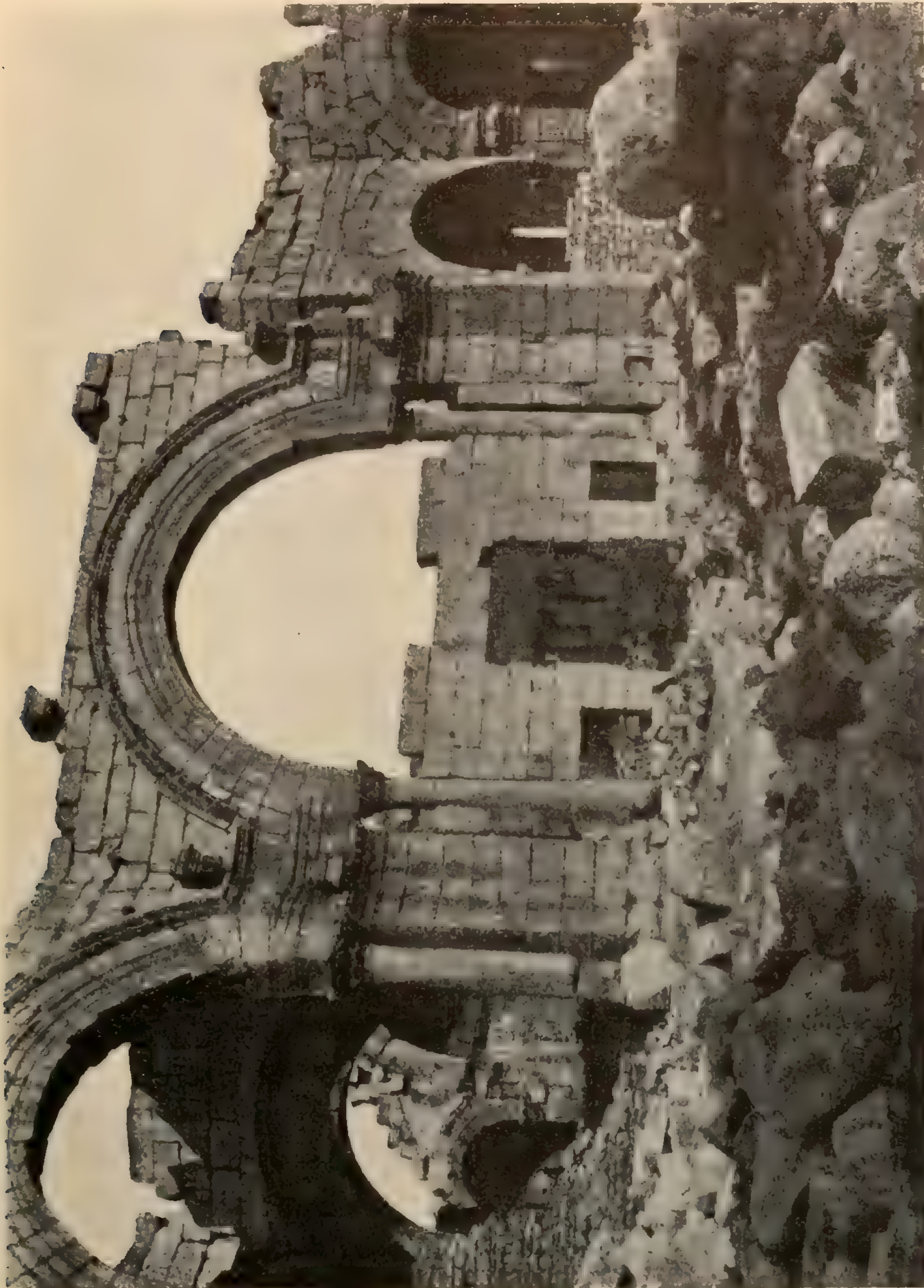

Рис. 38. Восьмиугольный дворъ.

св. Ѳомы въ Селевкіи, монастырь Цукнинъ и св. Іоанна въ Амидѣ, Симеона Столпника близъ Антіохіи. Подвиги аскетизма и пустыннической жизни были здѣсь обычнымъ явленіемъ и возбуждали общее

уваженіе. Никого не удивлялъ видъ людей, живущихъ какъ дикіе звѣри въ уединенныхъ горахъ и въ пещерахъ, или долгіе годы подвизавшихся въ тѣсномъ пространствѣ между высокими стѣнами и сообщавшихся съ внѣшнимъ міромъ только чрезъ отверстіе въ стѣнѣ. Самые странные обычаи и необыкновенные поступки возбуждали похвалу и соревнованіе: какъ блаженный Маркъ обнаженнымъ предпринималъ продолжительныя прогулки по снѣгу, какъ блаженный Захарія имѣлъ камень во рту, чтобы пріучить себя къ молчанію, и носилъ на тѣлѣ веревку съ тремя узлами, впивавшимися въ его спину. Мѣстному герою и подвижнику Симеону удалось провести въ жизнь новый способъ самоистязанія—подвигъ стоянія на высокомъ столпѣ (рис. 37). И этотъ подвигъ съ V вѣка нашелъ себѣ многихъ подражателей на Востокѣ.

Симеонъ Столпникъ еще при жизни пользовался громадной славой, такъ что множество почитателей стекалось къ нему со всѣхъ сторонъ для испрошенія благословенія и молитвы. И уже немного спустя по его смерти на мѣстѣ его подвиговъ построенъ былъ величественный памятникъ, и до нынѣ поражающій воображеніе своими размѣрами, богатствомъ и архитектурой, хотя отъ него остались только стѣны съ грудой обломковъ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ устройствѣ монастыря принимали главное участіе правительство и августа Пульхерія.

Симеонъ происходилъ изъ крестьянской среды и родился въ Сиріи. Въ юныхъ лѣтахъ онъ оставилъ родителей и удалился въ пустыню, гдѣ подвизался подъ руководствомъ блаженнаго Иліодора и превзошелъ всѣхъ жившихъ вмѣстѣ съ нимъ пустынниковъ постомъ и подвигами самоистязанія. Чтобы обезпечить себѣ уединеніе и оградить себя отъ толпы посѣтителей, приходившихъ къ нему ради покаянія и молитвы, Симеонъ придумалъ способъ порвать всѣ земныя связи; для этого онъ устроилъ себѣ высокій столпъ, на который удалился ради поста и уединенія и на которомъ оставался 40 лѣтъ. Съ тѣхъ поръ въ особенности распространилась слава о святомъ подвижникѣ не только по Сиріи, но и по сосѣднимъ странамъ. Язычники и христіане стекались къ столпу Симеона со всѣхъ сторонъ; первые крестились, удивленные его подвигами, вторые получали исцѣленія отъ многообразныхъ болѣзней. Когда Симеонъ пользовался уже широкой извѣстностью, къ нему пришла разъ

Рис. 39. Домъ съ изображенiемъ агнца на стѣнѣ (+).

его мать, желая увидѣть своего сына. Вотъ какъ въ житіи Симеона описано это. „Выслушай удивительную тайну. Мать его, узнавъ, гдѣ онъ находится, пришла и пожелала видѣть его. Она съ плачемъ умоляла объ этомъ въ притворѣ монастыря, но Симеонъ не позволилъ ей придти къ нему; приставила лѣстницу къ стѣнѣ, но свалилась на землю. Сынъ велитъ передать ей: оставь меня спокойнымъ въ сей жизни, матушка; если будемъ достойны, увидимся въ будущемъ вѣкѣ. Старушка, услыхавъ это, воспылала еще большимъ желаніемъ видѣться съ сыномъ. Но Симеонъ велѣлъ сказать ей: побудь тамъ еще немного и успокойся, мы скоро свидимся.—Она осталась въ притворѣ и скоро умерла. Тогда сынъ приказалъ принести мать и положить возлѣ своего столпа и сказалъ: Господи! прими духъ рабы твоея. При этихъ словахъ тѣло обнаружило признаки жизни, и на лицѣ появилась улыбка".—Благочестивый императоръ Ѳеодосій II и сестра его царевна Пульхерія переписывались съ Симеономъ по церковнымъ дѣламъ и спрашивали его мнѣнія по волнующимъ государство вопросамъ. Можно думать, что Симеонъ подавалъ свое мнѣніе и по дѣламъ Халкидонскаго собора. Значеніе Симеона было общегосударственное, такъ что возникшій на мѣстѣ его подвиговъ храмъ долженъ быть разсматриваемъ какъ государственный памятникъ.

Говоря о св. Симеонѣ Столпникѣ, необходимо прежде всего замѣтить, что онъ не относится къ числу извѣстныхъ политическихъ или литературныхъ дѣятелей и не обязанъ своей знаменитостью какимъ-нибудь исключительнымъ внѣшнимъ подвигамъ. И между тѣмъ церковная исторія едва ли можетъ указать болѣе популярное и болѣе извѣстное имя въ первые вѣка христіанства, чѣмъ имя Симеона Столпника.

Должно думать, что нашъ святой есть продуктъ того религіознаго настроенія и глубокаго воодушевленія аскетическими подвигами, какое замѣчается не только въ Сиріи, но и на всемъ Востокѣ въ V и VI вѣкахъ. Всесвѣтной славой своей онъ обязанъ, главнымъ образомъ, тому способу самоусовершенствованія и аскетическаго подвига, который онъ избралъ и освятилъ своимъ примѣромъ. Это было стояніе на столпѣ. „Эта новость—говоритъ Тилльмонъ [1]) — въ

---

[1]) Tillemont, „Mémoires pour servir à l'histoire eccles.", XV, p. 347: „il n'y a guere de saints dans l'eglise dont le nom soit aussi célèbre qu'est celui de S. Symeon Stylite. Cependant l'honneur que nous luy rendons aujourdhui n'est qu'un reste de celuy que les Fidèles luy ont rendu de son vivant mesme"; см. еще p. 452.

самомъ дѣлѣ сначала всѣхъ поразила, одни осмѣивали ее, другіе осуждали: противъ Симеона выставили обвиненіе, что онъ изъ тщеславія ведетъ такой родъ жизни". Тѣмъ не менѣе, извѣстность св. Си-

Рис. 40. Городъ Симеона. Западная церковь.

меона распространялась быстро. Къ нему приходили не только изъ ближайшихъ селеній, но и издалека; одни приводили расслабленныхъ, другіе просили у него исцѣленія отъ различныхъ болѣзней, всѣ по вѣрѣ ихъ получали просимое и распространяли славу о чудо-

дѣйственной силѣ св. Симеона на далекія страны (рис. 40). Стали приходить въ Сирію изъ отдаленнѣйшихъ странъ: изъ Испаніи, Англіи и Галліи, а въ Римѣ изображенія святого ставились въ притворахъ ремесленныхъ заведеній. О громадномъ авторитетѣ Симеона свидѣтельствуетъ то значеніе, какое придавалъ ему императоръ Ѳеодосій младшій въ вопросѣ о церковныхъ волненіяхъ. Изъ писемъ Ѳеодосія ясно, что императоръ приписываетъ его молитвамъ уничтоженіе ереси Несторія и ожидаетъ мира церкви отъ благотворнаго вліянія Симеона на тѣхъ, которые поддерживаютъ церковныя смуты.

Вслѣдъ за смертью Симеона послѣдовали событія, которыя свидѣтельствуютъ о громадномъ его вліяніи. Въ Антіохіи поднялся бунтъ, такъ какъ жители требовали, чтобы тѣло святого подвижника было погребено въ ихъ городѣ; при этомъ торжественное перенесеніе тѣла Симеона въ Антіохію состоялось подъ наблюденіемъ префекта преторіи Ардавурія и готскаго отряда, которымъ онъ командовалъ.—О современномъ императорѣ Львѣ I также разсказывается, что онъ желалъ перенести тѣло Симеона въ столицу и только подъ вліяніемъ настойчивыхъ просьбъ антіохійцевъ отказался отъ своего намѣренія. Исторія не даетъ, говоритъ Де Вогюэ [1]), точной даты постройки великой церкви, но она указываетъ довольно приблизительныя границы, въ которыхъ слѣдуетъ поставить хронологію постройки. Историкъ Евагрій, посѣтившій этотъ храмъ, даетъ описаніе памятника, которое вполнѣ подходитъ къ сохранившимся еще и по нынѣ развалинамъ. Евагрій сдѣлалъ свое путешествіе около 560 г.,—значитъ, между этой эпохой и временемъ смерти св. Симеона нужно полагать постройку храма, т.-е. ко второй половинѣ V в. нужно относить постройку памятника въ честь Симеона Стилита. „Церковь построена была въ видѣ креста, котораго четыре конечности украшены портиками. Къ этимъ портикамъ примыкаютъ ряды каменныхъ колоннъ, поддерживающихъ крышу. Въ серединѣ обширный открытый дворъ, на которомъ находилась и колонна—мѣсто подвиговъ св. Симеона. Толпы окрестныхъ крестьянъ допускаемы были во дворъ вмѣстѣ со своими вьючными животными и въ день памяти Симеона водили хороводы вокругъ столпа. Женщинамъ былъ запрещенъ входъ не

---

1) De Vogüé, „Syrie Centrale", I, p. 142; ср. Ѳ. Успенскій, „Памятники Сиріи" („Извѣстія" Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ, VII).

только въ храмъ, но и во дворъ". Монастырь раздѣлялъ судьбы христіанства въ Сиріи. Арабское завоеваніе не лишило его значенія и вліянія. Хотя арабы нѣсколько разъ разоряли его, но можно думать, что онъ скоро оживалъ вновь и обогащался вслѣдствіе благотвореній окрестнаго населенія. Можно прослѣдить судьбу его черезъ всѣ средніе вѣка. Въ то время, какъ окрестныя области постепенно лишались населенія, въ то время какъ сирійскіе города и поселки приходили въ обнищаніе и запустѣніе (рис. 41), монастырь Симеона

Рис. 41. Апсида церкви въ Гауаринѣ.

Стилита долго еще собиралъ въ свои стѣны вѣрныхъ почитателей подвижника.

Въ то же самое время, какъ въ Сиріи создавался культъ Симеона Столпника, на западной границѣ имперіи, въ европейскихъ провинціяхъ ея, постепенно образовался громадный авторитетъ великомученика Димитрія, культъ котораго хотя и централизовался въ Солуни, но обнималъ весь Балканскій полуостровъ. О происхожденіи и первоначальномъ видѣ повѣствованій о св. Димитріи можно сказать мало опредѣленнаго, но уже въ началѣ V вѣка былъ построенъ

великолѣпный храмъ и на день памяти его, 26 октября, въ Солунь стекалась громадная масса богомольцевъ и торговыхъ людей съ Балканскаго полуострова и съ побережій Средиземнаго моря. Великомученикъ Димитрій по своему вліянію и обширному театру дѣятельности далеко оставляетъ за собой сирійскаго подвижника. Роль его въ исторіи средневѣковаго византинизма также гораздо глубже и шире. Это легко понять уже изъ того, что св. Димитрій имѣетъ театромъ своей дѣятельности богатый и торговый городъ, занимавшій первое мѣсто послѣ Константинополя, и что главнѣйшей частью своей покровительственной городу роли онъ входитъ непосредственно въ исторію славянъ, бывшихъ сосѣдями и врагами этого греческаго города. Въ виду указанныхъ обстоятельствъ находимъ умѣстнымъ остановиться вниманіемъ на выясненіи культа св. Димитрія. Въ самое послѣднее время при передѣлкахъ въ древнемъ храмѣ св. Димитрія (рис. 42) открыты мозаики, почти современныя происхожденію храма и бросающія новый свѣтъ какъ на исторію распространенія культа св. Димитрія, такъ и на историческое значеніе житья его и сказаній о чудесахъ [1]).

Изображеніе св. Димитрія на открытыхъ въ церкви мозаикахъ повторяется болѣе 10 разъ. Существеннымъ и неизмѣннымъ характеромъ изображенія является фигура во весь ростъ съ лицомъ, обращеннымъ прямо къ зрителю (en face), ясный и блестящій взоръ, молодое безбородое лицо, длинная и широкая одежда съ нашитымъ широкимъ клавомъ и съ фибулой того же цвѣта, что верхняя одежда (см. таблицу въ краскахъ). Этотъ образъ св. великомученика вполнѣ соотвѣтствуетъ тому литературному воззрѣнію, которое выразилось въ самыхъ древнихъ, до насъ дошедшихъ сказаніяхъ. Обнаруженныя въ храмѣ св. Димитрія мозаики какъ по своему сюжету, такъ и по высокимъ качествамъ исполненія заслуживаютъ особеннаго вниманія. Сопоставленныя съ текстами житій, изъ коихъ впрочемъ, ни одно не восходитъ далѣе VIII вѣка, эти мозаики, въ свою очередь, могутъ служить подтвержденіемъ для текстовъ.

Укажемъ наилучше сохранившіяся и болѣе древнія мозаики съ изображеніемъ св. Димитрія. Рис. 43 представляетъ три изобра-

1) Моя статья „О вновь открытыхъ мозаикахъ въ церкви св. Димитрія" („Извѣстія", т. XIV).

„Исторія Византійской Имперіи"

Лит. И. Кадушина С.П.Б

Рис. 42. Внутренній видъ базилики св. Димитрія.

женія во весь ростъ. Это не только лучшая мозаика по сохранности. но также важнѣйшая по своему сюжету, и по мастерству исполненія стоящая рядомъ съ самыми высокими образцами переходной эпохи отъ классическаго къ византійскому искусству. Если средняя фигура съ нимбомъ въ общемъ даетъ типическія черты патрона Солуни, не прибавляя ничего ни въ орнаментѣ, ни въ деталяхъ воспроизведенія, то стоящія около съ правой и лѣвой стороны фигуры даютъ индивидуальныя черты, отличаясь тщательностью отдѣлки въ лицѣ и въ одеждѣ и передавая портретныя особенности. Значеніе этой мозаики, независимо отъ всего прочаго, указывается въ подписи, которая читается въ переводѣ слѣдующимъ образомъ: „Ты видишь строителей всеславнаго храма (стоящихъ) по ту и другую сторону мученика Димитрія, (который) отвращаетъ варварскій напоръ варварскаго флота и освобождаетъ городъ".

Какъ можно понять, художникъ представилъ здѣсь композицію, въ которую вложилъ довольно разнообразное содержаніе. Прежде всего мы имѣемъ двухъ строителей храма, изъ коихъ одинъ въ свѣтскомъ одѣяніи съ аттрибутами высшей гражданской и военной власти, другой въ церковномъ облаченіи съ евангеліемъ на груди. Святой Димитрій держитъ свои руки на плечахъ предстоящихъ, чѣмъ едва ли выражается только близость и благоволеніе его къ строителямъ. Если принять въ соображеніе, что въ подписи обращается вниманіе и на то, что св. Димитрій есть защитникъ города отъ варваровъ, угрожающихъ городу съ моря, то для художника предстояла задача выразить въ своей композиціи и эту мысль. Независимо отъ того, занимающая насъ композиція можетъ заслуживать вниманія и съ другой стороны. Строитель храма св. Димитрія собственно былъ одинъ, это префектъ Иллирика Леонтій, которому вообще и принадлежитъ главная заслуга въ распространеніи культа мученика. Мѣстные епископы принимали участіе въ возобновленіи храма и въ украшеніи его, но въ ктиторской дѣятельности рядомъ съ префектомъ Леонтіемъ не упоминается объ епископѣ солунскомъ [1]). Переходя къ реальному комментарію мозаики, считаемъ умѣстнымъ замѣтить, что она весьма интересна по многимъ подробностямъ своей техники. По правую сторону св. Димитрія имѣемъ изображеніе епископа. Это или

---

[1]) Подробности въ указанной выше статьѣ („Извѣстія", т. XIV).

Рис. 43. Св. Димитрій и строители храма.

Евсевій, занимавшій епископскую каѳедру въ самомъ концѣ VI в., или Іоаннъ, составитель первой книги чудесъ и жившій въ первой половинѣ VII в. По лѣвую руку св. Димитрія изображенъ префектъ Иллирика Леонтій, получившій исцѣленіе отъ тяжкой болѣзни при гробницѣ великомученика Димитрія въ начальный періодъ распространенія славы его по Балканскому полуострову. Въ сказаніи о страданіяхъ св. Димитрія повѣствуется о Леонтіи, что, исцѣлившись отъ своей болѣзни, онъ построилъ на мѣстѣ небольшой часовни, гдѣ покоилось тѣло великомученика, великолѣпный храмъ, который существовалъ во время составителя сказанія, и который, какъ можно думать, въ основныхъ частяхъ сохранился и по настоящее время.

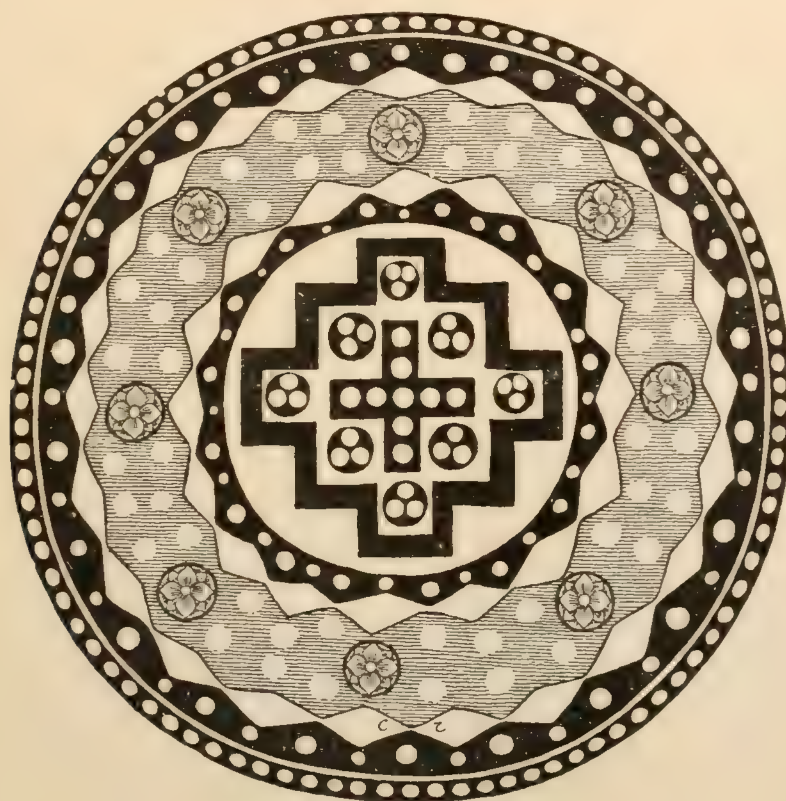
Слѣдуя древнѣйшему житію, первоначальная небольшая часовня или церковь надъ гробомъ святого Димитрія была замѣнена уже въ началѣ V вѣка большимъ храмомъ, построеннымъ однимъ изъ усердныхъ почитателей великомученика, упомянутымъ префектомъ Иллирика Леонтіемъ. Итакъ, тотъ храмъ, который соотвѣтствовалъ широкой извѣстности и славѣ св. Димитрія, былъ построенъ уже въ началѣ V в., когда, повидимому, начинали создаваться сказанія объ его чудесахъ. Къ сожалѣнію, не сохранилось такого описанія этого храма, по которому можно было бы опредѣленно характеризовать его и отождествить. Точно также и въ первоначальныхъ сказаніяхъ о чудесахъ не находимъ никакихъ хронологическихъ данныхъ. Лишь одно важное для храма св. Димитрія обстоятельство можно заимствовать изъ древнѣйшихъ житій, что этотъ храмъ имѣлъ въ себѣ особенную святыню: серебряную раку подъ сѣнью, или такъ называемый киворій, находившійся, по преданію, надъ мѣстомъ, гдѣ было погребено тѣло великомученика. Киворій считался самой главной святыней храма, сюда обыкновенно обращались вѣрующіе съ горячими молитвами и здѣсь сосредоточивались дорогія приношенія, близъ киворія получались исцѣленія отъ различныхъ болѣзней.

Въ исторіи храма былъ случай, который сопровождался большимъ пожаромъ, растопившимъ означенный киворій. Этотъ случай стоялъ въ связи съ нападеніемъ славянъ на Солунь и, слѣдовательно, долженъ относиться къ самому концу VI вѣка.

Послѣ пожара, имѣвшаго мѣсто въ концѣ VII вѣка, храмъ св. Димитрія былъ исправленъ и возобновленъ путемъ пожертвованій и частной благотворительности, какъ это опредѣленно объяснено въ

чудесахъ, и какъ легко замѣтить при нѣкоторомъ вниманіи къ архитектурнымъ особенностямъ нынѣшняго храма.

Но самымъ высокимъ значеніемъ пользовался палладій самой столицы, Богоматерь, которая своимъ всегдашнимъ предстательствомъ и заступленіемъ неоднократно спасала городъ отъ крайней опасности. Участіе Панагіи въ судьбахъ столицы засвидѣтельствовано многочисленными литературными памятниками и, между прочимъ, знаменитымъ Акаѳистомъ „Взбранной воеводѣ", въ которомъ нашли выраженія самыя тревожныя историческія эпохи Константинополя и самые высокіе порывы религіознаго воодушевленія и духовнаго подъема. Къ этому памятнику мы будемъ имѣть случай не одинъ разъ возвращаться.

ГЛАВА XI.

ЛЕВЪ I И ЗИНОНЪ. СЛѢДСТВІЯ ХАЛКИДОНСКАГО СОБОРА. ОСНОВАНІЕ ОСТЪ-ГОТСКАГО ГОСПОДСТВА ВЪ ИТАЛІИ.

ереходя къ изложенію ближайшихъ послѣ Халкидонскаго собора событій, замѣтимъ вмѣстѣ съ покойнымъ Гельцеромъ, что разсматриваемыя съ политической точки зрѣнія постановленія Халкидонскаго собора составляли большое бѣдствіе для Византійской имперіи. Въ тотъ періодъ, когда великая политическая идея восходила къ церковному сознанію, анти-эллинское національное чувство сирійцевъ и египтянъ нашло себѣ спайку въ протестѣ противъ Халкидонскаго собора [1]). Здѣсь разумѣется не только ближайшій результатъ—отдѣленіе Сиріи и Египта и части Малой Азіи отъ общенія съ господствующей церковью и широкое развитіе на Востокѣ монофизитства, но и болѣе отдаленныя слѣдствія, обнаружившіяся въ политическомъ разобщеніи египтянъ и сирійцевъ съ имперіей, въ успѣхѣ арабскаго завоеванія и даже въ послѣдующихъ затѣмъ событіяхъ.

Въ 457 г. со смертью Маркіана выступилъ династическій вопросъ, такъ какъ изъ поколѣнія Ѳеодосія Великаго не оставалось представителей. Чаще всего какъ въ предыдущее, такъ и въ послѣдующее время въ подобномъ случаѣ практиковался обычай кооптаціи или назначенія преемника еще при жизни царствующаго лица, но правовой порядокъ состоялъ въ избраніи императора сенатомъ и войскомъ или народомъ. Какъ извѣстно, отсутствіе точнаго закона престолонаслѣдія не разъ ставило имперію въ крайне опасное положеніе,

---

1) Krumbacher, „Geschichte der Byzantin. Literatur", S. 919 (2-te Ausgabe).

но нельзя отрицать и того, что это же обстоятельство часто открывало дорогу къ власти самымъ способнымъ государственнымъ людямъ. Въ разсматриваемое время дѣло обошлось безъ потрясеній, не оказалось необходимости ни въ примѣненіи кооптаціи, ни въ народномъ избраніи. Въ гражданской и военной администраціи было громадное множество иностранцевъ по преимуществу германскаго происхожденія, цѣлые отряды войскъ состояли изъ германцевъ, предводители коихъ имѣли важное политическое значеніе въ имперіи. Готскій родъ, во главѣ котораго стояли Аспаръ и Ардавурій, цѣлыхъ три поколѣнія владѣлъ могущественнымъ вліяніемъ на дѣла, назначая правителей и раздавая гражданскія и военныя должности. Не разъ передъ представителями этой фамиліи открывался соблазнъ захватить императорскую власть, но они предпочитали править, а не царствовать. Есть мнѣніе, будто существеннымъ препятствіемъ къ этому было то, что Аспаръ и Ардавурій какъ аріане имѣли противъ себя духовенство. Такимъ образомъ, по смерти Маркіана Аспаръ вошелъ въ соглашеніе съ однимъ изъ подвластныхъ ему военныхъ чиновъ и, заручившись отъ него всякими гарантіями, употребилъ все свое вліяніе къ возведенію его на царство. Такъ вступилъ на престолъ Левъ I ѳракіецъ по происхожденію, стоявшій во главѣ имперіи отъ 457 по 474 годъ. Весьма любопытно отмѣтить здѣсь, что вступленіе Льва на престолъ ознаменовано въ первый разъ употребленнымъ въ имперіи актомъ — церковнымъ вѣнчаніемъ на царство и мѵропомазаніемъ, совершеннымъ патріархомъ Анатоліемъ. Съ тѣхъ поръ это вѣнчаніе или коронованіе вошло въ обязательный обычай для всѣхъ византійскихъ царей, отъ которыхъ усвоено было и другими христіанскими владѣтелями. Левъ I оказался, однако, далеко не такимъ удобнымъ орудіемъ, какимъ желалъ имѣть его Аспаръ, вслѣдствіе чего между ними скоро возникли недоразумѣнія, подготовившія мало-по-малу паденіе временщика и всего его рода, какъ то мы видѣли выше.

Прежде всего Льву предстояло опредѣлить свои отношенія къ религіозному вопросу, волновавшему государство. Наиболѣе сильное движеніе въ пользу монофизитскаго ученія, формулированнаго Евтихіемъ и осужденнаго Халкидонскимъ соборомъ, обнаружилось въ Палестинѣ. Сюда прибылъ александрійскій монахъ Ѳеодосій, присутствовавшій на соборѣ, и началъ волновать мѣстное монашество и

простой народъ извѣстіями о томъ, что постановленіями собора нарушена старая вѣра, и утверждено ученіе еретика Несторія. Такъ образовалось сильное движеніе въ Палестинѣ, поддержанное мѣстнымъ монашествомъ и имѣвшее цѣлью въ одно и то же время отвергнуть ученіе Евтихія о томъ, что человѣческое естество во Христѣ поглощено божескимъ, и протестовать противъ признанныхъ Халкидонскимъ соборомъ двухъ естествъ (діофизитизмъ). Вожди движенія выставили на своемъ знамени принципъ одного естества и положили начало монофизитскаго ученія въ тѣсномъ смыслѣ, въ отличіе отъ Евтихіева. Скоро это движеніе получило политическій характеръ и начало угрожать большими опасностями, когда его приняла подъ свою защиту проживавшая въ Іерусалимѣ вдова царя Ѳеодосія II, Евдокія. Когда епископъ іерусалимскій Ювеналій не рѣшился подчиниться народному требованію и анаѳематствовать халкидонскія постановленія, въ городѣ начался бунтъ противъ церковной власти, пожары и убійства, при чемъ виновникъ всего движенія, монахъ Ѳеодосій, возведенъ былъ въ епископы Іерусалима на мѣсто низвергнутаго Ювеналія. Отпаденіе отъ господствующей церкви и избраніе новыхъ епископовъ распространилось и на другіе города Палестины. Не менѣе сильное движеніе въ томъ же направленіи происходило въ Египтѣ. Уже на Халкидонскомъ соборѣ 13 египетскихъ епископовъ не согласились дать своей подписи къ соборнымъ дѣяніямъ. Единомышленники ихъ въ Александріи, которыхъ было большинство, подняли возстаніе противъ вновь избраннаго въ патріархи Протерія и нанесли полное пораженіе правительственной партіи тѣмъ, что измѣннически уничтожили александрійскій гарнизонъ. Независимо отъ того обнаружилась въ то же время церковная революція; во главѣ стали два клирика, Тимоѳей Элуръ и Петръ Монгъ, которые вмѣстѣ съ примкнувшими къ нимъ епископами и монахами и александрійской чернью захватили епископскую церковь. Тимоѳей, избранный въ александрійскіе епископы на мѣсто умерщвленнаго Протерія, сталъ замѣщать подвѣдомственныя ему епископіи своими приверженцами и на собранномъ имъ синодѣ произнесъ отлученіе на Халкидонскій соборъ, на царя и патріарха.—Не лучше было положеніе въ Антіохіи. И тамъ противъ господствующей церкви поднимается монахъ Петръ, по прозванію валяльщикъ, организовавшій многочисленную партію противъ православнаго епископа Мартирія и самъ занявшій

его каѳедру въ Антіохіи. Какъ и въ другихъ діоцезахъ, монофизитскій епископъ старался поставить на подвѣдомственныя Антіохіи каѳедры новыхъ епископовъ, изгнавъ послѣдователей Халкидонскаго собора. Составленный имъ соборъ произнесъ анаѳему противъ діофизитовъ или православныхъ. Такимъ образомъ, новому императору предстояло считаться съ организованнымъ бунтомъ въ Іерусалимѣ, Антіохіи и Александріи, возникшимъ на почвѣ церковной, но питаемымъ также и національными и политическими тенденціями. Въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ положеніе императора было въ высшей степени затруднительнымъ. Присланную ему жалобу на Тимоѳея Элура императоръ разослалъ по всѣмъ епископіямъ имперіи и спрашивалъ мнѣнія всѣхъ епископовъ по поводу событій въ Александріи. Хотя большинство высказалось противъ александрійскаго епископа, но императоръ не рѣшился принять строгихъ мѣръ противъ Элура, а позволилъ ему явиться въ Константинополь для объясненій и только по настояніямъ римскаго епископа Льва сослалъ его въ Херсонисъ. Осторожно и умѣренно отнесся императоръ и къ іерусалимскимъ волненіямъ и достигъ того, что монофизитскій епископъ бѣжалъ на Синай, послѣ чего снова получила господствующее положеніе православная партія. Точно также не безъ большихъ затрудненій удалось прекратить смуту въ Антіохіи послѣ того, какъ епископъ Петръ былъ изгнанъ, и возстановлены на мѣстахъ приверженцы Халкидонскаго собора. Несмотря, однако, на временный успѣхъ, положеніе церковныхъ дѣлъ не могло считаться упроченнымъ, такъ какъ на Востокѣ продолжало таиться глубокое раздраженіе противъ православной партіи, возобладавшей при помощи свѣтской власти и оружія.

Кромѣ церковной смуты, вниманіе Льва занимало исключительное положеніе, занятое въ имперіи, въ особенности въ войскѣ, варварами. Родъ могущественнаго вождя германскихъ дружинъ Аспара, члены и приверженцы коего занимали высшія мѣста въ войскѣ, представлялъ серьезную опасность въ имперіи. Уже было замѣчено, что Аспаръ былъ самымъ вліятельнымъ лицомъ въ имперіи; при вступленіи Льва онъ выговорилъ нѣкоторыя привилегіи въ пользу своего рода, именно, будто бы, вынудилъ согласіе Льва назначить сына Аспара кесаремъ. Легко видѣть, что на Востокѣ складывался тотъ же порядокъ вещей, который неминуемо привелъ Западную

имперію къ паденію. Левъ понималъ угрожавшую опасность и принялъ всѣ мѣры къ тому, чтобы ослабить преобладающее значеніе германскихъ дружинъ. О взаимныхъ отношеніяхъ между царемъ и Аспаромъ прекрасныя свѣдѣнія передаетъ житье Св. Маркелла обители Акимитовъ. „Аспаръ былъ первый послѣ царя, родомъ и могуществомъ силенъ, изъ племени готѳскаго, подъ рукой его было все войско греческое. И противился царю Аспаръ во многомъ и со всею своею фамиліей былъ тайно враждебенъ царскому, и всей церкви Христовой тяжелъ весьма, ибо много помогалъ аріанамъ и озлоблялъ православныхъ. Благочестивый же царь Левъ, будучи кротокъ и богобоязливъ, терпѣлъ Аспара до времени частью по незлобію, частью по тому, что все войско стояло на сторонѣ дома Аспара".

При полномъ отсутствіи источниковъ трудно, конечно, войти въ оцѣнку обстоятельствъ, которыми воспользовался царь Левъ, чтобы предотвратить угрожавшую опасность отъ германо-готскаго элемента. Но не можетъ быть сомнѣнія, что въ это царствованіе приняты были мѣры къ организаціи національнаго войска и къ ослабленію преобладанія варварскихъ дружинъ. Во всякомъ случаѣ, для Византіи въ царствованіе Льва и благодаря принятымъ имъ мѣрамъ отдалена была та опасность, которая угрожала ей тѣми же потрясеніями, что постигли Западную римскую имперію. Царь Левъ сдѣлалъ важный шагъ къ національзаціи войска, исполнивъ въ этомъ отношеніи совѣты египетскаго епископа императору Аркадію. Въ первый разъ при Львѣ I выступаетъ на сцену народъ исавры, которые жили полунезависимо въ горахъ Тавра и отличались воинственнымъ духомъ. Исаврамъ предоставлены были нѣкоторыя привилегіи за несеніе военной службы, старшины ихъ были приняты на жалованье и облечены въ разныя военныя званія; словомъ, въ этомъ военномъ и преданномъ интересамъ имперіи народѣ царь Левъ постепенно приготовилъ надежное средство для ослабленія вождей германскихъ отрядовъ. И, конечно, это національное дѣло можетъ оправдывать даваемое ему наименованіе великаго.

Весьма вѣроятно, что въ связи съ отношеніями Льва къ Аспару нужно разсматривать бѣдственный исходъ, постигшій хорошо задуманную и прекрасно подготовленную морскую экспедицію противъ вандаловъ. Извѣстно, что полная неудача постигла это предпріятіе изъ-за неспособности Василиска, шурина императора, назначеннаго

на отвѣтственное мѣсто главнокомандующаго преимущественно по настоянію Аспара. Когда походъ окончился полнымъ уничтоженіемъ флота, и Василискъ спасался отъ народнаго раздраженія въ церкви св. Софіи, авторитетъ Аспара значительно былъ ослабленъ. Но рѣшительная мѣра противъ временщика принята была при помощи тѣхъ исавровъ, о которыхъ говорено выше. Начальникъ племени исавровъ, по имени Зинонъ, былъ обласканъ царемъ и женатъ на его дочери Аріаднѣ въ 458—9 г.; съ этихъ поръ соплеменникамъ Зинона предоставлены были особенныя права военной службы, такъ что преобладанію германскаго элемента постепенно полагались ограниченія. Съ тѣхъ поръ, какъ Зинону препоручено было командованіе восточными войсками (около 464 г.), дальнѣйшій ходъ дѣлъ не трудно было предвидѣть. Начинаются враждебныя отношенія между германской и исаврійской партіей, сдѣлано было разъ покушеніе на жизнь Зинона. Тогда послѣдній, конечно, не безъ вѣдома императора, рѣшился на крайнее средство. Въ 471 году произведенъ былъ переворотъ, стоившій жизни Аспару и сыну его Ардавурію и окончательно лишившій значенія германскую партію. Хотя прозваніе „мясника", оставшееся за Львомъ, можетъ имѣть свое объясненіе именно въ безпощадномъ избіеніи партіи Аспара и Ардавурія, но съ точки зрѣнія интересовъ организующейся имперіи на Востокѣ націонализація войска должна быть поставлена ему въ большую заслугу.

Левъ умеръ въ 474 году, назначивъ преемникомъ своего малолѣтняго внука, сына Зинона и Аріадны, по имени Льва, который, однако, неожиданно скончался, избравъ въ соимператоры своего отца и, такимъ образомъ, обезпечивъ за нимъ преемство власти. Довольно продолжительное царствованіе Зинона (474—491) отличалось большими внутренними потрясеніями, объясняемыми частью борьбою партій политическихъ и церковныхъ, частью честолюбивыми тенденціями членовъ царской семьи. Въ это время замѣтны вліянія: 1) вдовы умершаго царя Льва I Верины, женщины способной и честолюбивой, желавшей держать въ своихъ рукахъ вліяніе на дѣла и пользовавшейся для этого какъ орудіемъ братомъ своимъ Василискомъ; 2) царицы Аріадны, которая естественно считала себя, какъ дочь и мать императоровъ, ближе всѣхъ къ высшей власти; 3) наконецъ, временщиковъ Василиска, Илла и др.

Уже черезъ годъ по вступленіи Зинона на престолъ въ Константинополѣ обнаруживается враждебное къ новому царю движеніе, такъ что онъ долженъ былъ спасаться бѣгствомъ въ Исаврію. Можно догадываться, что во главѣ враждебной Зинону партіи стояла Верина, но ей не удалось захватить власть; національная партія, руководимая духовенствомъ, выдвинула Василиска, который послѣ злосчастной экспедиціи противъ вандаловъ долгое время оставался не у дѣлъ, и котораго только крайняя непопулярность Зинона могла снова выдвинуть на первыя мѣста.

Послѣ бѣгства Зинона Василискъ въ началѣ 476 г. захватилъ высшую власть и около двухъ лѣтъ стоялъ во главѣ имперіи; противъ приверженцевъ Зинона началось гоненіе; соплеменники его, исаврійцы, были преслѣдуемы и убиваемы. Реакція обнаружилась и со стороны церковной: при Василискѣ православная партія утратила свое вліяніе, и монофизиты, т.-е. противники халкидонскихъ постановленій, снова подняли голову въ Сиріи и Египтѣ. Константинопольскій епископъ Акакій пытался удержать Василиска въ церковномъ подчиненіи, простой народъ и монахи начали волноваться. Въ Константинополѣ произошелъ большой пожаръ, истребившій много домовъ и, между прочимъ, часть библіотеки, при чемъ погибли весьма цѣнныя рукописи и художественные памятники. Указанныя обстоятельства въ соединеніи съ личными качествами Василиска, лишеннаго и политическаго такта, и самыхъ элементарныхъ правилъ честности, произвели къ нему общее охлажденіе, не исключая даже ближайшихъ къ нему лицъ. Этимъ воспользовался Зинонъ въ цѣляхъ возстановленія своей власти и авторитета въ столицѣ. Посланный противъ него Василискомъ полководецъ Иллъ предпочелъ предаться на сторону Зинона; точно такъ же поступилъ и предводитель ѳракійскихъ войскъ Арматій. Лишенный всѣхъ средствъ защиты, Василискъ рѣшился-было опереться на православную партію въ Константинополѣ, обѣщая ей отмѣну прежнихъ постановленій въ пользу еретиковъ и опубликованія отлученія на Несторія и Евтихія. Но ему не повѣрили и охотно впустили въ Константинополь Зинона, не оказавъ ему сопротивленія. Василискъ искалъ спасенія въ храмѣ св. Ирины и не прежде оставилъ его, какъ получивъ обѣщаніе Зинона не посягать на его жизнь. Заточенный послѣ того въ Арменіи въ Кукузъ, онъ умеръ въ 477 году.

Зинонъ обязанъ былъ возвращеніемъ власти столько же православной партіи, сколько прямой и непосредственной помощи царицы Верины и вождей Илла и Арматія. Само собой разумѣется, онъ долженъ былъ надавать много обѣщаній своимъ сторонникамъ, которыя исполнить было не совсѣмъ легко. Не говоря о престарѣлой царицѣ Веринѣ, которая скоро лишена была вліянія на дѣла и выслана изъ Константинополя, трудно было удовлетворить притязанія военныхъ людей Арматія и Илла. По отношенію къ первому Зинонъ исполнилъ все, что могъ, назначивъ самого Арматія главнокомандующимъ войскъ, а сыну его Василиску давъ титулъ кесаря. Что касается Илла, онъ долго оставался дѣйствительной поддержкой для Зинона. Ему императоръ былъ обязанъ устраненіемъ опасности, грозившей ему отъ Маркіана, сына римскаго императора Анѳемія въ 479 г. Но, можетъ-быть, это обстоятельство и было причиной большихъ притязаній Илла. Прежде всего по его козням былъ убитъ Арматій, затѣмъ, находясь въ Малой Азіи во главѣ военнаго отряда, онъ началъ возстаніе противъ императора, имѣя намѣреніе лишить Зинона власти и выставивъ самозванца въ лицѣ Леонтія (484). Это движеніе противъ Зинона было, наконецъ, сломлено Ѳеодорикомъ, сыномъ Тріарія, состоявшимъ на службѣ имперіи и командовавшимъ отдѣльнымъ готскимъ отрядомъ. Изъ этого можно до извѣстной степени понять, съ какими затрудненіями связано было царствованіе Зинона и какъ трудно было ему удовлетворить притязанія своихъ приверженцевъ [1]).

Но самымъ важнымъ вопросомъ, предстоявшимъ предъ Зинономъ, былъ церковный вопросъ. Внутреннія смуты въ имперіи поддерживались вслѣдствіе церковнаго раздѣленія. Василискъ и Зинонъ лично не стояли на сторонѣ приверженцевъ халкидонскихъ постановленій о соединеніи двухъ естествъ во Христѣ и, смотря по обстоятельствамъ, держались то православнаго, то еретическаго, т.-е. монофизитскаго воззрѣнія. Теперь, когда возстановленіемъ своимъ на престолѣ Зинонъ обязанъ былъ главнѣйше православной партіи, онъ считалъ себя вынужденнымъ въ своихъ правительственныхъ дѣйствіяхъ высказаться опредѣленно по церковному вопросу. Въ Малой Азіи происходили колебанія даже въ средѣ епископовъ между правосла-

[1]) Для внутреннихъ отношеній см. Sievers, „Studien zur Geschichte der römischen Kaisern“, S. 489.

віемъ и ересью. Но въ Сиріи и Палестинѣ, въ особенности же въ Египтѣ, монофизитское ученіе одерживало верхъ, и ожесточенная борьба религіозныхъ партій доходила до открытаго мятежа противъ правительства. Въ Антіохіи вождемъ враждебной православію партіи былъ епископъ Петръ Кнафей или валяльщикъ, въ Александріи Петръ Монгъ; тамъ и здѣсь угнетаемая и приниженная православная партія обращалась въ Константинополь съ надеждой на поддержку и взывала о правительственномъ вмѣшательствѣ. Константинопольскій епископъ Акакій внушилъ императору мысль сдѣлать попытку примиренія церковныхъ партій. Съ этой цѣлью въ 482 г. изданъ былъ Зинономъ знаменитый актъ единенія или Энотикъ (ἑνωτικόν), такъ назывался эдиктъ, адресованный епископамъ, клирикамъ и монахамъ и всѣмъ христіанамъ Александріи, Египта, Ливіи и Пентаполя и имѣвшій цѣлью сближеніе монофизитовъ съ православными, для чего допустившій нѣкоторыя уступки въ способѣ изложенія спорнаго ученія. Какъ извѣстно, яблокомъ раздора между партіями было ученіе о соединеніи во Христѣ двухъ природъ—божеской и человѣческой нераздѣльно, несліянно, неизмѣнно, непреложно (діофизиты въ противоположность къ монофизитамъ). Составленный Зинономъ актъ долженъ былъ такъ изложить ученіе о Сынѣ Божіемъ, чтобы не затронуть ни православныхъ, ни монофизитовъ. Энотикъ, съ одной стороны, утверждая истинное человѣчество и истинное божество Христа, какъ это было утверждено тремя первыми вселенскими соборами, предаетъ проклятію ересь Несторія и Евтихія, но, съ другой стороны, выразительно упоминая о символѣ первыхъ соборовъ и избѣгая выраженій „одна природа“, „двѣ природы“, какъ-будто намѣренно замалчиваетъ Халкидонскій соборъ, составившій опредѣленіе о двухъ естествахъ. Внесенное же въ актъ упоминаніе объ этомъ соборѣ въ такихъ выраженіяхъ; „кто иначе думаетъ или думалъ, въ Халкидонѣ или на какомъ другомъ соборѣ, да будетъ анаѳема“— могло наводить на сомнѣнія о томъ, какое значеніе приписывается этому собору рядомъ съ другими.

Упомянутый актъ имѣлъ цѣлью, какъ сказано, примирить враждующія церковныя партіи, но намѣренія Зинона и патріарха Акакія не оправдались. Причина этого частью лежала въ національныхъ различіяхъ, составлявшихъ существенный поводъ къ раздорамъ въ имперіи, въ противоположности эллинизма къ восточнымъ національностямъ

Сиріи и Египта, частью въ жаркой полемикѣ противъ этого акта со стороны римскаго папы,—полемикѣ, сопровождавшейся отдѣленіемъ восточной церкви отъ западной на 35 лѣтъ; наконецъ, неудача Энотика лежала и въ самомъ существѣ этого акта—въ его двойственности и неопредѣленности. Монофизиты остались имъ недовольны за то, что онъ прямо не высказывается противъ Халкидонскаго собора; православные ставили Зинону въ вину то, что онъ принялъ на себя смѣлость рѣшать вопросы вѣры безъ собора, и что своимъ актомъ бросилъ тѣнь на авторитетъ Халкидонскаго собора. Такимъ образомъ, слѣдствіемъ этого акта внутри имперіи получилось еще большее раздѣленіе: вмѣсто двухъ партій явилось три, двѣ крайнихъ и одна средняя. Что же касается римской церкви, то послѣдовавшее изъ-за Энотика отлученіе отъ церкви патріарха Акакія и отвѣтъ константинопольскаго епископа изъятіемъ имени римскаго папы изъ диптиховъ восточной церкви является иллюстраціей политическаго отдѣленія Восточной и Западной имперіи, которая къ тому времени совершенно подпадаетъ господству варварскихъ народовъ.

Въ царствованіе Зинона произошли, однако, событія, снова выдвинувшія вопросъ объ единой нераздѣльной имперіи. Послѣ того, какъ миромъ съ вандалами въ 475 г. предотвращена была опасность отъ морскихъ пиратовъ, появляются новые враги въ лицѣ германскаго племени готовъ.

Переходимъ къ изложенію важнѣйшаго политическаго событія времени Зинона—образованію германскаго королевства въ Италіи. Движеніе остъ-готовъ въ Италію до сихъ поръ представляетъ много непонятнаго [1]). И, прежде всего, какими побужденіями руководился императоръ Зинонъ, посылая Ѳеодориха въ Италію? Очень авторитетное мнѣніе высказано Моммсеномъ, что образованіе остъ-готскаго королевства въ Италіи есть въ существѣ дѣло Одоакра, такъ какъ появленіе въ Италіи Ѳеодориха было лишь личной перемѣной стоявшаго во главѣ вождя. Одоакръ первый порвалъ съ традиціей о Западной римской имперіи и, объявивъ себя королемъ, далъ выраженіе варварскимъ притязаніямъ на земельные участки въ Италіи и право поселенія. Когда онъ провозглашенъ былъ 23 августа 476 г. своимъ войскомъ королемъ, уже однимъ этимъ нарушенъ былъ

[1]) Mommsen, „Ostgothische Studien“, S. 245 („Neue Archif der Gesellsch.“, 14 B.) (1889).

прежній порядокъ, такъ какъ Одоакра мало теперь занималъ носитель императорской власти, изъ коихъ одинъ (Непотъ) былъ въ Далмаціи, а другой, съ согласія Одоакра, спокойно доживалъ свои дни въ Кампаніи (Ромулъ-Августулъ). На мѣсто западнаго императора, котораго больше не было, должны были осуществляться въ Италіи имперскія права восточнаго императора, но по существу въ Италіи остались неизмѣнны соціальныя и политическія, и этнографическія отношенія. Въ 478 г. римскій сенатъ по порученію Одоакра послалъ въ Константинополь посольство, которое должно было передать знаки императорской власти упраздненной Западной имперіи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, просить о признаніи совершившагося факта. Послы должны были объяснить, что Италія не нуждается въ отдѣльномъ императорѣ, и что достаточно для Запада и Востока одного общаго императора. Сенатъ предложилъ назначить Одоакра для управленія дѣлами Запада, дать ему достоинство патриція и поручить ему управленіе Италіей. И Зинонъ, несмотря на то, что въ то же самое время западный императоръ Непотъ просилъ у него помощи и войска, нашелъ возможнымъ продолжать переговоры съ Одоакромъ и обѣщалъ дать ему званіе патриція. При всемъ трудномъ положеніи дѣла Одоакръ остался у власти въ продолженіе 13 лѣтъ; по смерти Непота, весьма вѣроятно, Зинонъ уступилъ ему званіе патриція и призналъ его въ правахъ на обладаніе Италіей.

Нужно думать, что итальянскія дѣла, однако, не могли оставаться безразличны для восточнаго императора, что новый порядокъ вещей, установленный Одоакромъ, не имѣлъ исключительно мѣстнаго значенія. Какъ ни скудны сохранившіяся извѣстія, но изъ нихъ можно видѣть, что новое королевство не совсѣмъ укладывалось рядомъ съ имперіей. Первый случай къ тому представился въ смерти Непота (480 г.), которою Одоакръ воспользовался для того, чтобы подчинить Далмацію своей власти, хотя всего естественнѣе было бы ожидать вмѣшательства восточнаго императора въ наслѣдство, оставшееся послѣ западнаго императора. Трудно сказать, принималъ ли Одоакръ прямое участіе во внутреннихъ смутахъ, производимыхъ въ имперіи Василискомъ, Илломъ и Ѳеодорихомъ, сыномъ Тріарія, но есть извѣстія, что византійскіе бунтовщики и повстанцы находили поддержку въ Италіи. Независимо отъ всего прочаго, уже давно примѣняема была въ имперіи политика ослаблять одного варварскаго

предводителя, противопоставивъ ему другого. Съ этой точки зрѣнія слѣдуетъ разсматривать вопросъ о движеніи остготовъ въ Италію.

Со времени распаденія державы гунновъ въ придунайскихъ областяхъ Норикѣ и Панноніи наступаетъ полное безначаліе. Римская власть не доходила до этихъ отдаленныхъ провинцій, и защита ихъ предоставлена была мѣстнымъ силамъ. Хотя Одоакръ сдѣлалъ попытку заявить о своихъ притязаніяхъ на имперскія области на Дунаѣ, но эта попытка вызвала появленіе новой политической и военной силы, которая была причиной гибели Одоакра. Распаденіе имперіи гунновъ имѣло громадное значеніе въ исторіи народностей сѣверо-восточной Европы, и потому необходимо здѣсь нѣсколько остановиться на этнографіи этихъ областей.

Наибольшая заслуга въ дѣлѣ окончательнаго ослабленія гунновъ принадлежитъ гепидамъ, которые послѣ того заняли Дакію. Паннонія занята готами. Дальнѣйшая исторія сосредоточивается около готскаго племени. Но никакъ нельзя думать, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ цѣлыми народами, напротивъ, чаще всего это племена и военныя дружины. Въ исторіи тѣхъ готовъ, которые приняли главное участіе въ образованіи королевства въ Италіи, преимущественное значеніе принадлежитъ тремъ братьямъ изъ рода Амаловъ—Валаміру, Тіудеміру и Видиміру. Они стоятъ во главѣ военныхъ отрядовъ, съ ними переговаривается византійское правительство, они же получаютъ отъ императора денежныя средства на жалованье дружинѣ. Рядомъ съ старшинами изъ рода Амаловъ, другой отрядъ готскаго племени упоминается на нижнемъ Дунаѣ близъ Никополя; есть отрядъ готовъ въ Далмаціи близь Драча. Наконецъ, была еще значительная готская дружина подъ предводительствомъ Ѳеодориха, сына Тріарія, которая даже стояла въ болѣе близкихъ отношеніяхъ къ имперіи, чѣмъ другіе готы, и которая играла роль еще при жизни Ардавурія. Паннонскіе остготы находились въ постоянномъ движеніи, такъ какъ вожди ихъ недовольны получаемымъ отъ имперіи жалованьемъ, дружина ищетъ болѣе обширныхъ и плодородныхъ земель для поселенія. Чтобы заручиться вѣрностью въ исполненіи принятыхъ обязательствъ со стороны готовъ, правительство потребовало отъ нихъ заложника (ок. 461 г.). Такимъ образомъ малолѣтній Ѳеодорихъ, сынъ Тіудеміра, былъ воспитанъ въ Константинополѣ и сдѣлался полуогреченнымъ германскимъ княземъ. Между тѣмъ катастрофа, постигшая въ Кон-

стантинополѣ германцевъ, и появленіе новыхъ военныхъ отрядовъ изъ исаврійцевъ не могли не отразиться на отношеніяхъ между готами и правительствомъ. Прежде всего это вызвало враждебное движеніе среди готскаго отряда во Ѳракіи, во главѣ котораго стоялъ Ѳеодорихъ, сынъ Тріарія, вслѣдствіе родственныхъ отношеній къ Аспару и Ардавурію принявшій слишкомъ близко къ сердцу постигшую ихъ катастрофу. Вождь ѳракійскихъ готовъ требовалъ отъ императора не только наслѣдства, оставшагося послѣ Аспара, но и претендовалъ на то политическое и военное положеніе, которое его родственнику принадлежало въ имперіи. Весьма вѣроятно, что въ цѣляхъ ослабить вождя ѳракійскихъ готовъ, Зинонъ выпустилъ на свободу заложника паннонскихъ готовъ Ѳеодориха, воспитаннаго въ греческихъ нравахъ и около 10 лѣтъ проведшаго въ столицѣ. Но разсчеты Зинона не оправдались.

По возвращеніи къ своимъ соплеменникамъ, Ѳеодорихъ становится во главѣ движенія паннонскихъ готовъ, имѣющаго цѣлью, съ одной стороны, расширеніе занятой ими территоріи на счетъ сосѣднихъ народовъ, съ другой—пріобрѣтеніе военной добычи и средствъ пропитанія. Что всего важнѣй для византійскаго правительства было въ этомъ движеніи—это новое направленіе, данное набѣгамъ подъ предводительствомъ молодого Ѳеодориха: готы появляются въ Македоніи, доходятъ до Ѳессаліи и угрожаютъ осадой Ѳессалоникѣ. Это былъ важнѣйшій моментъ въ отношеніяхъ имперіи къ готамъ.

Вѣроятно, тогда уже Зинонъ вступилъ въ новыя соглашенія съ Ѳеодорихомъ, который по смерти отца своего Тіудеміра сдѣлался представителемъ рода Амаловъ, предоставивъ готамъ нѣкоторыя области въ Македоніи и надѣливъ Ѳеодориха титуломъ magister militum, т.-е. введя его въ тѣсную связь съ имперіей. Во время возмущенія Василиска, которое заставило Зинона бѣжать изъ Константинополя и искать спасенія въ горахъ Исавріи, оба Ѳеодориха, какъ предводитель ѳракійскаго отряда, такъ и вождь паннонско-македонскихъ готовъ, носившіе одинаковый имперскій титулъ и состоявшіе на службѣ, питали честолюбивые замыслы получить первенствующее положеніе и заручиться наибольшимъ вліяніемъ. Василиска поддерживалъ Ѳеодорихъ сынъ Тріарія, Зинонъ опирался на силы и вліяніе другого Ѳеодориха. Возвращеніе Зинона къ власти было въ то же время тріумфомъ для союзника его, Ѳеодориха паннонскаго, который

не только пожалованъ саномъ патриція, но усыновленъ Зинономъ. Для характеристики отношенія имперіи къ германскимъ вождямъ, имѣвшимъ званіе федератовъ, прекрасныя мѣста имѣются у писателя Малха [1]). Правительство Зинона ведетъ переговоры съ Ѳеодорихомъ, сыномъ Тріарія, который заявляетъ недовольство идущимъ отъ имперіи жалованьемъ и выставляетъ слѣдующія причины для своихъ притязаній. „Въ прежнее время онъ могъ бы удовлетвориться и скромнымъ содержаніемъ; нынѣ же, когда его поставили въ необходимость собрать дружину, онъ долженъ или давать достаточное содержаніе своимъ людямъ, или воевать съ имперіей“. Правительство, находясь въ затруднительномъ положеніи, согласилось выдавать Ѳеодориху жалованье на дружину въ 13000 военныхъ людей, которыхъ отъ будто бы содержалъ у себя. Само собой разумѣется, Зинонъ искалъ возможности ослабить слишкомъ притязательнаго федерата, выставивъ противъ него другого варварскаго дружинника. Царствованіе Зинона представляетъ неоднократные примѣры искуснаго примѣненія этой системы, которая помогала устранять серьезную опасность безъ особенныхъ потрясеній.

Военная и политическая карьера Ѳеодориха, сына Тіудеміра, не можетъ имѣть достаточнаго объясненія, если не взвѣсить всѣ обстоятельства его воспитанія и ознакомленія со взаимными отношеніями римскаго міра къ варварскому. Ѳеодорихъ долженъ считаться однимъ изъ даровитѣйшихъ представителей остготскаго племени, который прекрасно понялъ положеніе политическихъ дѣлъ на Востокѣ и Западѣ. Видя, что нѣкоторымъ германскимъ племенамъ выпала уже счастливая роль основать національныя королевства на территоріи имперіи, Ѳеодорихъ не хотѣлъ болѣе ограничиваться скромной ролью федерата, хотя бы и отличеннаго высшими имперскими титулами: онъ начинаетъ заявлять притязанія на болѣе важныя полномочія. Съ этой точки зрѣнія и слѣдуетъ оцѣнивать его безпокойную дѣятельность, пока она не увѣнчалась исполненіемъ его завѣтной мечты. Находившійся подъ его властью народъ-войско, оставивъ паннонскія долины, бродилъ по Македоніи, ища мѣста для осѣдлости. Нужда и голодъ заставляли готовъ искать населенныхъ и обработанныхъ мѣстъ, ибо идеалъ варваровъ — владѣть плодородными землями,

---

1) Malchi Fragm. II ed. Dindorf., p. 397.

обрабатываемыми трудомъ мѣстнаго населенія, властвуя надъ которымъ, можно бы было проводить праздную жизнь господина и воина. Уже находясь въ Македоніи, Өеодорихъ бросалъ взоры на Италію и предлагалъ императору Зинону принять на себя возстановленіе въ Италіи нарушеннаго Одоакромъ порядка и снова призвать жившаго въ Салонѣ Непота на престолъ западныхъ императоровъ [1]). Наблюдавшій за движеніемъ готовъ Өеодориха полководецъ Зинона, Сабиніанъ, нанесъ имъ значительное пораженіе въ 479 году; но въ то же самое время өракійскіе готы Өеодориха, сына Тріарія, стали угрожать самому Константинополю, поставивъ Зинона въ необходимость искать новыхъ союзниковъ на сѣверѣ, чтобы отвлечь отъ Константинополя опасность. Неожиданная смерть вождя өракійскихъ готовъ устранила на этотъ разъ опасность; часть его дружины перешла, повидимому, къ представителю рода Амаловъ, принявъ участіе въ его дальнѣйшихъ приключеніяхъ. Тѣмъ не менѣе, Зинонъ нашелся вынужденнымъ вновь вступить въ соглашеніе съ Өеодорихомъ, которому снова были предоставлены титулъ главнокомандующаго и, кромѣ того, почетное званіе консула на 484 годъ. Въ ближайшее затѣмъ время онъ находится въ близкихъ и дружественныхъ отношеніяхъ къ императору, пользуясь его довѣріемъ. Въ высшей степени любопытно отмѣтить, что Өеодорихъ стоялъ во главѣ имперскихъ войскъ, назначенныхъ противъ бунтовщика Илла, находившагося въ сношеніяхъ съ Одоакромъ; что онъ же участвовалъ въ отраженіи болгаръ, тогда въ первый разъ упоминаемыхъ въ исторіи. Тѣмъ не менѣе, довѣріе къ нему со стороны Зинона не было продолжительно. Еще не было окончено дѣло съ Илломъ въ Малой Азіи, какъ Өеодорихъ былъ отозванъ отъ командованія войсками. Въ 486 г. мы находимъ его въ открытой войнѣ съ имперіей, онъ опустошаетъ Өракію, и до самыхъ стѣнъ Константинополя для него не было преграды, такъ какъ имперское войско было на азіатской сторонѣ и занято усмиреніемъ Илла. Тогда императоръ послалъ въ готскій лагерь сестру Өеодориха, бывшую придворной дамой при императрицѣ, которая и уговорила Өеодориха отступить отъ Константинополя (487). Нужно думать, что въ это время уже начались переговоры на счетъ переселенія остготовъ въ Италію.

---

[1]) Malchi Fragm., 18; Comes Marcell a. 479.

Мысль объ Италіи для Θеодориха не была неожиданностью; уже и ранѣе онъ дѣлалъ императору предложеніе возстановить Непота на престолѣ западнаго императора, прогнавъ изъ Италіи Одоакра. Что касается Зинона, для него близость Θеодориха начала представлять значительныя затрудненія, такъ какъ вождя остготовъ не удовлетворяли болѣе ни титулы и достоинства, ни денежныя выдачи; народъ же, стоявшій подъ его властью, требовалъ отъ него новыхъ земель, которыя обезпечивали бы ему спокойную жизнь и пропитаніе. И какъ-разъ въ это время такъ складывались обстоятельства, что проектъ войны въ Италіи казался весьма своевременнымъ и умѣстнымъ. Съ одной стороны, на Одоакрѣ лежало подозрѣніе, что онъ поддерживаетъ Илла, чѣмъ затронуты были интересы Зинона; съ другой же—у Θеодориха просилъ защиты ругійскій князь Фридрихъ, прогнанный Одоакромъ. Во всякомъ случаѣ, не безъ согласія императора его magister militum сталъ собирать войско для движенія въ Италію. Конечно, не весь народъ готскій пошелъ съ Θеодорихомъ, многіе остались на прежнихъ мѣстахъ, но зато къ нему могли примкнуть и часть руговъ князя Фридриха, и часть охотниковъ изъ другихъ германскихъ племенъ, и, можетъ-быть, нѣкоторые римскіе колонисты. Это была разнообразная по своему составу масса людей, соединенная общимъ военнымъ начальствомъ [1]).

Зимой 488—489 г. началось народное движеніе среди готовъ. Военные люди пѣшкомъ и на коняхъ; дѣти, женщины и старики со всѣми пожитками на возахъ—всѣ эти толпы составляли громадную движущуюся массу народа. Путь шелъ черезъ нынѣшнюю Болгарію къ Срѣму. Здѣсь пытались загородить дорогу гепиды, вѣроятно по внушенію Одоакра, но Θеодорихъ нанесъ имъ страшное пораженіе, захвативъ ихъ лагерь съ большими запасами продовольствія. Дальнѣйшій путь шелъ на Любляны и Аквилею. Одоакръ, очень хорошо понимая, что Θеодорихъ идетъ въ Италію именемъ императора, отвѣтилъ на открытый вызовъ тѣмъ, что провозгласилъ цесаремъ своего сына [2]).

О ходѣ военныхъ столкновеній между Θеодорихомъ и Одоакромъ источники даютъ мало извѣстій. Первое дѣло было 28 августа 489 г. въ

---

1) О числѣ шедшаго въ Италію войска см. соображеніе Dahn, „Die Könige“, II. S. 78.

2) Hartmann, „Gesch. Italiens“, I. 73.

сѣверной Италіи, оно окончилось въ пользу Ѳеодориха; черезъ мѣсяцъ готы стояли подъ Вероной, гдѣ Одоакръ собралъ свои силы, но и здѣсь перевѣсъ былъ на сторонѣ Ѳеодориха. Въ то время, какъ Одоакръ заперся въ тогдашней столицѣ Равеннѣ, вся сѣверная и средняя Италія постепенно перешла на сторону Ѳеодориха, которому итальянцы оказывали довѣріе, какъ императорскому посланцу. Большимъ ударомъ для Одоакра, окончательно подорвавшимъ его положеніе, было то, что его главнокомандующій Туфа съ частью войскъ перешелъ на сторону побѣдителя. Былъ, однако, еще моментъ, когда измѣна Туфы Ѳеодориху и переходъ его на сторону Одоакра вновь подняли значеніе Одоакра въ сѣверной Италіи, но въ теченіе 490 года Ѳеодориху пришло подкрѣпленіе отъ вестготовъ, съ которыми онъ нанесъ Одоакру новое пораженіе при Аддѣ и окружилъ его вновь въ Равеннѣ. Три года продолжалась осада этого важнаго и укрѣпленнаго города; лишь съ помощью флота, отрѣзавшаго Равенну отъ морскихъ сношеній и отъ подвоза съѣстныхъ припасовъ, удалось, наконецъ, Ѳеодориху принудить своего противника къ сдачѣ. Равеннскій епископъ Іоаннъ вышелъ изъ осажденнаго города въ лагерь готскій и началъ переговоры о сдачѣ города. На счетъ условій сдачи имѣются противорѣчивыя извѣстія: по однимъ—Одоакръ выговорилъ себѣ право на одинаковую власть въ Италіи съ Ѳеодорихомъ, по другимъ—побѣжденному предоставлено было право жизни. Сынъ Одоакра Ѳела остался заложникомъ у Ѳеодориха. 5 марта 493 г. готы вступили во владѣніе Равенной, черезъ 10 дней Одоакръ былъ убитъ.

Хотя не можетъ возникать сомнѣнія въ томъ, что Ѳеодорихъ шелъ въ Италію съ согласія императора, и что сопровождавшее его войско-народъ имѣло опредѣленную цѣль поселенія въ Италіи на болѣе выгодныхъ условіяхъ, чѣмъ это было въ придунайскихъ провинціяхъ, тѣмъ не менѣе, ни Зинонъ, ни Ѳеодорихъ не могли предвидѣть всѣхъ подробностей этого важнаго предпріятія. Еще прежде, чѣмъ занята была Равенна, т.-е. прежде рѣшительнаго дѣла, опредѣлившаго судьбу Одоакра, Ѳеодорихъ послалъ въ Константинополь посольство, во главѣ котораго стоялъ сенаторъ Фестъ. И ранѣе, когда Одоакръ захватилъ власть, онъ чрезъ посольство испрашивалъ у императора милости—признанія его въ достоинствѣ патриція, каковое и давало ему право на управленіе Италіей. Ѳеодорихъ давно

уже былъ пожалованъ въ это званіе, и, слѣдовательно, его посольство имѣло другое значеніе. Но въ это время произошли именно тѣ событія, которыхъ не могли предвидѣть договаривавшіяся стороны: въ апрѣлѣ 491 г. умеръ императоръ Зинонъ, и на его мѣсто вступилъ Анастасій, а въ Италіи готы-побѣдители подняли своего предводителя на щитъ и провозгласили его королемъ. Нѣсколько лѣтъ итальянскія дѣла оставались въ неопредѣленномъ положеніи, такъ какъ въ Константинополѣ не хотѣли санкціонировать совершившихся событій, хотя, въ концѣ концовъ, Анастасій долженъ былъ вступить въ соглашеніе съ королемъ Италіи.

Оставляя изложеніе дальнѣйшихъ событій въ Италіи до другой главы, приведемъ здѣсь нѣсколько свѣдѣній изъ рѣдкаго по своей цѣнности и непосредственности памятника—житія св. Северина, который подвизался во второй половинѣ V вѣка въ мѣстности, имѣющей для насъ глубокій историческій интересъ. Въ жизни св. Северина упоминаются мѣстности Asturis, Comagenis, Favianis, лежавшія на Дунаѣ, на границѣ провинцій Норика и верхней Панноніи, неподалеку отъ нынѣшней Вѣны [1]). Слава святого широко распространялась на оба берега Дуная, и не мало языческихъ германцевъ было имъ обращено къ христіанству. Это одинъ изъ важнѣйшихъ миссіонеровъ, дѣятельность котораго оставила глубокіе слѣды въ мѣстахъ, гдѣ черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ будутъ господствовать славянскія племена. Для второй половины V в. чрезвычайно важны свѣдѣнія житія св. Северина для характеристики взаимнаго отношенія римскаго и романизованнаго населенія и варваровъ. Вся незащищенная городами и крѣпостями мѣстность находится уже въ рукахъ варваровъ, въ городахъ живутъ остатки римлянъ съ слабымъ гарнизономъ, который боится выходить за стѣны и не въ состояніи защищать горожанъ, имѣющихъ надобность по дѣламъ выходить изъ города. Жалкій римскій трибунъ говоритъ святому: „у меня мало воиновъ, но если ты повелишь, я выйду противъ враговъ въ надеждѣ на твои молитвы“! Политическое положеніе рисуется въ томъ видѣ, какъ оно было послѣ паденія державы гунновъ, чѣмъ и начинается жизнеописаніе, наканунѣ движенія остготовъ въ Италію, первый

[1]) „Monumenta Germ. Histor. Auctorum antiquissimorum“ 1—2; Eugippii, „Vita s. Severini“, c. I, IV—VI; X, XXVIII, XLIV. Эти мѣста сохранились и понынѣ подъ названіемъ: Klosterneuburg, Tulln, Mauer.

толчокъ котораго уже сказывается на Дунаѣ въ угрозахъ королю руговъ. Роль св. Северина хорошо рисуется его сношеніями съ Одоакромъ, которому онъ предсказалъ 13-лѣтнее царствованіе, и тѣмъ вліяніемъ, которое онъ имѣлъ въ королевскомъ домѣ руговъ. Очень любопытны извѣстія о постепенномъ передвиженіи романизованнаго осѣдлаго населенія сначала въ большой городъ Лавреакъ, а потомъ въ Италію, куда было торжественно перенесено тѣло св. Северина при папѣ Геласіи (492—496). Авторъ жизнеописанія весьма освѣдомленъ въ политическихъ событіяхъ своего времени и сообщаетъ такіе факты, случившіеся при жизни святого, которые имѣютъ глубокій историческій интересъ. Таково, напримѣръ, сообщеніе о причинахъ, вызвавшихъ войну Одоакра съ ругами, т.-е. о томъ событіи, которое дало Зинону и Θеодориху поводъ разсматривать Одоакра какъ бунтовщика и ослушника императорской воли. Таково же сообщеніе о роли Онульфа, брата Одоакра, который вербовалъ на Дунаѣ охотниковъ для перехода на службу къ Одоакру и вызвалъ обширное переселеніе въ Италію романскаго населенія. Въ виду исключительной важности свѣдѣній, сообщаемыхъ нашимъ житьемъ, оно имѣетъ большое значеніе для исторіи V и VI вѣка и вполнѣ можетъ служить введеніемъ къ исторіи иммиграціи славянъ въ придунайскія провинціи.

ГЛАВА XII.

АНАСТАСІЙ (491-518). ПОЛОЖЕНІЕ ДѢЛЪ НА ДУНАЙСКОЙ ГРАНИЦѢ. ВИТАЛІАНЪ. ПЕРСИДСКАЯ ВОЙНА.

Царствованіе Анастасія можетъ быть съ большимъ основаніемъ, чѣмъ какое-либо предыдущее, причислено къ такимъ, которыя вводятъ въ существо и содержаніе Византійской исторіи. Не столько самъ Анастасій, сколько выдвинутые его временемъ вопросы и характеръ внѣшнихъ и внутреннихъ отношеній имперіи въ самомъ концѣ V и въ началѣ VI вѣковъ характеризуютъ уже новую эпоху, созданную вліяніемъ тѣхъ историческихъ дѣятелей, которые мы пытались выяснить въ предыдущихъ главахъ. Въ виду этого намъ слѣдуетъ нѣсколько подробнѣй разсмотрѣть это царствованіе со стороны внѣшней политики, а равно и внутреннихъ отношеній.

Анастасій не связанъ былъ никакими родственными узами ни съ императрицей Аріадной, ни съ Зинономъ. Онъ происходилъ изъ Диррахія въ нынѣшней Албаніи отъ мало извѣстныхъ родителей, о которыхъ сохранилось извѣстіе, что они не принадлежали къ господствующей церкви, а исповѣдывали или аріанство, или манихейство. О службѣ Анастасія и о положеніи его въ Константинополѣ, въ придворномъ званіи силенціарія, также почти не имѣется извѣстій. Онъ былъ обязанъ возведенію на престолъ благорасположенію царицы Аріадны, которая вышла за него замужъ, предварительно предложивъ сенату и народу провозгласить его царемъ.

Для положенія церковной политики въ это время важно отмѣтить, что тогдашній константинопольскій епископъ Евѳимій, изъ опасенія не вполнѣ православныхъ убѣжденій Анастасія потребовалъ отъ него передъ вѣнчаніемъ на царство письменнаго акта исповѣ-

данія вѣры вмѣстѣ съ обязательствомъ оставаться вѣрнымъ церковному ученію. Этотъ актъ переданъ былъ на храненіе скевофилику св. Софіи и имѣлъ извѣстное значеніе въ послѣдующихъ отношеніяхъ Анастасія къ церкви. Объ отношеніяхъ новаго императора къ народу и объ его популярности въ Константинополѣ говоритъ извѣстное благожеланіе, выраженное императору въ первый разъ, какъ онъ явился передъ народомъ: „Будь на царствѣ такимъ, какимъ ты былъ въ частной жизни". Что это вполнѣ соотвѣтствовало характеру Анастасія, видно изъ переписки папы Геласія, гдѣ выражена та же мысль о безупречной жизни его [1]).

Прежде всего Анастасію предстояло обезопасить себя противъ притязаній брата умершаго императора Лонгина, который былъ во главѣ сената и опирался на стоявшее въ Константинополѣ войско. Лонгинъ образовалъ движеніе противъ императора и началъ бунтъ, подобно тому, какъ Василискъ противъ Зинона; въ Константинополѣ происходили уличныя схватки между бунтовщиками и приверженцами Анастасія, пожаръ истребилъ наиболѣе населенную и лучше застроенную часть города, при чемъ сгорѣлъ ипподромъ. Анастасій лично руководилъ борьбой съ бунтовщиками и не разъ находился въ весьма затруднительномъ положеніи. Современники называли это движеніе гражданской войной, въ которой городское населеніе держало сторону бунтовщиковъ, „статуи царя и царицы таскаемы были на веревкахъ по улицамъ города". Пять лѣтъ продолжалось такое положеніе, наконецъ Анастасію удалось положить предѣлъ войнѣ и привлечь на свою сторону войско щедрыми раздачами жалованья. Изгнанные изъ Константинополя исавры продолжали нѣкоторое время вести партизанскую войну во Фригіи, вслѣдствіе которой родина исавровъ, гористая мѣстность близъ Тавра, подверглась опустошенію и разоренію. Часть населенія переведена во Ѳракію, особенныя привилегіи и денежное жалованье въ пользу исаврійцевъ отмѣнены. Такъ какъ съ народнымъ движеніемъ, исходившимъ изъ Исавріи, соединилось движеніе константинопольскаго городского населенія противъ власти императора, то усмиреніе исаврійскаго бунта потребовало чрезвычайно большихъ жертвъ и подвергло серьезному испытанію вопросъ о національномъ войскѣ, который никогда не полу-

---

[1]) Rose, „Kaiser Anastasius", S. 16 (Halle 1882).

чилъ разрѣшенія въ Византійской имперіи. Характернымъ отличіемъ времени Анастасія нужно признать безпрерывныя веденныя имперіей войны и притомъ не на одномъ фронтѣ. Хотя нельзя сказать, чтобы эти войны выдвинули въ особенномъ свѣтѣ слабость или силу имперіи, но важность ихъ заключается въ томъ, что онѣ обнаружили все реальное значеніе тѣхъ элементовъ, на которыхъ основывались существованіе и дальнѣйшее развитіе Византійской имперіи. Выдвигая въ этомъ отношеніи внѣшнія и внутреннія событія времени Анастасія и желая разсмотрѣть ихъ въ надлежащей и свойственной имъ перспективѣ, мы находимъ полезнымъ начать съ внѣшнихъ дѣлъ на дунайской границѣ.

Хотя до конца V вѣка провинціи Паннонія и Норикъ номинально считались еще въ предѣлахъ имперіи, но фактически римскій элементъ былъ здѣсь тогда уже весьма ослабленъ и держался развѣ въ городахъ, между тѣмъ какъ всѣ незащищенныя мѣста оставались во власти номадовъ германскаго и скиѳскаго происхожденія. Передвиженіе остготовъ подъ предводительствомъ Ѳеодориха значительно ослабило населеніе въ дунайскихъ провинціяхъ и освободило ихъ для новыхъ и запоздалыхъ народныхъ движеній изъ восточной Европы.

Въ жизни св. Северина, который подвизался въ концѣ V в. на границѣ Норика и Панноніи, приводятся чрезвычайно живыя наблюденія о фактической слабости римской власти въ этихъ областяхъ и о постепенномъ отступленіи осѣдлаго населенія или на югъ отъ Дуная, или на западъ по слѣдамъ готскихъ передвиженій. Съ Ѳеодорихомъ, а равно и послѣ утвержденія его въ Италіи, двигались новыя и новыя волны народныя изъ придунайскихъ областей, гдѣ снова, въ концѣ V и въ началѣ VI вѣка, незамѣтно утвержденія прочнаго порядка вещей, а напротивъ, начинаетъ какъ-разъ послѣ ухода готовъ подготовляться новый и гораздо болѣе прежняго радикальный этнографическій, а вмѣстѣ и политическій переворотъ. Въ виду этого, для насъ представляются весьма важными тѣ факты, которые наблюдаются на сѣверной дунайской границѣ во время Анастасія.

Уже въ 493 году начали обращать на себя вниманіе Анастасія дунайскія событія. Здѣсь послѣ отлива готовъ, а съ ними и другихъ народностей въ Италію, начинаютъ появляться новые народы, вступая то во враждебныя, то въ мирныя отношенія съ имперіей. Упоминаемые въ современныхъ сухихъ хроникахъ то подъ именемъ болгаръ и го-

товъ, то подъ своимъ собственнымъ именемъ, славяне съ конца V вѣка, несомнѣнно, приближаются къ Дунаю и нерѣдко переходятъ на южную его сторону съ цѣлями грабежа и набѣга. Въ 493 г. по свидѣтельству комита Марцеллина полководецъ Юліанъ „въ ночномъ сраженіи пораженъ былъ скиѳскимъ желѣзомъ“ [1]). Такъ какъ дѣло было во Ѳракіи, то ясно, что славянское движеніе за Дунаемъ безпрепятственно шло по нынѣшней Болгаріи и Румеліи. Рядомъ со славянскими набѣгами начинаются болгарскіе. Уже въ 499 году тотъ же Марцеллинъ сообщаетъ о серьезной опасности со стороны болгаръ, сдѣлавшихъ набѣгъ на Ѳракію. Противъ нихъ былъ отправленъ съ 15-тысячнымъ войскомъ и съ громаднымъ обозомъ военныхъ орудій командовавшій иллирійскими войсками Аристъ, которому болгаре нанесли, однако, сильное пораженіе во Ѳракіи; въ этомъ сраженіи, говоритъ писатель, погибла „иллирская военная доблесть“. Весьма любопытно замѣтить, что, повидимому, послѣ этого пораженія Ѳракія оставалась безъ защиты нѣсколько лѣтъ сряду: когда въ 502 г. тѣ же болгаре снова сдѣлали въ эту страну набѣгъ, то не нашли въ ней „никакого сопротивленія“. Въ 517 г. опустошенія распространяются на Македонію и Эпиръ, конные варвары доходятъ до Ѳессаліи и Ѳермопилъ, имперія снова не въ состояніи оказать имъ сопротивленія. Императоръ былъ вынужденъ, чтобы побудить враговъ къ отступленію и выкупить у нихъ плѣнниковъ, поручить префекту Иллирика Іоанну выплатить славянамъ 1000 ф. золота. Надѣясь еще возвратиться къ вопросу о славянахъ, замѣтимъ здѣсь въ заключеніе, что при Анастасіи частью понято было не только значеніе славянской иммиграціи, но даже и невозможность бороться съ постоянно возобновляющимся напоромъ изъ-за Дуная. Памятникомъ такого положенія дѣлъ служитъ построенная Анастасіемъ такъ называемая Длинная стѣна, которая шла въ разстояніи 40 в. отъ Константинополя въ направленіи отъ Мраморнаго моря близь Силивріи и до Чернаго моря близь Деркона и имѣла цѣлью защиту Константинополя отъ неожиданныхъ нападеній сѣверныхъ варваровъ, иначе—противъ болгаръ и славянъ. Это громадное сооруженіе дѣлало изъ Константинополя родъ острова, защищеннаго моремъ и стѣной [2]).

---

1) „Comes Marcellinus“, p. 94 (M. G. Histor. Chron. minora, vol. XI).

2) Ζωναρας, XIV, 4, прямо говоритъ: διὰ τὰς ἐφόδους Βουλγάρων καὶ τῶν Σκυθῶν.

Весьма вѣроятно, что въ связи съ разсказанными событіями на дунайской границѣ нужно объяснять громадное напряженіе и силу, обнаруженную въ возстаніи Виталіана. О происхожденіи этого лица трудно сказать что-либо опредѣленное, но несомнѣнно, что онъ имѣлъ близкія сношенія съ болгарами и славянами и выступилъ противъ Анастасія съ войсками, собранными изъ разныхъ народовъ. Весьма любопытно также отмѣтить, что онъ является защитникомъ православной идеи противъ якобы еретичествующаго Анастасія. Виталіанъ и потому долженъ привлекать къ себѣ вниманіе, что онъ выступаетъ далеко не въ качествѣ предводителя партизанскаго отряда, стремящагося сдѣлать быстрый набѣгъ и удалиться снова на безопасное разстояніе: у него, напротивъ, замѣчаются организаторскій талантъ и хорошо обдуманный планъ военныхъ дѣйствій; онъ преслѣдуетъ опредѣленную цѣль, для достиженія которой умѣлъ пустить въ оборотъ громадныя средства. Оказывается, что Виталіанъ былъ сыномъ предводителя федератовъ въ придунайскихъ областяхъ. Главное начальство надъ имперскими войсками принадлежало тогда племяннику императора Ипатію, который позволилъ себѣ убавить или прекратить выдачу идущаго отъ казны федератамъ содержанія. Виталіанъ, принявъ на себя защиту интересовъ расположенныхъ въ Мизіи и Ѳракіи федератовъ[1]), сталъ во главѣ недовольныхъ, собравъ изъ нихъ армію въ 50000 и предъявивъ къ императору требованіе объ уплатѣ федератскаго жалованья. Въ то же время онъ старался обезпечить себѣ свободу дѣйствій тѣмъ, что убилъ подчиненныхъ Ипатію предводителей отдѣльныхъ отрядовъ: Константина Целерина и Максенція. Распуская слухъ, что онъ идетъ на защиту православія и желаетъ возстановить лишенныхъ мѣстъ епископовъ, Виталіанъ направлялся къ Константинополю, для защиты котораго у императора, повидимому, не было никакихъ средствъ. Уже непріятельскіе отряды были близь города, уже ближайшія окрестности подвергались опустошенію; ясно, что Длинная стѣна не остановила враговъ. Въ это время Анастасій принялъ рядъ энергичныхъ мѣръ, чтобы ослабить бунтовщика. Съ цѣлью противодѣйствовать слухамъ объ еретическомъ правительствѣ императоръ приказалъ развѣсить по стѣ-

---

[1]) Лучшія извѣстія у Іоанна Антіохійскаго. „Fragmenta. Hist. Graecorum", V, ap. Müller Landolfi Sagacis Additamenta, p. 365, 366 (Auctor. antiquissim. 1—11).

намъ города кресты и объявленія о дѣйствительно честолюбивыхъ планахъ Виталіана, а чтобы защищать стѣны города, онъ назначилъ на военную службу чиновниковъ и привлекъ на свою сторону населеніе Малой Азіи, „освободивъ его отъ четвертой части подати со скота". Независимо оттого онъ послалъ для личныхъ переговоровъ съ Виталіаномъ стратига Патрикія, который старался подѣйствовать на бунтовщика убѣжденіемъ, но получилъ отъ него въ отвѣтъ повтореніе извѣстныхъ требованій—удовлетворить притязанія ѳракійскихъ федератовъ, обиженныхъ Ипатіемъ, и возстановить въ имперіи православіе. Не успѣвъ ничего въ этомъ направленіи, на слѣдующій день Анастасій вступилъ въ переговоры съ подчиненными Виталіану предводителями и нашелъ ихъ болѣе сговорчивыми. Частью давъ вѣру обѣщаніямъ Анастасія на счетъ православія, что всѣ спорные вопросы онъ предоставитъ на судъ папѣ, частью убѣжденные и подкупленные дарами, нѣкоторые предводители начали колебаться и склоняться на сторону Анастасія, вслѣдствіе чего Виталіанъ рѣшился отступить отъ столицы (514 г.). Но на этомъ не окончилось движеніе федератовъ. Анастасій назначилъ главнокомандующимъ войскъ во Ѳракіи опытнаго полководца Кирилла, которому въ первое время посчастливилось и удалось лишить бунтовщика нѣкоторыхъ занятыхъ имъ позицій, но затѣмъ Виталіанъ убилъ его ночью, подкупивъ его стражу. Тогда Анастасій назначилъ своего племянника Ипатія вновь во Ѳракію, давъ ему войско въ 80000. Но событія скоро показали, что въ Мизіи и Ѳракіи имперскимъ войскамъ нужно было дѣйствовать какъ въ непріятельской странѣ. Одинъ за другимъ попадаютъ въ плѣнъ къ непріятелю византійскіе вожди, подчиненные Ипатію. Наконецъ, когда византійскій полководецъ раскинулъ станъ близъ нынѣшней Варны и укрѣпился въ немъ, непріятели напали на этотъ лагерь, прорвали окружавшія его укрѣпленія и нанесли грекамъ полное пораженіе. Говорятъ, что погибло болѣе 60000; самъ Ипатій и множество важныхъ предводителей попались въ плѣнъ. Это былъ чрезвычайно важный успѣхъ для Виталіана, который окончательно рѣшилъ борьбу въ его пользу. Анастасій принужденъ былъ дать ему большой выкупъ за Ипатія и попавшихъ съ нимъ въ плѣнъ другихъ вождей. Но и это не помогло. Посланные съ выкупомъ чиновники были въ пути ограблены и взяты въ плѣнъ. Виталіанъ подчинилъ себѣ Созополь и другіе города, остававшіеся еще вѣрными императору, принялъ

титулъ императора и началъ новый походъ противъ Константинополя, болѣе опасный и серьезный, чѣмъ то было раньше, такъ какъ теперь въ его распоряженіи былъ и флотъ, имѣвшій запереть городъ со стороны моря. Морскія суда вошли въ Босфоръ и дошли до Сосѳеніи (нынѣ Стенія); тамъ же расположился Виталіанъ съ пѣшимъ войскомъ. Находясь въ крайне трудныхъ обстоятельствахъ, Анастасій согласился на всѣ требованія Виталіана. Ему дана была громадная сумма въ 5 т. ф. золота за Ипатія, лично же самому Виталіану предоставлено званіе главнокомандующаго во Ѳракіи со всѣми связанными съ этимъ титуломъ преимуществами и денежными выдачами. Въ высшей степени также любопытно, что императоръ и бунтовщикъ договариваются здѣсь какъ двѣ стороны и даютъ взаимную клятву вѣрности, при чемъ Анастасій давалъ слово возстановить на мѣстахъ изгнанныхъ имъ епископовъ.

Но и это не удовлетворило Виталіана. Въ 515 г. вновь мы видимъ его передъ Константинополемъ, и тѣмъ серьезнѣй была опасность, что въ то же самое время варварскіе отряды появлялись въ Македоніи и Ѳессаліи, съ одной стороны, и въ Малой Азіи—съ другой. Ближайшимъ поводомъ къ новому походу было то обстоятельство, что Анастасій передалъ командованіе ѳракійскими войсками другому стратигу, по имени Руфину, очевидно, лишивъ Виталіана своего расположенія и всѣхъ привилегій. Виталіанъ снова подошелъ къ столицѣ и расположился на Босфорѣ отъ Стеніи до нынѣшней Галаты; со стороны моря онъ заперъ столицу морскими судами, пришедшими изъ Чернаго моря. На этотъ разъ рѣшеніе дѣла зависѣло отъ флота. Императорскими судами командовалъ адмиралъ Маринъ, на одномъ изъ быстроходныхъ судовъ командиромъ былъ Юстинъ, будущій императоръ и основатель новой династіи. Искуснымъ ударомъ Юстинъ привелъ въ разстройство непріятельскія суда, между тѣмъ какъ Маринъ, стоя со своими судами противъ Константинополя, воспользовался этимъ обстоятельствомъ и одержалъ полную и блестящую побѣду надъ флотомъ Виталіана. Преслѣдуя по одиночкѣ непріятельскія суда, Маринъ заставилъ ихъ пристать къ берегу и почти уничтожилъ всѣ силы Виталіана. Съ тѣхъ поръ падаетъ военное и политическое значеніе этого опаснаго соперника Анастасія. Замѣнившій его во Ѳракіи Руфинъ постепенно возстановляетъ здѣсь нарушенный порядокъ. Двое изъ ближайшихъ сотрудниковъ его, Анастасій и

Доминикъ, были захвачены въ плѣнъ и доставлены въ Константинополь, гдѣ они были преданы суду и обезглавлены.

Бунтъ Виталіана, хотя не имѣлъ лично для него непосредственныхъ практическихъ послѣдствій, сопровождался важными результатами въ исторіи. Приводя три раза подъ Константинополь отряды, собранные изъ племенъ разнаго происхожденія, и истребовавъ отъ правительства огромныя денежныя выдачи, Виталіанъ обнажилъ передъ варварами слабость имперіи и громадныя богатства Константинополя и пріучилъ ихъ къ комбинированнымъ движеніямъ съ суши и съ моря.

Не менѣе сильное напряженіе предстояло сдѣлать Анастасію на восточной границѣ его имперіи. Пограничныя недоразумѣнія съ Персіей въ сущности никогда не прекращались, хотя со времени неудачнаго похода Юліана открытой войны не объявлялось ни съ той, ни съ другой стороны. Нужно сказать, что веденіе войны съ Персіей представляло чрезвычайныя затрудненія какъ вслѣдствіе отдаленности театра военныхъ дѣйствій, такъ и по недостатку опорныхъ пунктовъ, откуда можно было бы пополнять убыль въ людяхъ и въ провіантѣ, что весьма чувствительно отразилось и на судьбѣ той войны, которую намъ предстоитъ разсмотрѣть.

По миру съ персами въ 363 г. императоръ Іовіанъ долженъ былъ уступить персамъ пять провинцій на границѣ Арменіи и Месопотаміи и сильно укрѣпленный городъ Нисибисъ, владѣніе которымъ впрочемъ особенной статьей было обусловлено срокомъ въ 120 лѣтъ [1]). Кромѣ того, обѣ имперіи взаимно обязывались посылать вспомогательные отряды одна на помощь другой; въ особенности это условіе касалось тѣхъ враговъ, которые угрожали набѣгами со стороны Кавказа. Въ виду того, что съ этой стороны въ V в. весьма сильно угрожали нападеніями гунны, персидскіе цари постоянно предъявляли требованія къ Византіи на счетъ вспомогательныхъ отрядовъ, хотя охотно удовлетворялись и денежными выдачами вмѣсто военной помощи. Въ одной изъ войнъ съ гуннами погибъ персидскій царь Перозъ. Сынъ его и преемникъ Кобадъ или Кавадъ, вступившій на персидскій престолъ почти въ то же время, что и Анастасій, послалъ въ Константинополь посольство съ требованіемъ невыданныхъ за

---

[1]) Главный источникъ—Іисусъ Стилитъ, „Chronique de Josué le Stylite écrite vers l'an 515,—par P. Martin". Leipzig, 1876.—Важно изслѣдованіе Merten, „De bello Persico ab Anastasio gesto". Jena, 1905.

прежніе годы субсидій. Между тѣмъ въ Византіи давно уже относились съ недовѣріемъ къ политикѣ персовъ. Въ особенности поводы къ неудовольствіямъ подавала религіозная политика персовъ въ сосѣдней и частью подвластной имъ Арменіи, гдѣ подъ вліяніемъ новой нравственной и соціальной системы, извѣстной по имени основателя ея Маздака, началось гоненіе на христіанство. Армяне просили у Анастасія помощи и предлагали ему принять ихъ въ свое подданство, начавъ въ то же время движеніе противъ персовъ и разрушивъ выстроенные ими храмы. Персидская война началась въ 502 году походомъ царя Кобада въ Арменію, когда со стороны Византіи не принято еще было никакихъ военныхъ дѣйствій. Первый ударъ сдѣланъ былъ на городъ Ѳеодосіополь (Эрзерумъ), который сдался персамъ безъ сопротивленія вслѣдствіе измѣны префекта города Константина. Кобадъ, разрушивъ городъ до основанія и забравъ въ плѣнъ его жителей, переселилъ ихъ въ Персію. Прошедши всю Арменію съ сѣвера, Кобадъ къ осени того же года расположился лагеремъ подъ городомъ Амидой, находившимся на границѣ Арменіи и Месопотаміи. Здѣсь персидскій станъ стоялъ три мѣсяца, такъ какъ осада города потребовала примѣненія инженернаго искусства и встрѣтила серьезное сопротивленіе со стороны гарнизона.

Чтобы взять городъ, персы стали насыпать высокій валъ, съ котораго можно было бы завязать дѣло съ защитниками города. Но гарнизонъ осажденной Амиды, сдѣлавъ подкопъ подъ стѣну и подъ насыпанный персами валъ, старался тайно выносить землю и портить валъ. Дѣйствіе стѣнобитныхъ машинъ осажденные ослабляли кожами убитыхъ быковъ, а приближавшихся къ стѣнамъ непріятелей отражали горячей водой и горючими веществами, которыя уничтожали деревянныя военныя машины. Кромѣ того, въ распоряженіи осажденныхъ были метательные снаряды, которыми они бросали огромные камни въ осаждающихъ, нанося большой вредъ людямъ и снарядамъ. Говорятъ, что въ теченіе осады погибло громадное число персидскихъ воиновъ столько же отъ суровой стужи, какъ и отъ неудачныхъ приступовъ къ стѣнамъ. Кобадъ былъ уже готовъ снять осаду и предлагалъ осажденнымъ уплатить ему небольшую сумму за отступленіе, какъ въ пользу персовъ неожиданно сложились благопріятныя обстоятельства, передавшія имъ городъ. Собственно точныхъ свѣдѣній объ этомъ не даютъ даже и очень освѣдомлен-

ные о событіяхъ писатели и притомъ современники, какъ Іисусъ Стилитъ и риторъ Захарія. Будто бы одно изъ главныхъ укрѣпленій стѣны ввѣрено было защитѣ монаховъ, которые недостаточно внимательно относились къ порученному имъ дѣлу и разъ ночью не доглядѣли, какъ персы приблизились къ стѣнѣ и подставили лѣстницы. По другимъ слухамъ персы пробрались въ городъ черезъ подземный ходъ, воспользовавшись темной ночью. Такъ или иначе, городъ былъ взятъ неожиданно, и защитники оказались не въ состояніи принять мѣръ къ спасенію. Три дня продолжалась, однако, въ городѣ неравная борьба между персами и побѣжденными горожанами. Сокровища церквей и богатства жителей достались побѣдителямъ. Огромная добыча изъ золота, серебра и драгоцѣнныхъ одеждъ, равно какъ мраморныя статуи и всякія драгоцѣнности снесены были на рѣку Тигръ и отправлены на судахъ въ Персію. Когда по приказанію Кобада стали очищать городъ отъ труповъ защитниковъ, погибшихъ во время битвы послѣднихъ дней, то насчитали, говорятъ, до 78000. Персы не желали окончательно разрушать этого города; напротивъ, имѣя въ виду его укрѣпленія и географическое положеніе на границѣ между двумя имперіями, они предполагали сохранить его какъ крѣпость, на которую можно бы было опираться въ войнѣ съ Византіей, для чего Кобадъ, отступая съ войскомъ отъ Амиды, оставилъ въ ней гарнизонъ изъ 3000 человѣкъ.

Между тѣмъ какъ самъ Кобадъ три мѣсяца провелъ подъ Амидой, отдѣльные персидскіе отряды дѣлали опустошительные набѣги по сѣверной Месопотаміи, доходя до Едессы, при чемъ персамъ помогали арабскіе хищники, наводившіе ужасъ на мѣстное населеніе и заставлявшіе его искать спасенія въ Сиріи. По всему замѣтно, что осенью и зимой 502 года Анастасій не имѣлъ на границѣ достаточныхъ военныхъ силъ для противодѣйствія персамъ, и что онъ не терялъ надежды на мирное разрѣшеніе недоразумѣній. Но когда была взята Амида, и персы стали угрожать другимъ городамъ, императоръ собралъ войско и послалъ его лѣтомъ 503 г. на восточную границу. Можетъ-быть, слѣдуетъ пожалѣть, что войско было раздѣлено на три отряда, во главѣ коихъ стояли отдѣльные стратиги: Аріобиндъ, Патрицій и Ипатій. Первый происходилъ отъ знаменитыхъ германцевъ на службѣ Византіи, Аспара и Ардавурія, и занималъ должность главнокомандующаго восточными войсками; Ипатій принадлежалъ къ

высшему классу въ обществѣ какъ племянникъ Анастасія; Патрицій также былъ изъ числа извѣстныхъ тогда полководцевъ. Кромѣ названныхъ вождей, въ персидскомъ походѣ участвовали еще комитъ Іустинъ, преемникъ Анастасія на престолѣ, и получившій вскорѣ за тѣмъ большую извѣстность Виталіанъ, о которомъ была уже рѣчь, и который принималъ участіе вмѣстѣ съ своимъ отцомъ Патриціоломъ. Во главѣ войска стояли большею частью не греческія племена, и самое войско состояло изъ разныхъ по этнографическому составу элементовъ: тутъ были ѳракійцы, готы, бессы, т.-е. разныя племена, состоявшія въ качествѣ федератовъ на службѣ имперіи. Но прежде, чѣмъ византійское войско встрѣтилось съ непріятелями, между вождями обнаружилось несогласіе, имѣвшее чрезвычайно вредныя послѣдствія для хода военныхъ дѣлъ.

Прежде всего всѣ три вождя дѣйствуютъ раздѣльно, каждый на собственный страхъ. Аріобиндъ расположился лагеремъ въ окрестностяхъ города Нисибисъ въ провинціи Мигдоніи, остальные два вождя остановились близь Амиды. Хотя Аріобиндъ приглашалъ своихъ товарищей поспѣшить на югъ, чтобы принять участіе въ осадѣ Нисибиса, но они отклонили предложеніе и тѣмъ дали Кобаду возможность оттѣснить Аріобинда къ Едессѣ. Между тѣмъ Патрицій и Ипатій начали осаду Амиды, которая легко бы имъ и сдалась, если бы у нихъ хватило смѣлости и настойчивости, и если бы они не сняли преждевременно осады изъ страха передъ Кобадомъ. Хотя затѣмъ Патрицій пытался нанести вредъ персамъ, но самъ былъ окруженъ ими и едва спасся бѣгствомъ въ Самосатъ. Товарищъ его Ипатій былъ отозванъ въ Константинополь и въ дальнѣйшемъ веденіи войны не принималъ участія. Теперь, когда для персовъ устранена была опасность вторженія въ ихъ область, они сами могли начать наступательныя дѣйствія—по направленію къ Константинѣ и Едессѣ, гдѣ стоялъ Аріобиндъ.

Осенью 503 г. военныя дѣла сосредоточивались около Едессы, которую Кобадъ желалъ взять приступомъ. Аріобиндъ нашелъ въ Едессѣ достаточно укрѣпленный опорный пунктъ и успѣлъ отстоять городъ противъ персовъ. Наконецъ, Анастасій назначилъ для войны съ персами новаго вождя въ лицѣ Целера, которому и удалось измѣнить ходъ дѣлъ въ пользу имперіи. Целеръ былъ землякъ Анастасія и пользовался его довѣріемъ. Онъ былъ назначенъ съ большими

правами, чѣмъ другіе вожди, и потому могъ придать войнѣ нѣкоторый планъ и единство, чего прежде недоставало. Прежде всего обращено было вниманіе на Амиду, въ которой содержался персидскій гарнизонъ, и которая мѣшала операціямъ въ Месопотаміи, такъ какъ персы распоряжались здѣсь со всею свободой, не боясь соперниковъ. Сюда былъ направленъ Патрицій, стоявшій въ бездѣйствіи въ Мелитенѣ въ южной Каппадокіи, который отрѣзалъ Амиду отъ внѣшнихъ сношеній и нанесъ пораженіе присланному Кобадомъ отряду персовъ. Затѣмъ началась осада Амиды, которая потребовала продолжительныхъ земляныхъ работъ, имѣвшихъ цѣлью подкопаться подъ стѣну и окружить ее валомъ. Осада велась медленно, такъ какъ Патрицій имѣлъ въ виду вынудить сдачу города голодомъ. Въ то же время другіе вожди, Целеръ и Аріобиндъ, начали наступательный походъ—одинъ въ Персію, другой въ персидскую Арменію. Все это значительно подняло авторитетъ Византійской имперіи въ этихъ мѣстахъ, такъ что мѣстные армяне и арабы стали измѣнять персамъ и переходить на сторону византійской партіи.

Въ особенности же персамъ повредило то обстоятельство, что сѣвернымъ границамъ Персіи стали угрожать гунны, противъ которыхъ долженъ былъ идти самъ Кобадъ. Итакъ, принявъ во вниманіе, что военное счастье совершенно перешло къ грекамъ, и что Амида далѣе не можетъ сопротивляться, Кобадъ началъ съ Целеромъ переговоры о мирѣ, освободивъ изъ плѣна значительное число военныхъ и гражданскихъ чиновъ, захваченныхъ въ первый годъ войны, и пославъ ихъ къ Целеру съ предложеніемъ принять ихъ въ обмѣнъ на тѣхъ персовъ, которые заперты въ Амидѣ. Между тѣмъ, какъ шли переговоры объ условіяхъ мира, которыя нуждались еще въ утвержденіи Анастасія, состоялась сдача Амиды въ концѣ 504 г., т.-е. спустя два года послѣ занятія ея персами. Такъ какъ персы въ этомъ отношеніи перехитрили Целера, потребовавъ у него выкупа за городъ и свободнаго выхода всѣхъ персовъ съ такимъ количествомъ имущества, какое каждый могъ на себѣ вынести, то греки были весьма раздосадованы, когда оказалось, что въ Амидѣ продовольствія оставалось не больше, какъ на семь дней. Желая вознаградить городъ за всѣ потери, испытанныя имъ во время войны, императоръ приказалъ снабдить Амиду съѣстными припасами, освободилъ на семь лѣтъ отъ торговыхъ пошлинъ, приказалъ возобно-

вить на казенный счетъ стѣны и публичныя зданія въ городѣ, одарилъ жертвами и пожалованьями соборный храмъ Амиды. Вообще нужно отмѣтить, какъ характерную черту времени, то обстоятельство, что Анастасій принялъ самыя энергичныя мѣры къ уврачеванію бѣдствій, нанесенныхъ войной. Такъ, по всей Месопотаміи проведено облегченіе податной системы, отдѣльнымъ городамъ пожалованы разныя милости и большія суммы на возведеніе стѣнъ, на устройство водопроводовъ и бань. Миръ заключенъ былъ въ 506 году въ мѣстности близь города Нисибиса и мѣстечка Дары на семь лѣтъ. Та и другая сторона обязывались сохранять пограничную черту владѣній, какъ это было до войны. Анастасій послалъ Кобаду богатые дары, но какъ показали ближайшія событія, это было сдѣлано съ цѣлью отвлечь вниманіе Кобада отъ задуманнаго имъ важнаго предпріятія на самой границѣ греко-персидскихъ владѣній.

Сейчасъ же послѣ заключенія мира византійское правительство приступило къ постройкѣ крѣпости въ той именно мѣстности, гдѣ происходили военныя дѣйствія между персами и греками. Здѣсь, на мѣстѣ незначительнаго мѣстечка, представлявшаго, однако, важныя военныя преимущества, по имени Дара, построенъ былъ, по приказанію Анастасія, укрѣпленный важными стратегическими сооруженіями городъ, названный Анастасіополемъ; этому городу суждена была въ будущемъ крупная роль.

По словамъ ритора Захаріи, историка этой войны, Анастасій обратилъ должное вниманіе на объясненія, данныя возвратившимися съ войны вождями по поводу причинъ мало успѣшныхъ дѣйствій византійскаго войска. Они указывали, что, не располагая осадными машинами и матеріаломъ, они не могли взять города Нисибиса, и что, кромѣ того, на мѣстѣ военныхъ операцій византійцы не имѣли ни достаточныхъ укрѣпленій, ни продовольствія, ни воды для питья. Какъ скоро, говорили вожди, мы удалялись отъ Амиды и Константины, мы не имѣли для себя прочной опоры и находились въ постоянной опасности подвергнуться неожиданному нападенію со стороны непріятеля. Возникала поэтому настоятельная потребность, чтобы на границѣ, близь горъ, отдѣляющихъ Месопотамію отъ Арменіи, былъ построенъ византійскій городъ, который служилъ бы военнымъ лагеремъ, и гдѣ была бы устроена фабрика для военныхъ снарядовъ и оружія—въ защиту этой области противъ персидскихъ и арабскихъ

разбойниковъ. Признавъ важность сдѣланныхъ представленій, Анастасій поручилъ Ѳомѣ, епископу Амиды, доставить ему планъ мѣстности и, разсмотрѣвъ положеніе территоріи, намѣтилъ мѣстечко Дару для сооруженія города. Императоръ не пожалѣлъ средствъ на предстоявшіе громадные расходы. Епископу Амиды предоставлены были значительныя денежныя и земельныя пожалованія для устройства церковныхъ дѣлъ въ Дарѣ, антіохійскому патрицію Калліопію поручено было высшее наблюденіе за постройками, множество мастеровъ и разнаго рода ремесленниковъ снаряжено было изъ приморскихъ областей, чтобы съ необходимой поспѣшностью начать и вести постройку стѣнъ и публичныхъ зданій. Такъ какъ правительство не щадило средствъ, то въ короткое время собралось здѣсь громадное число населенія; кто хотѣлъ работать, наживалъ большія деньги, по свидѣтельству писателя - современника. Работа велась съ большой скоростью, такъ какъ опасались, чтобы персы не сдѣлали затрудненій, вслѣдствіе чего постройки не были достаточно прочны, какъ оказалось впослѣдствіи. Выстроенъ былъ большой дворецъ, публичныя бани, церкви, портикъ, водопроводъ и громадная цистерна, въ которой собиралась проведенная съ окружающихъ горъ вода. Городу дано имя Анастасіополя, въ немъ поставлена статуя царя, и перенесены въ него мощи св. Варѳоломея. Крѣпкія стѣны шли кругомъ города, на окружающихъ холмахъ сооружены укрѣпленія, между ними башня Геркулесова обращена прямо на персидскій городъ Нисибисъ. Чтобы привлечь въ городъ населеніе, ему предоставлены различныя привилегіи, освобожденіе отъ повинностей и торговыя преимущества. Городъ Анастасіополь игралъ важное значеніе въ отношеніяхъ съ Персіей. При Юстиніанѣ онъ былъ вновь укрѣпленъ и снабженъ средствами защиты. — Развалины Анастасіополя сохранились и по настоящее время. Новѣйшій путешественникъ, профессоръ Сахау [1]), описавъ эти развалины, замѣчаетъ: „по нашимъ понятіямъ положеніе города, какъ военной крѣпости, чрезвычайно неблагопріятное, ибо съ запада и востока городомъ командуютъ вблизи отъ него расположенные скалистые холмы“.

Вступивъ на престолъ уже въ преклонныхъ лѣтахъ, Анастасій не былъ склоненъ рѣзко измѣнять церковную политику, которая

---

1) Sachau, Reise in Syrien und Mesopotamien“, S. 396—8 (Leipzig, 1883).

тогда составляла самое существенное въ жизни государства. Примирительная роль Зинона, выразившаяся въ изданіи акта, извѣстнаго подъ именемъ „Энотикъ“, далеко не увѣнчалась успѣхомъ, хотя и преемникъ его Анастасій не могъ вступить на другой путь между двумя слишкомъ рѣзко обозначившимися религіозными воззрѣніями. Онъ извѣстенъ былъ и ранѣе склонностью къ религіозной терпимости, почему константинопольскій епископъ Евѳимій и взялъ съ него письменное обязательство на счетъ его правовѣрія. Современное положеніе церковныхъ партій въ имперіи не могло, однако, быть удовлетворено политикой невмѣшательства свѣтскаго правительства, какой, повидимому, желалъ бы предпочтительно слѣдовать Анастасій. Уже въ его борьбѣ съ повстанцами и въ усмиреніи внутреннихъ смутъ можно было замѣтить значительное вліяніе религіозныхъ настроеній. Высшее константинопольское духовенство и въ особенности монашество относилось къ нему подозрительно и нерѣдко ставило его въ затруднительное положеніе. Еще хуже было состояніе церковныхъ дѣлъ на Востокѣ—въ Сиріи и Египтѣ. Анастасію нельзя было остаться нейтральнымъ въ этомъ столь важномъ вопросѣ, и конфликтъ съ церковной партіей былъ неизбѣженъ.

Въ Константинополѣ онъ обнаружился въ первые же годы Анастасія, когда противъ него поднялись исавры, и когда братъ умершаго императора Зинона сталъ оспаривать у него власть. Есть полное основаніе предполагать, что константинопольскій епископъ если не явно, то тайно былъ на сторонѣ враговъ Анастасія; извѣстно, что разъ императоръ приказалъ съ злой ироніей объявить Евѳимію: „твои молитвы не помогли твоимъ друзьямъ“! Въ продолженіе своего царствованія императоръ смѣнилъ не одного своего епископа: въ 496 г. на мѣсто Евѳимія возвелъ Македонія, послѣдняго низложилъ въ 511 году, назначивъ вмѣсто него Тимоѳея. Церковная партія въ Константинополѣ вообще никогда не могла примириться съ отношеніями императора къ самому тревожному вопросу этого времени, въ особенности черное духовенство столицы въ лицѣ ревностныхъ Акимитовъ возбуждало народъ противъ его индифферентизма.

Всего лучше настроенія той эпохи рисуются дѣломъ, относящимся къ прибавкѣ въ пѣсни „Трисвятое“ (святый Боже, святый крѣпкій, святый безсмертный, помилуй насъ), которая породила церковную ересь ѳеопасхитовъ и которая волновала умы при Анастасіи и Юстиніанѣ.

Подразумѣваемая прибавка получила значеніе чуть ли не догмата съ тѣхъ поръ, какъ антіохійскій епископъ Петръ Валяльщикъ, въ желаніи придать символическое выраженіе монофизитскому ученію, ввелъ въ пѣснь „Трисвятое" слѣдующія дополняющія слова, дающія смыслъ, что Христосъ страдалъ на крестѣ по божеству: „святый Боже, святый крѣпкій, святый безсмертный, распныйся за ны, помилуй насъ" [1]). Преемникъ Петра на антіохійской каѳедрѣ, Каландіонъ, нѣсколько оттѣнилъ, съ цѣлью смягчить его, выраженіе „распныйся за ны", поставивъ передъ нимъ слова „Христе царю". Хотя вышеуказанныя выраженія могутъ быть сопоставлены съ воззрѣніями, выраженными въ „Энотикѣ", тѣмъ не менѣе, они были встрѣчены съ большимъ подозрѣніемъ въ средѣ православія и вызвали много споровъ и волненій. Впослѣдствіи отсюда возникла новая вѣтвь монофизитства подъ названіемъ ѳеопасхитовъ. Болѣе просвѣщенная и богословски образованная часть христіанскихъ пастырей оберегала вѣрующихъ отъ изслѣдованія недоступныхъ пониманію тайнъ домостроительства. Василій Великій говорилъ, что „надобно чтить благоговѣйнымъ молчаніемъ тайну о томъ, какъ Отецъ родилъ Единороднаго". Но въ Византіи догматы христіанской вѣры становились предметомъ публичныхъ диспутовъ и разговоровъ на площадяхъ и на базарахъ. Городское населеніе принимало живое участіе въ этихъ диспутахъ и переносило ихъ въ циркъ; политика правительства стояла въ зависимости отъ церковныхъ партій, и, наоборотъ, религіозныя воззрѣнія иногда предписывались свѣтской властью. Такъ и Анастасій, по внушенію нѣкоторыхъ приближенныхъ, склонныхъ къ монофизитскимъ воззрѣніямъ, сдѣлалъ попытку провести и въ Константинополѣ то измѣненіе въ пѣсни, которое было введено въ Антіохіи. Но это встрѣтило большое недовольство среди клира и народа и возбудило волненіе, о которыхъ мы приведемъ нѣсколько строкъ изъ хроники І. Малалы. „По поводу попытки ввести прибавку въ пѣснь трисвятую, народъ сталъ сильно волноваться, заявляя, что замышляется порча христіанской вѣры. Городской епархъ Платонъ скрылся бѣгствомъ отъ народной ярости. Бунтовщики кричали: „надо избрать другого царя" и начали грабить дома тѣхъ, кого считали виновниками церковныхъ новшествъ. Анастасій явился въ циркъ и

---

[1]) ἅγιος ὁ θεός. ἅγιος ἰσχυρός. ἅγιος ἀθάνατος, ὁ σταυρωθεὶς δι' ἡμᾶς, ἐλέησον ἡμᾶς.

самъ выступилъ съ рѣчью къ народу, объяснивъ всю неосновательность опасеній за вѣру.“ Сущность требованій недовольной толпы выражается въ слѣдующемъ обращеніи къ императору: „ужели ты думаешь заставить земныхъ людей дѣлать больше, чѣмъ ангелы, которые славословятъ Троицу только этими словами: святъ, святъ, святъ Господь“!—Усмиривъ возстаніе личной энергіей, Анастасій старался ограничить участіе народа въ общественныхъ дѣлахъ суровыми мѣрами противъ городскихъ димовъ, которые съ началомъ VI вѣка начинаютъ терять свои привилегіи. Всматриваясь въ мѣропріятія правительства противъ димовъ или противъ извѣстныхъ партій цирка: прасины, венеты, левки и русіи, подъ которыми слѣдуетъ разумѣть политическія организаціи городскихъ сословій, слѣдуетъ придти къ выводу, что съ началомъ VI вѣка идетъ рѣчь объ ограниченіи городскихъ муниципальныхъ правъ и политическихъ привилегій городовъ. Въ особенности движенія въ большихъ восточныхъ городахъ Антіохіи, Александріи и Іерусалимѣ имѣли угрожающій для правительства характеръ. Въ жизнеописаніяхъ св. Саввы и преподобнаго Ѳеодосія сохранились живыя черты этого ненормальнаго порядка вещей. Въ Антіохіи борьба партій достигла наибольшаго ожесточенія при епископѣ Севирѣ, когда на защиту православія выступаютъ знаменитые архимандриты Савва и Ѳеодосій и епископъ іерусалимскій Илія. Анаѳематствованія расточаются щедрой рукой съ той и другой стороны. Церковное общеніе прекращается между Антіохіей и Іерусалимомъ. Тогда свѣтская власть вмѣшивается въ споръ и приказываетъ свергнуть съ іерусалимской каѳедры Илію, но десятки тысячъ палестинскихъ монаховъ вступились за низложеннаго епископа и настоятельно требовали отъ вновь назначеннаго епископа Іоанна: „прокляни еретиковъ, а Халкидонскій соборъ утверди“. Бывали моменты, когда представители свѣтской власти оказывались не въ состояніи бороться съ народно-монашескимъ движеніемъ и искали спасенія въ бѣгствѣ. Въ заботахъ отнять у религіозныхъ партій острый характеръ и найти болѣе или менѣе удовлетворительную примирительную формулу, Анастасій также не имѣлъ успѣха, какъ и его предшественникъ Зинонъ. Въ самыхъ крупныхъ внутреннихъ смутахъ, въ дѣлѣ съ исаврами и съ Виталіаномъ, Анастасію по необходимости приходилось платиться за то, что не былъ горячимъ приверженцемъ ортодоксіи Халкидонскаго собора. Весьма

несочувственными чертами изображена и память этого императора въ лѣтописныхъ извѣстіяхъ, оставленныхъ враждебно къ нему настроенными писателями.

Между тѣмъ нельзя не принимать въ соображеніе чрезвычайно трудныхъ обстоятельствъ, въ которыхъ проходило царствованіе Анастасія. Въ высшей степени сильный напоръ варваровъ на сѣверныя границы, серьезныя замѣшательства на персидской границѣ, наконецъ, не прекращавшійся въ имперіи религіозный раздоръ, выражавшійся въ вооруженныхъ возстаніяхъ одной партіи на другую, казалось бы, не оставляли мѣста для большой созидательной работы и для такихъ предпріятій, которыя имѣли бы цѣлью не удовлетвореніе лишь настоящихъ нуждъ и потребностей, а исходя изъ общихъ государственныхъ соображеній, были бы разсчитаны на общее благо будущихъ поколѣній. Въ этомъ отношеніи стóитъ вспомнить о государственныхъ мѣропріятіяхъ Анастасія въ Арменіи и Месопотаміи, имѣвшихъ цѣлью поднятіе городовъ, облегченіе повинностей и устройство новой базы военныхъ дѣйствій противъ персовъ въ новомъ городѣ Анастасіополѣ. Но въ особенности заслуживаетъ вниманія одна финансовая мѣра, которая дѣлаетъ честь императору Анастасію. При Константинѣ Великомъ введена была особенная подать на торговыя занятія, распространенная не только на разнообразные промыслы и ремесла, но подчинявшая своему тягостному гнету даже прислугу и нищихъ. Подать налагалась какъ бы на капиталъ, находящійся въ торговомъ обращеніи, но практически капитализировались такіе необходимые для жизни предметы и орудія для добыванія необходимаго куска хлѣба, какъ оселъ, собака и т. п. Хотя эта подать должна была собираться черезъ каждыя пять лѣтъ, но фактически она взималась въ неопредѣленные сроки и примѣнялась на практикѣ при каждой перемѣнѣ царствованія и при особенныхъ юбилейныхъ торжествахъ. Обременительность и непопулярность этой подати главнымъ образомъ и объясняется тѣмъ, что она была неожиданна и произвольна. Всякій новый императоръ, имѣвшій надобность въ большихъ суммахъ при вступленіи на престолъ для раздачъ народу, а главное для подарковъ войску, прибѣгалъ къ этому источнику и черпалъ изъ него полной рукой. Можно судить о громадныхъ расходахъ на этотъ предметъ по слѣдующему примѣру. Юліанъ при вступленіи на престолъ выдалъ каждому воину около 60 р. на наши

деньги. Считая число постоянной арміи около 400.000, получимъ сумму около 25 милліоновъ рублей, которую Юліанъ долженъ былъ издержать на выдачу войску въ качествѣ подарка. Подать эта называлась χρυσάργυρον или подать золотомъ и серебромъ. Для обложенія налогомъ всѣ почти платежные классы общества вносились въ особые списки—промышленные списки,—и всѣ внесенныя въ эти списки лица платили отъ малой серебряной монеты съ мелкихъ предпріятій и орудій добыванія средствъ къ жизни до большихъ суммъ съ крупныхъ предпріятій. Въ 497—498 г. Анастасій приказалъ предать сожженію эти списки, чѣмъ положилъ конецъ вредной системѣ, дѣйствовавшей больше 150 лѣтъ и подававшей поводъ къ несправедливымъ притѣсненіямъ и горькимъ жалобамъ [1]).

Отъ времени Анастасія сохранилось нѣсколько законодательныхъ актовъ, имѣющихъ отношеніе къ земельному хозяйству и къ наслѣдственному праву. Прежде всего имѣемъ въ виду эдиктъ префекта преторіи Зотика, которымъ возложена тяжесть отвѣтственности за неплатежъ податей на частную земельную собственность. Этимъ закономъ (ἐπιβολή), который прилагался съ особенной силой при Юстиніанѣ, соблюдались интересы казны, и нарушалось право частныхъ собственниковъ, подлежавшихъ дополнительнымъ сборамъ [2]). Не менѣе того важны постановленія о колонатѣ, о принудительной закупкѣ хлѣба (συνωνή), которыя вошли въ кодексъ Юстиніана и имѣли продолжительное дѣйствіе въ имперіи.

Въ царствованіе Анастасія окончательно разрѣшился вопросъ объ основаніи въ Италіи германскаго королевства.

Послѣ насильственной смерти Одоакра Ѳеодорихъ остался единственнымъ властителемъ Италіи. Послѣдовавшія затѣмъ событія показываютъ, что Ѳеодорихъ весьма обдуманно шелъ въ Италію и зналъ, какая роль выпадала остготамъ въ завоеванной ими странѣ. По германскому обычаю готы провозгласили Ѳеодориха своимъ королемъ. Отъ политическаго такта новаго короля зависѣли ближайшія мѣропріятія въ Италіи. Будучи королемъ остготовъ, по отношенію къ итальянскому населенію онъ являлся носителемъ римскаго военнаго званія magister militum и дѣйствовалъ въ качествѣ представи-

---

[1]) Herzog, „Real-Encyclopädie“ sub v. χρυσάργυρον.

[2]) Подробности Б. А. Панченко, „О тайной исторіи Прокопія“ („Визант. Временникъ“, III, стр. 496—501, 486—7).

теля императора. Какъ осуществится въ практической жизни это двойное положеніе—объ этомъ, конечно, нельзя было гадать въ то время. Но Θеодорихъ спѣшилъ успокоить итальянское населеніе прекращеніемъ военныхъ дѣйствій, давъ ему понять, что для итальянцевъ нѣтъ опасности въ готскомъ завоеваніи, что, напротивъ, готское войско будетъ оберегать миръ въ странѣ. При посредствѣ мѣстнаго католическаго духовенства аріанскій король объявилъ амнистію по всѣмъ политическимъ дѣламъ и далъ обѣщаніе жителямъ Италіи сохранить для нихъ римскіе законы, подъ которыми они жили, и оберегать ихъ готской военной силой.

Посмотримъ, однако, какъ Θеодорихъ относился къ своимъ обязанностямъ по отношенію къ имперіи, какъ онъ смотрѣлъ на свою роль намѣстника, имѣвшаго опредѣленныя порученія отъ императора. Нѣтъ сомнѣнія, что въ этомъ отношеніи не все было предусмотрѣно заранѣе, а многое произошло въ силу естественной законности въ ходѣ дѣлъ. Еще прежде окончательнаго подчиненія Италіи, когда въ Равеннѣ держался еще Одоакръ, Θеодорихъ отправилъ въ Константинополь посольство, во главѣ котораго находился сенаторъ Фестъ. Хотя это посольство не достигло опредѣленнаго результата, такъ какъ императоръ Зинонъ умеръ какъ-разъ въ это время, тѣмъ не менѣе, можно думать, что цѣль посольства заключалась въ опредѣленіи отношеній къ имперіи какъ самого патриція и главнокомандующаго войсками, такъ и завоеванной имъ страны. Независимо отъ того, что перемѣна въ престолонаслѣдіи могла вызвать новые взгляды въ константинопольскомъ правительствѣ на совершившіеся въ Италіи факты, произошелъ уже совсѣмъ непредвидѣнный актъ провозглашенія Θеодориха королемъ. Это совершенно измѣняло отношенія и открывало новыя историческія перспективы: готы провозгласили Θеодориха королемъ, не выждавъ распоряженій новаго принцепса, т.-е. Анастасія [1]), какъ сказано въ современной хроникѣ. Новый императоръ былъ далеко не склоненъ примириться съ порядкомъ вещей, создавшимся въ Италіи, и не спѣшилъ дать согласіе на притязанія Θеодориха. Переговоры и пересылка посольствами продолжались нѣсколько лѣтъ, и только въ 497 г. Анастасій послалъ въ Италію императорскія одежды и другія эмблемы власти, находившіяся

---

[1]) Anon. Valesii 12, 57. Ap. Mommsen, „Chronica Minora“, vol. I, p. 322.

въ Константинополѣ со времени прекращенія на Западѣ преемства императорской власти. Вмѣстѣ съ этимъ актомъ передачи Ѳеодориху знаковъ императорской власти императоромъ Анастасіемъ былъ утвержденъ порядокъ вещей, созданный вторженіемъ остготовъ въ Италію, и развито то соглашеніе, которое состоялось прежде между Зинономъ и патриціемъ Ѳеодорихомъ.

Господство въ Италіи остготовъ представляетъ не лишенную историческаго значенія попытку продолжитъ римско-императорскія формы управленія подъ господствомъ варваровъ. Возникшее на почвѣ Италіи новое государственное право есть попытка соединенія римлянъ и варваровъ при строгомъ разграниченіи правъ и обязанностей побѣдителей и побѣжденныхъ. Носителями этой идеи справедливаго и планомѣрнаго распредѣленія правъ и обязанностей между римлянами и варварами былъ какъ самъ Ѳеодорихъ, такъ и его канцлеръ и полномочный министръ, сенаторъ Кассіодоръ, письма котораго составляютъ драгоцѣнный источникъ для исторіи готовъ въ Италіи [1]). Ѳеодорихъ вынесъ изъ сношеній съ Византіей глубокое убѣжденіе, что римскія формы жизни, законы и учрежденія римской имперіи, представляютъ въ себѣ достойный подражанія образецъ, который обязательно усвоить себѣ всякому народу, претендующему на культурную историческую жизнь. Поэтому, занявъ Италію, онъ стремился не къ преобразованію административной и экономической системы, а къ наиболѣе удобному способу приспособленія приведенныхъ въ Италію готовъ къ найденнымъ ими въ странѣ соціальнымъ и экономическимъ условіямъ. Прежде всего, онъ ни разу не обнаружилъ покушенія подчинить итальянское населеніе военной дружинѣ, во главѣ которой стоялъ онъ: остготы какъ были, такъ и остались военнымъ сословіемъ, размѣщеннымъ по городамъ и селеніямъ подъ начальствомъ своихъ вождей. За нихъ были записаны военные участки (треть земель), съ которыхъ они получали содержаніе и несли военную службу. Уже было замѣчено въ исторической литературѣ, что преклоненіе Ѳеодориха предъ формами римской жизни и идеальный взглядъ на будущее сліяніе готовъ и римлянъ въ одинъ народъ — частью является воспроизведеніемъ мыслей другого готскаго вождя, преемника Алариха, Атаульфа, который тоже

---

[1]) Cassiodori Variae, „Monumenta Germaniae Historica. Auctorum antiquissimorum“, XII.

полагалъ свою славу и честь въ возстановленіи и умноженіи римскаго имени силами готскаго народа [1]). Увлеченіе Θеодориха высокой идеей Рима прекрасно выражено въ одномъ его письмѣ на имя императора Анастасія [2]): „Всемилостивѣйшій императоръ! Намъ слѣдуетъ стремиться къ охраненію мира, тѣмъ болѣе, что у насъ нѣтъ и поводовъ къ враждѣ. Миръ—вожделѣнное благо для всякаго государства, въ немъ преуспѣваютъ народы, ими охраняются интересы государствъ. Миръ воспитываетъ изящныя искусства, умножаетъ родъ людской, даетъ обиліе средствъ, улучшаетъ нравы. Кто не цѣнитъ мира, тотъ выдаетъ себя не понимающимъ такихъ прекрасныхъ вещей. Поэтому вашему могуществу и чести вполнѣ соотвѣтствуетъ, чтобы я искалъ единенія съ вами, пользуясь доселѣ вашей любовью. Ибо вы составляете собой лучшее украшеніе всѣхъ царствъ, спасительную охрану всего міра, на васъ по справедливости съ благоговѣніемъ взираютъ прочіе государи, признавая въ вашей власти нѣчто чрезвычайное, въ особенности же я, Божіей помощью воспріявшій уроки въ вашей имперіи относительно способовъ справедливаго управленія римлянами. Наше королевство есть ваше подобіе, форма прекраснаго образца, экземпляръ единственной имперіи: насколько мы подражаемъ вамъ, настолько превосходимъ другіе народы. Часто вы увѣщевали меня любить сенатъ, соблюдать законы императоровъ, соединить разрозненные члены Италіи. Какъ же вы допустите не участвовать въ священномъ мирѣ того, кого желаете соблюсти въ вашихъ обычаяхъ. И уваженіе къ достопочтенному Риму не можетъ быть совмѣстимо съ мыслью о раздѣленіи того, что соединено общностью имени. Вѣримъ, что вы не допустите, чтобы существовалъ какой-либо поводъ къ несогласію между двумя республиками, которыя всегда составляли одно цѣлое при древнихъ царяхъ. Онѣ не только должны быть соединены между собой возвышенной любовью, но и взаимно оказывать одна другой поддержку. Да будетъ всегда одна мысль объ единой римской имперіи“.

Выше было сказано, что готы явились въ Италію какъ народъ-войско, и что они по естественному ходу вещей должны были остаться на итальянской землѣ и между римскими гражданами какъ обосо-

---

[1]) Orosii VII, c. 43.

[2]) Cassiodori Variae I. 1. (написано ок. 508 г.).

бленный народъ. Итальянцы были земледѣльцы, администраторы, ремесленники и промышленники, а готы—военные люди, обязанные защищать первыхъ и пользоваться средствами къ жизни съ выдѣленныхъ имъ земельныхъ участковъ. Двѣ національности объединялись въ одномъ правителѣ, оффиціальный титулъ коего былъ Flavius Theodoricus rex. Какъ римскій гражданинъ и еще до выступленія въ Италію будучи усыновленъ императоромъ, Өеодорихъ съ полнымъ правомъ усвоилъ себѣ имя Флавія; титулъ же короля, данный ему по германскому обычаю, признанъ былъ за нимъ, въ концѣ концовъ, и императоромъ. Самымъ важнымъ дѣломъ для Өеодориха было распредѣленіе земель и расквартированіе остготовъ. Здѣсь, впрочемъ, не предстояло изобрѣтать новой системы, такъ какъ Римъ давно зналъ опредѣленный порядокъ колонизаціи варварами свободныхъ земель и систему содержанія федератовъ. За нѣсколько лѣтъ до того въ обширныхъ размѣрахъ система военной колонизаціи была примѣнена въ самой Италіи для воиновъ Одоакра; съ перемѣной имени властителя тотъ же порядокъ расквартированія примѣненъ былъ для готовъ Өеодориха. Тамъ и здѣсь дѣло шло о третяхъ участковъ. Въ пользу готскаго воина должна быть уступлена треть земли каждымъ землевладѣльцемъ въ его участкѣ со всѣми въ немъ находящимися угодьями, съ инвентаремъ и рабами. Проведеніе этого дѣла поручено было Өеодорихомъ префекту преторіи Либерію, который долженъ считаться однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ государственныхъ людей эпохи готскаго владычества. Подъ его наблюденіемъ проведена была вся сложная операція размежеванія участковъ, выдѣленія третей въ пользу готской народности и капитализаціи земли въ тѣхъ случаяхъ, когда въ пользу готовъ отчислялась треть доходовъ вмѣсто трети земли въ натурѣ. Все заставляетъ предполагать, что распредѣленіе третей не вызвало особенныхъ потрясеній, потому что значительная часть земельной собственности уже ранѣе была выдѣлена воинамъ Одоакра, которые съ новымъ политическимъ переворотомъ или погибли, или лишились своихъ третей. Такъ какъ столицей остготскаго короля осталась Равенна, то готскіе гарнизоны естественнымъ образомъ болѣе централизовались въ сѣверной и восточной Италіи, чѣмъ на югѣ; Сицилія и южная Италія были почти свободны отъ готскихъ колонистовъ. Число всѣхъ готовъ, поселившихся въ Италіи подъ господствомъ Өеодориха, можетъ быть опредѣляемо въ 200000.

По мысли Өеодориха и ближайшихъ его сотрудниковъ Италія должна была представить собой образецъ мирнаго сожительства готовъ и римлянъ. Мѣры къ практическому осуществленію этого идеала продиктованы были искреннимъ и благороднымъ чувствомъ, о которомъ можемъ судить по дѣловой перепискѣ и по мѣропріятіямъ, сохранившимся въ письмахъ и въ дѣятельности Кассіодора. Двадцать книгъ „писемъ", собранныхъ и изданныхъ самимъ же Кассіодоромъ, составляютъ важнѣйшій и незамѣнимый источникъ для исторіи готовъ въ Италіи. Другой и собственно историческій его трудъ, не сохранившійся до насъ, въ существенныхъ чертахъ воспроизведенъ готскимъ историкомъ Іорнандомъ. Нижеслѣдующее обстоятельство живо характеризуетъ извѣстнаго рода тенденціозное направленіе исторіи Кассіодора. Преемникъ Өеодориха, король Аталарихъ, въ 534 году, желая почтить заслуги Кассіодора, возводитъ его въ званіе префекта преторіи и въ такихъ словахъ оцѣниваетъ передъ сенатомъ его заслуги [1]). „Правда, что мы увѣнчали всѣми высшими наградами доблестнаго сенатора, но если взвѣсить его заслуги, то окажется, что мы все же у него въ долгу. Онъ посвятилъ себя изслѣдованію нашей древней исторіи, изучая то, что едва удержала въ памяти сѣдина предковъ. Онъ оживилъ передъ нами готскихъ королей, которые оставались забытыми во мракѣ древности, возстановилъ во всемъ блескѣ родъ Амаловъ, ясно показавъ, что мы уже семнадцатое поколѣніе владѣемъ королевскимъ достоинствомъ. Онъ доказалъ единство готскаго и римскаго происхожденія, собравъ въ одинъ блистательный вѣнокъ разбросанные по книжнымъ полямъ цвѣтки. Подумайте, сколько онъ возлюбилъ васъ, похваляя насъ, когда доказалъ, что властвующій надъ вами народъ отъ самой колыбели имѣетъ дивную исторію".

Болѣе вводятъ въ реальныя отношенія и характеризуютъ жизнь законодательные памятники этой эпохи—два эдикта, извѣстные по имени королей Өеодориха и Атанариха. Это, впрочемъ, не суть акты германскаго права, это собственно римское право, приспособленное къ потребностямъ Италіи и ея новыхъ обитателей, германцевъ готской вѣтви, и регулирующее ихъ отношеніе къ туземному населенію. Въ частности, на подобіе древнихъ „правдъ", здѣсь видимъ попытку

[1]) Variae IX. 25.

установить норму наказаній для проступковъ гражданскаго и уголовнаго характера. Цѣль закона характеризуется благородной задачей— охранить civilitas, т.-е. дать защиту римской гражданственности или, чтобы ближе выразить мысль, римской культуры. Законъ принимаетъ на себя предупреждать насильственныя дѣйствія готовъ противъ римлянъ, богатыхъ противъ бѣдныхъ, крупныхъ землевладѣльцевъ противъ мелкихъ; именно этого рода проступки всего чаще встрѣчались на практикѣ, отъ нихъ происходили жалобы и вопли, „доходящіе до ушей короля". Кромѣ обычая варварскаго народа съ оружіемъ въ рукахъ добывать свое право, для грубыхъ инстинктовъ завоевателя представляли большой соблазнъ сосѣднія римскія виллы и красивыя женщины. Законъ и старается поставить границы своеволію готовъ, устрашая наказаніями тѣхъ, „которые привыкли попирать законы". Civilitas же, охраняемая законами, опредѣляется какъ такое поведеніе или настроеніе, когда каждый членъ общества проникся убѣжденіемъ, что примѣнимы лишь справедливыя средства въ отысканіи своего права, а не грубое насиліе. Такимъ образомъ, въ тѣхъ своевольныхъ дѣйствіяхъ, которыя законъ всего суровѣе преслѣдуетъ—нападеніе скопомъ на сосѣда и разграбленіе его имущества—слѣдуетъ видѣть какъ не дошедшую до насъ картину жизни въ концѣ V и началѣ VI в., такъ равно и характеристику быта остготовъ. Король находилъ старые порядки несовмѣстными съ идеей государственности, отсюда его законъ какъ первое проявленіе римской государственной идеи между германцами [1]).

Мы лишены возможности ознакомиться съ чувствами итальянскаго населенія по отношенію къ готамъ, но, по взглядамъ Ѳеодориха, выдѣленіе третей земли была мѣра въ высшей степени мудрая, въ ней былъ залогъ будущаго сліянія двухъ націй. „Намъ пріятно, говоритъ онъ римскому сенату,—что соединились и владѣнія, и сердца римлянъ и готовъ; такъ произойдетъ то, что обѣ націи, живя вмѣстѣ, будутъ единомысленны. Миръ произошелъ отъ раздѣленія полей, отъ вреда родилась дружба народовъ, пріобрѣтенъ и защитникъ помѣстья, обезпечено и безопасное пользованіе имуществомъ". Правда, нельзя не замѣтить, что во взглядахъ Ѳеодориха было много мечтательнаго и чуждаго реальной жизни, но, по крайней мѣрѣ, въ

[1]) Dahn, „Die Könige der Germanen", III (die Edicte der Könige... und das goth. Recht).

первую половину своего правленія онъ вполнѣ вѣрилъ въ осуществленіе своего идеала. Въ 508 г. онъ писалъ: „намъ доставляетъ удовольствіе оставлять жить по римскому закону тѣхъ, кого мы желаемъ подчинить военной силой, и не менѣе въ нашихъ глазахъ имѣетъ значеніе моральная побѣда, чѣмъ насильственное подчиненіе оружіемъ. Ибо что и пользы въ побѣдѣ надъ варварами, если не та, чтобы распространить на нихъ законы? Пусть другіе короли стремятся къ побѣдамъ, къ военной добычѣ и оставляютъ за собой развалины, мы же предполагаемъ при помощи Божіей такъ побѣждать, чтобы наши подданные скорбѣли о томъ, что позже другихъ подчинились нашей власти“ [1]).

Къ характеристикѣ правительственныхъ взглядовъ Өеодориха въ высшей степени важны тѣ его распоряженія, которыя касались религіозныхъ вопросовъ. Извѣстно, что готы были аріане, а итальянцы отличались нетерпимостью въ вопросахъ вѣры; извѣстно также, что вездѣ, гдѣ близко соприкасались аріане съ католиками, напримѣръ, въ Галліи и въ Африкѣ, почти неизбѣжно возникали суровыя преслѣдованія. Здѣсь, въ Италіи, наблюдалась самая широкая вѣротерпимость, о которой можно судить по слѣдующему мѣсту изъ одного распоряженія по поводу ремонта іудейской синагоги: „Я не могу приказывать въ дѣлѣ религіи, ибо насиліемъ никого нельзя принудить вѣровать“ [2]).

Өеодорихъ избралъ своей столицей Равенну, гдѣ имѣли резиденцію послѣдніе императоры. Онъ окружилъ себя пышнымъ дворомъ и украсилъ Равенну новыми дворцами и церквами (рис. 44). Придворные и административные чины, перечисляемые у Кассіодора, указываютъ, что придворная и провинціальная администрація остготскаго короля была полнымъ подражаніемъ римско-императорской. Провинціальное устройство и городовое муниципальное управленіе осталось безъ измѣненій, какъ было найдено въ эпоху завоеванія. Префектъ преторіи былъ высшій административный чинъ, у котораго сосредоточивались всѣ нити гражданскаго управленія Италіей.

Сами готы составляли государство въ государствѣ, сохранивъ военное устройство и неся обязательство военной службы. Они были

[1]) Cassiod. II, ep. 16; III. 43.
[2]) Variae II, 27.

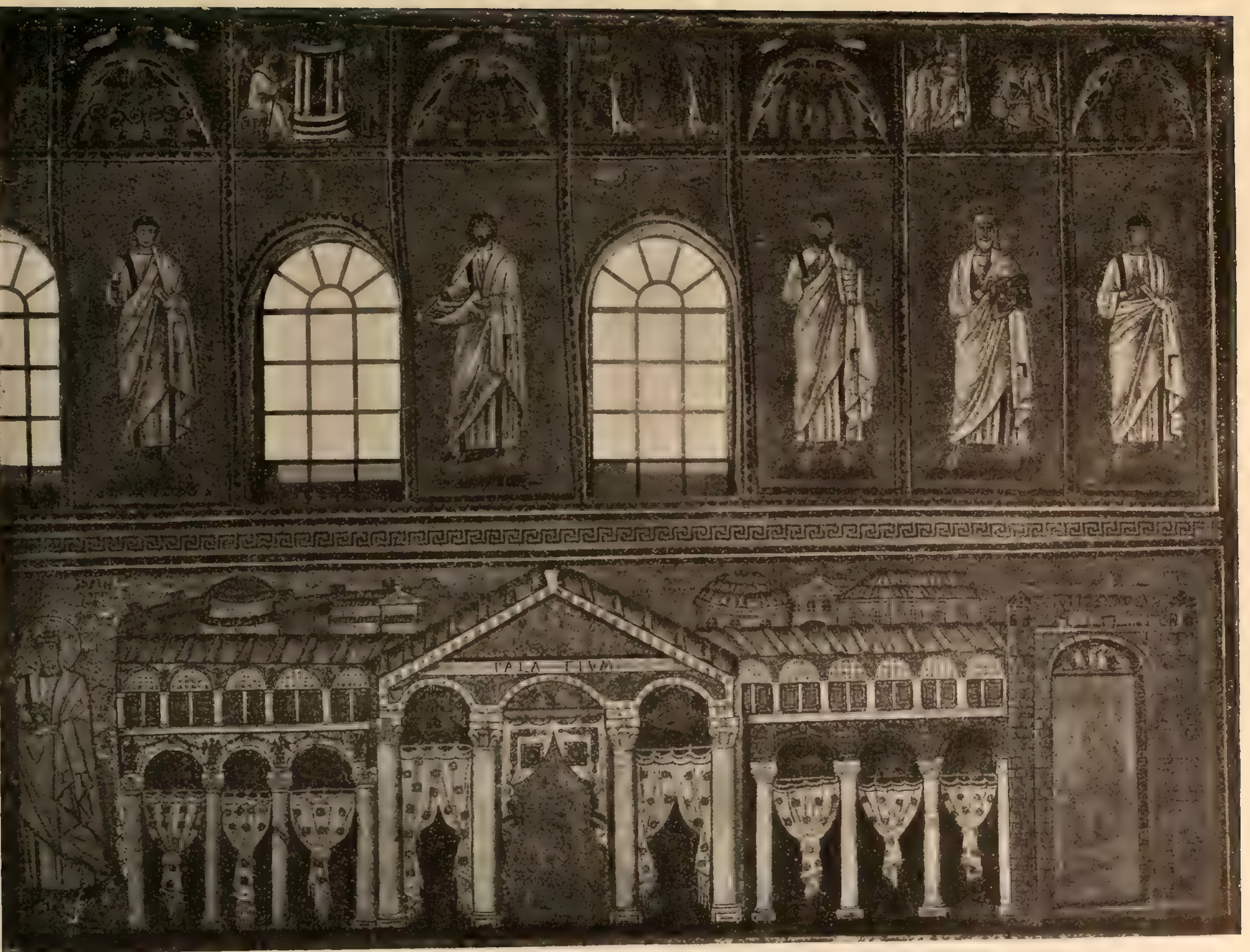

Рис. 44. Мозаика церкви св. Аполлинарія, изображающая Равенну и дворецъ Θеодориха.

подчинены особымъ военнымъ чинамъ, сидѣвшимъ въ городахъ и имѣвшимъ подъ своей властью какъ городскіе гарнизоны, такъ и раскинутыя въ ближайшей области готскія поселенія. Для высшаго суда и для рѣшенія спорныхъ дѣлъ между римляниномъ и готомъ назначались особые королевскіе чиновники, comites Gothorum.

Отличаясь въ высшей степени терпимостью въ дѣлахъ вѣры и предоставивъ римской церкви многія привилегіи, Θеодорихъ одушевленъ былъ горячими желаніями общественнаго блага и мира.

Продолжительное мирное правленіе Θеодориха было для Италіи истиннымъ благодѣяніемъ. Въ желаніи блага своимъ подданнымъ король не ограничивался лишь возвышенными планами и мечтами, но глубоко затрагивалъ реальные интересы. Такъ, онъ возстановилъ полуразрушенную дорогу Via Appia, заботился объ осушеніи Помптинскихъ болотъ и возобновилъ стѣны Рима. Онъ поставилъ готское королевство въ Италіи на высокое положеніе между современными государствами, завязавъ политическія и родственныя связи съ цѣлой системой германскихъ государствъ: съ вандалами, вестготами, бургундами, тюрингами и франками [1]). Высокой терпимостью въ дѣлахъ вѣры и гуманностью онъ содѣйствовалъ процессу сближенія побѣдителей и побѣжденныхъ, и если не послѣдовало сліянія націй, то, во всякомъ случаѣ, итальянцы достигли извѣстной степени благосостоянія и спокойствія, котораго давно не имѣли. Памятникомъ высокаго художественнаго вкуса и религіознаго настроенія Θеодориха служатъ прекрасныя равеннскія церкви, пользующіяся всемірной извѣстностью по своимъ мозаикамъ. Такова церковь св. Аполлинарія Новаго, сооруженная въ честь св. Мартина и получившая нынѣшнее названіе въ IX в. Большинство сохранившихся въ ней мозаикъ принадлежитъ времени Θеодориха (рис. 45). По нѣкоторымъ мозаикамъ можно составить себѣ идею о прежней Равеннѣ (рис. 46). Такова же церковь св. Виталія, построенная, во всякомъ случаѣ, въ первой половинѣ VI в. (рис. 47 и 48), и церковь св. Апполинарія во флотѣ (in Classe) съ мозаиками, имѣющими высокое художественное и историческое значеніе (рис. 49).

Чѣмъ далѣе отъ Равенны, тѣмъ, конечно, слабѣй чувствовалась связь съ готскимъ королемъ. Въ высшей степени любопытно, что

---

[1]) Bury, „A History of the later Roman Empire", I, 382.

Рис. 45. Богородица между ангелами въ церкви св. Аполлинарія.

Римъ, столица прежнихъ императоровъ, гдѣ всего сильнѣй—вблизи цирка и сената—должны были корениться идеи о національной свободѣ и память о недавнемъ міровластительствѣ, что этотъ Римъ мало обращалъ на себя вниманія Ѳеодориха. Лишь въ самые послѣдніе годы жизни онъ замѣтилъ въ Римѣ нарожденіе политической партіи, имѣвшей цѣлью измѣнить ему и искать покровительства Византіи, но тогда уже было поздно принимать мѣры къ обузданію римскаго патріотизма.

Переставъ быть столицей государства, Римъ не терялъ, однако, своихъ привилегій, какъ первый городъ Италіи. Эти привилегіи выражались и въ особомъ административномъ чинѣ для управленія городомъ и округомъ Рима (praefectus urbi), и въ высшемъ первенствующемъ для всей Италіи церковномъ положеніи римскаго епископа. Ѳеодорихъ былъ весьма внимателенъ къ римскому сенату, который если и не имѣлъ участія въ общегосударственныхъ дѣлахъ, сохранялъ, однако, нѣкоторыя изъ древнихъ преимуществъ и, между прочимъ, сносился непосредственно съ императорами и имѣлъ голосъ въ выборѣ епископа города Рима.

Отношенія къ римскому епископу тѣмъ труднѣй было урегулировать, что Римъ находился въ церковной враждѣ съ Константинополемъ. При епископахъ римскихъ Геласіи и Анастасіи II (492—498), пока императоръ еще не настаивалъ на примѣненіи „Энотика", поддерживались мирныя отношенія, но въ 498 г. въ Римѣ произошли раздоры по случаю выбора новаго папы, и обнаружилась борьба политическихъ партій. На этотъ разъ выдвигались два воззрѣнія: партія Анастасія, склонявшаяся къ уступкамъ по отношенію къ халкидонскимъ постановленіямъ, и партія его противниковъ, не желавшая никакихъ уступокъ и подвергавшая анаѳемѣ имя Акакія. Со смертью папы Анастасія въ 498 г. въ самой римской церкви произошла схизма, выразившаяся въ избраніи двухъ кандидатовъ на вакантный тронъ: одна партія избрала въ Латеранѣ Симмаха, другая въ церкви св. Маріи Лаврентія; оба кандидата въ одинъ и тотъ же день приняли посвященіе. На этотъ разъ Ѳеодориху, при всей его терпимости въ дѣлахъ вѣры, нельзя было оставаться холоднымъ зрителемъ римскихъ событій. Рядомъ съ приписываемымъ ему убѣжденіемъ, что въ дѣлѣ вѣры нельзя никого принуждать, сохранился о немъ слѣдующій анекдотъ. У Ѳеодориха былъ близкій человѣкъ, православ-

Рис. 46. Мозаика нефа въ церкви св. Аполлинарія, представляющая море и гавань.

ный діаконъ, который ради угожденія своему королю и въ надеждѣ на возвышеніе перешелъ въ аріанство. Но Өеодорихъ, узнавъ объ его отступничествѣ, приказалъ казнить его [1]). Такимъ образомъ, хотя онъ предоставлялъ полную свободу римскому католицизму въ своемъ государствѣ, но только до тѣхъ поръ, пока религіозная борьба не угрожала спокойствію въ странѣ. Партія Симмаха обратилась къ Өеодориху за разрѣшеніемъ спора, признавая въ немъ верховнаго судью и защитника интересовъ церкви. Другая партія, къ которой принадлежали сенатъ и знатные римляне, не одобряла этого шага и видѣла законнаго судью по церковнымъ дѣламъ въ императорѣ. Для Өеодориха вопросъ осложнялся еще и тѣмъ, что какъ-разъ въ это же время сенаторъ Фестъ велъ въ Константинополѣ переговоры объ установленіи на будущее время взаимныхъ отношеній между Италіей и имперіей. Возвратившись изъ Константинополя, Фестъ представилъ императорскій эдиктъ, въ которомъ излагались халкидонскія постановленія, и который предстояло принять вновь избранному епископу. Хотя Симмахъ отказался принять и подписать эдиктъ, а соперникъ его Лаврентій изъявилъ на него согласіе, но въ Римѣ возгорѣлись страсти, начались вооруженныя схватки на улицахъ, и Өеодориху нельзя было болѣе оставаться въ сторонѣ отъ этого движенія. Онъ призвалъ къ себѣ въ Равенну вождей партіи, разобралъ дѣло и присудилъ оставить власть епископа въ Римѣ за тѣмъ лицомъ, которое было избрано ранѣе и которое имѣло за себя большее число голосовъ. Такъ утвержденъ былъ на престолѣ св. Петра Симмахъ. Хотя соперникъ его Лаврентій и его приверженцы распускали слухъ, что Симмахъ купилъ золотомъ рѣшеніе дѣла въ свою пользу, но первое рѣшительное вмѣшательство Өеодориха въ церковныя дѣла окончилось вполнѣ благопріятно. Уже въ началѣ 499 г. Симмахъ могъ собрать въ Римѣ соборъ для утвержденія церковнаго мира и для успокоенія приверженцевъ Лаврентія. Весьма любопытно, что однимъ изъ постановленій этого собора обезпечивалась свобода избранія папы и подрывалось вліяніе свѣтской власти въ Римѣ: ни королевскій чиновникъ, ни сенатъ не участвуютъ въ избраніи римскаго епископа, все дѣло зависитъ отъ клира и народа.

Въ 500 г. Өеодорихъ посѣтилъ Римъ по случаю происшедшихъ

---

[1]) Theod. Lector, II, 18; Dahn, III, S. 199, n. 4.

„История Византійской Имперіи."

Лит. И. Кадушина С.П.Б.

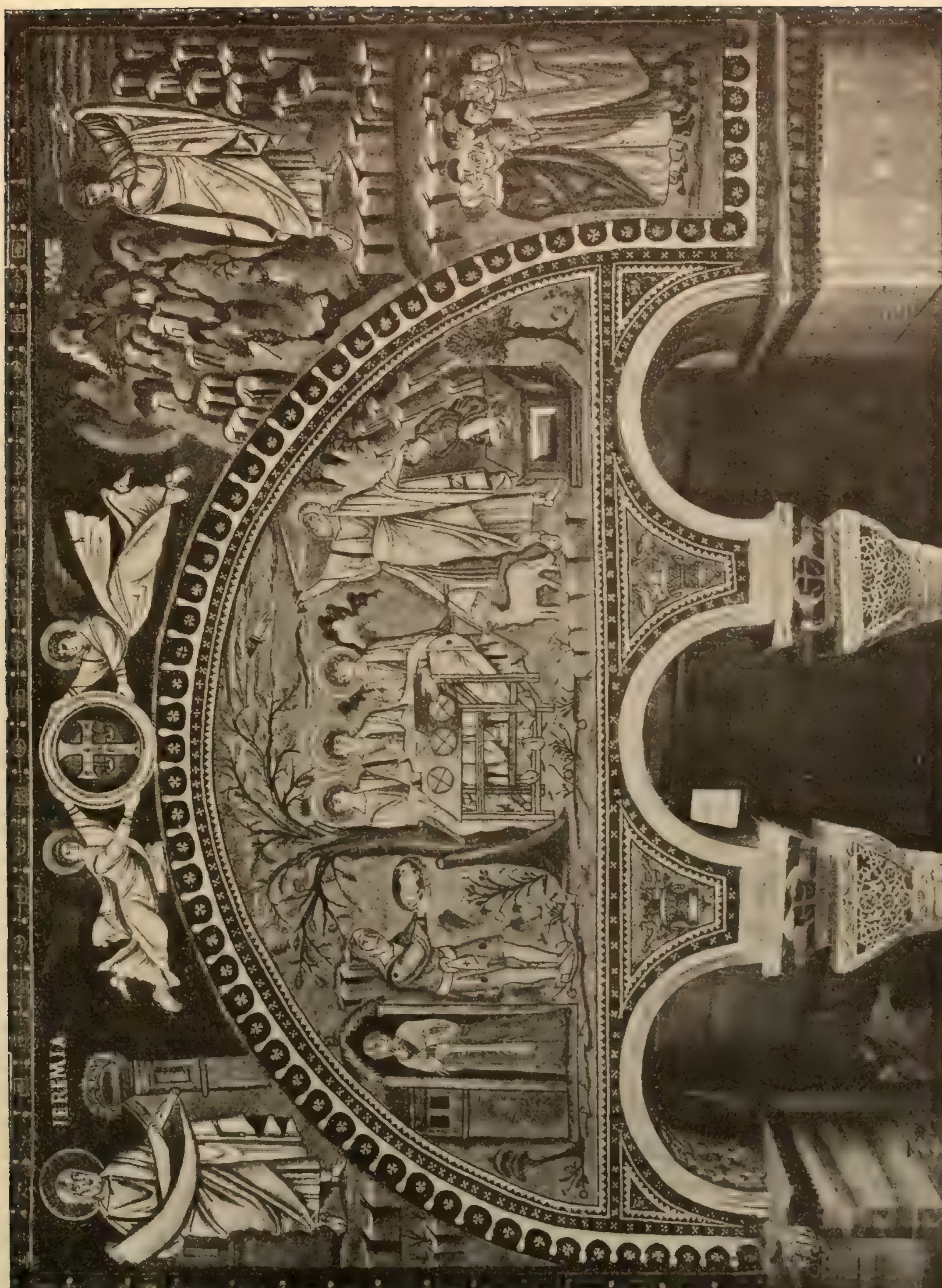

Рис. 47. Церковь св. Виталія.

тамъ раздоровъ при избраніи новаго епископа. Сенатъ и народъ оказали ему торжественную встрѣчу за стѣнами города, льстецы говорили ему привѣтственныя рѣчи, восхваляя его какъ второго Траяна, а аріанскій король, какъ вѣрующій католикъ, прежде всего посѣтилъ базилику св. Петра и отдалъ поклоненіе гробу верховнаго апостола. Въ сенатѣ держалъ передъ нимъ рѣчь отъ имени сената Боэцій, самъ король въ торжественной рѣчи говорилъ народу, что свято сохранитъ законы императоровъ, и позволилъ изсѣчь эти слова на мѣдной доскѣ „въ вѣчное воспоминаніе". Давъ народу цирковыя игры, король назначилъ въ ежегодную выдачу бѣднымъ города по 120 тысячъ мѣръ хлѣба. Все, повидимому, свидѣтельствовало, что нѣтъ никакихъ недоразумѣній между Римомъ и королемъ Ѳеодорихомъ, который повелѣвалъ въ древней императорской столицѣ съ такимъ же авторитетомъ, какъ и у себя въ Равеннѣ.

Но въ Римѣ снова послѣ удаленія Ѳеодориха разразилась борьба церковныхъ партій, въ которой, даже помимо желанія, ему не разъ пришлось выступить со своимъ авторитетомъ. Въ событіяхъ этого времени съ особенной силой проявляется политическій тактъ Ѳеодориха: онъ, можетъ-быть, потому такъ осторожно относился къ церковнымъ партіямъ въ Римѣ, что одна изъ нихъ была императорская, а другая національно-римская, и, поддерживая послѣднюю, онъ не только пріучалъ римлянъ къ своей власти даже въ церковныхъ дѣлахъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, ослаблялъ императорскихъ приверженцевъ въ Римѣ.

Со смертью Симмаха и съ избраніемъ Гормизда на каѳедру св. Петра открылись въ 514 г. болѣе искреннія сношенія между Римомъ и Константинополемъ. Императоръ Анастасій пригласилъ папу на соборъ въ Константинополь для обсужденія вопроса о церковномъ единеніи. Но какъ осторожно относился новый папа къ приглашенію, видно изъ того, что, уклонившись отъ личнаго присутствія на соборѣ, онъ послалъ своимъ представителемъ епископа тичинскаго Еннодія, снабдивъ его двумя письмами—къ императору и къ Виталіану и рекомендуя не вступать ни въ какія сношенія ни съ константинопольскимъ епископомъ, ни съ другими схизматическими духовными лицами. Отъ императора ожидалось—и это было обозначено въ письмѣ, что онъ заявитъ о своемъ признаніи Халкидонскаго собора и догматическихъ опредѣленій папы Льва, изложенныхъ въ его письмѣ, и что таковое же оффиціальное заявленіе будетъ истребовано отъ епи-

Рис. 48. Мозаика въ абсидѣ.

скоповъ восточной церкви. Какъ прямое заключеніе изъ предыдущаго акта, предполагалось новое осужденіе и анаѳематствованіе Акакія. Но въ Константинополѣ не пошли на такія рѣшительныя уступки, тѣмъ болѣе, что къ тому времени прошелъ острый періодъ борьбы съ монофизитствующимъ правительствомъ, и главный представитель оппозиціи Виталіанъ не угрожалъ болѣе Анастасію. Такимъ образомъ, полученный изъ Константинополя въ Римѣ въ 516 г. отвѣтъ оказался далеко не въ такомъ тонѣ, какъ тамъ ожидали. Анастасій писалъ римскому сенату, что ему слѣдовало бы присоединиться къ желаніямъ императора и содѣйствовать всѣми мѣрами передъ королемъ и передъ папой къ возстановленію церковнаго мира. На новое предложеніе папы оказать поддержку православнымъ и начать преслѣдованіе еретиковъ императоръ выразилъ крайнее неудовольствіе и рѣзко отвѣчалъ папѣ, что онъ прекращаетъ дальнѣйшіе переговоры, ибо не привыкъ подчиняться постороннимъ внушеніямъ.

Новыя отношенія между Италіей и Константинополемъ открываются съ началомъ новаго царствованія. Вмѣстѣ съ вступленіемъ на престолъ Юстина (518 г.), новое направленіе церковной политики выразилось прежде всего въ томъ, что Виталіанъ получилъ назначеніе главнокомандующаго сухопутными силами и на 520 г. консульское званіе. Вся внѣшняя и внутренняя политика имперіи теперь направляется племянникомъ императора Юстиніаномъ, который въ 521 г. получилъ званіе консула и праздновалъ свое вступленіе на политическое поприще роскошными играми и щедрыми подарками. Перемѣна политики сказывается особенно рѣзко въ отношеніяхъ къ римскому епископу и къ монофизитамъ внутри имперіи. Съ королемъ Ѳеодорихомъ также завязаны были болѣе тѣсныя и благожелательныя отношенія посредствомъ усыновленія императоромъ Евтариха, на котораго должно было по смерти Ѳеодориха перейти королевское достоинство по браку его съ Амаласунтой. Извѣщая папу о своемъ вступленіи на престолъ, Юстинъ просилъ его послать въ Константинополь уполномоченныхъ для возстановленія церковнаго мира, о томъ же поручено было лично переговорить съ Ѳеодорихомъ. Предложенія Юстина, очевидно, отвѣчали желаніямъ папы, такъ какъ изъ Рима отвѣчено было согласіемъ вступить въ переговоры и, кромѣ того, отправлено было нѣсколько любезныхъ посланій къ высшимъ государственнымъ лицамъ и вліятельнымъ дамамъ съ просьбой под-

держать при дворѣ папскихъ пословъ. Въ Константинополѣ, впрочемъ, и безъ того ждали римскихъ уполномоченныхъ съ распростертыми

Рис. 49. Мозаика церкви св. Аполлинарія in Classe.

объятіями; за воротами столицы ихъ встрѣтилъ Юстиніанъ, Виталіанъ и высшіе чины двора. На другой день послы представились Юстину и вручили письмо папы, въ которомъ съ настойчивостью выставлено

было не разъ уже выраженное папой положеніе, что миръ можетъ быть купленъ лишь торжественнымъ согласіемъ съ вѣроученіемъ папы и осужденіемъ Акакія.

При царѣ Анастасіи на эти требованія отвѣчали категорическимъ отказомъ, теперь же взглядъ на дѣло измѣнился. Спустя нѣсколько дней, константинопольскій епископъ подписалъ требуемое отъ него исповѣданіе вѣры согласно халкидонскому вѣроопредѣленію. Вмѣстѣ съ тѣмъ, восточная церковь вычеркнула изъ церковныхъ диптиховъ имена Акакія и другихъ еретическихъ епископовъ, не пощадивъ даже имена Зинона и Анастасія. Не все, однако, подчинилось немедленно приказаніямъ свѣтской власти; чтобы очистить церковь отъ еретичествующихъ, нужно было изгнать сотни епископовъ и поставить на мѣсто ихъ новыхъ, нужно было сломить противодѣйствіе чернаго духовенства,—все это требовало времени и настойчивости; но главное было сдѣлано: римская церковь одержала большую побѣду, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, рушилось препятствіе, доселѣ раздѣлявшее римскій сенатъ и высшее сословіе отъ Константинополя и отъ имперской политики. Скоро выяснится, что всѣ эти благопріятныя для возстановленія церковнаго мира слѣдствія сношеній Рима съ Константинополемъ сопровождались серьезными и опасными осложненіями для короля Ѳеодориха, хотя, несомнѣнно, онъ сочувствовалъ и содѣйствовалъ новому курсу политики.

Ѳеодорихъ могъ разсматривать какъ большое для себя пріобрѣтеніе то обстоятельство, что его планы на утвержденіе династіи встрѣтили признаніе и одобреніе со стороны Юстина. На 519 г. консульское достоинство предоставлено было готскому престолонаслѣднику Евтариху, въ чемъ нельзя не видѣть молчаливаго согласія императора утвердить династическій планъ Ѳеодориха. Еще яснѣй полное согласіе взглядовъ въ назначеніи на 522 г. консулами двухъ римлянъ, именно сыновей Боэція: Симмаха и Боэція.

Недостаточно было взвѣшено одно обстоятельство—политическій пульсъ бился не въ Равеннѣ, а въ Римѣ. При живыхъ сношеніяхъ съ Константинополемъ и при свободѣ выборовъ епископа въ Римѣ могло образоваться опасное для готскаго господства національное движеніе. Первые признаки неблагопріятнаго для готовъ настроенія обнаружились въ 520—521 г. по случаю еврейскаго погрома въ Равеннѣ, во время котораго сдѣлалась жертвой поджога еврейская си-

Рис. 50. Усыпальница Θеодориха.

нагога; въ то же время подобное же движеніе произошло и въ Римѣ. Θеодорихъ рѣшился дать хорошій урокъ виновникамъ погрома, приказавъ православному населенію Равенны вознаградить причиненные евреямъ убытки. Это распоряженіе вызвало бурю негодованія. Стали громко говорить, что король и его министры—еретики, и что для нихъ православіе пустой звукъ; сопоставляли слухи о суровыхъ мѣрахъ противъ аріанъ и другихъ еретиковъ, принятыхъ императоромъ въ Константинополѣ. Въ особенности положеніе короля Θеодориха подверглось большому колебанію вслѣдствіе неосторожнаго его приговора по политическому процессу и сдѣланнаго имъ распоряженія о запрещеніи римлянамъ носить оружіе. Нѣкто Кипріанъ сдѣлалъ доносъ на патриція Альбина, что онъ поддерживаетъ тайную переписку съ императоромъ и замышляетъ измѣну противъ Θеодориха. Современные событіямъ писатели Прокопій и Іорнандъ обвиняютъ Θеодориха, что онъ придалъ значеніе доносу и, не разобравъ внимательно дѣла, осудилъ на казнь лучшихъ гражданъ Рима и тѣмъ запятналъ свою память передъ потомствомъ. На судѣ Боэцій выступилъ въ защиту Альбина и, между прочимъ, говорятъ, сказалъ: „Если вы обвиняете Альбина въ томъ, что онъ желалъ свободы, то въ такомъ случаѣ мы всѣ преступники, и я и весь сенатъ—мы всѣ надѣемся достигнуть свободы!“ Эти неосторожныя слова послужили поводомъ привлечь къ обвиненію и Боэція; онъ посаженъ подъ стражу, гдѣ и составилъ извѣстное сочиненіе „Утѣшеніе въ философіи“. Слѣдствіе закончилось обвиненіемъ Боэція и его тестя Симмаха, виновные присуждены къ смертной казни съ конфискаціей ихъ имущества. Новѣйшій историкъ Рима Грегоровіусъ [1]) находитъ, что хотя подлинныхъ актовъ сношеній съ императоромъ не было представлено, но весьма вѣроятно, что тогда уже начались сношенія Рима съ Константинополемъ, имѣвшія цѣлью возвращеніе Италіи подъ власть императора. Видя въ этомъ крушеніе всего дѣла своей жизни, Θеодорихъ не могъ остановиться передъ самыми большими жертвами. А такъ какъ то, что было преступленіемъ передъ королевскимъ судомъ, разсматривалось какъ высокое и патріотическое дѣло въ глазахъ римскихъ писателей, то вопросъ о виновности Боэція и Симмаха и доселѣ служитъ предметомъ разнорѣчивыхъ сужденій.

[1]) Gregorovius, „Gesch. d. Stadt Rom“, I, 310 (1869).

Между тѣмъ, рѣзкія мѣры, принятыя въ Константинополѣ противъ всяческихъ еретиковъ и, между прочимъ, противъ аріанъ, не могли остаться безъ болѣзненнаго отклика въ Италіи. Өеодорихъ не могъ не усматривать въ эдиктѣ противъ аріанъ, которыхъ въ Византіи оставалось мало, прямой вызовъ со стороны императора и какъ бы желаніе затронуть національныя чувства итальянцевъ и религіозный фанатизмъ духовенства и возбудить вражду къ еретическому королю. Король отвѣтилъ, въ свою очередь, преслѣдованіемъ православныхъ или католиковъ и, не теряя надежды на разъясненіе недоразумѣній, пригласилъ къ себѣ въ Равенну папу Іоанна и далъ ему порученіе идти въ Константинополь съ требованіемъ отмѣны эдикта противъ аріанъ. Если бы исполненіе этого желанія встрѣтило затрудненія, то посольству было поручено настаивать и даже угрожать войной.

Итальянское посольство встрѣчено было императоромъ и высшими классами населенія съ исключительнымъ почетомъ, папу привѣтствовали какъ намѣстника св. Петра и оказали ему высшія почести. Хотя предметъ посольства не былъ выполненъ и законъ противъ аріанъ не былъ отмѣненъ, но слухи объ особенно почетномъ пріемѣ и о тайныхъ переговорахъ, будто бы веденныхъ папой Іоанномъ въ Константинополѣ, вселили въ Өеодориха подозрѣніе, что посольство ему измѣнило. Когда послы возвратились, онъ заключилъ ихъ въ темницу, гдѣ папа чрезъ нѣсколько дней и умеръ. Казни и темничныя заключенія, къ которымъ сталъ прибѣгать Өеодорихъ въ послѣднее время, значительно охладили отношенія между готами и римлянами. Принимая подъ вліяніемъ страха и раздражительности не совсѣмъ согласныя съ его характеромъ исключительныя мѣры, онъ налагалъ руку на все дѣло своей жизни. Онъ умеръ въ 526 г., въ августѣ, въ весьма натянутыхъ отношеніяхъ съ Римомъ и Константинополемъ. Въ Равеннѣ сохранился монументальный надгробный памятникъ Өеодориха (рис. 50).

Глава XIII.

Появленіе славянъ въ предѣлахъ имперіи.

Въ послѣднихъ и ближайшихъ главахъ мы пытались выдвинуть тѣ факты и явленія, которыя составляютъ существенное содержаніе и характеристику византинизма. Но нѣтъ, можетъ-быть, одинаковаго по важности вопроса въ составѣ исторіи Византіи, какъ вопросъ славянскій. И по своему безотносительному значенію, и по продолжительности воздѣйствія на всѣ стороны жизни византійскаго государства, и, наконецъ, по взаимодѣйствію государственныхъ, правовыхъ и культурныхъ началъ—славяне занимали большое мѣсто въ исторіи Византіи, и соотвѣтственно тому имъ посвящено будетъ много вниманія въ послѣдующемъ изложеніи. Находясь теперь въ началѣ VI вѣка, наканунѣ царствованія Юстиніана, мы находимъ умѣстнымъ дать особую главу начальному періоду исторіи славянъ.

Одна изъ наиболѣе трудныхъ и далеко еще не разрѣшенныхъ задачъ въ исторіи славянъ есть опредѣленіе времени ихъ поселенія въ Европѣ и географическое обозначеніе занимаемыхъ ими мѣстъ въ первые вѣка христіанской эры. Отсутствіе болѣе или менѣе прочно установленныхъ хронологическихъ и географическихъ данныхъ въ связи съ колебаніемъ этнографическихъ терминовъ, подъ которыми подразумѣвались славяне въ то отдаленное время, когда ихъ собственное имя не было еще въ употребленіи,—всѣ эти обстоятельства, далеко не безразличныя для успѣха славянскихъ изученій, служатъ объясненіемъ той сравнительной блѣдности и малозначительности фактовъ, какими характеризуется древняя славянская исторія. Правда, обращаясь здѣсь къ славянамъ, какъ къ одному изъ важныхъ дѣятелей въ исторіи Византіи, мы легко могли бы обойти

молчаніемъ темный періодъ славянской исторіи и прямо начать съ VI в., когда присутствіе славянъ на Балканскомъ полуостровѣ подъ ихъ собственнымъ, хотя и не общимъ для всѣхъ, именемъ становится уже безспорнымъ и твердо установленнымъ фактомъ; но громадное значеніе для русскаго національнаго самосознанія положительныхъ и провѣренныхъ изученіемъ, а не субъективныхъ и фантастическихъ построеній въ этой области, которыя принесли уже намъ много вреда, побуждаетъ насъ остановиться на вопросѣ о древности славянъ и свести къ немногимъ реальнымъ фактамъ то, что въ настоящее время можетъ считаться наиболѣе не подлежащимъ спорамъ. Ни съ точки зрѣнія національнаго самолюбія, ни со стороны политическихъ интересовъ всего славянскаго племени нѣтъ большой разницы въ томъ, начинать ли славянскую исторію со II и III вѣка и даже ранѣе, или же съ V и VI, но методологическіе пріемы, которыми достигается та или иная постановка этихъ вопросовъ, несомнѣнно обнаруживаютъ большое значеніе и характеризуютъ состояніе нашей научной зрѣлости [1]).

Самое древнее упоминаніе о славянахъ слѣдуетъ видѣть въ имени венеды у Балтійскаго моря. Но обозначаетъ ли первоначальную колыбель славянскаго племени это сопоставленіе двухъ терминовъ, или же только говоритъ о колонизаціи венедами побережьевъ Балтійскаго моря, на этотъ счетъ можно держаться разныхъ мнѣній. Въ смыслѣ первоначальной колыбели, откуда стало распространяться славянское племя на сѣверъ, востокъ и юго-западъ Европы, болѣе вѣроятія остается за прикарпатской областью. Это можно заключать на основаніи самаго важнаго географическаго матеріала, какимъ только владѣла древность. Разумѣемъ матеріалъ географическихъ таблицъ или дорожныхъ записей, происходящій отъ ближайшей къ христіанской эрѣ эпохи, изданный Певтингеромъ и извѣстный по имени своего издателя—Певтингеровы таблицы [2]). На этихъ таблицахъ венеды упоминаются не одинъ разъ въ сосѣдствѣ съ бастарнами, занимавшими сѣверо-восточные склоны средне-карпатскаго хребта и принадлежавшими къ германскому племени. Слѣдовательно, около I вѣка нашей эры славяне обозначились подъ именемъ венедовъ въ

1) Новое научное сочиненіе Niederle, „Slovanské Starožitnosti“ (Praha, 1903).

2) „La table de Peutinger, d'après l'original conservé à Vienne“—par Desjardins (Paris, 1879—84).

прикарпатской Руси и у истоковъ Вислы на сѣверъ до Балтійскаго моря. Тацитъ, писавшій о народахъ восточной Европы въ 98 году нашей эры, знаетъ о славянахъ-венедахъ очень мало и затрудняется— причислить ли ихъ къ германцамъ, или къ сарматамъ. Вообще послѣдняя глава его знаменитаго сочиненія „Германія", въ которой дается небольшое мѣсто венедамъ и финнамъ, далеко не отличается точными свѣдѣніями.

Географъ Птолемей во второй половинѣ II вѣка, благодаря значительно увеличившимся къ тому времени географическимъ знаніямъ, даетъ не только новыя и провѣренныя собственными изслѣдованіями по древнимъ картамъ данныя, но и располагаетъ свой матеріалъ по градусамъ долготы и широты. На его картѣ средняя Европа занята Германіей, восточная Сарматіей, границей между ними служитъ Висла. Венеды населяютъ Сарматію по Балтійскому морю; бастарны живутъ на сѣверъ отъ Карпатскихъ горъ. Такимъ образомъ, нужно принять какъ фактъ, не подлежащій сомнѣнію, что въ первые вѣка христіанской эры славяне были извѣстны подъ общимъ именемъ „венеды", и что жили они по Балтійскому морю отъ Одера до Вислы. Весьма вѣроятно, что подъ отдѣльными племенами, показанными у Птолемея въ Сарматіи [1]), нѣкоторыя племенныя названія должны быть отнесены къ славянской вѣтви. Затѣмъ, что касается участія славянъ въ исторической жизни въ III—IV вѣкахъ, на этотъ счетъ слѣдуетъ ограничиться самыми общими указаніями, не входя въ оцѣнку положеній образовавшихся у насъ школъ [2]). Одинъ изъ горячихъ защитниковъ теоріи древности поселенія славянъ на Дунаѣ, профессоръ Дриновъ пытается доказать участіе славянъ въ Маркоманнскихъ войнахъ и опредѣляетъ періодъ ихъ передвиженій отъ III по VII столѣтіе. Но сколько вѣрно второе положеніе, столько мало имѣетъ доказательности первое, такъ какъ славянство тѣхъ именъ и терминовъ, на которые ссылался Дриновъ, не можетъ быть утверждено,

---

1) Claudii Ptolemaei, Geographiae edid. Wilberg, p. 200. Карта Птолемея у Niederle I, 11, стр. 376; его выводъ о славянскихъ именахъ на картѣ I, II, стр. 431.

2) М. С. Дриновъ, „Заселеніе Балканскаго полуострова славянами" (Москва, 1873). Д. И. Иловайскій, 1) „Разысканія о началѣ Руси" (Москва, 1876); 2) „Дополнительная полемика по вопросамъ Варяго-Русскому и Болгаро-Гуннскому" (Москва, 1886); 3) „Вторая дополнительная полемика по вопросамъ Варяго-Русскому и Болгаро-Гуннскому" (Москва, 1902).

и такъ какъ славянское происхожденіе костобоковъ, карповъ и борановъ остается сомнительнымъ. Еще менѣе можно стать на сторону Д. И. Иловайскаго, который съ юношеской энергіей и доселѣ продолжаетъ выпады противъ несогласныхъ съ его теоріей славянства скиѳовъ, гунновъ и болгаръ и не дальше какъ въ 1906 г. посвятилъ первый томъ своей „Исторіи Россіи" (изд. 2-е) 2000-лѣтнему существованію русскаго народа! Съ методологической точки зрѣнія слѣдуетъ съ рѣшительностью стать противъ этой теоріи, несмотря на ея привлекательность и нѣкоторую внѣшнюю правдоподобность. Все, что можно допустить съ значительнымъ вѣроятіемъ, это то, что вмѣстѣ съ готами и гуннами, находившимися въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Византіей въ IV—V вѣкѣ, могли переходить съ сѣвера и востока за Дунай и небольшія славянскія дружины. Но онѣ были на службѣ готовъ или гунновъ, не имѣли самостоятельнаго значенія и должны были совершенно раствориться въ средѣ чуждыхъ народностей. Дружинный порядокъ, наблюдаемый въ военной организаціи готовъ и гунновъ, а можетъ-быть, и другихъ народовъ эпохи великаго передвиженія народовъ, облегчалъ военное братство между народами различнаго происхожденія и способствовалъ распространенію на большія пространства обычаевъ кочевого и военнаго быта. Такимъ образомъ, нѣтъ нисколько удивительнаго, если въ числѣ германскихъ дружинъ на службѣ имперіи въ IV—V в. встрѣчались и лица славянскаго происхожденія; таковъ Острый въ дружинѣ Аспара, извѣстный въ исторіи катастрофы, окончившейся погибелью рода Аспаръ-Ардавурій; въ лагерѣ Аттилы также могли быть славяне. Но подобные отдѣльные случаи проникновенія славянъ за Дунай въ качествѣ членовъ военныхъ дружинъ, поступавшихъ на службу къ готамъ или гуннамъ, не могли имѣть значенія въ исторіи колонизаціи славянами Балканскаго полуострова, которая и должна служить для насъ дѣйствительнымъ предметомъ историческаго разсмотрѣнія.

Наиболѣе значенія слѣдуетъ приписывать литературному преданію объ именахъ, подъ которыми выступаютъ славяне вслѣдъ за распаденіемъ державы гунновъ во второй половинѣ V вѣка. Прежде всего сюда относится извѣстіе о славянахъ Іорнанда, помѣщенное въ его исторіи готовъ, составленной въ 551 г. [1]). Въ его „Скиѳіи"

[1]) Iordanis „Getica", c. V (ed. Mommsen, „Auctor. antiquiss.", V, 1, p. 62—63).

славяне занимаютъ обширныя мѣста въ восточной Европѣ отъ Карпатовъ и истоковъ Вислы. Полагая на Дунаѣ и Тиссѣ поселенія гепидовъ, Іорнандъ на востокъ отъ нихъ указываетъ жилища славянъ. „Отъ верховьевъ Вислы—говоритъ онъ,—раскинувшись на огромныя пространства, живетъ многочисленный народъ венеты“. Это значитъ, что то обширное племя, которое у Птолемея называется венедами и которое жило у Балтійскаго моря, во время великаго передвиженія народовъ разселилось на югъ и востокъ, придвинувшись къ провинціи Дакіи. Но самое существенное въ извѣстіи Іорнанда заключается въ дальнѣйшихъ словахъ: „Хотя они имѣютъ различныя имена по колѣнамъ и мѣстамъ обитанія, но, главнымъ образомъ, извѣстны подъ двумя наименованіями: славяне и анты“ [1]). Болѣе западная вѣтвь, занимающая области до Днѣстра, это—славяне, для которыхъ рѣки и болота замѣняютъ города; болѣе восточная вѣтвь между Днѣстромъ и Днѣпромъ это—анты, сильнѣйшее изъ двухъ племенъ. Когда началось это дѣленіе славянъ на двѣ вѣтви, нельзя опредѣлить, но это несомнѣнный и очень реальный фактъ, засвидѣтельствованный и византійскими писателями и удерживаемый исторіографіей VI и VII в. Легко понять, что это раздѣленіе, намѣченное уже въ VI вѣкѣ, могло бы служить исторической основой для отдѣленія славянъ сѣверо-восточныхъ отъ юго-западныхъ, что̀ должно быть признано однимъ изъ прочно установленныхъ положеній въ этнографіи современнаго славянства.

Говоря объ этомъ различіи въ этнографіи славянъ, мы отнюдь не думаемъ здѣсь объ особенностяхъ языка и другихъ внѣшнихъ отличіяхъ, напримѣръ, между русскими и сербо-хорватами, которыя могли раскрыться лишь постепенно въ теченіе длиннаго періода вѣковъ; напротивъ, древнія извѣстія настойчиво указываютъ сходство въ обычаяхъ и въ бытѣ всѣхъ славянъ. „Всѣ эти народы, славяне и анты,—говоритъ Прокопій—не повинуются одному повелителю, но изъ древности живутъ въ димократіи; поэтому у нихъ общественныя дѣла всегда обсуждаются на сеймахъ“. У Маврикія, писателя тоже VI в., отмѣчается та же черта. „У славянъ и антовъ господствуютъ одинаковые нравы и обычаи, они любятъ свободу и не поддаются порабощенію и господству“. Далѣе, у того же писателя находимъ любо-

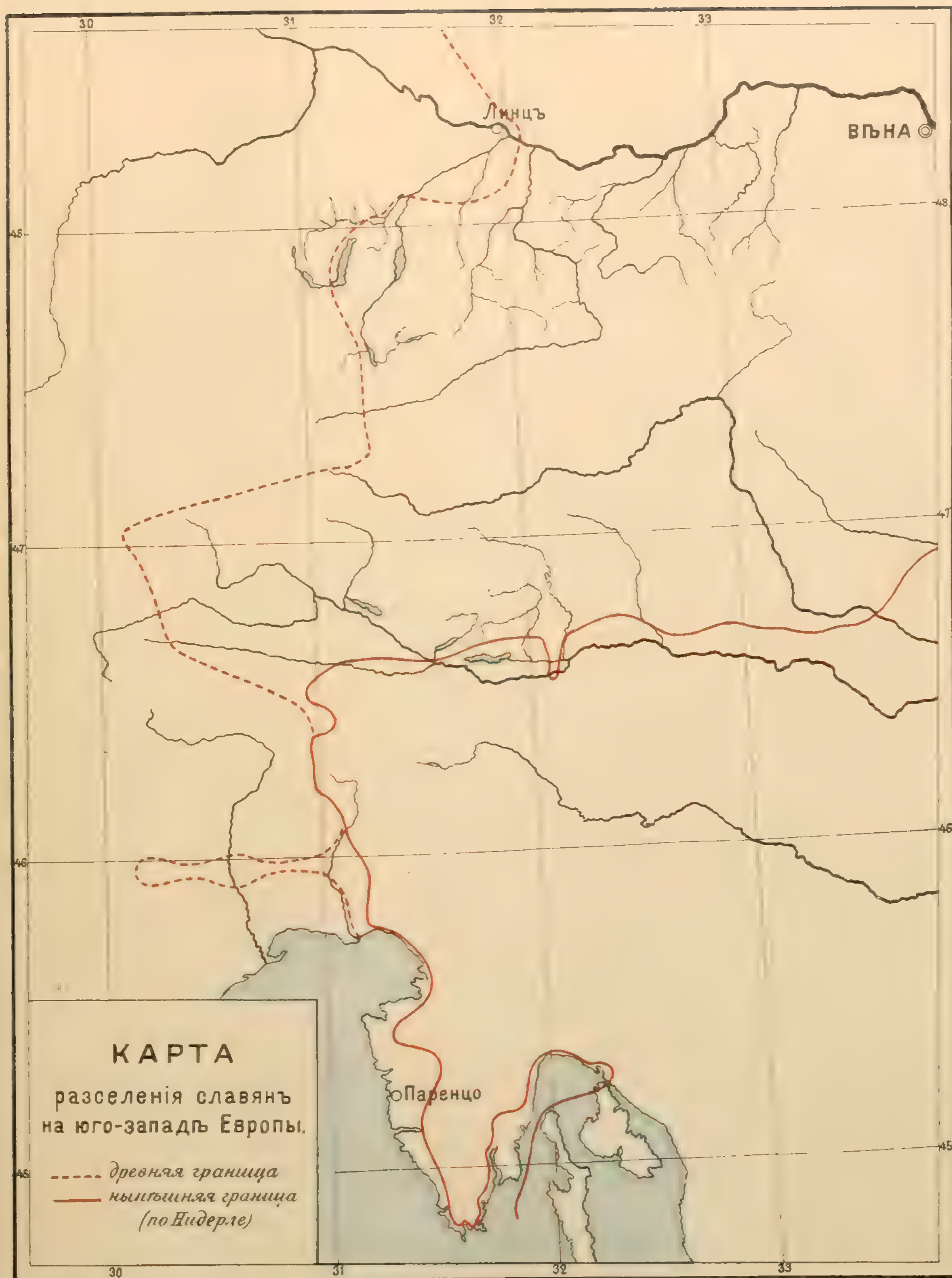
[1]) „... quorum (Venetharum) nomina licet nunc per varias familias et loca mutentur, principaliter tamen Sclaveni et Antes nominantur“.

пытное сообщеніе о политическомъ устройствѣ славянъ: „Не признавая надъ собой чуждой власти, они не живутъ въ согласіи и другъ съ другомъ. Такъ какъ у нихъ много старшинъ, не ладящихъ между собой, то не безполезно нѣкоторыхъ изъ нихъ привлекать на нашу сторону убѣжденіями или подарками, дабы возбудить и поддерживать между ними взаимную распрю и препятствовать соединенію ихъ подъ однимъ вождемъ“. Нельзя сомнѣваться, что вышеприведенныя наблюденія сдѣланы надъ тѣми славянами, которые были уже на границѣ имперіи, или даже въ ея предѣлахъ. Сожалѣніе писателя-патріота о томъ, что димократія мѣшаетъ славянамъ соединяться въ значительные союзы подъ верховной властью одного князя, было бы для насъ не совсѣмъ понятно, если бы здѣсь не шла рѣчь о славянахъ, близко знакомыхъ Византіи, бывшихъ или сосѣдями, или колонистами имперскихъ областей, которые трудно мирились съ имперскими порядками и не подчинялись законамъ Византіи. Такимъ образомъ, подходя къ тому періоду, въ который славяне оказываются однимъ изъ составныхъ элементовъ исторіи Византіи, мы находимъ возможнымъ свести къ слѣдующимъ выводамъ наше предыдущее изложеніе. Во время великаго передвиженія народовъ славяне разселились по средней и восточной Европѣ до Вислы и Днѣпра и Чернаго моря. Въ это время выдѣлились изъ первоначальнаго общаго имени венеды или венеты двѣ большія вѣтви: западная—славянъ и восточная и сильнѣйшая—антовъ. Хотя уже въ V и VI в. славяне были многочисленны и занимали обширныя пространства въ Европѣ, но политическій и культурный ихъ бытъ былъ на довольно низкой ступени. Большинство ихъ жило въ родовомъ быту, въ каковомъ состояніи они не могли образовать политическихъ союзовъ для успѣшной борьбы съ сосѣдями.

Приблизившись къ Дунаю, славяне впервые столкнулись съ культурными условіями жизни. Южные славяне, именно славянская вѣтвь венетовъ, по болѣе древней терминологіи, первая—сначала въ лицѣ отдѣльныхъ и небольшихъ дружинъ на службѣ готовъ, гунновъ и византійцевъ, а затѣмъ въ качествѣ передовыхъ колѣнъ, увлеченныхъ общимъ народнымъ движеніемъ—приблизилась къ Дунаю и вступила въ непосредственныя сношенія съ имперіей. Это соприкосновеніе славянъ съ народами старой культуры должно было произвести на нихъ сильное впечатлѣніе и отразиться въ ихъ

политическомъ и соціальномъ быту разнообразными, какъ хорошими, такъ и дурными, вліяніями.

Прежде чѣмъ приступить къ изложенію фактовъ, касающихся славянскихъ набѣговъ и вторженій въ придунайскія области, мы находимъ нужнымъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній въ приложеніи къ этому моменту славянской исторіи. Процессъ постепеннаго утвержденія ихъ въ придунайскихъ провинціяхъ, а также въ Иллирикѣ и Греціи, недостаточно отмѣченъ и оцѣненъ византійской лѣтописью. Весьма лишь недавно и съ большимъ трудомъ удалось въ наукѣ установить то наблюденіе, что въ славянскихъ вторженіяхъ V и VI в. нужно различать двоякій порядокъ фактовъ. Сначала, именно съ половины V в., наблюдаемъ набѣги и вторженія изъ-за Дуная съ цѣлью грабежа и добычи и такія же поспѣшныя отступленія въ прежнія становища за Дунаемъ. Затѣмъ въ VI в., при продолжающейся иммиграціи изъ-за Дуная, въ Мизіи, Ѳракіи, Македоніи и Панноніи уже образуется довольно значительный пластъ населенія изъ славянъ, которые прочно осѣлись на свободныхъ земляхъ, и изъ которыхъ набираются новые отряды, доходящіе, съ одной стороны, до Константинополя, съ другой—до Солуни и Эгейскаго моря. По странному недоразумѣнію, этотъ послѣдній фактъ остался мало выясненнымъ и даже слабо отмѣченнымъ въ лѣтописи, почему прежніе слависты, начиная съ Шафарика и Палацкаго, выразили мнѣніе, долго державшееся между учеными, что славяне мирнымъ путемъ захватили Балканскій полуостровъ, и что византійское правительство, дорожа такими подданными, которые, главнымъ образомъ, занимались обработкой земли, спокойно уступало имъ для колонизаціи свои опустошенныя войной и слабо населенныя провинціи. Такое мнѣніе не соотвѣтствуетъ ни дѣйствительному характеру славянъ, дѣлавшихъ набѣги на имперію, ни существу взаимныхъ отношеній между славянами и имперіей на Балканскомъ полуостровѣ. Фактически происходили опустошительные набѣги славянъ изъ-за Дуная и частичныя попытки занять свободныя земли въ придунайскихъ провинціяхъ, и отношенія Византіи къ новымъ неизвѣстнымъ доселѣ врагамъ складывались не соотвѣтственно пресловутой формулѣ мирнаго заселенія, а на основаніи обычаевъ и нормъ, выработанныхъ въ имперіи продолжительнымъ опытомъ. Причина, препятствовавшая установленію правильныхъ взглядовъ на характеръ отношеній между славянами и

„Исторія Византійской Имперіи"

Лит. И. Кадушина, С.П.Б.

имперіей, не заключается только въ идеализаціи и даже нѣкоторой тенденціозности, допущенной славистами первой половины прошедшаго столѣтія, но частью объясняется самыми источниками и путаницей въ этнографической терминологіи. Народныя и племенныя имена весьма часто перемѣшиваются даже у лучшихъ и болѣе освѣдомленныхъ писателей. Въ эпоху великаго передвиженія народовъ имперія была свидѣтельницей появленія на ея границахъ и даже вступленія на службу многихъ и разнообразнаго происхожденія племенъ, которыя на нѣкоторое время становились даже подданными императора. Происходилъ постоянный приливъ и отливъ народностей, одна волна смѣнялась другой, при чемъ новый валъ не всегда смывалъ осадокъ, образовавшійся раньше. Можно думать, что поблизости къ границѣ и въ самыхъ границахъ происходили помѣси и наслоенія племенъ разныхъ типовъ. Между тѣмъ, для современниковъ не было особыхъ побужденій къ тщательному изученію смѣнявшихся народностей. Одна и та же жадность къ добычѣ, почти одинаковый способъ веденія войны, сходство въ обычаяхъ и нравахъ—часто предрасполагали видѣть въ новыхъ варварахъ старыхъ. Оттого такъ долго держится имя скиѳовъ и сарматовъ, оттого имя гунновъ перешло на аваровъ и потомъ на славянъ. Такимъ образомъ, оказалось, что самый процессъ иммиграціи славянъ на Балканскій полуостровъ остался слабо отмѣченнымъ, и писатели VI вѣка прямо уже отмѣчаютъ совершившійся фактъ заселенія славянами огромныхъ пространствъ въ предѣлахъ имперіи.

Принимая въ соображеніе, что древній періодъ славянской исторіи открывается на Балканскомъ полуостровѣ, и что первыя свѣдѣнія о славянахъ почерпаются изъ изученія сѣверо-западныхъ окраинъ Византійской имперіи, находимъ вполнѣ основательнымъ назвать первый историческій періодъ славянства византійскимъ подобно тому, какъ первый періодъ германской исторіи, изучаемый на окраинахъ Западной римской имперіи, могъ бы назваться романскимъ. Какъ въ основу средневѣковой западно-европейской исторіи должны быть положены разнообразныя вліянія Рима, которыя въ совокупности принято называть романизаціей, такъ въ первоначальной славянской исторіи главная зиждущая сила принадлежитъ византинизму. Но византійское вліяніе на славянахъ выразилось иначе, чѣмъ римское на германцахъ, равно какъ и историческія послѣдствія частью

мирныхъ, частью враждебныхъ отношеній германцевъ и славянъ къ имперіи—были весьма различны. Въ то время какъ германскіе народы, выступая въ исторіи съ болѣе развитыми формами гражданственности, чѣмъ славяне, и съ рѣзко выраженными чертами индивидуализма, успѣли образовать на завоеванныхъ территоріяхъ римской имперіи собственныя національныя государства подъ воздѣйствіемъ римскихъ культурныхъ началъ и христіанства, славяне оказались не въ состояніи стереть Византійскую имперію и образовать на ея земляхъ національныя княженія; напротивъ, подчиняясь чарамъ высшей культуры и становясь послушнымъ орудіемъ изощренной въ искусствѣ обращенія съ варварами византійской дипломатіи, частью слились съ имперіей въ одинъ политическій организмъ, частью приняли на себя порученіе оберегать ее отъ новыхъ варварскихъ нападеній. Вслѣдствіе намѣченнаго порядка отношеній въ Византійской имперіи, пережившей на 1000 лѣтъ Западную, греко-римскія и славянскія народныя начала, пришедши въ тѣсное соприкосновеніе и общеніе, дали въ результатѣ особый родъ политическихъ и правовыхъ нормъ, наблюдаемыхъ въ оригинальномъ сочетаніи и взаимоотношеніи. Независимо оттого Востокъ со всѣми его этнографическими религіозными и правовыми особенностями долженъ былъ наложить еще свою печать на Восточную имперію и ея учрежденія. Такимъ образомъ, вслѣдствіе указанныхъ отношеній тѣснаго общенія и подъ вліяніемъ разнообразныхъ культурныхъ воздѣйствій, древняя славянская исторія вплоть до періода образованія славянскихъ государствъ въ VIII—IX вв. не имѣетъ самостоятельнаго характера и не только проникнута византинизмомъ, но и получаетъ нѣкоторый свѣтъ почти исключительно изъ исторіи Византіи. Принимая во вниманіе низкую степень соціальнаго и культурнаго развитія, на которой находились славяне при соприкосновеніи съ Византіей, а также упадокъ живого творческаго духа въ правящихъ слояхъ византійскаго общества, эгоизмъ и продажность администраціи, нельзя думать, что славянскіе вожди и лучшіе передовые люди изъ славянскихъ старшинъ воспринимали только хорошее, а не дурное. Относясь къ давно прошедшимъ событіямъ безъ „гнѣва и раздраженія“, можемъ утверждать, что южные и юго-западные славяне, будучи передовымъ постомъ у границъ тогдашняго культурнаго міра, не только мало выиграли сравнительно со своими сѣверо-восточными сородичами, но

едва ли не проиграли, рано вкусивъ запрещеннаго плода византійской культуры. Историку предстоитъ деликатная задача выяснить причины этого печальнаго явленія и показать на историческихъ событіяхъ его жизненное значеніе.

Итакъ, начало славянской исторіи не тамъ, гдѣ находимъ первыхъ князей-собирателей славянскихъ государствъ: моравскаго, чешскаго, болгарскаго, польскаго и др. Начало славянской исторіи скрывается въ исторіи Византіи. Если видѣть первые признаки гражданственности въ политической организаціи, то слѣдуетъ признать, что самыя раннія попытки соединенія нѣсколькихъ колѣнъ подъ одною властью встрѣчаемъ далеко за чертой непосредственнаго вліянія Византіи, т.-е. у славянъ за предѣлами имперіи (см. приложенную карту). Ближайшіе къ византійскимъ границамъ славяне долго оставались въ первичной стадіи жупнаго устройства, характеризующаго также и тѣ племена, которыя поселились въ областяхъ имперіи и приняли византійское подданство. Византія не видѣла выгоды для себя поощрять образованіе крупныхъ племенныхъ группъ среди славянства; напротивъ, всѣ политическіе разсчеты заставляли ее питать рознь и вражду между отдѣльными колѣнами-жупами, поддерживая и лаская одного жупана и ослабляя другого. Весьма выразительно отмѣченныя наблюденія надъ той особенностью политическаго устройства славянъ, которое Прокопій и Маврикій опредѣлили именемъ димократіи, знакомятъ насъ съ самой существенной и общераспространенной чертой быта древнихъ славянъ. И никакъ нельзя забывать, что эта черта наблюдаема была всего вѣроятнѣе между славянами, бывшими въ предѣлахъ имперіи. Жупное устройство, отсутствіе княжеской власти, которая объединяла бы малыя жупы, борьба колѣнъ и проч.—все это служило для Византіи удобнымъ средствомъ держать славянъ въ подчиненіи. Нижеслѣдующее наблюденіе, конечно, рисуетъ бытъ тѣхъ славянъ, которые могли быть наблюдаемы вблизи: „они не охотно исполняютъ приказанія чужого лица, но послушны своимъ вождямъ; гораздо легче сносятъ они несправедливости и обиды собственныхъ старшинъ, лишь бы не слѣдовать ромэйскимъ обычаямъ и законамъ“.

Изъ предыдущаго можно заключить, что славяне въ предѣлахъ имперіи составляютъ любопытный предметъ изученія славянской исторіи въ той стадіи, которая предшествуетъ образованію государствъ.

Такъ какъ этотъ періодъ весьма мало затронутъ въ наукѣ, то его можно коснуться здѣсь лишь въ общихъ чертахъ.

Въ отношеніяхъ имперіи къ новымъ народамъ можно отличать двѣ системы въ занимающую насъ эпоху. Или между имперіей и вождями варваровъ имѣли мѣсто разнаго рода договоры и соглашенія, въ силу которыхъ послѣдніе располагались съ согласія имперіи на временное или постоянное жительство въ ея областяхъ, или завоевательный народъ насильственно врывался въ имперскія области и диктовалъ ей свои условія. Поселенія на договорныхъ началахъ были осуществляемы въ весьма разнообразныхъ формахъ. Наиболѣе обычная и чаще практиковавшаяся была форма военныхъ поселеній, состоявшая въ томъ, что племя или дружина поселяема была на имперской территоріи съ обязательствомъ военной службы и на условіяхъ денежнаго вознагражденія со стороны правительства;— такіе поселенцы назывались федератами. Со времени Ѳеодосія Великаго эта система получила весьма широкое распространеніе и, несмотря на протесты со стороны патріотовъ, угрожавшихъ вредными отъ нея послѣдствіями, такъ какъ при ней средства обороны переходили въ руки иностранцевъ, держалась въ теченіе V и VI вв. Съ точки зрѣнія потребностей того времени, это, конечно, была единственно разумная мѣра, позволявшая использовать варварскія военныя силы и посредствомъ чужеземцевъ держать въ нѣкоторой безопасности пограничныя области. Эта система принесла имперіи значительныя выгоды, такъ какъ большинство иноземныхъ дружинъ и въ особенности ихъ вождей постепенно подчинялось византійской культурѣ, усвоило языкъ и образованность страны и вошло въ составъ военной или гражданской администраціи. Въ частности, по отношенію къ славянамъ, отношенія имперіи основывались столько же на обычной практикѣ, сколько на характерныхъ особенностяхъ славянскаго племени.

Нельзя терять изъ виду того обстоятельства, что во второй половинѣ V и въ VI вв., имперія была болѣе ослаблена, чѣмъ раньше; что населеніе ея, въ особенности на окраинахъ, сильно порѣдѣло, и что для правительства назрѣвалъ весьма серьезный вопросъ о пустопорожнихъ областяхъ, лишенныхъ населенія и не дающихъ ни денегъ, ни военныхъ людей. Знакомство византійскихъ государственныхъ людей съ новымъ народнымъ элементомъ въ лицѣ славянъ

могло внушить мысль объ утилизаціи этого народа даже въ болѣе крупныхъ размѣрахъ, чѣмъ это было допускаемо по отношенію къ германцамъ. На сколько можно судить по указаніямъ скудныхъ извѣстій, славяне съ первыхъ же встрѣчъ съ византійцами и послѣ первоначальнаго ознакомленія съ плодородными и мало заселенными провинціями имперіи отъ Дуная до Эгейскаго моря задались цѣлью занять эти провинціи съ оружіемъ въ рукахъ, если бы имперія не согласилась предоставить ихъ славянамъ по доброй волѣ. Такъ какъ военныя средства имперіи не были достаточны, чтобы съ успѣхомъ вести войну со славянами, то допущена была по отношенію къ нимъ еще на болѣе широкихъ основаніяхъ, чѣмъ прежде выработанная, система колонизаціи и, кромѣ того, примѣненъ къ нимъ давно уже практиковавшійся по отношенію къ варварамъ обычай вербованія охочихъ людей на военную службу.

Но прежде, чѣмъ вошла въ норму извѣстная система отношеній, взгляды правительства на новыхъ и весьма жестокихъ сосѣдей на Дунаѣ не разъ подвергались перемѣнамъ, и можно безъ колебаній утверждать, что твердая система принята была тогда, когда не оставалось иного выбора для Византіи, т.-е. когда славяне завладѣли уже въ концѣ VI в. значительной частью Балканскаго полуострова. Прежде всего, въ разсужденіи этого вопроса нужно отличать два періода: сначала въ описаніи славянскихъ набѣговъ отмѣчается весьма опредѣленно, что набѣги предпринимаются изъ-за Дуная, и что грабежъ и добыча составляютъ существенную цѣль набѣга,—такъ можно характеризовать отношенія со второй четверти VI вѣка. Затѣмъ, съ конца VI в. и въ самомъ началѣ VII в., замѣчается другой характеръ отношеній: уже на Балканскомъ полуостровѣ образовался значительный пластъ славянскаго населенія, уже новыя волны разселенія, доходящія до Константинополя и Солуни и переливавшіяся въ Эпиръ, Ѳессалію, Грецію и на острова, не питаются изъ-за задунайскихъ областей, а берутъ свое начало во Ѳракіи, Македоніи и Панноніи.

Намѣтивъ въ общихъ чертахъ вышеуказанный порядокъ славянской иммиграціи, мы встрѣчаемъ почти непреодолимыя трудности, когда захотимъ эту картину иллюстрировать конкретными фактами. Хотя не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что византійское правительство вполнѣ сознательно шло на встрѣчу совершавшагося на его

глазахъ этнографическаго обновленія Балканскаго полуострова, но въ источникахъ не сохранилось указаній, по которымъ можно было бы возсоздать проводимую по отношенію къ славянамъ систему. Есть лишь слабые намеки, которые тѣмъ болѣе считаемъ здѣсь необходимымъ выдвинуть, что они оказываются мало изслѣдованными и непримѣненными къ занимающему насъ вопросу.

По отношенію къ Балканскому полуострову самое выразительное мѣсто читается въ житіи св. Димитрія солунскаго, именно въ повѣствованіи о Куверѣ [1]). Вся эта легенда, въ концѣ концовъ, сводится къ освѣщенію принятой имперіей системы отношеній къ славянамъ. Оказывается, что въ Солуни организована была система вербовки охотниковъ переходить въ подданство имперіи. Органами и посредниками въ сношеніяхъ между славянами и византійской администраціей были принявшіе греческую культуру и частью воспитанные въ Константинополѣ славянскіе колѣнные старшины, изъ которыхъ выбирались правительствомъ и устроители колоній, получившіе наименованіе старшинъ, жупановъ или князей. Въ сказаніи о Куверѣ сохранился слѣдъ образованія славянской колоніи во Ѳракіи. Условія, на которыхъ происходило поселеніе славянъ на свободныхъ мѣстахъ, не затронуты въ легендѣ, но о нихъ можно дѣлать догадки на основаніи историческихъ извѣстій объ основаніи правительственныхъ колоній въ Малой Азіи. Замѣтимъ лишь, что тѣ лица, которыя служатъ посредниками между правительствомъ и славянами, оказываются въ большинствѣ слишкомъ затронутыми византійской культурой, и симпатіи ихъ болѣе лежатъ на сторонѣ имперіи, чѣмъ славянства.

Выведенныя византійскимъ правительствомъ славянскія колоніи на Востокѣ засвидѣтельствованы неоднократно лѣтописью. Такъ, подъ 664 г. говорится о партіи славянъ въ 5000 человѣкъ, которая пристала къ арабамъ, опустошившимъ малоазійскія области, и ушла съ ними въ Сирію, гдѣ и основалась на постоянное жительство близь Апамеи [2]). Подъ 687 годомъ упоминается объ обширной колоніи славянъ, выведенныхъ изъ Македоніи и поселенныхъ въ Виѳиніи въ области Опсикій. О судьбахъ этой колоніи сохранились дальнѣйшія

[1]) „Acta SS.“, oct. c. V (§§ 194—207); Tougard, § 110—123.

[2]) Theoph. „Chronogr.“ ed. Boor I, 348, 364, 365, 432; „Извѣстія Русскаго Археологическаго Института“, т. VIII, 32 и сл.

извѣстія. Черезъ четыре года изъ этой колоніи составленъ былъ опричный отрядъ въ числѣ 30 тысячъ воиновъ подъ начальствомъ собственнаго старшины славянъ по имени Невула. Любопытно также и то, что 20 тысячъ изъ этого отряда предпочли потомъ перейти на службу къ арабамъ, которые вообще не разъ пользовались услугами славянъ въ своихъ успѣшныхъ походахъ на Византію. Около половины VIII в. выведена была въ Малую Азію еще многочисленная колонія, опредѣляемая въ 208 тысячъ, которой были даны земли въ Виѳиніи близь рѣки Сангарія. Не входя здѣсь въ разсмотрѣніе вопроса о томъ, какая была судьба славянскихъ поселеній въ Виѳиніи, ограничимся замѣчаніемъ, что поселенные въ Малой Азіи славяне надѣлены были земельными владѣніями и поставлены въ такое состояніе, чтобы имѣть средства къ отбыванію военной службы, которой требовало отъ нихъ правительство. Какъ можно догадываться на основаніи отрывочныхъ замѣчаній писателей, даваемая славянамъ организація напоминаетъ военное устройство нашихъ казацкихъ войскъ. Такія обширныя колоніи, какъ отмѣченныя въ извѣстіяхъ Ѳеофана, должны были играть значительную военную и политическую роль въ судьбахъ имперіи. По новымъ наблюденіямъ, та часть Малой Азіи, куда поселяемы были славяне, и въ настоящее время имѣетъ не больше $1^1/_2$ милл. населенія [1]). Принимая же во вниманіе, что въ VIII в. не могло быть такой плотности населенія, какъ нынѣ, мы должны допустить, что славяне почти сплошь занимали территорію провинціи Виѳинія, гдѣ, повидимому, сосредоточивались славянскія поселенія. Быть-можетъ, въ настоящее время изгладились уже окончательно слѣды пребыванія славянъ въ Малой Азіи, хотя попытка тщательныхъ научныхъ изслѣдователей мѣстной топографіи и этнографіи, языка и народныхъ преданій могла бы и въ настоящее время представлять интересъ.

Можетъ-быть, единственнымъ памятникомъ жизни славянъ въ Малой Азіи нужно считать византійскую свинцовую печать, находящуюся въ коллекціяхъ Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ. Эта печать принадлежала славянамъ Виѳиніи и своей надписью утверждаетъ на незыблемыхъ основаніяхъ тотъ фактъ, что военная организація была существеннымъ отличіемъ этой колоніи,

---

[1]) Humann, „Ueber die Etnologie Kleinasiens" („Verhandl. der Gesellschaft für Erdkunde zu Berlin". B. VII, 240—254).

и что организація русскихъ казаковъ можетъ быть принимаема какъ типъ военныхъ поселеній славянъ. О ней будетъ рѣчь ниже.

Теперь, возвращаясь къ славянамъ Балканскаго полуострова, мы можемъ представить себѣ нѣсколько яснѣй политику имперіи по отношенію къ нимъ. Обыкновенно употребляемыя выраженія у писателей относительно славянскихъ поселеній: „насильственныя“ или „по договору“ не даютъ еще основаній къ опредѣленію реальныхъ отношеній къ имперіи тѣхъ славянъ, которые располагались во Ѳракіи, Македоніи и другихъ провинціяхъ Балканскаго полуострова. Намъ нужно для этого прибѣгать къ обобщеніямъ и дѣлать выводы на основаніи весьма скудныхъ и случайно оброненныхъ конкретныхъ указаній. Прежде всего выдвигается съ особенной силой фактъ насильственныхъ вторженій славянъ, при которомъ не оставалось мѣста ни для договорныхъ отношеній, ни для военнаго принужденія. У писателей VIII и IX вв., бросающихъ ретроспективный взглядъ на событія или характеризующихъ давнопрошедшія событія по современнымъ, недостаетъ надлежащей точки зрѣнія на то, что происходило на Балканскомъ полуостровѣ въ VI столѣтіи. До настоящаго времени всего ближе къ дѣйствительности и хронологически, и по существу сообщаемыхъ подробностей, нужно признать упомянутые акты св. Димитрія, патрона Солуни, въ которыхъ изрѣдка попадаются и нужныя для насъ черты. Въ сущности здѣсь мы имѣемъ чуть не лѣтописныя записи о фактахъ, происходившихъ на опредѣленной территоріи, и о предпріятіяхъ славянскихъ вождей, совершаемыхъ въ опредѣленное время и съ опредѣленной сознательно поставленной цѣлью. О военномъ подчиненіи, т.-е. о насильственной колонизаціи здѣсь нѣтъ и помина; событія происходятъ совершенно иначе, чѣмъ это желательно для имперіи; она не руководитъ ими, а лишь пытается открыть для враждебнаго движенія славянъ такое русло, по которому оно могло бы направляться безъ особеннаго вреда для самаго существованія имперіи. Конецъ VI и первая половина VII вѣка полны въ этомъ отношеніи драматическаго интереса. Шла рѣчь о большой ставкѣ съ той и другой стороны. Всматриваясь въ событія съ точки зрѣнія взаимныхъ силъ, какими располагала Византія, и какія выставляли славяне, можно было бы думать, что славянамъ удастся ихъ мечта на счетъ завоеванія Солуни и обладанія имперіей, но по одинаковымъ причинамъ подобные планы не осуществлены были древними

славянскими вождями: Куверомъ, Мавромъ, Хацономъ, Первундомъ и многими другими, какъ и болѣе поздними: Крумомъ, Симеономъ, Стефаномъ Душаномъ и др.

„Было во дни благочестивой памяти епископа Іоанна, поднялся народъ славянскій, безчисленное множество изъ дрогувитовъ, сагудатовъ, велегезитовъ, вэунитовъ, верзитовъ и прочихъ народовъ. Научившись дѣлать лодки изъ одного дерева и снарядивъ ихъ для плаванія по морю, они опустошили всю Ѳессалію и расположенныя кругомъ нея и Еллады острова, еще же и Кикладскія острова и всю Ахэю, Епиръ и большую часть Иллирика и часть Азіи и сдѣлали необитаемыми многіе города и области. Составивъ общее рѣшеніе идти на христолюбивый сей городъ, чтобы и его разорить, какъ и другіе города, они пригнали въ приморское мѣсто выдолбленныя изъ цѣльнаго дерева лодки, которыхъ было безчисленное количество, прочіе же въ неизмѣримомъ числѣ окружили богохранимый сей городъ съ востока, съ сѣвера и запада и со всѣхъ сторонъ, имѣя при себѣ свои семьи съ хозяйствомъ, въ томъ намѣреніи, чтобы, по взятіи города, поселиться въ немъ.—Тогда слезы лились рѣкой и были воздыханія по всему городу, до смерти напуганному однимъ только слухомъ о чрезвычайныхъ опустошеніяхъ городовъ, о безчисленныхъ убійствахъ и плѣненіяхъ и о томъ, что варвары уже вездѣ хвастаются погибелью города. Кромѣ всего прочаго, не оставалось и своихъ судовъ, не было ихъ и въ ближайшихъ мѣстахъ для защиты входа въ городскую гавань. Особенное уныніе возбуждали въ гражданахъ христіанскіе бѣглецы, сдѣлавшіеся плѣнниками отъ такого безпощаднаго осаднаго положенія. И была тогда одна душа и у робкихъ, и у мужественныхъ, каждый имѣлъ передъ глазами или горечь плѣна, или смерть, не имѣя возможности никуда спастись, ибо, какъ смертоносный вѣнецъ, варвары славяне держали въ тискахъ городъ.

„Всѣмъ славянскимъ народомъ условлено было сразу и неожиданно напасть на стѣны. Находившіеся на судахъ славяне озаботились защитить ихъ сверху досками и покрыть такъ называемыми вирсами (кожами), дабы, когда лодки подойдутъ къ стѣнѣ, сдѣлать неуязвимыми гребцовъ со стороны тѣхъ, которые будутъ со стѣнъ бросать камни или пускать стрѣлы. И небесный промыслъ молитвами мученика внушилъ имъ эту первую трусость—не прямо подойти къ городу, а остановиться въ той части залива, которая называется

Келларій. Между тѣмъ, какъ варвары оставались тамъ, чтобы исполнить задуманную ими хитрость, городскіе жители немного запаслись мужествомъ и приготовили въ гавани нѣсколько деревянныхъ плотовъ, съ которыхъ протянули цѣпь... Черезъ три дня, когда славяне начали приступъ, городъ спасенъ былъ заступничествомъ св. Димитрія, при чемъ непріятельскій флотъ былъ разсѣянъ и увлеченъ теченіемъ, большая часть его погибла въ волнахъ. Предводитель славянъ по имени Хацонъ попался въ плѣнъ и былъ побитъ камнями.

„Вскорѣ послѣ разсказаннаго пораженія славяне имѣли серьезное обсужденіе случившагося и, собравъ большіе дары, послали апокрисіаріевъ къ аварскому кагану, давая ему обѣщаніе выдать большую сумму денегъ и обезпечивая огромную военную добычу при взятіи нашего города подъ тѣмъ условіемъ, если онъ вступитъ съ ними въ союзъ. Было признано, что городъ легко можетъ быть взятъ, потому что онъ находится въ занятой ими области, въ которой зависимые отъ него города и епархіи сдѣланы ими необитаемыми, и оставаясь, какъ сказано, вполнѣ одинокимъ среди чуждаго населенія, онъ вмѣщаетъ въ себѣ всѣхъ бѣглецовъ изъ придунайскихъ странъ: Панноніи, Дакіи, Дарданіи и другихъ епархій и городовъ, которые въ немъ находятъ пріютъ.

„Названный аварскій каганъ охотно согласился исполнить ихъ просьбу и, собравъ всѣ подчиненныя ему варварскія племена, вмѣстѣ со всѣми славянами и болгарами и безчисленными народами, черезъ два года съ многочисленнымъ войскомъ пошелъ къ нашему городу. И, вооруживъ избранныхъ всадниковъ, онъ послалъ ихъ впередъ самымъ краткимъ путемъ, приказавъ неожиданно напасть на городъ и, выведя или перебивъ его гарнизонъ, ждать хана съ собраннымъ имъ войскомъ и съ различными видами военныхъ орудій, назначенныхъ для погибели нашего отечества".

По отношенію къ организаціи славянъ и способа ихъ введенія въ составъ имперіи, византійское правительство должно было считаться съ совершившимся фактомъ. Оно должно было или принять новыхъ поселенцевъ, или отказаться отъ занятыхъ славянами провинцій. Въ этомъ и нужно видѣть практическій умъ и вѣрную оцѣнку положенія со стороны государственныхъ людей Византіи, что они, примирившись съ фактомъ громаднаго историческаго значенія, нашли

способы и средства не только на долгое время обезопасить имперію отъ славянскихъ враждебныхъ набѣговъ, но частью лишить ихъ племенныхъ тенденцій, частью совсѣмъ поглотить тѣхъ славянъ, которые постепенно разселяемы уже были правительственной иниціативой въ различныя области Малой Азіи и Сиріи.

Не подлежитъ сомнѣнію то обстоятельство, что имперія предоставляла славянамъ въ извѣстной степени внутреннюю самостоятельность, какъ это давно уже было обычнымъ по отношенію къ федератамъ, и какъ это стало необходимымъ допускать по отношенію къ славянамъ. Всматриваясь въ политическую организацію славянъ, насколько пониманіе внутреннихъ отношеній дается по актамъ св. Димитрія, мы должны признать, что самая характерная черта быта славянъ состояла въ ихъ племенной расчлененности, которая всегда дѣлала ихъ слабыми въ соприкосновеніи съ централизованной и опытной византійской администраціей. Славяне приходятъ въ соотношеніе съ имперіей прежде всего чрезъ своихъ племенныхъ старшинъ, которыхъ подкупаютъ византійская показная культурность, блескъ двора и роскошь столицы, и которыхъ благорасположеніе легко пріобрѣтается денежными выдачами и пышными титулами. Почти всегда императоръ желаетъ воспитать въ Константинополѣ будущаго славянскаго племенного старшину, которому внушаютъ уваженіе къ культурной имперіи, пріучаютъ къ греческому языку и нравамъ, и почти всегда онъ становится преданнымъ и послушнымъ орудіемъ въ рукахъ правительства. Византія прилагала всѣ старанія къ тому, чтобы племенныя тенденціи болѣе и болѣе замирали, и чтобы старшины славянскіе не развивались до сознанія національныхъ идей. По всей вѣроятности въ томъ же направленіи дѣйствовали и условія, при которыхъ происходило постепенное занятіе славянами провинцій имперіи. Нельзя думать, что эпоха переселенія народовъ смела до послѣднихъ остатковъ все старое населеніе въ этихъ провинціяхъ. Въ житіи св. Северина, повѣствующемъ о фактахъ современныхъ движенію остготовъ въ Италію, имѣются весьма любопытныя подробности о смѣнѣ стараго и новаго населенія. Въ городахъ при всѣхъ неблагопріятныхъ условіяхъ удерживается и старое населеніе, и византійская администрація; точно также старое населеніе удержалось въ горахъ, а въ незащищенныхъ мѣстахъ осѣдаетъ новый слой; такъ, конечно, происходитъ дѣло и въ VI вѣкѣ.

Намѣченныя выше черты политической организаціи славянъ и характеръ ихъ поселеній на Балканскомъ полуостровѣ хорошо иллюстрируются нѣкоторыми конкретными фактами, которые заимствуемъ изъ житія св. Димитрія. Ближайше къ Солуни расположившіяся племена, какъ сагудаты, дреговичи, ринхины, велесичи и др., которымъ принадлежала окрестная страна, состояли съ Константинополемъ въ формальныхъ мирныхъ отношеніяхъ. О представителѣ племени ринхиновъ Первундѣ сообщаются живыя подробности: онъ уже полуцивилизованный грекъ, носитъ византійское платье и говоритъ на греческомъ языкѣ. Но племя стоитъ совершенно отдѣльно отъ другихъ сосѣднихъ славянскихъ же колѣнъ, всецѣло подчиняясь политикѣ Византіи, которая изъ Солуни внимательно слѣдила за славянами, пользуясь ихъ сравнительной слабостью и разобщенностью, и по мѣрѣ надобности вызывала къ себѣ охотниковъ изъ нихъ для переселенія въ мало заселенныя области. Въ такомъ же, конечно, положеніи было племя дреговичей, съ которыхъ собирали дань болгаре по переселеніи ихъ за Дунай, и которые были едва ли не первыми, подчинившимися господству болгаръ. Сюда же слѣдуетъ отнести извѣстіе о племени велесичей въ Ѳессаліи на Пагасейскомъ заливѣ, куда солунскіе греки, осажденные славянами и терпящіе отъ недостатка продовольствія, посылаютъ свои корабли за съѣстными припасами и за сушеными фруктами.

Въ то время, какъ славяне осаждаютъ Солунь, граждане осажденнаго города находятъ помощь у другихъ славянъ, состоящихъ съ ними въ мирѣ!—Эти извѣстія бросаютъ яркій свѣтъ на политическія отношенія того времени и на занятое славянами положеніе: они устроились совсѣмъ по-домашнему и естественно обречены были на постепенное поглощеніе высшей культурой. Префектъ провинціи Иллирика, имѣвшій въ то время пребываніе въ Солуни, пользовался славянскими колѣнными старшинами какъ средствомъ, чтобы держать въ границахъ подчиненности славянскія племена. Прекрасная иллюстрація къ этому дана въ сказаніяхъ о Куверѣ. Подобно другимъ варварскимъ вождямъ, Куверъ стремился захватить Солунь и Константинополь. Этотъ предводитель соединенныхъ болгарскихъ и славянскихъ дружинъ находится въ тѣсномъ сближеніи съ константинопольскимъ дворомъ, носитъ титулъ патрикія, какъ Ѳеодорихъ остготскій, и собираетъ дань съ дреговичей. Недовольный, однако, прі-

обрѣтенными отъ имперіи уступками, онъ составилъ обширный планъ захватить Солунь и сдѣлать ее базой для дальнѣйшихъ предпріятій противъ имперіи. Дабы держать въ тайнѣ этотъ планъ, Куверъ избираетъ для его выполненія своего подручника въ лицѣ нѣкоего Мавра, также полуобразованнаго варвара, знающаго греческій, славянскій и болгарскій языки. — Предпріятіе, однако, не удалось, такъ какъ къ Солуни подошелъ небольшой отрядъ флота, который возстановилъ въ городѣ авторитетъ правительства. Но Мавръ, тѣмъ не менѣе, остается внѣ всякаго подозрѣнія, онъ становится во главѣ здѣсь же навербованной изъ охочихъ людей славянской колоніи и, поставленный во главѣ славянъ въ качествѣ ихъ князя и пожалованный титуломъ ипата, поселяется во Ѳракіи. О судьбѣ Мавра и выведенной имъ славянской колоніи мы имѣемъ лишь случайно брошенное замѣчаніе, что впослѣдствіи отъ сына этого Мавра поступилъ доносъ о замыслахъ отца на захватъ Солуни [1]).

Сдѣланными здѣсь общими замѣчаніями о славянахъ въ предѣлахъ имперіи въ VI в. мы имѣли цѣлью дать руководящія основанія для сужденія о роли славянъ въ исторіи Византіи. Все несчастье славянъ было въ томъ, что при встрѣчѣ съ Византіей они оказались слишкомъ слабыми въ политическомъ отношеніи и мало подготовленными въ культурномъ смыслѣ. Ихъ увлекли роскошь и богатство городовъ; они склонны были желать захватить ихъ силой, но они были весьма далеки отъ идеи культурныхъ заимствованій, которыми обусловливается духовное и матеріальное преуспѣяніе. — Въ слѣдующихъ главахъ, вводя исторію славянъ въ изложеніе событій византійской исторіи, мы будемъ имѣть случай подробно ознакомиться съ исторіей вторженій славянъ въ предѣлы имперіи. Несмотря на повышенный тонъ византійской хроники, мы всякій разъ должны представлять себѣ дѣйствительность въ болѣе скромномъ видѣ. Славяне двигались не такими стройными отрядами, какъ германцы, а небольшими партіями, часто съ семьями и скотомъ, и захватъ свободныхъ земель былъ, повидимому, главной цѣлью передвиженій. Для всего послѣдующаго развитія роковой смыслъ имѣло то обстоятельство, что въ VI в. славяне въ соприкосновеніи съ Византіей не успѣли достигнуть ни политической организаціи, ни

[1]) Подробности въ моей статьѣ, помѣщенной въ „Извѣстіяхъ Русскаго Археологическаго Института“, т. XIV, стр. 48, 57.

матеріальнаго усовершенствованія и въ своихъ отношеніяхъ съ имперіей были руководимы лишь случайными капризами и личными выгодами стоявшихъ во главѣ ихъ подкупленныхъ Византіей колѣнныхъ старшинъ.

Оттого въ ихъ исторіи VI вѣка много шума, а мало дѣла. Моментъ, которымъ такъ удачно и счастливо воспользовались въ V в. германцы, основавъ свои государства на развалинахъ Западной имперіи, былъ упущенъ славянами, а время ихъ наибольшаго напора на Византію совпадало какъ-разъ съ эпохой наивысшаго подъема всѣхъ силъ сложившагося Византинизма при Юстиніанѣ I. Такъ прошелъ почти безслѣднымъ въ культурномъ отношеніи первый періодъ вступленія славянъ въ соприкосновеніе съ Византіей; въ политическомъ же смыслѣ VI вѣкъ имѣлъ роковыя послѣдствія, наложивъ печать на все послѣдующее развитіе славянскаго племени.

